

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и РАБОТЫ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ и ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ,
издаваемыя подъ редакціей П. Б. СТРУВЕ.
Выпускъ III.

Петръ Струве.

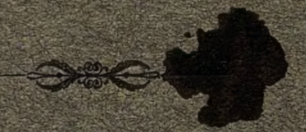
ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія
по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

Часть первая.

Хозяйство и общество.—Цѣна-цѣнность.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ-МОСКВА.
1913.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА, КУДРИНСКАЯ САДОВАЯ, д. № 6, кв. 6.

NATIONALÖKONOMISCHE und SOZIALWISSENSCHAFTLICHE
FORSCHUNGEN
herausgegeben von PETER STRUVE.
Heft III.

Peter STRUVE.

WIRTSCHAFT und PREIS.

Forschungen zur Theorie und Geschichte des wirtschaftlichen Lebens.

Teil I.

Ueber einige grundlegende formative Motive im nationalökonomischen Denken — Wirtschaft und Gesellschaft—Preis-Wert.

VERLAG VON
W. P. Rjabuschinski.

St. Petersburg-Moskau,
1913.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и РАБОТЫ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ и ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ,
издаваемыя подъ редакціей П. Б. СТРУВЕ.
Выпускъ III.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

Часть первая.

Хозяйство и общество.—Цѣна-цѣнность.

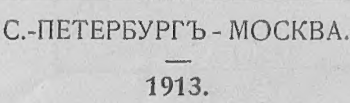

С.-ПЕТЕРБУРГЪ - МОСКВА.

1913.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
49 Гороховая 49

Предисловіе къ первой части.

Отдѣлъ III „Хозяйства и цѣны“—„Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи“—настолько разросся подъ моими руками, что я, не желая задерживать опубликованіе первыхъ двухъ, уже давно печатающихся, отдѣловъ книги, задуманной около 15 лѣтъ тому назадъ, рѣшилъ раздѣлить всю работу на двѣ части.

Вторая часть, уже написанная и отчасти сданная въ наборъ, если только состояніе моего здоровья позволитъ это, въ самомъ недалекомъ будущемъ послѣдуетъ за первой. Къ ней будутъ присоединены всѣ экскурсы, index locorum, предметный указатель и указатель литературныхъ именъ и цитатъ ко всей книгѣ.

Нѣкоторыя части предлагаемыхъ изслѣдованій—отчасти со сверстанныхъ листовъ, отчасти до приступа къ печатанію всей книги—были опубликованы въ видѣ отдѣльныхъ статей, но всякій разъ—какъ части нѣкотораго большого и цѣльнаго плана. Это прежде всего относится къ первой главѣ отдѣла I: въ основу ея легло первое, оставшееся незаконченнымъ, изложеніе моихъ теоретическихъ взглядовъ, которое было напечатано въ журналѣ „Жизнь“ за 1900 г. и было задумано какъ большая систематическая работа. „Введеніе“ составилось изъ переработки 1) русской статьи, напечатанной въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехни-

ческаго Института" (отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ) за 1908 г., и 2) части нѣмецкой статьи, помѣщенной въ журналѣ „Logos" [Band I (1910/1911), Heft 3; та же статья въ русскомъ „Логосѣ" за 1911 г., книга первая].

Глава вторая отдѣла I была, со сверстанныхъ листовъ книги, напечатана въ „Вопросахъ философіи и психологіи" за 1910 г. (сентябрь-октябрь) и въ сборникѣ, поднесенномъ Л. М. Лопатину къ тридцатилѣтію его научно-педагогической дѣятельности отъ Московскаго Психологическаго Общества (Москва, 1912 г.).

Глава первая отдѣла II была, также со сверстанныхъ листовъ книги, напечатана въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института" за 1911 г.

Нѣкоторыя, небольшія по объему, части обширной второй главы отдѣла II были, со сверстанныхъ листовъ книги, напечатаны въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1913 г. (апрѣль).

Долгомъ своимъ считаю теперь же выразить глубокую благодарность: моимъ коллегамъ—В. Б. Ельяшевичу, который прочелъ въ корректурѣ почти всѣ листы книги и сдѣлалъ мнѣ рядъ цѣнныхъ критическихъ указаній, и М. А. Дьяконову, который просмотрѣлъ въ корректурѣ листы, относящіеся къ проблемѣ „указной" цѣны въ русскомъ правѣ, а также моему бывшему слушателю С. В. Бернштейнъ-Когану и моей бывшей слушательницѣ Н. И. Шиловой—они оба оказали мнѣ неоцѣнимыя услуги при кропотливой предварительной подготовкѣ разбросаннаго матеріала и при чтеніи сложныхъ корректуръ.

Авторъ.

Май 1913 г.

ДОРОГОЙ ПАМЯТИ

ОТОШЕДШАГО БРАТА

Василія Бернгардовича Струве.

Содержаніе первой части.

ВВЕДЕНІЕ.

О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія.

Предлагаемыя критическія изслѣдованія не преслѣдуютъ т. н. историко-литературныхъ задачъ, они не желаютъ давать Dogmengeschichte. Ихъ задачи историческія и — еще болѣе — систематическія. Но всякая попытка пересмотра основныхъ проблемъ и положеній такой науки, какъ политическая экономія, не можетъ не отправляться, въ извѣстномъ смыслѣ, отъ обильнаго фонда исторически сложившихся существующихъ воззрѣній. Болѣе того, такая попытка сама по себѣ, даже если бы авторъ стремился quand même къ оригинальности, что, замѣтимъ въ скобкахъ, было бы признакомъ большой неоригинальности, неизбѣжно будетъ представлять развитіе и комбинацію тѣхъ или иныхъ уже обнаружившихся въ наукѣ идейныхъ мотивовъ. Поэтому, нашимъ критическимъ и систематическимъ разсужденіямъ мы считаемъ нужнымъ предпослать обзоръ и освѣщеніе тѣхъ общихъ философскихъ мотивовъ, которые господствуютъ въ экономическомъ мышленіи и его направляютъ. При этомъ, однако, мы понимаемъ философскіе мотивы экономическаго мышленія не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они обычно трактовались до сихъ поръ. Мы не будемъ прослѣживать эволюцію и комбинацію тѣхъ философскихъ идей политической экономіи, которыми занимались

Бонаръ [1]) и Гасбахъ [2]). Насъ интересуютъ не этическія предпосылки политической экономіи и связь ея съ государственной наукой, а тѣ общіе, мы бы сказали, формативные мотивы экономическаго мышленія, которые отливали и отливаютъ экономическую мысль въ извѣстные типы и направляли и направляютъ ее по извѣстнымъ русламъ. Съ философскими системами въ общепринятомъ смыслѣ эти идейные мотивы вовсе не всегда совпадаютъ. Кромѣ того, часто они входятъ въ систематическія построенія и самой философіи, и политической экономіи даже какъ ихъ совершенно неосознанные и неосмысленные элементы. И если мы считаемъ нужнымъ съ точки зрѣнія этихъ мотивовъ разсмотрѣть и охарактеризовать развитіе экономической мысли, то именно потому, что наша задача съ самаго начала является не историко-литературной, а систематической. Размышленія по существу надъ одной изъ основныхъ проблемъ теоріи политической экономіи, надъ проблемой цѣны и цѣнности, навели насъ, такъ сказать, на слѣдъ этихъ мотивовъ и обнаружили ихъ значеніе.

На первыхъ порахъ или на первыхъ шагахъ всякая наука и всякое наукообразное размышленіе, повидимому, бываетъ запечатлѣно тѣмъ свойствомъ, которое присуще концепціи, въ теоріи познанія получившей обобщающую кличку «наивнаго реализма». Точка зрѣнія «наивнаго реализма» можетъ быть, правда, и конечнымъ пунктомъ развитія науки, которая можетъ, путемъ сложной и трудной критической работы, прійти къ тому результату, что наивное признаніе даннаго непосредственному сознанію есть въ то же время самое или, вѣрнѣе, единственное научное отношеніе къ предмету. Но мы говоримъ не объ этомъ критическомъ

---

[1]) James Bonar. Philosophy and political economy in some of their historical relations. London 1893, pp. 410. Ср. также David Ritchie. Natural Rights. A Criticism of some political and ethical conceptions. London 1895, pp. 300.

[2]) Wilhelm Hasbach: 1) Die allgemeinen philosophischen Grundlagen d. von Quesnay u. A. Smith begründeten politischen Oekonomie. Leipzig 1890, pp. 177. 2) Untersuchungen über Adam Smith. Lpg. 1891. pp. 440.

наивномъ реализмѣ, а о первичной, или элементарной формѣ этого возрѣнія. Въ развитіи политической экономіи эта первичная форма обрисовывается тогда, когда экономическая наука выступаетъ какъ самостоятельная отрасль знанія, когда она дифференцируется отъ философіи и создаетъ („конституируетъ") свой собственный объектъ. Это конституированіе стоитъ въ связи съ новѣйшимъ экономическимъ развитіемъ, съ развитіемъ „народнаго хозяйства" на основѣ той государственной политики, которую принято называть меркантилизмомъ. Богатство, цѣнность, деньги становятся самостоятельными категоріями, реальными, самодовлѣющими сущностями. Экономическимъ размышленіямъ древнихъ и въ частности Аристотеля такое превращеніе «экономическаго» въ самостоятельный объектъ и такое трактованіе экономическихъ категорій, какъ самостоятельныхъ объектовъ, совершенно чуждо. Въ связи съ этимъ стоитъ и то замѣчательное явленіе, что именно новѣйшее время открываетъ Аристотеля какъ экономическое явленіе [3]). Т. н. «субъективное» или «психологическое» направленіе въ политической экономіи подняло «аристотелевскую» нить, поскольку оно отъ экономики отошло къ ея корнямъ, лежащимъ въ психологіи, поскольку оно философствуетъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ прежніе экономисты не задумывались [4]). Несомнѣнно, что Аристотель не видѣлъ и не понималъ многаго даже въ современной ему экономической дѣятельности, но, въ силу занимаемой имъ болѣе высокой философской позиціи, онъ также многое видѣлъ яснѣе, чѣмъ тѣ, кто стоялъ потомъ ближе къ непосредственно даннымъ, чисто «экономическимъ», фактамъ. Тоже въ меньшей степени приложимо къ Гоббсу и даже (въ

[3]) Ср. въ особенности Oskar Kraus. Die Aristotelische Werttheorie etc. въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft 1905, 4 Heft, а также Johann Zmavç: 1) Die Geldtheorie u. ihre Stellung innerhalb d. wirtschaftlichen und staatswissenschaftlichen Anschauungen d. Aristoteles въ Z. f. d. g. St. 1902, 1 Heft. 2) Die Werttheorie d. Aristoteles u. Thomas v. Aquino въ Archiv f. Geschichte d. Philosophie XII Band.

[4]) Ср. въ особенности цитированную въ предыдущемъ примѣчаніи статью Оскара Крауса.

еще меньшей степени) къ Локку, который былъ уже не только философомъ, но и спеціалистомъ по отдѣльнымъ экономическимъ вопросамъ своего времени [5]).

Итакъ, если начать разсмотрѣніе исторіи политической экономіи съ концепцій т. н. «меркантилизма», то нельзя не замѣтить, что исходной точкой экономическихъ размышленій является своего рода «наивный реализмъ» и что дальнѣйшая эволюція сводится къ медленному разрушенію и разложенію «наивныхъ» понятій, лежащихъ въ основѣ первоначальныхъ сооруженій политической экономіи. Процессъ этотъ весьма сложный. Съ одной стороны онъ исторически переплетается съ эволюціей идей и фактовъ экономической политики, которая, на первыхъ ступеняхъ развитія экономической мысли, совершенно сливается съ теоріей. Такъ, наивное представленіе, которое долгое время неправильно считалось самымъ характернымъ для меркантилизма, что деньги суть богатство κατ' ἐξοχήν [6]), вытекло изъ фискальной политики денежнаго баланса, стремившагося мѣрами прямого регулированія направлять въ каналы даннаго государственнаго цѣлаго или въ нихъ удерживать денежный металлъ [7]). Богатство денежное, всего рѣзче бросавшееся въ глаза, уже въ предѣлахъ т. н. меркантилизма, если можно говорить о «предѣлахъ» меркантилизма, было оттѣснено изъ поля зрѣнія другой менѣе видимой, хотя тоже вполнѣ вещной, формой—богатствомъ товар-

[5]) О Локкѣ см. статью Ритчи и Бонара въ Palgrave. Dictionary of political economy. W. Roscher. Z. Geschichte d. englischen Volkswirtschaftslehre im sechszehnten u. siebzehnten Jahrhundert (Abhandlungen d. Kgl. Sächsischen Gesellschaft d. Wissenschaften. III Band. Lpg. 1857, p. 47—53).

[6]) Ср. въ особенности рѣчь Бидермана: H. Bidermann. Ueber den Merkantilismus. Innsbruck 1870, pp. 58, а также Schmoller. Das Merkantilsystem in seiner historischen Bedeutung въ Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs-, Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte Leipzig 1898. Далѣе H. Schacht. Der theoretische Gehalt des englischen Merkantilismus. Diss. Berlin 1900. A. Schatz. L'individualisme économique et social. Paris 1907.

[7]) Ср. Schanz. Englische Handelspolitik. Янжулъ. Англійская свободная торговля. Schmoller, Grundriss.

нымъ. Дальнѣйшимъ этапомъ въ удаленіи отъ непосредственно даннаго наивному сознанію является ученіе физіократовъ о produit net. Однако въ тоже время въ извѣстномъ смыслѣ это ученіе, наоборотъ, являетъ собой завершеніе и наиболѣе яркое выраженіе наивно-реалистической, «вещной», «объективной» точки зрѣнія въ пониманіи богатства. Физіократы, какъ извѣстно, созданіе чистаго продукта приписывали одному лишь земледѣлію. Въ «естественномъ» смыслѣ, конечно, нигдѣ и никогда не создается новаго вещества. Но въ то же время несомнѣнно, что въ сельскомъ хозяйствѣ изъ одного сѣмени рождается нѣкоторое множество новыхъ, и для непосредственнаго наивнаго сознанія, prima facie считающагося съ этимъ фактомъ, въ немъ не могло не обнаруживаться коренное отличіе сельскаго хозяйства отъ другихъ видовъ экономической дѣятельности. «Производительность» сельскаго хозяйства—подъ этимъ угломъ зрѣнія—есть непосредственно данный фактъ.

Физіократическій «предразсудокъ» былъ уже давно отметенъ, когда тотъ же въ сущности мотивъ съ новой силой обнаружился въ ученіи о производительности капитала. Проблема эта до сихъ поръ занимаетъ экономическую мысль. И мы, усматривая въ теоріи производительности капитала лишь одну изъ формъ, въ которой обнаруживается въ экономическомъ мышленіи наивно-реалистическій мотивъ, этимъ указаніемъ отнюдь не предрѣшаемъ вопроса о научной цѣнности данной теоріи. Самымъ терминомъ «наивный», имѣющимъ въ нашемъ контекстѣ чисто гносеологическое значеніе, вопросъ вовсе не рѣшается.

Рядомъ съ проблемой созданія «богатства», которая до новѣйшаго времени перекрещивается и отчасти сливается съ проблемой происхожденія и природы цѣнности, выдвигается въ политической экономіи другая концепція и другая проблема—концепція и проблема распредѣленія этого богатства. Концепція богатства отправлялась отъ общественнаго или государственнаго цѣлаго, понимаемаго въ смыслѣ суммы всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ «народнаго хозяйства». Въ этомъ смыслѣ Петти говоритъ о

«Wealth of the Kingdom» [8]) и Адамъ Смитъ о «Wealth of nations» [9]). Это суммированіе отдѣльныхъ элементовъ народнаго хозяйства пролагаетъ путь концепціи «распредѣленія», которая у физіократовъ (въ лицѣ Кенэ они пытались дать ей quasi-математическую формулу въ знаменитомъ tableau économique) прямо исходитъ отъ совокупнаго общественнаго продукта, «распредѣляемаго» между соціальными «классами».

Если меркантилизмъ и физіократія, матеріализуя общественное «богатство», какъ бы суть особыя выраженія въ политической экономіи того мотива мышленія, который извѣстенъ въ философіи подъ наименованіемъ наивнаго реализма, мотива, логически соприкасающагося и психологически тѣсно связаннаго съ т. н. «матеріализмомъ», то концепція «распредѣленія» общественнаго продукта между соціальными классами есть (безсознательное, конечно) выраженіе въ политической экономіи того философскаго пониманія, которое извѣстно въ логикѣ и въ ея исторіи подъ названіемъ реализма въ его противоположеніи номинализму.

Реализмъ утверждалъ реальность общихъ понятій, «универсалій», номинализмъ считалъ ихъ простыми «именами» [nomina, flatus vocis] [10]). Споръ объ «универсаліяхъ», который возникаетъ

---

[8]) Verbum Sapienti (1664) въ Economic Writings of Sir William Petty. Edited by Ch. H. Hull, Vol. I Cambridge 1899, pp. 99—120.

[9]) Cp. Edwin Cannan. A History of the theories of production and distribution in english political economy from 1776 to 1848. 1-ое изданіе. London 1893, 2-ое изд. 1903.

[10]) Историческая литература вопроса о реализмѣ и номинализмѣ чрезвычайно велика. Кромѣ общихъ сочиненій по исторіи философіи см. двѣ новѣйшія обобщающія попытки по исторіи средневѣковой философіи: Maurice de Wulf (томистъ). Histoire de la philosophie médiévale 2-mè ed. revue et augmentée. Louvain-Paris. 1905 pp. 568 u. Fr. Picavet, Esquisse d'une histoire générale et comparée des philosophies médiévales, 2-me ed. Paris. 1905 (Alcan) pp. 367, а также статью Realism въ Dictionary of philosophy and psychology. Edited by James Mark Baldwin Vol. II New-Jork a London, 1902, и статьи Allgemeines и Gattung въ Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Historisch-quellenmässig bearbeitet von Dr. Rudolf Eisler. 2-te Auflage. Berlin 1904. Наибольшее значеніе до сихъ поръ имѣютъ классическій трудъ Prantl: Geschichte

въ связи съ истолкованіемъ извѣстныхъ мѣстъ Порфирія и Боэція, играетъ крупную роль въ исторіи схоластической философіи и теологіи: съ этимъ логически-метафизическимъ вопросомъ у схоластиковъ тѣсно связываются вопросы вѣроученія (догматъ троичности, первороднаго грѣха и т. п.).

Въ основѣ греческаго и средневѣковаго реализма лежитъ онтологическое, или метафизическое истолкованіе общихъ понятій. Реалистическая тенденція мышленія есть однако явленіе гораздо болѣе общее, чѣмъ откровенная реалистическая метафизика, какъ мы ее находимъ у Платона, Аристотеля, Іоанна Скота Эрiугены, Гильома де Шампо, Альберта Великаго, Θомы Аквината и изъ новѣйшихъ въ особенно яркой формѣ у Шеллинга и Гегеля. Реалистическая тенденція мышленія выступаетъ передъ нами и въ философіи, и въ спеціальныхъ наукахъ, какъ тенденція приписывать реальность общимъ понятіямъ, не подвергая анализу ихъ происхожденія и значенія, не подвергая ихъ «эмпирической» обработкѣ. Поэтому не только исторически, но и по существу номинализмъ тѣсно связанъ съ эмпиризмомъ [Гоббсъ, Юмъ, Милль] [11]), по крайней мѣрѣ съ той его классической или традиціонной разновидностью, которая въ новѣйшее время получила названіе «индивидуалистическаго эмпиризма» въ отличіе отъ «эмпиризма мистическаго» [12]). Но традиціонный эмпиризмъ, несмотря на его историческую и существенную связь съ но-

der Logik im Abendlande I—IV München 1855—1870 и превосходная монографія Loewe: Der Kampf zwischen dem Realismus und Nominalismus im Mittelalter. Sein Ursprung und sein Verlauf, Prag, 1876.

[11]) Одинъ изъ изслѣдователей номинализма Барахъ утверждаетъ даже: „Die nominalistische Denkweise ist notwendig zugleich individualistich und empiristisch. Und mit dieser empiristischen Richtung verbindet sich die Neigung zum Materialismus (Carl Sigmund Barach. Kleine philosophische Schriften. Neue Gesamt-Ausgabe. Wien. 1879 статья: Zur Geschichte d. Nominalismus vor Roscellin. Nach hisher unbenützen handschriftlichen Quellen der Wiener Kaiserlichen Hofbibliothek. S. 12—13). Однако Беркли былъ номиналистовъ, будучи весьма далекъ отъ матеріализма.

[12]) „Мистическій эмпиризмъ“ развиваетъ Н. Лосскій: Обоснованіе интуитивизма. Пропедевтическая теорія. СПБ. 1906 г.

миналимомъ, оперируя съ «закономъ», который въ логическомъ смыслѣ есть нѣчто родственное общему понятію, самъ въ силу этого часто обнаруживаетъ уклонъ въ сторону реализма, ибо некритическое мышленіе всегда имѣетъ тенденцію прикрѣплять идею закономѣрности къ чему-то субстанціальному, подставлять подъ законъ субстанцію. Эта тенденція некритическаго эмпиризма ведетъ къ возрожденію реализма въ нѣдрахъ самого номинализма. Такъ, метафизическій матеріализмъ несомнѣнно исторически родственен эмпиризму (и номинализму), но, съ другой стороны, онъ есть лишь одна изъ самыхъ откровенныхъ разновидностей и реализма въ логическомъ смыслѣ. Это чрезвычайно наивно выражается «пролетарскимъ» философомъ Дитцегеномъ въ его «Aquisit h. Philosophie»: «Матерія, сила, идеи, представленія, понятія, сужденія, заключенія, знанія, благодаря свѣту, внесенному нынѣ философіей, признаются лишь различными видами или разнообразіемъ одной монистической общности» [Gattung] [13]).

Вопросъ о правомѣрности реализма или номинализма въ теоріи познанія въ новѣйшее время съ особенной силой выплываетъ въ философіи [14]). Обсужденіе и рѣшеніе этого вопроса, конечно, не безразлично и для тѣхъ цѣлей нашей науки, которыя имѣются въ виду въ настоящемъ изслѣдованіи, ибо нѣтъ общихъ вопросовъ теоріи познанія, абсолютно безразличныхъ съ точки зрѣнія спеціальныхъ наукъ. Но наши указанія на роль «реалистическаго» мотива всетаки имѣютъ значеніе независимо отъ того, какому построенію, реализму или номинализму, мы отдаемъ предпочтеніе въ теоріи познанія. Даже тотъ, кто сталъ бы рѣшительно на сторону реализма, не могъ бы не считать именно позицію неосознаннаго, некритическаго реализма таящею въ себѣ опасности для эмпирическаго спеціально-научнаго изслѣдованія.

[13]) Цитирую по книгѣ Я. Бермана. Діалектика въ свѣтѣ современной теоріи познанія. Москва 1908, стр. 31.

[14]) Ср. упомянутое изслѣдованіе Н. О. Лосскаго часть II, глава третья, „Общее и индивидуальное", а также Husserl. Logische Untersuchungen. Zweiter Teil. Halle 1901. SS. 106—221. Весьма глубокія замѣчанія у L. William Stern Person u. Sache I. Leipzig 1906 S. 359 u. ff.

Одно—реализмъ, какъ чисто гносеологическое построеніе, опирающееся на имманентную теорію познанія, другое—реализмъ, сочетающійся съ матеріализмомъ, или, точнѣе, съ матеріалистической метафизикой и съ соотвѣтствующей ей чисто трансцендентной теоріей познанія. Допуская, что «общее» въ сужденіяхъ, представленіяхъ, понятіяхъ есть «общее» и въ вещахъ, т. е. есть нѣчто реальное, мы тѣмъ болѣе обязываемся подвергать «общее» въ сужденіяхъ и понятіяхъ тщательной провѣркѣ путемъ сравнивакія и дифференцированія, ибо въ такомъ случаѣ «общія» понятія имѣютъ не только вспомогательное, или символическое значеніе, а призваны выражать дѣйствительность.

То, что мы обычно называемъ «индивидуальнымъ» или «частнымъ», «наблюдается нами съ величайшей ясностью и отчетливостью», тогда какъ «общее» или «наиобщее»—«дифференцируется въ нашемъ сознаніи очень несовершенно и потому наблюдается съ величайшимъ трудомъ» [15]). Опасность некритическаго реализма въ теоріи познанія заключаются именно въ томъ, что смутное «наиобщее» принимается, безъ надлежащей обработки, за наивысшую «реальность».

[15]) Ср. Лосскій, l. c. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что „даже въ моментѣ воспріятія, имѣя въ сознаніи высоко дифференцированное, отчетливое представленіе, мы усматриваемъ такія стороны вещей, которыя общи у нея съ многими другими вещами, такъ что наше представленіе цѣликомъ или отчасти неразличимо сходно съ представленіемъ о нѣкоторыхъ другихъ вещахъ“ (стр. 266, курсивъ мой). Это значитъ, что „именно тѣ стороны дѣйствительности, которыя наблюдаются съ величайшею ясностью и отчетливостью, и несомнѣнно находятся налицо въ сужденіи и въ воспріятіи, относятся къ области общаго и только вслѣдствіе ряда недоразумѣній принимаются за индивидуальное, тогда какъ настоящее индивидуальное, абсолютно индивидуальное наблюдается и опознается съ величайшимъ трудомъ“ (стр. 264, курсивъ автора). Иначе говоря, „въ человѣческомъ сознаніи на его теперешней ступени развитія наиболѣе отчетливо дифференцировалось только средне-общее содержаніе дѣйствительности (и оно-то по недоразумѣнію принимается за индивидуальное), а наиобщее такъ же, какъ и индивидуальное, дифференцируется въ нашемъ сознаніи очень несовершенно и потому наблюдается съ величайшимъ трудомъ“ (тамъ же, курсивъ автора).

Есть два вида общаго въ отношеніи къ частному. Общее въ явленіяхъ можетъ быть «отвлеченіемъ» отъ частныхъ явленій ихъ «абстракціей», ихъ дестилятомъ, или вытяжкой. Такое «общее» находится или помѣщается въ каждомъ частномъ. Это общее больше по логическому «объему» частнаго и бѣднѣе его по «содержанію».

Выражаясь алгебраически, такое общее есть общій множитель частныхъ явленій: $a\ (b+c+d+e)$.

Но можетъ быть и иное «общее». Не оно помѣщается въ каждомъ частномъ, а каждое частное помѣщается въ немъ. Его нельзя сравнивать по логическому «объему» съ частнымъ, но по содержанію оно гораздо богаче каждаго реально объемлемаго имъ частнаго. Это общее правильнѣе называть цѣлымъ. Очевидно, что эти два вида «общаго» не тождественны, но также очевидно, что по отношенію къ нимъ обоимъ можетъ ставиться и ставился «реалистическій» вопросъ. По отношенію ко второму виду «общаго» вопросъ объ его реальности рѣшается сравнительно легко, такъ какъ въ данномъ случаѣ это общее, или цѣлое есть сумма реальныхъ частныхъ. Возникаютъ только вопросы: что представляетъ такое общее, или цѣлое, есть ли оно простая сумма частныхъ элементовъ, или же оно есть система ихъ взаимодѣйствія, или же, наконецъ, въ немъ слѣдуетъ видѣть органическое, индивидуальное живое единство, если не независимое отъ своихъ «частныхъ», или частей, то, во всякомъ случаѣ, своеобразно ихъ опредѣляющее? Соціологія въ лицѣ общественно-психическихъ «единствъ» имѣетъ дѣло именно съ такими «общими», или «цѣлыми», и, въ зависимости отъ взгляда на отношеніе этихъ цѣлыхъ къ ихъ «частнымъ», или «частямъ», мы можемъ различать соціологическій реализмъ и соціологическій номинализмъ. Проблемы, ставимыя столкновеніемъ этихъ двухъ соціологическихъ построеній, суть проблемы, формально и по существу соприкасающіяся съ гносеологическимъ разногласіемъ реалистовъ и номиналистовъ. Это обнаруживается въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ понятіямъ «родъ» и «родовой» въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ. Родъ (Gattung) образуетъ совокупную индивидуальность, цѣлое, и въ

то же время «родовое» означаетъ то общее, что есть въ индивидахъ, и сохраненіе рода означаетъ сохраненіе одновременно и «реальнаго цѣлаго» и «родового общаго».

Въ общественной наукѣ реалистическій уклонъ мысли сказывается прежде всего въ томъ, что самая система психическихъ отношеній между людьми, каковою является общество, разсматривается не только какъ реальное цѣлое, не только какъ сумма или система но мыслится какъ особое живое единство, какъ существо. Такія понятія, какъ общество, классъ, являются или, во всякомъ случаѣ, легко становятся какъ бы «универсаліями» соціологическаго мышленія [16]). Они легко «гипостазируются».

И тутъ мы возвращаемся къ политической экономіи и концепціи распредѣленія въ ней.

Въ политической экономіи былъ и есть своего рода «реализмъ» и своего рода «номинализмъ». Противоположности въ области логики: реализмъ—номинализмъ въ области нашей спеціальной науки родственна и съ нею сплетается и перекрещивается противоположность: универсализмъ — сингуляризмъ [17]). Нѣкоторыя формы универсалистическаго пониманія въ области политической экономіи сознательно или безсознательно опираются на извѣстнаго рода реализмъ понятій.

Какъ ни различенъ ходъ мысли тѣхъ экономистовъ, которые, начиная съ Кантильона и Кенэ, трактуютъ о «распредѣленіи»,— они всѣ во власти соціологическаго реализма, безбоязненно оперирующаго съ понятіями общественнаго цѣлаго и общественныхъ классовъ, т. е. во власти универсалистическаго пониманія. Это вовсе, какъ мы уже отмѣтили, не значитъ, чтобы логическій реализмъ былъ въ данномъ случаѣ сознаннымъ мотивомъ мыш-

---

[16]) По существу мы оставляемъ здѣсь открытымъ общій вопросъ, въ какомъ смыслѣ правомѣренъ такой соціологическій реализмъ. См. однако Отдѣлъ I, Главу первую, стр. 39—41.

[17]) Термины универсализмъ и сингуляризмъ я заимствую у Гете Ueber Naturwissenschaft. Einzelne Betrachtungen und Aphorismen I въ Sprüche in Prosa.

ленія. Наоборотъ. Философскимъ отцомъ экономической концепціи «распредѣленія» былъ, повидимому, самый яркій номиналистъ—Гоббсъ. Для него распредѣленіе было нормой, закономъ «искусственнаго человѣка», государства. «The distribution of the materials of this nourishment is the constitution of Mine, and Thine, and His, that is so say, in one word Ptopriety and belongeth in all Kinds of Common-Wealth to the Severaign Power. For Where there is no Common-Wealth, there is (as hath been already shewn) a perpetuall warre of every man against his neighbour; and therefore every thing is his that getteth it and keepeth it by force; which is neither Propriety, nor Community, but Uncertainity. Which is so evident, that even Cicero (a passionate defender of Liberty) in a publique pleading (далѣе слѣдуютъ цитаты изъ Цицерона)...... Seeing therefore the introduction of Propriety is an effect of Common-Wealth; which can do nothing but by the person that represents it, it is the act onely of the Soveraign; and Consisteth in the Laws, which none can make that have not the Soveraign Power. And this they well knew, of old, who called that Νόμος (that is to say Distribution) which we call Law; and defined justice by distributing to every man his own»[18]).

Цитированныя разсужденія Гоббса явно восходятъ, съ одной стороны, къ ученію римскихъ юристовъ о томъ, что justitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuens (или: juris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere), съ другой стороны,—къ ученію Аристотеля о справедливости. Есть, впрочемъ, всѣ основанія думать, что и

[18]) Leviathan. Part II. Chapter 24. Цитировано по изданію A. R. Waller'a. Cambridge (University Press). 1904. Объ экономическихъ идеяхъ Гоббса см. W. Roscher. Z. Geschichte d. englischen Volkswirtschaftslehre im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert (Abhandlungen d. Kgl. Sächsischen Gesellschaft d. Wissenschaften III Band). Lpg. 1857, p. 47—53. Cunningham Growth of Englisch industry. Bonar. Philosophy a. political economy pp. 78—90, статья F. C. M. въ Palgrave Dictionary и F. Tönnies. Hobbes, Sein Leben u. Lehre. Stuttgard 1896, pp. 217—219.

формула римскихъ юристовъ сложилась подъ вліяніемъ аристотелевской философіи [19]).

Съ другой стороны въ ученіи Аристотеля о справедливости, изложенномъ въ Никомаховой Этикѣ, мы имѣемъ передъ собой тотъ источникъ, изъ котораго вообще выросла самая форма экономическаго ученія о распредѣленіи. И потому мы должны здѣсь остановиться на аристотелевскомъ ученіи о справедливости.

Аристотель, какъ извѣстно, различаетъ общую и особенную справедливость и въ предѣлахъ послѣдней справедливость распредѣляющую (распредѣлительную) и справедливость уравнивающую (уравнительную). Первую онъ относитъ къ общественному цѣлому, которое распредѣляетъ почести или матеріальныя блага между своими членами; вторую къ общенію гражданъ между собою и, въ частности, къ добровольному экономическому общенію ихъ другъ съ другомъ, или обмѣну. Такимъ образомъ, распредѣленіе, какъ таковое, какъ дѣленіе, и полученіе благъ въ процессѣ обмѣна рѣзко отграничиваются Аристотелемъ одно отъ другого, тогда какъ Гоббсъ, какъ мы уже видѣли, смѣшиваетъ ихъ воедино.

Совершенно ясно, что Аристотель занимаетъ тутъ сингуляристическую позицію, а Гоббсъ—универсалистическую. И мы можемъ сказать, что въ концепціи Гоббса заключалась въ зародышѣ не только по формѣ, но и по существу вся столь характерная для политической экономіи концепція распредѣленія общественнаго продукта между соціальными классами. Неслучайно тутъ чисто, повидимому, номиналистическая фикція «искусственнаго человѣка» прокладываетъ путь реалистической концепціи общества и соціальныхъ классовъ. Ибо уже въ самой конструкціи государства какъ нѣкоего существа, какъ «искусственнаго чело-

[19]) Ср. Richard Loening. Geschichte der strafrechtlichen Zurechnungslehre. I. Die Zurechnungslehre des Aristoteles. Jena 1903 SS 31—33. О вліяніи Аристотеля и перипатетической школы на римскую юриспруденцію см. вообще Paul Sokolowski. Die Philosophie im Privatrecht. Sachbegriff und Körper etc. Halle a. S. 1902, S. 10 ff.

вѣка», содержится уклонъ въ сторону реалистическаго представленія общественнаго цѣлаго, въ сторону его персонификаціи. Персонификація государства можетъ, конечно, оставаться чисто логической или, если угодно, логически-юридической операціей—(таковой она является въ современномъ правовѣдѣніи, напр. у Іеллинека[20]), но она еще легче можетъ получить и получила на самомъ дѣлѣ тенденцію—развиваться въ чисто реалистическомъ направленіи.

Для Гоббса «распредѣленіе» было актомъ воли «искусственнаго человѣка». Это было послѣдовательно съ его софистически-эпикурейской точки зрѣнія, фактически, если не словесно отрицавшей идею «естественнаго» закона, который являлся бы въ то же время нормой человѣческихъ дѣйствій [21]). Дальнѣйшее развитіе политической экономіи опредѣлилось однако въ значительной мѣрѣ этой послѣдней идеей, черезъ стоическую философію и ея новѣйшихъ продолжателей [22]), оказавшею такое огромное вліяніе на Кенэ и Смита. У Гоббсовской концепціи распредѣленія эта идея отняла ея номиналистическую окраску и, наоборотъ, придала ей тотъ реалистическій и въ то же время натуралистическій характеръ, который такъ ярко выступаетъ у Кенэ и физіократовъ. «Искусственный человѣкъ» и «законъ» Суверена превратились въ общество, какъ естественный союзъ и въ естественный законъ, управляющій этимъ союзомъ [23]).

---

[20]) Впрочемъ, таковой ее считаютъ и у Гоббса Іеллинекъ и его ученикъ Кистяковскій. Cp. Th. Kistiakowski Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie. Berlin 1899, SS. 8—12.

[21]) Cp. Hasbach Die allgemeinen philosophischen Grundlagen etc. p. 7—11.

[22]) Cp. Hasbach l. c. 149—152. Гасбахъ, какъ мнѣ кажется, справедливо отмѣчаетъ значеніе Кумберланда и полемики его съ Гоббсомъ. Cp. Traité philosophique des loix naturelles etc. par le Docteur Richard Cumberland, depuis evêque de Peterborough. Traduit du Latin par Monsieur Barbeyrac. Amsterdam. 1744.

[23]) На философскія основы физіократизма любопытный новый взглядъ высказанъ въ работѣ Benedikt Güntzberg. Die Gesellschafts- und Staatslehre der Physiokraten. Leipzig, 1907.

Ближайшій ученикъ Гоббса въ политикѣ сэръ Вильямъ Петти [24]) не пользуется терминомъ «распредѣленіе»; но самая идея ему не только не чужда, а наоборотъ постоянно присутствуетъ въ его разсужденіяхъ, и въ то же время Петти чрезвычайно энергично настаиваетъ на идеѣ «естественнаго закона» въ экономической области. Гоббсова мысль объ экономическомъ всемогуществѣ государства ему чужда—и тутъ сказывается, помимо идейнаго вліянія естествознанія, близкое знакомство Петти съ экономической дѣйствительностью.

У Кантильона [25]) и у физіократовъ главнѣйшими экономическими проблемами являются производство, какъ общественный процессъ, и распредѣленіе совокупнаго общественнаго продукта между различными классами.

Эта проблема совершенно ясно выступаетъ у Кенэ.

Его «Анализъ экономической таблицы», опубликованный въ 1766 г. въ Journal de l'agriculture, имѣетъ подзаголовокъ: «Анализъ помѣщенной въ экономической таблицѣ ариѳметической формулы распредѣленія годичныхъ затратъ земледѣльческой націи». Въ «Объясненіи экономической таблицы» 1758 г. выясняется, между прочимъ, «распредѣлительный порядокъ потребленія сырыхъ матеріаловъ (разными) классами гражданъ»: Tel est l'ordre distributif de la consommation des productions du cru entre les classes de citoyens [26]).

У послѣдователей Кенэ, развивавшихъ и популяризовавшихъ его взгляды, точка зрѣнія «распредѣленія» совокупнаго обще-

---

[24]) О вліяніи Гоббса на Петти см. Lord Edmond Fitzmaurice. The life of Sir William Petty, London 1895 и Ch. H. Hull въ его Introduction къ Economie Writings Петти. Книги — W. L. Bevan. Sir William Petty. A study in English Economic Literature, Publication of the American Economic Association. London, 1894. Maurice Pasquier. Sir William Petty, ses idées economiques Paris. 1903,—не имѣютъ самостоятельнаго значенія.

[25]) Essai sur nature du commerce en général. Traduit de l'anglois. A Londes 1755. Reprinted for Harvard University 1892.

[26]) Tableau économique. Reproduced in facsimile for the British Economic Association. London 1894 p. IV.

ственнаго продукта получаетъ дальнѣйшее развитіе. Такъ аббатъ Бодо въ своемъ «Объясненіи экономической таблицы», отличающемся замѣчательной ясностью и изяществомъ[27]) въ особой главѣ (III) разсматриваетъ «годичное производство и его распредѣленіе» (Des productions annuelles et de leurs distribution). Въ этой главѣ мы читаемъ (§ 11): «Всякое общество дѣлится на три класса, которые характеризуются своимъ отношеніемъ, болѣе или менѣе непосредственнымъ, къ сбору естественныхъ произведеній, составляющихъ либо средства существованія, либо сырой матеріалъ».

Процессъ обращенія разсматривается Бодо такъ же, какъ система отношеній между классами (ch. IV. De la circulation de l'argent entre les trois classes de la Société): «денежное обращеніе» есть «средство, которымъ производится большая часть распредѣленія и потребленія въ благоустроенныхъ государствахъ».

«Первому владѣльцу предметовъ потребленія, конечно, принадлежитъ право выпускать подъ эти предметы бумаги на предъявителя (de tirer sur cette masse des billets au porteur) совершенно вѣрныя бумаги, чеки, могущіе быть реализованными тотчасъ и по желанію» [28]).

«Такимъ образомъ, производительному (т. е. земледѣльческому П. С.) классу прежде всего достается собственность на средства существованія и сырье, являющіяся плодами его авансовъ и его трудовъ».

«Производительный классъ, стало быть, долженъ быть разсматриваемъ, какъ первый распредѣлитель всѣхъ образующихся денегъ, составляющихъ въ настоящее время національное достояніе» (C'est donc la classe productive, qu'il faut considérer comme

---

[27]) Оно написано для Madame * * * въ 1767 году. Перепечатка его находится въ сборникѣ Daire „Physiocrates", t. II 822—867.

[28]) Mandats, acquittables sur-le-champ et à volonté. Здѣсь въ оригиналѣ непереводимая игра словъ.

première distributrice de tout l'argent circulant, qui forme actuellement le pêcule national. Курсивъ мой. П. С.) [29]).

Какъ уже явствуетъ изъ приведенныхъ нами выдержекъ, несмотря на свою универсалистическую (реалистическую) концепцію процессовъ производства» и «распредѣленія», концепцію, отправляющуюся отъ общества, какъ субъекта этихъ процессовъ, физіократы отдаютъ обильную дань и сингуляристической (номиналистической) постановкѣ вопроса въ духѣ Аристотеля [30]). Соотвѣтственно этому самый терминъ «распредѣленіе» постоянно мѣняетъ у нихъ свой смыслъ и часто подъ этимъ названіемъ имъ рисуется просто тотъ механизмъ обмѣна, который Аристотель подводитъ подъ схему «уравнительной» справедливости. Всѣхъ менѣе изъ физіократовъ склонялся къ реалистической концепціи авторъ Reflexions sur la formation et la distribution des richesses—Тюрго. И Смитъ, который озаглавилъ первую книгу своего «изслѣдованія»: of the causes of improvement in the pro-

[29]) „La science de la vie humaine ou la science économique n'est autre chose que la connoissance des voies naturelles de la distribution, de la part de tous et de chacun". Abregé des principes de l'economie politique. A Carlsrouh chez Michel Macklot Libraire et imprimeur de la Cour 1786, p. 22. Тамъ же p. 23—24 подъ заголовкомъ „Classes soziales": „Une societé est complette, quand elle se montre et se maintient composée de trois classes: 1. Classe productive. 2. Classe proprietaire. 3. Classe stérile. .. ce ne sont point proprement les hommes qu'on distingue ici, mais leurs travaux". Тамъ же, p. 25, подъ заголовкомъ „Distribution": „La division de la société en trois classes est necessaire pour discerner la marche des rapports des hommes entre eux, pour demêler les droits et les devoirs de chacun d'eux et pour former de la masse bien eclairée de leurs interêts particuliers l'interêt commun social, l'interet unique et general de l'humanité. Il ne sauroit y avoir de distribution sans évaluation". Это „Abrégé des principes de l'economie politique" принадлежитъ маркграфу Карлу Баденскому. См. Knies. Karl Friedrichs von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau u. Dupont. Heidelberg 1892. II. p. 55—61. Abrégé было первоначально напечатано въ „Ephémérides du citoyen" за 1772 г.

[30]) Если можно говорить о сингуляристической постановкѣ проблемы распредѣленія, ибо, съ сингуляристической точки зрѣнія, самой этой проблемы собственно, говоря, для экономическаго разсужденія не существуетъ. Объ этомъ мы будемъ говорить во второй части нашей книги.

ductive powers of labour, and of the order according to which its produce is naturally distributed among the different ranks of the people, разсматриваетъ поставленную имъ проблему соціальнаго распредѣленія мимоходомъ и въ поистинѣ первобытномъ смѣшеніи съ проблемой образованія цѣны и цѣнности въ процессѣ обращенія. Реалистическая постановка проблемы «распредѣленія» совокупнаго общественнаго продукта между общественными классами оказывается лишь анонсомъ или обѣщаніемъ, фактически же изслѣдуется образованіе цѣнъ и доходовъ въ процессѣ обращенія.

Ту же проблему, что и Смитъ, ставитъ себѣ Рикардо. «Продуктъ земли—такъ начинаетъ Рикардо предисловіе къ своимъ «Началамъ политической экономіи»,—все что берется съ поверхности ея соединеннымъ примѣненіемъ къ дѣлу труда машинъ и капитала, раздѣляется между тремя классами общества, а именно: землевладѣльцемъ, владѣльцемъ денегъ, или капитала, необходимаго на обработку ея, и рабочими, трудомъ которыхъ она воздѣлывается. Но пропорціи, въ которыхъ весь продуктъ земли раздѣляется между каждымъ изъ этихъ классовъ подъ именемъ ренты, прибыли и заработной платы, значительно различаются между собою на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ даннаго плодородія почвы, отъ накопленія капитала и населенія, и отъ ловкости: способностей и орудій, употребляемыхъ въ земледѣліи. Опредѣлить законы, регулирующіе это распредѣленіе, составляетъ главную задачу политической экономіи» [31]).

Классическое завершеніе постановка проблемы распредѣленія въ духѣ универсализма=соціологическаго реализма получаетъ у Родбертуса и Маркса. Ихъ соціализмъ, во главу угла ставящій общество, есть лишь практическое выраженіе того соціологическаго реализма, который мы находимъ у Кантильона, Кенэ, Рикардо. Такимъ образомъ не только въ теоріи цѣн-

[31]) Ср. переводъ Зибера. СПБ. 1882, стр. XXI. Переводъ мною исправленъ.

ности, но и въ общей концепціи экономическаго процесса «научные соціалисты» стоятъ на плечахъ «классической школы».

Разсуждая апріорно-схематически, можно было бы предположить, что сингуляристическій (номиналистическій) мотивъ въ экономическомъ мышленіи возникаетъ въ связи съ практическими тенденціями жизни, выражающимися въ побѣдахъ, идейныхъ и практическихъ, экономическаго либерализма, объ «индивидуализмѣ», или «атомизмѣ» котораго такъ много говорили въ экономической литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, экономическій либерализмъ долженъ былъ бы, казалось, стремиться къ созданію теоріи, для которой только индивидъ являлся бы реальностью и которая такимъ образомъ носила бы сингуляристическій характеръ. Мы видѣли однако, что либеральная политическая экономія—въ лицѣ Кенэ, Смита и Рикардо—отдала въ самой постановкѣ проблемы распредѣленія и производства весьма обильную дань универсалистическому мотиву.

Относительно меркантилистовъ однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей замѣчено, что имъ въ ихъ экономическихъ размышленіяхъ присуще «коллективистически-механическое пониманіе» хозяйственной жизни: они разсматриваютъ всегда государства, какъ хозяйственныя цѣлыя, товары—цѣлыми группами, количества денегъ и товаровъ данной страны, какъ нѣкоторыя совокупности, населеніе, какъ цѣлые классы.

Это «коллективистически-механическое пониманіе» [32]) есть не что иное, какъ универсализмъ, какъ дань реалистическому мотиву.

[32]) Ср. Karl Pribram. Die Idee des Gleichgewichtes in der älteren nationalökonomischen Theorie въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. XVII Band, 1 Heft (1908), SS. 1—28. Авторъ, прослѣживая идею равновѣсія у старыхъ экономистовъ, замѣчаетъ: Es ist die Streitfrage oft erörtert worden, ob jenen Autoren des XVII und XVIII Jahrhunderts, die man—mehr gefühlsmässig als nach klarerkannten Gesichtspunkten—unter dem Namen „Merkantilisten“ zusammenzufassen pflegt, ein bestimmter Ideenkreis gemeinsam ist. Wenn die Frage in dieser Form vielleicht keine unbedingte Bejahung gestattet, eine ganz bestimmte Auffassungsweise der wirtschaftlichen Erscheinungen ist den Merkantilisten jedenfalls eigentümlich. Denn sie alle gehen in ihren Er-

Идущіе на смѣну меркантилистамъ-государственникамъ, либералы-индивидуалисты вовсе не отрѣшаются отъ этого мотива въ теоріи денегъ. Господство универсалистическаго мотива обнаруживается въ пониманіи явленій денежнаго обращенія не только у Локка и Гарриса, но и у Рикардо, который мыслитъ количество денегъ въ данномъ народномъ хозяйствѣ отрѣшенно отъ

örterungen davon aus, dass es ein statisches Gleichgewicht zwischen den Kollektivphänomenen der menschlichen Wirtschaft geben müsse. Sie unterscheiden sich von der späteren, der sogenannten klassischen Nationalökonomie nicht schon durch die Annahme, dass die im Wirtschaftsleben vorhandenen Tendenzen jeweils einer Gleichgewichtslage zustreben; sondern vor allem durch die Beschränkung ihrer Betrachtungen auf die Staaten als Wirtschaftseinheiten, auf die Gütergattungen, auf die Geld- und Warenmenge des Landes als Gesamtheiten, auf die Bevölkerungsklassen. Die Beziehungen dieser Kollektivphänomene zueinander suchen sie auf Grund der Gleichgewichtsidee zu verstehen, und in der praktischen Wirtschaftspolitik dann meist alle Störungen dieses vorausgesetzten Gleichgewichtes durch bewusstes Eingreifen der Staatsgewalt zu bekämpfen. (l. c. SS. 17—18).

Авторъ только ошибается, полагая, что послѣдующій либеральный индивидуализмъ физіократовъ и Смита съ его послѣдователями преодолѣлъ это «коллективистическое» пониманіе, т. е. то, что мы называемъ универсалистическимъ мотивомъ. Наоборотъ, именно на корняхъ послѣдняго выросла, какъ мы уже указывали, классическая проблема «распредѣленія».

Въ исторіи экономическаго мышленія «коллективизмъ» и «индивидуализмъ, т. е. универсалистическій и реалистическій мотивъ отнюдь не просто смѣняютъ одинъ другой. (Вопреки мнѣнію Пржибрама, цит. статья S. 23).

Въ позднѣйшей своей работѣ: Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie. Leipzig 1912 (которая попадаетъ въ мои руки при окончательномъ печатаніи настоящаго «Введенія») Пржибрамъ ставитъ проблему нѣсколько глубже. Между прочимъ онъ сближаетъ понятія универсализма и коллективизма, съ одной стороны, номинализма и индивидуализма съ другой. Но онъ недостаточно расчленяетъ логически-формативные мотивы теоретическаго мышленія (реализмъ—номинализмъ, универсализмъ—сингуляризмъ) и телеологически-оцѣночные мотивы мышленія практическаго (коллективизмъ-индивидуализмъ, соціализмъ-либерализмъ). Между тѣмъ въ этомъ расчлененіи суть и, такъ сказать, pointe моей постановки проблемы. Моя нѣмецкая статья въ «Логосѣ», въ которой я изложилъ свое пониманіе основныхъ философскихъ мотивовъ экономическаго мышленія, осталась Пржибраму неизвѣстна, и онъ моей постановки проблемы не могъ, поэтому, принять во вниманіе.

индивидуальныхъ владѣльцевъ денегъ, какъ нѣкоторую объединенную и связную массу.

Въ этомъ «универсалистическомъ» представленіи, которое прикрѣпляетъ «цѣнность» денегъ ко всему «денежному» запасу всего общества и игнорируетъ, что процессъ обращенія слагается изъ множества индивидуальныхъ мѣновыхъ актовъ, растягивающихся на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, заключается ошибочность т. н. механической версіи количественной теоріи денегъ [33]).

Это—то представленіе, о которомъ Марксъ язвительно сказалъ: «Иллюзія, что... товарныя цѣны опредѣляются массой средствъ обращенія, а послѣдняя массой находящагося въ странѣ денежнаго матеріала, коренится у ея первоначальныхъ представителей въ нелѣпой гипотезѣ, что товары безъ цѣны, а деньги безъ цѣнности вступаютъ въ процессъ обращенія, гдѣ затѣмъ нѣкоторая доля товарной каши вымѣнивается на нѣкоторую долю металлической горы» [34]). Примѣчательно, что съ рѣшительной критикой универсализма въ области теоріи денегъ выступилъ не кто иной, какъ соціалистъ Марксъ, въ теоріи цѣнности, капитала и прибыли явившійся самымъ крайнимъ универсалистомъ.

Мы видѣли такъ же, какъ великій номиналистъ Гоббсъ прокладываетъ путь универсалистической концепціи «распредѣленія». А съ другой стороны для того, чтобы прійти къ колыбели сингуляристическаго мотива, мы должны были обратиться къ Аристотелю, «реализмъ» котораго, при всей его умѣренности, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ тоже время, несомнѣнно, бытовая атмосфера новѣйшаго экономическаго индивидуализма была чужда той эпохѣ, въ которой жилъ Аристотель, а кромѣ того,

[33]) Cp. Zuckerkandl. Zur Theorie d. Preises mit besonderer Berücksichtigung der geschichtlichen Entwicklung der Lehre. Leipzig 1889, S. 133 sqq. Spiethoff. Die Quantitätstheorie insbesondere in ihrer Verwertbarkeit als Haussetheorie въ Festgaben für Adolf Wagner. Leipzig 1905, SS. 249—266.

[34]) Kapital I[5], S. 87—88 [по русскому переводу подъ моей редакціей (третье изданіе) стр. 66—67].

поскольку въ ней давали себя знать крайнія индивидуалистическія тенденціи [35]), Аристотель былъ имъ враждебенъ.

Все это показываетъ только, въ какихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ можетъ выступать тотъ и другой изъ прослѣживаемыхъ нами мотивовъ, и универсалистическій (реалистическій), и сингуляристическій (номиналистическій).

Сплетенія и столкновенія обоихъ мотивовъ чрезвычайно сложны и многообразны. Одна изъ главныхъ областей, въ которыхъ обнаруживаются эти столкновенія,—теорія цѣнности. Въ развитіи ученій объ объективной цѣнности, какъ основѣ цѣны, цѣнность является собой какъ бы «universale» цѣны, такое «universale», которому теорія приписываетъ высшую реальность по сравненію съ цѣной и которое объективно опредѣляетъ послѣднюю. Въ противоположность этому объективному и «реалистическому», т. е. универсалистическому, пониманію цѣнности можетъ выдвигаться совершенно иное «психологическое», «субъективное», «номиналистическое», сингуляристическое пониманіе, для котораго нѣтъ цѣнности внѣ отдѣльныхъ конкретныхъ актовъ оцѣнки, объективирующихся въ цѣнѣ. Цѣна съ этой точки зрѣнія вытекаетъ, конечно, изъ субъективной цѣнности, но самая цѣнность понимается не какъ объективная норма, а какъ субъективное состояніе. Основаніе этому пониманію положилъ, какъ мы теперь знаемъ, Аристотель. Собственно говоря, самое важное въ ученіи о субъективной цѣнности было сказано не кѣмъ инымъ, какъ Аристотелемъ.

Нить аристотелевскихъ разсужденій подхватила позднѣйшая схоластика, въ особенности въ лицѣ двухъ знаменитыхъ учителей: ректора Парижскаго Университета Буридана и епископа Лизье Николя Орезмія, излагающихъ субъективную теорію цѣнности. Цѣнность у нихъ основывается на потребности,

---

[35]) Индивидуалистическія теченія въ древней Греціи рѣзко подчеркиваетъ, стилизируя ихъ à la moderne, Poehlmann въ своемъ извѣстномъ трудѣ по исторіи античнаго соціализма.

которой, однако, Буриданъ приписываетъ коллективный характеръ [36]).

Настоящимъ аристотеликомъ въ этомъ вопросѣ является и Гоббсъ (замѣтимъ, между прочимъ, что Гоббсъ издалъ сокращенное изложеніе «Риторики» Аристотеля, въ которой тоже есть весьма интересныя и существенныя мѣста о цѣнности). Мало извѣстныя среди экономистовъ разсужденія Гоббса о цѣнности носятъ всецѣло субъективистическій характеръ и ставятъ вопросъ о цѣнности, какъ психологическую проблему:

«The Value, or Worth of a man, is as of all other thing, his price; that is to say, so much as would be given for the use of his power: and therefore is not absolute; but a thing dependant on the need and judgement of another. An able conductor of souldiers is of great price in time of War present, or imminent; but in Peace not so. A learned and incorrupt judge is much worth in time of Peace but not so much in War. And as in other things so in men, not the seller, but the buyer determines the price. For let a man (as most men do) rate themselves at the highest value they can; yet their true value is no more than it is esteemed by others» [37]).

---

[36]) Ср. R. Kaulla. Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. Tübingen. 1906, и его же Der Lehrer des Oresmius (Буриданъ) въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft за 1902 г. Emile Bridrey. La theorie de la Monnaie au XIV siècle. Nicole Oresme. Etude d'histoire des doctrines et des faits économiques. Paris. 1906 (pp. 735). Bridrey неопровержимо устанавливаетъ въ теоріи денегъ оригинальность Орезмія по отношенію къ Буридану и зависимость послѣдняго отъ перваго въ этомъ вопросѣ. Kaulla (см. послѣднюю цитированную статью) наоборотъ утверждалъ, что Орезмій заимствовалъ свою теорію денегъ у Буридана.

[37]) Leviathan, Part I, Chapter 10. Любопытно, что Марксъ проходитъ мимо этого характера Гоббсова пониманія цѣнности, не замѣчая его: приводимая нами цитата обрывается имъ въ самомъ началѣ. (Ср. Theorien über den Mehrwert. Aus dem nachgelassenen Manuskript... herausg. von K. Kautsky I, 288). Одинъ новѣйшій авторъ, вслѣдъ за Марксомъ, прямо сближаетъ воззрѣнія Гоббса съ „трудовой" теоріей — на основаніи случайныхъ и лишенныхъ общаго теоретическаго значенія замѣчаній о трудѣ и бережливости, какъ необходимыхъ условіяхъ богатства (въ „Elementa philosophica. De cive"). Ср. Bernhard. Rost. Die

Съ другой стороны, въ размышленіяхъ Аристотеля объ обмѣнѣ лежалъ зародышъ объективной теоріи реалистическаго въ нашемъ смыслѣ типа. Мы имѣемъ въ виду уже затронутое нами съ другой точки зрѣнія разсужденіе Никомаховой Этики о справедливости въ обмѣнѣ. Въ этомъ разсужденіи есть знаменитое мѣсто, какъ извѣстно цитируемое Марксомъ, въ которомъ Аристотель утверждаетъ, что обмѣнъ предполагаетъ нѣкоторое «равенство» и «общую мѣру» между вещами. Аристотель не объективируетъ этой общей мѣры [38]): онъ не видитъ ея внѣ потребности (χρεία). Но его схоластическіе комментаторы, въ лицѣ Альберта Великаго (1193—1280) и Θомы Аквината (1225—1274), дѣлаютъ рѣшительный шагъ въ направленіи «объективнаго» пониманія. Для того, чтобы обмѣнъ былъ правиленъ (iusta commutatio), т. е. для того, чтобы въ немъ осуществлялась справедливая цѣна, должны «обмѣниваться одинаковыя количества труда и издержекъ» [39]). Проблема цѣнности здѣсь выступаетъ въ этической или нормативной обрисовкѣ, стоитъ подъ знакомъ «справедливой цѣны» [40]). Но отъ нормативнаго, этическаго пониманія цѣнности, которое господствуетъ еще и у канонистовъ, вовсе уже не такъ далеко, какъ это можетъ казаться, до пониманія

Wert- und Preistheorie mit Berücksichtigung ihrer dogmengeschichtlichen Entwicklung. Leipzig 1908, SS. 27—28. Тутъ игнорируется существенная „субъективистическая“ окраска воззрѣній Гоббса на цѣнность.

[38]) Любопытно, что новѣйшіе англійскіе комментаторы Аристотеля (Sir Alexander Grant, The Ethics of Aristotle illustrated with essays and notes 4—the ed. revised Vol. II London, 1885 p. $^{117}/_{397}$ и J. A. Stewart, Notes on the Nicomachean Ethics of Aristotle, Vol. I, Oxford 1892, p. $^{459}/_{399}$) толкуютъ это мѣсто Аристотеля въ смыслѣ трудовой теоріи цѣнности. Это, конечно, невѣрно, но чрезвычайно характерно для обаянія трудовой теоріи.

[39]) Ср. Kaulla. Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien Tübingen 1906, а также его же Die Lehre vom gerechten Preis in der Scholastik въ Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft за 1904 г.

[40]) Принципъ „справедливой цѣны“ идеологически восходитъ къ Платону. Средневѣковыя воззрѣнія въ этой области были, такимъ образомъ, всецѣло подготовлены въ древнемъ мірѣ. Обо всемъ этомъ см. отдѣлъ II, главу II: Цѣна указная и цѣна вольная.

цѣнности, какъ внутренней «основы», или «закона» цѣны. И на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что «bonitas intrinseca», «valor», «pretium naturale» канонистовъ превращается въ «intrinsic value [41]» или «natural value» или «natural price», т. е. въ объективную цѣнность позднѣйшихъ экономистовъ. «Законъ цѣнности» становится idée fixe политической экономіи. И универсалистической («реалистическій») мотивъ мышленія выступаетъ въ этой области всего ярче у того писателя, у котораго онъ сочетается съ наибольшей широтой общей философской концепціи экономической науки, у Маркса. Этотъ мотивъ соединяется у него съ невыработаннымъ въ деталяхъ, но тѣмъ болѣе цѣльнымъ матеріалистическимъ міросозерцаніемъ. Трудовая цѣнность превращается не только въ законъ, но и въ «субстанцію» цѣны. Какъ эта механически-натуралистическая и въ то же время «реалистическая» концепція цѣнности тщетно пытается вмѣстить въ себя міръ эмпирическихъ явленій хозяйственной жизни и завершается грандіознымъ и безисходнымъ противорѣчіемъ, на этомъ мы уже останавливались не разъ въ нашихъ работахъ [42]). Не въ діалектикѣ, которую Марксъ усвоилъ себѣ чисто внѣшнимъ образомъ и которая представлялась ему и до сихъ поръ представляется его вѣрнымъ послѣдователямъ какой-то логикой эволюціоннаго принципа,—связующее звено между

[41]) Различая между цѣнностью и цѣной и называя первую „цѣна" и вторую „оцѣнка", русскій цивилистъ-кантіанецъ начала XIX вѣка Григорій Терлаичъ пишетъ (Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго частнаго права Россіи. Часть II, Спб., 1810, стр. 50): „Цѣна вещи есть внутреннее содержаніе ея существа, или количества пользы, добываемой ея употребленіемъ (valor, Werth). Оцѣнка вещи есть ея цѣна внѣшняя, или гражданская, опредѣляемая ея вящшимъ, или меньшимъ взысканіемъ ея количества, или по страсти охотниковъ (pretium eminens, Preis)". Тутъ внутренняя цѣнность отождествляется еще всецѣло съ потребительной цѣнностью. Но въ этой формулировкѣ типично категорическое противопоставленіе „цѣнности", какъ внутренняго существа, и цѣны, какъ внѣшняго выраженія. Это чисто метафизическое противопоставленіе цѣлые вѣка господствуетъ надъ экономической мыслью и объединяетъ самые различные умы.

[42]) Ср. предисловіе къ русскому переводу „Капитала", изданному подъ нашей редакціей, и статью „Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности" въ журналѣ „Жизнь" за 1899 г.

матеріалистомъ Марксомъ и идеалистомъ Гегелемъ, а именно въ той власти, которую надъ умами обоихъ этихъ мыслителей имѣлъ «реалистическій» мотивъ. Не діалектическій методъ заимствовалъ въ дѣйствительности Марксъ у Гегеля, а логическій реализмъ въ его подлинно-онтологическомъ истолкованіи и расширеніи. Обоимъ имъ, и Гегелю и Марксу, былъ поэтому глубоко чуждъ духъ эмпиризма, для котораго такого рода «реализмъ» есть ядъ.

Логическій реализмъ великихъ метафизическихъ системъ Шеллинга и Гегеля явился питательной почвой для тѣхъ универсалистическихъ конструкцій въ соціальной наукѣ, которыя дали Родбертусъ, Марксъ и Лассаль. Столь прославленный, такъ называемый «объективизмъ» Маркса [43]) есть не что иное, какъ примѣненіе къ спеціальной наукѣ политической экономіи логически-онтологическаго реализма Гегеля и — я пойду дальше — схоластиковъ.

Для меня совершенно ясно, что Марксова теорія трудовой цѣнности по своему логическому строенію много столѣтій тому назадъ имѣла грандіозную аналогію и прообразъ въ «реалистически» обоснованномъ схоластическомъ ученіи о первородномъ грѣхѣ. Отдѣльный товаръ, съ точки зрѣнія Маркса, также необходимо участвуетъ въ общественной цѣнностной субстанціи, какъ для схоластики отдѣльный человѣкъ участвуетъ въ грѣхѣ Адама. Возьмите третій томъ «Капитала» съ его соціологическимъ увѣнчаніемъ трудовой теоріей цѣнности—и сопоставьте эти разсужденія съ схоластическими ученіями о первородномъ грѣхѣ. Точно такъ же, какъ у Маркса, эмпирическія «цѣны» управляются закономъ цѣнности, такъ сказать, заимствуютъ свое бытіе отъ субстанціи цѣнности, такъ для схоластики эмпирическія дѣйствія людей опредѣляются первороднымъ грѣхомъ.

Вотъ нѣсколько сопоставленій.

---

[43]) Особенно выдвинутый Зомбартомъ въ его извѣстной статьѣ о третьемъ томѣ „Капитала" въ Brauns Archiv, B. VII.

Марксъ: «Все это можетъ быть всего легче изображено, если мы всю товарную массу сперва одной отрасли производства будемъ разсматривать какъ одинъ товаръ и сумму цѣнъ многихъ тождественныхъ товаровъ—какъ слагаемыя, образующія одну цѣну; тогда то, что было сказано относительно отдѣльнаго товара, буквально приложимо къ находящейся на рынкѣ товарной массѣ опредѣленной отрасли производства. Что индивидуальная цѣнность товара отвѣчаетъ ея общественной цѣнности — осуществляется или опредѣляется въ томъ смыслѣ, что совокупное количество даннаго товара заключаетъ необходимую для его производства общественную работу и что цѣнность этой массы равняется ея рыночной цѣнности» [44]).

Ѳома Аквинатъ: «Мы должны сказать, что всѣ люди, которые рождаются отъ Адама, могутъ быть разсматриваемы какъ одинъ человѣкъ, поскольку они совпадаютъ въ своей природѣ, которую они получили отъ своего праотца, подобно тому, какъ, напримѣръ, всѣ люди, которые живутъ въ одномъ графствѣ, считаются за одно тѣло и все графство за одного человѣка. Порфирій говоритъ также, что, какъ участники въ родѣ, многіе люди составляютъ одного человѣка. Такъ, многіе люди произошли отъ Адама, какъ многіе члены одного тѣла. Дѣянія же одного члена, напримѣръ, руки, не есть добровольное дѣяніе самой руки, но добровольное дѣяніе души, которая движетъ рукой. Поэтому убійство, которое совершаетъ рука, не можетъ быть вмѣнено рукѣ такъ, какъ если бы мы разсматривали руку, самое по себѣ, отдѣленную отъ тѣла. Убійство можетъ быть вмѣнено рукѣ, поскольку она является тѣмъ человѣческимъ членомъ, который приводится въ движеніе побужденіемъ человѣка. Такимъ образомъ безпорядокъ, который находится въ какомъ-либо рожденномъ отъ Адама человѣкѣ, не есть его добровольное дѣяніе, а составляетъ добровольное дѣяніе праотца, который движеніемъ рожденія при-

---

[44]) Das Kapital. III, I, 161.

водитъ въ движеніе всѣхъ, происходящихъ отъ его корня, такъ же какъ воля души подвигаетъ на дѣяніе всѣ члены» [45]).

Болѣе ранніе схоластики: «Какъ Ансельмъ Кентерберійскій, такъ и Отто, епископъ Камбрэ, который въ своихъ сочиненіяхъ именовалъ себя Одардомъ, выводилъ возможность первороднаго грѣха изъ того, что одна неподѣленная сущностя вида составляетъ единственную субстанцію индивидовъ, и поэтому въ индивидѣ можетъ быть затронутъ весь видъ. Такъ какъ лишь видъ есть субстанціальное въ индивидѣ, то индивидуальными различіями, согласно воззрѣнію Отто, устанавливаются лишь несущественныя акциденціи; наконецъ, отношеніе между высшими и низшими родами, видами и индивидами онъ изображаетъ въ томъ смыслѣ, что всегда высшее всеобщее является формирующей причиной того, что ему непосредственно подчинено, и производитъ въ этомъ послѣднемъ опредѣленность бытія. А высшая всеобщность, какъ настоящая сущность, даетъ всему бытіе» [46]).

И потому, отнюдь не просто по странному капризу, современный схоластическій экономистъ Вильгельмъ Гогофъ (Hohoff) обнаруживаетъ сильнѣйшее тяготѣніе къ Марксу и его экономическому ученію. «Марксова соціальная экономія», говоритъ онъ, «оправдываетъ и подтверждаетъ схоластическую теорію познанія, въ научномъ отношеніи даетъ грандіозные плоды, между тѣмъ какъ его противники, за исключеніемъ исторіи хозяйства, описательной политической экономіи и статистики, не даютъ абсолютно ничего и поражены слѣпотой и безплодіемъ... Истинная и подлинная наука, какъ уже сказано, можетъ быть построена исключительно на базисѣ Аристотелевской философіи, на основѣ античнаго и средневѣковаго, такъ наз. «умѣреннаго реализма» и настоящаго идеализма, а не на основѣ ложнаго «транс-

---

[45]) Цитировано по Köhler. Realismus und Nominalismus in ihrem Einfluss auf die dogmatischen Systeme des Mittelalters. Gotha. 1858.

[46]) Цит. по Loewe. op. cit.

цендентальнаго» критическаго или кантовскаго субъективизма и идеализма» [47]).

Наше указаніе на родство между схоластикой и Марксомъ не есть вовсе остроумничанье, не есть игра эффектными аналогіями, — оно есть совершенно точное установленіе существеннаго совпаденія логической формы.

Связанная съ логически-онтологическимъ реализмомъ склонность къ универсалистическимъ конструкціямъ должна быть познана и понята во всемъ ея значеніи для соціальныхъ наукъ и спеціально для политической экономіи. Ибо, только познавъ и понявъ эту склонность, мы сможемъ ее обезвредить. Такое продумываніе и обезвреживаніе универсалистическаго мотива имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что—какъ я уже подчеркнулъ выше—практическій индивидуализмъ отнюдь не обозначаетъ теоретическаго сингуляризма, и универсалистическій элементъ въ экономическомъ мышленіи оказывается сильнымъ и устойчивымъ, именно поскольку онъ не сознается, и въ силу того, что онъ не сознается. Нужно замѣтить при этомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что я отнюдь не желаю a priori отвергать всякое значеніе универсалистическаго мотива. Но этотъ мотивъ нужно ясно сознать и познать какъ таковой и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ критически разсмотрѣть съ точки зрѣнія его научной правомѣрности. Я глубоко убѣжденъ, что подобный критическій пересмотръ во многихъ случаяхъ обнаружитъ научную безплодность универсалистическаго мотива для политической экономіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отыскать и раскрыть дѣйствіе этого мотива, какъ послѣдняго и основного мотива экономическаго мышленія, значитъ довести до конца, «заключить» критику нѣкоторыхъ экономическихъ ученій. Въ качествѣ примѣра можетъ служить теорія трудовой цѣнности въ ея исто-

[47]) Wilhelm Hohoff. Die Bedeutung der Marxschen Kapitalkritik. Eine Apologie des Christentums vom Standpunkte des Volkswirtschaftslehre und Rechtswissenschaft. Paderborn. 1908. SS. 314—315. (Курсивъ автора).

рическомъ развитіи отъ схоластики до Маркса. Эта теорія, во-первыхъ, внѣ всякаго сомнѣнія есть не что иное, какъ непрерывная погоня за прочнымъ «вещнымъ» ядромъ, за субстанціей эмпирическаго явленія «цѣна»; въ то же время и, во-вторыхъ, это есть погоня за «universale» цѣны въ духѣ логическаго реализма. Такимъ образомъ, въ понятіи объективной цѣнности, въ томъ понятіи субстанціи цѣнности, которое создалъ Марксъ, перекрещиваются натуралистически-матеріалистическій мотивъ и мотивъ «реалистическій» въ логически - онтологическомъ смыслѣ. Для того, кто понялъ это, критическая работа надъ теоріей трудовой цѣнности доведена до конца. Никакого опроверженія этой теоріи уже не нужно, ибо выше указанное пониманіе ея заключаетъ въ себѣ не просто «отверженіе» даннаго матеріальнаго рѣшенія проблемы, но и обнаруживаетъ научную недопустимость самой постановки проблемы. Цѣнность одинаково и какъ субстанція, и какъ «universale» цѣны есть понятіе, безполезное для познанія эмпирическихъ фактовъ образованія цѣны; она означаетъ не болѣе не менѣе, какъ метафизическую гипотезу, которая не можетъ имѣть никакого примѣненія въ наукѣ. Ибо метафизическія гипотезы пріемлемы для науки лишь либо какъ необходимыя вспомогательныя конструкціи (какъ «рабочія гипотезы»), либо какъ необходимое расширеніе или продолженіе эмпирической картины міра. Ни тѣмъ, ни другимъ не является теорія трудовой цѣнности. Разъ это понято,—объ этой теоріи уже не можетъ вестись больше никакого научнаго спора по существу съ систематической точки зрѣнія. Какъ самое рѣшеніе, такъ и проблема должны быть отнесены всецѣло къ литературной исторіи политической экономіи или составить любопытный и важный объектъ соціально-психологическаго анализа популярныхъ вѣрованій извѣстныхъ народныхъ массъ [48]).

Съ другой стороны, я не могу не сказать, что универсализмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно обострилъ, такъ сказать, соціологическое зрѣніе Маркса. Такъ онъ далъ Марксу

---

[48]) См. Отдѣлъ II, главу первую.

возможность геніально схватить тотъ антагонизмъ между интересомъ рода и интересомъ индивида, который обнаруживается и въ органическомъ, и въ соціальномъ развитіи. Въ этомъ смыслѣ весьма характерно слѣдующее разсужденіе о Рикардо, этомъ любимцѣ Маркса, въ «Theorien über den Mehrwert»: «Рикардо справедливо для своего времени разсматриваетъ капиталистическій способъ производства, какъ наиболѣе выгодный для производства вообще, какъ наиболѣе выгодный для созданія богатства. Рикардо желаетъ производства ради производства и это правильно. Если утверждаютъ, какъ это дѣлаютъ сентиментальные противники Рикардо, что производство, какъ таковое, не есть цѣль, то забываютъ, что производство ради производства означаетъ не что иное, какъ развитіе человѣческихъ производительныхъ силъ, т.-е. развитіе богатства человѣческой природы, какъ цѣль въ себѣ. Когда противополагаютъ, какъ это дѣлаетъ Сисмонди, благо индивидовъ этой цѣли, то утверждаютъ, что развитіе рода должно быть задержано, дабы обезпечить благо индивидовъ, что, напримѣръ, не слѣдуетъ вести войнъ, въ которыхъ, во всякомъ случаѣ, гибнутъ индивиды. Сисмонди правъ только, когда выступаетъ противъ экономистовъ, которые затушевываютъ, отрицаютъ эту противоположность. Тутъ, не говоря уже о безплодности подобныхъ разсужденій, обнаруживается непониманіе того, что это развитіе способностей рода человѣка, хотя оно сперва совершается на счетъ большинства человѣческихъ индивидовъ и нѣкоторыхъ классовъ людей, въ концѣ-концовъ, пробиваетъ брешь въ этомъ антагонизмѣ и совпадаетъ съ развитіемъ отдѣльнаго индивида, т.-е. что высшее развитіе индивидуальности дается цѣной историческаго процесса, въ которомъ индивиды приносятся въ жертву. Ибо выгоды рода въ человѣческомъ царствѣ, въ царствѣ животномъ и растительномъ всегда осуществляются на счетъ выгодъ индивидовъ» [49]).

---

[49]) II, 1. Stuttgart 1905, SS. 309—310.

Въ этой идущей на проломъ марксовой апологіи капиталистическаго прогресса нельзя не усмотрѣть приближенія къ той важной мысли, что вопросы размноженія населенія и усовершенствованія рода совершенно выходятъ изъ рамокъ „индивидуальнаго" интереса и, такимъ образомъ, по существу прямо требуютъ универсалистическаго разсмотрѣнія.

Въ развитіи политической экономіи и вообще размышленій объ обществѣ нѣтъ болѣе важнаго противоборства, болѣе глубокаго противоположенія, чѣмъ противоборство и противоположеніе мотива реалистическаго, или универсалистическаго и мотива номиналистическаго, или сингуляристическаго.

Роль этихъ противоборствующихъ мотивовъ тѣмъ больше, что, какъ я уже указалъ, они привходятъ въ экономическія и соціологическія размышленія часто какъ совершенно неосознанные элементы, какъ незамѣтная для невооруженнаго философской критикой глаза подмѣсь къ описанію, истолкованію и систематизаціи фактовъ.

Въ особенности это вѣрно относительно мотива «реалистическаго», или универсалистическаго. Привхожденіемъ этого мотива сплошь и рядомъ обусловливается незамѣтная на первый взглядъ, но самая подлинная μετάβασις εἰς ἄλλο γένος, превращеніе эмпирической науки въ отрѣшенную отъ опыта «реалистическую» метафизику.

Но необходимо еще разъ подчеркнуть: это не значитъ, что «реалистическому» мотиву не можетъ соотвѣтствовать и не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго въ общественной дѣйствительности, какъ объектѣ эмпирической науки, не значитъ, что «реалистическій» мотивъ и его порожденія слѣдуетъ просто отвергнуть. Дѣло гораздо сложнѣе, и на историко-систематическомъ выясненіи основныхъ категорій политической экономіи предстоитъ показать, гдѣ кончается правомѣрное господство универсалистическаго мотива и начинается «реалестическая» метафизика. Это—задача чрезвычайно трудная и сложная, ибо реалистически-метафизическія концепціи отъ долголѣтняго употре-

бленія глубоко вросли въ научное сознаніе и въ высшей степени причудливо переплетаются въ немъ съ эмпирически правомѣрными примѣненіями универсалистическаго мотива. Тѣмъ не менѣе только на этомъ пути возможна настоящая критическая переработка теоріи политической экономіи.

Настоящая первая часть книги «Хозяйство и цѣна», за исключеніемъ перваго отдѣла, въ которомъ дается самостоятельное построеніе системы категорій нашей науки и вообще устанавливаются нѣкоторыя основныя понятія, посвящена проблемѣ цѣны-цѣнности. Въ своемъ разсмотрѣніи этой проблемы я мало занимаюсь критикой прежнихъ построеній—не въ этой критикѣ задача моихъ критическихъ изслѣдованій. Выступая рѣшительнымъ противникомъ самаго возведенія цѣны къ цѣнности и, съ другой стороны, не придавая особеннаго значенія тонкостямъ психологическаго субъективизма въ теоріи цѣнности, я иду въ разсмотрѣніи проблемы цѣны-цѣнности своимъ путемъ, какъ мнѣ кажется, критическимъ и эмпирическимъ въ одно и то же время. Въ отличіе отъ традиціоннаго пониманія, которое цѣну возводитъ къ объективной цѣнности, я возвожу послѣднюю къ первой. Реальному экономическому разсмотрѣнію даны либо только отдѣльныя «цѣны», либо еще не объективировавшіеся отдѣльные оцѣночные акты. Исходя изъ этого, я показываю, какъ изъ цѣнъ логически и исторически слагается цѣнность, являющаяся порожденіемъ, или отвержденіемъ цѣнъ: цѣнность вскрывается какъ производная цѣны, или, точнѣе, цѣнъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ я сознательно и рѣшительно провожу сингуляристическое пониманіе, единственное для данной проблемы пріемлемое съ точки зрѣнія эмпиризма, и строю чисто эмпирическое, въ частности статистическое, понятіе цѣнности. Что цѣны представляютъ объектъ статистики, конечно, хорошо и давно извѣстно даже неэкономистамъ. Но что цѣнность есть понятіе своеобразнаго неосознаннаго, такъ сказать,

сырого статистическаго мышленія, это, мнѣ кажется, до сихъ поръ не сознавалось и во всякомъ случаѣ не продумывалось до конца экономистами. Между тѣмъ такое пониманіе цѣнности углубляетъ это понятіе и въ то же самое время остается на строго эмпирической почвѣ. На фактахъ я вскрываю и иллюстрирую статистическій характеръ тѣхъ операцій, при помощи которыхъ въ дѣйствительной жизни изъ оцѣночныхъ актовъ или изъ цѣнъ раціонально построяется цѣнность (объективная). Это есть раскрытіе того, что можно назвать статистической природой цѣнности. Если строго эмпирическое изученіе явленій цѣны намъ доступно только статистическимъ путемъ, то теперь мы видимъ, что и цѣнность, какъ реальное явленіе, когда, въ силу особыхъ условій, оказывается возможной раціонализація ея построенія и тѣмъ самымъ становится доступнымъ процессъ ея сложенія,—обнаруживается какъ продуктъ своеобразнаго статистическаго счисленія. Такъ, соединеннымъ путемъ анализа понятій и описанія фактовъ, устанавливается между цѣнностью и цѣной соотношеніе совсѣмъ особаго рода, и возведеніе „типической" цѣнности, а черезъ нее—и цѣнности „нормативной", къ цѣнѣ получаетъ окончательное оправданіе.

Я пришелъ къ раскрытію статистической природы понятія цѣнности путемъ размышленія надъ основными формативными философскими мотивами, подъ вліяніемъ которыхъ слагалось и двигалось экономическое мышленіе. Эти размышленія дали мнѣ руководящую нить для отысканія фактовъ. Это не значитъ, что бы у меня были до ихъ отысканія какіе-либо готовые выводы (наоборотъ, въ процессѣ изученія фактовъ нѣкоторыя ранѣе составившіяся у меня представленія я вынужденъ былъ самъ разрушить), но безъ путеводной нити раскрытія и осмысливанія тѣхъ основныхъ философскихъ мотивовъ экономическаго мышленія, на которыхъ я останавливаюсь, я бы никогда не нашелъ фактовъ, вѣрнѣе, прошелъ бы мимо нихъ, не уловивъ ихъ смысла и значенія.

Къ моему систематическому построенію цѣны-цѣнности присоединилось изслѣдованіе чисто историческое, направленное на

выясненіе основной проблемы исторической феноменологіи цѣны, проблемы соотношенія въ исторіи цѣны вольной и цѣны указной.

Эта историческая работа тѣсной внутренней связью связана съ систематическими задачами всей книги и, въ частности, съ одной изъ главныхъ задачъ ея первой части, съ раскрытіемъ природы цѣны-цѣнности. Детальный характеръ моихъ историческихъ изысканій вытекъ, съ одной стороны, изъ полной неразработанности того основного вопроса, на которомъ сосредоточился мой интересъ, какъ экономиста-систематика, разсматривающаго исторію хозяйственнаго быта какъ обработку историческаго матеріала о хозяйственной жизни при помощи систематическихъ категорій политической экономіи [50]). А съ другой стороны, я хотѣлъ не только формулировать общія положенія, но и представить самый матеріалъ для ихъ провѣрки и такими монографическими развѣдками проложить пути для дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ собственныхъ, такъ и чужихъ, въ области, гдѣ до сихъ поръ всѣ обобщенія покоились на зыбкомъ фундаментѣ предвзятыхъ мнимо-историческихъ идей.

---

[50]) Въ своихъ чтеніяхъ по исторіи хозяйственнаго быта, отрывки изъ которыхъ будутъ скоро опубликованы, я развиваю такое пониманіе этой науки, весьма отличное отъ обычнаго экономическаго историзма.

Отдѣлъ первый.

Хозяйство и общество.

ГЛАВА ПЕРВАЯ *).

Хозяйство.—Хозяйственный и соціальный строй.

1. Понятіе хозяйства. Хозяйство какъ субъективное телеологическое единство раціональной экономической дѣятельности (стр. 3—5). 2. Разъясненіе этого опредѣленія (стр. 5—7). 3. Хозяйственный строй. Автономія и автаркія хозяйства. Три основныхъ типа хозяйственнаго строя общества. I. Совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ. II. Система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ. III. Общество - хозяйство (стр. 7—16). 4. Важность различенія хозяйственнаго строя и соціальнаго строя общества. Что такое соціальный строй? (стр. 16). 5. Категоріи хозяйственныя и категоріи междухозяйственныя (стр. 17—18). 6. Сфера междухозяйственныхъ категорій и ихъ значеніе. Родбертусово различеніе „изолированнаго" и „народнаго" хозяйства и его отношеніе къ нашей систематикѣ (стр. 18—24). 7. Нѣкоторыя отличія хозяйственныхъ и междухозяйственныхъ категорій съ точки зрѣнія теоріи познанія и психологіи (стр. 24—26). 8. Категоріи соціальныя и ихъ смыслъ. Смѣшеніе категорій хозяйственныхъ, междухозяйственныхъ и соціальныхъ у Маркса (стр. 26—30). 9. Разъясненіе предшествующаго на понятіяхъ „цѣнности" и „капитала" у Маркса (стр. 30—32). 10. Соціальныя категоріи въ обществѣ-хозяйствѣ (стр. 33—34). 11. Обобщеніе нашей классификаціи различныхъ типовъ хозяйственнаго строя. Цѣлое какъ реальная совокупность. Цѣлое какъ система. Цѣлое какъ единство. Общество есть система. Противоположеніе общества и государства, его законность и значеніе. Явленія гетерогеническія и автогеническія. Реальность общества какъ цѣлаго (стр. 34—41).

1. Когда въ наукѣ политической экономіи говорятъ о хозяйствѣ, то обычно имѣютъ въ виду дѣятельность, направленную на удовлетвореніе потребностей при посредствѣ «благъ», такъ или иначе понимаемыхъ. Правильнѣе говорить въ этомъ смыслѣ не о хозяйствѣ, а о хозяйствованіи.

*) Въ текстъ этой главы я ввелъ, съ нѣкоторыми исправленіями, цѣлыя страницы изъ напечатанной мною около 10 лѣтъ тому назадъ работы: „Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи" (въ журналѣ „Жизнь" за 1900 годъ, мартъ и іюнь).

Въ только что очерченномъ понятіи хозяйствованія послѣднее характеризуется по его содержанію. Это опредѣленіе оставляетъ пока невыясненными два вопроса: 1) что такое «блага», о которыхъ говорятъ экономисты? 2) входитъ ли и въ какомъ смыслѣ самое удовлетвореніе потребностей, или потребленіе въ хозяйствованіе? Эти вопросы будутъ подвергнуты разсмотрѣнію въ другихъ мѣстахъ нашей книги.

Отъ существительнаго «хозяйство» образуется прилагательное «хозяйственный», служащее для обозначенія извѣстнаго характера выше очерченной дѣятельности. Этотъ характеръ опредѣляется стремленіемъ къ достиженію наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой силъ и средствъ. Принципъ «экономіи» или «наименьшей траты силъ», получившій названіе хозяйственнаго, или экономическаго принципа, былъ выдвинутъ впервые при разсмотрѣніи «хозяйства», или точнѣе «хозяйствованія», но по существу этотъ принципъ имѣетъ, конечно, универсальное значеніе, т. е. приложимъ ко всякой человѣческой дѣятельности [1]). Имъ хозяйствованіе опредѣляется формально-психологически. Такое хозяйствованіе можно иначе назвать раціональнымъ [2]). Подчиненіе хозяйствованія принципу наименьшей траты предполагаетъ количественное сравненіе или измѣреніе какъ актовъ, такъ и результатовъ хозяйствованія. Внѣ возможности подобнаго измѣренія

---

[1]) Универсальное значеніе экономическаго принципа въ новѣйшее время особенно подчеркнуто эмпиріокритицизмомъ. По Маху „физика есть экономно упорядоченный опытъ", точно такъ же какъ самая элементарная, равно какъ и высшая математика есть экономно упорядоченный опытъ счисленія. Ср. Die ökonomische Natur der physikalischen Forschung въ Populärwissenschaftliche Vorlesungen. 2-te unveränderte Auflage. Leipzig 1897, SS. 218—219. Въ томъ же духѣ Кирхгофъ и Авенаріусъ („Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Prinzip des kleinsten Kraftmasses"). Въ правовѣдѣніи на „законѣ бережливости" или „идеѣ юридической экономіи" (juristische Oekonomie) особенно настаивалъ Рудольфъ фонъ-Ієрингъ (Geist des römischen Rechts IV[4], S. 242 u. ff.).

[2]) Это словоупотребленіе, будучи по существу правильно, имѣетъ и историческое оправданіе. Ratio означало въ римскомъ правѣ бухгалтерскій счетъ. „Rationem autem esse Labeo ait ultro citro dandi accipiendi, credendi, obligandi solvendi sui causa negotiationem" (D 2, 13, 6,3); „ratio accepti atque expensi" (D 2, 14 47,1).

не можетъ быть раціональнаго хозяйства. Измѣреніе и измѣримость актовъ и результатовъ хозяйствованія есть основа явленія денегъ и опредѣляетъ собою ихъ существо.

Наконецъ, хозяйствованіе должно всегда исходить отъ опредѣленнаго субъекта, который давалъ бы ему направленіе и смыслъ. У хозяйства долженъ быть всегда хозяинъ. Наличность хозяина образуетъ (конституируетъ) понятіе хозяйства, какъ извѣстнаго субъективнаго единства, опредѣленнаго со стороны его цѣли, другими словами, какъ единства телеологическаго.

Соединяя всѣ три момента: содержаніе дѣятельности, формально-психологическій ея характеръ и подчиненіе единой волѣ, мы опредѣляемъ хозяйство какъ субъективное телеологическое единство раціональной экономической дѣятельности, или хозяйствованія. Подъ это понятіе несомнѣнно подходитъ «домашнее хозяйство» бюхеровской классификаціи, но совершенно не подходитъ ни городское хозяйство этой классификаціи, ни «народное хозяйство» въ обычномъ и въ шмоллеровско-бюхеровскомъ специфически историческомъ смыслѣ слова. «Народное хозяйство» характеризуется именно отсутствіемъ того, что характерно для хозяйства въ нашемъ смыслѣ. Его можно назвать «псевдохозяйствомъ», ибо оно есть лишенная телеологическаго единства стихійно слагающаяся система отношеній между хозяйствами. Эта система создаетъ своеобразныя явленія, по обычному словоупотребленію, за которымъ до сихъ поръ слѣдовала наука, называемыя хозяйственными. Отсюда явствуетъ, что историческая систематика формъ «хозяйства», принадлежащая Бюхеру и устанавливающая такую послѣдовательность формъ: домашнее хозяйство, городское хозяйство, народное хозяйство—при всемъ ея огромномъ значеніи—страдаетъ тѣмъ крупнымъ логическимъ недостаткомъ, что ставитъ въ одинъ рядъ не однородныя, а разнородныя явленія. Въ городскомъ и народномъ хозяйствѣ отсутствуетъ тотъ признакъ субъективнаго (сознательнаго) телеологическаго единства, который столь несомнѣненъ у хозяйства домашняго.

2. Для понятія хозяйства въ нашемъ смыслѣ совершенно безразлично, кто является или мыслится субъектомъ хозяйства. Необходимо только, чтобы всѣ категоріи и явленія телеологически относились къ единому субъекту, обсуждались и оцѣнивались съ

точки зрѣнія его благополучія [3]). Какой смыслъ имѣетъ устанавливаемый нами признакъ субъективнаго телеологическаго единства, всего лучше можетъ выяснить слѣдующее разсужденіе К. Менгера. Указывая, что «народное хозяйство» не есть хозяйство въ собственномъ, точномъ смыслѣ этого слова, основатель австрійской школы говоритъ:

„Послѣднее существовало бы лишь въ томъ случаѣ, если бы (какъ, напр., въ проектированныхъ нѣкоторыми соціалистами устройствахъ) возможно полное при данномъ экономическомъ положеніи вещей удовлетвореніе потребности народа, какъ цѣлаго, дѣйствительно было цѣлью, если бы народъ въ его цѣлостности дѣйствительно былъ (непосредственно или черезъ своихъ должностныхъ лицъ) хозяйствующимъ субъектомъ, и если бы, наконецъ, существующія вещи дѣйствительно служили народу, какъ цѣлому, для указанной цѣли, т. е. если бы существовали условія, очевидно отсутствующія въ современномъ народномъ хозяйствѣ. При нашихъ соціальныхъ условіяхъ отнюдь не народъ, или его должностныя лица, является хозяйствующимъ субъектомъ; въ дѣйствительности хозяйствующимъ субъектомъ являются руководители отдѣльныхъ единичныхъ и общественныхъ хозяйствъ; цѣль этихъ послѣднихъ не состоитъ въ общемъ въ обезпеченіи общественной потребности народа, какъ цѣлаго, а въ обезпеченіи собственной общественной потребности, или же потребностей опредѣленныхъ другихъ, физическихъ или моральныхъ, лицъ; наконецъ, и существующія хозяйственныя средства служатъ для удовлетворенія не народа, какъ цѣлаго, а лишь опредѣленныхъ физическихъ или моральныхъ лицъ. То, что экономисты обозначаютъ выраженіемъ: „народное хозяйство", народное хозяйство въ обыденномъ смыслѣ слова, не есть другъ подлѣ друга стоящія изолированныя индивидуальныя хозяйства; напротивъ, эти послѣднія связаны между собою внутреннею связью обмѣна; но столь же мало оно есть народное хозяйство въ указанномъ строгомъ смыслѣ слова, т. е. одно хозяйство; въ дѣйствительности оно есть скорѣе комплликація, или, если угодно, организмъ хозяйствъ (единичныхъ и общественныхъ), но, повторяемъ, не одно хозяйство. Здѣсь, употребляя популярное сравненіе, имѣется такое же соотношеніе, какъ въ цѣпи, которая представляетъ цѣлое, состоящее

---

[3]) Быть можетъ, наиболѣе полно и наиболѣе сильно въ новѣйшей литературѣ необходимость внесенія въ экономическую жизнь современнаго общества недостающаго ей телеологическаго единства отстаивалъ, отправляясь отъ извѣстнаго этически-эстетическаго идеала, Джонъ Рескинъ. Съ общественно-экономическими взглядами этого оригинальнаго мыслителя знакомитъ Дж. Гобсонъ: „Общественные идеалы Рескина". Перев. подъ ред. Д. Протопопова, Спб. 1899 и А. М. Рыкачевъ въ статьяхъ „Дж. Рескинъ и политическая экономія" въ журналѣ „Міръ Божій" за 1903 г. (октября, ноябрь, декабрь). Ср. также H. Waetnig. Kunst u. Wirtschaft. Jena 1909.

изъ звеньевъ, но не какъ въ механизмѣ, который, состоя изъ колесъ и пр., представляетъ единое цѣлое“ [4]).

Телеологически единое хозяйство (сингулярное хозяйство Менгера) можетъ представлять ту или иную соціальную организацію. Послѣдняя опредѣляетъ реальные результаты этого хозяйства для такъ или иначе участвующихъ въ немъ людей, но не измѣняетъ единства его принциповъ, какъ принциповъ хозяйствованія. Они одинаковы во всякомъ истинномъ хозяйствѣ, какова бы ни была соціальная и иная (напр., политическая) его организація. Для коллективистическаго общества, въ которомъ господствовало бы рабство, были бы обязательны тѣ же хозяйственные принципы, что для коллективистическаго общества съ полнымъ господствомъ равенства между его членами. Разница была бы только въ томъ, что въ первомъ обществѣ часть людей разсматривалась бы какъ вещи (servi sunt res) и являлась бы не индивидуальными человѣческими членами единаго хозяйствующаго субъекта, но объектами и средствами хозяйствованія, рабочимъ скотомъ. Съ другой стороны, въ «псевдохозяйствѣ», въ которомъ отсутствуетъ субъективное телеологическое единство, мы напрасно стали бы искать непосредственнаго проявленія принциповъ хозяйствованія; это не значитъ, чтобы они не проявляли своего дѣйствія и въ псевдохозяйствѣ, но ихъ обнаруженіе и въ послѣднемъ зависитъ отъ того, что псевдохозяйство есть система взаимодѣйствія истинныхъ хозяйствъ.

3. Итакъ, общество можетъ быть различнымъ образомъ организовано въ хозяйственномъ отношеніи, т. е. возможенъ въ обществѣ различный «хозяйственный строй». Мы можемъ различать три основныхъ типа хозяйственнаго строя. Для яснаго пониманія этихъ типовъ необходимо рѣзко подчеркнуть, что въ понятіе хозяйства въ нашемъ смыслѣ субъективнаго телеологическаго единства ex definitione входитъ безусловно необходимымъ признакомъ его самоопредѣленіе, или автономія. Автономію хозяйства (или точнѣе хозяйствующаго субъекта) слѣдуетъ строго отличать отъ самодовлѣнія, или автаркіи хозяйства. Первая указуетъ на самостоятельность воли хозяйствующаго субъекта, вторая на само-

---

[4]) Менгеръ: О методахъ полит. экономіи, перев. подъ редакц. Гурьева, Спб. 1894, стр. 222—223. По нѣмецкому оригиналу Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere. Leipzig 1883, SS. 232—233.

стоятельность его жизненныхъ отправленій, или функцій, на самодовлѣющій ихъ характеръ, позволяющій хозяйству замкнуться въ своемъ собственномъ круговоротѣ производства и потребленія, не обращаясь къ содѣйствію другихъ хозяйствъ. Въ наше понятіе хозяйства входитъ признакъ автономіи, но не автаркіи.

Три основные типа хозяйственнаго строя (Wirtschaftsverfassung) суть слѣдующіе (располагаю ихъ въ томъ порядкѣ, который всего болѣе можетъ соотвѣтствовать исторической ихъ послѣдовательности):

I. Совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ. Въ такой хозяйственной организаціи отсутствуетъ основанное на автономіи хозяйствъ ихъ соприкосновеніе и взаимодѣйствіе въ экономической области. Хозяйства стоятъ рядомъ, но не находятся въ автономно-экономическомъ общеніи или взаимодѣйствіи. Когда говорятъ, что «общество живетъ въ натуральномъ хозяйствѣ»— то имѣютъ въ виду именно такой хозяйственный строй общества. Поскольку въ «совокупности рядомъ стоящихъ хозяйствъ» существуютъ отношенія между хозяйствами, основанныя на автономномъ общеніи ихъ между собой, такой хозяйственный строй приближается къ типу II. Поскольку же въ немъ мы находимъ отношенія между хозяйствами, основанныя на господствѣ и подчиненіи,—такой хозяйственный строй въ частяхъ или въ цѣломъ приближается къ типу III.

II. Система взаимодѣйствующихъ хозяйствъ. Такъ какъ въ понятіе хозяйства въ нашемъ смыслѣ входитъ его самоопредѣленіе или автономія, то, говоря о взаимодѣйствіи хозяйствъ, мы имѣемъ въ виду всегда взаимодѣйствіе такихъ самоопредѣляющихся хозяйствъ. Безъ хозяйственнаго самоопредѣленія можетъ существовать домохозяйство (Haushalt), единство семейно-потребительное, но не экономическое въ точномъ и полномъ смыслѣ. Крестьянинъ-мѣсячникъ, жившій въ отдѣльной избѣ, своимъ «домомъ», несомнѣно имѣлъ «домозяйство», но поскольку онъ получалъ мѣсячину отъ помѣщика и отдавалъ за нее свой трудъ, онъ не велъ никакого хозяйства, не былъ хозяйствующимъ субъектомъ, будучи несомнѣнно и субъектомъ потребленія, и живой производительной, или рабочей силою. Крѣпостной крестьянинъ, и барщинникъ и оброчникъ, имѣлъ «хозяйство» въ гораздо большей степени, чѣмъ «мѣсячникъ». И соотвѣтственно этому у него была извѣстная хозяйственная автономія. Она

исключалась однако тамъ, гдѣ вступали въ дѣйствіе отношенія господства и подчиненія.

Такимъ образомъ, «система хозяйствъ»—въ нашемъ смыслѣ особаго типа хозяйственнаго строя—не объемлетъ собой такихъ взаимодѣйствій между людьми въ сферѣ экономической, которыя основаны на прямомъ господствѣ съ одной стороны, подчиненіи—съ другой стороны. Такія взаимодѣйствія, поскольку они играютъ крупную роль въ экономической жизни общества, внося въ нее или въ цѣлые ея отдѣлы признакъ телеологическаго единства, приближаютъ самое общество къ типу «хозяйства» въ нашемъ точномъ смыслѣ.

Въ понятіи автономіи хозяйствующаго субъекта ученіе о хозяйствованіи соприкасается съ наукой права. Автономный субъектъ есть общее и основное понятіе политической экономіи и гражданскаго правовѣдѣнія. Недаромъ Іерингъ, возсоздавая духъ римскаго права, съ такой силой настаивалъ на понятіи частноправовой автономіи [5]). Гражданское право, какъ особая система понятій, зиждется на идеѣ автономіи. И на ней же покоится ученіе о хозяйствованіи, поскольку оно имѣетъ дѣло съ «системой хозяйствъ», т. е. съ экономическимъ общеніемъ и взаимодѣйствіемъ неопредѣленнаго множества хозяйствующихъ субъектовъ. Отсюда ясно, что для ученія о хозяйствованіи, понятіе субъекта хозяйства такъ же необходимо, какъ для правовѣдѣнія понятіе субъекта права. И если намъ скажутъ, что понятіе субъекта хозяйствованія мы вынуждены опредѣлять юридически, т. е. черезъ понятіе субъекта права, мы не станемъ противъ этого возражать. Понятіе хозяйствующаго субъекта есть примѣръ такого экономическаго понятія, которому необходимо присущъ въ то же время правовой смыслъ. Хозяйствующій субъектъ, поставленный среди другихъ хозяйствующихъ субъектовъ, съ которыми онъ взаимодѣйствуетъ какъ субъектъ, не можетъ не быть правовымъ понятіемъ, не можетъ не опредѣляться юридически. Гражданскія правоотношенія суть правовая оболочка экономическихъ отношеній «системы хозяйствъ» и не отдѣлимы отъ послѣднихъ, поскольку для экономическихъ фактовъ существененъ правовой мо-

[5]) „Wir werden die dem älteren Privatrecht zu Grunde liegende Auffassung am richtigsten wiedergeben, wenn wir sie als die Idee der Autonomie bezeichnen". Rudolph von Jhering. Geist des römischen Rechts III[5]. Leipzig 1894, S. 147.

ментъ. Въ отношеніи между правомъ и автономно-экономическимъ общеніемъ слѣдуетъ искать критерія для разграниченія по существу областей права публичнаго и права частнаго. Частное право есть—независимо отъ способа защиты—право, вытекающее для субъекта изъ основаннаго на автономіи хозяйствующихъ субъектовъ регулированія ихъ общенія или взаимодѣйствія. Подлинныя частныя права всегда основаны на автономномъ взаимодѣйствіи правовыхъ субъектовъ и они всегда выразимы въ деньгахъ, т. е. предполагаютъ наличность того, что юристы называютъ «имущественнымъ интересомъ». Одного изъ этихъ двухъ признаковъ недостаточно, но оба вмѣстѣ они образуютъ стройное понятіе частнаго права, какъ особой системы съ соціологической точки зрѣнія. Экономистъ и соціологъ видитъ, что область, въ которой господствуетъ автономія хозяйствующаго субъекта, принципіально глубоко отлична отъ области, гдѣ господствуетъ велѣніе власти или авторитета. И точно такъ же цѣлая пропасть лежитъ между «правами», которыя можно оцѣнить на деньги и такими, которыя такой оцѣнкѣ не поддаются. Зомъ въ первыхъ изданіяхъ своихъ «Институцій» нащупалъ это различіе между двумя системами права въ своемъ раздѣленіи всей области права на Gewaltrecht и Vermögensrecht. Но Gewaltrecht логически должно быть противоположено не „Vermögensrecht, а тому, что можно было бы назвать Autonomierecht [6]), причемъ лишь въ качествѣ видового признака слѣдуетъ присоединить опредѣленіе «хозяйственный». Частное право есть право хозяйственной автономіи. Въ такимъ образомъ опредѣляемое частное право не входятъ, конечно, налоговыя требованія государства, хотя они поддаются денежной оцѣнкѣ [7]); не входятъ также

[6]) Въ позднѣйшихъ изданіяхъ своихъ „Институцій“ Зомъ понятію Vermögen придалъ именно такой широкій смыслъ, отождествляя его съ Macht, Können, повидимому, подъ вліяніемъ возраженій Ваха (A. Wach. Handbuch d. deutschen Civilprozessrechtes. Leipzig 1885, S. 88 u. ff.) и Іеллинека (G. Iellinnek. System d. subjectiven öffentlichen Rechte, 2-te Auflage, Tübingen 1905, S. 59). Самый терминъ „Gewaltrecht“ принадлежитъ Іеллинеку, у Зома онъ не встрѣчается. См. Institutionen 11 Aufl. (1903 г.) SS. 23—24. Ср. также первое изданіе (1884) S. 10—11 и пятое (1894) S. 14—15.

[7]) И цивилисты не признаютъ таковыя „частными правами“. Ср. Wach (цит. выше сочиненіе, S. 89—90) и Enneccerus. Lehrbuch d. bürgerlichen Rechtes, I, 1. Marburg. 1909. S. 72.

и семейныя права, поскольку они стоятъ внѣ сферы автономіи субъекта и не подлежатъ денежной оцѣнкѣ.

Хозяйственная автономія, конечно, осуществляется въ рамкахъ объективнаго права, опредѣляющаго ея границы, и воплощается въ цѣломъ рядѣ частныхъ субъективныхъ правъ, юридическое бытіе которыхъ обусловливается «нормой» права. Но то верховенство объективнаго права надъ всѣми субъективными правами, которое долженъ признать юристъ-догматикъ, не устраняетъ для экономиста и соціолога глубокаго различія между тѣми областями права, въ которыхъ субъекту права или хозяйствованія принадлежитъ автономія, и тѣми областями, въ которыхъ онъ непосредственно подчиненъ велѣнію закона или власти.

Римскій хозяйственный строй, поскольку онъ нашелъ себѣ юридическое выраженіе въ римскомъ правѣ, представлялъ несомнѣнно «систему хозяйствъ». Этимъ объясняется то, что именно римляне создали «институты общаго гражданскаго и торговаго оборота» [8]), покоившіеся на идеѣ автономіи гражданско-правового субъекта. Поскольку римляне создавали правовое регулированіе экономическихъ отношеній людей, они исходили по преимуществу отъ системы автономно-экономическаго общенія [9]). Въ то же время въ извѣстныя эпохи въ Римѣ несомнѣнно наблюдается преобладаніе ойкоснаго хозяйства—и постольку ихъ хозяйственный строй представлялъ «совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ». Этотъ послѣдній типъ хозяйственнаго строя въ чистомъ видѣ не нуждается ни въ какомъ регулированіи отношеній между хозяйствами, носящихъ частно-правовой характеръ. Но вообще конкретное жизненное содержаніе любого историческаго хозяйственнаго строя въ данное время и въ данномъ мѣстѣ всегда образуетъ сложное сплетеніе разныхъ типовъ, которые бываютъ представлены въ такомъ сплетеніи въ различныхъ пропорціяхъ. Это мы видимъ въ древнемъ Римѣ, гдѣ «система

[8]) См. Д. Д. Гриммъ. Къ вопросу о соотношеніи институтовъ гражданскаго права съ хозяйственнымъ бытомъ народа. Ж. Мин. Юст. 1907 г., октябрь.

[9]) Рядомъ съ творчествомъ права, покоящагося на идеѣ автономіи, и въ своеобразномъ взаимодѣйствіи съ нимъ римляне создали въ институтахъ цензуры и эдилата цѣлую систему полицейскаго воздѣйствія, которое было направлено и на хозяйственную жизнь. Ср. Ihering: Der Zweck im Recht. I[4]. Leipzig 1904. SS. 393—398.

хозяйствъ» переплеталась съ «совокупностью рядомъ стоящихъ хозяйствъ».

Если въ Римѣ въ эпоху развитія и расцвѣта римскаго права «совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ», создавая изнутри себя соприкосновеніе между хозяйствами и ихъ субъектами, развивало его въ формѣ автономно-экономическаго общенія подъ единой государственной властью, то иной характеръ принимаетъ такое соприкосновеніе въ феодальномъ строѣ.

Феодальный строй, какъ строй хозяйственный, несомнѣнно есть «совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ». Поскольку между этими хозяйствами складываются и развиваются «феодальныя» отношенія, они выливаются не въ форму автономно-экономическаго общенія, или частно-правовой координаціи, а въ форму основаннаго на припужденіи іерархическаго соподчиненія, или публично-правовой субординаціи. Правда, обычно говорятъ, что въ феодальномъ строѣ на лицо «преобладаніе частно-правовыхъ принциповъ» вмѣсто «публично-правовыхъ» [10]).

Логически правильнѣе было бы говорить наоборотъ. То, что въ современномъ и, въ значительной мѣрѣ, и въ римскомъ государствѣ было областью частнаго права, проникнутаго началомъ хозяйственной автономіи, то въ феодальномъ обществѣ было областью права публичнаго, изъятаго изъ сферы автономіи хозяйствующихъ субъектовъ. Этому не противорѣчитъ дѣйствіе въ феодальномъ строѣ «начала индивидуальнаго договора вмѣсто общаго закона» [11]). Индивидуальный договоръ имѣлъ въ феодальномъ строѣ учредительное значеніе, онъ создавалъ прочныя, практически въ значительной мѣрѣ неподвижныя отношенія, въ которыхъ автономія субъектовъ погашалась. Частно-правовой характеръ обычно приписываютъ феодальному строю потому, что исходятъ всегда изъ чисто исторически опредѣленнаго римскаго и современнаго представленія объ единой государственной власти. Такое единство государственной власти однако вовсе не есть необходимый признакъ государства, какъ историческаго явленія. Если государство, какъ думаетъ, напримѣръ, Эдуардъ Мейеръ,

---

[10]) И. М. Гревсъ. Статья „Феодализмъ" въ Энциклопед. Словарѣ подъ ред. Арсеньева и Петрушевскаго.

[11]) Гревсъ, тамъ же.

существовало раньше человѣка [12]), т. е. существовало и у человѣка-животнаго, то, конечно, феодальный строй зналъ государство. Но въ немъ мы видимъ государственную власть, дѣйствительно такъ сказать, въ «разсѣянномъ» состояніи.

Единство государственной власти въ современномъ смыслѣ отсутствовало въ феодальномъ строѣ [13]). Вотъ почему можно сказать, что то направленіе юридическаго синдикализма, которое выражается въ трудахъ Л. Дюги, есть приспособленное къ современности возрожденіе феодальной идеи [14]). Между тѣмъ именно указанное единство государственной власти—и только оно—создаетъ реальную возможность какъ частно-хозяйственной автономіи, такъ и самого частнаго права, какъ особой системы права. Частное право именно какъ таковое расцвѣтаетъ подъ щитомъ его ограждающей единой государственной власти. Въ феодальномъ строѣ индивидуальный договоръ, имѣвшій, какъ я уже сказалъ, учредительное значеніе, и принципъ вѣрности восполняютъ отсутствіе воплощенныхъ въ общемъ, исходящемъ отъ единаго государства правѣ, гарантій личной и имущественной обезпеченности, т. е. тѣхъ гарантій, въ рамкахъ которыхъ движется автономно-экономическое общеніе и его формальное выраженіе — частное право. Въ моментъ своего возникновенія феодальное право было или, лучше сказать, всякій разъ бывало правомъ автономіи. Въ дальнѣйшемъ же дѣйствіи оно становилось и являлось правомъ принужденія

---

[12]) „Какъ далеко можетъ заходить развитіе органическихъ группъ у животныхъ, я тридцать лѣтъ тому назадъ часто наблюдалъ въ Константинополѣ на уличныхъ собакахъ. Онѣ организовались въ рѣзко отграниченныхъ одинъ отъ другого участкахъ, въ которые они не пускаютъ чужихъ собакъ, и каждый вечеръ всѣ собаки каждаго участка на пустынномъ мѣстѣ устраиваютъ собраніе, продолжающееся приблизительно полъ-часа и сопровождаемое оживленнымъ лаемъ. Тутъ, стало быть, можно прямо-таки говорить о пространственно очерченныхъ собачьихъ государствахъ“. E. Meyer. Uber die Anfänge des Staates und sein Verhältniss zu den Geschlechtsverbänden und zum Volkstum. Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1907. XXVII S. 2 (отдѣльнаго оттиска).

[13]) Это чрезвычайно тонко доказываетъ Зандеръ (Paul Sander) въ своемъ критическомъ изслѣдованіи: Feudalstaat und bürgerliche Verfassung. Ein Versuch über das Grundproblem der deutschen Verfassungsgeschichte. Berlin. 1906.

[14]) См. его „Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства“, переводъ Ященко. М. 1909.

(Gewaltrecht) и въ качествѣ таковаго оно противоположно не публичному, а именно частному праву [15a]).

Въ средневѣковомъ «городскомъ хозяйствѣ» по Шмоллеровско-Бюхеровской терминологіи мы видимъ своеобразное сплетеніе всѣхъ трехъ типовъ хозяйственнаго строя. Городской строй есть въ одно и тоже время и продолженіе, и отрицаніе феодальнаго строя. Онъ подготовляетъ современный экономическій строй именно постольку, поскольку началомъ хозяйственной автономіи разлагаетъ связанность феодальнаго строя.

III. Наконецъ, общество можетъ быть въ хозяйственномъ отношеніи организовано, какъ субъективное телеологическое единство. Это—общество-хозяйство. Организація хозяйственной жизни цѣлаго общества по типу телеологическаго единства или, иначе, по типу истиннаго (сингулярнаго) хозяйства мы назовемъ коллективизмомъ.

Совершенно ясно, что при коллективизмѣ автономія хозяйствующихъ субъектовъ меньше, чѣмъ при какомъ-либо иномъ хозяйственномъ строѣ. Въ принципѣ она тутъ должна совершенно отсутствовать, за исключеніемъ, впрочемъ, области потребленія. Участники общества-хозяйства занимаютъ въ немъ такое же положеніе, какъ мѣсячники въ крѣпостномъ хозяйствѣ.

Поглощеніе автономіи отдѣльныхъ хозяйствующихъ субъектовъ властью общества-хозяйства въ принципѣ не исключаютъ того, что сфера личной свободы индивида и нехозяйственнаго самоопредѣленія союзовъ можетъ въ такомъ обществѣ не умалиться, а возрасти. Логически это возможно и, какъ извѣстно, соціалисты въ этомъ твердо увѣрены и на это расчитываютъ. Фактическая возможность такого расширенія личной свободы при уничтоженіи хозяйственной автономіи зависитъ отъ психологическаго соотношенія между хозяйственной автономіей и другими видами самоопредѣленія. Этотъ психологическій вопросъ

[15a]) Вопреки Зандеру (l. c.), который все свое различеніе между публичнымъ и частнымъ правомъ строитъ на различеніи соціальныхъ круговъ по ихъ величинѣ. Въ маленькихъ соціальныхъ кругахъ общеніе (Verkehr) принимаетъ лично - индивидуальный (persönlich - individuell) характеръ, въ большихъ же—всеобще - пространственный. Соотвѣтственно величинѣ соціальныхъ круговъ создается различеніе частнаго и публичнаго, которое имѣетъ, такимъ образомъ, чисто психологически - относительный характеръ.

можетъ быть рѣшенъ съ полной убѣдительностью лишь путемъ соціальнаго опыта. Другими словами, лишь осуществленіе коллективизма можетъ доказать его «осуществимость» или «неосуществимость» [15b]) или, точнѣе, цѣлесообразность или нецѣлесообразность такой хозяйственной организаціи общества.

Исторически любопытно, что единственный широко проведенный опытъ коллективизма, осуществленный, правда, въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, являетъ намъ картину абсолютнаго, болѣе чѣмъ рабскаго подчиненія организованныхъ такимъ образомъ людей небольшому числу организаторовъ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ даже категорически сказать, что такая организація была возможна лишь на основѣ подчиненія религіозному авторитету, носители котораго являлись въ глазахъ управляемыхъ существами высшаго порядка. Мы говоримъ объ извѣстномъ колоніальномъ государствѣ іезуитовъ въ Парагваѣ.

Насколько вообще осуществимъ коммунизмъ, онъ былъ осуществленъ въ этомъ государствѣ. Не было ни личной собственности, ни наслѣдственнаго права. Растительная пища производилась на отдѣльныхъ поляхъ, предоставленныхъ каждому домохозяйству, но и тутъ осуществлялся строгій контроль надо отдѣльными производственными единицами. Производство и распредѣленіе мясной пищи, которая играла огромную роль въ обиходѣ индѣйцевъ, а также производство парагвайскаго чая было совершенно соціализовано. Вся жизнь индѣйца проходила подъ контролемъ патеровъ. Эта жизнь была сплошнымъ воспитаніемъ, вторгавшимся во всѣ мелочи и не останавливавшимся даже передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Въ тоже время ряды патеровъ-господъ были совершенно закрыты для краснокожихъ. Таинство священства было абсолютно недоступно индѣйцу [16]).

[15b]) Объ утопичности соціализма какъ идеи абсолютной раціонализаціи общественно-экономическаго процесса см. въ главѣ II.

[16]) См. E. Gothein. Der christlich-sociale Staat der Jesuiten in Paraguay. Leipzig. 1883. Готгейнъ связываетъ соціальный экспериментъ іезуитовъ съ идеями Кампанеллы. Схема Кампанеллы настолько походитъ на соціальный опытъ іезуитовъ, что „нельзя отдѣлаться отъ предположенія, что послѣдній испыталъ на себѣ вліяніе указанной схемы“. „Это именно придаетъ интересъ іезуитскимъ миссіямъ въ Парагваѣ. Эти учрежденія не суть продуктъ случая или приспособленія къ даннымъ условіямъ. Мы имѣемъ здѣсь на самомъ дѣлѣ передъ собой искусно построенный и широкій экспериментъ“.

Примѣръ основаннаго на грубой эксплоатаціи коллективизма являло бы перуанское государство инковъ, если бы оно дѣйствительно соотвѣтствовало обычному представленію о немъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, такъ какъ традиціонное представленіе о государственномъ соціализмѣ инковъ совершенно подорвано извѣстной маленькой, но превосходной работой Г. Куно [17]).

Въ обществѣ-хозяйствѣ сфера частнаго права должна быть уже, чѣмъ во всякомъ другомъ хозяйственномъ строѣ. При абсолютномъ коллективизмѣ частнаго права въ нашемъ смыслѣ почти вовсе не будетъ существовать.

4. Изъ сказаннаго явствуетъ, какъ важно различать хозяйственный строй (Wirtschaftsverfassung) общества и его соціальный строй (Sozialverfassung). Типы соціальнаго строя могутъ быть чрезвычайно разнообразны и — разсуждая совершенно абстрактно—могутъ сочетаться одинаково удобно съ разными типами хозяйственнаго строя. Логически возможны различныя комбинаціи хозяйственнаго строя съ соціальнымъ. Разные же виды соціальнаго строя могутъ быть расположены по степени осуществленія въ нихъ начала равенства (или неравенства). Иначе говоря: соціальный строй характеризуется отношеніями господства и подчиненія между человѣческими индивидуальностями. Очевидно, что возможны различные типы коллективизма и притомъ—діаметрально противоположные по своей соціальной организаціи. Мыслимъ, на одномъ полюсѣ, классовый коллективизмъ, основанный на самой грубой эксплоатаціи, хотя бы и на рабствѣ, на другомъ полюсѣ—абсолютное коммунистическое равенство. «Совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ» можетъ—разсуждая абстрактно—сочетаться съ отношеніями равенства и неравенства. Она можетъ быть «крестьянской демократіей» и «феодальнымъ обществомъ». Тоже слѣдуетъ сказать и о системѣ взаимодѣйствующихъ автономныхъ хозяйствъ. Не только въ такой системѣ извѣстныя категоріи людей могутъ не считаться за людей, а занимать положеніе живого инвентаря, скота,—но и при формальной личной свободѣ всѣхъ людей фактическое «распредѣленіе» благъ и «соціальнаго» могущества между ними можетъ быть весьма различнымъ въ различныхъ обществахъ съ «хозяйственнымъ строемъ», представляющимъ «систему хозяйствъ».

---

[17]) Die sociale Verfassung des Jnkareichs, Stuttgart. 1896.

5. Принципы и категоріи, которыя выражаютъ основныя явленія хозяйства въ смыслѣ телеологическаго единства, не только могутъ, но и должны быть изслѣдованы въ ихъ чистомъ видѣ. Только такимъ изолирующимъ изслѣдованіемъ можно обезпечить себѣ вполнѣ ясное пониманіе сложной «экономической» или «хозяйственной» дѣйствительности. Реальный порядокъ явленій, подлежащихъ научному изслѣдованію, не долженъ быть отождествляемъ съ логической системой понятія. Реальныя явленія «хозяйственной жизни» развиваются и наслояются не такъ, какъ ихъ должна — въ интересахъ наиболѣе глубокаго и полнаго познанія — расчленять и строить наука. Въ реальной жизни нѣтъ чистаго хозяйствованія, — всякое хозяйствованіе сплетается съ автономно-экономическимъ взаимодѣйствіемъ и соціальными отношеніями и ими окрашивается. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы познать связь и зависимость явленій реальной хозяйственной жизни, полезно и даже необходимо изслѣдовать хозяйствованіе въ его чистомъ видѣ, независимо отъ тѣхъ соціальныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ оно происходитъ.

Я называю категоріи, относящіяся къ хозяйству въ указанномъ мною точномъ смыслѣ, категоріями чистаго хозяйствованія или, попросту, категоріями хозяйственными.

Категоріи чистаго хозяйствованія выражаютъ экономическія отношенія всякаго хозяйствующаго субъекта ко внѣшнему міру. Эти отношенія существуютъ всюду, гдѣ есть хозяйствующіе субъекты, гдѣ есть хозяйственная дѣятельность. Основными категоріями этого рода являются потребность, цѣнность (субъективная) и трудъ. Но чистое хозяйствованіе знаетъ и такія категоріи, какъ издержки производства, капиталъ, доходъ, рента. Принципіальная самостоятельность соціальныхъ отношеній, рядомъ съ категоріями хозяйственными въ нашемъ точномъ смыслѣ, именно въ чистомъ хозяйствѣ выступаетъ съ полной ясностью. Рядомъ съ категоріями чистаго хозяйствованія въ традиціонной сокровищницѣ экономическихъ идей находятся категоріи, выражающія явленія, вытекающія изъ взаимодѣйствія автономныхъ хозяйствъ. Эту вторую группу категорій я называю категоріями междухозяйственными. Наконецъ, политическая экономія по существу издавна, по формѣ и по названію сравнительно недавно строитъ категоріи, выражающія явленія, составляющія особую группу, принципіально отличную отъ явленій хозяйственныхъ и между-

хозяйственныхъ. Эти явленія обусловливаются не принципами, лежащими въ основѣ всякой субъективно-единой хозяйственной дѣятельности, и не отношеніями между абстрактно взаимодѣйствующими сингулярными хозяйствами,—они вытекаютъ изъ соціальнаго неравенства находящихся во взаимодѣйствіи хозяйствующихъ людей. Выражающія эти явленія категоріи я называю категоріями соціальными.

6. Категоріи хозяйственныя и междухозяйственныя составляютъ въ извѣстномъ смыслѣ одно неразрывное методологическое цѣлое. Категоріи этихъ двухъ разрядовъ въ одно и то же время — и орудія и продукты абстрактной политической экономіи. Логически онѣ выводятся однѣ изъ другихъ: наилучшимъ образчикомъ этого можетъ служить дедукція основной междухозяйственной категоріи — цѣны изъ основной хозяйственной категоріи — субъективной цѣнности. Однако, представляя въ извѣстномъ отношеніи единый и непрерывный рядъ, категоріи хозяйственныя и междухозяйственныя глубоко отличаются однѣ отъ другихъ. Это различіе стоитъ въ связи съ реальнымъ и логическимъ различіемъ между хозяйствомъ и системой взаимодѣйствующихъ хозяйствъ. Первое есть цѣлесообразное единство отношеній хозяйствующаго субъекта ко внѣшнему міру. Поэтому въ немъ дѣйствія людей подлежатъ причинному истолкованію, поскольку они обусловливаются взаимодѣйствіемъ субъекта и внѣшняго міра (отношенія людей между собой не входятъ въ понятіе хозяйства). Отношеніе же субъекта къ самому себѣ подлежитъ разсмотрѣнію чисто телеологическому. Другими словами, изслѣдуя хозяйство, мы устанавливаемъ, какъ долженъ дѣйствовать хозяйствующій субъектъ, чтобы достигать тѣхъ цѣлей, ради которыхъ существуетъ «хозяйство». Изслѣдуя «хозяйственное общеніе», мы узнаемъ, какія явленія необходимо получаются изъ цѣлесообразныхъ дѣйствій хозяйствующихъ субъектовъ. Отсюда ясно, что изслѣдованіе хозяйства, какъ телеологическаго единства, никогда не можетъ привести къ установленію единообразныхъ причинныхъ зависимостей, необходимо вытекающихъ, независимо отъ воли людей, изъ ихъ дѣйствій, тогда какъ изслѣдованіе хозяйственнаго общенія раскрываетъ именно такія зависимости. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что сфера междухозяйственныхъ категорій есть та область понятій такъ называемой хозяйственной жизни, къ которой приложимо преимущественно причинное

истолкованіе, которая, будучи «дѣломъ рукъ человѣческихъ», превосходно поддается объясненію съ точки зрѣнія законообразности, оперирующей съ понятіемъ причинной зависимости. Неудивительно поэтому, что этой областью прежде всего овладѣла наука политической экономіи, возникновеніе которой психологически-реально связано съ развитіемъ конкретнаго воплощенія «хозяйственнаго общенія», съ развитіемъ историческаго «народнаго хозяйства» [18]). Прозрачное именно въ силу своего телеологи-

[18]) „Въ древности не существовало экономической теоріи. Почему? Для объясненія этого факта приводились самыя странныя основанія: напр., что греки и римляне гораздо больше интересовались вопросами государственнаго устройства, чѣмъ вопросами экономической политики. При этомъ забывалось только, что вся внутренняя исторія Аѳинъ и Рима вращалась около противоположности между богатствомъ и бѣдностью. Причина, почему тамъ отсутствовала экономическая теорія, заключается просто въ томъ, что кругъ теоретическихъ хозяйственныхъ проблемъ былъ въ то время гораздо меньше, чѣмъ въ современную эпоху конкурренціи. И въ Аѳинахъ временъ Перикла, и въ Римѣ позднѣйшей эпохи господствуетъ конкурренція, но въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ теперь. Масса низшаго населенія состоитъ изъ рабовъ: главный вопросъ, занимающій современныхъ экономистовъ, — анализъ заработной платы не существуетъ въ силу этого для древности. Конкурренціи несвободныхъ изъ-за работы совершенно не существуетъ. Конкуррируютъ между собою только господа изъ-за несвободныхъ рабочихъ. Теоретическій интересъ возбуждаетъ поэтому только цѣна рабовъ, гораздо болѣе простая проблема. Конкурренція арендаторовъ изъ-за земельныхъ участковъ, землевладѣльцевъ изъ-за арендаторовъ почти совершенно отсутствуетъ; арендныя отношенія рѣдки. Поэтому мышленіе не наталкивается на законъ поземельной ренты. Заемъ капитала съ производительными цѣлями, конкурренція нуждающихся въ капиталѣ изъ-за капитала, и наоборотъ, встрѣчается рѣдко. Рынка капиталовъ, какъ въ наше время, не существуетъ, — законъ процента не проявляется, уровень процента при потребительномъ кредитѣ, который играетъ крупную роль, слишкомъ непостояненъ, чтобъ дать поводъ искать для него каузальную формулу... Какъ хозяйственный строй древности, т. е. состояніе, въ которомъ лишь частично развита конкурренція, не давалъ развиться экономической теоріи въ силу того, что тогда число и трудность ея проблемъ были значительно меньше, чѣмъ теперь, такъ же точно обстояло дѣло и въ средніе вѣка. Было бы легко доказать параллелизмъ между развитіемъ экономической теоріи и практическими успѣхами системы конкурренціи и, такимъ образомъ, наглядно иллюстрировать гносеологическое значеніе системы конкурренціи, какъ соціальной предпосылки“ (Dietzel, Theoretische Socialökonomik, I Leipzig 1895, SS. 90—91). Слѣдуетъ замѣтить, что ни систематика, ни терминологія Дитцеля не совпадаютъ съ нашей.

ческаго характера, истинное хозяйство казалось не требующимъ объясненія, между тѣмъ какъ абстрактная форма междухозяйственныхъ отношеній, этой — по блестящему символическому выраженію Лассаля — «орфической цѣпи общественныхъ сплетеній»[19]) привлекала къ себѣ пытливые умы своей таинственной закономѣрностью. Рѣзкія различія между истиннымъ хозяйствомъ и хозяйственнымъ общеніемъ, быть можетъ, ярче, чѣмъ кто-либо другой, подчеркнулъ Родбертусъ въ своемъ «Капиталѣ». Возражая Бастіа, онъ говоритъ:

«Въ изолированномъ хозяйствѣ могутъ быть, правда, хозяйственныя понятія и хозяйственное развитіе, но не можетъ быть народнохозяйственныхъ понятій и народнохозяйственнаго развитія... Народное хозяйство возникаетъ лишь съ раздѣленіемъ труда, а послѣднее упраздняетъ изолированное хозяйство.......

«Представьте себѣ прежде всего отчетливо изолированное хозяйство, и вы найдете, что въ немъ отсутствуетъ совершенно народохозяйственное содержаніе[20]). Подъ изолированнымъ хозяйствомъ слѣдуетъ, конечно, понимать лишь хозяйство, ведущееся такимъ, находящимся внѣ всякаго хозяйственнаго общенія съ другими, отдѣльнымъ лицомъ, которое исключительно само и для себя производитъ средства удовлетворенія своихъ потребностей. Такое хозяйство есть чистое отрицаніе раздѣленія труда и, стало быть, обмѣна, который есть лишь форма распредѣленія продукта, въ свою очередь предполагающая раздѣленіе труда. Въ самомъ дѣлѣ въ основѣ обмѣна лежатъ отношенія, при которыхъ индивиды производятъ уже не исключительно каждый для себя, а одинъ для другихъ, т. е. такія отношенія, которыя

---

[19]) „Общественныя сплетенія...... вотъ та стародавняя орфическая цѣпь, о которой уже древніе орфики говорили въ своихъ пѣсняхъ, что она неразрывно связываетъ и соединяетъ между собой все сущее. И страннымъ образомъ, не безъ нѣкотораго глубокаго смысла и юмора, эта древняя орфическая цѣпь до сихъ поръ и въ нашемъ меркантильномъ мірѣ, у нашихъ купцовъ и предпринимателей, носитъ свое стародавнее орфически-стоическое названіе. Эта связь общественныхъ сплетеній, эта цѣпь, которая связываетъ между собой всѣ существующія, но не поддающіяся вѣдѣнію обстоятельства, въ нашемъ меркантильномъ мірѣ именуется — конъюнктура". Ferdinand Lassalle, „Kapital und Arbeit" въ „Reden u. Schriften" ed. Bernstein, Bd. III. Berlin 1893, S. 43—44.

[20]) „Sie werden finden, dass ihr (der isolirten Wirtschaft) der nationalökonomische Stoff gänzlich abgeht".

упраздняють понятіе изолированнаго хозяйства... Въ этомъ состояніи должны имѣться извѣстныя хозяйственныя понятія: потребность, средства ихъ удовлетворенія, трудъ, производство, продуктъ, капиталъ, въ извѣстномъ смыслѣ—доходъ, потребленіе, оцѣнка продукта по издержкамъ (труда) и оцѣнка его по удовлетворенію потребности. Должны въ такомъ состояніи совершаться извѣстные виды хозяйственной дѣятельности: такіе, которые относятся къ производству и верховнымъ правиломъ которыхъ является — съ наименьшими возможными издержками (труда) производить возможно больше продукта, и такіе, которые относятся къ потребленію и верховнымъ правиломъ которыхъ является — возможно меньшимъ количествомъ продукта удовлетворять возможно большія потребности. Здѣсь, стало быть, должны уже вестись хозяйство производственное и хозяйство потребительное, каковыя оба объемляются общимъ понятіемъ хозяйства, т. е. экономнаго обращенія съ продуктами труда (Haushalten mit Arbeitsprodukten). Но здѣсь, помимо очерченныхъ, не можетъ быть никакихъ другихъ хозяйственныхъ понятій и дѣятельностей. Въ частности здѣсь немыслимы ни понятія національной потребности, національнаго производства, національнаго продукта, національнаго капитала, національнаго дохода, ни понятія распредѣленія и обращенія благъ, цѣнности (мѣновой цѣнности) и денегъ. Всѣ эти понятія, вслѣдствіе индивидуалистическаго единства, въ которомъ еще находится хозяйственная жизнь, и невозможны и ненужны; по своей природѣ они вовсе не укладываются въ сферу индивидуальнаго производственнаго и потребительнаго хозяйства. Точно такъ же въ изолированномъ хозяйствѣ, кромѣ упомянутыхъ производственно-хозяйственныхъ и потребительно-хозяйственныхъ дѣятельностей, нѣтъ надобности въ какихъ-либо иныхъ, для того чтобы удовлетворить конечной цѣли хозяйства. Не требуется никакой особенной дѣятельности для того, чтобы устанавливать потребности и сообразно съ ними поддерживать производство; не нужно никакой особенной дѣятельности, чтобы поднять производство на уровень уже достигнутыхъ производительныхъ средствъ; не требуется никакой особенной дѣятельности для того, чтобы заботиться о распредѣленіи между производителями или хотя бы о томъ, чтобы каждому отдѣльному индивиду дѣйствительно доставался его продуктъ. Всѣ эти условія безъ сомнѣнія остаются условіями полнаго до-

стиженія конечной цѣли хозяйства. Ибо къ чему было бы производить возможно больше продукта съ возможно меньшей затратой труда, если произведенный продуктъ не удовлетворяетъ потребности? Благосостояніе производителя было бы безъ всякой надобности ограничено, если бы количество продукта не отвѣчало его производительнымъ средствамъ, его готовому труду. Какой напрасный трудъ представляло бы его производство, если бы продуктъ вовсе не доставался ему въ качествѣ дохода, если бы какое-нибудь препятствіе лишило бы его возможности пользоваться этимъ продуктомъ? Но, благодаря тому индивидуалистическому единству, въ которомъ еще находится изолированное хозяйство, всѣ эти условія выполняются сами собой либо посредствомъ простого акта воли, либо непосредственно силой вещей. Изолированный хозяинъ, производящій исключительно для самого себя, непосредственно освѣдомленъ о своихъ потребностяхъ; онъ владѣетъ непосредственно и исключительно всѣми своими наличными производительными силами и такъ же ими управляетъ; наконецъ, онъ непрерывно находится въ обладаніи всего своего продукта; такимъ образомъ, его дѣятельность сама собой соотвѣтствуетъ его потребностямъ и производительнымъ средствамъ, его доходъ всегда самъ по себѣ равняется его продукту. Поэтому все хозяйственное содержаніе въ изолированномъ хозяйствѣ исчерпывается двумя лишь сферами производственнаго и потребительнаго хозяйства. Если хозяинъ въ этихъ двухъ сферахъ дѣйствуетъ цѣлесообразно, то его хозяйствованіе вполнѣ отвѣчаетъ своей конечной цѣли, онъ получаетъ наивысшее хозяйственное удовлетвореніе. Область производственнаго хозяйства непосредственно соприкасается съ областью хозяйства потребительнаго. Какъ только продукты въ первой области готовы, они сами собой переходятъ во вторую. Нѣтъ, такъ сказать, никакого промежуточнаго пространства, чрезъ которое должны были бы проходить продукты, и которое поэтому должно было бы занимать хозяйство третьяго рода.

«Съ раздѣленіемъ труда это совершенно измѣняется.

«Съ раздѣленіемъ труда между индивидами возникаетъ общеніе, которое придаетъ всѣмъ понятіямъ изолированнаго хозяйства новый характеръ, изымающій ихъ изъ сферы единичнаго производственнаго и потребительнаго хозяйства. Это общеніе присоединяетъ къ указаннымъ новыя хозяйственныя понятія,

которымъ нѣтъ даже никакихъ аналогій въ изолированномъ хозяйствѣ» [21]).

Приведенное разсужденіе Родбертуса для насъ весьма интересно и своими сильными, и своими слабыми сторонами. Въ немъ, во-первыхъ, весьма хорошо показана своеобразная природа тѣхъ категорій, которыя мы назвали хозяйственными, и ихъ отличіе отъ категорій, возникающихъ на почвѣ хозяйственнаго общенія. Съ другой стороны, на разсужденіи Родбертуса можно демонстрировать хаотическое смѣшеніе понятій. Изолированное хозяйство, въ томъ смыслѣ, который имѣетъ въ виду Родбертусъ, есть, какъ хозяйственный строй, либо совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ либо, если оно мыслится совершенно отрѣзаннымъ отъ всякаго соприкосновенія съ другими хозяйствами, оно есть замкнутое хозяйство, представляющее телеологическое единство. Но отсутствіе «раздѣленія труда» вовсе не существенно для хозяйства въ этомъ смыслѣ, для него характерно отсутствіе тѣхъ явленій, которыя возникаютъ изъ «общенія» между самоопредѣляющимися хозяйствующими субъектами. Родбертусъ противопоставляетъ «индивида» и «общество», «изолированное хозяйство» и «народное хозяйство», тогда какъ и для его цѣли важно совсѣмъ другое противопоставленіе: «хозяйствованія» и «хозяйственнаго общенія», телеологическаго единства и системы взаимодѣйствій, телеологически не объединенныхъ. Намъ, пожалуй, возразятъ, что Родбертусово противопоставленіе имѣетъ историческое значеніе, между тѣмъ какъ наше оперируетъ съ логическими абстракціями. Это однако невѣрно. Во-первыхъ, «изолированное хозяйство» Родбертуса есть тоже абстракція, не воспроизводящая никакой исторической дѣйствительности. И для пониманія экономическихъ явленій въ ихъ развитіи и смѣнѣ строгое систематическое расчлененіе этихъ явленій представляется безусловно необходимымъ. Оно въ одно и то же время обезпечиваетъ систематическую ясность и предохраняетъ отъ упрощенія сложной исторической дѣйствительности ради такой ясности. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что, строя наши понятія, мы задаемся цѣлью не непосредственно характеризовать историческую послѣдовательность конкретныхъ явленій, а представить расчлененіе единой хозяйственной жизни на различныя одновременно существующія сто-

[21]) Rodbertus. Das Kapital. Ausg. 1899, S. 72—77.

роны, имѣющія различное реальное значеніе, которое и подлежитъ установленію при помощи такого расчлененія и изолированнаго разсмотрѣнія. Въ хозяйственной жизни современнаго общества «изолированное хозяйство» и «самодовлѣющее хозяйство» (экономическая автаркія) почти не существуютъ, но хозяйствованіе продолжаетъ играть огромную роль. Раздѣленіе труда упразднило экономическую автаркію, но не экономическую автономію (самоопредѣленіе) хозяйствующихъ субъектовъ. Родбертусъ въ своей исторической классификаціи смѣшиваетъ всякое взаимодѣйствіе людей въ ихъ хозяйственной жизни, всякую взаимную зависимость вообще съ той особой формой зависимости, въ основѣ которой лежитъ экономическая автономія. Поэтому-то Родбертусъ противопоставляетъ всякое взаимодѣйствіе людей въ хозяйственной жизни индивидуальной экономической автаркіи, «изолированному хозяйству»; мы же изолированное хозяйство и самое полное экономическое взаимодѣйствіе людей безъ экономической ихъ автономіи — на основаніи признака телеологическаго единства — подводимъ подъ одно понятіе хозяйства, и изъ этого понятія, а не изъ понятія «изолированнаго хозяйства», выводимъ особый разрядъ категорій: категоріи хозяйственныя. И дѣйствительно, во всякомъ хозяйствѣ, построенномъ по типу телеологическаго единства, должны имѣться на лицо хозяйственныя явленія, но не могутъ быть констатированы явленія междухозяйственныя, потому что такому хозяйству, — безразлично, служитъ ли оно одному индивиду (одной семьѣ), или же цѣлымъ милліонамъ семей, — совершенно недостаетъ «der nationalökonomische Stoff», понимая подъ послѣднимъ содержаніе хозяйственнаго общенія, какъ системы взаимодѣйствія между истинными хозяйствами.

7. Категоріи хозяйственныя и междухозяйственныя отличаются однѣ отъ другихъ въ нѣкоторыхъ, очень интересныхъ съ точки зрѣнія теоріи познанія и психологіи, отношеніяхъ. Въ чистомъ хозяйствѣ разсматривается отношеніе хозяйствующаго субъекта ко внѣшнему міру, и его отношеніе къ самому себѣ. Первое отношеніе обусловливаетъ его зависимость отъ «объективныхъ» силъ и законовъ природы; второе, наоборотъ, опредѣляетъ собой явленія субъективно-индивидуальныя. Такимъ образомъ область чистаго хозяйства есть сфера, въ которой господствуетъ своеобразное сплетеніе «объективнаго» и «субъективнаго». Отно-

шенія хозяйствующаго субъекта къ природѣ подчинены объективнымъ нормамъ; его потребности, являющіяся также регуляторомъ его хозяйственной дѣятельности, представляютъ моментъ субъективный: онъ выражается въ чувствѣ (а именно удовольствія или неудовольствія), т. е. въ такомъ состояніи сознанія, которое никогда не объективируется, не становится «предметнымъ», а всегда остается внутреннимъ, субъективнымъ.

Въ хозяйственномъ общеніи хозяйствующій субъектъ всегда разсматривается въ его отношеніяхъ къ другимъ такимъ же субъектамъ, и междухозяйственныя категоріи выражаютъ объективные (или объективирующіеся) результаты этихъ отношеній. Въ нихъ никогда нѣтъ ничего «субъективнаго», хотя они и происходятъ изъ «субъективнаго»; съ другой стороны, въ нихъ непосредственно не выражается также отношенія хозяйствующихъ субъектовъ къ природѣ, ко внѣшнему міру, въ нихъ нѣтъ ничего «объективнаго», или «естественнаго» въ этомъ смыслѣ слова. Всѣ междухозяйственныя категоріи выражаютъ, такимъ образомъ, всегда явленія и отношенія объективныя, но въ то же время человѣческія, — отношенія между людьми. Такъ субъективная цѣнность, превращаясь въ объективную (мѣновую) цѣнность, изъ состоянія сознанія, изъ чувства, пріурочиваемаго къ предметамъ (вещамъ), становится ихъ свойствомъ. Но это свойство имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку вещи существуютъ для людей, оно реально только въ хозяйственномъ общеніи; такимъ образомъ за свойствами вещей и ихъ отношеніями въ конечномъ счетѣ всегда скрываются человѣческія сужденія и отношенія людей. Отсюда ясно, что «овеществленіе», «объективація» человѣческихъ отношеній, т. е. то явленіе, которое Марксъ назвалъ фетишизмомъ товарнаго міра, въ хозяйственномъ общеніи является психологической необходимостью, а поскольку научный анализъ ограничивается—сознательно или безсознательно—хозяйственнымъ общеніемъ, фетишистическая точка зрѣнія является и методологически единственно правильной. Изслѣдуя при помощи междухозяйственныхъ категорій абстрактную форму автономно-экономическаго общенія, политическая экономія можетъ и должна оставаться на почвѣ фетишизма. Поскольку она ставила себѣ такую задачу, она съ вѣрнымъ чутьемъ разсматривала себя какъ ученіе объ обмѣнѣ («каталлактику» по выраженію архіепископа Уэтли), ибо обмѣнъ въ его абстрактной формѣ и основанное на

автономіи «хозяйственное общеніе» почти вполнѣ совпадаютъ. Любопытно отмѣтить отношеніе Маркса къ субъективнымъ и объективнымъ моментамъ въ хозяйственныхъ и междухозяйственныхъ категоріяхъ. Въ хозяйственныхъ категоріяхъ онъ игнорировалъ субъективный моментъ, не придавая ему значенія для построенія системы политической экономіи; въ междухозяйственныхъ онъ, наоборотъ, напиралъ на ихъ общественную, т. е. въ конечномъ счетѣ человѣческую подкладку, которая несомнѣнно должна и можетъ быть выведена изъ «субъективнаго», до котораго однако Марксъ не доходилъ, потому что изъ него не исходилъ. Съ другой стороны, разсматривая междухозяйственныя категоріи, Марксъ забывалъ, что въ своихъ конкретныхъ и реальныхъ проявленіяхъ онѣ неразрывно связаны съ отношеніями человѣка къ внѣшнему міру, природѣ, вещамъ, и что вещная природа хозяйственныхъ благъ не погашается вслѣдствіе того, что изъ-за нихъ возникаютъ отношенія между людьми. Другими словами, Марксу былъ совершенно чуждъ т. н. «субъективизмъ» («психологизмъ») въ политической экономіи; и въ то же время, изслѣдуя общественно-хозяйственныя явленія, онъ игнорировалъ, въ сущности, въ хозяйственной жизни все то, что опредѣляется «объективными» отношеніями хозяйствующаго субъекта ко внѣшнему міру. Его экономическая система носитъ такимъ образомъ въ одно и то же время и «антипсихологическій» (натуралистическій) и «соціологическій» (и въ этомъ смыслѣ антинатуралистическій) характеръ: отрицая «психологизмъ», она начинаетъ съ крайняго «натурализма» и кончаетъ отрицаніемъ всякаго «натурализма» ad majorem gloriam соціологической точки зрѣнія. Но соціологическая точка зрѣнія, въ концѣ концовъ, можетъ исходить только отъ человѣка и только отъ его психологіи, и потому ей противорѣчитъ отрицаніе психологіи, т. е. исключительно натуралистическая исходная точка зрѣнія теоріи трудовой цѣнности Маркса. Отсюда совершенно неизбѣжно вытекаетъ проходящее черезъ всю систему Маркса противорѣчіе между механически-натуралистическимъ и соціологическимъ пониманіемъ явленій хозяйственной жизни, противорѣчіе, непримиренное и по существу непримиримое на почвѣ свойственнаго Марксу некритическаго смѣшенія принципіально-различныхъ точекъ зрѣнія и категорій, необходимыхъ для полнаго научнаго пониманія единой хозяйственной жизни.

8. Рядомъ съ хозяйственными и междухозяйственными кате-

горіями единая хозяйственная жизнь знаетъ систему категорій соціальныхъ. Эти категоріи выражаютъ явленія, вытекающія изъ взаимодѣйствія хозяйствующихъ людей, занимающихъ различное соціальное положеніе. Основной предпосылкой этихъ категорій являются опредѣленныя «производственныя отношенія», которыя можно въ наиболѣе общей формѣ представить какъ классовое расчлененіе общества. Это расчлененіе не есть вовсе, вопреки мнѣнію Дитцеля, «необходимая методологическая предпосылка» хозяйственнаго общенія, какъ абстрактной конструкціи. Наоборотъ, оно является предположеніемъ, абсолютно чуждымъ этой конструкціи, какъ конструкціи систематической, и привносящимъ въ нее новыя черты болѣе конкретнаго характера, черты опредѣленной исторической формаціи общества.

Особенность соціальныхъ категорій состоитъ въ томъ, что онѣ, будучи принципіально отличными отъ категорій междухозяйственныхъ, во всякомъ обществѣ, построенномъ по типу хойзяйственнаго общенія, какъ бы принимаютъ форму категорій междухозяйственныхъ и, благодаря этому, какъ бы утрачиваютъ свой специфическій характеръ категорій, выражающихъ общественно-классовыя отношенія, въ общественномъ смыслѣ обезцвѣчиваются. То обстоятельство, что категоріи соціальныя въ хозяйственномъ общеніи облекаются въ костюмъ междухозяйственныхъ категорій, создаетъ видимость тождества между ними. Между тѣмъ, изъ «хозяйственнаго общенія» и его категорій такъ же нельзя вывести соціальнаго строя и его категорій, какъ и, наоборотъ, изъ соціальныхъ категорій нельзя построить хозяйственнаго общенія и его категорій. Изъ теоріи цѣны хозяйственныхъ благъ нельзя вывести ученія о «распредѣленіи», хотя доходы всѣхъ трехъ классовъ—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ—несомѣнно реализуются въ цѣнахъ. Точно такъ же изъ «распредѣленія» факторовъ производства между тремя классами нельзя вывести теоріи цѣны, хотя всякій продуктъ и всякая цѣнность должны заключать доли этихъ классовъ, «состоять» изъ «ренты», «прибыли» и «заработной платы». Въ истинномъ хозяйствѣ, т. е. въ хозяйствѣ, построенномъ по типу телеологическаго единства, не можетъ быть никакого хозяйственнаго общенія въ нашемъ смыслѣ и, стало быть, никакихъ междухозяйственныхъ категорій. Но соціальныя категоріи въ немъ, если бы субъектомъ его было цѣлое общество, хотя и не имѣли бы междухозяйственной

видимости, т. е. были бы экономически-безформенными, однако не перестали бы матеріально существовать; потому что онѣ суть опредѣляющія хозяйственную жизнь общества категоріи его соціальнаго строя. Если бы такое общество было расчленено на три класса, то продуктъ «распредѣлялся» бы между ними, несмотря на то, что хозяйственное общеніе отсутствовало бы.

Трудность анализа современной хозяйственной жизни, такъ наз. капитализма, заключается именно въ томъ, что здѣсь, въ силу особенностей хозяйственнаго строя, послѣдній сливается съ соціальнымъ строемъ въ одну, повидимому, неразъединимую для научнаго взора сѣть взаимоотношеній, въ совершенно пестрое сплетеніе хозяйственныхъ, междухозяйственныхъ и соціальныхъ категорій. Всего проще для объясненія этой таинственной и въ то же время закономѣрной сѣти свести все ея содержаніе на простыя и прозрачныя хозяйственныя категоріи. Такъ поступала вульгарная политическая экономія, просто-на-просто подъ общественные классы подставившая хозяйственныя категоріи: землю (общѣе, силы природы), капиталъ и трудъ, и выводившая доли или доходы общественныхъ классовъ изъ производительныхъ услугъ (services productives) этихъ факторовъ производства. Проблема чистаго хозяйства, проблема «экономическаго вмѣненія» (по геніальному выраженію Визера) здѣсь ставилась на мѣсто совершенно другой проблемы—соціальнаго распредѣленія продукта между людьми. Марксъ съ замѣчательной силой во 2-ой части III тома «Капитала» показалъ эту высшую ступень раскрытаго имъ фетишизма вульгарной экономіи, состоящаго въ овеществленіи общественныхъ отношеній, или, - какъ мы въ результатѣ нашего анализа можемъ методологически точно въ примѣненіи къ этому случаю формулировать—въ подмѣнѣ соціальныхъ категорій хозяйственными. Смѣшеніе воедино капитала какъ «общественнаго отношенія производства», съ капиталомъ какъ «средствами производства» есть наиболѣе типичная изъ такихъ ошибокъ. Капиталъ въ смыслѣ Маркса (и Родбертуса) и есть основная соціальная категорія. Съ другой стороны, самъ Марксъ впадалъ въ противоположную ошибку. Для него вся хозяйственная жизнь современнаго общества сводилась къ соціальнымъ категоріямъ (общественнымъ отношеніямъ производства) и ими объяснялась. Иначе и, пожалуй, точнѣе можно сказать, что Марксъ не сознавалъ глубокаго принципіальнаго различія

между различными «экономическими» категоріями, между категоріями хозяйственными, междухозяйственными и соціальными. Этимъ объясняется научная несостоятельность его конструкціи въ ея цѣломъ, конструкціи, въ которой соціальная категорія—капиталъ [22]), какъ общественное отношеніе, выводится изъ хозяйственной категоріи—цѣнности [23]). Эта методологически неправильная дедукція, основанная на смѣшеніи двухъ различныхъ проблемъ, приводитъ, какъ извѣстно, къ невыносимымъ противорѣчіямъ и по существу упраздняется самимъ авторомъ въ III томѣ.

Пониманіе «соціальныхъ» (по нашей терминологіи) категорій политической экономіи, какъ общественныхъ «производственныхъ отношеній», и противопоставленіе этой соціологической точки зрѣнія натурализму вульгарной политической экономіи составляетъ характернѣйшую черту научной системы Маркса. Но какъ всѣ новыя идеи, эта плодотворная мысль появилась на свѣтъ Божій въ крайне несовершенной формѣ, безъ всякой логической обработки и безъ всякаго стройнаго эмпирическаго развитія. Какія «экономическія категоріи» Марксъ называлъ общественными отношеніями? Нельзя не сказать, что, если собрать всѣ вещи, объединяемыя имъ подъ этимъ наименованіемъ, то получится странная компанія, нѣкоторое, какъ говорятъ нѣмцы, Sammelsurium. Всего систематичнѣе и полнѣе, но зато всего некритичнѣе

---

[22]) Книсъ совершенно правильно замѣтилъ, что споръ о капиталѣ не есть споръ объ одномъ и томъ же объектѣ; наоборотъ, онъ сводится къ тому, что капиталомъ именуются различные объекты. См. K. Knies Das Geld, 2-te Aufl. Berlin 1875, S. 70–77. Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, Braunschweig, 1883, S. 103–106. Заслуга Маркса состоитъ не въ методологически неправильной принципіальной полемикѣ противъ „вульгарнаго" понятія капитала, а въ выясненіи того, что реальные факты, которые вульгарная экономія трактовала подъ названіемъ капитала, объемлютъ собой и исторически опредѣленныя соціальныя отношенія, и что вульгарная экономія этого не понимала или это утаивала. Инымъ путемъ, но при помощи логически болѣе совершенной конструкціи, въ основѣ которой лежало послѣдовательное различеніе капитала, какъ вещей, и капитала, какъ собственности, къ тому же результату пришелъ Родбертусъ, который вообще въ чисто логическомъ анализѣ понятій, на мой взглядъ, превосходитъ Маркса.

[23]) Это сказывается въ характерномъ для системы Маркса и, въ частности, для его теоріи цѣнности смѣшеніи двухъ точекъ зрѣнія — „соціологической" и „натуралистической", которыя постоянно причудливо переплетаются въ его построеніяхъ.

точка зрѣнія на экономическія категоріи, какъ на общественныя отношенія производства, проведена въ «Misère de la philosophie» (первое изданіе нѣмецкаго перевода, стр. 100). Здѣсь «отношеніями производства» являются «спросъ» и «предложеніе» (стр. 16), «раздѣленіе труда», «кредитъ», «деньги» (стр. 94—95). Наконецъ, на стр. 130 мы читаемъ: «Современная фабрика, основанная на примѣненіи машинъ, есть общественное отношеніе производства, экономическая категорія». Очевидно, что здѣсь общественными производственными отношеніями считаются всѣ рѣшительно общеупотребительныя экономическія понятія нашего времени, и это несомнѣнно постольку правильно, поскольку содержаніемъ этихъ понятій являются такъ или иначе общественныя отношенія людей въ процессѣ хозяйственной жизни. Но въ такомъ случаѣ понятіе общественнаго производственнаго отношенія становится чрезвычайно неопредѣленнымъ, обозначая всякій общественно-хозяйственный фактъ, и примѣненіе такого широкаго понятія весьма мало выясняетъ природу основныхъ категорій хозяйственной жизни.

9. Въ «Капиталѣ» Маркса, соотвѣтственно его содержанію, главное мѣсто отведено двумъ экономическимъ категоріямъ: цѣнности и капиталу. Объединеніе этихъ двухъ категорій въ одномъ высшемъ понятіи общественнаго производственнаго отношенія врядъ ли содѣйствуетъ уясненію реальнаго содержанія этихъ категорій. Пониманіе капитала, какъ общественнаго отношенія производства, есть одно изъ самыхъ блестящихъ соціологическихъ обобщеній Маркса. Но именно примѣненіе къ тѣмъ реальнымъ фактамъ, которые Марксъ называетъ «капиталомъ», понятія общественнаго производственнаго отношенія, дающее понятію такого отношенія совершенно опредѣленное и чрезвычайно важное соціологическое содержаніе, дѣлаетъ невозможнымъ подведеніе цѣнности подъ это понятіе. Цѣнность, какъ категорія междухозяйственная, если и можетъ быть названа общественнымъ отношеніемъ, то—въ смыслѣ, совершенно другомъ, рѣзко отличающемъ ее отъ капитала.

Разсмотримъ сперва капиталъ какъ общественное производственное отношеніе. Главнѣйшимъ содержаніемъ его является купля-продажа рабочей силы. Капиталистъ покупаетъ рабочую силу для полученія дохода съ капитала (прибавочной цѣнности, по извѣстной терминологіи Маркса), рабочій продаетъ ее для

поддержанія существованія. Капиталъ есть—съ точки зрѣнія Маркса—исторически опредѣленное отношеніе въ процессѣ производства между цѣлыми общественными классами.

Кромѣ того, понятіе капитала въ системѣ Маркса объемлетъ собой общественное отношеніе между всѣми получателями чистаго общественнаго дохода (общественной прибавочной цѣнности). Это отношеніе является на самомъ дѣлѣ сложной системой отношеній между получателями нетрудового дохода. Оно образуется, во 1-хъ, изъ отношенія между капиталистами. Это внутриклассовое отношеніе составляетъ одинъ изъ моментовъ, опредѣляющихъ уровень прибыли, и выражается въ капиталистической конкуренціи предпринимателей. Далѣе, въ составъ сложной системы отношеній между получателями нетрудового дохода входитъ отношеніе между капиталистами и земельными собственниками, отношеніе, изъ котораго вытекаетъ земельная рента. Сложный характеръ капитала, какъ общественнаго отношенія, превосходно раскрытъ самимъ Марксомъ въ одномъ мѣстѣ III тома.

«Въ прибавочной цѣнности—говоритъ онъ—обнажено отношеніе между капиталомъ и трудомъ; въ отношеніи между капиталомъ и прибылью, т. е. капиталомъ и прибавочной цѣнностью, являющеюся, съ одной стороны, реализуемымъ въ процессѣ обращенія излишкомъ надъ стоимостью (Kostpreis) товара, съ другой стороны, излишкомъ, опредѣляемымъ ближайшимъ образомъ отношеніемъ прибавочной цѣнности къ совокупному капиталу, капиталъ выступаетъ какъ отношеніе къ самому себѣ, отношеніе, въ которомъ онъ отличаетъ себя въ качествѣ первоначальной суммы цѣнности отъ нѣкой, созданной имъ самимъ, новой цѣнности» [24]). Здѣсь Марксъ выразилъ свою геніальную точку зрѣнія, которая заключаетъ въ себѣ соціологическую критику вульгарной политической экономіи, въ терминахъ этой послѣдней. Говоря, что въ явленіяхъ прибыли «капиталъ выступаетъ какъ отношеніе къ самому себѣ», онъ хотѣлъ сказать, что капиталъ какъ цѣльное и исторически опредѣленное соціальное явленіе есть сложная система отношеній, объемлющая и отношеніе между собою всѣхъ получателей прибавочной цѣнности.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что капиталъ, какъ экономи-

---

[24]) „Kapital" III, 1, 23.

ческая категорія, есть система междуклассовыхъ и внутриклассовыхъ соціальныхъ отношеній, система, выражающаяся въ опредѣленныхъ экономическихъ явленіяхъ и предполагающая опредѣленные юридическіе институты.

Существенно иной характеръ имѣетъ т. н. объективная цѣнность. Совершенно ясно, что, если цѣнность есть общественное отношеніе, то это есть общественное производственное отношеніе между людьми въ обмѣнѣ. Это общественное отношеніе людей скрывается подъ формой вещнаго отношенія, отношенія между вещами, продуктами труда [25]).

Цѣнность, какъ общественное отношеніе, отличается тѣмъ отъ капитала, что оно есть такое отношеніе между покупателемъ и продавцемъ, для котораго безразлично классовое положеніе того и другого. Оно есть общественное отношеніе, въ которомъ въ то же время непосредственно не выражается никакого классоваго отношенія. Неудивительно, поэтому, что характеръ цѣнности, какъ общественнаго отношенія, былъ узнанъ гораздо раньше, чѣмъ таковой же характеръ капитала. Марксъ самъ ссылается на Галіани [26]); еще, быть можетъ, явственнѣе такое пониманіе цѣнности у Летрона. который говоритъ: «les productions acquierent... dans l'état social une qualité nouvelle, qui nait de la communication des hommes entre eux: cette qualité est la valeur» [27]).

Соціальныя категоріи хозяйственной жизни выражаютъ отношенія между хозяйствующими людьми, занимающими опредѣленное (классовое) положеніе въ обществѣ, а не между абстрактными равными между собой хозяйствующими субъектами, взаимодѣйствуюшими въ «хозяйственномъ общеніи». Тамъ, гдѣ нѣтъ «хозяйственнаго общенія», соціальныя отношенія и выражающія ихъ категоріи не принимаютъ формы «экономическихъ категорій» въ обычномъ смыслѣ слова, а выступаютъ въ чистомъ видѣ (мы уже говорили объ этомъ выше, проводя различіе между строемъ хозяйственнымъ и строемъ соціальнымъ).

---

[25]) См. „Капиталъ", русск. пер. подъ ред. Струве (изд. первое), стр. 33—36.

[26]) См. цитату на стр. 36 т. I „Капитала" по переводу подъ моей редакціей.

[27]) „De l'interêt social". Physiocrates, ed. Daire, 2-me partie, Paris 1846 p. 889.

10. Для бытія хозяйственныхъ категорій не нужно ни общества, ни хозяйственнаго общенія. Въ этомъ смыслѣ онѣ могутъ, въ качествѣ «естественныхъ», противополагаться остальнымъ категоріямъ, какъ «соціальнымъ» (въ смыслѣ Дитцеля). Во всякомъ абсолютно чистомъ «хозяйствѣ» междухозяйственныя категоріи должны отсутствовать, а наши соціальныя категоріи выступать въ чистомъ видѣ, безъ экономическаго костюма.

Поскольку существуетъ «общество», существуютъ «соціальныя отношенія.» Общество, какъ «система хозяйствъ», отличается отъ общества, какъ «хозяйства», только тѣмъ, что соціальныя отношенія въ первомъ облекаются въ костюмъ «экономическихъ категорій», а въ послѣднемъ выступаютъ въ чистомъ видѣ. Тамъ, гдѣ есть рабскій трудъ, нѣтъ заработной платы, но отношенія господства и зависимости между собственниками средствъ производства и носителями рабочей силы существуютъ вездѣ, гдѣ процессъ общественной дифференціаціи выдѣлилъ такіе два разряда людей. Такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что то общественное отношеніе, которое скрывается подъ экономическимъ костюмомъ «капитала» и о которомъ подъ этимъ наименованіемъ трактуетъ Марксъ, древнѣе своего облаченія, и что, стало быть, специфическое содержаніе соціальныхъ категорій, какъ таковыхъ, пожалуй, устойчивѣе ихъ экономической формы,—междухозяйственныхъ категорій. Другими словами, капиталъ не только какъ хозяйственная категорія, но и какъ категорія чисто соціальная, пожалуй, менѣе «историченъ», чѣмъ «капиталъ» въ самомъ «вульгарномъ» смыслѣ слова, какъ сумма денегъ, приносящая доходъ [28])

Въ виду всего изложеннаго, мы, кажется, имѣемъ право сказать, что наше раздѣленіе «экономическихъ» категорій, въ значительной мѣрѣ совпадая по своимъ мотивамъ съ раздѣленіемъ на «естественныя» и «соціальныя» («абстрактныя» и «историческія»), заслуживаетъ предпочтенія передъ этимъ послѣднимъ, какъ логически болѣе ясное и точное, а потому и методологически для догматическихъ, или систематическихъ цѣлей политической

---

[28]) Въ новѣйшей научной литературѣ реабилитировать и обосновать это популярное понятіе капитала, какъ извѣстно, пытался Менгеръ. См. его статью „Zur Theorie des Kapitals“ въ Conrads „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ N. F. Bd. XVII.

экономіи болѣе плодотворное [29a]). Примѣняя это раздѣленіе, мы можемъ избѣгнуть превратнаго смѣшенія вопросовъ историческаго развитія формъ хозяйственной жизни съ догматическимъ анализомъ экономическихъ фактовъ капиталистическаго общества, въ которомъ явленія и отношенія хозяйственныя, междухозяйственныя и социальныя сплетаются и переплетаются въ сложную сѣть. Распутать эту сѣть можетъ только такой анализъ, который будетъ обладать достаточно острыми орудіями—точными понятіями, будетъ, въ методологическомъ отношеніи, стоять на высотѣ предлежащей ему трудной задачи.

11. До сихъ поръ мы употребляли выраженіе «общество», предполагая смыслъ его общепонятнымъ и единымъ. Это не такъ. Подъ словомъ «общество» часто разумѣются различныя вещи, выражаясь точнѣе, различные аспекты какого то единаго реальнаго явленія. Наше различеніе разныхъ типовъ хозяйственнаго строя поможетъ намъ прійти къ правильной формулировкѣ понятія «общество». Въ литературѣ и въ широкой публикѣ распространено законное предубѣжденіе противъ опредѣленій или дефиницій. И въ самомъ дѣлѣ, въ научной литературѣ существуетъ достаточное количество безполезныхъ дефиницій. Опредѣленіе представляетъ научную цѣнность, поскольку оно есть орудіе научнаго познанія и въ качествѣ таковаго оно имѣетъ извѣстную условную цѣнность. Но съ другой стороны опредѣленіе не можетъ, представляя научную цѣнность, быть условнымъ въ смыслѣ произвольности. И это сводится къ тому, что всякое научно цѣнное опредѣленіе должно in nuce заключать въ себѣ цѣлую теорію. Оно есть сокращенная формула для теоріи. А теорія какого-нибудь явленія никогда не есть нѣчто условное и произвольное. Она всегда въ концѣ концовъ должна имѣть свое оправданіе въ живомъ и цѣлостномъ видѣніи дѣйствитель-

[29a]) Дитцель былъ очень близокъ къ нашей систематикѣ, установивъ понятія „внутрихозяйственныхъ" („binnenwirtschaftliche") и „внѣшнехозяйственныхъ" („aussenwirtschaftliche") явленій и совершенно ясно схвативъ отличительные признаки истиннаго хозяйства, независимо отъ того, кто является его субъектомъ (ср. Theor. Sozialökonomik, I, S. 122—123). Характерно что Дитцелю, этому проницательному противнику безсистемнаго и безъидейнаго историзма, созданіе вполнѣ правильной систематики не удалось только потому, что онъ въ ней отдалъ извѣстную дань историзму, что и помѣшало ему неуклонно провести чисто систематическую точку зрѣнія.

ности, должна покоиться на извѣстномъ художественномъ, эстетическомъ воспріятіи, быть интуитивна и непререкаема въ этомъ смыслѣ [29b]).

Наше различеніе трехъ типовъ хозяйственнаго строя имѣетъ гораздо болѣе общее и широкое примѣненіе и значеніе, чѣмъ то, которое мы ему давали и придавали до сихъ поръ. Это—схема классификаціи вообще всякихъ объектовъ, которые выступаютъ передъ нами, какъ нѣкоторыя цѣлыя, составленныя изъ единицъ, или на нихъ разложимыя. Цѣлое можетъ представлять простую совокупность единицъ. Простѣйшимъ примѣромъ такой совокупности будетъ пространство земли, на которомъ на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи другъ отъ друга наставлены или вбиты колышки. Такую же простую совокупность представляетъ и пирамида шаровъ, и песочная куча — по крайней мѣрѣ для того, кто не предполагаетъ, т. е. либо не подозрѣваетъ, либо сознательно игнорируетъ «взаимодѣйствіе» между единицами такой совокупности и въ то же время способенъ раздѣльно воспринимать, различать эти единицы. Совершенно другое «цѣлое» представляетъ такое соединеніе элементовъ, въ которомъ существуетъ (предполагается, мыслится, воспринимается) взаимодѣйствіе между этими элементами. Если цѣлое перваго порядка мы можемъ назвать «реальной совокупностью» [29c]), то цѣлое второго порядка мы можемъ назвать «системой». Яркимъ примѣромъ системы можетъ служить лѣсъ, или лѣсное насажденіе. Согласно принятому въ наукѣ лѣсоводства воззрѣнію, «насажденіемъ слѣдуетъ называть лишь такое соединеніе древесныхъ породъ, при которомъ обнаруживается какъ взаимное вліяніе деревъ другъ на друга, такъ и на занятую ими почву и атмосферу» [30]). Между совокупностью вби-

[29b]) Эту мысль я развивалъ въ своей вступительной лекціи въ Спб. Политехническомъ Институтѣ, напечатанной въ „Русской Мысли“ (1908, октябрь) подъ заглавіемъ „Объ экономическомъ видѣніи и предвидѣніи“, и постоянно провожу въ своихъ чтеніяхъ. Въ общей философской формѣ, съ конгеніальнымъ проникновеніемъ въ духъ Гете, эту мысль развиваетъ С. Л. Франкъ въ статьѣ „Изъ этюдовъ о Гете. Гносеологія Гете“, въ „Русской Мысли“ (августъ 1910 г.).

[29c]) Другое понятіе „реальной совокупности“ съ иными цѣлями строитъ А. А. Чупровъ. Ср. его „Очерки по теоріи статистики“. Спб. 1909, стр. 76 и сл. Авторъ весьма удачно полемизируетъ съ Кистяковскимъ (Th. Kistiakowski. Gesellschaft und Einzelwesen. Berlin, 1899).

[30]) Проф. Г. Ф. Морозовъ. Содержаніе и задачи общаго лѣсоводства. Извѣстія Имп. Лѣсного Института Вып. XI. Спб. 1904 г. стр. 150.

тыхъ нами колышковъ, которыми покрыто данное пространство земли и которые предстаютъ намъ въ видѣ единой вещи, и лѣсомъ, какъ «сообществомъ деревъ», существуетъ цѣлая пропасть. Эта пропасть побуждаетъ современныхъ лѣсовѣдовъ трактовать лѣсъ не какъ «механическую совокупность деревъ», а какъ «сложный организмъ, всѣ части котораго обусловливаютъ другъ друга, который живетъ своей собственной жизнью» [31]). Однако, есть ли лѣсъ въ самомъ дѣлѣ организмъ и можемъ ли мы серьезно уподобить его человѣку, животному, растенію? Лѣсъ есть совокупность извѣстныхъ единицъ, пріуроченная къ извѣстному пространству, и сверхъ того, взаимодѣйствіе, или система этихъ единицъ. Лѣсъ столь же мало организмъ, какъ и фауна и флора моря, рѣки, пруда. Принципіально, по существу между населеніемъ пруда, т. е. его фауной и флорой, и лѣсомъ въ фитологическомъ и фаунистическомъ смыслѣ не существуетъ никакого различія. Лѣсъ есть цѣлое, какъ взаимодѣйствіе, какъ система, но не есть цѣлое, какъ субъективное телеологическое

[31]) Тамъ же, стр. 152. Ср. того же автора: „Ученіе о типахъ насажденій въ связи съ его значеніемъ для лѣсоводства", Спб., 1909. Ср. Paul Graebner. Die Pflanzenwelt Deutschlands. Lehrbuch d. Formationsbiologie. Leipzig 1909. Авторъ говоритъ о die natürlichen Pflanzengemeinschaften (Pflanzenvereine). Ср. также Felix Rosen Anleitung z. Beobachtung d. Pflanzenwelt. Leipzig 1909, SS. 140—141: „Die Anordnung der Pflanzen in der Natur ist von einer Reihe von Faktoren abhängig, unter welchen die „systematische" Verwandschaft nicht der wichtigste ist. Viel stärker wirken auf die Zusammensetzung der Flora eines Bezirkes neben der Natur des Bodens und der erdgeschichtlichen Vergangenheit die biologischen Bedingungen ein. Pflanzen, welche die Aufgaben des Lebens in ähnlicher Weise lösen, vergesellschaften sich zu geschlossenen Verbänden, in den wieder andere Gewächse als Gäste, Schützlinge oder auch als Feinde ihre Lebensbedingungen finden. So entstehen die Pflanzenvereine, deren manche uns wohl vertraut sind. Dies gilt vor allem vom Wald, der bemerkenswertesten Pflanzengenossenschaft auf unserer Erde...." (подчеркнуто мною). На понятіи „растительнаго сообщества" въ значительной мѣрѣ покоится наука „экологической (ойкологической) географіи растеній". Ср. Warming. Lehrbuch der ökologischen Pflanzengeographie 1896 (есть два русскихъ перевода) и соотвѣтствующую статью въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Арсеньева и Петрушевскаго.

Но Вармингъ, главный представитель и, въ извѣстной мѣрѣ, творецъ этой науки, выражается осторожнѣе и точнѣе, чѣмъ Гребнеръ и Розенъ, и мнѣ думается, стоитъ ближе ихъ къ истинѣ. „Между расти-

единство. Такимъ образомъ передъ нами обрисовывается третій, высшій видъ цѣлаго—цѣлое-единство. И опять-таки, какъ всякая система есть въ то же время совокупность, но не наоборотъ, такъ всякое единство есть система, но не наоборотъ. Общество есть система. Государство есть единство. Поэтому реальное государственное цѣлое, «государство» — въ обычномъ конкретномъ смыслѣ включаетъ въ себя общество, но есть нѣчто бо́льшее, чѣмъ общество. Субстратъ у общества и у государства одинъ и тотъ же—реальныя человѣческія единицы, или индивиды. Но въ то время, какъ у государства есть субъектъ, или, что́ то же, оно само есть субъектъ, у общества субъекта нѣтъ. Оно есть безсубъектное цѣлое. Общество не есть союзъ. Конечно, оно можетъ быть или по большей части бываетъ совокупностью союзовъ, но это не самое важное въ немъ, ибо оно есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ совокупность, а именно взаимодѣйствіе, органическая система живыхъ людей. Всякій отдѣльный право- и дѣеспособный человѣкъ и всякій настоящій союзъ людей подобны го-

тельными сообществами, съ одной стороны, и человѣческими или животными сообществами—съ другой, существуетъ—пишетъ онъ—извѣстное сходство, напримѣръ, и тутъ, и тамъ происходитъ изъ за пищи борьба между однородными недѣлимыми и она приводитъ къ угнетенію и гибели болѣе слабаго. Однако, различія еще больше. Растительныя сообщества являются самыми низкими формами сообщества; это по большей части лишь скопленіе единицъ, между которыми не происходитъ никакихъ взаимодѣйствій, имѣющихъ своей цѣлью общую пользу, скорѣе это постоянная борьба противъ всѣхъ. Только въ переносномъ смыслѣ можно говорить о томъ, что одни виды охраняютъ другіе, напримѣръ, въ случаѣ, когда наружныя недѣлимыя, наиболѣе подверженныя всякимъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ служатъ..... въ рощахъ защитой другимъ, болѣе высокимъ и стройнымъ недѣлимымъ. Они служатъ защитой не по собственному побужденію, какъ это бываетъ среди животныхъ сообществъ, и вовсе не приспособлены для того, чтобы служить охраной противъ общихъ враговъ. Въ растительныхъ сообществахъ царствуетъ только себялюбіе. Въ нихъ нѣтъ единствъ высшаго порядка или индивидуальностей въ томъ смыслѣ, какъ это бываетъ въ человѣческихъ обществахъ, въ которыхъ есть внутренняя организація съ центромъ и цѣлымъ рядомъ сочленовъ, работающихъ для взаимной пользы. Несомнѣнно и въ растительныхъ сообществахъ часто (а, быть можетъ, и всегда) существуетъ естественная взаимная зависимость однихъ членовъ сообществъ отъ другихъ и извѣстное отношеніе однихъ членовъ къ другимъ; они несомнѣнно, образуютъ единство высшаго порядка....., но тутъ нѣтъ раздѣленія труда, какъ это бываетъ въ человѣческихъ и

сударству тѣмъ, что они суть субъекты, и безконечно далеки отъ общества, потому что оно есть только система.

Для соціологіи нѣтъ, быть можетъ, различенія болѣе глубокаго и болѣе существеннаго, чѣмъ различеніе «единства» и «системы». И опять-таки значеніе этого различенія коренится въ томъ, что оно указуетъ на различіе, имѣющее самый общій и основной смыслъ. Система есть область ирраціональнаго, есть сфера, гдѣ господствуетъ начало гетерогоніи цѣлей [32]). Единство есть, наоборотъ, область раціональнаго, есть сфера, въ которой господствуетъ начало, полярное гетерогоніи цѣлей, начало автогоніи цѣлей. Въ системѣ дѣйствуетъ безсознательное, ибо въ ней ex hypothesi не можетъ быть субъективнаго сознанія. Наоборотъ, въ единствѣ

нѣкоторыхъ животныхъ обществъ, гдѣ извѣстныя недѣлимыя или извѣстныя группы недѣлимыхъ, какъ органы въ широкомъ смыслѣ слова, служетъ для пользы всего общества" (цит. по русскому переводу подъ ред. М. Голенкина и В. Арнольди „Ойкологическая географія растеній. Введеніе въ изученіе растительныхъ сообществъ». Москва 1901 г., стр. 137—138, съ нѣкоторыми исправленіями). Тутъ Вармингъ, несмотря на нѣкоторыя неясности, вплотную подошелъ къ различенію „системы" и „единства", какъ двухъ видовъ „цѣлаго". Вармингъ не видитъ только, что не человѣческія или животныя „общества" должны быть отличаемы отъ растительныхъ „сообществъ" (и противополагаемы имъ), а вообще всякія „системы" падлежитъ отличать отъ „единствъ" и имъ противопологать.

[32]а) Принципъ гетерогоніи цѣлей состоитъ въ томъ, что „вездѣ, гдѣ цѣлевыя представленія вступаютъ въ ходъ событій, какъ причинныя условія, дѣйствующій въ качествѣ причины цѣлевой мотивъ отнюдь не вполнѣ совпадаетъ съ являющейся слѣдствіемъ этой причины объективной цѣлью, но послѣдняя въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ превышаетъ предшествующее ему цѣлевое представленіе, или же, подъ вліяніемъ противодѣйствующихъ условій, отстаетъ отъ него. Всякая воля, поступающая цѣлесообразно, достигаетъ, поэтому, цѣлей, которыя не составляли предмета хотѣнія, потому что не предвидѣлись, и въ то же время, съ другой стороны, отдѣльныя бывшія въ представленіи цѣли, вслѣдствіе встрѣчаемаго ими сопротивленія, не осуществляются". См. W. Wundt. System der Philosophie. 2-te Aufl. Leipzig 1897. S. 328. Значеніе этого принципа въ исторіи человѣчества сильно подчеркивалъ Гегель: „Во всемірной исторіи изъ дѣйствій людей вообще можетъ получиться нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, къ чему они стремятся и чего достигаютъ, чѣмъ то, что они непосредственно знаютъ и желаютъ". Philosophie der Geschichte. 3 Aufl. Berlin 1848. S. 87. Превосходное развитіе этой мысли далъ Энгельсъ въ своемъ извѣстномъ этюдѣ о Фейербахѣ. Соотвѣтствующее мѣсто цитировано въ моихъ „Критическихъ Замѣткахъ", стр. 56—59.

все можетъ и должно быть сознательно. Между системой и единствомъ нѣтъ, конечно, абсолютной противоположности и непереходимой пропасти. «Систематическая» связь или что̀ то же, органическое взаимодѣйствіе можетъ рождать объективное телеологическое единство, создавать организмъ. Въ этомъ рожденіи цѣлаго изъ взаимодѣйствіи элементовъ и заключается онтологическая проблема «организма». Но всетаки «система» и «единство», какъ виды «цѣлаго», должны быть строго различаемы, и въ особенности это необходимо въ обществовѣдѣніи [32b]).

Соотвѣтственно различенію системы и единства, мы въ цѣломъ человѣческихъ дѣлъ, т. е. человѣческой жизни, основанной на сожительствѣ людей, можемъ различать два порядка явленій: явленія «систематическія», или гетерогеническія и явленія телеологическія, или автогеническія. Явленія телеологическія не совпадаютъ съ явленіями государственными, но эти послѣднія, можно сказать, суть явленія, существенно и характерно телеологическія, и потому психологически вполнѣ естественно, что онѝ въ общественной жизни заслоняютъ собою всѣ прочія явленія того же порядка. Государству не даромъ приписывается суверенитетъ: это означаетъ, что оно притязаетъ господствовать и фактически стремится господствовать надъ обществомъ, т. е. надъ системой человѣческихъ взаимодѣйствій. Отдѣльныя же единства, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагается общество, суверенны лишь въ очень узкихъ предѣлахъ, и автогеническій характеръ ихъ жизненныхъ отправленій погашается при превращеніи этихъ отправленій въ гетерогеническія явленія общественной жизни.

Отсюда ясно, что противоположеніе общества и государства, характерное для Гегеля и Лоренца фонъ Штейна, есть противоположеніе въ высшей степени существенное и жизненное. Благодаря забвенію глубочайшаго различія между обществомъ, какъ системой, и государствомъ, какъ единствомъ, происходитъ множество ошибокъ и недоразумѣній. Повидимому всѣ, кто говорятъ объ обществѣ и государствѣ, помнятъ и понимаютъ, что общество есть безсубъектное цѣлое, а государство есть субъективное единство. Но это только повидимому, ибо практичеекому

[32b]) См. развитіе нашего точки зрѣнія въ примѣненіи къ спеціальной проблемѣ „народнаго (національнаго) хозяйства“ въ экскурсѣ I: Экономическое цѣлое и политическое единство.

интересу, который всегда стремится раціонально овладѣть дѣйствительностью и до конца подчинить ее себѣ, претитъ двойственность этой дѣйствительности, и потому практическій интересъ всегда склоненъ мыслить общество по образу и подобію государства, т. е. не какъ систему, а какъ единство. Въ выше цитированномъ (стр. 20—23) большомъ отрывкѣ изъ Родбертуса и вообще у Родбертуса ярко проявляется эта тенденція. Черезъ всю политическую экономію XIX в., начиная со Шторха, тянется противоположеніе «частно-хозяйственной» и «народно-хозяйственной» точки зрѣнія. Все это противоположеніе основано на томъ, что общество, т. е. система, разсматривается какъ телеологическое единство. Но когда общество становится единствомъ, оно перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было раньше, т. е. системой. Поэтому общество-хозяйство, о которомъ мы говорили, есть, поскольку преобразованіе его въ хозяйство совершилось вполнѣ, уже не общество, а государство-хозяйство, есть въ своихъ хозяйственныхъ отправленіяхъ не система, а единство. Но бѣда въ томъ, что когда говорятъ о «народно-хозяйственной» точкѣ зрѣнія въ противоположеніи «частно-хозяйственной», общество, которое есть система, мыслятъ, какъ единство, т. е. подъ реальность подставляютъ фикцію. Тенденція эта къ персонификаціи общества, при которой оно мыслится не просто какъ цѣлое, а какъ субъектъ, возникаетъ тѣмъ легче, что общество, не будучи субъективнымъ телеологическимъ единствомъ въ человѣческомъ смыслѣ, въ тоже время не есть ни сумма, ни даже только реальная совокупность, а есть именно система, т. е. реальное цѣлое, основанное на взаимодѣйствіи элементовъ и имѣющее свою особую жизнь рядомъ съ жизнью «составляющихъ» его индивидовъ и группъ. Эта особая жизнь опредѣляется тѣмъ фактомъ, что индивиды умираютъ, а общество остается. Вопросъ о томъ, могутъ ли расходиться «интересы» всѣхъ личностей и общества, какъ цѣлаго, лишенъ смысла по отношенію къ обществу и личностямъ, поскольку они существуютъ одновременно. Но онъ пріобрѣтаетъ огромный реальный смыслъ, поскольку смертные индивиды и умирающія поколѣнія противополагаются безсмертному обществу и продолжающемуся роду. Никто не можетъ доказать a priori, что интересы личности и общества, такъ понимаемыхъ, солидарны и гармоничны. Мѣрило своего благополучія всякая личность и всякое живущее поколѣніе могутъ искать и находить только въ настоя-

щемъ. Но относительно безсмертное, если можно такъ выразиться, общество живетъ не только въ настоящемъ и не только ради него. Личность, конечно, можетъ жить и иногда живетъ ради будущаго, въ которомъ она не будетъ жить. Но это либо доступно ей въ порывѣ величайшаго, сверхличнаго идеализма, либо дается безсознательно. Раціонально, т. е. лично и сознательно, личность можетъ жить только въ настоящемъ и ради настоящаго.

Подъ общество, которое является системой, рождающей гетерогеническія, ирраціональныя явленія, подставляя государство, и наоборотъ, подъ планомѣрно и цѣлесообразно творящее государство подставляя общество, мы либо раціонализируемъ общество и тѣмъ самымъ извращаемъ его ирраціональную природу, либо придаемъ государству присущій обществу ирраціональный сверхличный характеръ. Государство, конечно, властвуетъ надъ человѣческими индивидуальностями и въ этомъ смыслѣ оно, если угодно, сверхиндивидуально. Но и въ качествѣ сверхиндивидуальнаго единства оно — persona, мыслится какъ личность. Лишь поскольку государство не связывается не только съ опредѣленными индивидуальностями, но и со всѣми живущими поколѣніями, съ живымъ «народомъ»,—оно можетъ выступать представителемъ и замѣстителемъ того безсубъектнаго и сверхличнаго, но реальнаго и живого цѣлаго, которое называется обществомъ. Есть цѣлая область экономическихъ вопросовъ, въ которыхъ самостоятельная реальность общества, какъ цѣлаго, противополагающаяся реальности составляющихъ общество индивидовъ, выступаетъ съ полной ясностью. Это—проблемы населенія, его количественнаго умноженія и качественнаго совершенствованія (такъ наз. «расовая гигіена» нѣмецкихъ авторовъ и «евгеника», или «ученіе о благорожденіи» англійскихъ). Въ этой области нельзя не признавать общества реальнымъ цѣлымъ, отличнымъ отъ индивидовъ и самостоятельно имъ противополагающимся. И потому это есть въ то же время та область, въ которой «общественнаго благополучія» нельзя построить, просто отправляясь отъ благополучія индивидовъ, ибо совпаденіе интересовъ индивидовъ и «общества» въ этой области отнюдь не можетъ подразумѣваться [33]).

---

[33]) Объ этомъ см. ниже въ экскурсѣ II: Размноженіе, общество, личность.

ГЛАВА II.

Основной дуализмъ общественно-экономическаго процесса и идея естественнаго закона.

1. Идея естественнаго закона господствуетъ въ развитіи политической экономіи. Она восходитъ къ стоикамъ и къ Гераклиту (стр. 41—45). 2. Эта идея въ новое время. Локкъ и Кенэ. (стр. 45—47) 3. Основное противорѣчіе этой концепціи. Натурализмъ В. Петти. (стр. 48—50). 4. Рожденіе историческаго направленія. Оплодотвореніе творческой мысли революціи творческой мыслью реакціи въ умахъ Сенъ-Симона и Маркса (стр. 50 — 56). 5. Крушеніе идеи естественнаго закона. Не заключаетъ ли однако эта идея элемента важной истины? (стр. 56—58). 6. Разъясненіе смысла этой идеи. Либерализму и соціализму въ ихъ чистыхъ и абсолютныхъ выраженіяхъ обща вѣра въ полную раціонализацію общественно-экономическаго процесса. Утопичность этой вѣры. (стр. 58—59). 7. Утвержденіе основного и имманентнаго дуализма общественно-экономическаго процесса. Отсюда—новый и особый смыслъ идеи „естественнаго закона" (стр. 60). 8. Отношеніе нашей идеи къ греческому противопоставленію φύσει и θέσει, къ раздѣленію Л. Уорда. къ пониманію Милля и Бруно-Гильдебранда. Мѣсто, занимаемое Марксомъ (стр. 60—67). 9. Дуализмъ общественно-экономическаго процесса при обсужденіи проблемы денегъ. Двойственное пониманіе денегъ у Аристотеля и римскихъ юристовъ. Феодальная теорія денегъ. Новая идея Орезмія. Значеніе его „трактата". (стр. 67—74) 10. Вопросъ о томъ, есть ли деньги явленіе автогеническое или гетерогеническое, не совпадаетъ съ тѣмъ вопросомъ, различное пониманіе котораго раздѣляетъ т. н. „номиналистовъ" и „металлистовъ" въ теоріи денегъ. Смѣшеніе этихъ проблемъ у Кнаппа. Критика его „Государственной теоріи денегъ", съ точки зрѣнія основного и имманентнаго дуализма (стр. 74—78). 11. Ясная постановка проблемы (стр. 78—79). 12. Діаметрально противоположныя позиціи исторической школы юристовъ и исторической школы экономистовъ по отношенію къ идеѣ „естественнаго закона". Смыслъ этого расхожденія. Нѣсколько замѣчаній о каноническомъ марксизмѣ и синдикализмѣ (стр. 79—84).

1. Въ настоящее время критическое мышленіе коснулось понятія закона и закономѣрности вообще. Въ частности понятіе

закона и предѣлы его примѣненія по отношенію къ историческому процессу, и тѣмъ самымъ къ явленіямъ общественной жизни, подверглись критическому пересмотру [1]). Но еще недавно идея естественнаго закона и естественной закономѣрности властвовала надъ всѣмъ человѣческимъ мышленіемъ вообще и, въ частности, наука политической экономіи вся характеризуется въ своемъ развитіи стремленіемъ освѣтить понятіемъ естественнаго закона все сложное многообразіе хозяйственныхъ явленій. Политическая экономія, какъ особая отрасль вѣдѣнія, возникаетъ вмѣстѣ съ усложненіемъ и развитіемъ хозяйственной жизни въ рамкахъ новаго государства, того государства, которое образовалось на развалинахъ феодальнаго строя, создало сильную центральную власть, освятивъ ее идеей государственнаго верховенства, и поставило эту власть на службу задачамъ хозяйственной жизни. Спеціальная наука политической экономіи вырабатывается изъ комбинаціи размышленій надъ практическими проблемами хозяйственной жизни, во все большемъ и большемъ количествѣ и во все большемъ и большемъ усложненіи выступающими передъ умами человѣчества, съ общими философскими идеями и мотивами, корни которыхъ уходятъ въ самые начатки систематическаго философствованія и которыя уже совершенно ясно обнаруживаются передъ нами въ античной философіи.

Когда экономисты XVIII-го вѣка, когда такіе мыслители, какъ Франсуа Кенэ, какъ Адамъ Смитъ разыскивали естественные законы хозяйственной жизни, они являлись продолжателями и развивателями старой философской традиціи, въ которой господствовала идея естественнаго порядка, лежащаго въ основѣ всего мірозданія.

Идея естественнаго закона и параллельная съ ней идея естественнаго права восходитъ къ греческой философіи. Но въ этомъ отношеніи экономическая мысль примыкаетъ не къ двумъ вели-

---

[1]) Я имѣю въ виду то научное движеніе, которое въ новѣйшее время связано съ именами Виндельбанда и Риккерта. Оно въ сущности подводитъ итоги всей мыслительной работы XIX вѣка. Въ этой работѣ безпристрастное потомство должно удѣлить видное мѣсто великому французскому метафизику Ренувье, къ которому восходятъ многія критическія и положительныя идеи нашего времени.

чайшимъ мыслителямъ древности, не къ Платону и Аристотелю, а къ стоикамъ, которые идутъ по слѣдамъ Гераклита [2a]).

Стоики, конечно, вліяли на экономическое мышленіе не своими экономическими идеями, а общимъ строемъ своей филосо-

[2a]) „Одинъ только философъ. . . . . . исполненный энтузіазма къ νόμος осмѣлился надѣлить его всѣми тѣми силами, которыя вообще присваивались ἀνάγκη, и такимъ образомъ уничтожилъ пропасть между νόμος и φύσις, предъ которой отступали другіе. Философомъ, который такимъ образомъ придалъ идеѣ νόμος'а высшее выраженіе и тѣмъ самымъ указалъ путь будущей работѣ мысли, былъ Гераклитъ. Его серьезно занимала мысль—освободить природу отъ человѣческихъ установленій (Menschensatzungen), которыми ее хотѣли связать. Онъ воспользовался старымъ представленіемъ о законахъ, какъ божественныхъ учрежденіяхъ или внушеніяхъ, когда—въ противоположность демократіи, которая вмѣстѣ съ новымъ временемъ все болѣе и болѣе очеловѣчивала законъ,—онъ возводилъ всѣ человѣческіе законы къ одному божественному—на мѣсто множества боговъ народа онъ поставилъ своего единаго всемогущаго Бога... Весь міръ становился одной большой πόλις со свойственнымъ ей νόμος, который является какъ формирующимъ и упорядочивающимъ началомъ, такъ и началомъ движущимъ и принуждающимъ и потому соединялъ въ себѣ оба необходимые элемента закона... Пусть другіе философскіе современники Гераклита питали сходныя мысли о міропорядкѣ и его причинахъ, чего при состояніи нашихъ источниковъ нельзя просто-на-просто отрицать,—во всякомъ случаѣ за Гераклитомъ остается та заслуга, что онъ тому, что другіе лишь смутно ощущали, далъ надлежащее наименованіе.... и такимъ образомъ смутно ощущаемое превратилъ въ твердое и осязательное представленіе". (Rudolf Hirzel. Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen Leipzig 1907, SS. 392—394). „Энергическими и вліятельными проповѣдниками" представленія о космосѣ, управляемомъ законами, явились стоики, „которымъ болѣе чѣмъ кому-либо другому мы обязаны популяризаціей этого первоначально принадлежавшаго Гераклиту представленія. Любопытно, что философія права, въ лицѣ Гераклита вычеканившая идею „естественнаго закона", была движима при этомъ консервативнымъ мотивомъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи эта идея оказывается удобной формой, послушно воспринимающей всякое соціальное и политическое содержаніе. Въ исторіи идеологій и въ особенности при ихъ истолкованіи съ точки зрѣнія „интересовъ" (соціально-классовыхъ и политическихъ) слѣдуетъ твердо помнить, что въ идеологическихъ построеніяхъ есть всегда два элемента: одинъ, который можно назвать формальнымъ, или идеологической формой, и другой, который можно назвать матеріальнымъ или, если угодно, соціально-телеологическимъ содержаніемъ. Такъ формой „естественнаго закона" можетъ быть „освящено" всякое содержаніе, аристократическое и демократическое, консервативное и революціонное.

фіи [2b]). Они исповѣдывали безусловную зависимость всего существующаго отъ всеобщаго закона, лежащаго въ основѣ мірового цѣлаго. Этотъ всеобъемлющій, все себѣ подчиняющій законъ мірового цѣлаго есть законъ и природнаго бытія, и законъ разума, и законъ нравственности. Тождество закона естественнаго и закона нравственнаго, природы и разума, есть характернѣйшее построеніе стоической философіи и оно наложило свой отпечатокъ, можно сказать, на цѣлыя столѣтія экономическаго мышленія. И слѣдуетъ замѣтить: такъ какъ стоиковъ интересовала по преимуществу этическая проблема (въ своей космологіи они были не оригинальны), то въ ихъ построеніи не нравственный моментъ былъ подчиненъ природному или естественному, а, наоборотъ, естественный или природный—нравственному. Поэтому не только государство или строй человѣческихъ отношеній вообще они разсматривали какъ естественный порядокъ, какъ космосъ въ нашемъ смыслѣ мірозданія, но и самое мірозданіе они представляли себѣ во образѣ государства, во образѣ упорядоченнаго единой волей строя отношеній, подобнаго организованному общежитію. Изъ этого построенія вытекаетъ ученіе объ естественномъ правѣ, которое не только предшествуетъ праву положительному, но и выше по своему достоинству, чѣмъ послѣднее. Это ученіе объ естественномъ правѣ, какъ о высшей совокупности нормъ человѣческой дѣятельности, господствовало цѣлые вѣка надъ юридическимъ мышленіемъ человѣчества [2c]) и теперь еще не изжито имъ,

[2b]) Ср. Rudolf Eucken, Geschichte und Kritik der Grundbegriffe der Gegenwart въ первомъ изданіи Leipzig 1878 SS. 115 u. ff. Eduard Zeller. Die Philosophie d. Griechen III, 1,1 (Vierte Auflage. Leipzig 1909), въ особенности SS. 160 u ff. Hirzel. Untersuchungen zu Ciceros philosophischen Schriften. II Theil Erste Abteilung: Die Entwicklung der stoischen Philosophie. Leipzig 1882. Ср. также Wilhelm Hasbach. Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von François Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Oekonomie. Leipzig 1890. Гасбаху принадлежитъ заслуга историческаго выясненія философскихъ основъ классической политической экономіи. Но одинъ корень „естественной" политической экономіи,—новое естествознаніе, имъ не вскрытъ.

[2c]) Ср. David G. Ritchie. Natural rights. A criticism of some political and ethical conceptions London 1895. Слѣдуетъ замѣтить, что въ пониманіи „естественнаго закона" между Гераклитомъ (и Аристотелемъ), съ одной стороны, и стоиками съ другой, глубокое различіе по существу. Гераклитъ отправлялся въ своемъ построеніи естественнаго закона отъ природнаго факта и ему подчинялъ вѣрнѣе; съ

хотя новѣйшее правовѣдѣніе до самаго послѣдняго времени употребляло всѣ старанія, чтобы поколебать и разрушить это ученіе. Но и отрицаніе естественнаго права есть тоже старая философская традиція. Она восходитъ къ софистамъ, а рядомъ со школой стоиковъ мы видимъ школу Эпикура, которая никакого естественнаго закона и естественнаго права въ только что очерченномъ смыслѣ не признавала. Для Эпикура естественное право не есть міровой нравственный законъ, это лишь договоръ о томъ, что должно быть, чтобы мы не вредили другимъ людямъ и они не вредили намъ. Все право основано на договорѣ или соглашеніи; все оно условно; всякое право есть поэтому то, что мы называемъ теперь положительнымъ правомъ [3a]).

2. Стоическая концепція естественнаго закона и естественнаго права перешла къ римлянамъ, къ Цицерону и къ римскимъ юристамъ [3b]); черезъ нихъ—къ христіанскимъ философамъ средневѣковья [4a]). Но особенно сильно и замѣтно было ея вліяніе въ эпоху возрожденія и въ позднѣйшее время [4b]). Ею вдохновлялись основатель естественнаго права, какъ самостоятельной науки—Гуго Гроцій и затѣмъ Локкъ, который удаленную отъ міра аскетическую мысль стоиковъ свелъ на землю. Центромъ естественнаго права у Локка была идея собственности, и притомъ—собственности трудовой. Это соотвѣтствовало общественному, или, выражаясь по

нимъ примирять велѣнія человѣческаго разума, такова же была тенденція и Аристотеля (ср. любопытныя замѣчанія о немъ у Ritchie, l. c. pp. 27—33). Стоики (и раньше ихъ софисты) отправлялись отъ велѣній разума, рѣзко противополагая ихъ природному факту.

3a) Zeller l. c. SS. 471 u. ff.

3b) Ср. Moritz Voigt. Die Lehre vom jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Ramer. Leipzig 1856. (Первый томъ четырехтомнаго въ цѣломъ труда). Paul Sokolowsky. Die Philosophie im Privatrecht. Halle a. S 1902 — 1907 (2 тома). R. W. Carlyle and A. I. Carlyle. A history of mediaeval political theory in the West. Vol. I. The second century to the ninth (by A. J. Carlyle). Edinburg a. London 1903. Все „введеніе“ этой книги посвящено идеямъ римскихъ писателей и юристовъ.

4a) A. J. Carlyle l. c. p. 145. „It is evident, we think, that under some difference of phraseology the Fathers are really carrying on the same theory as that of the Stoics as represented by Seneca“. Для позднѣйшаго средневѣковья ср. Otto Gierke. Johannes Althusius und die Entwicklung d. naturrechtlichen Staatstheorien. Zweite durch Zusätze vermehrte Ausgabe. Breslau 1902, S. 272 u. ff.

4b) Ср. Gierke, l. c. и Hasbach l. c.

марксистски, классовому положенію Локка, какъ выразителя подымающейся трудовой буржуазіи, стряхнувшей или стряхивавшей съ себя гнетъ абсолютнаго государства. Локкъ—отецъ политическаго и соціальнаго индивидуализма, творецъ ученія о томъ, что государство должно быть слабо, что его функціи сводятся лишь къ охранѣ собственности и свободы, что его задача исключительно правовая [4c]). Въ старыя формы философской мысли, заимствованныя черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ инстанцій у стоиковъ, Локкъ вылилъ стремленіе среднихъ классовъ Англіи къ общественно-правовому укладу, обезпечивавшему для нихъ охрану собственности и свободы.

Локкъ былъ экономистомъ. Онъ оставилъ нѣсколько спеціальныхъ сочиненій по практическимъ вопросамъ политической экономіи; но его естественное право не есть еще настоящее приложеніе идеи естественнаго закона къ хозяйственной жизни. Такое приложеніе мы встрѣчаемъ только у физіократовъ въ лицѣ главы и основателя школы — Франсуа Кенэ. Такъ же какъ Локкъ, Кенэ былъ врачемъ, но онъ былъ не просто лѣкаремъ, а врачемъ-философомъ. На его мышленіе опредѣляющимъ образомъ вліяло естествознаніе. Но все-таки основой его воззрѣній было старое стоическое построеніе, въ которомъ законъ нравственный и законъ естественный объединялся въ одно цѣлое.

Кенэ первый приложилъ идею естественнаго права и естественнаго закона къ хозяйственной жизни. Естественное право до физіократовъ заключало въ себѣ требованіе религіозной и политической свободы для личности [5a]), но никто до физіократовъ не провозглашалъ съ полной отчетливостью идеи хозяйственной свободы, какъ требованія естественнаго права, заложеннаго въ міровомъ естественномъ порядкѣ. Кенэ опредѣляетъ естественное право слѣдующимъ образомъ: le droit naturel de l'homme peut être défini vaguement, le droit que l'homme a aux choses, propres à sa jouissance [5b]). Существуетъ, думалъ Кенэ, естественный, не-

---

[4c]) Hasbach l. c., S. 53.

[5a]) Hasbach l. c.

[5b]) Quesnay. Oeuvres, ed. Oncken (Francfort s./M. et Paris 1898), p. 359, статья Le droit naturel. „Естественное" право онъ противополагаетъ праву „законному". „Le droit naturel des hommes diffère du droit légitime ou du droit décerné par les lois humaines, en ce qu'il est reconnu avec évidence par les lumières de la raison et que par cette évidence seule, il est obligatoire indépendamment d'aucune contrainte; au lieu que le droit

измѣнный, совершенный міропорядокъ, выражающій волю Творца. Человѣкомъ, благо котораго тоже соотвѣтствуетъ волѣ Творца, этотъ міропорядокъ можетъ быть познанъ въ его отношеніи къ пользѣ или вреду для человѣка. Изъ абсолютно совершеннаго міропорядка человѣкъ долженъ познать, что приноситъ ему наибольшую хозяйственную выгоду, что—вредъ. Первое онъ долженъ использовать, второго—избѣгать. Такимъ образомъ наиболѣе выгодный для человѣка хозяйственный порядокъ Кенэ приводитъ въ тѣснѣйшую связь съ общимъ міропорядкомъ. Государство должно отмѣнить положительные законы, противорѣчащіе естественному порядку, и провозгласить естественные законы, т. е., другими словами, сдѣлать ихъ своими положительными законами. Кенэ, такимъ образомъ, всецѣло стоитъ на почвѣ міросозерцанія, заложеннаго Гераклитомъ и стоиками, и первый дѣлаетъ изъ него выводы въ примѣненіи къ хозяйственной жизни.

3. Основное противорѣчіе этой концепціи очевидно. Въ ней царитъ первобытное смѣшеніе идеи естественнаго закона съ идеей закона нравственнаго. Объединеніе этихъ двухъ законовъ мыслимо въ порядкѣ метафизическомъ и у Кенэ оно вытекало изъ извѣстной метафизической доктрины, отличной отъ метафизики стоиковъ [6]). Но въ порядкѣ эмпирическомъ, на который его распространялъ основатель физіократизма, оно лишено смысла. Тѣмъ не менѣе возведеніе извѣстнаго моральнаго идеала—полной экономической свободы—въ естественный законъ, есть основной мотивъ экономическаго мышленія на пространствѣ болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія. Подъ обаяніемъ этой идеи всецѣло стоитъ и Адамъ Смитъ [7]). При всемъ различіи воззрѣній Смита, для котораго характеренъ чуждый физіократамъ соціологическій психо-

---

légitime limité par une loi positive est obligatoire en raison de la peine attachée à la transgression par la sanction de cette loi, quand même nous ne le connaîtrions que par la simple indication enoncée dans la loi" (l. c., p. 365).

[6]) Ср. Benedikt Güntzberg, Die Gesellschafts-und Staatslehre der Physiokraten. Leipzig 1907, гдѣ ученіе Кенэ сближается съ философіей Мальбранша.

[7]) Ср. Hasbach l. c. Его-же Untersuchungen über Adam Smith und die Entwicklung d. politischen Oekonomie Leipzig 1891. Hermann Huth, Soziale und individualistische Auffassung im 18 Jahrhundert vornemlich bei Adam Smith und Adam Ferguson. Leipzig 1907, гдѣ дано новое освѣщеніе этическихъ и соціологическихъ идей Смита.

логизмъ, и воззрѣній Кенэ, общее имъ пониманіе экономическаго процесса можно охарактеризовать какъ морализмъ въ одѣяніи натурализма. Политическая экономія и Кенэ, и Смита родилась въ нѣдрахъ этики.

Но былъ другой корень у политической экономіи и другой натурализмъ въ экономическомъ мышленіи. Это былъ экономическій натурализмъ, навѣянный и вскормленный развитіемъ естествознанія въ XVII вѣкѣ. Онъ не воплотился ни въ особой экономической школѣ, какъ натурализмъ этическій, ни въ книгѣ, имѣвшей особое значеніе, составившей эпоху въ литературѣ: у него не было ни своего Кенэ, ни своего «Богатства народовъ». Онъ восходитъ къ Бэкону, Гоббсу, Королевскому Обществу, къ расцвѣту духа и практики естествознанія [8a]). Самымъ характернымъ его представителемъ является сэръ Вильямъ Петти, врачъ, изобрѣтатель, пріобрѣтатель, политическій прожектеръ, членъ-учредитель и вице-президентъ Королевскаго Общества, считающійся однимъ изъ основателей статистики, какъ науки [8b]). Онъ орудовалъ цифрами, а не идеями. Къ отвлеченнымъ идеямъ онъ относился пренебрежительно, къ религіознымъ вѣрованіямъ—цинически: онъ брался произносить проповѣди въ духѣ любого вѣроученія, англиканскаго, католическаго, кальвинистическаго. Вѣрилъ онъ только въ одно—въ математику [8c]) и въ деньги. Постоянно вычислялъ и расчитывалъ въ теоріи; постоянно высчитывалъ на прак-

---

8a) Ср. блестящую характеристику этого расцвѣта науки въ эпоху политической реакціи въ „Исторіи Англіи" Маколея, въ третьей главѣ перваго тома. См. также Н. А. Любимовъ. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть III, отдѣлъ 1. Эпоха опыта и механической философіи. Спб. 1896, стр. 295—358.

8b) Lord Edmond Fitzmaurice. The life of Sir William Petty. London 1895. Ch. H. Hull въ Introduction къ Economic Writings of W. Petty Книги: W. L. Bevan. Sir William Petty. A study in english economic Literature. Publication of the American Economic Association London 1894. Maurice Pasquier. Sir William Petty, ses idées économiques. Paris 1903—не имѣютъ самостоятельнаго значенія.

8c) По отзывамъ современныхъ спеціалистовъ Петти былъ слабымъ математикомъ и даже плохо считалъ (ср. рецензію В. О. Борткевича на книгу Pasquier (Conrads Jahrbücher, III Folge, Bd 83). Но оцѣнка личной силы мышленія Петти и конкретныхъ примѣненій у него того способа разсужденія, къ которому онъ тяготѣлъ, не можетъ влiять на наше общее сужденіе о немъ, какъ самомъ характерномъ представителѣ физико-математическаго натурализма въ политической экономіи.

тикѣ и умѣлъ дѣлать деньги. Сынъ бѣднаго ремесленника, онъ умеръ богатымъ человѣкомъ и сэромъ. Петти—живое воплощеніе капиталистическаго раціонализма, вѣрящаго только въ цифру и въ накопленіе. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ важнѣйшихъ экономическихъ сочиненій онъ въ полномъ сознаніи новизны своихъ пріемовъ говоритъ: «методъ, который я здѣсь примѣняю, не очень употребителенъ. Вмѣсто сравнительныхъ и превосходныхъ степеней и умственныхъ аргументовъ я рѣшилъ выражаться...... посредствомъ чиселъ, вѣса или мѣръ; употреблять только чувственные аргументы и принимать во вниманіе только такія причины, которыя имѣютъ видимое обоснованіе въ природѣ»[9a]).

Ученые спорятъ о томъ, является ли Петти, который жилъ гораздо раньше не только Смита, но и Кенэ, основателемъ политической экономіи [9b]). Споръ безполезный. Но во всякомъ случаѣ Петти самый яркій, самый выпуклый выразитель могущественнаго тока, который въ ту эпоху шелъ къ обществовѣдѣнію отъ естествознанія. Петти прямой ученикъ Ѳомы Гоббса и старшій современникъ Исаака Ньютона. Два врача, метафизикъ-идеалистъ Кенэ и эмпирикъ-матеріалистъ Петти, выражаютъ какъ бы два аспекта зарождающейся политической экономіи: одинъ обращенный къ этикѣ, другой обращенный къ физикѣ. Оба эти теченія наполняютъ изумительную по активности умственную жизнь XVIII-го вѣка, вѣка раціонализма, вѣры въ силу человѣческаго разума, могущаго обнять космосъ и въ немъ открыть законы и человѣческаго духа, и живой природы, и мертваго вещества.

4. Во французскую революцію этотъ раціонализмъ переживаетъ свою первую историческую драму. Онъ вступаетъ въ жизнь окрыленный вѣрой и радужными надеждами. Вѣра и надежды терпятъ крушеніе. Изъ этого огромнаго потрясенія и наступившаго послѣ него разочарованія беретъ начало совершенно противопо-

---

[9a]) «The method i take to do this is not yet very usual; for instead of using only comparaitve and superlative Words, and intellectual arguments, I have taken the course..... to express my self in terms of Number, Weight, or Measure; to use only arguments of sense, and to consider only such causes, as have visible foundations in nature.....“ Political Arithmethick... by Sir William Petty, late Fellow of the Royal Society. London 1690, по изданію The Economic Writings of Sir William Petty. Edited by Ch. H. Hull, Cambridge 1899, Vol. I, p. 244.

[9b]) См., напримѣръ, August Oncken, Geschichte d. Nationalökonomie I. Leipzig 1902. S. 223 (противъ лорда Фитцмориса).

ложное теченіе мысли. Вмѣсто разума возводится на пьедесталъ органическое стихійное начало. Индивидуализму противопоставляется начало государственности, разуму — начало авторитета. Рождается историческое направленіе, оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ романтической реакціей противъ раціонализма XVIII-го вѣка. Оно рождается изъ общественной реакціи, но въ тоже время обогащаетъ человѣческую мысль новыми и потому революціонными идеями.

Это огромный поворотъ въ исторіи человѣческой мысли. Онъ конечно не внезапенъ по тѣмъ элементамъ, которые входятъ въ новое міросозерцаніе, но онъ почти внезапенъ по той силѣ, съ какой эти элементы спаялись воедино. Еще раньше въ самомъ раціонализмѣ происходитъ дальнѣйшее развитіе, въ значительной мѣрѣ знаменующее разрывъ съ прошлымъ. Въ лицѣ Бентама раціонализмъ порываетъ съ идеей естественнаго права [10]). Отрицая естественное право, Бентамъ, однако, вѣрилъ въ безграничную силу индивидуальнаго воспитанія и въ силу воспитанія коллективнаго—законодательства [11]). Это та идея, которая легла въ основу раціоналистическаго соціализма и которая вообще есть идейный стержень соціализма. Но именно въ соціализмѣ даетъ себя знать и то совсѣмъ другое теченіе, рожденіе котораго мы уже отмѣтили. Въ исторіи идей бываетъ странное родство. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, но просто неоспоримый истори-

[10]) „A great multitude of people are continually talking of the Law of Nature; and then they go on giving you their sentiments about what is right and what is wrong: and these sentiments, you are to understand, are so many Chapters, and sections of the Law of Nature". Introduction to the Principles of morals and legislation (Напечатано въ 1780 г., опубликовано впервые въ 1789 г.). The Works of Jeremy Bentham published under the superintendence of his executor Jon Bowring. Volume I Edinburgh 1843, p. 9.

[11]) Ср. напр. „Principles of penal law" (in fine): „...... by good laws almost all crimes may be reduced to acts which may be repaired by a simple pecuniary compensation; and that, when this is the case, the evil arising from crimes may be made almost entirely to cease". Works I, p. 580. О Бентамѣ см. въ особенности Leslie Stephen, The english utilitarians Vol. I. Jeremy Bentham London. 1900. Elie Halévy, La formation du radicalisme philosophique I—III (Paris 1901—1904). Josef Redlich, Englische Lokalverwaltung. Leipzig, 1901 (есть русскій переводъ Ф. О. Ельяшевичъ съ предисловіемъ П. Г. Виноградова). Бентамъ по своему вліянію изумительная фигура въ исторіи человѣческой мысли.

ческій фактъ, что высшая форма соціализма, такъ называемый научный соціализмъ, есть дитя, порожденное связью между мыслью революціонной и реакціонной. Тѣми великими соціалистами, въ умахъ которыхъ совершилось это оплодотвореніе творческой мысли революціи творческой мыслью реакціи, были Анри де Сенъ-Симонъ и Карлъ Марксъ. Сенъ-Симонъ [12a]) вѣрилъ въ науку, — въ этомъ онъ человѣкъ XVIII-го вѣка, но онъ равнодушенъ къ праву и справедливости. Между тѣмъ идея естественнаго порядка, основная идея политической экономіи XVIII-го вѣка, есть идея права и справедливости, расширенная до міроваго космическаго закона. На мѣсто этой идеи естественнаго права, носительницей которой является личность, Сенъ Симонъ ставитъ идею порядка и организаціи. «Между идейной работой XVIII-го вѣка и XIX вѣка будетъ то различіе, что вся литература XVIII-го вѣка стремилась дезорганизовать, а литература XIX-го вѣка будетъ стремиться организовать общество» [12b]). Сенъ-Симонъ первый указалъ на противоположность разрушительныхъ, критическихъ, и созидательныхъ, органическихъ эпохъ.

Откуда же это предпочтеніе, оказываемое имъ идеѣ организаціи передъ идеей права и справедливости? На этотъ счетъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: Сенъ-Симонъ стоитъ тутъ на плечахъ французской контръ-революціонной или теократической школы. Роли индивидуальнаго разума, которая только и видна

[12a]) О Сенъ-Симонѣ существуетъ довольно большая литература. Въ самое новѣйшее время появилась объемистая книга нѣмецкаго автора Friedrich Muckle. Henri de Saint-Simon. Die Persönlichkeit und ihr Werk. Leipzig 1908 Здѣсь есть разныя сближенія, но отсутствуетъ едва ли не самое существенное: указаніе на связь идей Сенъ-Симона съ идеями теократической школы, словомъ на ихъ реакціонный корень.

Наоборотъ эта связь представлена чрезвычайно выпукло у Henry Michel. L'idée de l'état. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la révolution. 3-me ed. Paris 1898 (есть два русскихъ изданія). Мишель—ученикъ Ренувье и его оцѣнка Сенъ-Симона отразила на себѣ вліяніе послѣдняго (см. ниже прим. 13а). О вліяніи Де-Местра на Сенъ-Симона ср. также Georges Weill. L'école saint-simonienne. Paris 1906 и Cogordan. Joseph de Maistre. Paris 1894: „Sans lui (de Maistre) Saint-Simon n'aurait pas fait à la religion la large place qu'il lui accorde dans son système" (p. 202).

[12b]) Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin t. 40, p. 195 (Oeuvres de Saint-Simon, t. (XI) Paris 1876—„Mémoire sur la science de l'homme" посмертное сочиненіе).

раціонализму XVIII-го вѣка, эта школа съ Жозефомъ де Местромъ во главѣ противопоставила роль сверхразумныхъ и сверхиндивидуальныхъ силъ. На этой почвѣ борьбы съ индивидуализмомъ и раціонализмомъ XVIII-го вѣка, съ его идеями естественнаго права или естественнаго разумнаго порядка, развивается идея органическаго стихійнаго развитія, или хода вещей, властвующаго надъ человѣческимъ разумомъ. У Сенъ-Симона эта органическая концепція еще сочетается съ раціонализмомъ. Не даромъ Сенъ-Симонъ ученикъ въ одно и то же время и просвѣтителей XVIII-го вѣка и реакціонеровъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка [13a]). Онъ, повторяю, вѣритъ въ науку и въ ея

[13a]) Сочетаніе механическаго или матеріалистическаго раціонализма съ равнодушіемъ къ идеѣ права особенно живо чувствовалъ и подчеркивалъ въ системѣ Сенъ-Симона не кто иной, какъ Ренувье. Сравнивая Фурье съ Сенъ-Симономъ и указывая на ту роль, которую играетъ свобода воли въ построеніяхъ Фурье, „dont il importe de dégager le caractère philosophique sans se laisser troubler par l'étonnant melange des chimères créés par une imagination féerique", Ренувье продолжаетъ: „on est forcé de reconnaitre un système de pensées et un ordre d'hypothèses en opposition directe avec tout ce que la tendance évolutioniste a jamais produit soit en métaphysique pure soit en speculant sur les généralités des sciences naturelles. Ce contraste est le plus grand possible quand on compare les idées de Fourier a celles de Henri de Saint-Simon, son contemporain. Au lieu des différents mouvements par lesquels le penseur plebeien essayait de faire droit a la variété de la nature, le genie aristocrate, frotté de science, nous invite a expliquer le monde moral par une loi unique du monde physique. L'attraction est toujours le grand moteur, mais il se réduit a cette propriété de la matierè qui cause la pesanteur des corps et la gravitation des autres et obéit à la loi de Newton. Cette sorte d'epais materialisme ne se prête évidemment à la recherche d'aucune formule d'évolution cosmique, mais favorise la conception abstraite d'un développement universel dans l'ordre de la causalité, développement, dont les éléments fondamentaux et les déterminants tous exclusivement mécaniques et regis par une seule loi, permettent de représenter les parts et les événements quelconques de l'univers, dans l'infini de l'éspace, et du temps, comme donnés dans une éternelle équation générale du mouvement...... Ce point de vue que Saint-Simon tint probablement de quelques savants de son époque est resté familier a plusieurs de ceux du notre et à plusieurs philosophes et pour peu qu'on veuille y réflechir, on s'apercèvra qu'il est la conséquence logique de deux opinions rapproches l'une de l'autre: 1° celle de la nature mécanique des premières et dernières choses, des premières et dernières causes, 2° celle de l'existence de lois mathématiques regissant toutes les forces et déterminant tous les phénomènes avec nécessité et continuité.

творческую или организующую силу, но онъ вѣритъ въ то же время въ творческую или организующую силу труда или промышленности. Онъ убѣжденъ въ основномъ значеніи экономическихъ фактовъ, словомъ—онъ творецъ концепціи историческаго матеріализма.

Это всегда слѣдуетъ помнить: историческій матеріализмъ по своей сути есть порожденіе реакціи противъ духа XVIII-го вѣка. Онъ, во-первыхъ, реакція органическаго воззрѣнія противъ раціонализма, во-вторыхъ, реакція экономизма противъ политицизма.

L'idée telle que Saint-Simon la présente était ridicule en un point c'est qu'elle simplifiait à outrance les forces et lois de l'ordre physique, en voulant les réduire à la gravitation et à sa loi; mais à cela près d'un vice que le disciple, auteur de la philosophie positive, a corrigé, sans qu'on puisse dire qu'il'a nettement répudié le fond de la conception cette espèce d'évolutionisme materialiste et mathematique, indeterminé par excés de généralité, mais, clair en son principe, n'a point cessé d'exprimer l'attitude de beaucoup d'esprits accoutumés aux méthodes scientifiques, en présence du problème des causes premières. Et après tout ce n'est, au fond que la pensée dont Laplace une formule célebre....". Ch. Rénouvier. Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques Tome I (Paris 1885) p. 168—170. Далѣе: „Il semblerait tout d'abord que le saint-simonisme et la politique positive enseignent la morale du devoir, mais il n'en est rien; le devoir de raison, la justice et le droit n'ont aucune place dans la pensée de Saint-Simon et des sectes issues de lui: ce qu'elles demandent aux supérieures comme devoir c'est le devouement, et aux inférieures l'obéissance. Elles sont toutes des produits de la réaction qui au lendemain de la Révolution française conduisit tant de penseurs, exclusivement possedés de la passion de l'ordre, a l'abandon des idées d'autonomie, de liberté et de droits naturels, a la réhabilitation et à l'imitation des gouvernements pers „enhaut", dont l'idéal du moyen age était pour eux le type, aux croyances près, qu'ils voulaint remplacer par les arrêts des savants" (Renouvier l. c. t. I (p. 457). Это сужденіе Ренувье представляетъ не только догматическій, но и историческій интересъ. Ренувье принадлежалъ къ поколѣнію, непосредственно испытавшему на себѣ вліяніе и обаяніе ученія Сенъ-Симона, доходившее до гипноза: „j'étais alors infecté pai les prédications saint-simoniennes; je lisais le Globe pendant les classes; on m'avait persuadè que les croyances humaines allaient être entièrement renouvelées, que le vieil arsenal des connaissances et les amas des bibliothèques avaient déjà perdu toute valeur, que surtout rien de ce qui s'était appelé philosophie ne renfermait des verités organiques et que la science et la société étaient appelées a se reconstruire à priori, dans le cours même de la génération à laquelle j'appartenais conformement a un plan révélé auquel ne pouvaient manquer de se rallier tous les membres de l'humanité» [Renouvier l. c. t. II (Paris 1886), p. 358].

Сенъ-Симонъ, кромѣ того, въ своемъ религіозномъ періодѣ представляетъ реакцію чувства и религіи противъ идей права и человѣческой справедливости [13b]).

Марксъ всецѣло въ своей историко-философской концепціи стоитъ на плечахъ Сенъ-Симона [14]). Но, въ то время какъ у Сенъ-Симона, хотя онъ находится подъ вліяніемъ французской теократической школы, еще очень много раціонализма, въ то время какъ Сенъ-Симонъ и его ученики еще вѣрятъ, что разумъ можетъ организовать общество, Марксъ въ своей концепціи даетъ полную отставку разуму. «Не сознаніе опредѣляетъ бытіе людей, а бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе» — въ этой знаменитой формулѣ полное отреченіе отъ раціонализма Марксизмъ это формулы французской теократической школы и вообще исторической контръ-революціонной реакціи, переведенныя на языкъ позитивизма, атеизма и радикализма.

Давъ отставку разуму, Марксъ остался революціонеромъ и соціалистомъ и стремился исторически обосновать и оправдать соціализмъ. Соціализмъ для него такой же продуктъ сверхразумныхъ, сверхиндивидуальныхъ силъ исторіи, какимъ совсѣмъ другія общественныя формы (монархія, церковь) были для реакціонеровъ. Такъ же какъ послѣдніе хотѣли исторически оправдать стародавнее и существующее, такъ Марксъ хотѣлъ исторически оправдать новое и грядущее.

Съ другой стороны, если вы возьмете разсужденія тѣхъ соціалистовъ, которые не подверглись вліянію органическаго исто-

---

[13]а) Въ высшей степени характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто: „la crise dans laquelle toute la population européenne est engagée n'a d'autre cause que l'incohérence des idées générales; aussitôt qu'il y aura une théorie proportionnée a l'état, des lumières, tout rentrera dans l'ordre, l'institution commune des peuples européens se rétablira d'elle même, et un clergé d'une instruction proportionnée aux connaissances acquises retablira promptement le calme en Europe, en mettant un frein a l'ambition des peuples et des rois". „Memoire sur la science de l'homme", pp. 303—304.

[14]) Это впервые съ полной ясностью установилъ Paul Barth, сперва въ статьѣ: „Die sogenannte materialistische Geschichtsphilosophie" въ Conrads Jahrbücher III Folge, Bd XI, а затѣмъ въ книгѣ Die Philosophie d. Geschichte als Soziologie I. Einleitung und Kritische Uebersicht Leipzig 1897. (есть русскій переводъ).

ризма—Годвина, Томпсона, Годскина, [15]) вы увидите, что они вѣрятъ въ естественный законъ, въ естественное право и не вѣрятъ въ человѣческія учрежденія, не вѣрятъ въ организацію, какъ таковую. Вотъ почему идея организаціи общества коллективной волей, господствующей надъ индивидами, имъ чужда. Въ современныхъ терминахъ можно сказать, что они мирные анархисты. Иначе смотрѣли Сенъ-Симонъ и Марксъ. Ихъ соціализмъ есть именно идея организаціи общества коллективной волей, идея полной раціонализаціи общества, всецѣлаго управленія общественными функціями. Но эта самая раціонализація вдвинута Марксомъ въ потокъ органическаго стихійнаго развитія: она не надъ этимъ развитіемъ, а въ немъ. Разумное само стало исторической категоріей. Оно поставлено такимъ образомъ въ одну линію, въ одинъ непрерывный рядъ съ неразумнымъ и тѣмъ совершенно сближено и сравнено съ нимъ.

Въ этомъ превращеніи разумнаго въ историческую категорію и сила, и слабость марксизма. Онъ можетъ исторически оправдать всякое преобразованіе. Но это историческое укрѣпленіе революціоннаго начала формально столь же убѣдительно, какъ историческое укрѣпленіе начала консервативнаго.

Историческому оправданію соціализма можетъ быть противопоставленъ историческій скепсисъ по отношенію къ нему и рѣшающей инстанціей въ этомъ спорѣ могутъ быть факты и только они одни. Разумное своимъ превращеніемъ въ историческую категорію обезцѣнено, какъ таковое, какъ разумное. Въ этомъ основное противорѣчіе соціализма, опирающагося на соціологическое воззрѣніе Маркса.

Давая отставку разуму и этикѣ, матеріалистъ Марксъ черезъ весь XVIII-й вѣкъ протягиваетъ руку матеріалисту Петти.

5. Въ той огромной перестройкѣ, которой подверглось послѣ натиска историзма — и мистическаго, и матеріалистическаго — зданіе политической экономіи, основанной на идеѣ естественнаго закона, эта идея потерпѣла полное крушеніе. Вскрылось ея основное внутреннее противорѣчіе. Оно всего, быть можетъ, явственнѣе выступило въ той формѣ «естественной» политической экономіи, которая стала теоретической основой буржуазнаго экономическаго либерализма.

---

[15]) Ср. „Исторію соціалистическихъ идей въ Англіи" Фоксуэля (H. S. Foxwell), написанную въ качествѣ введенія къ англійскому пере-

На этомъ воззрѣніи лежитъ наивный натуралистическій и анти-историческій отпечатокъ, выдающій его научную слабость и дѣлающій его въ высшей степени уязвимымъ для критики. Отъ Кенэ и Смита до Бастіа и Шульце-Делича человѣчество продѣлало огромный опытъ, а «естественная» политическая экономія успѣла основательно отдѣлаться отъ всякой метафизики. Присущее идеѣ естественнаго закона внутреннее противорѣчіе не могло не дискредитировать этой идеи и она была изгнана изъ научнаго обихода. Въ самомъ дѣлѣ, если въ экономической жизни царитъ естественный законъ, то не можетъ быть фактовъ этой жизни, несогласныхъ съ естественнымъ закономъ, его нарушающихъ. Между тѣмъ либеральная «естественная» политическая экономія постоянно въ книгахъ и жизни вела борьбу съ такими фактами. Идея естественнаго закона логически несообразна, разъ допускается, что возможны и существуютъ факты, несогласные съ этимъ закономъ. Наивный натурализмъ «естественной» политической экономіи заключаетъ въ себѣ неосознанную дань этикѣ, ибо естественный законъ есть для него норма долженствованія, а не законъ бытія или, вѣрнѣе, и то и другое вмѣстѣ.

Послѣ крушенія буржуазно-либеральной политической экономіи объ «естественномъ законѣ» стало даже какъ-то неприлично говорить. Съ одной стороны, явно ненаучно выдѣлять изъ цѣлаго принципіально единаго общественно-экономическаго процесса какія-то отдѣльныя стороны, отношенія, явленія какъ «естественныя» и трактовать ихъ какъ особую категорію явленій. Съ другой стороны, провозглашеніе «естественнаго закона», хотя оно и въ самомъ экономическомъ либерализмѣ покоилось на неосознанномъ этическомъ мотивѣ, было этически дискредитировано какъ пріемъ оправданія или увѣковѣченія извѣстныхъ имѣющихъ лишь временное значеніе соціальныхъ отношеній и формъ, какъ «буржуазная» апологетика.

воду „Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag“ Антона Менгера и въ нѣмецкомъ переводѣ предпосланную нѣмецкому переводу главнаго сочиненія Томпсона. William Thompson. Untersuchung über die Grundsätze der Verteilung des Reichtums zu besonderer Beförderung des menschlichen Glücks. Uebersetzt..... von Oswald Collmann Berlin 1903 (2 тома). О Годвинѣ см. кромѣ того Halevy l. c. t. II. О Годскинѣ ср. его же превосходную монографію Thomas Hodgskin (1787—1869) Paris 1903.

Тѣмъ не менѣе идея «естественнаго закона» въ политической экономіи не могла и не можетъ исчезнуть. Въ цѣломъ рядѣ новѣйшихъ построеній она постоянно воскресаетъ. И сама собой является мысль, не заключаетъ ли эта въ настоящее время столь опороченная, осмѣиваемая каждымъ гимназистомъ идея элементъ истины, важной истины, подлежащей разъясненію и разработкѣ?

Мы думаемъ, что дѣло обстоитъ именно такъ и что раскрытіе истины, содержащейся въ идеѣ «естественнаго закона» въ настоящее время въ достаточной мѣрѣ подготовлено всѣмъ развитіемъ теоретической политической экономіи и соціологіи.

6. Каковъ былъ историческій смыслъ этой идеи? Она явилась на свѣтъ Божій какъ реакція на тенденцію «власти»—своими велѣніями направлять и регулировать хозяйственную жизнь. «Велѣнія власти»—элементъ искусственный, стоящій въ противорѣчіи съ «естественнымъ закономъ». Свободная игра хозяйственныхъ силъ согласуется съ этимъ «закономъ», его выполняетъ и тѣмъ самымъ осуществляетъ извѣстное идеальное состояніе общественнаго хозяйства. Такимъ образомъ, идея «естественнаго закона» въ либеральной экономіи служитъ другой идеѣ: идеѣ гармоніи между идеаломъ и фактическимъ состояніемъ—путемъ предоставленія полнаго простора свободной игрѣ хозяйственныхъ силъ. Въ послѣднемъ итогѣ экономическому либерализму рисуется полное совпаденіе—на основѣ осуществленія «естественнаго закона»—раціональнаго и должнаго съ естественнымъ и необходимымъ въ общественно-экономическомъ процессѣ, полная раціонализація этого процесса. Подъ раціональнымъ я въ настоящемъ контекстѣ разумѣю: согласованное съ извѣстной заранѣе поставленной идеей о должномъ, съ извѣстнымъ планомъ жизни и выполняющее этотъ планъ.

Соціализмъ, въ своей наиболѣе совершенной формѣ историческаго или т. н. научнаго соціализма, отрицая «естественный законъ», въ то же время раздѣляетъ эту основную идею экономическаго либерализма. Онъ также полагаетъ, что возможна гармонія между раціональнымъ построеніемъ и естественнымъ ходомъ вещей, возможна полная раціонализація общественно-экономическаго процесса. Практическій методъ установленія такой гармоніи, осуществленія такой раціонализаціи у соціализма иной, чѣмъ у либерализма, и притомъ противоположный. Либерализмъ, доведенный до конца, вѣритъ въ «ан-архію», онъ принципіально тожде-

ственъ съ анархизмомъ. Это тождество совершенно ясно при сопоставленіи идей чистаго либерализма съ подлиннымъ индивидуалистическимъ ан-архизмомъ, напримѣръ, идей Вильгельма фонъ Гумбольдта съ идеями Годвина или Годскина, или идей Спенсера съ идеями Текера[16]). Идейное тождество чистаго либерализма съ чистымъ ан-архизмомъ обнаруживается и въ ихъ исторической связи [17a]).

Соціализмъ полагаетъ, что раціонализація общественно-экономическаго процесса можетъ быть достигнута лишь общественнымъ регулированіемъ его, но онъ такъ же, какъ чистый либерализмъ (ан-архизмъ), вѣритъ въ возможность такой раціонализаціи или гармонизаціи. Въ этомъ смыслѣ экономическій либерализмъ, опирающійся на естественное право, и соціализмъ, каково бы ни было его идейное обоснованіе, стоятъ на общей почвѣ.

Научно-эмпирическое изслѣдованіе не можетъ не ставить вопроса: на какихъ основаніяхъ покоится эта, общая либерализму и соціализму, вѣра въ возможность полной раціонализаціи общественно-экономическаго процесса? Можетъ ли эта вѣра оправдать себя передъ научно-эмпирическимъ изслѣдованіемъ? Тутъ возникаетъ предварительный вопросъ: можно ли съ научной точки зрѣнія критиковать подобную вѣру? Въ данномъ случаѣ, однако, вѣра означаетъ не лишенное какихъ-либо эмпирическихъ основа-

[16]) Текеру (Benj. Tucker), этому талантливому газетчику анархизма, посчастливилось въ русской литературѣ. Его толстый томъ газетныхъ статей „Вмѣсто книги. Написано человѣкомъ слишкомъ занятымъ, чтобы писать книгу“ имѣется въ русскомъ переводѣ (Москва 1908. Переводъ и редакція М. Г. Симановскаго). Ни Годвина, ни Годскина, ни Томпсона въ русскомъ переводѣ нѣтъ.

[17a]) Идейное родство анархистовъ Годвина и Годскина съ либераломъ Адамомъ Смитомъ не разъ подчеркивалось. Характерно, что Годскинъ, начавъ съ анархизма, кончилъ свою карьеру въ качествѣ соредактора и передовика буржуазнаго лондонскаго „Economist'a“, гдѣ онъ работалъ вмѣстѣ съ своимъ болѣе молодымъ товарищемъ по редакціи Гербертомъ Спенсеромъ.

Любопытно отмѣтить, что Эдмундъ Беркъ, этотъ геніальный выразитель англійскаго «историческаго» либерализма, учитель и кумиръ Гладстона, въ своей молодости написалъ ироническій обвинительный актъ противъ всякаго общественнаго устройства и сдѣлалъ это такъ мастерски, что и старые анархисты (Годвинъ) и новые (Неттлау) ссылаются на этотъ трактатъ, какъ на блестящее оправданіе анархизма. Въ самомъ дѣлѣ лишь узкая чисто психологическая межа отдѣляетъ отвлеченный либерализмъ отъ ан-архизма, а логически они совпадаютъ.

ній «упованіе», которое, какъ таковое, не нуждается ни въ какомъ оправданіи или легитимаціи передъ наукой, а сдѣланный изъ наблюденій надъ прошлымъ и настоящимъ выводъ о томъ складѣ, который съ необходимостью примутъ общественно-экономическія отношенія въ будущемъ. Вѣра означаетъ здѣсь научное предсказаніе. А послѣднее подлежитъ научной критикѣ.

7. Сопоставляя соціалистическій и либеральный идеалъ съ міромъ дѣйствительности, научно-эмпирическое изслѣдованіе должно признать, что для него заключенная въ этихъ идеалахъ вѣра не можетъ существовать. Оба эти идеала въ формальномъ смыслѣ одинаково неосуществимы, одинаково утопичны. Общественно-экономическій процессъ не можетъ ни самъ до конца раціонализироваться на основѣ свободной игры хозяйственныхъ силъ, ни быть до конца раціонализированъ велѣніемъ какого-нибудь субъекта власти. Тому монистическому гармонизму въ пониманіи общественно-экономическаго процесса, который принципіально одинаково присущъ и либерализму (ан-архизму) и соціализму, эмпирическое изслѣдованіе противопоставляетъ единственно возможное научное убѣжденіе въ основномъ и имманентномъ дуализмѣ этого процесса. Невозможность полной раціонализаціи общественно-экономическаго процесса такъ же доказуема (или такъ же недоказуема) какъ невозможность устраненія смерти для человѣка или невозможность превращенія всѣхъ людей въ психологическій типъ «святого», понимая святость въ смыслѣ Канта. Весь прошлый и настоящій опытъ убѣждаетъ насъ, что всѣ люди смертны, но, конечно, если разсуждать совершенно отвлеченно, возможно и безсмертіе человѣка, такъ же какъ возможна въ этомъ смыслѣ всеобщая человѣческая святость. Однако, врядъ ли въ какомъ-либо научномъ разсужденіи можно брать эту возможность въ серьезъ даже какъ научное предсказаніе. Это—игра ума, не болѣе того.

Съ развиваемой нами точки зрѣнія идея «естественнаго закона» получаетъ новый и особый смыслъ. Конечно, для научнаго изслѣдованія все «естественно» и потому мысль о существованіи «естественнаго» рядомъ съ «искусственнымъ» недопустима. Но наши соображенія подвели насъ вплотную къ другому пониманію «естественнаго» закона. Въ краткой формулѣ оно гласитъ: въ единомъ общественно-экономическомъ процессѣ есть два ряда явленій, въ каждый данный моментъ или, вѣрнѣе, въ каждомъ изучаемомъ отрѣзкѣ времени существенно отличающіеся одинъ

отъ другого. Одинъ рядъ, могущій быть раціонализованнымъ, т. е. направленнымъ согласно волѣ того или иного субъекта, другой рядъ, не могущій быть раціонализованнымъ, протекающій стихійно внѣ соотвѣтствія съ волей какого-либо субъекта [17b]).

8. Можетъ на первый взглядъ показаться, что наше различеніе двухъ сторонъ въ единомъ общественно-экономическомъ процессѣ просто воспроизводитъ старую мысль греческой философіи о томъ, что есть явленія, данныя отъ природы (φύσις), и явленія, созданныя человѣческимъ установленіемъ, велѣніемъ, закономъ, обычаемъ (θέσις, νόμος, ἔθος). Несомнѣнно, что наша мысль присутствовала въ недифференцированномъ видѣ въ этомъ старомъ различеніи [18]). Разница, однако, между этимъ послѣднимъ и нашей мыслью—и эта разница есть pointe нашей мысли!—заключается въ томъ, что мы проводимъ нашу демаркаціонную линію внутри того «естественнаго», о которомъ говорили древніе философы, разсуждая объ общественной жизни и вообще о человѣческихъ дѣлахъ, тогда какъ древніе этой чертой отдѣляли свое «естественное» отъ «искусственнаго» или «установленнаго». Выражаясь философски, мы можемъ сказать, что наше различеніе имѣетъ эмпирически-психологическій характеръ, тогда какъ различеніе древнихъ имѣло метафизически-онтологическій характеръ (съ неизбѣжной, конечно, этической окраской), или, иначе: наше различіе имманентно, различеніе древнихъ трансцендентно.

Не совпадаетъ наше различеніе также и съ тѣмъ, которое проводитъ Лестеръ Ф. Уордъ въ своей «Динамической соціологіи» между явленіями «естественными» и «искусственными». Всѣ явленія по Уорду должны быть раздѣлены прежде всего на двѣ большія группы: генетическія и телеологическія, изъ которыхъ первыя всегда суть физическія и безсознательныя и производятъ измѣненія путемъ безконечно малыхъ наростаній, тогда какъ вторыя всегда суть психическія и сознательныя, вытекающія изъ хотѣнія (volition) и соотвѣтствующей ему потребности (purpose).

Генетическія явленія подраздѣляются на двѣ группы—неорганическія, результатъ физическихъ или механичеекихъ силъ, и органическія, результатъ жизненныхъ или біологическихъ силъ.

[17b]) См. экскурсъ III: Нѣкоторыя эмпирическія иллюстраціи къ идеѣ естественнаго закона въ нашемъ смыслѣ.

[18]) О немъ см. R. Hirzel. Themis etc. passim. Ср. его же Νόμος Ἄγραφος. Leipzig 1910

Что же касается телеологическихъ явленій, то они тоже распадаются на двѣ главныя подгруппы: прямыя явленія, протекающія по прямому методу «конаціи» и косвенныя, протекающія по непрямому методу «конаціи». [19]) «Конаціей» Уордъ называетъ «усилія, которыя организмы пускаютъ въ ходъ, стремясь удовлетворить свои желанія» [20]) «Основное начало, лежащее въ основѣ прямого метода конаціи, сводится къ тому, что желанія чувствующихъ существъ являются подлинными естественными силами» [21]). Наоборотъ, непрямой методъ конаціи основанъ на совершенно иномъ, новомъ принципѣ. Въ процессѣ развитія мозга и психическихъ способностей въ концѣ концовъ была достигнута извѣстная ступень; на этой ступени сознаніе пріобрѣло свойство, въ силу котораго оно получило возможность усматривать нѣкоторые изъ общихъ законовъ явленій и такимъ образомъ предсказывать на основаніи данной модификаціи явленій нѣкоторыя вытекающія изъ нея второстепенныя измѣненія. Это и есть простѣйшее обнаруженіе интеллектуальной способности, и эта способность составляетъ тотъ новый элементъ, который нуженъ для того, чтобы образовать переходъ отъ прямого къ непрямому методу. Этотъ переходъ составляетъ одинъ изъ величайшихъ прыжковъ, сдѣланныхъ природой въ процессѣ ея эволюціи, и первый разрывъ въ этомъ процессѣ со времени развитія протоплазмы. Съ этого момента возможности жизни могутъ поддаваться умноженію и органическій процессъ можетъ быть въ огромной мѣрѣ ускоренъ. Ибо въ чувствующемъ мірѣ успѣхъ опредѣляется способностью достигать своей цѣли и интеллектуальный элементъ спеціально приспособленъ къ тому, чтобы умножать эту способность. При прямомъ методѣ, дѣйствіе въ данномъ направленіи ограничивается задачами, находящимися въ предѣлахъ мышечной силы организма и легко осиливаемыми тогда, когда въ дѣло не вмѣшиваются какія-либо препятствія... Самое ничтожное препятствіе, удаленіе котораго съ пути превосходитъ мышечную силу индивидуума, есть дѣйствительная преграда, не дающая ему приблизиться къ

[19]) Lester F. Ward. Dynamic Sociology or applied social science. As based upon statical Sociology and the less complex sciences. Second Edition New-York 1902, Vol. II, p. 105.

[20]) L c. p. 95, Терминъ «конація» (отъ латинскаго глагола „conari") заимствованъ Уордомъ у сэра В. Гамильтона.

[21]) L. c. p. 95.

предмету его желанія. При помощи новаго элемента все это мѣняется. Встрѣчающіяся преграды обходятся окружными путями. Могущественныя естественныя силы соотвѣтствующими пріемами вынуждаются исполнять работу побѣдоноснаго сопротивленія и то, что въ настоящемъ совершенно недостижимо, становится, благодаря необходимому приспособленію, обезпеченнымъ въ будущемъ. Интеллектуальный элементъ, хотя онъ обычно и зовется силой, на самомъ дѣлѣ не является таковой. Онъ не сравнимъ съ другими настоящими психическими силами. Послѣднія призваны творить ту реальную работу, которая производится и которая одна и та же и въ случаѣ непрямого и въ случаѣ прямого метода. Интеллектъ лишь руководитъ этимъ силами такимъ образомъ, чтобы обезпечить максимальные результаты... Общій процессъ, которымъ все это осуществляется, есть процессъ изобрѣтенія (invention), продуктомъ же этого процесса является искусство (art); поэтому самая способность можетъ быть названа способностью изобрѣтенія, а явленія, ею производимыя, явленіями искусственными (artificial phenomena) [22].

«Естественныя явленія обнимаютъ собой всѣ генетическія явленія, и въ придачу къ нимъ всѣ прямыя телеологическія явленія. Искусственныя явленія совпадаютъ и вполнѣ тождественны съ непрямыми телеологическими явленіями. Всѣ естественныя явленія происходятъ сообразно всеобщимъ законамъ, подчиняются механическимъ аксіомамъ, движутся настоящими естественными силами. Поэтому они доступны изслѣдованію, ихъ результаты могутъ быть предсказаны, и самыя явленія могутъ быть видоизмѣнены по волѣ разумныхъ существъ, которыя усвоили себѣ законы, лежащіе въ основѣ такихъ явленій. Искусственныя явленія суть такія, которыя вытекаютъ изъ подобнаго видоизмѣненія естественныхъ явленій и управленія ими, исходящаго отъ разумныхъ существъ. Преобразованія, произведенныя человѣкомъ на земномъ шарѣ, преобразованія, которыя безъ его разумныхъ дѣйствій не осуществились бы и которыя общимъ образомъ могутъ быть охарактеризованы какъ созданныя силами цивилизаціи, состоятъ главнымъ образомъ изъ подобныхъ искусственныхъ явленій» [23].

[22]) L. c. p. 99—100.
[23]) L. c. p. 105—106.

Мы нарочно подробно изложили построеніе Лестера Уорда, чтобы противопоставить ему наше различеніе и сдѣлать такимъ образомъ послѣднее болѣе яснымъ нашимъ читателямъ. Лестеръ Уордъ, говоря о непрямыхъ телеологическихъ явленіяхъ и квалифицируя ихъ какъ искусственныя въ отличіе отъ естественныхъ, имѣетъ въ виду явленія, вырастающія изъ отношеній человѣка къ природѣ и образующія совокупность того, что принято называть властью человѣка надъ природой. Это совсѣмъ не то различеніе, которое проводимъ мы, говоря о двухъ рядахъ явленій въ общественно-экономическомъ процессѣ. Отношенія человѣка или, общѣе и точнѣе, человѣческихъ субъектовъ къ природѣ отличаются отъ нашего «естественнаго» ряда тѣмъ, что они принципіально поддаются полной раціонализаціи. Самое природу, конечно, человѣкъ не можетъ раціонализировать, но свои отношенія къ природѣ онъ можетъ раціонализировать до конца. Такимъ образомъ отношенія человѣка къ природѣ въ нашемъ смыслѣ суть нѣчто, какъ это ни звучитъ странно, такое, въ чемъ нѣтъ ни грана «естественнаго». Природа можетъ противостоять человѣку какъ нѣчто «данное», отъ него не зависимое, но въ принципѣ и фактически эта «данность», т. е. степень независимости природы отъ человѣка поддается учету и ничего загадочнаго не представляетъ; поскольку же природа не только «дана» человѣку, но и зависитъ отъ него, она для него вполнѣ обозрима и не только не представляетъ ничего загадочнаго, но, наоборотъ, всецѣло подчиняется его контролю, есть покорное звено въ его хозяйственномъ планѣ. Поэтому-то отношенія человѣческихъ субъектовъ къ природѣ принципіально поддаются раціонализаціи, ибо и «ирраціональное» въ нихъ есть нѣкоторое извѣстное и постоянное «данное», которое можетъ быть легко и просто вдвинуто въ раціональный планъ.

Какъ извѣстно, Милль [24]), а вслѣдъ за нимъ болѣе рѣзко и отчетливо Бруно Гильдебрандъ [25]) признавали «естествен-

---

[24]) Милль очень осторожно и въ тоже время смутно проводилъ это различеніе. Имъ заключается его введеніе, озаглавленное „Preliminary Remarks".

[25]) Ср. его имѣвшія „инаугуральный" характеръ статьи Die gegenwärtige Aufgabe der Wissenchaft d. Nationalökonomie въ первомъ томѣ его „Jahrbücher für Nationalökonomie u. Statistik" I Band. Одаренный самосознаніемъ человѣкъ хозяйствуетъ, но онъ хозяйствуетъ въ безсозна-

ный» характеръ именно за отношеніями человѣка къ природѣ, которыя онъ обозначалъ какъ «законы производства», противополагая ихъ законамъ обмѣна и распредѣленія. «Законы производства» независимы отъ человѣка и человѣческой воли; законы обмѣна и распредѣленія объемлютъ отношенія между людьми и потому зависятъ отъ человѣческой воли и поддаются ея воздѣйствію.

Такова была суть того различенія, въ которомъ, быть можетъ, всего яснѣе выразилось вліяніе на Милля соціализма съ его вѣрой въ возможность полной раціонализаціи общественно-экономическаго процесса, поскольку онъ сводится къ отношеніямъ между людьми. Милль и гораздо болѣе, конечно, его источникъ, соціализмъ, въ данномъ случаѣ игнорируютъ, что невозможность раціонализаціи общественно-экономическаго процесса коренится

тельной природѣ и съ дарами и силами природы, онъ самъ со своимъ тѣломъ есть часть этой природы.

„Когда поэтому говорятъ объ естественныхъ законахъ въ народномъ хозяйствѣ, то необходимо строго различать два вопроса:

1) Имѣетъ ли безсознательная природа, которой человѣкъ обязанъ своими средствами хозяйства и къ которой со своимъ физическимъ организмомъ онъ самъ принадлежитъ, имѣетъ ли эта природа съ ея неизмѣнными законами опредѣляющее вліяніе на хозяйство народовъ.

2) Само хозяйство, т. е. хозяйственныя дѣйствія людей подчинены ли они естественнымъ законамъ“ (l. c. S. 19).

На первый вопросъ Гильдебрандъ отвѣчаетъ: безспорно да. На второй вопросъ онъ отвѣчаетъ отрицательно, утверждая, что „просвѣтительная литература прошлаго (18-го) столѣтія давала положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ потому, что она признавала эгоизмъ единственной, вытекающей изъ естественной закономѣрности пружиной (als die einzige naturgesetzliche Triebfeder) человѣческихъ дѣйствій и ставила этотъ эгоизмъ на одну доску съ силами природы, дѣйствовавшими въ безсознательной природѣ“ (тамъ же, S. 20).

Въ дальнѣйшемъ отрицаніе естественныхъ законовъ политической экономіи обосновывается Гильдебрандомъ на противоположеніи между не одареннымъ сознаніемъ міромъ, движущимся въ круговоротѣ вѣчно равныхъ себѣ законовъ, и живущимъ духовной жизнью человѣчествомъ, которое прогрессируетъ и создаетъ на основѣ труда и свободы культуру, которая есть совершенствованіе рода (тамъ же S. 145—146). Тутъ ясно видно, что отрицаніе естественныхъ законовъ имѣетъ у „исторической“ школы этическій фундаментъ и смыслъ, точно такъ же, какъ у той „просвѣтительной литературы“ 18-го вѣка, съ которой полемизировала историческая школа, наоборотъ, признаніе естественныхъ законовъ имѣло этическій фундаментъ и смыслъ.

именно въ отношеніяхъ между людьми. Отношенія между людьми, не будучи просто «данными» въ отличіе отъ явленій и силъ природы, не могутъ находиться и всецѣло во власти и подъ учетомъ какого-либо человѣческаго субъекта.

Марксъ подмѣтилъ эту особенность общественно-экономическихъ отношеній между людьми и указалъ на нее въ своемъ ученіи о фетишизмѣ товарнаго производства. Ошибка Маркса— и это имманентная ошибка соціализма, передавшаяся отчасти и Миллю—заключалась въ томъ, что онъ этой чертѣ общественно-экономическаго процесса, присущей ему какъ таковому, т. е. его основному дуализму приписалъ чисто историческій характеръ, признавъ указанную черту особенностью товарнаго производства. Но этотъ дуализмъ присущъ всякому общественно-экономическому процессу, какъ бы ни было организовано общество въ хозяйственномъ отношеніи, если только въ этомъ обществѣ существуетъ въ той или иной мѣрѣ хозяйственное общеніе. Рѣчь можетъ итти только о той пропорціи, въ которой при той или иной хозяйственной организаціи въ ней представлены элементы «естественные» и «раціональные». Въ развитомъ «товарномъ производствѣ» элементъ «естественный» только гораздо явственнѣе обнаруживается, чѣмъ въ другихъ организаціяхъ.

Изъ сказаннаго нами явствуетъ, что граница между «естественнымъ» и «раціональнымъ» элементомъ въ общественно-хозяйственной жизни не есть, на нашъ взглядъ, граница постоянная. Наоборотъ, она въ высшей степени текуча. Она представляется намъ текучей и въ томъ случаѣ, когда мы разсматриваемъ хозяйственную жизнь общества въ ея цѣломъ, и въ томъ случаѣ, когда мы анализируемъ отдѣльные феномены ея, напримѣръ, деньги и цѣну. Граница эта представляется намъ текучей и въ томъ смыслѣ, что въ процессѣ развитія общества она, такъ сказать, передвигается. Это, впрочемъ, логически заключено въ утвержденіи, что частичная раціонализація общественно-экономическаго процесса возможна. Человѣчество несомнѣнно движется по пути все большей и большей раціонализаціи его. Въ этомъ смыслѣ можно было бы сказать, что человѣчество идетъ къ соціализму, если бы соціализмъ въ сколько-нибудь спеціализированномъ смыслѣ не означалъ лишь одного метода этой раціонализаціи, метода ея принудительно-коллективнаго осуществленія и даже для этого метода не являлся лишь весьма грубой и слишкомъ общей формулой.

То различеніе двухъ рядовъ явленій въ общественно-экономическомъ процессѣ: «естественнаго» или «органическаго» («стихійнаго») и «искусственнаго» или «раціональнаго», которое мы предлагаемъ, сыграло крупную роль въ исторіи идей политической экономіи и въ построеніяхъ экономической политики. Экономическая мысль все время, такъ сказать, вращается вокругъ этого различенія. Она, съ одной стороны, пытается его закрѣпить, превращая экономически «естественное» въ нѣчто трансцендентное самому общественно-экономическому процессу. Съ другой стороны, она пытается его преодолѣть, представляя дуализмъ общественно-экономическаго процесса, какъ «историческую» категорію, какъ преходящую ирраціональную особенность, отъ которой самый процессъ можетъ быть избавленъ.

9. На самой зарѣ экономическихъ размышленій дуализмъ общественно-экономическаго процесса предстаетъ при обсужденіи проблемы денегъ. Есть ли деньги условное установленіе, всецѣло подчиняющееся единой «телеологической» волѣ субъекта или онѣ суть явленіе, имѣющее свою стихійную закономѣрность? Этотъ вопросъ занималъ еще Аристотеля. Давно уже замѣчено, что онъ не далъ одного отвѣта на этотъ вопросъ. Съ одной стороны, онъ съ удивительной для своего времени ясностью и законченностью набросалъ въ «Политикѣ» «естественное» происхожденіе и развитіе денегъ[26]). Съ другой стороны, онъ съ не меньшей силой подчеркнулъ и въ «Этикѣ» и въ «Политикѣ» «условный» характеръ денегъ, ихъ рожденіе изъ договора: деньги есть нѣчто, не имѣющее собственной, внутренней цѣнности, это—«призракъ»; деньги люди могутъ дѣлать и мѣнять по соглашенію[27]). Въ то же время въ одномъ мѣстѣ «Политики» Аристотель признаетъ, что деньгами люди дѣлаютъ предметъ,

---

[26]) I, 3 (9) „ξενικωτέρας γὰρ γενομένης τῆς βοηθείας τῷ εἰσάγεσθαι ὧν ἐνδεεῖς καὶ ἐκπέμπειν ὧν ἐπλεόναζον, ἐξ ἀνάγκης ἡ τοῦ νομίσματος ἐπορίσθη χρῆσις“.

[27]) Eth. Nic. V, 8. „οἷον δ᾽ ὑπάλλαγμα τῆς χρείας τὸ νόμισμα γέγονεν κατὰ συνθήκην. καὶ διὰ τοῦτο τοὔνομα ἔχει νόμισμα, ὅτι οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ ἐστίν, καὶ ἐφ ἡμῖν μεταβαλεῖν καὶ ποιῆσαι ἄχρηστον“ Pol. I. 3 (9) „ὁτὲ δὲ πάλιν λῆρος εἶναι δοκεῖ τὸ νόμισμα καὶ νόμος παντάπασι, φύσει δ᾽ οὐδέν, ὅτι μεταθεμένων τε τῶν χρωμένων οὐδενὸς ἄξιον οὐδὲ χρήσιμον πρὸς οὐδὲν τῶν ἀναγκαίων ἐστί, καὶ νομίσματος πλουτῶν πολλάκις ἀπορήσει τῆς ἀναγκαίας τροφῆς.... (дальше слѣдуетъ ссылка на миѳъ о Мидасѣ)... διὸ ζητοῦσιν ἕτερόν τι τὸν πλοῦτον καὶ τὴν χρηματιστικήν, ὀρθῶς ζητοῦντες ἔστι γὰρ ἑτέρα ἡ χρηματιστικὴ καὶ ὁ πλοῦτος ὁ κατὰ φύσιν.....“

имѣющій самъ по себѣ полезность. Тѣмъ самымъ Аристотель вынуждается приписывать имъ «внутреннюю» цѣнность [28]).

Такимъ образомъ природа денегъ въ глазахъ Аристотеля представляется двойственной.

Любопытно, что столь же двойственно пониманіе природы денегъ у римскихъ юристовъ. Павелъ съ такой же ясностью и съ такимъ же изяществомъ, какъ Аристотель, развиваетъ «естественное» происхожденіе денегъ [29]). Но въ то же время общее пониманіе денегъ въ Corpus Iuris Civilis, по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, столь же неясно и противорѣчиво, какъ и у Аристотеля». «Въ высшей степени трудно точно установить — говоритъ Bridrey — какая теоретическая концепція денегъ скрывается подъ рѣшеніями юрисконсультовъ, если даже они на самомъ дѣлѣ пытались составить себѣ ясное теоретическое представленіе объ этомъ предметѣ... Думали ли они, что деньги являются товаромъ или они ихъ разсматривали какъ простой знакъ?

---

[28]) Вслѣдъ за цитированнымъ въ примѣчаніи [26]) мѣстомъ онъ продолжаетъ: „οὐ γὰρ εὐβάστακτον ἕκαστον τῶν κατὰ φύσιν ἀναγκαίων. διὸ πρὸς τὰς ἀλλαγὰς τοιοῦτόν τι συνέθεντο πρὸς σφᾶς αὐτοὺς διδόναι καὶ λαμβάνειν, ὃ τῶν χρησίμων αὐτὸ ὂν εἶχε τὴν χρείαν εὐμεταχείριστον πρὸς τὸ ζῆν, οἷον σίδηρος καὶ ἄργυρος καὶ εἴ τι τοιοῦτον ἕτερον....“. Далѣе слѣдуетъ цитированное въ примѣчаніи [27]) мѣсто, въ которомъ Аристотель соглашается съ тѣми, кто считаетъ деньги за „призракъ“ (λῆρος). Объ экономическихъ воззрѣніяхъ Аристотеля, въ частности объ его взглядахъ на цѣнность и деньги см. Oskar Kraus Die Aristotelische Werttheorie etc. въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft 1905, 4 Heft, а также Johann Zmavç. 1) Die Geldtheorie u. ihre Stellung innerhalb d. wirtschaftlihen und staatswissenschaftlichen Anschauungen d. Aristoteles въ Z. f. d. g. St. 1902, 1 Heft 2) Die Werttheorie d. Aristoteles u. Thomas v. Aquino Archiv f. Geschichte d. Philosophie XII Band. Ср. также цитированное ниже сочиненіе Bridrey.

[29]) „Origo emendi vendendi a permutationibus coepit. Olim enim non ita erat nummus neque aliud merx, aliud pretium vocabatur sed unusquisque secundum necessitatem temporum ac rerum utilibus inutilia permutabat, quando plerumque evenit ut quod alteri superest alteri desit. sed quia non semper nec facile concurrebat, ut cum tu haberes quod ego desiderarem, invicem haberem quod tu accipire velles, electa materia est, cuius publica ac perpetua aestimatio diffecultatibus permutationum aequalitate quantitatis subveniret. Sed an sine nummis venditio dici hodieque possit, dubetatur“ D. 18, I, 1. Врядъ ли эта концепція сложилась помимо вліянія грековъ и, прежде всего, самого Аристотеля. Въ этомъ фрагментѣ юрисконсульты аргументируютъ, между прочимъ, цитатами изъ Гомера („Sabinus Homero teste utitur“).

Думали ли они, что цѣнность денегъ зависитъ отъ ихъ металлическаго содержанія или же они разсматривали ее какъ чистое созданіе публичной власти? И то и другое мнѣніе находятъ себѣ поддержку въ текстахъ, хотя ни одно изъ нихъ не можетъ быть доказано съ полной убѣдительностью. По существу правильнѣе, думается намъ, выводъ, что между нѣкоторыми изъ имѣющихся у насъ текстовъ имѣется неустранимое противорѣчіе, и что большая ихъ часть, въ особенности тексты позднѣйшей эпохи, суть лишь рѣшенія «на случай», смыслъ которыхъ не можетъ быть точно опредѣленъ, и въ которыхъ было бы совершенно напрасно искать теоретической концепціи денегъ» [30]).

Для нашихъ цѣлей важно установить эту двойственность въ пониманіи денегъ, двойственность, по существу соотвѣтствующую основному имманентному дуализму общественно-экономическаго процесса.

Эта двойственность исчезаетъ, какъ мы увидимъ дальше, въ феодальной теоріи денегъ, какъ всѣ феодальныя образованія вырастающей изъ той своеобразной переработки идей и пріемовъ позднѣйшей Римской Имперіи, которая совершилась на германской почвѣ.

Въ XVIII вѣкѣ (1709 г.) англійскимъ консуломъ въ Смирнѣ былъ открытъ въ древней Каріи кусокъ надписи, заключавшей въ себѣ опредѣленіе цѣнъ, выше которыхъ не могли требовать продавцы. Это знаменитый т. н. «максимальный тарифъ» Діоклеціана. Съ 1709 года найденъ былъ цѣлый рядъ другихъ кусковъ и мы имѣемъ такимъ образомъ тарификацію около 800 цѣнъ, большей частью на греческомъ языкѣ! [31]). Этотъ тарифъ представляетъ собой попытку установить сверху—путемъ опредѣленія максимальной цѣны товаровъ и услугъ—мѣновое отношеніе обезцѣненныхъ кредитныхъ денегъ (мѣдныхъ денегъ!) къ товарамъ. Грандіозная попытка нормировать цѣну денегъ сверху. Это «ауторитативное» понятіе денегъ выработалъ въ Римѣ лишь принципатъ, что весьма характерно и на чемъ мы остановимся ниже, прослѣживая историческую феноменологію цѣны. Ауторитативное

[30]) Emile Bridrey. La théorie de la monnaie au XIV siècle. Nicole Oresme. Etude d'histoire des doctrines et des faits économiques. Paris. 1906. p. 337.

[31]) Ко времени изданія Моммсена въ C. I. L. (Vol. III, Suppl.) было извѣстно 35 фрагментовъ. Съ тѣхъ поръ найдены новые фрагменты. Объ эдиктѣ Діоклеціана см. во второмъ отдѣлѣ.

понятіе денегъ римскій принципатъ передалъ по наслѣдству среднимъ вѣкамъ, создавшимъ изъ элементовъ позднѣйшаго римскаго права, церковной морали и античной философіи довольно цѣльную и законченную теорію, или концепцію денегъ.

Феодальная концепція денегъ вноситъ «монистическую» ясность въ пониманіе проблемы, въ которой «путались» Аристотель и римское право.

Основнымъ положеніемъ феодальной теоріи денегъ было, что «деньги»—въ смыслѣ монеты—находятся всецѣло во власти государя. При этомъ безразлично признаемъ ли мы, что феодальная теорія разсматривала деньги только какъ мѣрило, какъ орудіе «измѣренія цѣнностей», и потому всецѣло и до конца отождествляла деньги съ прочими мѣрами [32]) или же не пойдемъ такъ далеко

[32]) Это мнѣніе Бридрэ. „Въ новѣйшее время, говоритъ онъ, экономисты въ своихъ воззрѣніяхъ на природу денегъ раздѣлились на два рѣзко противоположныхъ лагеря: одни утверждаютъ, что деньги есть особая вещь, имѣющая собственную цѣнность, товаръ какъ всѣ другіе, подчиняющаяся какъ всѣ другіе товары закону предложенія и спроса; другіе утверждаютъ, что онѣ суть простой знакъ, нѣкій представитель цѣнностей, самъ по себѣ не имѣющій реальнаго значенія. Въ средніе вѣка мы не находимъ на самомъ дѣлѣ ... ни той ни другой концепціи денегъ, по идею, совершенно особенную и въ нѣкоторомъ родѣ промежуточную, а именно идею денегъ какъ орудія, еще точнѣе, денегъ какъ мѣрила. Деньги (le numeraire) являются мѣриломъ цѣнности, орудіемъ мѣновыхъ сдѣлокъ; онѣ суть мѣра цѣнностей, такъ же точно какъ туаза есть мѣра длины и ливръ мѣра вѣса; онѣ—орудіе мѣновыхъ актовъ, такъ же какъ только что названныя мѣры суть вѣсъ и линейныя измѣренія. Но деньги не суть что-либо сверхъ того; функціей измѣренія исчерпывается вся ихъ роль и совершенно безплодно доискиваться, имѣютъ ли онѣ цѣнность или нѣтъ, ибо онѣ никогда не предназначаются къ тому, чтобы служить хранилищемъ цѣнности, а лишь къ тому, чтобы сравнивать одни цѣнности съ другими.

„Отождествленіе денегъ съ мѣрой постоянно встрѣчается въ документахъ: деньги и мѣра стоятъ рядомъ въ сборникахъ законовъ (coutumiers) и подчиняются однимъ и тѣмъ же общимъ принципамъ. Но въ то же время это отождествленіе—и это важно отмѣтить—есть единственное теоретическое построеніе мыслителей. Въ средніе вѣка рѣдко встрѣчаются чисто теоретическія разсужденія о деньгахъ, ихъ опредѣленія, но среди тѣхъ немногочисленныхъ, которыми мы располагаемъ, деньги неизмѣнно характеризуются единственно по ихъ функціи, какъ мѣрила.... И на этомъ фундаментѣ въ теченіе вѣковъ теорія власти Государя могла быть прочно обоснована: такъ какъ деньги—мѣра, то къ нимъ естественно должно быть прилагаемо общее право, регулирующее мѣры.

въ характеристикѣ указанной теоріи [33]), Какъ бы то ни было, эта теорія считала «монету», если не простой «собственностью» Государя, то во всякомъ случаѣ предметомъ, на которомъ онъ могъ неограниченно упражнять свою власть. Въ Ордоннансѣ Филиппа VI Валуа отъ 16-го января 1346 г. прямо сказано:

„А юридическимъ принципомъ, имѣющимъ всеобщее приложеніе къ мѣрамъ въ теченіе всего средневѣковья, является ихъ доманіальность. Всѣ мѣры, по средневѣковому воззрѣнію, всѣ орудія коммерческихъ сдѣлокъ, по праву находятся въ обладаніи государя, не въ интересахъ—какъ это можно было бы думать—того болѣе или менѣе правильнаго контроля, какъ въ современныхъ обществахъ, но поистинѣ на правѣ собственности, какъ вещь, находящаяся въ его прямомъ обладаніи.... Будучи въ рукахъ частныхъ лицъ.... она остается всегда вещью Государя, вещью, которую онъ фактически предоставилъ въ распоряженіе частныхъ лицъ для нуждъ обмѣна, которой они должны даже обязательно пользоваться, но которая, находясь въ рукахъ этихъ временныхъ держателей, остается его, Государя, вещью, опредѣляемой имъ, находящейся въ его обладаніи; поэтому то онъ можетъ требовать оплаты той службы, которую выполняетъ эта вещь, можетъ ее взять обратно съ тѣмъ, чтобы перечеканить, измѣнить „сдвинуть“ (muer) ее. И эти основныя и неоспоримыя права—на которыя въ конечномъ счетѣ разлагается вся денежная практика феодальнаго періода—право опредѣлять цѣнность денегъ, право ее мѣнять, право извлекать изъ денегъ доходъ суть не болѣе, какъ слѣдствія и какъ бы необходимые аттрибуты права собственности Государя на деньги—мѣру права Государя на свою вещь“. (Bridrey 110—115).

[33]) Таково мнѣніе Эрнеста Бабелона. „Я не считаю—говоритъ онъ—правильнымъ и пріемлемымъ то принципіальное истолкованіе, которое Бридрэ даетъ операціямъ, практиковавшимся надъ деньгами въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Отождествленіе денегъ съ прочими „мѣрами“ никогда не было столь полнымъ, какъ насъ хотятъ въ томъ увѣрить, нельзя утверждать, что феодальное средневѣковье способно было распознать въ металлическихъ деньгахъ только ихъ функціи знака и мѣрила цѣнности, ибо мы знаемъ, что эта эпоха, наоборотъ, постоянно озабочена металлическимъ содержаніемъ денежныхъ знаковъ.... Не смотря на нѣкоторыя школьныя опредѣленія, феодальное средневѣковье не знало въ теоріи и не осуществляло на практикѣ идеи денегъ какъ знака, безъ внутренней цѣнности; никогда средневѣковыя деньги.... какъ бы ни была низка ихъ металлическая цѣнность, не трактовались какъ простая цѣнность“. Но и Бабелонъ признаетъ, что „въ феодальной концепціи.... первымъ признакомъ денегъ является то, что онѣ составляютъ собственность Государя и существенную часть его домэнъ“. См. Ernest Babelon. La théorie féodale de la monnaie. Extrait des mémoires de l'académie des inscriptions et belles lettres. Tome XXXVIII, I-re partie Paris 1908, pp. 21 et 27.

«Nous ne pouvons croire, que aucun puisse, ne doive faire doute, que à Nous seul et à Notre Majestè royal, n'appartiengne seulement et pour le tout, en nostre royaume, le mestier, le fait, la provision et toute l'ordonnance de monnoyes, et de faire monnoier teles monnoyes, et donner tel cours, pour tel prix comme il nous plaist, et bon nous semble pour le bien et prouffit de Nous, de nostre royaume et de nos subgiez, et en usant de nostre droict» [34]).

И почти также выражается король Жанъ въ ордоннансѣ отъ 20-го марта 1361 г.:

«Jà soit ce que à Nous seul et pour le tout, de nostre droit royal et par tout nostre royaume, appartien, gne faire teles monnoyes comme il Nous plaist, et leur donner prix» [35]).

Въ эту феодальную доктрину денегъ развитіе политическихъ отношеній вносило фактическія ограниченія, имѣвшія крупное политическое значеніе, а именно монетныя права сеньеровъ отрицались въ пользу короля, пока, наконецъ, корыстная порча денегъ и королями не стала невыносима. Тогда ученію о томъ, что деньги суть «вещь» государя, была противопоставлена новая доктрина, зародыши которой уже имѣлись у Аристотеля и которая постепенно зрѣла въ средневѣковомъ каноническомъ и римскомъ правѣ [36]). Согласно этому новому ученію деньги есть достояніе всего общества, и только общество можетъ ими распоряжаться; никакіе эксперименты Государя надъ деньгами не должны быть терпимы. Эта доктрина была въ чрезвычайно ясной формѣ провозглашена Николемъ Орезміемъ въ его знаменитомъ «Трактатѣ», первая редакція котораго, согласно Бридрэ, относится къ 1355 г.; осуществить ее еще въ XIV вѣкѣ пытались революціонные Etats Généraux 1355 г., а также самъ король Карлъ V (Мудрый), поклонникъ Аристотеля и ученикъ Орезмія [37]).

Въ появленіи на свѣтъ новой идеи мы имѣемъ передъ собою не только весьма важный политическій фактъ, рожденіе въ области экономической политики идеи Государства, противополагаемаго

---

[34]). Bridrey 1. c. 118.

[35]) Тамъ же, стр. 118—119.

[36]) О подготовкѣ новой доктрины въ ученіи Аристотеля, въ теоріяхъ канонистовъ и романистовъ см. у Bridrey гл. IV Sources de la doctrine, pp. 299—438.

[37]) Ср. цитированное выше изумительное по эрудиціи изслѣдованіе Bridrey.

Государю,—новое пониманіе денегъ и основъ денежной политики интересно и важно съ точки зрѣнія развитія проблемы «основного дуализма». Логически-формально, конечно, пониманіе денегъ какъ достоянія всего общества не далеко ушло отъ взгляда на нихъ какъ на «вещь» Государя, ибо общество тутъ разсматривается не какъ «система», а какъ «единство», т. е. мѣняется только субъектъ власти, и деньги остаются созданіемъ закона. Но психологически новая доктрина подготовляетъ побѣду «органическаго» пониманія денегъ надъ чисто «раціональнымъ» пониманіемъ, разсматривающимъ деньги, какъ простое созданіе закона.

Феодальная теорія денегъ, по существу воскрешенная въ новѣйшее время Кнаппомъ подъ названіемъ «государственной», была жива въ умахъ и въ эпоху меркантилизма. Англійскій меркантилистъ Николай Барбонъ въ 1690 г. пишетъ съ лапидарной силой:» Mony is a value made by a law». [38]) А русскій меркантилистъ петровской эпохи Посошковъ выражается гораздо конкретнѣе, съ патріархальной простотой: «А дѣлать бы не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Императорскаго Величества........ мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, но дорого его царское именованіе. Того ради мы не вѣсъ въ нихъ числимъ, но счисляемъ начертаніе на ней ..... У иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ яко народъ; и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагаютъ на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цата имѣетъ въ себѣ толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ.

«И тыи иноземцы хощутъ то учинить, чтобъ и у насъ въ Россіи деньги были бы по цѣнѣ въ нихъ положеннаго товара того ради прилагаютъ въ мѣдныя деньги часть серебра, дабы стоило матеріаломъ своимъ того, за колико ей ходить. И мнѣ ся мнитъ, той ихъ совѣтъ вельми намъ непріятенъ, непристоенъ; понеже

---

[38]) Nikolas Barbon. A Discourse of Trade. A reprint of Economic Tracts. Edit. by Jacob H. Hollander, Baltimore. 1905, p. 16.

у насъ самый властительный и всецѣлый Монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ. Итого ради мы не серебро почитаемъ ниже мѣдь цѣнимъ, но намъ честно и сильно именованіе Его Императорскаго Величества; у насъ толь сильно его Пресвѣтлаго Величества слово, ащебъ повелѣлъ на мѣдной золотниковой цатѣ положить рублевое начертаніе, то бы она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно» [39]).

10. Въ проблемѣ денегъ основной дуализмъ въ нашемъ смыслѣ обычно перекрещивается съ различеніями совершенно другого порядка. Вопросъ о томъ, есть ли деньги—явленіе «естественное» или «раціональное», гетерогеническое или автогеническое, и въ какой мѣрѣ въ деньгахъ представленъ элементъ естественный и элементъ раціональный совершенно не совпадаетъ или, по крайней мѣрѣ, не на всемъ своемъ протяженіи совпадаетъ съ тѣмъ вопросомъ, который въ теоріи денегъ раздѣляетъ «номиналистовъ» и «металлистовъ». Однако вопросъ о томъ, прикрѣпляется ли качество настоящихъ денегъ лишь къ такому предмету, который въ томъ самомъ количествѣ, въ которомъ онъ употребляется какъ деньги, имѣетъ цѣну и помимо денежнаго употребленія, или деньги могутъ существовать независимо отъ такого матеріально-товарнаго субстрата—этотъ вопросъ ни исторически, ни—что для насъ важнѣе—статически не совпадаетъ съ вопросомъ объ «естественности» или «раціональности» денегъ. Могутъ ли настоящія деньги быть нематеріальны (unstofflich) съ точки зрѣнія товарнаго оборота, этотъ вопросъ означаетъ совсѣмъ не то же, что вопросъ о томъ, суть ли деньги созданіе государства и политики, т. е. явленіе, для котораго — ex definitione — существеннымъ является «раціональный» элементъ. Смѣшеніе этихъ двухъ различныхъ вопросовъ происходитъ потому, что нематеріальныя деньги (autogenisches Geld Кнаппа) генетически такъ же, повидимому, регулярно вытекаютъ изъ дѣятельности государства, изъ раціональнаго источника, какъ деньги матеріальныя (hylogenisches Geld Кнаппа) возникаютъ независимо отъ государства, развиваются стихійно изъ мѣнового оборота. Однако, повторяемъ, генезисъ той и другой формы денегъ нисколько не рѣшаетъ вопроса объ

[39]) Подчеркнуто мною. „Книга о скудости и богатствѣ". Сочиненія Ивана Посошкова, изд. М. Погодина. Часть первая Москва 1842, стр. 253—254.

ихъ природѣ (въ систематическомъ смыслѣ). Въ своемъ походѣ противъ «металлизма» Кнаппъ смѣшалъ именно эти двѣ точки зрѣнія и это главный коренной порокъ его «государственной теоріи денегъ». Въ критикѣ металлизма онъ побѣдоносенъ, всегда попадаетъ въ цѣль, но «государственной» природы денегъ онъ вовсе не доказываетъ. Наоборотъ, самъ онъ вынужденъ указывать, что рѣшающее значеніе имѣетъ не то, что «государство охотно дѣлало бы, если бы могло, а то, что оно дѣлаетъ» [40]). Онъ самъ подчеркиваетъ, что «понятіе валютарныхъ денегъ не можетъ быть найдено, если въ основу его класть лишь законы» [41]). Т. е. онъ хочетъ сказать, что не законы, а ихъ осуществленіе или, что тоже, управленіе существенно для пониманія денегъ, какъ государственнаго явленія [42]). Ибо «государство фактически не связано своими законами, которые оно поддерживаетъ для своихъ подданныхъ; оно само иногда создаетъ новое право не посредствомъ законовъ, а фактическимъ поведеніемъ и затѣмъ уже иногда измѣняетъ законы такъ, что они соотвѣтствуютъ его фактическому поведенію» [43]). Самъ Кнаппъ настойчиво указываетъ, какъ въ исторіи денегъ дѣйствуетъ начало гетерогоніи цѣлей [44]); какъ, въ

---

[40]) Staatliche Theorie des Geldes. Leipzig 1905. S. 42.

[41]) L. c. S. 97.

[42]) „Войско есть нѣкоторое административное цѣлое, хорошо ли оно вооружено или худо, и такъ же обстоитъ дѣло со строемъ платежныхъ средствъ (ebenso steht es mit der Verfassung der Zahlungsmittel): онъ есть административное явленіе и прежде всего долженъ быть понятъ, какъ таковой, прежде, чѣмъ будетъ отдано предпочтеніе тѣмъ или инымъ платежнымъ средствамъ“ (Knapp, l. c. 44—45). Ср. также краткое, но чрезвычайно яркое резюмэ теоріи Кнаппа въ его докладѣ, читанномъ въ австрійскомъ экономическомъ обществѣ: «Die Beziehungen Oesterreichs zur staatlichen Theorie des Geldes» въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung XVII Band 1908, IV Heft S. 439—452.

[43]) L. c. 97.

[44]) Впрочемъ Кнаппъ, оперируя идеей гетерогоніи цѣлей, не совсѣмъ отчетливо и точно формулируетъ эту идею. Такъ, говоря о возникновеніи того, что онъ на своемъ искусственномъ языкѣ называетъ гилолепсіей, онъ разсуждаетъ: не „предѣльную цѣну имѣли въ виду короли, а пошлину за чеканку монеты (Schlagschatz), опять таки примѣръ, какъ въ исторіи права дѣйствуютъ учрежденія, которыя возникаютъ изъ совсѣмъ другихъ цѣлей (другихъ чѣмъ какія? П. С.), такъ что послѣдствія являются совершенно независимыми отъ первоначально имѣвшейся въ виду цѣли. Для историка права первоначальныя цѣли учрежденій не лишены

частности, «хартальность денегъ, это завоеваніе высокой мудрости, это драгоцѣнное явленіе соціальной, государственно-упорядоченой жизни выросло изъ столь низкаго корня, а между тѣмъ таково естественное теченіе вещей, которое наблюдается въ развитіи всѣхъ учрежденій. Низкія цѣли вызываютъ въ жизни учрежденія (Einrichtungen), которыя развиваютъ изъ себя самыя высокія слѣдствія» [45]).

Но именно этотъ стихійный, органическій или, какъ мы условились говорить, гетерогеническій характеръ денегъ означаетъ, что онѣ не суть просто «государственное» явленіе. Ибо не только ex definitione, но и по существу дѣйствія государства [46]) суть дѣйствія «раціональныя» или, выражаясь нашимъ болѣе точнымъ терминомъ, явленія автогеническія. Вѣдь именно въ этомъ и отличіе государства отъ общества, что явленія государства пріурочены, какъ цѣлесообразныя дѣйствія къ государству, какъ къ ихъ субъекту, и потому суть явленія принципіально автогеническія. Поскольку государство дѣлаетъ не то, что оно хочетъ, оно растворяется въ обществѣ и его дѣйствія тонутъ въ системѣ гетерогеническихъ явленій, изъ которыхъ складывается то, что мы называемъ обществомъ. Если бы «политика», къ которой относится денежное дѣло, по теоріи Кнаппа [47]) была всецѣло подчинена началу гетерогоніи цѣлей, она перестала бы существовать, какъ «политика». Ибо вся она основана на томъ предположеніи, что цѣль, которую преслѣдуетъ субъ-

интереса, но его задача состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы изобразить независимые отъ этихъ цѣлей, нежелаемые и принимающія грандіозные размѣры слѣдствія (die davon ganz unabhängigen, die ungewollten und übermächtig werdenden Folgen); въ этихъ слѣдствіяхъ воплощается подлинное содержаніе его изслѣдовательской работы". (l. c. SS. 77—78). Въ разсужденіи Кнаппа невѣрно предположеніе, что „слѣдствіе" „независимо" отъ цѣлей. Слѣдствія только не соотвѣтствуютъ ни субъективно, ни объективно цѣлямъ; слѣдствія съ цѣлями не согласны и имъ неадэкватны.

[45]) L. c. S. 78.

[46]) Различіе между словами и дѣйствіями, между закономъ (или правопорядкомъ) и политикой (или управленіемъ), различіе, которому Кнаппъ придаетъ такое значеніе, не существенно съ нашей точки зрѣнія и мы и то и другое объемлемъ однимъ понятіемъ государственныхъ дѣйствій.

[47]) „In dies Gebiet (sc. der Politik) gehört das Geldwesen". L. c. S. 99.

ектъ «политики», осуществима и осуществляется. Внѣ этого предположенія политика не то что теряетъ смыслъ, а именно перестаетъ существовать, исчезаетъ.

И если Кнаппъ, давшій своему труду заглавіе «Государственная теорія денегъ», признаетъ далѣе, что могутъ быть деньги, выпущенныя не государствомъ[48]), то это не имѣетъ значенія съ точки зрѣнія нашихъ различеній. Не государство въ спеціальномъ государственно-правовомъ смыслѣ, а государство какъ субъектъ вообще, какъ творецъ автогеническихъ денегъ интересуетъ насъ. Но государство не есть единственный мыслимый и реальный творецъ автогеническихъ денегъ. Кнаппъ сознаетъ это. Онъ, въ центрѣ теоріи денегъ поставившій функцію платежнаго средства, заявляетъ: «платежъ есть во всякомъ случаѣ дѣйствіе, предполагающее нѣкое общеніе; будетъ ли этимъ общеніемъ государство, или кругъ кліентовъ банковъ, или какой-нибудь иной платежный союзъ, это второстепенный вопросъ; платежное общеніе можетъ даже переступать границы государства, какъ, напримѣръ, при автометаллизмѣ, платежное общеніе котораго состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ, кто признаетъ въ качествѣ мѣнового блага серебро, или желѣзо, или золото. Но какъ только автометаллизмъ преодолѣнъ, платежное общеніе должно быть управляемо (имѣть правительственное руководство [49]), должны быть на лицо силы, которыя юридически регулируютъ характеръ и способы (Art und Weise) платежа. Платежныя общенія тогда имѣютъ средоточіе, изъ котораго исходитъ управленіе: въ случаѣ государственныхъ денегъ такимъ средоточіемъ является государственная власть, въ частномъ платежномъ дѣлѣ имъ является, напримѣръ, банкъ» [50]).

И все таки въ этомъ словесномъ признаніи негосударственности денегъ и платежнаго дѣла мы не можемъ видѣть признанія «общественнаго», въ нашемъ смыслѣ, характера денегъ, какими мы ихъ знали до сихъ поръ и какими онѣ являются всего яснѣе въ международномъ автометаллическомъ общенія. Но тотъ богатый историческій матеріалъ, который собранъ въ книгѣ самаго Кнаппа, весьма значительно укрѣпляетъ взглядъ на деньги какъ на институтъ въ нашемъ смыслѣ «общественный» и eo ipso негосударственный. Лишь постепенно и лишь неполно въ предѣлахъ государства они превраща-

[48]) Es giebt auch Geld von unstaatlicher Emission. L. c. S. 84.
[49]) Muss die Zahlgemeinschaft eine regiminale Leitung haben.
[50]) L. c. S. 140.

ются въ институтъ управляемый или раціональный, и въ этомъ смыслѣ государственный. Заслуга Кнаппа состоитъ въ томъ, что онъ на исторіи денежнаго обращенія нѣкоторыхъ современныхъ государствъ подмѣтилъ и изобразилъ этотъ процессъ раціонализаціи денегъ, главнымъ агентомъ котораго является государство, почему весь процессъ принимаетъ характеръ своеобразнаго огосударствленія. Этимъ объясняется, почему Кнаппъ такъ легко поддался соблазну свои наблюденія надъ процессомъ раціонализаціи и огосударствленія денегъ. обобщить въ систематическую форму государственной теоріи денегъ. Въ то же время этотъ процессъ раціонализаціи денегъ, повидимому, окончательно отрываетъ деньги отъ металлической основы. Вотъ почему «государственная теорія» Кнаппа противополагаетъ себя металлизму. Но логически государственному пониманію денегъ противостоитъ вовсе не металлизмъ, а общественное (въ нашемъ смыслѣ) пониманіе денегъ. Центръ тяжести, дѣйствительное своеобразіе теоріи Кнаппа заключается именно въ пониманіи денегъ, какъ автогеническаго по существу явленія. Эта точка зрѣнія всего ярче выступаетъ у него въ утвержденіи, что прочная цѣна золота «wird gemacht, wird von unserem Staat für seine Einwohner gemacht». «Она не возникаетъ сама собой. И какъ она дѣлается для золота, такъ же она могла бы быть сдѣлана для каждаго другого металла, и для серебра – если бы это представлялось цѣлесообразнымъ» [51]).

А въ то же время самъ Кнаппъ подчеркиваетъ, что государство не всемогуще въ своемъ денежномъ дѣланіи, что оно зависитъ отъ «данныхъ отношеній могущества», которыя сильнѣе всякихъ намѣреній государства [52]). Въ разсужденіяхъ Кнаппа тутъ если не противорѣчіе, то неясность, вытекающая изъ невыработанности тѣхъ основныхъ философскихъ и соціологическихъ понятій, которыми онъ оперируетъ.

11. Но проблема всетаки остается проблемой: можетъ ли государство, какъ таковое, «дѣлать» цѣну денегъ? Установленіе прочной цѣны золота, о которомъ говоритъ Кнаппъ, есть лишь частный случай этого общаго вопроса. Постановка и разсмотрѣніе этого вопроса, на который Кнаппъ, при всей его кажущейся рѣшительности, не даетъ яснаго отвѣта, который онъ—такое утвержденіе можетъ показаться страннымъ, но оно съ подлиннымъ вѣрно—

[51]) L. c. S. 83.
[52]) L. c. S. s. 96 und 101.

въ сущности въ ясной формѣ нигдѣ не ставитъ, а только какъ бы даетъ подразумѣвать, есть обсужденіе проблемы денегъ съ точки зрѣнія основного дуализма.

Кнаппъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду: «теорія должна быть доведена до крайнихъ выводовъ, иначе она не имѣетъ никакой цѣны. Практикъ можетъ довольствоваться, половинчатостями и даже онъ долженъ ими довольствоваться, теоретикъ же погибшій человѣкъ, если онъ остается въ плѣну у половинчатостей» [53]).

Однако самъ Кнаппъ въ своей государственной теоріи денегъ не только не дошелъ до крайностей, но и не достигъ полной ясности, достижимой лишь при рѣзкомъ противопоставленіи крайнихъ точекъ зрѣнія.

Суть деньги по существу автогеническое или гетерогеническое явленіе? Такова должна быть рѣзкая постановка проблемы, ставящая на очную ставку двѣ крайности. Тутъ мы сразу должны повиниться въ «половинчатости». Оставаясь на почвѣ фактовъ, мы на явленіи денегъ, на разныхъ ступеняхъ ихъ развитія можемъ констатировать лишь основной дуализмъ общественно-экономиче скаго процесса. Моментъ «естественный», гетерогеническій въ огромной мѣрѣ преобладаетъ въ деньгахъ въ теченіе очень продолжительнаго времени, но моментъ раціональный, автогеническій никогда не отсутствуетъ въ нихъ.

Задача и исторіи развитія, и теоріи денегъ заключается въ томъ, чтобы въ реальномъ явленіи денегъ разсмотрѣть и взвѣсить дѣйствіе обоихъ этихъ моментовъ. Такое изслѣдованіе спеціально въ отношеніи къ деньгамъ не входитъ въ задачи настоящаго труда, хотя къ проблемѣ денегъ съ другой точки зрѣнія намъ придется еще подойти. Мы коснулись проблемы денегъ здѣсь съ этой стороны лишь для иллюстраціи нашей мысли объ основномъ дуализмѣ. Такъ какъ теорія денегъ, съ точки зрѣнія основного дуализма, есть лишь особый случай и спеціальный вопросъ теоріи цѣны, то на этомъ еще болѣе обширномъ полѣ передъ нами возникаетъ та же проблема. Ея мы коснемся въ отдѣлѣ о цѣнѣ и цѣнности.

12. Прежде чѣмъ заключить здѣсь общее обсужденіе проблемы основного дуализма, будетъ умѣстно обратить вниманіе

---

[53]) L. c. S. VII.

на то, что историческая школа въ прововѣдѣніи и историческая школа въ политической экономіи занимаютъ діаметрально противоположныя позиціи по отношенію къ идеѣ «естественнаго закона». Историческая школа юристовъ [54]), будучи практически антиподомъ либерализма, теоретически не менѣе послѣдовательно, чѣмъ экономическій либерализмъ, стояла на почвѣ ученія объ естественномъ ходѣ вещей, которому должно подчиняться творчество всякаго субъекта. Поэтому безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Савиньи ближе къ Адаму Смиту, чѣмъ къ Шмоллеру. Историческая школа въ правовѣдѣніи, поэтому, поражена тѣмъ основнымъ противорѣчіемъ, которымъ страдалъ и экономическій либерализмъ: утверждая естественный ходъ развитія, она допускала возможность нарушеній этого органическаго процесса и возставала противъ нихъ. Совершенно иначе разсуждала историческая школа въ политической экономіи, неразрывно связанная съ идеей вмѣшательства въ «естественный ходъ вещей». Историческая школа въ политической экономіи насквозь государственна—недаромъ она тѣснѣе, чѣмъ историческая школа въ правѣ, связана съ Гегелемъ [55])—и въ силу этого она на сторонѣ раціональнаго и планомѣрнаго воздѣйствія на хозяйственную жизнь. Государство, такимъ образомъ, занимаетъ въ воззрѣніяхъ исторической школы экономистовъ совершенно иное мѣсто, чѣмъ у классическихъ основателей историческаго правовѣдѣнія (Савиньи и Пухты). Здѣсь мы наблюдаемъ чрезвычайно интересное схожденіе и расхожденіе идейныхъ мотивовъ. «Органически»-консервативное воззрѣніе исторической школы, такъ же какъ «органически»-либеральное воззрѣніе Адама Смита [56]) присваиваетъ реальное бытіе только индивиду [57]). Изъ общенія и взаимодѣй-

---

[54]) Превосходную характеристику ея читатель найдетъ въ книгѣ П. Новгородцева «Историческая школа, ея происхожденіе и судьба». М. 1896.

[55]) Черезъ Рошера, который не былъ гегеліанцемъ, но несомнѣнно испыталъ на себѣ вліяніе Гегеля. Ср. Max Weber, Roscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie въ Schmoller's Jahrbuch, Jahrg. XXVII и XXIX.

[56]) Заслуга цитированной выше книги Гута объ Адамѣ Смитѣ заключается въ разъясненіи органическаго характера его соціологіи, очень далекой отъ механическаго индивидуализма.

[57]) Это разъяснено и подчеркнуто O. Brie въ его небольшомъ, но весьма содержательномъ изслѣдованіи: „Der Volksgeist bei Hegel und in der historischen Rechtsschule“ Berlin u. Lpz. 1909.

ствія личностей образуется и имъ исчерпывается «народный духъ» исторической школы въ правовѣдѣніи. Государство для нея есть не реальная личность, а юридическая фикція, юридическое лицо [58]). Наоборотъ, историческая школа въ политической экономіи сознательно и безсознательно относится къ государству, какъ къ подлинной реальности, такой же, какъ и личность—и въ этомъ она идетъ по слѣдамъ Гегеля (вліяніе Гегеля на Рошера не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію). Взглядъ молодого историзма въ политической экономіи на государство опредѣлился въ значительной мѣрѣ его страстной борьбой за государственное вмѣшательство противъ манчестерства. Историческая школа въ политической экономіи гораздо ближе, чѣмъ къ Савиньи, къ Іерингу, и притомъ къ Іерингу эпохи «Цѣли въ правѣ», а не эпохи «Духа римскаго права», къ тому Іерингу, для котораго не самоопредѣленіе личности, а общественное благо является центромъ теоретическихъ построеній и руководящимъ практическимъ идеаломъ. Въ этомъ расхожденіи историзма Савиньи-Пухты и историзма Іеринга и исторической школы экономистовъ предъ нами два основныхъ способа пониманія и оцѣнки не только процесса общественной эволюціи (экономической, правовой и проч.), но и вообще всего «человѣческаго» развитія. Въ сущности это расхожденіе упирается въ основной вопросъ: что лучше, цѣннѣе, что заключаетъ въ себѣ и развиваетъ изъ себя больше творческихъ возможностей и силъ, сознательное ли дѣйствіе или безсознательное становленіе? Что выше и разумнѣе, малый разумъ людей, или великій разумъ космоса? [59]) Человѣческая мысль вѣчно колеблется между этими двумя инстанціями и въ столкновеніи различныхъ соціальныхъ направленій и теченій борющіяся

---

[58]) Это стоитъ въ связи съ ихъ ученіемъ объ юридическомъ лицѣ. Ср. Brie l. c.

[59]) Эту проблему съ разныхъ сторонъ обсуждаетъ философъ безсознательнаго, Эдуардъ фонъ Гартманнъ въ своей „Философіи Безсознательнаго". Ср. въ особенности Philosophie des Unbewussten. Erster Teil: Phenomenologie des Unbewussten отдѣлъ B. Das Unbewusste im menschlichen Geiste, глава X: Das Unbewusste in der Geschichte и въ особенности глава XI: Das Unbewusste und das Bewusstsein in ihrem Werte für das menschliche Leben. Постановка этой проблемы восходитъ однако къ Лейбницу, какъ признаетъ и Гартманнъ, Philosophie des Unbewussten I, S. S. 14—16 (цитирую по десятому изданію: Zehnte erweiterte Auflage in drei Theilen).

стороны въ концѣ концовъ сознательно или по большей части безсознательно аппеллируютъ къ одной изъ нихъ, тѣмъ самымъ показывая, что человѣческій умъ не столько создаетъ теоретическія истины подъ диктовку своихъ практическихъ стремленій и чаяній, сколько для этихъ послѣднихъ ищетъ оправданія въ томъ или иномъ способѣ теоретическаго пониманія міра.

Такъ проблема основного дуализма общественно-экономическаго процесса восходитъ къ болѣе общей, чисто метафизической проблемѣ, которая, конечно, лежитъ внѣ предѣловъ вѣдѣнія спеціальныхъ наукъ, хотя онѣ въ нее упираются. Любопытно съ этой точки зрѣнія слѣдить, какъ въ самомъ новѣйшемъ теченіи соціальной мысли, въ синдикализмѣ, у его теоретиковъ происходитъ расхожденіе разныхъ элементовъ, заключенныхъ въ каноническомъ марксизмѣ. Если послѣдній есть какъ бы философія сознательной воли въ соціализмѣ, то синдикализмъ Сореля есть философія безсознательной воли въ соціализмѣ. Онъ превозноситъ волю и дѣйствіе надъ разумомъ и сознаніемъ [60]) и въ прямомъ противорѣчіи съ каноническимъ марксизмомъ стремится освободить пролетарское дѣйствіе отъ подчиненія сознанію и его самому концентрированному выраженію—наукѣ. Отсюда тяготѣніе синдикалистской теоріи къ противораціоналистической философіи Бергсона съ ея превознесеніемъ интуиціи и живого безсознательнаго дѣйствія, органическаго творчества надъ раціональнымъ познаніемъ и надъ расчитаннымъ дѣяніемъ [61]). Но эта соціалистическая

[60]) Этотъ «прагматическій» мотивъ подъ вліяніемъ Фейербаха сильно подчеркивается самимъ Марксомъ въ его фейербахіанскій періодъ. Ср. его извѣстные тезисы, которые Энгельсъ впервые огласилъ въ своей извѣстной статьѣ о Фейербахѣ. На той же позиціи стоялъ и „истинный соціализмъ" Гесса, на что я указалъ въ своихъ „Studien u. Beiträge z. Entwicklungsgeschichte des wissenschaftlichen Sozialismus" (Neue Zeit, Band XV).

[61]) Ср. ссылки на Бергсона у Сореля въ „Reflexions sur la volonté" и у Берта (E. Berth) въ „Mouvement socialiste". Бергсонъ самъ относится совершенно нейтрально къ синдикализму. См. его любопытное письмо къ Юлію Гольдштейну, которое послѣдній приводитъ въ своей статьѣ: Henri Bergson und die Socialwissenschaft въ Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik XXXI, 1 Heft. Философія Бергсона чрезвычайно вразумительно изложена у Albert Steenbergen, Henri Bergsons Intuitive Philosophie. Jena 1907. Ср. также статью о Бергсонѣ Рихарда Кронера въ Logos. Band I. Heft I (по русски въ русскомъ изданіи).

философія безсознательной, или ирраціональной воли поражена внутреннимъ противорѣчіемъ, ибо воля всякаго субъекта соціальнаго дѣйствованія для того, чтобы прочно овладѣть дѣйствительностью, должна стремиться къ полному учету дѣйствительности, къ максимальной ея раціонализаціи. Можно, конечно утверждать, что вѣнецъ всего человѣческаго не въ индивидуальномъ сознательномъ и расчитанномъ дѣйствіи, а въ плодахъ безсознательнаго творчества множества сталкивающихся произволовъ, но тотъ, кто говоритъ это [62]), тѣмъ самымъ утверждаетъ, что не человѣческая воля должна владѣть соціальной дѣйствительностью, а, наоборотъ, послѣдняя должна владѣть первою и ее поглощать. Каноническій марксизмъ по-гегеліански вѣрилъ въ грядущую полную гармонію бытія и сознанія, необходимости и свободы. Пусть эта вѣра въ преодолѣніе основного дуализма общественно-экономическаго процесса утопична, но только на ней можетъ покоиться соціализмъ, какъ нѣкоторое построеніе, притязающее на абсолютное значеніе, и только на ней можетъ утверждаться соціально-революціонное дѣйствіе. Логически несообразно и психологически противорѣчиво, какъ это дѣлаетъ теоретическій синдикализмъ, въ одно и тоже время и превозносить безсознательную волю, и требовать соціальнаго переворота. Такимъ образомъ въ теоретическомъ синдикализмѣ Сореля, представляющемъ своеобразное видоизмѣненіе марксизма, еще яснѣе, чѣмъ въ канонической формѣ послѣдняго, обнаруживается противорѣчіе между настроеніемъ и идеями органическаго историзма [63]), который былъ вполнѣ послѣдовательно враждебенъ

[62]) Такова мысль Толстого въ „Войнѣ и Мірѣ". «Только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія. Ежели онъ пытается понять его, онъ поражается безплодностью". „Бо́льшая часть людей того времени не обращала никакого вниманія на общій ходъ дѣлъ, а руководилась только личными интересами настоящаго. И эти то люди были самыми полезными дѣятелями того времени".

[63]) У синдикализма (въ лицѣ Сореля) съ органическимъ историзмомъ обще преклоненіе передъ ирраціональной стихіей міра. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительны отзывы Сореля о позитивизмѣ и его стремленіи все обнять „наукой". „Позитивисты, которые представляютъ высшую ступень посредственности, самонадѣянности и педантизма, объявили, что философія должна исчезнуть предъ ихъ наукой; но философія не только не умираетъ, а напротивъ, пробуждается. Отно-

и всякому расчитанному дѣйствію, и всякому «бунту», который до квіетизма консервативенъ, и настроеніемъ и идеями соціальнаго революціонизма, которому свойственно отрицать и ломать существующее во имя желательнаго, или идеальнаго будущаго, который есть доктрина и религія импульсивнаго дѣйствія.

Всѣ теоретическія оправданія соціализма, къ которымъ слѣдуетъ отнести и синдикализмъ, тѣмъ интересны и поучительны съ точки зрѣнія нашей темы, что они представляютъ попытки теоретически преодолѣть основной и имманентный дуализмъ общественно-экономическаго процесса.

сительно метафизики можно сказать, что она вернула свои утерянныя позиціи, вскрывая иллюзорность такъ называемыхъ научныхъ рѣшеній вопросовъ, возвращая умы снова къ мистической области, которую такъ ненавидитъ „маленькая наука". Позитивизмъ находитъ восторженныхъ сторонниковъ развѣ только еще среди нѣкоторыхъ бельгійцевъ, или чиновниковъ министерства труда, т. е. людей, не играющихъ никакой роли въ мірѣ мысли... Въ каждомъ сложномъ цѣломъ надо различать область, доступную изслѣдованію, отъ области недоступной и... эта послѣдняя, можетъ быть, и есть самая важная. Заблужденіе посредственностей состоитъ въ ихъ убѣжденіи, что эта послѣдняя сторона должна исчезнуть съ распространеніемъ просвѣщенія и что все въ концѣ концовъ займетъ то мѣсто, которое для него предвидѣла маленькая наука" (Размышленія о насиліи. Русскій переводъ. 1902. Москва. Стр. 70—71).

Отдѣлъ второй.

Цѣна-цѣнность.

Глава I.

Нѣкоторыя основныя положенія о цѣнѣ и цѣнности.

1. Древніе не различали цѣны и цѣнности (стр. 87—88). 2. Цѣнность нормативная и цѣнность типическая (стр. 88—90). 3. Созданіе понятія объективной цѣнности означаетъ ея субстанціализацію и матеріализацію (стр. 90—91). 4. Противоположеніе метафизической и эмпирической идеи цѣнности (стр. 91). 5. Типическая цѣнность съ точки зрѣнія теоріи статистики (стр. 91—95). 6. Нѣсколько словъ о нормативной цѣнности (стр. 95). 7. Послѣдовательность реальныхъ явленій, объемлемыхъ понятіемъ цѣны-цѣнности. Фантомъ цѣнности, независимой отъ цѣны и ее опредѣляющей (стр. 95—98). 8. Соотношеніе между цѣной, какъ фактомъ, и цѣнностью, какъ нормой, есть проблема историко-соціологическаго изученія (стр. 99—100).

1. Терминологическіе споры сами по себѣ безполезны. Термины суть, принципіально разсуждая, орудія научнаго языка и ничего болѣе. Но терминологическія разысканія могутъ быть плодотворны, поскольку они даютъ историко-психологическую нить и для уясненія реальныхъ явленій, и для критики теоріи этихъ явленій. Съ этой точки зрѣнія исторія терминовъ «цѣна» и «цѣнность» въ высокой степени поучительна, ибо она проливаетъ свѣтъ на развитіе самыхъ явленій и на теорію этихъ явленій, какъ съ исторической, такъ и съ систематической точки зрѣнія. Отсылая читателей къ экскурсу, въ которомъ онъ найдетъ нѣкоторую сводку того, что въ настоящее время можетъ дать этимологія и семазіологія «цѣны» и «цѣнности» [1a]), мы въ текстѣ займемся лишь тѣмъ, что важно въ исторіи этихъ терминовъ для теоріи цѣны-цѣнности.

Древніе не различали цѣны и цѣнности. Это всего ярче обрисовывается въ одномъ мѣстѣ «реторики» Аристотеля: «τὸ γὰρ μηδενὸς ἄξιον, οὐδεμίαν ἔχει τιμὴν [1b]), или какъ переводитъ на латинскій языкъ словарь Стефана (H. Stephanus «Thesaurus linguae graecae»): «id quod nullius pretii est in nulla habetur aestimatione», т. е. «что не имѣетъ цѣны — не имѣетъ цѣнности», или не оцѣ-

1a) См. Экскурсъ V: Къ этимологіи и семазіологіи цѣны-цѣнности.

1b) II, 2, 6.

нивается [1c]). Такъ же какъ греки безразлично употребляютъ термины «ἀξία» и «τιμή» для выраженія нераздѣльнаго понятія цѣны-цѣнности, точно такъ же въ римскомъ правѣ и у латинскихъ писателей вперемежку и безъ разбора употребляются термины «pretium», «aestimatio», «valere» [2]).

Замѣчаемъ ли мы въ античномъ греко-римскомъ мірѣ, чтобы отъ понятія цѣны дифференцировалось понятіе цѣнности и, если замѣчаемъ, то въ какомъ смыслѣ происходила эта дифференціація? На этотъ вопросъ мы можемъ дать точный отвѣтъ: такая дифференціація замѣчается и состоитъ она въ томъ, что цѣнѣ, какъ факту, противополагается цѣнность, какъ норма, призванная регулировать этотъ фактъ. Указанное раздвоеніе единаго, или по крайней мѣрѣ сливающагося въ теоретическомъ построеніи и терминологически не различаемаго понятія цѣны-цѣнности отражаетъ на себѣ тотъ основной дуализмъ общественно-экономическаго процесса, о которомъ мы говорили выше, въ главѣ II перваго отдѣла.

Это раздвоеніе цѣны-цѣнности есть не что иное, какъ исторія этической идеи и правового института «справедливой цѣны». Прежде чѣмъ перейти къ этой исторіи, важно изъ того, что нами установлено, извлечь кое-что для выясненія понятій «цѣны» и «цѣнности», какъ систематическихъ категорій.

2. Цѣна есть фактъ. Скажемъ такъ: цѣна есть понятіе реальнаго мѣнового отношенія между обмѣниваемыми благами, есть реализованное мѣновое отношеніе.

Цѣнность есть норма. Скажемъ такъ: цѣнность есть понятіе идеальнаго, или должнаго соотношенія между благами въ процессѣ обмѣна.

Таково раздвоеніе и обособленіе этихъ понятій въ античной философіи (Платонъ!), въ греческомъ и римскомъ правѣ, въ ученіи канонистовъ. Припомнимъ теперь все, что говорилось выше

[1c]) Тамъ же I, 7, 30: ἡ τιμὴ ὥςπερ ἀξία τίς ἐστιν. Cf. H. Bonitz. Index Aristotelicus. Berlin 1870, sub vocibus ἀξία et τιμή.

[2]) Существительное же „valor“ въ смыслѣ цѣны-цѣнности не встрѣчается, повидимому, ни у латинскихъ авторовъ, ни въ памятникахъ римскаго права, вопреки Oertmann'у: Die Volkswirtschaftslehre des Corpus Iuris Civilis, Berlin, 1891, стр. 39. Ср. Krebs. Antibarbarus. „Valor— der Wert, der Preis, die Geltung ist aus keinem Autor zu belegen. Nur im Gloss. Lab. steht „valor—τιμή“. Gleichwohl sagt Ruhnken in seinen Briefen „valor aedium“, der Preis eines Hauses, für Pretium“.

о томъ, какъ въ этическую идею-форму «естественнаго закона» вторгается натуралистическое содержаніе. Мы наблюдаемъ тутъ любопытный процессъ: идея цѣнности изъ понятія этической и правовой нормы превращается въ естественный законъ, которому подчиняются факты, который лежитъ въ ихъ основѣ и ими управляетъ. Въ самомъ понятіи «нормы» и «нормальнаго» заключается уже эта двойственность. Нормальная, естественная цѣна можетъ означать: цѣна, которую слѣдуетъ платить сообразно цѣнности, какъ этически или юридически опредѣляемой нормѣ. И нормальная, естественная цѣна можетъ означать: цѣна, которую слѣдуетъ платить, потому что ее обычно или фактически платятъ сообразно обычной или фактической нормѣ. Это различеніе двухъ видовъ «цѣнности»: одну изъ нихъ мы назовемъ «нормативной», другую «типической». Тутъ передъ нами тотъ же самый дуализмъ, который мы вообще наблюдаемъ, разсматривая совокупность соціально-психическихъ явленій, объединяемую подъ наименованіемъ обычая. Съ точки зрѣнія соціологической, обычай тоже дуалистиченъ въ своемъ генезисѣ: онъ образуется изъ фактовъ, отверждающихся въ соціальную норму, и изъ соціальной нормы, отверждающейся въ факты. Соціальная норма санкціонируетъ факты, факты въ свою очередь санкціонируютъ, или подпираютъ соціальную норму. Уже римскіе юристы въ то время, когда имъ была еще чужда идея справедливой цѣны, какъ юридической нормы, устанавливали, что цѣны должны опредѣляться, какъ нормальныя, въ смыслѣ «обычныхъ»: pretia rerum non ex affectione nec utilitate singulorum, sed communiter fungi—читаемъ мы въ Дигестахъ[3]). И тогда, когда была уже развита и пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла доктрина и практика «справедливой цѣны», этотъ мотивъ продолжаетъ играть извѣстную роль. «Справедливая цѣна» канонистовъ есть норма мѣновыхъ актовъ; но для того, чтобы найти справедливую цѣну, говорили канонисты, необходимо исходить отъ обычной оцѣнки,— communis aestimatio или cursus. А въ communis aestimatio передъ нами не что иное, какъ естественно образовавшаяся норма, норма, выросшая изъ фактовъ, иначе—типическая цѣнность. Такъ сама доктрина «справедливой цѣны», вступая въ компромиссъ съ жизнью, подготовляла новую идею цѣнности не какъ идеальной

[3]) D. 9, 2, 33.

нормы, а какъ естественнаго закона цѣны. Въ этической или правовой идеѣ цѣнности создалась форма, въ которую влилось уже не этическое, а натуралистическое содержаніе. Такимъ путемъ философскаго превращенія образовались объективныя теоріи цѣнности и ихъ крайнее выраженіе — трудовая теорія цѣнности.

3. Въ этомъ процессѣ созданія понятія объективной цѣнности слѣдуетъ различать двѣ стороны.

Съ одной стороны это было освобожденіе понятія цѣнности отъ этической окраски, это было пониманіе цѣнности, не какъ автогеническаго, государственнаго, а какъ гетерогеническаго, общественнаго явленія. Поскольку дѣло обстояло такъ, натурализмъ въ теоріи цѣнности былъ крупнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ этическимъ пониманіемъ. Въ то же время онъ былъ возвратомъ къ той точкѣ зрѣнія, которую завѣщали римскіе юристы. Но разрывъ съ этицизмомъ былъ въ этомъ случаѣ купленъ дорогой цѣной. Ибо, съ другой стороны, превращеніе этическаго (resp. правового) понятія цѣнности, какъ нормы цѣны, въ натуралистическое понятіе цѣнности, какъ закона цѣны, было въ тоже время уклоненіемъ отъ эмпиризма въ сторону метафизики. Оно означало: 1) субстанціализацію цѣнности—какъ законъ цѣны, цѣнность мыслится въ то же время и какъ субстанція ея—и 2) матеріализацію цѣнности—цѣнность мыслится какъ вещная основа, или матеріальная субстанція цѣны.

Эта эволюція совершенно естественна. Натурализмъ въ области политической экономіи выросталъ вмѣстѣ съ естествознаніемъ и въ его атмосферѣ—самымъ яркимъ представителемъ этого натурализма въ политической экономіи былъ, какъ мы указали выше, Петти. Въ этомъ матеріалистическомъ натурализмѣ были свои здоровыя стороны: онъ несомнѣнно двигалъ впередъ объективное познаніе. Но въ пониманіи явленій цѣны и цѣнности онъ уводилъ отъ эмпиризма. Превращеніе этической идеи цѣнности, какъ нормы, въ натуралистическую идею цѣнности, какъ закона и субстанціи, означало превращеніе категоріи цѣнности въ метафизическую идею. Согласно этому пониманію отдѣльные эмпирическіе факты—цѣны—не просто либо противорѣчатъ идеѣ или нормѣ,—цѣнности, либо совпадаютъ съ ней, а управляются ею. Въ основѣ цѣны лежитъ цѣнность. Теоретическій мотивъ тутъ тѣсно связанъ съ практическимъ. Идея цѣнности, какъ естественнаго закона цѣны, отвѣчала не только теоретической потребности найти закономѣрное единство

въ пестромъ многообразіи и быстрой смѣнѣ эмпирическихъ явленій, но и обѣщала дать твердую почву для государственнаго вмѣшательства въ экономическій процессъ. Недаромъ еще Монкретіенъ, предлагая королю «de regler tous les menus trafics qui se font en ce royaume», основываетъ свое практическое предложеніе на теоретическомъ положеніи «que la valeur essentielle des marchandises est immuable, non les prix accidentals qui dependent des plusieures choses pour le plus et le moins» [4]).

4. Всего яснѣе противоположеніе метафизической идеи цѣнности, какъ сущности и закона цѣны, эмпирической идеѣ цѣны-цѣнности, какъ реальнаго факта, сопутствуемаго идеей своей нормы въ двоякомъ смыслѣ: нормы этической и нормы-типа, можно формулировать противопоставляя два слѣдующихъ тезиса:

I. Тезисъ метафизическій, формально идущій еще отъ Аристотеля и матеріально кульминирующій въ ученіи Маркса, гласитъ такъ: блага обмѣниваются и могутъ обмѣниваться потому, что въ нихъ есть нѣчто общее. Эта общая субстанція и есть цѣнность. Обмѣнъ возможенъ благодаря тому, что есть въ товарахъ такая общая субстанція, благодаря нѣкому равенству, которое предсуществуетъ обмѣну.

II. Тезисъ эмпирическій гласитъ такъ: равенство между товарами, или благами создается въ самомъ процессѣ обмѣна и только въ немъ. Никакой общей субстанціи и никакого равенства, предсуществующаго обмѣну, нѣтъ и быть не можетъ. Совершенно ясно, что съ этой точки зрѣнія цѣнность вовсе не управляетъ цѣнами. Образованію цѣнъ предшествуютъ въ конечномъ счетѣ только психическіе процессы оцѣнки. Цѣнность же образуется изъ цѣнъ.

5. Съ точки зрѣнія теоріи статистики, то, что мы называемъ типической цѣнностью, есть прежде всего «субъективная» средняя, т. е. средняя, полученная «изъ ряда сдѣланныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ различными единицами» («объективной» средней называется такая, которая получена путемъ ряда наблюденій надъ одной и той же единицей или надъ однимъ и тѣмъ же объектомъ). Между рядами измѣреній одного и того же

[4]) Antoyne de Montchrétien. Traité de l'oeconomie politique dedié en 1615 au roy et à la reyne mère du roy. Ed. Funck-Brentano. Paris 1889. P. 256—257.

объекта и измѣреніемъ различныхъ однородныхъ объектовъ можетъ быть установлено одно—именно съ нашей точки зрѣнія—весьма существенное различіе. Когда производится рядъ измѣреній одного и того же объекта, дѣло идетъ о томъ, чтобы съ возможно большей точностью установить истинную величину объекта. Такіе ряды слѣдуютъ нормальному закону Гаусса и для нихъ три среднія: ариѳметическая средняя, центральная средняя (медіана) и наиболѣе частый случай (модусъ) теоретически совпадаютъ, т. е. для такихъ рядовъ возможно отысканіе «истинной» величины. Для рядовъ, члены которыхъ суть различные, хотя и однородные единичные случаи, не можетъ быть и рѣчи объ истинной величинѣ. Всѣ единичные случаи, какъ бы далеко они ни уклонялись отъ «средней», одинаково истинны. Отсюда—болѣе важное значеніе, присущее дисперсіи въ случаѣ измѣренія различныхъ единицъ. «Всякій такой случай есть самъ по себѣ реальный фактъ, величина котораго опредѣляется индивидуальными основаніями. Изъ дисперсіи ряда можетъ быть поэтому усмотрѣна измѣнчивость даннаго явленія» [3]).

Выражаясь въ терминахъ теоріи статистики, мы можемъ сказать, что субстанціальное понятіе цѣнности основано на ошибочномъ представленіи о ней, какъ объ «объективной» средней, допускающей отыскиваніе и установленіе «истинной» величины, между тѣмъ какъ она есть настоящая «субъективная» средняя. Каждый отдѣльный случай, каковымъ тутъ является всякая реализованная въ актѣ обмѣна «однородная» цѣна, есть реальный фактъ, столь же истинный, какъ и всякій другой.

Значеніе слова «типическій», испытало любопытное измѣненіе въ теоріи статистики. Старые писатели по статистикѣ употребляли это слово въ иномъ смыслѣ, чѣмъ оно употребляется теперь. Подъ «типическими» явленіями они понимали такія, которыя управляются опредѣленнымъ закономъ природы, каковы, напримѣръ, большая часть физическихъ и химическихъ явленій. Относительно такихъ «типическихъ» явленій признавалось, что

[3]) „Jeder solcher Einzelfall ist für sich eine reale Tatsache, deren Grösse durch individuelle Gründe bestimmt wird. Aus der Dispersion der Reihe ist daher die Variabilität der betreffenden Erscheinung zu ersehen". Dr. Franz Žižek. Die statistischen Mittelwerte. Eine methodologische Untersuchung. Leipzig 1908, S. 16. Для всего предшествующаго ср. тамъ же S. 9 u. ff.

установленная наблюденіемъ одного отдѣльнаго случая закономѣрность безъ всякихъ исключеній имѣетъ силу для всѣхъ остальныхъ случаевъ. Въ этомъ смыслѣ прежніе статистики подчеркивали, что подобныя «типическія» явленія не составляютъ объекта статистики; послѣдняя изслѣдуетъ явленія «индивидуальныя» (т. е. варіирующія отъ индивида къ индивиду). При этомъ старые статистики часто впадали въ ошибку, состоявшую въ отождествленіи противоположенія: «типическія» — «нетипическія» явленія и противоположенія: «природа» — «общество». Это отождествленіе невѣрно. Хотя съ одной стороны, вообще говоря, общественныя явленія «нетипичны» въ указанномъ выше смыслѣ,—съ другой стороны есть множество явленій природы (напримѣръ, метеорологическіе феномены), которыя тоже «нетипичны», или «индивидуальны» [6]).

Теорія цѣны-цѣнности, которая разыскивала вещную субстанцію явленій цѣны и законъ ихъ, безсознательно разсматривала феноменъ цѣнности, какъ феноменъ «типическій» въ смыслѣ старой статистики. Характеризуя такъ эту теорію, законченнымъ образомъ которой является построеніе Маркса, мы по существу лишь иначе формулируемъ ту характеристику ея, которая сводилась къ указанію, что субстанціальное понятіе цѣнности основано на ошибочномъ представленіи о ней какъ объ «объективной» средней. Ибо «объективная» средняя можетъ быть устанавливаема лишь для «типическихъ», въ смыслѣ старой статистики, явленій, различныя измѣренія которыхъ восходитъ къ ошибкамъ въ наблюденіи и реальнаго значенія не имѣютъ. Существуютъ ли даже въ области «природы» такія «типическія» явленія, есть метафизическая и гносеологическая проблема, разсмотрѣніе которой выходитъ далеко за предѣлы задачи настоящей работы.

Продолжая характеристику типической цѣнности, какъ «средней», мы скажемъ, что она есть средняя «изолированная». Это значитъ, что намъ не данъ тотъ рядъ единичныхъ величинъ, или показаній (измѣреній), изъ которыхъ выведена наша «средняя».

Такимъ образомъ это — средняя, полученная путемъ оцѣнки въ смыслѣ «глазомѣрнаго опредѣленія» (Schätzung), а не путемъ разсмотрѣнія и обработки ряда. Это не ариѳметическая средняя, не геометрическая средняя, не центральная величина (ме-

---

[6]) Ср. Žižek l. c. S. 225 u. ff.

діана) и не величина, наиболѣе частая (модусъ). Но по существу такая изолированная «оцѣночная» средняя родственна именно «модусу». «Оцѣночное» установленіе ариѳметической средней не только невозможно, но и совершенно ненужно. Оно невозможно, потому что для того, чтобы получить такую среднюю, необходимо имѣть весь рядъ. Оно ненужно, потому что ариѳметическая средняя, какъ таковая, лишена реальнаго значенія. Она не есть вовсе «нормальный» случай. Та «средняя», къ установленію которой по существу стремится «оцѣнка», есть именно наиболѣе частый, «нормальный» случай. Эта «средняя» и наиболѣе доступна «оцѣнкѣ». «Относительно наиболѣе частая «нормальная» величина явленія... запечатлѣвается въ умѣ наблюдателя какъ опытный фактъ и потому всякое свѣдущее лицо въ состояніи безъ дальнѣйшаго расчета показать такую величину» [7]).

Такимъ образомъ полная характеристика «типической цѣнности» съ точки зрѣнія статистической методологіи будетъ гласить: субъективная изолированная средняя, полученная «оцѣночнымъ» путемъ.

Оцѣнка, о которой тутъ идетъ рѣчь, есть оцѣнка объективная, а не «субъективная», есть Schätzung, а не Wertung. Она производится не съ точки зрѣнія потребностей, вкусовъ, интересовъ, мнѣній даннаго оцѣнивающаго субъекта, а съ точки зрѣнія — общаго мнѣнія. Такая оцѣнка есть не субъективное сужденіе, а объективная экспертиза. Она должна выражать или уловлять «всеобщую оцѣнку». Но именно потому она не можетъ быть явленіемъ первичнымъ. Для того, чтобы была возможна такая объективная оцѣнка, — налицо долженъ быть матеріалъ болѣе или менѣе значительнаго количества субъективныхъ оцѣнокъ, и притомъ реализовавшихся въ цѣны. Конечно, мы можемъ представить себѣ множество субъективныхъ оцѣнокъ, не дошедшихъ до реализаціи, не отвердившихся въ цѣны. Таковы напр. спрашиваемыя или предлагаемыя цѣны вообще, въ частности на биржѣ. Но оцѣнки, не реализовавшіяся въ цѣнѣ, во 1-хъ, по своему реальному значенію уступаютъ реализован-

[7]) «Die relativ häufigste «normale» Grösse einer Erscheinung prägt sich dem Beobachter als Erfahrungstatsache ein und es wird jeder Sachverständige imstande sein dieselbe ohne weitere Berechnung anzugeben». Žižek, l. c., s. 49.

нымъ цѣнамъ [8]), а потому, во 2-хъ, и не запечатлѣваются въ памяти такъ, какъ эти послѣднія. Поэтому безъ особой ошибки можно принять, что типическая цѣнность есть отверждение реализованныхъ цѣнъ, а не всѣхъ вообще субъективныхъ оцѣнокъ.

6. Нормативная цѣнность предполагаетъ велѣніе власти о подлежащей реализаціи цѣнѣ. Въ сущности она съ нимъ сливается. И если это велѣніе выполняется, то значитъ оно и реализуется въ цѣну. Такое велѣніе власти можетъ опираться на «субъективную оцѣнку», но можетъ на нее и вовсе не опираться, ибо власть или ея органы могутъ предписывать цѣны, въ которыхъ сама власть не заинтересована. Наконецъ, велѣніе власти можетъ относиться не къ единичнымъ актамъ реализаціи цѣны, а къ неопредѣленному ихъ числу, быть болѣе или менѣе «общимъ». И въ такомъ случаѣ оно, конечно, отрывается, вѣрнѣе, является напередъ оторваннымъ отъ субъективной оцѣнки.

Принципіально-теоретически мыслимо, что цѣнность нормативная возникаетъ независимо отъ цѣнности «типической» или, выражаясь иначе, что приказу о цѣнѣ не предшествуетъ въ качествѣ необходимой подготовительной стадіи, свободное образованіе цѣнъ. Но фактически въ большинствѣ случаевъ нормативная цѣнность генетически сплетается съ цѣнностью типической и выростаетъ на ея основѣ. Однако происхожденіе нормативной цѣнности изъ типической можетъ быть настолько отдаленнымъ, что для даннаго періода времени нормативной цѣнности будетъ безусловно принадлежать приматъ надъ цѣнами; въ такихъ случаяхъ возникновеніе нормативной цѣнности изъ цѣнъ черезъ посредство типической невидимо и неощутимо. Оно можетъ быть установлено только историческимъ изслѣдованіемъ и часто лишь гипотетически.

7. Такимъ образомъ послѣдовательность реальныхъ явленій, объемлемыхъ понятіемъ цѣны-цѣнности, съ эмпирической точки

---

[8]) Это, какъ мы покажемъ ниже, учитывается правомъ (напр. судебной практикой): простыя „отмѣтки" спроса и предложенія не признаются „рыночной" или „биржевой" цѣной въ юридическомъ смыслѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленія биржевой цѣны, отмѣтки спроса и предложенія идутъ въ счетъ и потому онѣ являются такимъ же факторомъ образованія типической цѣнности, получающей нормативное значеніе, какъ и цѣны „состоявшіяся" или „сдѣланныя", т. е. реализованныя.

зрѣнія можетъ быть двоякая: I. Оцѣнка (субъективная)—цѣна—цѣнность (типическая). Или же II. Оцѣночное велѣніе власти = нормативная цѣнность—цѣна.

Отсюда явствуетъ, что оцѣнка можетъ выливаться, или реализоваться прямо и просто въ уравненія цѣны или въ мѣновыя пропорціи; или же велѣніе власти непосредственно или посредственно черезъ типическую цѣнность можетъ создавать нормы, которыя признаются нормами мѣновыхъ актовъ. Согласно этимъ нормамъ должны строиться отдѣльныя мѣновыя пропорціи. Но какъ онѣ строятся это—quaestio facti.

То, что принято въ современной литературѣ трактовать подъ заголовкомъ «субъективная цѣнность», есть психическій процессъ оцѣнки. Когда этотъ процессъ приводитъ къ мѣновому акту, мы имѣемъ передъ собой явленіе цѣны. Это явленіе по существу и интересуетъ экономиста. Рядомъ съ цѣной, надъ нею, или подъ нею не существуетъ никакого другого реальнаго экономическаго явленія. Цѣнность есть либо прямой приказъ о цѣнѣ, т. е. назначенная, «уставная» или «указная» цѣна, либо отвержденіе нѣкотораго множества свободныхъ цѣнъ въ оцѣночную среднюю. Цѣнность, какъ нѣчто отличное отъ цѣны, отъ нея независимое, ее опредѣляющее, есть фантомъ. Созданіе этого фантома вытекло изъ неискоренимой на извѣстной ступени научнаго развитія метафизической потребности—субстанціализировать и вообще фиксировать текучія явленія и отношенія, которыя предстоятъ намъ въ видѣ многообразныхъ и колеблющихся оцѣнокъ и цѣнъ: хотѣлось сквозь эту пеструю «внѣшнюю» сѣть пробиться къ чему-то единому и твердому, къ «неподвижной», «внутренней» цѣнности. Отношеніе между метафизически-объективной, субстанціальной теоріей цѣны-цѣнности и эмпирически-субъективной психологической теоріей представляетъ съ точки зрѣнія общаго типа научной мысли поразительную аналогію съ отношеніемъ между объясненіемъ горѣнія при помощи знаменитой теоріи флогистона, или явленій теплоты при помощи теплорода, и современными воззрѣніями химіи и физики на процессъ горѣнія и на явленія теплоты. И мы можемъ и должны въ настоящее время къ теоріямъ объективной цѣнности и къ самому понятію такой цѣнности относиться уже такъ же исторически-объективно, какъ современные химики относятся къ теоріи флогистона. Теорія флогистона оказала въ свое время огромныя услуги наукѣ химіи. Точно

такъ же теорія объективной цѣнности, рожденная оплодотвореніемъ политической экономіи духомъ побѣдоноснаго естествознанія XVII-го вѣка, отъ ея самыхъ наивныхъ формъ (Петти) до самыхъ изысканно-метафизическихъ (Марксъ), будучи заблужденіемъ, не была просто вреднымъ заблужденіемъ. Вокругъ нея кристаллизовалась въ теченіе продолжительнаго времени вся работа экономической мысли. Но въ настоящее время ее не приходится даже опровергать; ее достаточно описать такъ, какъ сдѣлали мы здѣсь и въ нашемъ «Введеніи» для того, чтобы показать, что ей нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ научныхъ построеніяхъ. Въ настоящее время она во всѣхъ своихъ формахъ и даже въ формѣ самой скромной и самой эмпирической теоріи опредѣленія цѣны издержками производства, подорвана и разрушена. Въ частности, она въ самой своей основѣ подорвана тѣмъ a priori непререкаемымъ и эмпирически постоянно подтверждаемымъ положеніемъ новѣйшей теоріи цѣны-цѣнности, что не цѣнность благъ, служащихъ производству, опредѣляетъ цѣнность благъ, служащихъ потребленію, а наоборотъ[9a]).

Итакъ, съ развиваемой нами точки зрѣнія категорія объективной цѣнности есть лишь, такъ сказать, метафизическое удвоеніе категоріи цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, что такое цѣнность съ эмпирической точки зрѣнія? Это «мѣновая пропорція» по терминологіи Джевонса[9b]).

А что такое цѣна? Когда говорятъ, что цѣна—это мѣновая пропорція, выраженная въ деньгахъ[10]), между цѣнностью и цѣной проводятъ то формальное различіе, которое соотвѣтствуетъ различію между юридическимъ актомъ мѣны и юридическимъ ак-

---

9a) См. экскурсъ V: Приматъ потребленія.

9b) Въ переводѣ русскаго экономиста В. К. Дмитріева. [См. его „Экономическіе очерки" Москва 1904, стр. 4 перваго „Очерка" („Теорія цѣнности Д. Рикардо")]. У Джевонса читаемъ: „Thus i come to the conclusion that, in the use of word value three distinct meanings are habitually confused together and require to be thus distinguished:

1) Value in use = total utility

2) Esteem = final degree of utility

3) Purchasing power = ratio of exchange". См. Theory of political economy. 3 ed. London 1888. p. 81.

10) „Цѣнность, т. е. мѣновая цѣнность вещи, измѣряемая другою вещью въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время, есть количество второй вещи, которое тамъ же и тогда же можно вымѣнять на первую. Такимъ образомъ понятіе цѣнности есть понятіе отношенія. Оно выражаетъ отношеніе между двумя вещами въ опредѣленномъ мѣ-

томъ купли. Однако для политической экономіи вовсе нѣтъ никакой необходимости цѣну при мѣнѣ обозначать иначе, чѣмъ цѣну при куплѣ-продажѣ. Можно, наконецъ, подъ цѣнностью разумѣть произведеніе количества даннаго блага на цѣну его единицы, какъ это дѣлаетъ извѣстный американскій экономистъ Ирвингъ-Фишеръ [11]). Но во всякомъ случаѣ ясно, что и тутъ, и тамъ цѣнность не признается за нѣчто особо отъ цѣны существующее, ее опредѣляющее, въ основѣ ея лежащее. И поэтому курьезное впечатлѣніе производятъ разсужденія тѣхъ современныхъ экономистовъ, которые отмѣчаютъ какъ слабость римскихъ юристовъ, что они не различали на своемъ языкѣ цѣны и цѣнности и безразлично употребляли для той и для другой слово pretium [12a]). Въ этой наивности римскихъ юристовъ обнаруживалась, какъ мы видимъ, не слабость, а сила ихъ теоретической мысли, которая въ этомъ вопросѣ держалась строгаго эмпиризма и не пускалась въ поиски за метафизической сущностью цѣнъ. Что же касается понятія цѣнности, какъ не реализованной еще нормы цѣны, какъ типической цѣнности, то имъ римляне превосходно оперировали. «Aestimandum quanti valet (fundus).... hoc est quanti vendere potest». [12b]).

стѣ въ опредѣленное время. Цивилизованные народы обыкновенно берутъ въ качествѣ денегъ золото или серебро. Вмѣсто того, чтобы измѣрять между собой цѣнности олова, дерева, хлѣба и т. д., мы сначала выражаемъ ихъ въ деньгахъ, и выраженную такимъ образомъ цѣнность какой-либо вещи мы называемъ ея цѣной". См. Marshall. Principles of economics. Vol. I³ London 1895, p. 8–9.

[11]) „The value of goods (wealth, property, or services) is the product of their quantity multiplied by their price". См. Irving-Fisher. The nature of capital and income. N. York 1906, p. 336 и 13—14.

Irving-Fisher указываетъ, что его словоупотребленіе тѣсно примыкаетъ къ словоупотребленію дѣловыхъ людей и практическихъ статистиковъ.

[12a]) „Die Römer... haben niemals in der Weise wie die späteren Nationalökonomen... den Wertbegriff, dieses rein theoretische Problem der Volkswirtschaftslehre, systematisch behandelt. Charakteristisch für ihre Schwäche auf diesem Gebiet ist schon der Umstand, dass ihre Sprache mit dem Wort pretium unterschiedslos sowohl den Preis, d. h. das wirklich zustandegek o mmene Entgelt für einen verkauften Gegenstand, als auch den Wert, d. h. die Fähigkeit einen Preis zu erzielen, bezeichnete". См. R. Kaulla. Der Wertbegriff im Römischen Recht. Въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. (LVIII, 1902, S. 386). Ср. приблизительно въ томъ же духѣ Oertmann l. c.

[12b]) D. 36, 1, 1.

8. Соотношеніе между цѣной, какъ фактомъ, и цѣнностью, какъ нормой, есть проблема историко-соціологическаго изученія. Въ такомъ пониманіи цѣны и цѣнности между этими понятіями устанавливается связь, соотвѣтствующая реальному соотношенію явленій, тому соотношенію, въ которомъ эти понятія встрѣчаются не въ построеніяхъ экономической теоріи, а въ построеніяхъ практическихъ. Я имѣю въ виду право и счетоводство (бухгалтерію).

Нѣтъ и не можетъ быть понятія цѣнности, которое имѣло бы значеніе въ политической экономіи и не имѣло бы его въ правѣ и бухгалтеріи. Когда Ирвингъ-Фишеръ опредѣляетъ цѣнность, какъ произведеніе количества на цѣну, онъ называетъ цѣнностью либо цѣну всего запаса или вообще какого-либо «имущества», фактически реализованную, либо оцѣнку (бухгалтерскую, судебную, или иную практическую) этого запаса, или имущества по нормальной цѣнѣ, т. е. по цѣнности, какъ нормѣ.

Можно, правда, сказать, что цѣнность какъ норма указуетъ на цѣнность какъ законъ, т. е. на ту цѣнность въ «объективномъ» смыслѣ, тайну которой искала всегда политическая экономія. Но цѣнность есть норма цѣны вовсе не въ томъ смыслѣ, что она есть «законъ» цѣны. Мы уже указали на то, что рядомъ съ такою цѣнностью, которая какъ норма предшествуетъ реальнымъ цѣнамъ и ихъ при случаѣ такъ или иначе можетъ опредѣлять, рядомъ съ этой нормативной цѣнностью можетъ быть также цѣнность, которая какъ норма вырастаетъ изъ реальныхъ цѣнъ, за ними слѣдуетъ, или ими опредѣляется, т. е. можетъ быть цѣнность типическая. Поскольку цѣнность понималась какъ законъ цѣны (въ научномъ смыслѣ закона), постольку ей по отношенію къ цѣнѣ приписывался извѣстный приматъ. Но если понимать цѣнность какъ норму, такой приматъ надъ цѣной ей вовсе не можетъ быть приписываемъ. Эмпирически-психологическое и эмпирически-соціологическое пониманіе цѣнности, какъ нормы цѣны, ставитъ ее, такъ сказать, въ одинъ рядъ съ цѣной, и историческое соотношеніе между нормой и фактомъ представляется при такомъ пониманіи чистѣйшей quaestio facti, требующей для своего рѣшенія въ каждомъ случаѣ спеціальнаго изслѣдованія.

Свободному образованію цѣнъ соотвѣтствуетъ та цѣна, которую, слѣдуя красивому и давнему русскому словоупотребленію,

мы назовемъ цѣной вольной; соціальному регулированію цѣны велѣніемъ власти соотвѣтствуетъ цѣна регулированная, нормированная, фиксированная; слѣдуя выразительному словоупотребленію русскихъ памятниковъ права XVII вѣка, мы назовемъ ее цѣной указной. Историческому соотношенію этихъ двухъ формъ цѣны будетъ посвящена слѣдующая глава, которая будетъ состоять изъ цѣлаго ряда этюдовъ и сводокъ по исторической феноменологіи цѣны. Исторической феноменологіей цѣны мы, въ отличіе отъ исторіи цѣнъ, называемъ исторію тѣхъ, такъ сказать, общественно-правовыхъ формъ, въ которыя облекаются «мѣновыя пропорціи» благъ, являющихся предметами хозяйственнаго оборота и объектами цѣнностнаго счета.

Глава II.

Цѣна указная и цѣна вольная.

Этюды и матеріалы по исторической феноменологіи цѣны.

I.

1. Взглядъ, согласно которому указная цѣна старше вольной. Обмѣнъ есть своеобразный процессъ, экономически чрезвычайно существенный, ибо онъ тѣсно связанъ съ основнымъ экономическимъ явленіемъ, цѣной. Безобмѣнное перемѣщеніе благъ внутри общества существенно отличается отъ мѣнового оборота. Несообразно объединять, поэтому, эти два вида перемѣщенія благъ въ единомъ понятіи „циркуляціи". Всего вѣроятнѣе, что обмѣнъ возникаетъ въ междуплеменномъ общеніи, (стр. 101—109). 2. Отсюда однако нельзя заключать къ историческому пріоритету указной цѣны. Междуплеменное общеніе предполагаетъ для субъектовъ хозяйствованія соглашеніе и образованіе вольной цѣны. Наблюденія надъ первыми столкновеніями европейцевъ съ полинезійцами. (Стр. 109—111). 3. Что говорятъ новѣйшія наблюденія? Значеніе вольнаго торга у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія. Учрежденіе рынка съ рыночной полиціей направлено прежде всего на обезпеченіе вольнаго торга. Историческая иллюстрація (Мадагаскаръ). (Стр. 111—117). 4. Нѣкоторыя общія (методическія) замѣчанія въ связи съ вышеизложеннымъ. (Стр. 117—121).

1. Существуетъ взглядъ, согласно которому соціальное регулированіе цѣны предшествуетъ ея индивидуальному установленію: указная цѣна старше вольной; обмѣнъ первоначально есть дѣло соціальной нормировки, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока индивиды не освоились настолько съ объектами обмѣна и со своими собственными оцѣнками, чтобы самимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ фиксировать мѣновыя пропорціи [1]). При та-

[1]) Это взглядъ Зиммеля. „Der social fixierte Preis als Vorstufe des sachlich regulierten". Philosophie des Geldes, Leipzig 1900 S. XII. „Der Tausch ist ursprünglich Sache der socialen Festsetzung bis die Indivi-

комъ пониманіи нормативная цѣнность исторически предшествуетъ цѣнѣ, какъ ея общественная норма, какъ ея соціальное apriori.

Можно ли въ общей формѣ поддерживать такое положеніе?

Вопросъ этотъ рѣшается не столь просто, какъ это кажется на первый взглядъ.

Необходимо установить сейчасъ же смыслъ слова «обмѣнъ» въ настоящемъ контекстѣ. Обмѣнъ мы понимаемъ тутъ не въ смыслѣ вообще всякаго обращенія, или перемѣщенія благъ, а въ смыслѣ оборота свободнаго и возмезднаго. Даже если «цѣна» напередъ соціально установлена, понятіе обмѣна предполагаетъ свободную передачу или отчужденіе блага отъ одного хозяйствующаго субъекта къ другому. Въ обмѣнѣ можетъ быть регулирована, или нормирована мѣновая пропорція, но самый актъ обмѣна или мѣны предоставленъ свободному рѣшенію субъектовъ хозяйствованія, и этой своей стороной онъ «автономенъ». Феликсъ Зомло, въ послѣднее время наиболѣе обстоятельно, на основаніи большого описательнаго матеріала, изслѣдовавшій хозяйственную жизнь «первобытныхъ» народовъ [2]), подъ общимъ понятіемъ оборота или обращенія благъ (Güterverkehr или Güterzirkulation) изслѣдуетъ всѣ явленія перемѣщенія благъ отъ однихъ лицъ къ другимъ [3]). «Обычная ошибка, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что изслѣдованія о примитивныхъ хозяйственныхъ формахъ воздерживаются отъ того, чтобы брать и охватывать всю проблему обращенія благъ въ цѣломъ и обращаютъ вниманіе лишь на мѣновой оборотъ». «Но если при

duen die Objekte und ihre eigenen Wertungen hinreichend kennen um die Tauschraten selbst von Fall zu Fall zu fixieren" l. c. S. 55. Такую же точку зрѣнія проводитъ венгерскій экономистъ Гёмёри (Dr. Olivier von Gömöry) въ замѣчательной статьѣ „Der Preis als selbständige Kategorie" въ Conrad's Jahrbücher, III F. 13 B. 1897 г. S.S. 177–192.

Въ разсужденіяхъ Зиммеля и Гёмёри я нашелъ цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія съ тѣми взглядами на цѣну и цѣнность, которые выработались у меня еще около 15 лѣтъ тому назадъ при пересмотрѣ ученія Маркса и историческомъ изученіи проблемы цѣны. Но исторической схемы развитія цѣны, даваемой Зиммелемъ и Гёмёри, я рѣшительно не могу принять. См. въ текстѣ.

[2]) Felix Somló. Der Güterverkehr in der Urgesellschaft (Instituts Solvay. Travaux de l'Institut de Sociologie. Notes Memoires. Fascicule 8). Bruxelles et Leipzig 1909.

подобномъ изслѣдованіи — продолжаетъ Зомло — дѣло идетъ не спеціально о тѣхъ или иныхъ юридическихъ формахъ, то форма обмѣна не заслуживаетъ такого предпочтительнаго вниманія. Обмѣнъ (мѣна) есть, вѣдь, не что иное, какъ лишь одна изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ совершается обращеніе благъ. Это самое обращеніе является экономически важнымъ моментомъ; форма обращенія есть нѣчто побочное или, по меньшей мѣрѣ, вторичное. Отнюдь нельзя ради вопроса, въ какой формѣ совершается обращеніе благъ, пренебрегать болѣе важнымъ вопросомъ, насколько распространено вообще обращеніе благъ и какое значеніе слѣдуетъ ему приписывать въ первобытномъ обществѣ» [4]).

Мы не можемъ согласиться съ такимъ пониманіемъ и съ такой оцѣнкой факта обмѣна, въ основѣ котораго лежитъ въ большей или меньшей мѣрѣ принципъ автономіи хозяйствующаго субъекта. Этотъ принципъ, а потому и самая «форма» обмѣна не есть просто «юридическая форма»; она отнюдь не есть нѣчто въ экономическомъ смыслѣ второстепенное.

«Форма мѣны» для экономиста не есть просто форма, а нѣчто чрезвычайно существенное, потому что съ ней тѣснѣйшимъ образомъ связано явленіе цѣны, имѣющее основное экономическое значеніе. Самое понятіе циркуляціи можно правомѣрно примѣнять только къ такимъ перемѣщеніямъ благъ, при которыхъ образуются цѣны или которыя допускаютъ цѣнностный счетъ. Это совершенно ясно изъ того, что нѣкоторыя явленія перемѣщенія благъ становятся экономически видимыми именно лишь въ силу того, что къ нимъ прикрѣпляется явленіе цѣны и постольку, поскольку это происходитъ. Такъ, кормленіе ребенка грудью женщины,

[4]) „Es ist ein gewöhnlicher Fehler, dass die Untersuchungen über die primitiven Wirtschaftsformen eine einheitliche Erfassung des ganzen Problems der Güterzirkulation unterlassen und ihr Augenmerk gewöhnlich blos auf den Tauschverkehr richten. Wenn es sich bei einer Untersuchung nicht speziell um gewisse juristische Formen handelt, so verdient aber die Tauschform nicht diese bevorzugte Beachtung. Der Tausch ist eben nur eine jener Formen, in denen sich die Güterzirkulation vollzieht. Dieser Güterumlauf ist das ökonomisch Wichtige, die Form des Umlaufes ist das Nebensächliche, oder doch mindestens das Sekundäre, keinesfalls dürfte man der Frage zuliebe, in welcher Form sich der Güterumlauf vollzieht, die wichtigere Frage, in welcher Ausdehnung der Güterumlauf vorkommt und welche Bedeutung demselben in der Urgesellschaft zuzuschrieben ist, vernachlässigen". L. c. SS. 3—4.

представляя перемѣщеніе блага, не есть, конечно, феноменъ циркуляціи, поскольку услуги кормилицъ не поступаютъ въ мѣновой оборотъ и не превращаются въ цѣны [5]). Тоже относится къ «отчужденію» проявленій половой жизни [6]) и вообще ко всѣмъ «услугамъ» (services, Leistungen). Тоже—mutatis mutandis—приложимо и къ человѣческимъ носителямъ услугъ: какъ носители цѣны они входятъ въ оборотъ; поскольку право отрицаетъ за ними свойство—быть носителями цѣны, они выходятъ изъ циркуляціи.

Такимъ образомъ перемѣщеніе благъ безъ образованія цѣны цѣлой пропастью отдѣляется именно для экономиста отъ цѣнностной циркуляціи. Поэтому экономически совершенно несообразно объединять въ одномъ понятіи оборота или циркуляціи благъ безобмѣнное распредѣленіе благъ внутри общества и цѣнностную ихъ циркуляцію. Это особенно ясно для первобытнаго общества, гдѣ отсутствуетъ феноменъ денегъ и гдѣ благамъ, помимо обмѣна перемѣщаемымъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, не ведется никакого цѣнностнаго счета. Ибо исторически именно цѣнностный счетъ, т. е. измѣреніе (и измѣримость) актовъ и результатовъ хозяйствованія, составляющій, какъ мы подчеркнули выше, существо явленія денегъ, развивается въ процессѣ обмѣна. Об-

---

[5]) Ср. Friedrichs. Universales Obligationenrecht. Berlin 1896: „Особый видъ услуженія (службы, Dienst) это услуги кормилицы (приводятся со ссылкой на Ploss, Kind in Brauch und Sitte и рядъ другихъ авторовъ указанія на „службу" кормилицъ). Но у этихъ народовъ мы ничего не знаемъ объ обязательственныхъ отношеніяхъ кормилицы: исключеніе представляютъ правила Ислама" (l. c. 171—172. Ср. также 174).

[6]) Въ индійскомъ правѣ проституція обсуждается съ точки зрѣнія личнаго найма. Ср. Jolly ниже цитированное сочиненіе S. 108.

Въ иныхъ случаяхъ даже современная статистика изъ странной pruderie замалчиваетъ тотъ фактъ, что проституція входитъ въ цѣнностный оборотъ современнаго общества и является такимъ образомъ основой специфической „хлѣбной" профессіи. Такъ, въ чрезвычайно детальномъ спискѣ профессій и занятій германской Berufszählung нѣтъ проституціи. Иначе—въ русской переписи 1897 г., гдѣ проституція и содержаніе домовъ терпимости значатся какъ 64 группа занятій. Въ экономіи проституціи образованіе цѣнъ представляетъ особую, чрезвычайно своеобразную проблему, до сихъ поръ еще методически-научно не изслѣдованную. Ср. нѣкоторыя любопытныя фактическія указанія на эту тему въ обильной цѣнными наблюденіями книгѣ: Camillo Karl Schneider. Die Prostituirte u. die Gesellschaft. Eine soziologische Studie. Leipzig. 1908. SS. 16—34.

мѣнъ есть школа цѣнностнаго счета, и чѣмъ слабѣе развитъ онъ, тѣмъ важнѣе значеніе его, какъ такой школы, для всей жизни общества. Всего этого не видитъ и не понимаетъ Зомло, для котораго мѣна [7]) лишь юридическая форма, лишь одна изъ формъ оборота благъ [8]). Для насъ же обмѣнъ есть специфически экономическая форма оборота или перемѣщенія благъ, имѣющая для

[7]) Различіе мѣны и купли-продажи съ экономической точки зрѣнія имѣетъ второстепенное значеніе.

[8]) Едва ли не самымъ первымъ и первоначально самымъ важнымъ объектомъ внутриплеменнаго обмѣна являются женщины (какъ жены). Для австраліійцевъ, повидимому, это единственный точно и часто установленный случай настоящей мѣны внутри племени. Въ Центральной Австраліи старые мужчины въ обмѣнъ на своихъ дочерей, сестеръ и племянницъ берутъ женщинъ для собственнаго пользованія или для своихъ сыновей. Продажа или мѣна женщинъ была широко распространена среди вымершихъ тасманіійцевъ. Иногда вступленіе въ бракъ получается цѣной болѣе или менѣе продолжительныхъ „услугъ", которыми зять обязывается передъ семьей невѣсты (бушмены). Ср. Somlo l. c. 64, 72, 116—117.

Показанія этнологіи въ данномъ случаѣ сходятся съ выводами сравнительнаго языкознанія. Ср. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 3. Aufl. Iena 1907, II. Teil, 2 Abschnitt S. 319. У Германцевъ „heiraten=eine Frau kaufen". При этомъ тѣ слова, которыя впослѣдствіи обозначаютъ „приданое", первоначально обозначаютъ покупную цѣну женщины" („Wörter die ursprünglich den Kaufpreis des Mädchens bezeichneten, allmählch in dem Sinne von Mitgift verwendet werden"). „Ebenso sind die germ. burgundische wittimo, friesische witma, anglosachs. weotuma, ahd. widumo, unser „wittum" ursprünglich alte Namen für den Kaufpreis des Mädchens, also synonim mit longobard. mêta, altn. mundr u. a.". „Entsprechend werden auch im Altrussischen für..... vêno die folgenden Bedeutungen angegeben. 1. „Bezahlung", „das, was bezahlt worden ist" 2. φερνή, dos „die Bezahlung, welche für die Braut bezahlt wurde»...... 3. προΐξ, приданое......" Тоже первоначально для ирландскаго tindscra. (l. c. 321).

Рядомъ съ женщинами какъ первые „предметы" мѣны и носители „цѣны", внутри племени, повидимому, выступаютъ „услуги" такихъ спеціалистовъ, какъ врачи и колдуны. Эти древнѣйшія индивидуальныя профессіи несомнѣнно по современной терминологіи должны быть отнесены къ либеральнымъ профессіямъ. Такимъ образомъ, либеральныя профессіи, быть можетъ, являются древнѣйшими спеціальностями, играющими роль въ мѣновомъ оборотѣ внутри данной общественной группы. Впрочемъ, въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ „услуги" врачей-колдуновъ чаще всего не вознаграждаются. Ср. B. Spencer and F. J. Gillen. The northern tribes of Central Australia. London. 1904, p. 480.

хозяйственной жизни основное значеніе и съ исторической, и съ систематической точки зрѣнія.

Но вѣрно, конечно, что обращеніе или, точнѣе, переходъ благъ въ обществѣ можетъ совершаться, помимо обмѣна (мѣны), другими путями и что въ самомъ «первобытномъ» обществѣ именно эти пути имѣютъ, пожалуй, относительно большее значеніе, чѣмъ мѣна[8]). Среди самыхъ первобытныхъ племенъ мѣна внутри племени, повидимому, отступаетъ далеко на задній планъ сравнительно съ другими путями перемѣщенія благъ, хотя и тутъ подъ «формой» даренія иногда скрывается фактъ мѣны со всѣми его экономическими слѣдствіями и потому происходитъ основной экономическій процессъ—образованіе цѣны[9]). Но процессы перемѣщенія благъ, при

[9]) „Мы нашли не только, что обмѣнъ извѣстенъ всѣмъ этимъ примитивнымъ народамъ, но также, что значительный оборотъ могъ совершаться какъ между племенами, такъ и между индивидами одного и того же племени. Это обращеніе благъ происходитъ, правда, не всегда въ привычной для насъ формѣ обмѣна... Тутъ нашли форму „дара", но такъ какъ эта форма въ нашей хозяйственной жизни не имѣетъ особеннаго значенія, то это пониманіе перенесли на первобытныхъ и ихъ сдѣлкамъ даренія не придали никакого значенія. Мимоходомъ сказать, обозначеніе этихъ юридическихъ сдѣлокъ первобытныхъ людей какъ дареній совершенно не вѣрно. Тутъ передъ нами ни нашъ „даръ", ни наша „мѣна", а юридическая сдѣлка, которая стоитъ посрединѣ между нашимъ даромъ и нашей мѣной. Это точно очерченная, подчиненная опредѣленнымъ правиламъ юридическая сдѣлка, которая есть первичная форма (die Urform) и нашего даренія, и нашей мѣны. Обѣ названныя формы въ процессѣ развитія образовались путемъ дифференціаціи изъ этой первичной формы. Въ первоначальной недифференцированности заключены еще обѣ формы; поэтому совершенно неправильно (ganz irreführend) обозначать эти сдѣлки какъ дареніе. Эта юридическая сдѣлка тѣмъ походитъ на дареніе, что она съ самаго начала является одностороннимъ даромъ, которому соотвѣтствуетъ одностороннее полученіе съ тѣмъ, что величина этого дара, равно какъ самый фактъ даренія вытекаютъ изъ односторонняго рѣшенія того, кто даетъ. Она, однако, постольку приближается къ мѣнѣ, поскольку этотъ фактъ даренія происходитъ въ ожиданіи отплаты (in Erwartung einer Gegengabe) и обычно строжайшимъ образомъ обязываетъ къ таковой. Относительно цѣнности дара и цѣнности обязательной отплаты существуютъ твердые обычаи (feste Usancen). Правильно поэтому эту юридическую сдѣлку обозначать какъ дареніе-мѣну (Geschenktausch)". F. Somlo l. c. SS. 156—157. Относительно жителей Андаманскихъ островов мы узнаемъ, что свои „мѣновыя сдѣлки они разсматриваютъ какъ даренія, при чемъ само собой подразумѣвается, что никто не можетъ принимать дара, не давая за него эквивалента. И такъ какъ взгляды дающаго и прини-

которыхъ не происходитъ образованія цѣны, въ экономическомъ отношеніи существенно отличны отъ процесса обмѣна. Таковы: 1) обязательное распредѣленіе охотничьей добычи [10]) 2) такое же распредѣленіе благъ въ случаѣ смерти; 3) натуральныя повинности однихъ лицъ въ пользу другихъ и нѣк. другіе [11]). Здѣсь происхо-

мающаго на цѣнность того или иного предмета могутъ расходиться, то свара и перекоры нерѣдко являются результатомъ мѣны. Большинство ихъ споровъ возникаетъ оттого, что получатель дара не даетъ такого подарка въ отплату, какого отъ него ожидалъ даритель" (наблюденія E. H. Man, цит. у Somlo, l. c.). Отсюда слѣдуетъ, что „твердые обычаи" существуютъ не всюду и что дареніе-мѣна совершается при условіяхъ, наталкивающихъ на установленіе договорныхъ цѣнъ. Это подтверждается наблюденіями надъ народомъ, который, конечно, съ точки зрѣнія строгой этнологической терминологіи, не можетъ считаться первобытнымъ (онъ стоитъ на болѣе высокой ступени), а именно надъ ирокезами. У ирокезовъ „даритель" спокойно возвращаетъ одаренному полученный въ отплату „даръ", если онъ представляется дарителю недостаточнымъ эквивалентомъ, и требуетъ возвращенія своего дара. Тутъ подъ формой даренія происходитъ настоящій торгъ. Somlo l. c. 149, по S. H. Stites, Economics of the Iroquois. Что дареніе въ нашемъ, современномъ смыслѣ вовсе не характерно для экономической психологіи болѣе отдаленныхъ эпохъ, мы видимъ также на древнихъ германцахъ и на древнихъ евреяхъ. „Основной идеей древне-германскаго договорнаго права была возмездность. Щедротамъ не было мѣста. Договоры о безвозмездныхъ дѣйствіяхъ были недѣйствительны, всякое дѣйствіе (Leistung) для его правовой прочности требовало отвѣтнаго дѣйствія (Gegenleistung), которымъ оно покупалось. Нормальнымъ договоромъ германскаго права, договоромъ, въ рамки котораго укладывались болѣе или менѣе всѣ другіе договоры, соотвѣтственно этому, являлась купля и равнозначущая съ нею мѣна". (Schröder, Lehrbuch d. deutschen Rechtsgeschichte 5 Aufl. Leipzig 1907, S. 64, со ссылкой на Тацита).

У евреевъ мы видимъ, что дареніе есть лишь обусловленная специфической восточной вѣжливостью купля-продажа. Характеренъ въ этомъ отношеніи библейскій разсказъ о томъ, какъ Ефронъ Хеттеянинъ за четыреста сиклей серебра „подарилъ" Аврааму мѣсто для погребенія Сарры. (Книга Бытія, гл. 23; ср. любопытную параллель къ этому мѣсту Библіи изъ „1001 Ночи" у Frants Buhl. Die sozialen Verhältnisse d. Israeliten. Berlin 1899. Ss. 94—95).

[10]) Въ Австраліи „правила распредѣленія у разныхъ племенъ различныя. У нѣкоторыхъ племенъ вся убитая мужчинами дичь и вся добытая женщинами растительная пища распредѣляются на основаніи нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ правилъ. Различныя пищевыя средства по совершенно различнымъ правиламъ распредѣляются между различными родственниками". F. Somlo, l. c. 67.

[11]) См. тамъ же и во всей книгѣ passim.

дитъ именно только перемѣщеніе, а вовсе не обмѣнъ благъ, и соціальная норма всецѣло устраняетъ индивидуальное изволеніе, т. е. автономію субъекта. Но въ этихъ процессахъ перемѣщенія благъ вовсе и не обнаруживается самое явленіе цѣны, а потому на основаніи этихъ процессовъ нельзя утверждать, что соціально-регулированная, указная цѣна предшествуетъ договорной, вольной.

Слабое развитіе обмѣна внутри данной общественной группы у первобытныхъ народовъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что мѣна благъ «возникаетъ» и главное развивается и укрѣпляется, входитъ въ привычку—въ общеніи различныхъ общественныхъ группъ между собой. Обмѣнъ есть прежде всего явленіе междуплеменнаго общенія[12]). Этому мирному общенію часто, можетъ быть даже всегда, предшествуетъ общеніе немирное—война. Война знакомила съ новыми предметами, научала новымъ потребностямъ. Съ этой точки зрѣнія объясняется и явленіе, или если угодно, учрежденіе нѣмой торговли [13a]). При такомъ понима-

[12]) Иного мнѣнія извѣстный лингвистъ Шрадеръ. O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg 1910. S. 327. „Die Handelsgeschäfte der Urzeit werden vornehmlich zwischen Mitgliedern der eigenen Stammes oder denen befreundeter Stämme verlaufen sein. Der Fremde gilt nach den Ausführungen unter Gastfreundschaft noch als Feind, dem man sich nicht gefahrlos nahen kann". Ср. S. 522. „Wenn bisher von dem Tauschverkehr stammeingesessener Leute untereinander die Rede war, so ist schwieriger die Frage zu beantworten, in wie weit man für die Urzeit und die ältesten Epochen der Einzelvölker von einem Handel mit Fremden und in die Ferne wird sprechen können". Однако этнологическія данныя рѣшительно опровергаютъ категорическое мнѣніе Шрадера. Такъ, изслѣдованія надъ австралійцами, являющимися, какъ извѣстно, яркими представителями подлиннаго „первобытнаго" человѣчества, показали наличность у нихъ „широко развитой системы междуплеменнаго общенія и обмѣна" (выраженіе А. І. Хоуитта). См. A. W. Howitt. The native tribes of South-East Australia. London 1904, pp. 710—720. Ср. еще Spencer a. Gillen l. c., а также тѣхъ же авторовъ: The northern tribes of Central Australia. London 1904, passim.

[13a]) Таково общепринятое объясненіе нѣмой торговли. Его придерживаются: Post. Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz Oldenburg; Leipzig 1894—1895. Letourneau. L'evolution du commerce. Paris 1897 (есть русскій переводъ), Sartorius von Waltershausen (см. ниже цит. статью) и, наконецъ, авторъ спеціальной монографіи о нѣмой торговлѣ P. J. Grierson. The silent trade. A contribution to the early history of human intercourse. Edinburgh 1903. Другого взгляда держатся Durk-

нiи нѣмой торговли она является, такъ сказать, этапомъ на пути отъ войны къ вполнѣ мирному, основанному на довѣрiи общенiю и къ мирной мѣнѣ.

2. Однако изъ положенiя, что обмѣнъ рождается въ междуплеменномъ общенiи [13в]), было бы преждевременно дѣлать выводъ, что социально фиксированная, указная цѣна предшествуетъ свободно установленной, вольной.

Во-первыхъ, обмѣнъ, который рождается изъ междуплеменнаго общенiя, предполагаетъ, что цѣна есть прежде всего не социальная норма, а именно продуктъ соглашенiя. Контрагентами тутъ являются только не индивиды, а общественныя группы. Для отдѣльныхъ индивидовъ цѣна при такомъ коллективномъ обмѣнѣ можетъ и должна социально опредѣляться [14]), но надъ субъектами

---

heim (въ рецензiи на книгу Грирсона въ L'année sociologique. VIII, Paris, 1905 pp. 483–486) и примыкающiй къ нему Somlo (l. c. 159–163). Они даютъ институту нѣмой торговли религiозное объясненiе и ставятъ его въ связь съ идеей „табу".

13b). Я лично полагаю, что обмѣнъ можетъ возникать и возникаетъ изъ разныхъ комбинацiй, рождается, такъ сказать, на разныхъ пунктахъ человѣческой общественности и притомъ какъ явленiе, вытекающее изъ общихъ мотивовъ, присущихъ человѣческой психикѣ какъ таковой, именно изъ того „естественнаго" стремленiя къ обмѣну, которое принималъ Адамъ Смитъ и которое слишкомъ поспѣшно отвергаетъ историзмъ въ лицѣ, напримѣръ, Бюхера. «Естественное» стремленiе къ обмѣну вездѣ обнаруживается и тѣмъ самымъ обмѣнъ вездѣ наблюдается тамъ, гдѣ есть «объекты», которыми имѣетъ смыслъ обмѣниваться. Это раньше и ярче всего обнаруживается на периферiяхъ общественности, т. е. тамъ, гдѣ однѣ общественныя группы соприкасаются съ другими.

Точно тоже наблюдаемъ мы и по отношенiю къ «собственности»: идея собственности «естественно» возникаетъ или обнаруживается въ примѣненiи къ «объектамъ», къ которымъ имѣетъ смыслъ ее прiурочивать и въ той мѣрѣ, въ которой это имѣетъ смыслъ. При этомъ необходимо различать два вопроса: 1) о самой идеѣ «собственности» и 2) о тѣхъ „субъектахъ", которые при разныхъ условiяхъ мыслятся какъ носители «собственности».

Тема, затронутая въ настоящемъ примѣчанiи, требуетъ специальной разработки. Здѣсь я коснулся ея лишь по связи съ той специальной проблемой, которая занимаетъ насъ въ настоящей главѣ.

14) Ср. превосходную работу Сарторiуса ф. Вальтерсгаузена „Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien" въ Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, IV B. 1896. S. 59. „При нѣмой торговлѣ конкуренцiя индивидовъ внутри обмѣнивающихся группъ исключена, ибо нѣсколько лицъ всегда выступаютъ другъ противъ друга

экономическаго акта; какими тутъ являются не индивиды, а группы, въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой власти, которая могла бы нормировать цѣну. Общественная группа есть тутъ автономный дѣятель, подлинный субъектъ хозяйствованія. И она именно въ междуплеменномъ общеніи взаимодѣйствуетъ съ другими такими же автономными дѣятелями хозяйствованія, создавая, быть можетъ, впервые явленіе вольной цѣны и даже цѣны вообще.

Во-вторыхъ, мы знаемъ именно изъ наблюденій надъ обмѣномъ между европейцами и полинезійцами въ эпоху ихъ первыхъ столкновеній, что тѣ моменты, которые опредѣляютъ цѣну въ современномъ свободномъ оборотѣ, очень быстро подчиняютъ себѣ и первобытнаго человѣка. Очевидно, что ни непривычка къ обмѣну, ни соціальное регулированіе не способны создавать сильныхъ препятствій дѣйствію «закона спроса и предложенія», или, какъ принято теперь говорить, «принципа предѣльной полезности». Европейцы къ своему огорченію очень быстро убѣждались въ этомъ при сношеніяхъ съ полинезійцами. Если, напримѣръ, первоначально обмѣнъ съѣстныхъ припасовъ на разные малоцѣнные европейскіе привозные продукты совершался очень выгодно для европейцевъ, то это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока предложеніе съ ихъ стороны держалось въ извѣстныхъ границахъ. Кукъ разсказываетъ, что первоначально за ничтожную порцію красныхъ перьевъ онъ и его люди на Таити получали въ обмѣнъ свиней вѣсомъ въ 40—50 фунтовъ, но къ несчастью запасъ этихъ красныхъ перьевъ на европейскихъ су-

какъ группа, потому что одинокій индивидъ былъ бы совершенно лишенъ охраны. Поэтому тутъ мѣновая цѣнность носитъ исключительно соціальный характеръ. Она зависитъ отъ мнѣній и потребностей группъ и ихъ вождей. Достаточно ли дано въ обмѣнъ за что-нибудь,— это зависитъ отъ пониманія, обсужденія и соглашенія всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ получить эквивалентъ. Эта потребность въ соглашеніи выступаетъ передъ нами и тогда, когда торговля перестала быть нѣмой, но стороны чувствуютъ себя каждая во время торговли еще объединенными.

Когда Кукъ въ свое первое путешествіе прибылъ на одинъ изъ острововъ Товарищества, онъ жаловался на медленный ходъ торговыхъ сношеній, ибо „когда мы предлагали имъ что-нибудь, пишетъ онъ, ни одинъ изъ нихъ не желалъ покупать, полагаясь на свое собственное сужденіе, но всегда собиралъ раньше мнѣніе 20—30 людей, что сопровождалось большой потерей времени“.

дахъ былъ очень великъ, и въ теченіе дня цѣна ихъ понизилась на 500%.

Соотвѣтственно этому путешественники констатировали, что «первобытные» люди очень быстро познавали науку обогащенія торговлей. Одинъ миссіонеръ, познакомившійся въ 1814 г. съ новозеландцами, недавно пріобщенными къ торговлѣ, характеризуетъ ихъ, какъ «шумливый и приверженный къ наживѣ народецъ, который по торгашескому духу и умѣнію выхвалять свои товары ничуть не уступалъ самымъ безсовѣстнымъ евреямъ на лондонской королевской биржѣ».

Капитаны европейскихъ судовъ должны были издавать правила для своихъ экипажей относительно сношеній съ туземцами. Экономическій центръ тяжести этихъ правилъ лежалъ въ томъ, что всякая самовольная торговля съ туземцами, которая могла бы сбивать цѣны европейскихъ товаровъ, строго воспрещалась [15]).

Итакъ, мы видимъ, что цѣна въ самыхъ примитивныхъ случаяхъ, въ тѣхъ соціологическихъ экспериментахъ, которые, не желая вовсе экспериментировать, производили европейцы, сталкиваясь съ дикарями, выступаетъ передъ нами и какъ соціальная норма (для индивидовъ), и какъ равнодѣйствующая (результанта) многообразныхъ стремленій продавцовъ и покупателей. Это значитъ, что вольная цѣна и указная цѣна по меньшей мѣрѣ историческіе ровесники.

3. Съ этимъ вполнѣ согласуются новѣйшія наблюденія надъ отсталыми народами, которыя непререкаемо показываютъ, что имъ вовсе не чуждо свободное установленіе цѣнъ. Такъ, въ извѣстной анкетѣ международнаго союза сравнительнаго правовѣдѣнія о юридическомъ бытѣ туземцевъ Африки и Океаніи, обработанной Штейнметцомъ, о западно-африканскихъ народцахъ Банака и Бапуку разсказывается слѣдующее. У этихъ довольно отсталыхъ народцевъ, не знающихъ денегъ, цѣна и прежде опредѣлялась и теперь опредѣляется вольнымъ торгомъ, длящимся между продавцомъ и покупателемъ иногда цѣлые дни [16]). То же сообщается относительно народца Вашамбола, живущаго на сѣверо-

[15]) См. въ цит. статьѣ Сарторіуса ф. Вальтерсгаузена.

[16]) Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Oceanien. Beantwortungen des Fragebogens der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre zu Berlin. Bearbeitet von S. R. Steinmetz. Berlin 1903. S. 55.

западъ отъ Занзибара. «Объекты мѣны имѣютъ опредѣленную рыночную цѣну, которая устанавливается торгомъ контрагентовъ» [17]). За невѣсту платится цѣна, которая устанавливается соглашеніемъ, опирающимся на обычай. Обычай опредѣляетъ максимумъ и минимумъ цѣны; въ этихъ границахъ, которыя врядъ ли могутъ считаться абсолютно обязательными, цѣна варьируетъ сообразно соціальному положенію и красотѣ невѣсты.

Тутъ мы видимъ, стало быть, рядомъ и вольный торгъ, и комбинацію вольнаго торга съ соціальнымъ регулированіемъ цѣны. Въ общемъ просмотръ матеріала, собраннаго въ упомянутой анкетѣ, убѣждаетъ, что основной и обычной формой обмѣна у народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ культуры и экономическаго развитія, является вольный торгъ, и что учрежденіе рынка съ рыночной полиціей направлено прежде всего на обезпеченіе такого вольнаго торга [18]). Этому нисколько не противорѣчитъ то, что обмѣнъ тѣсно связанъ въ своемъ развитіи съ публично-правовымъ началомъ, съ началомъ власти и что водвореніе безопасности на рынкѣ, такъ наз. «рыночный миръ» служитъ источникомъ дохода для власти. На Сандвичевыхъ островахъ цѣна на рынкѣ назначалась вождями, которые присваивали себѣ $^2/_3$ проданнаго. Очевидно, что такое регулированіе цѣны дѣлало вождей дольщиками торговли и придавало ей тѣмъ самымъ характеръ своеобразной регаліи или монополіи [19]).

---

[17]) Ibid. S. 265.

[18]) Мы выражаемся именно такъ: „отсталые народы", а не „первобытные" вотъ почему. Современные этнологи-соціологи стремятся къ классификаціи народовъ по степени ихъ цивилизаціи и къ составленію соотвѣтствующаго каталога. Только такимъ образомъ можно рѣшить вопросъ: какіе народы слѣдуетъ считать первобытными, т. е. стоящими на самой низкой ступени развитія. Ср. Steinmetz. Classification des types sociaux et catalogue des peuples, въ L'année sociologique III (1900), а также Somlo, l. c. SS. 5 - 12. Въ книгѣ Зомло систематически обозрѣвается лишь экономическій бытъ самыхъ примитивныхъ народовъ: австралійцевъ тасманійцевъ (уже вымершихъ), ботокудовъ, огнеземельцевъ, жителей Андаманскихъ острововъ, филиппинскихъ негритосовъ, бушменовъ, индѣйцевъ Оари и веддаховъ (на островѣ Цейлонѣ). Ср. также другое сочиненіе Зомло. Zur Gründung einer beschreibenden Sociologie, Berlin u. Leipzig 1909.

[19]) О Сандвичевыхъ островахъ ср. Сарторіусъ ф. Вальтерсгаузенъ, тамъ же, стр. 55—56. О торговыхъ сборахъ въ Африкѣ ср. A. H. Post. Africanische Jurisprudenz, Oldenburg und Leipzig, 1887, B. I,

Въ такихъ случаяхъ передъ нами не столько регулированіе цѣнъ, сколько зачаточныя формы обложенія торговли или же прямая монополизація ея, подобная той, которая существовала въ Россіи въ царскую и въ императорскую эпоху, въ Индіи эпохи законниковъ, въ древней Греціи, въ эллинизированномъ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ [20a]).

Съ необыкновенной ясностью это соотношеніе рыночнаго права и вольнаго торга можно прослѣдить на Мадагаскарѣ. Объединитель Мадагаскара царь Andrianampuinimerina (178? — 1810), поведшій энергичную борьбу съ феодальной анархіей, придалъ рынкамъ (tsena) [20b]) значеніе особо охраняемыхъ публичныхъ мѣстъ (lapa) и издалъ цѣлый уставъ о рыночной торговлѣ, который легъ въ основу торговаго права мальгашей [21]). Въ этомъ уставѣ

S. 269—270, а также Schurz, Das Afrikanische Gewerbe. Leipzig 1900. S. 120. О торговыхъ монополіяхъ см. Post, ibid. S. 275. „Торговля у африканскихъ народовъ иногда совершенно или частью монополизирована царями или вождями. Муата-Казембе монополизировалъ въ свою пользу всю торговлю. Въ Дагомеѣ торговля золотомъ, серебромъ, кораллами, оружіемъ, порохомъ составляетъ монополію царя и исключительно кабосспрамъ (знатнымъ) дозволяется торговать нѣкоторыми предметами, какъ то табакомъ и водкой. Въ Занзибарѣ продажа пороха составляетъ монополію султана..... Въ Сулиманѣ царь монополизировалъ въ свою пользу всю торговлю".

20a) О торговлѣ «заповѣдными» товарами въ царской и императорской Россіи. См. Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862, passim. К. Лодыженскій. Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Спб. 1886, стр. 13—14.

О монополіяхъ въ древней Греціи, ср. псевдоаристотелеву «Экономику» и на основаніи ея K. Riezler. Ueber Finanzen und Monopole im alten Griechenland. Zur Theorie und Geschichte d. antiken Staatswirtschaft. Berlin 1907. Ср. также М. Ростовцевъ. Исторія государственнаго откупа въ Римской Имперіи. Спб. 1899. Объ Индійскихъ монополіяхъ ниже цитированное сочиненіе Іолли, о монополіяхъ въ Египтѣ A. Bouché-Leclercq. Histoire des Lagides, t. III, 1. Paris 1906, p. 237 et suiv., а также цит. сочиненіе Ростовцева. О государственной торговлѣ въ Австріи см. H. von Srbik Der staatliche Exporthandel Oesterreichs von Leopold I bis Maria Theresia. Wien-Leipzig 1907.

20b) Раньше рынки существовали, но это были мало обезпеченныя и неупорядоченныя сходбища. См. цитированное ниже сочиненіе Жюльена, p. 382 et suiv.

21) Gustave Julien, administrateur des colonies, ancien interprète principal du gouvernement général de Madagaskar et professeur à l'école coloniale. Institutions politiques et sociales de Madagascar d'après des

свобода торговли является основнымъ началомъ, и самыя отклоненія отъ этого начала вытекаютъ именно изъ желанія обезпечить въ пользу массы населенія вольный торгъ, основанный на bona fides. «Само собой разумѣется, что купцы будутъ имѣть полное право и не будутъ подвергаться никакому преслѣдованію, если они будутъ отказываться уступать товары лицамъ, предлагающимъ слишкомъ низкую цѣну, хотя бы такими покупателями были мои собственныя жены или родственники. Необходимо, чтобы во всякомъ случаѣ заключеніе сдѣлки купли-продажи было результатомъ соглашенія между заинтересованными сторонами; отсюда могутъ вытекать торгъ, предложенія и уступки, которыя приводятъ къ окончательному соглашенію; обѣ стороны сохраняютъ право обсуждать и защищать свои интересы...» [22]). Запрещается продавать по слишкомъ низкой цѣнѣ, ибо слишкомъ дешевые товары могутъ быть лишь подозрительнаго происхожденія: на такіе товары слѣдуетъ налагать арестъ въ цѣляхъ разслѣдованія, не краденые ли они [23]). Торговцы риса обязаны продавать его всякому, какъ ни незначительно было бы спрашиваемое покупателемъ количество, ибо продавцы должны проникнуться

---

documents authentiques et inédits. Paris 2 vols s. a. (предисловіе помѣчено 30 октября 1908 г.) Ср. Vol. I, p. 389 et suiv. „Proclamation d'Andrianampuinimerina aux populations des divers districts relativement à l'organisation et à la police des marchés ainsi qu'aux règles commerciales à y observer".

Ср. также Vol. II p. 303. „On donne d'une façon générale le nom de lapa a tout ce qui est propriété de l'Etat ou propriété publique, ce sur quoi chaque sujet possède des droits égaux et d'ou nul ne peut évincer ou chasser qui que ce soit si ce n'est par ordre du gouvernement. Nul ne peut parler en un lapa au nom de l'autorité s'il n'est régulièrement invésti de ce mandat et toutes les affaires qui se traitent en un tel lieu son présumées dépourvues de sukusuku, c'est a dire fraude tous les actes y devant être conclus ampahibemasu, publiquement et au grand jour. Toute menée, toute tentative pour porter atteinte à ce double caractère du tsena ou chacun se retrouve sur le pied d'égalité avec ses voisins et ou tout engagement pris, tout contrat verbal constitue un acte de notoriété publique, est considérée comme un atteinte portée a l'ordre public et non comme un délit a l'encontre de particuliers".

[22]) Подлинныя слова царя, L. c. Vol. I, p. 395—396.

[23]) L. c. p. 404. Кража на рынкѣ и даже нарушеніе тишины и спокойствія на немъ караются смертью. L. c. 395.

мыслью, что ихъ задачей является обслуживаніе потребностей «маленькихъ людей»[24]). Поэтому продавцы мяса должны также удовлетворять покупателей, соблюдая очередь и отнюдь не отдавая предпочтенія покупателю, у котораго больше денегъ въ рукахъ[25]). Нетерпимымъ объявляется всякое устрашеніе съ цѣлью продажи или покупки на рынкѣ предметовъ выше или ниже ихъ реальной цѣнности. Еще строже осуждается (и карается смертной казнью) всякій, кто будетъ производить панику на рынкахъ для того, чтобы скупать по низкой цѣнѣ товары, которыхъ владѣльцы по доброй волѣ не уступили бы по такой цѣнѣ[26]). Запрещается также, послѣ того какъ состоялось соглашеніе между продавцомъ и покупателемъ повышеніемъ цѣны перебивать что-либо у перваго покупателя. (Во французскомъ переводѣ «прокламаціи» царя Andrianampuinimerina эта норма мотивируется буквально такъ: «De tels procédés auraient pour effet de mettre ceux qui ne disposent que de faibles moyens à la merci des gens fortunés et troubleraient profondement la loi de l'offre et de la demande»[27]). Это положеніе вошло, какъ одна изъ важныхъ нормъ, въ обычное право мальгашей. «Вступленіе въ сдѣлку третьяго лица въ тотъ моментъ, когда покупатель и продавецъ обсуждаютъ цѣну товара и предложеніе со стороны этого лица—пріобрѣсти данный предметъ за болѣе высокую цѣну, есть проступокъ (un acte délictueux), караемый судами, какъ безнравственное дѣяніе и посягательство на свободу необезпеченныхъ людей»[28]). Въ томъ же духѣ—строгіе запреты—во 1-хъ, принуждать кого-нибудь къ покупкѣ какого-либо предмета и, во-2-хъ, вымогать у кого-нибудь какіе-нибудь предметы за слишкомъ низкую цѣну[29]). Всѣ эти ограничительныя нормы продиктованы именно желаніемъ охранить вольный торгъ противъ посягательствъ на свободу контрагентовъ.

Обычное право мальгашей не признаетъ, чтобы возможно было заключить сдѣлку купли-продажи, не подвергнувъ продолжительному и детальному обсужденію

---

[24]) L. c. p. 402.
[25]) L. c. p. 402.
[26]) L. c. I p. 395.
[27]) L. c. I, p. 396.
[28]) L. c. II. „Droit coutumier" p. 291—292.
[29]) L. c. 296—297.

ся условій; отсюда вытекаетъ, что ссоры, неизбѣжно возникающія между покупателями и продавцами, не должны влечь за собой никакихъ юридическихъ послѣдствій въ томъ случаѣ, если съ обѣихъ сторонъ будутъ произнесены невѣжливыя слова. Такія слова признаются за пустую болтавню и въ качествѣ «рыночныхъ словъ» не идутъ въ счетъ, т. е. не даютъ основаній для предъявленія какихъ-либо претензій [30]).

Съ другой стороны на рынкѣ стираются всѣ различія общественнаго положенія и исчезаютъ всѣ соціальныя разстоянія. «Съ того момента, что люди собрались на рынкѣ, они составляютъ только одну толпу, въ которой исчезаютъ почетныя отличія, соціальный рангъ и положеніе каждаго лица. Налицо тогда только двѣ категоріи субъектовъ: продавцы и покупатели, соглашенія и споры между которыми идутъ своимъ порядкомъ безъ всякаго принужденія и безъ всякаго соображенія съ положеніемъ лицъ, въ нихъ участвующихъ» [31]).

Тутъ, на Мадагаскарѣ, мы видимъ, что установленіе «рыночнаго мира» и регулированіе властью условій обмѣна имѣютъ въ виду обезпечить вольный торгъ, который былъ невозможенъ раньше потому, что незамиренность страны и отсутствіе элементарной неприкосновенности личности фактически исключала возможность правильныхъ торговыхъ сношеній. Этотъ «либеральный» мотивъ—оберeганіе вольнаго торга—есть мотивъ первичный; рядомъ съ нимъ выступаетъ, въ качествѣ вторичнаго и подчиненнаго, мотивъ «соціально-политическій»—охрана экономически слабыхъ элементовъ, необезпеченныхъ покупателей. Но этотъ мотивъ отнюдь не получаетъ господствующаго значенія. Нечего говорить о томъ, что въ данномъ случаѣ обнаруживаетъ свое дѣйствіе и третій мотивъ—фискальный, что власть, регулируя рыночную торговлю въ интересахъ вольнаго торга, не забываетъ самое себя и широко эксплоатируетъ въ своихъ фискальныхъ интересахъ охраняемую ею торговлю.

Конечно, общественный бытъ и культурный уровень обитателей Мадагаскара въ эпоху окончательнаго торжества абсолютизма (конецъ XVIII и начало XIX в.) не могутъ быть характе-

[30]) l. c. 298—299. Ср. вышеприведенныя постановленія рыночнаго устава („прокламаціи") царя Andrianampuinimerina.

[31]) l. c. p. 304.

ризуемы, какъ «первобытные» [32]). Но это указаніе не опровергаетъ нашего заключенія: совершенно ясно, что эпохѣ вольнаго торга и вольной цѣны тутъ предшествовала не эпоха соціальнаго регулированія и указной цѣны, а длительное господство анархіи, при которой въ свободное хозяйственное общеніе вторгалось не велѣніе власти, а произволъ сильнаго. И, конечно, утверждая въ своемъ законодательствѣ начало вольнаго торга, мадагаскарскій абсолютизмъ вводилъ не новое начало, а создавалъ лишь внѣшнія условія, благопріятныя для того, что издавно сложилось въ правосознаніи населенія [33]).

Такимъ образомъ схема историческаго развитія формъ цѣны: сперва—обычная цѣна (соотвѣтствующая ойкосному хозяйству и городскому хозяйству), затѣмъ—договорная или вольная цѣна (соотвѣтствующая народному хозяйству и міровому хозяйству) [34]) — эта схема отнюдь не можетъ считаться отвѣчающей дѣйствительному процессу развитія, который гораздо сложнѣе.

4. Здѣсь умѣстно сдѣлать одно замѣчаніе. Мы видѣли, что явленіе вольной цѣны свойственно хозяйственному быту отсталыхъ народовъ и отнюдь не можетъ считаться чертой лишь болѣе высокаго развитія хозяйственной жизни. Между тѣмъ отсталые и, въ особенности, дикіе народы принято трактовать именно въ этомъ отношеніи какъ прямую противоположность современному культурному человѣку. Этотъ взглядъ составляетъ fable convenue и трафаретъ «историческаго» воззрѣнія въ политической экономіи.

Онъ основанъ на одной, весьма важной и методически интересной, чисто логической ошибкѣ. «Первобытные» и, общѣе, «отсталые» народы, несомнѣнно, не похожи на современнаго человѣка. «Дикарь» не есть ни Lombardstreetman, ни француз-

[32]) О мадагаскарскомъ правѣ см. еще R. Dareste. Nouvelles études du droit. Paris 1902, pp. 338—346 (отчетъ о книгѣ A. Cahuzac. Essai sur les institutions et le droit malgache, t. I-er. Paris 1900).

[33]) Въ какой мѣрѣ это законодательство строило свое зданіе на почвѣ сложившагося въ народѣ традиціоннаго правосознанія, доказывается тѣмъ, что Andrianampuinimerina санкціонировалъ народный самосудъ по отношенію къ нарушителямъ рыночнаго мира. L. c. Vol. I. pp. 293 et 394.

[34]) Такова схема Гемери, который замѣчаетъ, что народное хозяйство, однако, въ извѣстной мѣрѣ теперь эволюціонируетъ къ указной (нормированной) цѣнѣ (Taxpreis).

скій пейзанъ. Это отличіе одного типа отъ другого есть prima facie простое различіе (синее—зеленое), но оно отнюдь не должно быть (хотя и можетъ иногда быть) противоположностью (свободный и несвободный, вольный и регулированный властью и т. п.) [36]). Противоположеніе есть прежде всего «логическій» актъ, а не «реальное» отношеніе. Логическое отрицаніе, лежащее въ основѣ всякой противоположности, можетъ воплощаться въ жизнь, становиться явленіемъ дѣйствительности лишь постольку, поскольку его вводитъ въ жизнь воля людей, поскольку оно выступаетъ какъ изъявленіе или провозглашеніе воли, каковое всегда есть въ тоже время и чисто мысленная, логическая операція. Рабство противорѣчитъ свободѣ, ибо воля субъекта власти, утверждающаго свободу, юридически, а это значитъ и логически, отрицаетъ рабство. Только воля, сосредоточиваясь на одномъ какомъ-либо моментѣ, дѣлаетъ его существеннымъ признакомъ всего явленія, его выразителемъ и тѣмъ самымъ отношеніе между наличностью и отсутствіемъ этого признака возводитъ въ рангъ «противоположности» между двумя типами явленій.

Путемъ «логическаго отрицанія» можетъ итти волевое творчество людей, напримѣръ, законодательство, оперирующее юридическими понятіями. Но безконечно многообразная и въ цѣломъ ничьей волѣ не подчиняющаяся соціальная жизнь никогда не развивается путемъ логическихъ отрицаній. Выражаясь въ терминахъ второй главы перваго отдѣла нашей книги,—гетерогеническія явленія никогда не могутъ быть «противоположностями»; таковыми въ соціальной жизни могутъ быть лишь явленія автогеническія, не-

---

36) Отношеніе между «отличіемъ», или «различіемъ», съ одной стороны, и «противоположностью», съ другой, не совпадаетъ съ отношеніемъ между «контрарнымъ» и «контрадикторнымъ» формальной логики. Въ смѣшеніи этихъ двухъ паръ понятій Ueberweg упрекаетъ Фихте младшаго. Ср. F. Ueberweg-J. Bona Meyer System d. Logik u. Geschichte d. logischen Lehren 5-te Aufl. Bonn 1882, S. 269. Тренделенбургъ показалъ, что Гегелевъ діалектическій методъ основанъ на смѣшеніи и отождествленіи «контрарнаго» и «контрадикторнаго», причемъ онъ самъ приравнялъ первое къ «реальной оппозиціи». Ср. его Logische Untersuchungen I³, S. 36 и ff. Тутъ наши замѣчанія упираются въ глубокія логическія проблемы, разработка которыхъ однако не имѣетъ значенія для разрѣшенія поставленныхъ нами вопросовъ и выходитъ далеко за предѣлы нашей задачи.

посредственно связанныя съ волею людей и выражающія ихъ мысль.

Неосмотрительное теоретизированіе, которое естественно ищетъ всегда наиболѣе закругленныхъ или, если угодно, наиболѣе заостренныхъ результатовъ, и, съ другой стороны, извѣстная лѣность логической мысли имѣютъ тенденцію возводить различія реальнаго міра въ логическія противоположности. Между тѣмъ въ соціальной дѣйствительности, конечно, гораздо больше различій, чѣмъ противоположностей. Соціальная психологія «отсталыхъ» народовъ непохожа на, или что̀ то же, не совпадаетъ toto caelo съ психологіей современнаго человѣка, но сказать это значитъ совсѣмъ не то же, что сказать: одна психологія противоположна другой, во всемъ исключаетъ другую. Наличность различій или многообразія не только допускаетъ, но даже требуетъ наличности чего-то единаго, какого-то общаго фонда, лежащаго въ основѣ этого многообразія. Это ясно и чисто логически: даже крайнее выраженіе всякаго «отличія» — т. н. въ логикѣ «контрарная противоположность» есть всетаки отношеніе между наиболѣе удаленными другъ отъ друга видами одного рода (бѣлое — черное).

Либеральная политическая экономія въ своихъ историческихъ и соціологическихъ aperçues, въ которыхъ она занималась «первобытнымъ», alias «отсталымъ человѣкомъ», alias «дикаремъ», заранѣе, безъ фактическаго изслѣдованія и анализа, предполагала (презюмировала) этотъ общій фондъ, который получался очень просто, путемъ некритическаго отождествленія психологіи отсталыхъ людей съ хорошо знакомой психологіей современныхъ культурныхъ людей. Такъ получался равный для всѣхъ временъ «естественный» человѣкъ. Это — т. н. «естественно-правовой» предразсудокъ либеральнаго воззрѣнія; назовемъ его, попросту, «антиисторическимъ» предразсудкомъ.

Историческое направленіе, въ полемикѣ съ либеральной политической экономіей и подъ гипнозомъ идеи абсолютнаго историческаго своеобразія каждой общественно-экономической «формаціи» породило другой предразсудокъ, который для краткости назовемъ a contrario «историческимъ» предразсудкомъ. Тамъ общій фондъ предполагался a priori и являлся какъ бы заранѣе найденнымъ; тутъ онъ apriori отрицался, и тенденціей мысли, эвристическимъ принципомъ изслѣдованія и, тѣмъ самымъ, принципомъ

истолкованія фактовъ являлось предположеніе, что черты одного экономическаго уклада исключаютъ черты другого, какъ свою «противоположность». И тутъ, и тамъ рѣчь идетъ именно объ очень сильныхъ (и сильныхъ какъ разъ въ безсознательномъ или, по крайней мѣрѣ, смутномъ примѣненіи) тенденціяхъ, а не о законченныхъ и осознанныхъ принципахъ изученія и истолкованія. Историческія конструкціи и схемы Шмоллера, Бюхера и—last not least—Родбертуса и Маркса, вообще всего нынѣ уже традиціоннаго и закостенѣвшаго «историзма», въ значительной мѣрѣ находятся подъ властью выше очерченнаго историческаго предразсудка [37]), тогда какъ всѣ «модернизаціи» неизбѣжно впадаютъ въ противоположную крайность. «Общій фондъ» несомнѣнно есть, ибо множество отличій вовсе не устраняетъ наличности общихъ чертъ; наоборотъ, во многихъ случаяхъ мы познаемъ это многообразіе какъ слѣдствіе различной комбинаціи нѣкоторыхъ основныхъ и общихъ мотивовъ; сходства и совпаденія должны получаться еще и потому, что число комбинацій этихъ основныхъ и общихъ мотивовъ все таки ограничено, и они должны повторяться. Отсюда для историка-экономиста, оперирующаго въ цѣляхъ историческаго изслѣдованія систематическими категоріями политической экономіи (которыя суть нерѣдко именно лишь особыя формулы основныхъ и общихъ мотивовъ всякаго человѣческаго дѣйствованія), принципіально необходимо признавать одинаковую примѣнимость къ данному историческому матеріалу всѣхъ систематическихъ категорій. Это и значитъ изслѣдовать историческую дѣйствительность безъ всякихъ предпосылокъ, безъ предвзятостей, voraussetzungslos [38]).

---

[37]) Подъ вліяніемъ этого «историческаго» предразсудка сложились, напримѣръ, такія ученія, какъ Бюхерово ученіе объ «историческомъ» характерѣ обмѣна и о психологической основѣ «первобытнаго хозяйства»—отвращеніи первобытнаго человѣка къ мѣнѣ. (Ср. Die Entstehung d. Volkswirtschaft. 5 Aufl. Tübingen 1906. S. 63 f. S. 92 f.). Нѣкоторыхъ аргументовъ чисто «историческаго» свойства, выдвигаемыхъ въ пользу этого ученія, мы коснемся въ другомъ мѣстѣ, а именно въ нашемъ экскурсѣ: Къ этимологіи и семазіологіи цѣны-цѣнности.

[38]) Предвзятыя идеи играютъ, какъ извѣстно, огромную роль, и притомъ положительную, въ научномъ творчествѣ, но лишь тогда, когда онѣ не сознаются, какъ таковыя, и являются концентрированнымъ выраженіемъ живой и энергической, хотя и односторонней, интуиціи.

Необходимо быть свободнымъ отъ предпосылокъ, держа въ то же время ихъ всѣ въ запасѣ, на-готовѣ.

На конкретномъ матеріалѣ исторической феноменологіи цѣны мы видѣли, что въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ мы встрѣчаемъ вольную цѣну, категорію развитаго хозяйственнаго строя и находимъ ее даже не въ антагонизмѣ съ соціальнымъ регулированіемъ, а въ прямой зависимости отъ него. Мы видѣли также, что въ основѣ этого совпаденія лежитъ несомнѣнно общій фондъ нѣкоторыхъ основныхъ мотивовъ, хорошо намъ извѣстныхъ изъ наблюденій надъ современной хозяйственной жизнью. Наивный миссіонеръ, по поводу новозеландцевъ вспомнившій лондонскихъ биржевиковъ, былъ несомнѣнно фактически правъ въ своемъ сближеніи. И это методически въ высшей степени поучительно.

II.

1. Соціальное регулированіе цѣнъ и регулированіе обязательствъ ex delicto. Нормы закона Хаммурапи въ сопоставленіи съ еврейскимъ правомъ (стр.121—124). 2. Величина искупа за злодѣяніе первоначально устанавливалась свободнымъ соглашеніемъ; нормировка есть явленіе позднѣйшее. Такая же послѣдовательность въ опредѣленіи цѣны женщинъ (стр. 124—131). 3. Цѣнности-цѣны германскихъ народныхъ правдъ суть типическія цѣнности, которымъ право присвоило подсобное нормативное значеніе. Общія замѣчанія о легальныхъ тарифахъ и ихъ отношеніи къ рыночнымъ цѣнамъ (стр. 132—134). 4. Прямыя свидѣтельства, доказывающія, что германскому правосознанію эпохи народныхъ правдъ былъ чуждъ принципъ указной цѣны, хотя въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ онъ обозначился весьма рѣзко (стр. 135—136). 5. Въ древне-северномъ правѣ указная цѣна есть тоже позднѣйшее наслоеніе (стр. 136). 6. Въ древне-греческомъ правѣ наблюдается то же соотношеніе между вольной и указной цѣной, что и въ древне-германскомъ (стр. 137—138). 7. Эволюція композиціи на основаніи этнологическихъ данныхъ (стр. 138—139).
8. Господство указной цѣны въ индійскомъ правѣ (стр. 139—142).

1. Соціальное регулированіе цѣнъ можетъ быть поставлено въ извѣстную связь съ регулированіемъ обязательствъ, вытекающихъ изъ правонарушеній. Еще Яковъ Гриммъ замѣтилъ, что въ германскомъ правѣ древнѣйшими обязательствами являются тѣ, которыя рождаются изъ деликтовъ. Это указаніе получило дальнѣйшее развитіе для германскаго права у Гейслера, историческую конструкцію котораго въ нашей литературѣ Гусаковъ

распространилъ на римское право [1]). Матеріалъ для пересмотра и, можетъ быть, углубленія этого воззрѣнія на происхожденіе обязательства изъ деликта даетъ открытый вначалѣ XX вѣка древнѣйшій писанный памятникъ права, законъ вавилонскаго царя Хаммурапи, относящійся, какъ извѣстно, къ эпохѣ приблизительно за 2100 лѣтъ до Р. X. Тутъ въ одномъ сплошномъ контекстѣ мы видимъ нормы уголовнаго права, построеннаго на принципѣ таліона (око за око, зубъ за зубъ!) и регулированіе цѣнъ въ видѣ легальнаго тарифа для услугъ разнаго рода. Весьма любопытно сопоставленіе статей, трактующихъ о вознагражденіи врача за операцію, со статьями, которыя караютъ его за причиненіе смерти операціей.

Ст. 218. Если врачъ производитъ кому-нибудь тяжелую операцію мѣднымъ ножемъ и причиняетъ ему смерть, снимаетъ кому бѣльмо и лишаетъ его глаза, то должно отсѣчь ему руку.

Ст. 219. Если врачъ производитъ рабу министеріала тяжелую операцію мѣднымъ ножемъ и причиняетъ ему смерть, то онъ долженъ за раба доставить раба.

Ст. 220. Если онъ снимаетъ мѣднымъ ножемъ бѣльмо и лишаетъ его глаза, то долженъ деньгами уплатить половину его цѣнности.

Ст. 221. Если врачъ исцѣлилъ сломанную кость или излѣчилъ болѣзненный нарывъ, то (паціентъ) долженъ заплатить врачу 5 сиклей серебра.

Ст. 222. Если то былъ министеріалъ, то долженъ дать 3 сикла серебра.

Ст. 223. Если то былъ рабъ, то господинъ его долженъ дать врачу 2 сикла серебра [2]). (Дальше слѣдуютъ соотвѣтствующія статьи относительно ветеринара).

---

[1]) J. Grimm. Vorrede zu E. Rösslers. Das Altprager Stadtrecht 1845. Heusler. Institutionen d. deutschen Privatrechtes. Lpg. 1885—1886. Гусаковъ. Деликты и договоры. Историко-юридическое изслѣдованіе. Москва, 1896 г.

[2]) Цитировано по русскому переводу Гусакова. (Извѣстія Спб. Политехн. Института за 1904 г., т. I), свѣренному съ новѣйшимъ нѣмецкимъ переводомъ Унгнада въ Altorientalische Texte u. Bilder zum Alten Testamente in Verbindung mit D-r. Arthur Ungnad u. D-r. Hermann Ranke herausgegeben von Lic. Dr. Hugo Gressmann. I Tübingen 1909.

Уголовная отвѣтственность тутъ, такъ сказать, лежитъ рядомъ съ признаніемъ гражданскаго обязательства. Съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія исторической феноменологіи цѣны, возникаетъ вопросъ совсѣмъ не тотъ, который интересуетъ историковъ права: не о соотношеніи деликта и обязательства въ исторической послѣдовательности, а объ историческомъ соотношеніи между вольной и указной цѣной, между договорнымъ установленіемъ цѣны, какъ экономическаго субстрата обязательства, и ея регулированіемъ въ силу велѣнія власти. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерно, что тѣхъ тарифовъ вознагражденія за услуги врача, ветеринара, архитектора, работника, пастуха, поденщика, ремесленниковъ разнаго рода и тарифовъ наемной платы за рабочаго вола, быка и т. п. и за наемъ грузового судна, которые мы находимъ въ кодексѣ Хаммурапи, нѣтъ въ еврейскомъ правѣ. Между тѣмъ это послѣднее, будучи по времени позднѣйшимъ, чѣмъ законъ Хаммурапи, но весьма ему родственнымъ памятникомъ права, соотвѣтствуетъ гораздо болѣе примитивнымъ общественнымъ отношеніямъ и менѣе развитому хозяйственному обороту [3]).

[3]) Dr. D. H. Müller. Die Gesetze Hamurabis und ihr Verhältniss zur Mosaischen Gesetzgebung, sowie zu den XII Tafeln. Wien, 1903. Мюллеръ замѣчаетъ по поводу тарифовъ Хаммурапи: „Такіе тарифы имѣютъ вообще тотъ недостатокъ, что они, будучи приспособлены къ данному моменту, въ ближайшемъ будущемъ при малѣйшемъ вздорожаніи, которое вѣдь нерѣдко бываетъ продиктовано богатыми купцами, ввергаютъ рабочаго въ глубочайшую нищету“ (159), и особенно подчеркиваетъ, что Моисеево законодательство не знало никакихъ тарифовъ заработной платы, но вмѣсто того, наоборотъ, запрещало притѣснять бѣднаго и нуждающагося работника и предписывало въ тотъ же день уплачивать ему заработную плату. (Второзаконіе, 24, 14–15). Ср. также Dr. Johannes Jeremias. Moses u. Hammurabi. 2-te verm. u. verbess. Auflage Leipzig 1903. Fr. Delitzsch. Handel u. Wandel in Altbabylonien. Stuttgart 1910. Весьма поучительную сравнительную характеристику древне-вавилонскаго и еврейскаго общественнаго строя даетъ Dr. Johann Hejcl. Das alttestamentliche Zinsverbot im Lichte der ethnologischen Jurisprudenz sowie des altorientalischen Zinswesens. Freiburg im Breisgau 1907. (Biblische Studien herausgegeben von Prof. Dr. O. Bardenhewer XII Band, 4 Heft). Ср. также I. Benzinger. Hebräische Archäologie. Zweite vollständig neubearbeitete Auflage. Tübingen 1907. S. 264 u. ff. Чрезвычайно интересное сравненіе кодекса Хаммурапи съ салической правдой у Hans Fehr. Hammurapi und das salische Recht, Bonn. 1910. См. теперь также Б. А. Тураевъ. Исторія древняго Востока. ч. I. Спб. 1911 г.

Хотя въ еврейскомъ правѣ нѣтъ тарифовъ цѣнъ за «услуги», оно знаетъ однако таксы: 1) за вредъ и убытки, причиненные въ томъ случаѣ, когда быкъ забодалъ раба или рабыню (Исходъ, 21, 32); 2) когда лицо, посвященное Богу (храму), желало освободиться отъ этой зависимости, выкупало себя или было выкупаемо (Левитъ 27, 1—8) и 3) еще въ одномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ тоже объ «обѣтѣ» и его выкупѣ (Левитъ 27, 16). Первая такса принадлежитъ къ числу тѣхъ нормъ еврейскаго права, въ вавилонскомъ происхожденіи которыхъ врядъ ли можно сомнѣваться [4]). Вторая же такса во всякомъ случаѣ, какъ и вся 27 глава Левита, довольно поздняго происхожденія [5]).

Такимъ образомъ, явленіе указной цѣны въ Моисеевомъ законѣ весьма слабо выражено и отступаетъ далеко на задній планъ предъ цѣною вольной, и этимъ болѣе примитивное еврейское право отличается отъ болѣе сложнаго вавилонскаго права.

2. По германскому праву злодѣяніе есть нарушеніе мира и означаетъ, такимъ образомъ, для содѣявшаго таковое потерю мира. Оно предаетъ нарушителя мира либо враждѣ (Faida) обиженнаго имъ рода (Sippe)—отсюда такъ наз. Fehde-Sachen,—или враждѣ всего народа, Acht, Friedlosigkeit [что соотвѣтствуетъ русскому «потоку» П. С.]. Въ Fehdesachen обиженный имѣетъ выборъ между местью путемъ борьбы (Fehde) и заявленіемъ притязанія на искупъ (Sühngeld, Wergeld, Busse). Если его ищутъ на судѣ, то часть пени, какъ «мирныя деньги», fredus, fries, fretho, англосаксонское wite—достается всему правовому общенію [6]). «Борьба (Fehde)

---

[4]) Тексту Моисеева закона: „Если быкъ забодалъ раба или рабыню, то владѣлецъ (быка) долженъ заплатить ихъ господину 30 секлей серебра" (по критическому нѣмецкому переводу: Die Heilige Schrift des alten Testamentes.... übersetzt u. herausgegeben von F. Kautzsch III Auflage. Erster Band. Tübingen 1909) соотвѣтствуетъ текстъ Хаммураби: „Если быкъ убьетъ чьего либо раба, то (владѣлецъ быка) долженъ заплатить треть мины серебра" (ст. 252, по нѣмецкому переводу Унгнада). Ср, кромѣ указанной въ примѣчаніи 3 литературы Bertholet sub v. Bundesbuch въ „Die Religion in Geschichte u. Gegenwart. Handwörterbuch" etc. I.

[5]) Ср. Kautzsch въ его вышецитированномъ изданіи, а также Bertholet. Leviticus. Erklärt. Martis Kurzer Hand-Commentar zum alten Testament Abt. III. Tübingen 1901. О „посвященныхъ Богу" см. I. Benzinger, l. c. SS. 359—362.

[6]) Brunner въ „Zum ältesten Strafrecht der Kulturvölker. Fragen zur Rechtsvergleichung gestellt von Theodor Mommsen, beantwortet

заканчивалась искупительнымъ договоромъ, судебнымъ или внѣсудебнымъ; въ обоихъ случаяхъ та сторона, противъ которой направлялась борьба, должна была купить миръ нормированнымъ въ головахъ скота искупомъ (Sühngeld) и въ замѣнъ его получала со стороны прежняго врага присяжный обѣтъ мира..., прекращавшій борьбу» [7]).

Какъ же устанавливалась величина искупа? Ея установленіе было дѣломъ свободнаго соглашенія. Но если обиженный обращался къ суду, то оно происходило всегда путемъ судебнаго рѣшенія [8]). Это вира при убійствахъ, Wergeld, и Busse (ahd. puoz, латинское compositio) при другихъ «поврежденіяхъ». Въ позднѣйшую эпоху эти два вида, которые въ извѣстномъ смыслѣ соотвѣтствуютъ различенію въ римскомъ правѣ области публичнаго уголовнаго права (публичнаго преступленія, crimen publicum) и частнаго уголовнаго права (частнаго преступленія, delictum или delictum privatum), постепенно сливаются, при чемъ публично-правовой элементъ получаетъ преобладаніе [7]), облекаясь въ то же время въ форму, которая, съ нашей современной точки зрѣнія, является частно-правовой. Уголовная кара эволюціонируетъ въ денежную уплату. Римское публичное уголовное право знаетъ въ качествѣ наказанія первоначально только смертную казнь и она носитъ главнымъ образомъ сакральный характеръ. Соотвѣтственно этому денежная уплата извѣстна древнѣйшему римскому праву только какъ частное наказаніе, а не какъ публичная кара [9]). Въ индійскомъ правѣ денежная уплата, какъ наказаніе за преступленіе, возможна до убійства включительно и это, между прочимъ, служитъ доказательствомъ поздняго возраста соотвѣтствующихъ юридическихъ памятниковъ. Въ имѣющихся текстахъ получателемъ этой денежной уплаты является царь, который вытѣснилъ семью [10]).

---

von H. Brunner u. A.“. Leipzig. 1905, S. 56. Ср. его-же „Deutsche Rechtsgeschichte“ I² Leipzig, 1906, S. 221 u. ff.

[7]) Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Fünfte verbesserte Aufl. Leipzig 1907, S. 81.

[8]) Schröder, ibid.

[9]) Hitzig bei Mommsen l. c. S. 46—49.

[10]) Oldenberg bei Mommsen l. c. S. 85. Ср. Jolly. Recht u. Sitte въ Grundriss der Indoarischen Philologie u. Altertumskunde herausg. von Georg Bühler. II Band, 8 Heft. Strassburg, 1896. S. 115 u. ff.

Всего рѣзче, быть можетъ, выражено это превращеніе уголовной кары въ денежную уплату у арабовъ въ доисламскую эпоху. «У арабовъ убійство, тѣлесное поврежденіе, воровство, поврежденіе имущества юридически стрижется подъ одну гребенку. Все, что подлежитъ мести, можетъ быть возмѣщено, если возмѣщеніе дается и принимается. Если тотъ или другой случай трактуется вообще юридически, то рѣчь никогда не идетъ о наказаніи за преступленія, а всегда о возмѣщеніи или уравненіи ущерба, и всякій ущербъ, кровный или имущественный, можетъ быть по соглашенію оцѣненъ. Цѣна жизни измѣряется верблюдами, дѣвство тоже имѣетъ свою цѣну—верблюдъ есть мѣра всѣхъ вещей. Несоотвѣтствіе (между уплатой и ущербомъ), конечно, весьма живо ощущается и въ общемъ считается большимъ позоромъ молоко (т. е верблюдовъ) брать за кровь и отказываться отъ мести. Трезвая свѣтскость (die nüchterne Profanität) арабскаго права врядъ ли примитивна; она вѣроятно связана съ тѣмъ обстоятельствомъ, что идея племени, какъ религіознаго общенія, не имѣетъ уже больше силы, что религія вообще существуетъ уже больше какъ суевѣріе и окаменѣлый культъ, а въ практической жизни имѣетъ малое значеніе» [11]).

Схема развитія, стало быть, такова. Послѣдовательность: злодѣяніе—месть смѣняется на послѣдовательность: преступленіе—возмѣщеніе. И тутъ свободное договорное возмѣщеніе лишь постепенно превращается въ возмѣщеніе нормированное или регулированное, которое становится рядомъ съ местью (родовой или частной) и постепенно пріобрѣтаетъ публично-правовой характеръ. Такимъ образомъ даже если договоръ или обязательство рождается изъ деликта, то регулированіе или нормированіе искупа, погашающаго деликтъ, т. е. тарификація мѣновыхъ отношеній ряда благъ рождается изъ договора. В о л ь н а я ц ѣ н а п р е д ш е с т в у е т ъ у к а з н о й. Такую же послѣдовательность мы видимъ и при замѣнѣ похищенія женщинъ ихъ куплей. Опять-таки безразлично, будемъ ли мы признавать, что покупкѣ женъ в с е г д а предшествовало ихъ похищеніе [12]) и что цѣна женщины была первоначально тоже иску-

---

[11]) Wellhausen bei Mommsen. l. c. 98—99.

[12]) Таково мнѣніе **Даргуна** Muterrecht und Raubehe und ihre Reste im Germanischen Recht und Leben (Untersuchungen zur deutschen Staats u. Rechtsgeschichte herausg. von Gierke, XVI), къ которому при-

помъ, или мы будемъ отрицать всеобщность такой смѣны похищенія куплей,—регулированіе цѣны невѣсты могло вырасти тоже только на почвѣ соглашеній.

Тарификація покупной цѣны женщины встрѣчается въ германскихъ народныхъ правдахъ [13]), и термины pretium или pretium emptionis, pretium emptiale обозначаютъ продажную цѣну женщины. Обрученіе (помолвка) называется mercatio [14]).

Врядъ ли можно сомнѣваться, что опредѣленіе покупной цѣны женщины, выраженное въ таксѣ саксонской правды, было нормой диспозитивной, а не прецептивной, т. е. вступало въ силу лишь въ случаѣ судебнаго спора [15]). Во всякомъ случаѣ нормировка

соединяется Heusler, Institutionen des deutschen Privatrechts, Band II, Leipzig, 1886, S. 277 u. ff. Contra Schröder и Brunner.

[13]) См. статьи 40, 43, 49 и 65 Lex Saxonum:

Ст. 40: „Uxorem ducturus 300 solidos det parentibus eius; si autem sine voluntate parentum puella tamen consentiente, ducta fuerit, bis 300 solidos parentibus eius componat; si vero nec parentes nec puella consenserunt, id est, si vi rapta est, parentibus eius 300 solidos, puellae 240 solidos componat, eamque parentibus restituat.

XLIII: Qui viduam ducere velit offerat tutori pretium emptionis eius, consentientibus ad hoc propinquis eius. Si tutor abnuerit, convertat se ad proximos eius, et earum consensu accipiat illam, paratam habens pecuniam, ut tutori eius, si forte aliquid dicere velit, dare possit, hoc est solidos 300.

XLIX. Qui feminam ab alio desponsatam rapuerit, 300 solidos patri puellae, 300 sponso conponat, et insuper 300 solidis emat eam: etsi cum matre euntem in via rapuerit, etiam et matri 300 solidos conponat.

LXV: Lito regis liceat uxorem emere, ubicunque voluerit, sed non liceat ullam feminam vendere.

[14]) Англосаксонское право прямо трактуетъ жену какъ вещь или товаръ, подобный рабу: Aetelberht, 32: Wenn ein Freier bei eines freien Mannes Weibe liegt, zahle er (ihm) mit seinem Wergelde und beschaffe ein anderes Weib für sein eigenes Geld und führe es jenem anderen heim. 77: Wenn jemand eine Jungfrau (zur Ehe) kauft, sei sie durch (Braut)kaufgeld (giltig) erkauft, falls das (Rechtsgeschäft) untrügerisch ist.—Die Gesetze der Angelsachsen. Herausgegeben im Auftrage d. Savigny-Stiftung von F. Liebermann I Band. Text u. Uebersetzung Halle a/S. 1903. SS. 5 u. 7. Ср. также. Eugen Huber. Geschichte d. schweizerischen Privatrechtes. IV Band, Basel 1894, SS. 315—316.

[15]) Въ этомъ убѣждаютъ Lex Visigothorum III, 4, 2 (Erv.): Si inter sponsum et sponse parentes... dato pretio, et sicut consuetudo est, ante testes facto placito de futuro coniugio... facta fuerit definitio..

слѣдовала за договорнымъ опредѣленіемъ, и въ частности, связанные съ бракомъ и вообще съ половыми отношеніями платежи носятъ явно выраженный деликтный характеръ [16]) и тѣмъ самымъ, согласно съ нашей точкой зрѣнія, восходятъ къ тѣмъ соглашеніямъ или договорамъ объ уплатахъ, коими погашался деликтъ.

Наше пониманіе вполнѣ подтвердится, когда мы обратимся къ тѣмъ «цѣнностямъ», которыя встрѣчаются намъ въ германскихъ народныхъ правдахъ въ связи съ пенями или композиціями [17]).

Тамъ же III, 4, 7 (Rесс. Erv.): Si puella ingenua sive vidua ad domum alienam adulterii perpetratione venerit et ipsam ille uxorem habere voluerit, et parentes, ut se habeant, aquiescant, ille pretium det parentibus, quantum parentes puellae vellint vel quantum ei cum ipsa muliere convenire potuerit. Это явствуетъ и изъ опредѣленія максимальнаго размѣра meta въ позднѣйшемъ лангобардскомъ правѣ. Liutpr. 89: Si quis conjogi suae metam dare voluerit, ita nobis justum esse conparuit, ut ille, qui est judex, debeat dare, si voluerit, in solidos 400, amplius non, minus quomodo convenerit; et reliqui novilis homenis debeant dare in solidos 300, amplius non; et si quicumque alter homo minus voluerit, quomodo convenerit. Очевидно, что раньше высота меты опредѣлялась свободнымъ соглашеніемъ жениха и опекуна и максимизація была новшествомъ Ліутпранда. Такъ какъ мета могла быть даваема не только въ деньгахъ, то была установлена ея оцѣнка. Ipsa meta sub æstimatione fiat data et adpretiata (тамъ-же). Въ это время мета уже есть брачный даръ жениха невѣстѣ. Ср. Rich. Schröder. Geschichte des ehelichen Güterrechts in Deutschland. Stettin Danzig-Elbing, 1863, SS. 40—43.

[16]) Вотъ почему Heusler полагаетъ, что pretium emptionis было не вознагражденіемъ за уступку опекунской власти (Munt, mundium), не Muntschatz, а композиціей за уведенную женщину, т. е. такимъ же денежнымъ штрафомъ, какой уплачивался въ случаѣ убійства. Heusler, Institutionen des deutschen Privatrechts, II. B. Leipzig, 1886. S. 277 und ff.

[17]) Весь денежный штрафъ (при преступленіяхъ, затрагивающихъ интересъ не только власти, но и частныхъ лицъ) германскихъ народныхъ правдъ слагался изъ слѣдующихъ уплатъ: 1) штрафная уплата въ пользу органа власти (Friedensgeld, Fredus, tertia pars de ipsa lege). 2) штрафная уплата въ пользу потерпѣвшаго (Feindschaftsgeld, faidus) — эти двѣ уплаты вмѣстѣ составляютъ композицію въ лангобардскомъ, франкскомъ и сѣверогерманскомъ правѣ; у другихъ германцевъ fredus (pax или poena pacis) стоитъ внѣ композиціи; 3) возмѣщеніе вреда и убытковъ потерпѣвшаго—capitale et delatura франкскаго и тюрингскаго права. Это—цѣнность и интересъ. Ср. о послѣднемъ H. Geffken. Lex Salica. Leipzig, 1897, S. 109. A. Benno Schmidt. Die Grundsätze über den Schadenersatz in den Volksrechten (Unter-

Въ Lex Salica мы встрѣчаемъ указанія на цѣнность или цѣну рабовъ разнаго качества [18]). Въ Lex Ribuaria дается денежная оцѣнка разнаго рода предметамъ, которыми могла производиться уплата Wergeld'а [19]) Въ Lex Alamanorum, Lex Saxonum и Lex Burgundionum тоже встрѣчаются подобныя оцѣнки [20]). Несом-

suchungen z. deutschen Staats- u. Rechtsgeschichte, Herausgegeben von Otto Gierke XVIII) Breslau, 1885. „Der bereits erwähnte Mischcharacter der in den Volksrechten verhängten Strafen, wonach dieselben nach beiden Seiten hin — strafend nach der des Verbrechers, Genugthuung schaffend nach der des Verletzten — wirken sollten, lässt es schwer erscheinen, eine strenge Sonderung zwischen den Strafen und den lediglich civilrechtlichen Ersatzverpflichtungen vorzunehmen" (S. 9). Ср. также V. Mataja D. Recht des Schadenersatzes vom Standpunkte d. Nationalökonomie. Leipzig, 1888, S. 46 u. ff. Д. Егоровъ. Lex Salica, Кіевъ, 1906 (Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европейскаго языка, издаваемый подъ редакціей П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, I), стр. 141—142.

18) Lex Salica, Tit. X, Add. 4.

19) Lex Ribuaria XXXVI, 11 (E Codd. B) „Si quis weregeldum solvere debet, bovem cornutum videntem et sanum pro 2 solidis tribuat. Vaccam cornutam videntem et sanam pro 1 solidis tribuat. Equum videntem et sanum pro 7 solidis tribuat. Equam videntem et sanam pro 3 solidis tribuat. Spatam cum scogilo pro 7 solidis tribuat. Spatam absque scogilo pro 3 solidis tribuat, brunniam bonam pro 12 solidis tribuat. Helmum conderecto pro 6 solidis tribuat. Bainbergas bonas pro 6 solidis tribuat. Scutum cum lancea pro 2 solidis tribuat. Acceptorem non domitum pro 3 solidis tribuat cunmorsum gruarium pro 6 solidis tribuat. Acceptorem mutatum pro 12 solidis tribuat".

20) Lex Saxonum, XXXIV: Qui bovem quadrimum, qui duos solidos valet, nocte furto abstulerit, capite puniatur. Тамъ же, LXVI: Solidus est duplex: unus habet duos tremisses, quod est bos anniculus 12 mensium, vel ovis cum agno, alter solidus tres tremisses, id est bos 16 mensium, majori solido aliae compositiones, minori homicidia conponuntur. Lex Alamannorum LXVIII (De pretio bovis. E Codd. B.). 1. Optimus bos 5 tremissos valet. 2. Medianus 4 tremissos valet. 3. Minor sicut adpreciatus fuerit. 4. Qui de ipsis aliquem involaverit, sicut lex habet, ita conponat. Lex Burgundionum Liber Constitutionum IV, 1.

Данныя о цѣнностяхъ народныхъ правдъ сведены въ таблицу у Inama-Sternegg—„Wert und Preis in der ältesten Periode deutscher Volkswirtschaft" (Hildebrand-Conrad's Jahrbücher, B. XXX, 1878, S. 208). Эта таблица, содержащая цѣнности скота, воспроизведена какъ приложеніе четвертое въ первомъ томѣ „Deutsche Wirtschaftsgeschichte" (Zweite verbesserte und vermehrte Aufl. Leipzig, 1909, S. 702—703. Ср. въ текстѣ Erstes Buch. V-er Abschnitt: „Der Güterverkehr und die nationale Wertbildung" SS. 229—270).

нѣнно, что и тамъ, гдѣ германскіе законы даютъ только композиціи, не упоминая о «цѣнности» (цѣнѣ) предмета, эти композиціи должны были находиться въ извѣстномъ постоянномъ отношеніи съ цѣнностью=цѣной предмета. Возникаетъ тотъ же самый вопросъ, который мы уже ставили относительно цѣны женщинъ: представляютъ ли эти прямо выраженныя или предполагаемыя цѣны-цѣнности обязательныя нормы, согласно которымъ совершался обмѣнъ, или же въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь такія оцѣнки, которыя вступали въ силу въ случаѣ судебнаго спора и значеніе которыхъ сводилось къ тому, что онѣ ограничивали требованіе истца извѣстнымъ максимумомъ? На этотъ вопросъ источники даютъ совершенно ясный отвѣтъ. Цѣны-цѣнности легальныхъ тарифовъ народныхъ правдъ отнюдь не являются всеобщими таксами, которымъ подчинялось бы опредѣленіе цѣнъ въ мѣновомъ оборотѣ [21]).

Мы можемъ даже, сопоставляя разныя мѣста изъ разныхъ памятниковъ, прослѣдить съ полной явственностью, какъ объективное право своими оцѣнками ограничивало субъективный произволъ лицъ, искавшихъ удовлетворенія за нанесенный имъ ущербъ. Тутъ мы имѣемъ въ основѣ своей то же самое явленіе, которое встрѣчается намъ въ римскомъ правѣ, когда оно на основаніи представленія объ объективной «цѣнности» стремится нормировать «интересъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ, что законъ предоставляетъ потерпѣвшему опредѣлить самому ущербъ[22]), въ другихъ случаяхъ законъ опредѣляетъ максимумъ, за который не должна выходить оцѣнка потерпѣвшаго [23]). Наконецъ, мы знаемъ, что въ

[21]) Совершенно правъ Инама-Стернеггъ, говоря: Sie (die Wertangaben der Volksrechte) beanspruchen aber in keiner Weise als allgemeine Wert- oder gar als Preissatzungen zu gelten. Vielmehr erhellt es aus mehreren Stellen der Volksrechte, dass durch sie der freien Preisbildung keine Schranke gezogen werden soll. Inama Sternegg, l. c. Conrad's Jahrbücher B. XXX S. 212).

[22]) Lex Frisionum: IV, 1. Si quis servum alterius occiderit, componat eum iuxta quod a domino eius fuerit æstimatus. IV, 2. Similiter equi et boves, oves, caprae, porci et quidquid mobile in animantibus ad usum hominum pertinet, usque ad canem ita solvantur, prout fuerint a possesore earum adpreciata. Цѣнность собаки была опредѣлена въ законѣ.

[23]) Leges Langobardorum: Edict. Rothari. Cap. CXLVI. Si quis casam alienam asto animo, quod est volontarie, incenderit, in treblum restituat ea quod est sibi tertia, sub extimatione pretii cum omnem intrinsecus, quidquid intus crematus fuerit, que vicini bone fidei homines adpractiaverint, resta-

извѣстныхъ случаяхъ оцѣнку совершали особые оцѣнщики, иногда совпадавшіе со свидѣтелями, иногда отличные отъ нихъ [24]). По своему основному экономическому смыслу adpretiare... secundum iustum pretium въ Lex Salica [25]) совпадаетъ съ aestimatio facienda est iusto pretio въ Дигестахъ [26]). Оцѣнка легальная есть явленіе позднѣйшее сравнительно съ оцѣнкой, производимой оцѣнщиками, а послѣдніе выступаютъ на сцену въ качествѣ таковыхъ, а не простыхъ свидѣтелей уплаты, когда между сторонами договора возникъ споръ. Наконецъ—и это есть послѣдняя стадія—въ самомъ законѣ прямо устанавливается цѣнность тѣхъ или другихъ предметовъ [27a]).

uret. Et si aliqua de intrinsecus domui orta fuerit intentio, tunc ille qui damnum pertulit, iuratus dicat, quantum in eadem casa perdidit: omnia, ut dictum est, in treblum ei restituantur ab illo, qui volontariae huius mali penetravit. Lex Alamannorum, LXI, (E codd. A): Si quis alicui amissario involaverit, ille, cui est, debet probare, quod valet. Si enim dicit, quod 12 solidos valeat, cum duos iuret, quod sic valeat, et postea solvat ille fur tale, quale ille iuraverit, in caput et illius alius octogeldo solvat medietatem in auro valentem pecunia, medietatem autem, quale invenire potuerit pecunia. LXII. (E Codd. A): 1. Si quis alicui caballum involaverit, adpractiat cum dominus eius cum sacramento usque ad sex solidos, si tantum valet—amplius non quaerat, non valet plus — aut minus. Quantum illi ad sacramentum inpractiaverit, in caput tantum restituat fur; octo enim geldus, in quale pecunia habet. 2. Iumentum tres solidos adpraetiet, si tantum valet, aut minus.

Сюда же по существу относится: „Quid in conpositione wirgildi dari non debeat. In compositione wirgildi volumus ut ea dentur quae in lege (ссылка на lex Ribuar. 36, 11) continentur, excepto accipitre et spata, quia propter illa duo aliquoties periurium committitur, quando maioris pretii quam illa sint esse iurantur“. Capitula legibus addenda 818—819 (Hludowici Pii. Monumenta Germaniae historica, Legum Sectio II. Capitularia regum francorum ed. Boretius, I, p. 282).

[24]) Lex Salica. Tit. L., 3. Et elege tu duos quos volueris cum rachineburgius istos de quo solvere habeas adpreciare debeant haec quae debet secundum iustum praecium satisfaciatis.

[25]) См. предшествующее примѣчаніе.

[26]) D. 24, 1, 36.

[27a]) „Einer späteren Rechtsentwickelung.... gehören die Stellen der Volksrechte an, in denen der Werth einer Reihe von Mobilien für den Fall der Zahlung gesetzlich normirt wird“ R. Sohm. Der Process der Lex Salica. Weimar, 1867, S. 25 въ примѣч. Это какъ разъ та стадія, которая закрѣплена въ нашей „Русской Правдѣ“, поскольку о ней можетъ быть рѣчь какъ о законѣ. Ср. Русск. Правда Ак. 22, 23, 24, 34, 35. Троицк. 68, 69, 73, 74, 75, 78 и др.

3. Отсюда ясно, что цѣнности-цѣны германскихъ правдъ суть типическія цѣнности, которымъ право присвоило извѣстное подсобное, или субсидіарное нормативное значеніе. Называть эти цѣнности «объективными потребительными цѣнностями» можно лишь при желаніи во что бы то ни стало найти историческое подтвержденіе для внутренне-противорѣчиваго понятія «родовой цѣнности, какъ потребительной цѣнности цѣлыхъ родовъ благъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей вообще» (Рау), или «универсальной потребительной цѣнности» (Германъ). Такова теоретическая конструкція легальныхъ цѣнностей народныхъ правдъ, даваемая Инамой-Стернеггомъ въ цитированной выше статьѣ и въ Wirtschaftsgeschichte. Эта конструкція совершенно несостоятельна. Достаточно указать, что подъ то же понятіе родовой цѣнности Инама-Стернеггъ подводитъ разсужденіе римскихъ юристовъ о томъ, что оцѣнивать слѣдуетъ не по личнымъ взглядамъ и чувствамъ, а по общепризнанной цѣнности, которая есть именно рыночная цѣна. Теоретическая конструкція Инама-Стернегга не стоитъ однако ни въ какой необходимой связи съ цѣннымъ фактическимъ матеріаломъ, имъ привлекаемымъ, болѣе того, даже противорѣчитъ ему, ибо если, какъ подчеркиваетъ самъ Инама, въ ту эпоху происходило свободное образованіе цѣнъ, то, очевидно, должна была и слагаться рыночная цѣна, какъ типическая цѣнность, могущая стать нормативной цѣнностью. Эту норму право стремилось фиксировать путемъ легальныхъ тарифовъ и безпристрастныхъ оцѣнокъ «добрыхъ людей» Устойчивость оцѣнокъ, конечно, зависѣла и отъ простоты и однообразія хозяйственнаго быта. Однако утверждать, что въ то время отсутствовалъ рыночный торгъ, совершенно невозможно. Легальныя цѣнности народныхъ правдъ суть такія же рыночныя цѣны, какъ vera rei aestimatio римскаго права и gemeiner (Sach-) Wert resp. gemeiner Handelswert современнаго германскаго права [27b]). Это— рыночныя цѣны, возведенныя въ нормы, отвердившіяся до нормъ. Въ качествѣ таковыхъ онѣ способны, такъ сказать, открѣпляться отъ

Въ иныхъ случаяхъ, впрочемъ, можетъ быть, оцѣнка оцѣнщиками есть болѣе позднее явленіе, чѣмъ тарификація. Такъ было, повидимому, въ древнеисландскомъ правѣ (v. Amira. D. altnordische Obligationenrecht II. Lpg. 1895, S. 563).

[27b]) Ст. 396 стараго и ст. 430 новаго германскаго торговаго уложенія.

своего первоначальнаго экономическаго основанія, становиться самостоятельными явленіями автогеническаго характера, независимыми отъ породившихъ ихъ гетерогеническихъ цѣнъ. Инама-Стернеггъ обратилъ вниманіе на большую устойчивость этихъ цѣнностей, именно какъ легальныхъ цѣнностей. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ различать два вопроса, а именно, во-первыхъ, вопросъ объ устойчивости реальныхъ цѣнъ во времени [28]) и, во-вторыхъ, вопросъ объ устойчивости этихъ цѣнностей, какъ легальныхъ оцѣнокъ, прилагаемыхъ къ натуральнымъ уплатамъ [29]). Первый вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи фактическихъ данныхъ, т. е. конкретныхъ показаній относительно цѣнъ. Что же касается устойчивости во времени легальныхъ тарифовъ и ихъ близости для разныхъ мѣстностей Германіи эпохи народныхъ правдъ, то ее не трудно объяснить. Во-первыхъ, поскольку уплата штрафовъ производилась натурой, платежное средство оставалось равнымъ самому себѣ [30]); лишь поскольку натура превращалась въ деньги, величина уплаты ставилась въ зависимость отъ колебаній въ ихъ цѣнности. Но всего важнѣе то, 1) что всякаго рода легальнымъ тарифамъ вообще фактически присущъ извѣстный консерватизмъ, и 2) что устанавливаются они именно ради того, чтобы устранить колеблющіяся оцѣнки возможно болѣе устойчивой нормой. Отсюда относительная долговѣчность подобныхъ легальныхъ тарифовъ и въ связи съ этимъ часто весьма условный ихъ характеръ, удаляющій ихъ отъ оцѣнокъ реальнаго мѣнового оборота. Это свойство присуще всякимъ легальнымъ тарифамъ и вообще оцѣночнымъ нормамъ, начиная съ налоговыхъ и кончая чисто статистическими [31a]).

Возможно, что цѣны предметовъ, цѣнности которыхъ указаны въ германскихъ правдахъ, были устойчивы во времени и единообразны въ пространствѣ. Это—quaestio facti, трудно поддающаяся рѣшенію. Но легальные тарифы, совершенно независимо отъ

[28]) Интересный, хотя и недостаточный, матеріалъ по этому вопросу содержится въ статьѣ Инама.

[29]) Помимо легальныхъ цѣнностей правдъ тутъ имѣютъ значеніе денежныя оцѣнки натуральныхъ оброковъ: хлѣба, вина, скота и т. п. Ср. Инама-Стернеггъ, цитир. статья, стр. 217—224.

[30]) На это указываетъ—вслѣдъ за Зетбееромъ—Инама. Цитир. статья. стр. 216.

[31a]) См. ниже.

того, каково было фактическое положеніе вещей, имѣли своимъ назначеніемъ устранять или ограничивать колебанія въ оцѣнкахъ и сами по себѣ они такъ же мало свидѣтельствуютъ объ устойчивости цѣнъ и единообразіи оцѣнокъ въ Германіи въ эпоху ранняго средневѣковья, какъ легальные тарифы «Уставной книги разбойнаго приказа» (1555 и 1620) [31b]), «Соборнаго Уложенія» (1649) и «Новоуказныхъ статей о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ» (1669)[32a]) или какъ табель нормальныхъ цѣнъ 1754 года [32b]), на основаніи которой должна была высчитываться 13% таможенная пошлина, замѣнившая внутренніе таможенные сборы, могли бы свидѣтельствовать объ устойчивости цѣнъ на тѣ или другіе предметы оборота въ Россіи въ соотвѣтствующія эпохи. Отношеніе подобныхъ тарифовъ къ рыночнымъ цѣнамъ по существу такъ сказать двойственное. Они, съ одной стороны, стремятся приблизиться къ типической средней рыночныхъ цѣнъ и представляютъ собой какъ бы чисто интуитивное опредѣленіе такой средней. Поэтому часто рядомъ съ тарифомъ и вмѣсто него мы находимъ просто ссылку на «рыночную» или «ходячую» цѣну [33a]). Съ другой стороны, самое понятіе рыночной цѣны предполагаетъ свободное образованіе цѣнъ и ихъ колебанія въ широкихъ границахъ. А легальные тарифы въ значительной мѣрѣ имѣютъ цѣлью именно устраненіе и ограниченіе такихъ колебаній, и въ этомъ смыслѣ ихъ основной принципъ находится въ неизбѣжномъ антагонизмѣ съ принципомъ рыночной цѣны[33b]). Сообразно характеру легальныхъ цѣнностей народныхъ правдъ и сферѣ ихъ примѣненія онѣ были направлены не противъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, а противъ преувеличеннаго примѣненія начала субъективнаго интереса при разнаго рода оцѣнкахъ. Съ колебаніями рыночныхъ цѣнъ власть боролась въ эту и болѣе позднюю эпоху спеціальными мѣропріятіями. Но на этомъ регулированіи мы остановимся ниже въ другомъ контекстѣ.

[31b]) Владимірскій-Будановъ. Хрестоматія по исторіи русскаго права, III², Кіевъ. 1885, стр. 43 и сл.

[32a]) Первое Полное Собраніе Законовъ № 1, гл. XXIV и № 431, ст. 75

[32b]) П. П. С. З. № 10.180 (т. XIV, Сенатскій указъ). Самую таксу см. т. XLV, Книга тарифовъ.

[33a]) Такъ напр. въ древнесѣверномъ правѣ (v. Amira D. altnordische Obligationenrecht II, Lpg 1895, SS. 683—684) и въ нашемъ правѣ XVII вѣка (см. ниже).

[33b]) Къ вопросу о соотношеніи между рыночной цѣной и легальной тарификаціей намъ придется еще вернуться.

4. Теперь же мы хотѣли бы нашъ тезисъ о томъ, что въ германскомъ правѣ эпохи народныхъ правдъ господствуетъ вольная цѣна, подкрѣпить указаніями на прямыя свидѣтельства этихъ памятниковъ права. Свидѣтельства эти особенно доказательны въ виду той несомнѣнной зависимости отъ римскаго права, которая характерна для народныхъ правдъ, и въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ вопросъ объ опредѣленіи цѣны получилъ вполнѣ категорическое разрѣшеніе. Дѣло въ томъ, что въ римскомъ правѣ позднѣйшей императорской эпохи, какъ мы это покажемъ ниже, принципъ свободнаго опредѣленія цѣны, или идея вольной цѣны, характерная для классической эпохи римскаго права, боролась съ идеей указной (справедливой) цѣны, получившей такое яркое выраженіе и въ конституціи императоровъ Діоклеціана и Максиміана 285 г. о laesio enormis, и въ Діоклеціановомъ эдиктѣ 301 г. о цѣнахъ, и въ цѣломъ рядѣ актовъ, вошедшихъ въ кодификаціи Ѳеодосія и Юстиніана, и въ политикѣ цѣнъ сенатора Кассіодора. Въ римскомъ правосознаніи, начиная съ конца 3-го вѣка по Р. Х, эти два принципа боролись съ перемѣннымъ успѣхомъ. Но въ правосознаніи германскихъ народовъ въ ту пору, когда они столкнулись съ римскимъ правомъ и начали усваивать его принципы и формулировки,—такой борьбы, очевидно, не происходило. Это правосознаніе просто отвергло принципъ указной цѣны и, наоборотъ, легко и быстро усвоило не самый принципъ вольной цѣны — его нечего было усваивать, онъ былъ и для германцевъ своимъ—а римскія формулировки, выражавшія этотъ принципъ. На принципъ, лежащій въ основѣ института laesio enormis, нѣтъ ни малѣйшаго намека въ германскихъ законахъ, отразившихъ на себѣ вліяніе римскаго права. Наоборотъ, противоположный принципъ, который характеренъ для классическаго римскаго права, и въ позднѣйшую эпоху нашелъ себѣ такое яркое выраженіе въ конституціяхъ императоровъ Діоклеціана и Максиміана 293 г. [34]), Константина 319 г., Граціана, Валентиніана и Ѳеодосія 383 и 396 гг. [35]), конституціяхъ, опрокинувшихъ конституцію Діоклеціана и Максиміана 285 г. [35b]), — въ римско-германскомъ, т. е. остготскомъ, вестготскомъ и баварскомъ правѣ получилъ, пожалуй, еще болѣе рѣзкую формулировку,

[34]) Codex Justin. 4, 44, 3, 4 et 5.
[35a]) Codex Theodos. 3, 1, 1, 4 et 7. Cf. Cod. Justin. 4, 44, 15.
[35b]) Codex Justin. 44, 4, 2.

чѣмъ у римлянъ [36]). Очевидно, что германскому правосознанію идея указной цѣны была вполнѣ чужда, если германское право оказалось совершенно неспособнымъ подхватить эту идею, столь ясно выраженную въ томъ римскомъ правѣ, съ которымъ столкнулись германцы.

5. Въ исторіи древнесѣвернаго [37]) права мы находимъ ясное подтвержденіе нашего положенія объ историческомъ соотношеніи указной цѣны и вольной. И въ древнешведскомъ и въ древненорвежскомъ правѣ указная цѣна есть позднѣйшее наслоеніе и вторичное явленіе, примыкающее къ вольной цѣнѣ [38]). Это выступаетъ съ полной ясностью особенно въ древненорвежскомъ (норвежскомъ и исландскомъ) правѣ. Въ Норвегіи съ 1282 г. нарушеніе товарныхъ таксъ дѣлаетъ сдѣлки ничтожными: продавецъ, слишкомъ дорого продавшій товаръ, карается не только денежнымъ штрафомъ, но и конфискаціей товара. Въ развитіи явленія указной цѣны на Сѣверѣ участвовалъ, конечно, какъ и всюду, средневѣковой городъ съ его своеобразными формами и учрежденіями цеховой полиціи, но въ Исландіи, напримѣръ, городская жизнь была слабо развита, а между тѣмъ тамъ полицейское регулированіе хозяйственной жизни и тѣмъ самымъ указная цѣна развернулись пышнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ общей тенденціей развитія всего болѣе поздняго средневѣковья. На этой тенденціи мы еще остановимся ниже.

---

[36]) Ср. нижеслѣдующія нормы, представляющія прямое отрицаніе конституціи de rescindenda venditione. Edictum Theoderici (относится приблизительно къ 512 г.): Placita bona fide et definita venditio a venditore rescindi non potest: sed pretium quod ab emptore debetur repetendum est (147). Lex Visigothorum (въ этой части восходитъ къ 475 г., Codex Euricianus!): «Vinditionis hec forma servetur, ut seu res aliquas seu mancipia vel quodlibet animalium genus venditur nemo propterea firmitatem venditionis inrumpat, eo quod dicat, rem suam vili pretio vindidisse (Sue enim imputet culpe, qui rem suam vili pretio vendiderit) (V. 4, 7). Почти буквально также Lex Baiuwariorum (XV, 9, 1). За этой статьей въ Lex Baiuwariorum слѣдуютъ статьи, устанавливающія отвѣтственность продавца за утаенные недостатки проданнаго, статьи, которыя мы ниже сопоставимъ съ нормами эдильскаго эдикта о томъ же.

[37]) Karl von Amira. Nordgermanisches Obligationenrecht. I Band. Altschwedisches Obligationenrecht. Leipzig 1882. II Band. Westnordisches Obligationenrecht. Leipzig 1895.

[38]) Amira I 464—466, 479—481, 545—546, 553, 576, 643. II 562—563, 569, 684, 763, 774—775.

6. То соотношеніе между вольной и указной цѣной, которое мы установили на основаніи памятниковъ германскаго права, поскольку они регулировали деликтныя обязательства, всецѣло подтверждается соотвѣтствующимъ процессомъ въ древне-греческомъ правѣ[39]).

Кровную месть смѣнило тамъ соглашеніе между преступникомъ и потерпѣвшими (αἴδεσις). Глаголъ «αἴδεσθαι означаетъ пощадить за вознагражденіе... Въ дѣлахъ о человѣкоубійствѣ, αἴδεσις есть соглашеніе, по которому виновникъ цѣной золота избавляется отъ альтернативы: смерть или изгнаніе изъ страны» [40]). «Ποινή слово, обозначающее долгъ, принимаемый на себя по отношенію къ тѣмъ, кто соглашается αἴδεσθαι» [41]). Отсюда болѣе чѣмъ вѣроятное этимологическое родство между ποινή и τιμή [42]). Въ общемъ выводѣ исторія композиціи въ греческомъ правѣ обнимаетъ три періода, изъ которыхъ послѣдній относится ко временамъ послѣ-гомеровскимъ: 1) Композиція есть мѣняющееся по величинѣ условіе мирнаго договора, или соглашенія, свободно обсуждаемаго двумя суверенными семьями. 2) Композиція есть условіе соглашенія, въ большей или меньшей степени предписываемаго противникамъ общественнымъ мнѣніемъ, и ея размѣры соотвѣтствуютъ установившимся обычаямъ; лишь вопросъ о фактѣ погашенія можетъ дать поводъ для судебнаго (третейскаго) рѣшенія, которое обязательно для обѣихъ сторонъ. 3) Композиція взыскивается съ обидчика въ пользу обиженнаго общественной судебной властью, на основаніи тарифовъ (или таксъ), установившихся путемъ обычая и закрѣпленныхъ закономъ [43]).

---

[39]) Ср. классическое изслѣдованіе Глотца: La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce par Gustave Glotz, Paris, 1904. Livre premier. Periode primitive: La famille souveraine. Chapitre IV: La transaction (αἴδεσις) et la composition (ποινή). P.p. 94—134.

[40]) Glotz, l. c. p. 104.

[41]) Ibid.

[42]) См. ниже нашъ этимологическій экскурсъ.

[43]) „Les parties les plus recentes des épopées homériques présentent donc ce très grand intérêt de nous montrer par quelle transition la ποινή fixée librement par l'offensé deviendra l'indemnité fixée obligatoirement par l'Etat.... En résumé l'histoire des compositions en droit grec comprend trois périodes, dont la dernière est postérieure aux temps homériques. 1⁰ La composition est la condition, essentiellement variable, d'un traité de paix librement débattu par deux familles souveraines. 2⁰ La composition est la condition d'un accord à peu prés imposé aux adversaires par l'opinion publique; le montant en est conforme aux usa-

Мы видѣли на германскомъ правѣ, что эволюція отъ договорной цѣны къ указной при деликтныхъ обязательствахъ можетъ быть значительно сложнѣе и, такъ сказать, дробнѣе, чѣмъ это устанавливается схемой Глотца. Но общее направленіе тоже самое: отъ деликта къ договору, отъ договора къ нормѣ, это значитъ—отъ вольной цѣны къ указной (обычной, или тарифированной въ законѣ!).

7. Чрезвычайно тщательное, основанное на обильномъ этнографическомъ матеріалѣ изслѣдованіе, которому Штейнметцъ подвергъ явленіе композиціи, рисуетъ развитіе ея въ слѣдующихъ чертахъ. Первоначальный источникъ и первыя обнаруженія композиціи слѣдуетъ искать въ потребности въ мирѣ и въ возмѣщеніи потери мужчинъ и людей вообще. Въ силу этого первыя композиціи суть усыновленія плѣнныхъ и торжества при заключеніи мира. Путь къ композиціи былъ проложенъ искупомъ мести за похищеніе женщинъ, покупкой невѣстъ. Сильное развитіе эти формы искупа получили лишь съ тѣхъ поръ, что создалось накопленіе богатствъ и развилось стяжаніе. Формой композиціи первоначально являлось все, что по первобытнымъ понятіямъ могло тѣснѣе сблизить ранѣе враждебныя группы; отсюда—усыновленіе, отдача женщинъ въ жены, трапезы, знаменующія миръ. Постъ и Липпертъ принимаютъ двѣ стадіи композиціи; первая, когда принятіе цѣны крови зависѣло отъ доброй воли того, на комъ ле-

ges etablis; seule la question de quittance peut donner lieu a un arbitrage, qui doit être acceptè par les deux parties. 3º La composition est exigée de l'offenseur au profit de l'offensé par juridiction sociale, suivant des tarifs empruntés à la coutume et fixées par la loi". Glotz, l. c. p. 134. То же самое можно установить и относительно римскаго права. Ср. Гусаковъ, l. c. 118–119.

Ср. также O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1907, II Teil. S. 413: „Alle nicht in den Kreis des â'gas—ἄγος fallenden Uebeltaten waren in der indogermanischen Zeit noch der Privatrache überlassen... Hierbei müssen sich im Laufe der Zeit mehr oder weniger feste Sätze ausgebildet haben. So werden z. B. ubereinstimmend 100 Kühe als Wergeld für den erschlagenen Mann bei Indern, Germanen und Slaven genannt. Aber auch alle übrigen der Privatrache überlassenen Übeltaten (Körper- und Sachverletzungen, Beleidigungen, Notzucht u. s. w.) werden es allmählich zu gewohnheitsmässigen Taxen gebracht haben, gegen deren Zahlung man von der Wiedervergeltung abstand. Diese Taxen werden, je mehr die Selbsthilfe vom Staate absorbiert wird, durch die Gesetzgeber als Strafen übernommen". О смыслѣ â'gas=ἄγος см. Schrader l. c. S. 400 u. ff. а также Reallexikon SS. 904—906.

жало мщеніе, вторая, когда, разъ предлагался искупъ, было обязательно принимать его. Штейнметцъ считаетъ болѣе правильнымъ различать три стадіи: 1) композиція состоитъ въ настоящемъ заключеніи мира послѣ кровавой распри и всякій разъ обусловливается особыми обстоятельствами и носитъ свободный, импровизованный характеръ; здѣсь не можетъ быть рѣчи ни объ обязательности (Zwang), ни о нормировкѣ цѣны (Taxe) [44]); 2) композиція становится общимъ правиломъ, но часто является лишь заключительнымъ звеномъ цѣлой борьбы; иногда цѣна крови отвергается. Постоянное примѣненіе композиціи естественно вырабатываетъ устойчивыя оцѣнки; 3) уплата и принятіе виры обязательны и совершаются тотчасъ, согласно установленной обычаемъ или даже прямо вписанной въ законъ таксѣ; лишь при неуплатѣ виры имѣетъ мѣсто кровная месть.

Пока композиція совершается помимо вмѣшательства высшей власти и между двумя суверенными группами, она носитъ характеръ вольной мировой сдѣлки, что уже само по себѣ исключаетъ возможность постоянной таксы штрафныхъ уплатъ.

Эти выводы [45]) всецѣло подтверждаютъ наше положеніе объ историческомъ приматѣ вольной цѣны надъ указной.

8. Мы видѣли, что кодексъ Хаммурапи регулируетъ цѣны лишь однѣхъ услугъ, умалчивая о цѣнахъ товаровъ. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что это умолчаніе неслучайное, что для товаровъ — въ отличіе отъ особо поименованныхъ услугъ — въ древнемъ Вавилонѣ наблюдалось свободное образованіе цѣнъ. Нѣтъ, насколько я могу видѣть, ни малѣйшихъ указаній на нормировку цѣнъ товаровъ въ Вавилонѣ эпохи Хаммурапи (2100 г. до Р. Хр.) [46a]). Совершенно иную картину являетъ гораздо болѣе позднее индійское право, извѣстное намъ изъ

[44]) Въ юго-восточной Австраліи кровавая месть замѣняется иногда мирнымъ обмѣномъ благъ. „Здѣсь—замѣчаетъ Хоуиттъ—мы видимъ процедуру, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ могла бы развиться въ обычай, подобный Wergeld'у германскихъ племенъ" (l. c. 715). Когда стороны не приходятъ къ соглашенію,—между сошедшимися для мѣны сторонами начинается борьба по всѣмъ правиламъ (l. c. 328—330).

[45]) Dr S. R. Steinmetz. Ethnologische Studien zur ersten Entwickelung der Strafe nebst einer psychologischen Abhandlung über Grausamkeit u. Rachsucht. I B. Leipzig—Leyden. SS. 410, 469—471.

[46a]) Покупать „безъ свидѣтелей или договора" (= документа, или грамоты) было запрещено по закону Хаммурапи (ст. 7). А документъ

священныхъ законниковъ съ знаменитымъ Ману во главѣ [46b]) Индійское право предписывало покупателю покупать на правильныхъ рынкахъ, при свидѣтеляхъ, въ обычное рыночное время, у честныхъ продавцевъ и по соотвѣтствующимъ цѣнамъ [47]). Все торговое право проникнуто началами контроля и регулированія, фискальные и полицейскіе мотивы котораго выступаютъ чрезвычайно явственно:

> «Пусть царь назначитъ нормы для покупки и продажи всѣхъ рыночныхъ продуктовъ, принявъ надлежащимъ образомъ во вниманіе, откуда идутъ эти товары, куда они направляются, какъ долго они хранились, ихъ вѣроятную прибыточность и вѣроятныя издержки» (кн. VIII, ст. 401 «законовъ Ману) [48]). «Разъ по прошествіи каждыхъ пяти ночей или по истеченіи двухъ недѣль пусть царь публично назначитъ цѣны, по которымъ должны продавать купцы» (тамъ же, ст. 402) [49]).

Позднѣйшій законникъ Yâjnavalkya [50]), заключающій гораздо болѣе детальныя нормы частнаго и, въ особенности, торговаго

удостовѣрялъ, что сдѣлка нерушима, что продавецъ получилъ „цѣну сполна" и что „сердце его удовлетворено". Ср. эти обычныя формулы древневавилонскихъ актовъ купли-продажи въ собраніи Колера и Унгнада (Hammurapis Gesetz. Band III. Uebersetzte Urkunden. Erläuterungen. Leipzig. 1909 №№ 241—439).

[46b]) Въ существенныхъ своихъ частяхъ кодексъ Ману относится самое позднее къ 2—3 вѣкамъ по Р. Хр. (прежде его считали гораздо болѣе древнимъ). Grundriss der indo-arischen Philologie u. Altertumskunde herausgegeben von G. Bühler. Recht u. Sitte von J. Jolly. Strassburg. 1896. S 16.

[47]) l. c. 110.

[48]) Въ англійскомъ переводѣ Бюлера: Let (the king) fix (the rates for) the purchase and sale of all marketable goods, having (duly) considered whence they come, whither they go, how long they have been kept the (probable) profit and the (probable) outlay... The Laws of Manu translated with extracts from seven Commentaries by G. Bühler. The sacred books of the East, translated by various oriental scholars Edited by F. Max Müller, Vol. XXV Oxford 1886, p. 324.

[49]) Once in five nights, or at the close of each fortnight let the King publicly settle the prices for the (merchants), l. c.

[50]) Относится къ IV вѣку по Р. Хр. и по возрасту, повидимому, непосредственно примыкаетъ къ Manu, Jolly l. c., S. 21. Издатель этого памятника Штенцлеръ (см. цит. ниже изданіе, Vorrede XI) помѣщаетъ его между 2-мъ и 5-мъ вѣками по Р. Хр.

права, чѣмъ Manu, среди разныхъ другихъ предписаній рыночной полиціи содержитъ такія правила:

«Люди, которые соединяются и назначаютъ цѣну въ ущербъ рабочимъ и ремесленникамъ, хотя они знаютъ о повышеніи или паденіи цѣны, должны быть наказаны наивысшимъ денежнымъ штрафомъ» (книга II, ст. 249).

«На купцовъ, которые соединяются и устраняютъ какой-либо товаръ неправильной цѣной или продаютъ его по такой цѣнѣ, налагается наивысшій денежный штрафъ» (тамъ же, ст. 250).

«Ежедневная продажа и закупка должна производиться по цѣнѣ, которая будетъ назначена царемъ; избытокъ отъ нея долженъ быть прибылью купцовъ» (тамъ же, ст. 251).

«На товарѣ туземнаго происхожденія купецъ долженъ заработать пять процентовъ, на заграничномъ товарѣ—десять процентовъ, если онъ тотчасъ перепродаетъ этотъ товаръ» (тамъ же, ст. 252).

«Къ товару онъ (купецъ) долженъ присчитать издержки, которыя причинилъ товаръ, и назначить такую цѣну, которая пріятна покупателю и продавцу» (тамъ же, ст. 253).

«За назначеніе цѣны царь долженъ брать себѣ двадцатую долю; если что-либо будетъ продано, продажа чего запрещена или оставлена за царемъ, то все это цѣликомъ идетъ въ пользу царя» (тамъ же, ст. 261) [51a]).

Это чрезвычайное вмѣшательство власти въ торговый оборотъ совершенно очевидно не есть нѣчто первобытное. Въ какой мѣрѣ предписанія и наставленія такихъ «законниковъ», какъ Manu и Yâjnavalkya, воплощались въ жизни, конечно,—совершенно особый вопросъ, который требовалъ бы спеціальнаго критическаго разсмотрѣнія со стороны индіанистовъ [51b]). Одно несомнѣнно: здѣсь полицейско-фискальное регулированіе торговли и рынка, при которомъ «на бумагѣ» указная цѣна вполнѣ вытѣснила вольную, есть одна изъ чертъ довольно сложнаго хозяйственнаго быта. Въ этомъ хозяйственномъ бытѣ поражаетъ огромное развитіе цеховъ и гильдій, т. е. промышленно-торговыхъ объединеній, на

[51a]) Yâjnavalkya's Gesetzbuch. Sanskrit und deutsch herausgegeben von Dr. Adolf Fredrich Stenzler. Berlin-London 1849, SS. 79–81.

[51b]) С. Ѳ. Ольденбургъ, любезно отвѣчая на мой запросъ, пишетъ мнѣ, что «книги законовъ относительно затронутыхъ вами вопросовъ, повидимому, близко отражали жизнь».

которыя возложены функціи управленія и которыя, въ частности, участвуютъ въ рыночной полиціи [52]). Если мы припомнимъ, какую роль играла рыночная полиція въ цеховомъ строѣ Европы и даже въ его возникновеніи [53]), то аналогія съ европейскимъ средневѣковьемъ должна показаться идущей очень далеко, тѣмъ болѣе, что с заимствованіи институтовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи [54]).

III.

1. Проблема историческаго соотношенія между вольной и указной цѣной въ римскомъ правѣ. Господство вольной цѣны въ римскомъ правѣ (стр. 142 — 144) 2. Теорія Kaulla. Она опирается только на доктринальный предразсудокъ „философской" соціологіи и несогласуема съ фактами. Формальное право покровительствуетъ продавцу (стр. 144—152). 3. Развитіе хозяйственнаго оборота привело къ охранѣ покупателя. Двигателями охраны покупателей явились эдилы, въ качествѣ власти надъ рынкомъ. Эдильскій эдиктъ—специфическая охрана покупателя (стр. 152—158). 4. Но какъ ни далеко заходила эдильская охрана покупателя, римское гражданское право не оспаривало свободы установленія цѣнъ. (стр. 158—161).

1. Проблема историческаго соотношенія между вольной и указной цѣной можетъ быть всего лучше прослѣжена въ римскомъ

[52]) Ср. Dahlmann. Das altindische Volkstum und seine Bedeutung für die Gesellschaftslehre. Köln a/Rh. 1889. Ch. Lassen. Ueber die altindische Handelsverfassung въ Zeitschrift der deutsch. morgenländischen Gesellschaft XVI (1862), SS. 427—438 и сводную характеристику хозяйственнаго быта Индіи у Bouglé, Essais sur le régime des castes. Paris, 1908 (См. мой рефератъ этой книги въ Извѣстіяхъ СПБ. Политехнич. Института за 1908 г.). Цеховыя организаціи однако гораздо старше законниковъ. Имѣются указанія на существованіе цеховыхъ организацій въ Индіи уже въ IV в. до Р. Хр. Такъ называемые «цеховые знаки», «guild tokens» относятся къ этой эпохѣ. Ср. G. Bühler Indian Studies III² p. 49. E. I. Rapson Indian Coins. § 6 съ соотв. таблицей. Strassburg 1898. Приношу благодарность С. Θ. Ольденбургу, указаніями котораго я здѣсь пользуюсь.

[53]) Я имѣю въ виду особенно блестящія соображенія у Keutgen. Aemter und Zünfte, Jena 1903, S. 131 u. ff., къ которымъ я еще вернусь въ другомъ контекстѣ.

[54]) Если и можетъ быть рѣчь о какомъ-либо прямомъ вліяніи, то о вліяніи греко-римскаго права на индійское. Какъ извѣстно, кодексъ Narada, относящійся приблизительно къ 500 г. по Р. Хр., упоминаетъ монету dinara, что указываетъ на заимствованіе изъ Греціи (ср. Jolly l. c. 23). Дарестъ прямо и ставитъ по этому поводу вопросъ о вліяніи римскаго права на индійское. R. Dareste. Etudes d'histoire du droit. Deuxième édition. Paris, 1908, pp. 98—99, статья Les anciens codes brahmaniques.

правѣ, которое такъ полно разработало институты частнаго права. Здѣсь именно ясность и полнота юридическихъ опредѣленій даютъ возможность усвоить основныя линіи процесса.

Ни въ греческомъ, ни въ римскомъ правѣ до поздней императорской эпохи мы не встрѣчаемъ того общаго регулированія цѣнъ властью, которое мы только что отмѣтили въ правѣ индійскомъ. Ни гражданское право Аттики, ни римское гражданское право эпохи 12 таблицъ не знало указной цѣны. Высота цѣны предоставлялась свободному соглашенію сторонъ. Въ это, да и въ позднѣйшее время, цѣна есть для римлянъ абсолютно существенный элементъ договора купли-продажи. Въ связи съ этимъ римское право этихъ эпохъ совершенно не знаетъ понятія нормальной цѣны или нормативной цѣнности, которая въ случаѣ отсутствія на этотъ счетъ опредѣленно выраженной воли сторонъ, получала бы субсидіарное значеніе. Римскому праву, древнему и классическому, чужда мысль, что цѣнность = истинная, справедливая цѣна вещи при случаѣ можетъ быть признана за продажную цѣну даннаго объекта [55]). Лишь римское право III-го вѣка по Р. Хр. приходитъ къ этой мысли — и мы увидимъ, какими сложными путями.

По законодательству эпохи XII таблицъ было только два основанія, по которымъ могъ быть опороченъ договоръ купли-продажи, совершенный въ торжественной формѣ манципаціи.

I. Случай т. н. эвикціи (Entwehrung [56]), очистки), когда продавецъ продалъ вещь ему непринадлежащую, и та была изъята

[55]) „Vor allem giebt es nach römischer Auffassung keinen rechtlich bestimmten Normalpreis, der in Ermangelung ausdrücklicher genügender Festsetzung subsidiär zur Geltung gelangen könnte. Der Preis wird in jedem einzelnen Falle geschaffen durch den vertragsmässig geeigneten Willen der Parteien, die Preisbestimmung ist ein ebenso wesentliches Element des Vertrages wie die Bestimmung des Kaufobjektes. Insbesondere ist dem Römischen Recht der Gedanke dass der Wert der Sache, das pretium in diesem Sinne, oder das verum und justum pretium, eventuell auch der Kaufpreis sei, völlig unbekannt geblieben; wie denn auch erst in der späteren Zeit der Werth in allgemeinerer Weise zum rechtlich relevanten Masstabe des Preises gemacht worden ist (laesio enormis)" Bechmann. D. Kauf nach gemeinem Recht. Erlangen 1889. II, 338—339.

[56]) См. смыслъ и происхожденіе этого термина Windscheid. Pandecten. II Band. 9 te Auflage bearb. von Th. Kipp. Frankfurt a/M. 1906 § 391.

изъ владѣнія покупателя. Тутъ вступала въ силу т. н. actio auctoritatis [57]).

II. случай продажи земли съ невѣрнымъ обозначеніемъ ея размѣровъ [58]). Тутъ примѣнялась actio de modo agri.

Только въ этихъ двухъ случаяхъ первоначальное «цивильное» право ограждало покупателя. Это чисто пенальные иски: въ основаніи ихъ лежитъ дѣйствіе, которое римляне разсматривали какъ деликтъ. Здѣсь возникаетъ вопросъ именно о деликтѣ и штрафѣ за него—продавецъ вещи, которая подвергалась эвикціи, присуждался in duplum [59]), а вовсе не вопросъ о соотвѣтствіи уплаченной цѣны и объекта, даннаго за нее. Цѣна устанавливается совершенно свободно, и продавецъ даже не гарантируетъ покупателю ничего, кромѣ указанныхъ двухъ условій: 1. того, что проданная вещь не будетъ эвинцирована и 2. относительно земельнаго участка—того, что онъ соотвѣтствуетъ объявленному продавцомъ размѣру; ни за какіе «пороки» вещи продавецъ по первоначальному римскому праву не отвѣчаетъ передъ покупателемъ.

2. Это абсолютное господство вольной цѣны въ первоначальномъ римскомъ правѣ вызываетъ изумленіе тѣхъ изслѣдователей, которые раздѣляютъ доктринальное убѣжденіе «философской» соціологіи, что соціально-фиксированная, или указная цѣна предшествуетъ вольной, что для примитивныхъ общественныхъ отношеній указная цѣна есть нѣчто «естественное». Поэтому фактъ господства вольной цѣны въ древнемъ Римѣ привелъ къ созданію цѣлой теоріи, его объясняющей [60]). Съ одной стороны указывается

[57]) Объ actio auctoritatis ср. Girard-Mayr. Geschichte u. System des römischen Rechtes. Berlin 1908, гдѣ резюмирована его собственная работа, напечатанная въ Nouvelle Revue Historique 1882—1884. Bechmann. Geschichte des Kaufes im römischen Recht. Erlangen 1875, Rabel. Die Haftung d. Verkäufers wegen Mangels im Recht. I Geschichtliche Studien über den Haftungserfolg. Leipzig 1902, а также Гусаковъ l. c.

[58]) Манципація при продажѣ земельныхъ участковъ не требовала передачи предмета in natura. Ср. Max Weber. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats-und Privatrecht. Stuttgart. 1891. S. 79.

[59]) Ср. Rabel съ интересными сравнительно-историческими сближеніями l. c. SS. 131—132.

[60]) Rudolf Kaulla. D. Wertbegriff im römischen Recht въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. LVIII (1902), Ss. 385 — 431. Въ сокращенномъ видѣ въ книгѣ того-же автора: Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. Tübingen. 1906.

на то, что «поскольку цѣны управляются обычаемъ, это обыкновенно имѣетъ мѣсто при такихъ сдѣлкахъ, которыя совершаются между членами одного и того же племени». А между тѣмъ «еще до начала заморской торговли, существовалъ постоянный торговый оборотъ между итальянскими общинами... Въ обмѣнѣ между различными италійскими общинами господствовало исключительно стремленіе къ наивысшей прибыли, стремленіе возможно дороже продать, возможно дешевле купить. Когда позже область примѣненія римскаго jus civile раздвинулась за предѣлы римской волости, и общинамъ латинскаго союза было дано участіе въ римскомъ jus civile, тогда духъ, господствовавшій раньше надъ торговымъ оборотомъ ихъ между собой, не сразу измѣнился. Равенство на почвѣ частнаго права, правда, объединяло ихъ всѣхъ. Но никакой къ чему-либо обязывающій обычай не сдерживалъ стремленія къ пріобрѣтенію» [61]).

Такъ же, какъ въ сношеніяхъ различныхъ общинъ между собой,—обстояло дѣло и внутри общества въ отношеніяхъ между различными классами гражданъ. Плебеи были должниками патриціевъ, и послѣднимъ было выгодно строгое право, дозволявшее при установленіи цѣнъ ничѣмъ неограниченное преслѣдованіе эгоистическаго интереса покупателей, каковыми, при вызываемой постоянными войнами задолженности массы населенія, являлись знатные и богатые, — патриціи. Примѣненіе же этого строгаго права находилось какъ разъ въ рукахъ патриціата. Патриціямъ было невыгодно «воплощать въ правѣ такое пониманіе цѣнности, которое признавало бы и другія цѣны, кромѣ тѣхъ, которыя слагались въ каждомъ данномъ случаѣ при полномъ использованіи конкретнаго положенія контрагентовъ» [62]).

Теорія Kaulla ни на что, кромѣ доктринальнаго соціологическаго предразсудка объ историческомъ приматѣ указной цѣны надъ вольной, не опирается. Нельзя въ самомъ дѣлѣ считать особымъ доказательствомъ въ пользу ея ссылку на Lex Aternia Tarpeja (454 г. до Р. Хр.), законъ, по которому ставки при legis actio sacramento, которыя раньше были нормированы въ скотѣ, были

[61]) Kaulla l. c. 394—395.

[62]) Ib. „im Rechte etwa eine Weltanschauung zur Geltung zu bringen die anderen Preisen Berechtigung gegeben hätte, als denen wie sie von Fall zu Fall unter voller Ausnützung der konkreten Sachlage sich gestalteten".

оцѣнены на металлическія деньги, причемъ отношеніе между овцой и крупнымъ рогатымъ скотомъ было принято какъ 10 : 1 [63]), и на Lex Julia Papiria (430 до Р. Хр.), законъ, который по той же нормѣ превратилъ прежнія пени скотомъ въ денежныя [64]). Изъ этихъ фактовъ вытекаетъ, по мнѣнію Kaulla, что тогда было еще живо сознаніе того, что коровы и овцы согласно обычаю находились между собой въ прочномъ цѣнностномъ отношеніи, на основаніи котораго по цѣнности 10 овецъ приравнивались одному быку [65]). А потому можно принять, что «въ то время обычай опредѣлялъ цѣны и другихъ благъ, которыя относительно часто обращались между членами общества,—и стало быть также цѣнностное отношеніе традиціонныхъ мѣновыхъ объектовъ къ мѣди, которая при mancipatio формально требовалась въ качествѣ эквивалента и которая въ Италіи уже въ раннія эпохи фигурировала въ качествѣ обычнаго орудія обмѣна» [66]).

Превращеніе предписываемыхъ закономъ платежей изъ одной формы (скотъ) въ другую (металлъ) нисколько, конечно, не доказываетъ того, что цѣны принудительно регулировались обычаемъ. Такое превращеніе предполагаетъ только одно—образованіе типическихъ цѣнностей, которымъ могъ бы быть присвоенъ нормативный характеръ. Но этотъ нормативный характеръ въ данномъ случаѣ имѣетъ лишь весьма ограниченное, чисто подсобное значеніе и говорить, что такой нормой принудительно регулируется весь мѣновой оборотъ, совершенно невозможно.

Болѣе того, именно въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ показываютъ источники, самое превращеніе натуральныхъ уплатъ въ денежныя опредѣлялось колебаніями въ оцѣнкѣ

---

[63]) Aul. Gell. XI, 1, 2. Dyon. Halic. X, 48—50. Festus s. v. peculatus.

[64]) Tit. Liv. IV, 30. Cic. de rep. II, 35. Рѣчь шла не только объ измѣненіи формы, но и объ измѣненіи въ сравнительной оцѣнкѣ крупнаго и мелкаго скота. „Ex eo, quod L. Papirius P. Pinarius censores multis dicendis vim armentorum a privatis in publicum averterant levis aestumatio pecudum in multa lege C. Julii P. Papirii consolum constituta est" (Cicero l. c.). Ср. объ обоихъ этихъ законахъ Mommsen, Geschichte d. römischen Münzwesens, Berlin 1860, S. 175—176. Моммсенъ сомнѣвается въ „исторической реальности" этихъ законовъ. Ср. также Iulius Binder. Die Plebs. Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig 1909, SS. 474—475, 481.

[65]) Kaulla l. c. 390—391.

[66]) Ib.

«натуры», даваемой въ уплату, колебаніями, изъ которыхъ вытекала неравномѣрность штрафа[67]).

Вообще понятіе «соціально-фиксированной цѣны» (Зиммель) и понятіе «господства обычая (традиціи) надъ процессомъ образованія цѣнъ» (Kaulla) тѣмъ неясно и противорѣчиво въ себѣ, что, поскольку «обычная» цѣна есть типическая цѣнность въ нашемъ смыслѣ, она предполагаетъ вольную цѣну и есть ея производная, а потому не можетъ и не должна быть противополагаема вольной цѣнѣ. Отсюда, между прочимъ, явствуетъ, что приматъ вольной цѣны является не только историческимъ фактомъ, но и логической необходимостью, разъ перемѣщеніе благъ принимаетъ форму настоящаго цѣнностнаго «обращенія».

Далѣе — и это самое главное — формальное право покровительствуетъ вовсе не покупателю, а продавцу. Это происходитъ само собой, ненамѣренно. Покровительство продавцу со стороны формальнаго права вытекаетъ просто изъ того, что, при формальномъ построеніи возмезднаго перемѣщенія благъ и при условіи денежнаго обмѣна, продавецъ по общему правилу находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ покупатель: онъ всегда знаетъ, что онъ продаетъ, тогда какъ покупатель можетъ не знать недостатковъ пріобрѣтаемаго предмета[68]). Между тѣмъ, согласно теоріи Kaulla, именно экономически слабѣйшіе, которыхъ онъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, отождествляетъ съ плебеями и противъ которыхъ якобы направлялось strictum jus, являлись продавцами!

Въ основѣ критикуемой нами теоріи лежитъ также и непониманіе того, что подъ ритуально близкими формами mancipatio и nexum, которыя формально, быть можетъ, даже совпадали[69]), все-таки скрывались различныя юридическія отношенія и различныя экономическія явленія: заемъ,

[67]) Aul. Gell. XI, 1. 2: Cum eiusmodi multa pecoris armentique a magistratibus dicta erat, adigebantur boves, ovesque, alias pretii parvi, alias maioris, eaque res faciebat inaequalem multae poenitionem. Idcirco postea lege Aternia constituti sunt in oves singulas aeris deni; in boves aeris centeni. Къ тому же сводится и указаніе Цицерона въ вышеприведенной цитатѣ о Lex Julia Papiria.

[68]) Ср. Bechman. Geschichte, S. 109.

[69]) Вопросъ о nexum и, въ частности, объ его отношеніи къ mancipatio чрезвычайно спорный, породившій цѣлую литературу. Ср. Girard-Mayr, l. c. SS. 519—526, Mitteis ниже цитированное сочиненіе, SS. 136—144. Schlossmann l. c. SS. 1—24.

если не совпадающій съ кабалой, то приводившій къ ней—это nexum, и купля-продажа, это—mancipatio. Формализмъ строгаго права покровительствовалъ въ займѣ кредитору, въ куплѣ-продажѣ—продавцу. Если можно безъ особой натяжки принять, что кредиторъ, по сравненію съ должникомъ, въ общемъ скорѣе экономически сильная сторона, чѣмъ наоборотъ, что въ частности римскіе obaerati (или nexi) были жертвами нужды и ростовщичества, и что строгое право въ этомъ случаѣ еще усиливало позицію экономически сильной стороны, то въ куплѣ-продажѣ экономическое соотношеніе силъ отнюдь не можетъ считаться ни a priori опредѣленнымъ, ни еще менѣе исторически яснымъ во всѣхъ случаяхъ. Покупатель и продавецъ отнюдь не могутъ быть безъ дальнѣйшихъ разсужденій разсматриваемы, какъ простыя и недвусмысленныя «классовыя» фигуры. А это значитъ, что та эволюція обязательственнаго права отъ формализма къ консенсуализму, которая заключаетъ въ себѣ измѣненіе взаимоотношенія продавца и покупателя, имѣетъ свою собственную логику, независимую отъ классовыхъ отношеній и классовой борьбы, и въ частности отъ той ея классической для древности формы, которую представляла борьба должниковъ и кредиторовъ.

Такимъ образомъ, теорія Kaulla представляетъ клубокъ противорѣчій. Факты сложной правовой эволюціи въ ней насильственно подогнаны подъ схему, съ одной стороны, простой и прямой зависимости права и его уклада отъ классовой борьбы, съ другой стороны, подъ схему, предполагающую простую и прямую смѣну «обычной» цѣны, понимаемой въ смыслѣ «указной», цѣною вольной.

Эта теорія являетъ любопытный примѣръ, какъ для того, чтобы оправдать доктринальное обобщеніе философской соціологіи, не имѣющее никакой опоры въ источникахъ, выдумываются объясненія, уже явно несообразныя. Если уже искать какого-либо объясненія для того абсолютнаго господства вольной цѣны въ римскомъ цивильномъ правѣ, которое такъ удивляетъ Kaulla, то такое объясненіе слѣдуетъ видѣть не въ указаніи на племенной и классовый эгоизмъ. Реально-психологически это явленіе не можетъ не быть сродни достаточно извѣстному формализму римскаго права, генетически связывающему это право съ религіей и культомъ[70]. Именно этотъ формализмъ, получившій

[70]) Связь эта въ настоящее время признается довольно отдаленной. Ср. Mitteis l. c. SS. 22—30.

такое яркое выраженіе въ формулѣ: cum nexum faciet mancipiumque uti lingua nuncupassit ita jus esto, устранялъ или точнѣе до послѣдней степени съуживалъ возможность обсужденія сдѣлокъ купли-продажи по внутреннимъ моментамъ. Вотъ почему, когда римское право очищается отъ былого «наивнаго» формализма, тогда не только форма договора, но и истинная воля контрагентовъ начинаетъ получать значеніе, соотвѣтствующее понятію bona fides,—и этотъ переворотъ совершаютъ именно преторы и эдилы, которые творили право внѣ рамокъ обычнаго строгаго цивильнаго права, съ его формализмомъ торжественныхъ дѣйствій и словъ. То постепенное освобожденіе отъ обрядоваго формализма стараго цивильнаго права, которое отъ mancipatio и nexum черезъ стипуляцію ведетъ къ консенсуальнымъ договорамъ, означаетъ торжество въ правѣ внутреннихъ, волевыхъ моментовъ надъ внѣшними, обрядовыми [71]). Это торжество было несомнѣнно обусловлено развитіемъ экономическаго оборота. Вѣдь то абсолютное господство «вольной» цѣны, которое обезпечивалось неумолимымъ «реальнымъ» формализмомъ манципаціи, было грубо внѣшнимъ, покупалось очень дорогой для гражданскаго оборота цѣной. Вопреки Kaulla оно вовсе не означало свободы и легкости оборота, а налагало на послѣдній невыносимыя путы. Та почти абсолютная нерушимость манципаціонной сдѣлки, какой требовалъ формализмъ права, отдавала не только и не столько экономически слабаго во власть экономически сильнаго, сколько добросовѣстнаго контрагента во власть недобросовѣстнаго. Именно развитіе оборота, его подвижность требовала менѣе неуклюжихъ, болѣе удобныхъ юридическихъ формъ, которыя считались бы и съ существомъ, а не только съ формой сдѣлокъ. Этихъ новыхъ формъ искало и ихъ создавало jus honorarium и, въ частности, то право, которое творили эдилы, полицейская власть надъ рынкомъ.

[71]) Je strenger... der Formalismus, desto geringer die Bedeutung des eigentlichen Motors alles Handelns, desto geringer die Fähigkeit der Rechtsnormen, dem ewig wechselnden Willen in seiner unerschöpflichen Mannigfaltigkeit zu folgen. Im Rechte der ältesten Zeit ist der formlos geäusserte Wille völlig bedeutungslos; aber auch im formellen Rechtsgeschäft überwiegt das Schematische. Die Parteienintention im einzelnen Fall tritt weit in den Hintergrund zurück, und nur in sehr verdeckter Weise gelangt der Wille zur Erscheinung. Wenn aus den Formen, mit welchen das Recht der Zwölftafelperiode die Verträge (mancipatio, nexum)

Теорія Kaulla явно несостоятельна и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, болѣе того она есть сплошная фантастика, разсыпающаяся при сопоставленіи съ фактами.

Во-первыхъ, господство вольной цѣны, характерное прежде всего для jus civile, она объясняетъ духомъ, которымъ были проникнуты первоначально отношенія между гражданами и перегринами, т. е. отношенія въ той сферѣ, въ которой именно и родились нормы болѣе свободнаго права!

Во-вторыхъ, какъ извѣстно, именно правотворческая дѣятельность магистратовъ создала болѣе свободное jus honorarium.

Между тѣмъ по теоріи Kaulla, магистраты, какъ выходцы изъ патриціата, должны были въ интересахъ своего класса держаться за строгое цивильное право, якобы покровительствовавшее покупателямъ!

Это разсужденіе явно несостоятельно. Ибо, если принимать господствовавшее до послѣдняго времени воззрѣніе на эпоху возникновенія преторскаго права и датировать это возникновеніе примѣнительно къ Lex Aebutia (вторая половина VI-го вѣка ab u. c.), то, вѣдь, уравненіе между патриціями и плебеями въ правахъ на занятіе высшихъ должностей произошло задолго до этой даты [преторство стало доступно плебеямъ въ 417 ab u. c. = 337 до Р. Хр. [72])].

bekleidet hat, auf das Wesen derselben ein Schluss gestattet ist, dann waren diese Geschäfte ursprünglich insgesammt nicht nur Formal-, sondern zugleich auch Realcontracte. Im Formalvertrag der späteren Zeit, in der Stipulation findet sich zwar keine Spur mehr des realen Elements, dennoch war auch im Verbalcontract die Alleinherrschaft des Parteiwillens noch keine vollständige. Auch in der Stipulation kommt der Wille nur so weit in Betracht, als er in deutliche Worte gekleidet ist (obligatio stricti judicii) und erst mit der Anerkennung der vier Consensualcontracte hatte das Willensmoment — wenn auch nur auf beschränktem Gebiete—vollkommene Gleichberechtigung mit der res als klagerzeugender Thatbestand errungen (obligatio bonae fidei). Erst damit war für das römische Recht der Endpunkt jener langwierigen Entwicklung erreicht, die sich durch ein immer energischeres Hervortreten des ursprünglich unbeachtet gebliebenen geistigen Elementes charakterisirt. Moritz Wlassak Z. Geschichte der negotiorum gestio. Eine rechtshistorische Untersuchung. Jena 1879, SS. 64—65.

[72]) Ср. Mommsen Römische Forschungen I² Berlin 1864, S. 96 и K. I. Neumann Römische Staatsaltertümer въ Gercke-Norden. Einleitung in die Altertumswissenschaft, III. Leipzig 1912, S. 398).

Если же склониться къ мнѣнію Миттейса [73]) о гораздо болѣе раннемъ развитіи «гонорарнаго» права [предшествующемъ, можетъ быть, даже открытію (фактическому) преторства и курульнаго эдильства для плебеевъ], то, значитъ, магистраты создавали болѣе свободное право, несмотря на свою принадлежность къ патриціату.

Но вообще связывать формальное право XII таблицъ съ «классовымъ» господствомъ патриціата, а проникновеніе болѣе свободныхъ началъ объяснять побѣдой плебейскихъ интересовъ—значитъ просто фантазировать на тему о классовой борьбѣ въ древнемъ Римѣ. Сословная политическая борьба патриціевъ (дворянъ) и плебеевъ (простого народа), конечно, переплеталась съ классовыми экономическими отношеніями, но въ «классовую» рамку она вовсе не укладывается [74]).

Развитіе же купли-продажи отъ формализма къ консенсуализму относится къ такой эпохѣ, когда не только о «классовой», но и вообще о какой-либо борьбѣ патриціевъ и плебеевъ совершенно не можетъ быть рѣчи. Если даже признавать, что edictum aedilitium восходитъ къ эпохѣ Плавта [75]), то вѣдь въ это время

---

[73]) Ср. Mitteis. Römisches Privatrecht bis auf die Zeit Diokletians I Leipzig 1908. SS. 38—61.

[74]) Ср. Eduard Meyer статья Plebs въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften. Zweiter Supplementband: Lpg. 1897. SS. 659—666. Schlossmann. Altrömisches Schuldrecht u. Schuldverfahren Leipzig 1904, S. 55. Считать ли вмѣстѣ съ К. І. Нейманномъ плебсъ первоначально крѣпостными патриціевъ (Ср. его Die Grundherrschaft der römischen Republik, die Bauernbefreiung und die Entstehung der servianischen Verfassung. Strassburger Kaiserrede 1900) или вмѣстѣ съ Биндеромъ покоренными латинцами въ противоположность покорителямъ - патриціямъ, сабинянамъ (Ср. его Die Plebs), борьба между плебеями и патриціями носитъ вовсе не тотъ простой чисто соціальный характеръ борьбы между кредиторами и должниками, какой ей приписывала историографія древнихъ, которая проицировала въ древность хорошо знакомые ей соціальные конфликты гораздо болѣе поздней эпохи. „Der Gegensatz zwischen den beiden Volksklassen in Rom (ist) nicht, wie es die antike Pseudopragmatik getan hat, als ein sozialer und wirtschaftlicher, sondern als ein politischer aufzufassen" (Binder, l. c. S. 373).

[75]) Плавтъ умеръ въ 184 г. до Р. Х. Вопросъ о возрастѣ эдильскаго эдикта спорный. См. Bechmann Geschichte. d. Kaufes, S. 396 и Girard-Mayr, l. c. S. 613. „Сословную" хронологію высшихъ римскихъ должностей см. Mommsen. Römische Forschungen, SS. 69 u. ff. Ср., однако, новѣйшую критику источниковъ этой хронологіи у Binder. Die Plebs. SS. 425—460 и у К. І. Neumann. Römische Staats-

борьба между патриціями и плебеями есть дѣло прошлаго, уже забытаго.

3. Хозяйственный оборотъ, втиснутый въ формальныя [76]) рамки mancipatio и nexum цивильнаго права, требовалъ огражденія интересовъ и покупателя. Этому и служилъ прежде всего вербальный договоръ и его важнѣйшій видъ — стипуляція. Мы видѣли, что пенальная actio auctoritatis, которая направлялась на возвратъ двойной цѣны, ipso jure охраняла при манципаціи интересы покупателя какой либо res mancipi на случай эвикціи.

Въ другихъ случаяхъ защита покупателя не подразумѣвалась сама собой, и покупатель долженъ былъ обезопасить себя спеціальной стипуляціей, которая тоже направлялась на двойное обезпеченіе. Это stipulatio duplae: «Si quis eam rem partemve quam ex ea evicerit quo minus emptorem eumve ad quem ea res pertinebit uti frui habere possidere recte liceat tum quantum id erit quod ita ex ea evictum fuerit tantam pecuniam duplam dari» [77]) Stipulatio duplae, которая обезпечивала покупателя на случай эвикаціи при пріобрѣтеніи res nec mancipi, была примѣнена какъ способъ, которымъ устанавливалась отвѣтственность покупателя за недостатокъ продаваемой вещи. По древнѣйшему цивильному праву продавецъ отвѣчалъ только за прямой обманъ, за долозную продажу порочнаго товара. Позднѣйшее право пошло гораздо дальше. Оно выставило положеніе, что продавецъ отвѣчаетъ за всѣ недостатки вещи, хотя-бы онъ ихъ самъ и не зналъ, если только онъ нарочито не оговорилъ передъ покупателемъ этихъ недостатковъ. Ради этого stipulatio duplae со случаевъ эвикціи была распространена на случаи и „порочности" товаровъ.

Этотъ процессъ [78]) связанъ съ правотворческою дѣятельностью эдиловъ. Каково происхожденіе, первоначальное значеніе и функ-

---

altertümer въ Gercke-Norden. Einleitung in die Altertumswissenschaft III. SS. 414—416, 427—428. У этихъ авторовъ указана вся новѣйшая литература.

[76]) Точнѣе слѣдовало бы сказать: въ формально-„реальныя". См. Pernice. Marcus Antistius Labeo. I. Halle. 1873 S. 456.

[77]) Реконструкція Жирара. Cp. Girard-Mayr l. c. S. 608.

[78]) Cp. Girard-Mayr. System SS. 611—616. Bechmann. Geschichte. SS. 391—417. Hanausek. Die Haftung d. Verkäufers für die Beschaffenheit d. Waare nach römischem und gemeinem Recht. Wien 1883—1887. P. Huvelin. Essai historique sur le droit des marchés et des foires. Paris. 1907, pp. 115—135. Wlassak. Negotiorum gestio S. 153—183.

ція эдиловъ—этотъ вопросъ относится къ области предположеній и гипотезъ [79]), но одно несомнѣнно, что на частное право эдилы оказываютъ вліяніе и участвуютъ въ его созданіи въ качествѣ органовъ рыночной полиціи. Въ этомъ качествѣ эдилъ представляетъ своеобразную фигуру. Онъ былъ именно полицейской властью. И можно согласиться съ Iерингомъ и Влассакомъ [80]), когда они говорятъ, что первоначально основнымъ призваніемъ и задачей эдиловъ была охрана интересовъ общества, а не индивида. Они своими actiones первоначально имѣли въ виду не столько оказывать помощь тому или другому отдѣльному покупателю, сколько стремились карать наторѣвшаго въ торговыхъ дѣлахъ продавца за его дѣятельность, поскольку она противорѣчила общественному интересу. Въ качествѣ власти надъ рынкомъ они предписывали продавцамъ поставлять покупателя въ извѣстность относительно тѣхъ или иныхъ недостатковъ и пороковъ продаваемыхъ на рынкѣ предметовъ, т. е. прежде всего рабовъ (mancipia) и рабочаго скота (iumentum) [81]). Ибо именно эти предметы, и только они, были объектами первоначаль-

---

[79]) Ср. Wilhelm Soltau. Die ursprüngliche Bedeutung und Competenz d. aediles plebis въ Historische Untersuchungen. Arnold Schaefer z. fünfundzwanzigjährigen Jubiläum seiner akademischen Wirksamkeit gewidmet etc. Bonn 1882, SS. 98—147. Ср. Kubitschek въ Pauly-Wissowa s. v. aediles, гдѣ указана вся литература. Mommsen. Römisches Staatsrecht II, I². S. 470 u. ff.

[80]) R. v. Ihering Zweck im Recht. Vierte Auflage. Leipzig 1904, SS. 393—398. M. Wlassak. Negotiorum gestio. S. 175.

[81]) D. 21, 1, 1: Aiunt aediles: „Qui mancipia vendunt certiores faciant emptores, quid morbi vitiive cuique sit, quis fugitivus errove sit noxave solutus non sit: eademque omnia, cum ea manicipia venibunt, palam recte pronuntianto, quodsi mancipium adversus ea venisset, sive adversus quod dictum promissumve fuerit cum veniret, fuisset quod, eius praestari oportere dicetur, emptori omnibusque ad quos ea res pertinet iudicium dabimus, ut id mancipium redhibeatur. si quid autem post venditionem traditionemque deterius emptoris opera familiae procuratorisve eius factum erit, sive quid ex eo post venditionem natum adquisitum fuerit, et si quid aliud in venditione ei accesserit, sive quid ex ea re fructus pervenerit ad emptorem, ut ea omnia restituat. item si quas accessiones ipse praestiterit, ut recipiat. item si quod mancipium capitalem fraudem admiserit, mortis consciscendae sibi causa quid fecerit, inve harenam depugnandi causa ad bestias intromissus fuerit, ea omnia in venditione pronuntianto: ex his enim causis iudicium dabimus. hoc amplius si quis adversus ea sciens dolo malo vendidisse dicetur, iudicium dabimus“.

наго рыночнаго оборота [82]). Нарушители этого приказа подлежали карѣ. Отсюда—первоначальный пенальный характеръ эдильскихъ исковъ [83]). Что покупателю принадлежала иниціатива въ предъявленіи этихъ исковъ—не устраняетъ нисколько того, что изначала они имѣли, выражаясь въ современныхъ терминахъ, такъ сказать, публично-правовой, уголовный, штрафной характеръ.

Если покупатель терпѣлъ убытки, то онъ при содѣйствіи эдила могъ искать себѣ возмѣщенія: свою полицейскую задачу эдилъ осуществлялъ, приводя въ движеніе частный интересъ тѣхъ лицъ, которыя являлись покупателями на рынкѣ. Въ силу этого полицейская власть надъ рынкомъ создавала гражданское право купли-продажи. Эти оба аспекта эдильской охраны рыночнаго «благообразія», полицейско-правовой и гражданско-правовой, тѣсно связаны между собой и одинаково существенны для пониманія развитія и значенія эдильскаго права [84]).

Такъ на почвѣ рыночной полиціи и рыночной юрисдикціи возникла отвѣтственность продавца уже не только за эвикцію, но и за пороки проданной вещи. Эта отвѣтственность получаетъ свое процессуальное выраженіе въ actio redhibitoria и actio quanti minoris. Actio redhibitoria направляется на возмѣщеніе цѣнности, на уничтоженіе сдѣлки [85]), возстановленіе прежняго состоянія, но первоначально только въ пользу покупателя; и потому первоначально это всецѣло настоящій штрафной искъ—in duplum. Впослѣдствіи въ тѣхъ случаяхъ, когда продавецъ возвращалъ полученную имъ цѣну, онъ присуждался in simplum [86]).

---

[82]) Ср. Wlassak l. c. 168.

[83]) D. 21, 1, 23: Quamvis enim poenales videantur actiones, tamen quoniam ex contractu veniunt. Cf. D. 21, 1, 1: Proinde levis febricula aut vetus quartana quae tamen iam sperni potest vel vulnusculum modicum nullum habet in se delictum, quasi pronunciatum non sit. D. 21, 1, 51: Et rursus delictum eiusdem quod in contrahendo admiserit domino nocere debit.

[84]) Въ то время какъ Ірингъ и Влассакъ подчеркиваютъ первый аспектъ, Шамбонъ (Chambon, Beiträge zum Obligationenrecht Erster Band. Jena 1851, S. 150) и Бехманнъ (Geschichte des Kaufes, S. 397) выдвигаютъ второй.

[85]) D. 21, 1, 60: Facta redhibitione omnia in integrum restituuntur perinde ac si neque emptio neque venditio intercessit. Ср. D. 21, 1, 21.

[86]) D. 21, 1, 45: Redhibitoria actio duplicem habet condemnationem: modo enim in duplum, modo in simplum condemnatur venditor. nam si

Другой искъ, которымъ ограждался покупатель, была actio aestimatoria quanti minoris, искъ объ уменьшеніи покупной цѣны вслѣдствіе обнаруженія недостатковъ. Для этихъ исковъ была установлена различная давность; для actio quanti minoris—годовая, для a. rehhibitoria—полугодовая. Впослѣдствіи эти иски до полной почти неразличимости слились съ actio empti. На этихъ юридическихъ подробностяхъ и различеніяхъ намъ, однако, нѣтъ надобности здѣсь останавливаться.

Это сближеніе цивильнаго иска съ эдильскимъ и есть тотъ процессъ, который глубокомысленный и остроумный историкъ римскаго права Власcакъ охарактеризовалъ какъ рецепцію эдильскаго права цивильнымъ и который онъ поставилъ рядомъ съ такой же рецепціей преторскаго права цивильнымъ. Въ этомъ процессѣ, который объединяетъ и ассимилируетъ jus honorarium обоихъ магистратовъ съ цивильнымъ правомъ, эдильское право утратило свой первоначальный пенальный характеръ, объ общегражданскій оборотъ, такъ сказать, сгладило свои первоначальные полицейскіе углы. Реципировавъ эдильское право, преторъ однако какъ магистратъ не полицейскій, а судебный не вторгался такъ энергично въ автономію сторонъ, какъ это дѣлалъ эдилъ въ качествѣ рыночной власти. И если рецепція эдильскаго права преторомъ всетаки въ извѣстной мѣрѣ совершилась, то это случилось въ силу того, что юристы нашли ту точку зрѣнія, тотъ объединяющій принципъ, при помощи котораго они спаяли старое цивильное право, новое преторское частное право и эдильское полицейско-рыночное право въ нѣкоторое цѣлое. Такимъ объединяющимъ и новымъ принципомъ—говоритъ Власcакъ—явилось начало bona fides. «Эдиламъ, когда они формулировали предписанія своего эдикта, ничто не было столь чуждо, какъ мысль, что все то, что они устанавливали въ своемъ album, есть само собой подразумѣвающееся содержаніе всякаго договора купли-продажи между разсудительными и честными людьми. Иначе смотрѣли на дѣло юристы классическаго періода, которые на самомъ дѣлѣ отнюдь не колебались подчеркивать эту точку зрѣнія и такимъ образомъ мотивиро-

---

neque pretium neque accessionem solvat neque eum qui eo nomine obligatus erit liberet dupli pretii et accessionis condemnari iubetur: si vero reddat pretium et accessionem vel eum qui eo nomine obligatus est liberet, simpli videtur condemnari.

вать распространеніе эдильскихъ предписаній» [87]). Если вѣрно, что эдильское право было первоначально правомъ «рыночнымъ», то называть его правомъ торговымъ, какъ это дѣлаетъ Влассакъ [88]), можно не только съ натяжкой, но и придавая этому термину совершенно другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который мы съ нимъ правомѣрно соединяемъ. Духъ эдильскаго эдикта съ его строгой отвѣтственностью продавца за пороки товара прямо противоположенъ духу современнаго торговаго права [89]). Правъ, Бехманнъ [90]) въ своей полемикѣ съ Эндеманномъ, изображающимъ римское право купли-продажи какъ разсматривающее эту сдѣлку исключительно съ точки зрѣнія продавца [91]). Дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ въ наиболѣе раціонально и сознательно сложившихся частяхъ римскаго права купли-продажи.

Старое формальное право—какъ мы видѣли—покровительствовало продавцу. Эдилъ въ своемъ эдиктѣ, наблюдая за «благообразіемъ» [92]) рынка, наоборотъ, благопріятствовалъ покупателю. Вытекало это изъ вполнѣ реальныхъ мотивовъ. Эдилъ прежде всего регулировалъ отношенія между продавцами и покупателями на невольничемъ рынкѣ, гдѣ покупателями были почтенные мѣстные люди, римскіе граждане, запасавшіеся живымъ товаромъ для своихъ хозяйствъ, а продавцами были часто профессіональные торговцы - иностранцы, которыхъ «Дигесты» характеризуютъ какъ «породу людей, склонную къ полученію прибыли самымъ нечестнымъ путемъ» [93]). Противъ этихъ людей и въ защиту почтенныхъ римскихъ домохозяевъ эдилы и юристы выработали свою изумительную казуистику рабьихъ болѣзней, въ которой подробно обсуждается, здоровъ ли или боленъ

---

[87]) Wlassak, l. c. 177. O bona fides ср. также Voigt. Jus naturale etc. Bd I u. Bd III, Pernice Labeo I S. 247. Bechmann. Geschichte, S. 616 u. ff.

[88]) Wlassak l. c. 168.

[89]) Cp. Bechmann System, S. 109—110. Gareis въ Endemanns Handbuch II Band Leipzig 1882, S. 671 u. ff. Ср. также цитированную ниже рецензію Моммсена на Шамбона.

[90]) L. c.

[91]) Endemann. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre II Band Berlin 1883, SS. 80—81.

[92]) Это нарочитое и выразительное обозначеніе греческихъ авторовъ и памятниковъ: εὐκοσμία, κόσμος (ср. ниже).

[93]) D. 21, 1, 44: Nam id genus hominum ad lucrum vel potius turpiter faciendum pronius est.

рабъ, который страдаетъ недержаніемъ мочи или у котораго дурно пахнетъ изо рту.

Въ интересахъ домохозяевъ они требовали, чтобы работорговцы объявляли о національности продаваемаго раба, ибо у разныхъ національностей разная «слава», и есть такія ославленныя національности, что принадлежность къ нимъ, очевидно, равносильна всякому другому пороку [94]).

Такимъ образомъ эдилы, въ своемъ эдиктѣ исправляя формализмъ стараго права, перегнули палку въ обратную сторону. Ихъ эдиктъ есть специфическая охрана покупателя, проникнутая полицейскимъ, если угодно, соціально-политическимъ духомъ! Но всетаки слѣдуеть еказать, что реципированный въ цивильное право и въ немъ переработанный эдильскій эдиктъ въ значительной мѣрѣ освободился отъ своей первоначальной тенденціозности. Онъ не стремится во чтобы то ни стало охранить покупателя, хотя въ общемъ къ покупателю онъ благосклоннѣе, чѣмъ къ продавцу.

> Causa huius edicti proponendi est ut occurratur fallaciis vendentium et emptoribus succurratur, quicumque decepti a venditoribus fuerint: dummodo sciamus venditorem etiamsi ignoravit ea quae aediles praestari iubent tamen teneri debere nec est hoc iniquum: potuit enim ea nota habere venditor: neque enim interest emptoris cur fallatur, ignorantia venditoris an calliditate [95]).

Однако:

> Si intellegatur vitium morbusve mancipii (ut plerumque signis quibusdam solent demonstrari vitia) potest dici edictum cessare: hoc enim tantum intuendum est, ne emptor decipiatur [96]).

[94]) D. 21, 1, 31: Qui mancipia vendunt nationem cujusque in venditione pronuntiare debent plerumque enim natio servi aut provocat aut deterret emptorem: idcirco interest nostra scire nationem: praesumptum etenim est quosdam servos bonos esse, quia natione sunt non infamata, quosdam malos videri, quia ea natione sunt, quae magis infamis est.

[95]) D. 21, 1, 1. Что эдиктъ и вообще римское право (до эпохи упадка!) благопріятствуетъ покупателю можетъ быть показано на цѣломъ рядѣ мѣстъ изъ источниковъ. Для примѣра укажу: D. 18, 1, 21: Labeo scripsit obscuritatem pacti nocere potius debere venditori qui id dixerit quam emptori quia potuit re integra apertius dicere. D. 18, 1, 44. D. 18, 1, 52. D. 18, 1, 66. D. 18, 1, 78. D. 18, 1, 81. D. 21, 1, 34. D. 21, 1, 44 (спеціально противъ торговцевъ рабами). Гораздо рѣже источники классической эпохи рѣшаютъ спорный вопросъ въ пользу продавца.

[96]) Тамъ же.

И въ другомъ мѣстѣ Павелъ толкуетъ эдиктъ такъ:

Res bona fide vendita propter minimam causam inempta fieri non debet [97]).

4. Охрана покупателя эдилами, которая первоначально носила полицейскій характеръ, не могла однако стереть въ римскомъ правѣ слѣдовъ болѣе древней правовой формаціи.

Изъ былого формализма стараго права вытекала та особенная конструкція купли-продажи, въ которой еще явственно видна наличность двухъ рядомъ стоящихъ, параллельныхъ стипуляцій [98]). Отсюда получилось то странное начало римскаго права купли-продажи которое гласитъ: periculum respicit (pertinet) ad emptorem. Въ силу этого начала положеніе покупателя въ одномъ очень существенномъ отношеніи было гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе продавца. Но не только въ этомъ отношеніи позднѣйшее (клас-

[97]) D. 18, 1, 54. Въ томъ же духѣ D. 21, 1, 48: Simplariarum venditionum causa ne sit redhibitio, in usu est.

[98]) Таково объясненіе Eck'a во второмъ изданіи Holtzendorffs Rechtslexikon s. v. Kauf, къ которому присоединяется Gareis въ Endemanns Handbuch II Band SS. 635—636. Такъ же высказывается Жираръ. Ср. Girard-Mayr S. 596. Въ третьемъ изданіи Rechtslexikon'a Экъ удареніе полагаетъ на другомъ моментѣ: онъ аргументируетъ, отправляясь отъ якобы „торговаго" характера римской купли-продажи, при которомъ естественно, чтобы, разъ продавецъ воздерживается съ момента заключенія договора отъ всякихъ распоряженій товаромъ и сохраняетъ ее для покупателя, рискъ падалъ на послѣдняго. Римляне, какъ „торговый" народъ, обобщили эту точку зрѣнія, германцы, которые вообще не покровительствовали продажѣ, заняли противоположную позицію. Это объясненіе явно не выдерживаетъ исторической критики. На самомъ дѣлѣ германское право въ вопросѣ объ отвѣтственности продавца за пороки гораздо болѣе благопріятствовало продавцу, чѣмъ „рыночное", но вовсе не „торговое" эдильское право римлянъ. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставить со строгой отвѣтственностью продавца по эдильскому эдикту мягкія нормы Lex Baiuw. Tit. XV, Cap. IX, 5—8: Si autem (venditor) non dixerit (vitia); mutare potest in illa die, et in alia, et in tertia die. Et si plus de tribus noctibus habuerit, non potest mutare. Nisi forte eum invenire non potuerit infra tres dies tunc quando invenerit recipiat qui vitiatum vendidit. Aut si non vult recipere iuret cum sacramentali uno: quia vitium ibi nullum sciebam in illa die quando negotium fecimus; et stet factum. Ср. также Edict. Rothari CCXXXIII. Формализмъ древняго германскаго права также покровительствовалъ продавцу, какъ и формализмъ первоначальнаго римскаго права. И тутъ и тамъ право лишь постепенно развило охрану покупателя. Ср. Heusler. Institutionen des deutschen Privatrechts, Band I, S. 61 и Huber. Geschichte

сическое) право продолжало линію древняго формальнаго права. Важнѣе еще то, что какъ ни далеко заходила эдильская охрана покупателя, римское право никогда не предписывало продавцу цѣны, никогда не оспаривало свободы установленія цѣнъ. Въ этомъ отношеніи оно очень широко толковало свободу договорныхъ отношеній въ сферѣ купли-продажи. Это широкое толкованіе шло такъ далеко, что свобода договорныхъ отношеній тутъ соприкасалась съ дозволительностью обмана. «Естественно и дозволительно контрагентамъ при куплѣ-продажѣ обманывать другъ друга» говоритъ Помпоній [99]). «Подобно тому какъ при куплѣ-продажѣ естественно и допустимо продавать что либо за цѣну, болѣе высокую, чѣмъ оно того стоитъ, и такимъ образомъ объегоривать другъ друга, такъ же правомѣрно это и при отдачѣ чего либо въ наемъ»—заявляетъ Павелъ [100]). «Поэтому подъ предлогомъ слишкомъ низкой наемной платы состоявшійся наемъ не можетъ быть нарушенъ, разъ со сто-

---

des schweizerischen Privatrechtes Band IV, S. 853 u. ff. (у обоихъ авторовъ любопытныя замѣчанія объ отвѣтственности продавца при продажѣ скота).

Какъ извѣстно Ф. Гофманнъ положеніе: periculum respicit ad emptorem возводитъ къ греческому праву и объясняетъ его рецепціей въ Римѣ (см. его Beiträge zur Kenntniss des römischen Rechtes. Wien 1870 и Ueber das periculum beim Kaufe. Wien 1870). Любопытно однако, что греческое право въ тоже время въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ сильно покровительствовало покупателю: такъ оно давало покупателю право, даже внѣ всякой зависимости отъ наличности „порока", отказаться отъ покупки въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, хотя бы никакого pactum displicentiae не было совершено. Такова норма критскаго (кносскаго) права, относящаяся къ эпохѣ не ранѣе IV в. до Р. Хр. и дозволяющая покупателю вернуть рабочее животное въ теченіе пяти дней со времени покупки съ уплатой трехъ оболовъ за рабочій день. Если продавецъ не желаетъ взять обратно животное, покупатель долженъ отослать его при свидѣтеляхъ. Ср. соотвѣтствующій фрагментъ (съ переводомъ) у Dareste-Haussouiller-Reinach. Recueil des inscriptions juridiques grecques. II Paris 1902, p. 398—399.

[99]) D. 4, 4, 16: Pomponius ait in pretio emptionis et venditions naturaliter licere contrahentibus se circumvenire.

[100]) D. 19, 2, 22: Quomadmodum in emendo et vendendo naturaliter concessum est quod pluris sit minoris emere, quod minoris sit pluris vendere et ita invicem se circummscribere, ita in locationibus quoque et conductionibus iuris est.

роны отвѣтчика не можетъ быть доказанъ злой умыселъ»—замѣчаетъ Гермогеніанъ [101]).

Чѣмъ же отличалась дозволительная circumscriptio отъ запрещеннаго dolus'а? Гдѣ тутъ была область дозволеннаго, и гдѣ начиналось предосудительное и запретное? На это наши фрагменты даютъ ясный отвѣтъ. Въ первомъ изъ нихъ логическое удареніе стоитъ прямо на словѣ: цѣна—in pretio.

Эдильское право установило строгую отвѣтственность за правовую и фактическую доброкачественность продаваемаго объекта [102]) и въ этой области никакая circumscriptio или circumventio не допускалась, т. е. практически признавалась «долозной».

Въ вопросѣ же объ опредѣленіи цѣны, какъ показываютъ цитированные фрагменты, наоборотъ, даже dolus'у открывался просторъ: контрагенты могли спокойно надувать другъ друга. Такимъ образомъ римское право совершенно равнодушно взирало на борьбу контрагентовъ за цѣну и въ нее не вмѣшивалось. Единственное сразу замѣтное исключеніе въ этомъ отношеніи составляла охрана лицъ моложе 25 лѣтъ, начало которой положила, вѣроятно, lex Plaetoria и которую преторская юрисдикціи расширила и обобщила. Этихъ лицъ право охраняло противъ всякаго вовлеченія въ невыгодную сдѣлку; заключаемые ими договоры купли-продажи могли быть разрушаемы и изъ-за невыгодной цѣны (какъ слишкомъ низкой, такъ и слишкомъ высокой), ибо они могли вообще быть разрушаемы на основаніи спеціальной преторской охраны.

Такъ въ общемъ и цѣломъ продолжалось до конца III вѣка по Р. Хр., когда на сцену появляется въ Діоклеціановомъ законодательствѣ рескриптъ de rescindenda venditione, въ силу котораго продавецъ земельнаго имущества, проданнаго за слишкомъ низкую цѣну, получилъ право отступиться отъ сдѣлки или добиваться дополнительной (до справедливой цѣны) оплаты проданнаго имущества [103]). Этой нормой возвѣщаетъ о себѣ новое правосознаніе и новое

---

[101]) D. 18, 2, 23. Et ideo praetextu minoris pensionis locatione facta, si nullus dolus adversarii probari possit, rescindi locatio non potest.

[102]) Actio quanti minoris имѣетъ именно такой смыслъ.

[103]) Cod. 4, 44, 2. Jmpp. Diocletianus et Maximianus A. A. Aurelio Lupo. Rem majoris pretii si tu vel pater tuus minoris pretii distraxit, humanum est ut vel pretium te restituente emptoribus fundum venditum recipias auctoritate intercedente judicis, vel, si emptor elegerit, quod deest justo pretio recipies. minus autem pretium esse videtur si nec dimidia pars veri pretii soluta sit.

право, которое невозможно связать съ классическимъ правомъ непрерывной нитью единой правовой идеи [104]). Исторически понять это новое гражданское право возможно, только сопоставивъ его съ совершенно другими правовыми явленіями, повидимому далеко отъ него отстоящими и тѣмъ не менѣе тѣсно съ нимъ связанными. Прежде чѣмъ перейти къ такому историческому объясненію, которое приведетъ насъ въ другія области римскаго (и греческаго) права, мы должны заняться обзоромъ того, какъ на основѣ принципіальнаго и послѣдовательнаго признанія свободы образованія цѣнъ слагались въ римскомъ гражданскомъ правѣ понятія цѣны и цѣнности.

IV.

1. Iustum или verum pretium въ римскомъ правѣ.—Iustum pretium въ общемъ и цѣломъ—рыночная цѣна („типическая цѣнность"). Понятіе справедливой цѣны не примѣняется въ отношеніяхъ купли-продажи (стр. 161—164). 2. Исключенія изъ этого правила. Ихъ обзоръ (стр. 164—167) 3. Понятіе справедливой цѣны получило широкое распространеніе въ связи не съ куплей-продажей, а съ другими правоотношеніями. Обзоръ этихъ примѣненій (стр. 167—173).

1. Выше мы указали, что римляне превосходно оперировали понятіемъ нормативной цѣнности, какъ понятіемъ производнымъ отъ цѣнности типической, или «рыночной» цѣны. Это и есть первоначальное и основное значеніе тождественныхъ по смыслу терминовъ: vera rei aestimatio, verum rei pretium, iusta aestimatio, iustum

[104]) Ср. Моммсенъ въ рецензіи на цит. выше книгу Шамбона (изъ Litterarisches Centralblatt 1851 перепечатана въ Gesammelte Schriften, Iuristische Schriften. III Band SS. 571—574). Рецензія эта характерна по тому рѣшительно-либеральному, „манчестерскому" духу, который въ ней вѣетъ. Утвержденіе Шамбона, что l. 2. C. de rescindenda venditione знаменуетъ собой „естественное" развитіе принципа bona fides, приводитъ знаменитаго романиста прямо въ негодованіе, настолько противенъ ему самый духъ Діоклеціанова рескрипта. Моммсенъ доходитъ тутъ до того, что обрушивается на Шамбона за самую мысль написать Dogmengeschichte пресловутаго рескрипта. „Wie ein vernünftiger Mann wohl die Geschichte von Preussen, aber nicht die der Charlottenstrasse in Berlin schreiben wird, so mag, wer es sich getraut, den Eigentumsbegriff durch die verschiedenen Systeme verfolgen und entwickeln, aber die l. 2 C. de resc. vend. hat keine Geschichte".

pretium (также aequum pretium). Verum или iustum pretium[105]) римскаго права есть первоначально не просто указная цѣна, диктуемая той или иной властью независимо отъ реальныхъ условій оборота, а типическая цѣнность, которую право должно класть въ основу своихъ оцѣнокъ, когда на мѣсто свободнаго изволенія тѣхъ или иныхъ лицъ должна быть поставлена «объективная» оцѣнка. Если вѣрно, что римское право до поздней эпохи въ договорѣ купли-продажи не знало понятія нормативной цѣнности даже въ этомъ смыслѣ, то это было обусловлено прежде всего тѣмъ принципомъ этого права, согласно которому обязательнымъ реквизитомъ купли-продажи была опредѣленная цѣна—certum pretium[106]). Это требованіе римскаго права конечно вовсе не было случайно, въ немъ выразилось именно то подчеркиваемое нами обстоятельство, что «указная» цѣна, какъ норма обмѣна даже въ самыхъ ея слабыхъ, блѣдныхъ формахъ нормативной цѣнности, прислоняющейся къ цѣнности типической, была чужда римскому праву купли-продажи. Съ точки зрѣнія римлянъ покупщикъ и продавецъ обязаны были сами уговориться о цѣнѣ и не могли ни умалчивать о ней, ни для опредѣленія ея ссылаться на какія-либо нормы, лежащія внѣ свободнаго изволенія ихъ самихъ, контрагентовъ. Лишь позднѣйшее право (Юстиніанъ) категорически дозволило въ дѣлѣ опредѣленія цѣны

---

[105]) Въ доктринѣ „общаго" права обозначеніе pretium какъ verum получило другой смыслъ, а именно цѣны, условленной въ „серьезъ", не фиктивной. Ср. Codex Maximilianeus Bavaricus civilis 1756. Th. IV, Cap. III, § 4: Der Preis oder Kaufschilling, welcher für die Waar oder verkaufte Sach bedungen wird, soll in Pretio vero, certo, justo, das ist 1-mo nicht nur in Geld, sondern auch 2-mo in wahrhaft - 3-io gewiss-und bestimmt - wie nicht weniger 4-to in gerecht-und billichen Werth der Sach bestehen. Ср. Pothier. Oeuvres (éd. Le Trosne) III (Paris 1844), p. 13—16 („le prix doit être un prix serieux"), Treitschke. Der Kaufkontrakt in besonderer Beziehung auf den Waarenhandel nach römischem Rechte etc. Leipzig 1838, S. 28—29, Bechmann. System I, S. 150 u. ff. Но въ источникахъ verum pretium = iustum pretium = aequum pretium.

[106]) I. III, 23: pretium autem constitui opportet; nam nulla emtio sine pretio esse potest. Sed et certum pretium esse debet. См. Bechmann System d. Kaufes I, SS. 338—357 и Goldschmidt Handbuch des Handelsrechts II², S. 120—121, гдѣ совершенно правильно указывается, что первоначально въ римскомъ правѣ требованіе certum pretium есть „starrer Rechtssatz". Ср. также ниже цитированную диссертацію Фельса.

ссылаться на сужденіе (arbitrium) опредѣленнаго третьяго лица[107]), и въ связи съ этимъ рѣшеніемъ старой контроверзы, рѣшеніемъ, которое означало окончательный отказъ отъ первоначальнаго римскаго принципа «опредѣленности» вольной цѣны въ моментъ заключенія сдѣлки, наросли и развились дальнѣйшія контроверзы. Въ изложеніе и обсужденіе этихъ контроверзъ намъ нѣтъ основанія здѣсь вдаваться [108]). Скажемъ только, что отказъ отъ принципа строгой «опредѣленности» цѣны неизбѣжно влекъ за собой обращеніе къ понятію цѣны «справедливой», или «приличной», какъ къ подсобной нормѣ опредѣленія цѣны въ тѣхъ случаяхъ когда контрагенты прямо или косвенно ничего о ней не постановили. Этого шага римское право купли-продажи до III стол. по Р. Хр. не сдѣлало, какъ это правильно указываетъ Бехманнъ [109]). Iustum pretium по классическому римскому праву есть pretium incertum, а потому и непримѣнимо къ куплѣ-продажѣ. И въ тоже время iustum pretium и по классическому и даже по позднѣйшему римскому праву означаетъ въ общемъ и цѣломъ рыночную цѣну[110])—объ исключеніяхъ изъ этого правила см. ниже—или, об-

[107]) C. 4, 38, 15: Super rebus venumdandis, si quis ita rem comparavit ut res vendita esset quanti Titius aestimaverit, magna dubitatio exorta est multis antiquae prudentiae cultoribus. Quam decidentes censemus, cum huiusmodi conventio super venditione, procedat, quanti ille aestimavaerit', sub hac condicione stare venditionem, ut, si quidem ipse qui nominatus est pretium definierit, omnimodo secundum eius aestimationem et pretia persolvi et venditionem ad effectum pervenire, sive in scriptis sive sine scriptis contractus celebretur, scilicet si huiusmodi pactum, cum in scriptis fuerit redactum, secundum nostrae legis definitionem per omnia completum et absolutum sit. Sin autem ille vel noluerit vel non potuerit pretium definire tunc pro nihilo esse venditionem quasi nullo pretio statuto: nulla coniectura, immo magis divinatione in posterum servanda, utrum in personam certam an in viri boni arbitrium respicientes contrahentes ad haec pacta venerunt, quia hoc penitus impossibile esse credentes per huiusmodi sanctionem expellimus. Quod et in huiusmodi locatione locum habere censemus. Ср. цитированное только что мѣсто изъ „Институцій".

[108]) Ср. Gustav Fels. Das pretium certum des römischen Rechtes. Berliner Diss. 1878.

[109]) Ср. l. c.

[110]) Это отрицаетъ Бехманнъ (System I, S. 348—349) противъ Теля (Thöl. Das Handelsrecht I, 2[5], S. 217: Das römische Recht nannte den Marktpreis, da dieser nach der allgemeinen Meinung ein angemessener, zu dem Werthe der Waare im Verhältniss stehender Preis ist, justum

щѣе, по нашей терминологіи, типическую цѣнность. Именно въ связи съ этимъ въ высшей степени любопытно и знаменательно, что понятіе iustum pretium, какъ нормы, выведенной изъ оборота, въ общемъ и цѣломъ не примѣнялось въ отношеніяхъ купли-продажи, поскольку они разсматривались подъ угломъ гражданско-правовымъ.

2. До конституціи о laesio enormis можно указать лишь два исключенія изъ этого общаго правила и одно изъ нихъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, съ точки зрѣнія разбираемой нами проблемы, насколько я вижу, оно не было обстоятельно обсуждаемо въ новѣйшей литературѣ [111]), а между тѣмъ въ немъ въ извѣстной мѣрѣ прообразованъ тотъ принципъ, который легъ въ основу института laesio enormis. Я имѣю въ виду нормы, предусматривающія отчужденіе своего имущества либертомъ (вольноотпущенникомъ) in fraudem патрона. Вотъ эти интереснѣйшія разсужденія:

> Посмотримъ, каково должно быть сужденіе судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь во вредъ (своихъ) патроновъ продалъ или отдалъ въ наемъ или обмѣнялъ вещь. Въ случаѣ состоявшагося отчужденія вещи покупателю долженъ быть предоставленъ выборъ, удержать ли вещь за справедливую цѣну или отступиться отъ нея, получивъ обратно (данную имъ) цѣну; никоимъ же образомъ не должны мы ни отмѣнять продажи, на томъ основаніи, что яко бы либертъ не имѣлъ права продавать, ни лишить покупателя (данной имъ) цѣны, такъ какъ вѣдь споръ ведется не объ его обманѣ, а объ обманѣ либерта. Если же либертъ купилъ во вредъ патрона, справедливо надлежитъ сказать, что, если либертъ купилъ за слишкомъ высокую цѣну, то эта цѣна должна быть, въ интересахъ патрона, понижена, но съ тѣмъ, чтобы не самому патрону было предоставлено отступиться отъ

pretium) и противъ всей практики „общаго права", которая толковала iustum pretium какъ рыночную цѣну.

[111]) Бехманнъ, авторъ самой обстоятельной юридической монографіи о куплѣ-продажѣ по римскому праву, этого случая не касается. Въ старой литературѣ римскаго права указанный случай, однако, систематически сближался съ конституціей о laesio enormis, и на мой взглядъ совершенно справедливо. Ср. S. P. Sandstein. Ueber die laesio enormis. Göttinger Diss. 1887, SS. 10—11, 16—17.

покупки, а наоборотъ продавцу былъ предоставленъ выборъ — либо уступить въ цѣнѣ, либо получить обратно вещь, вернувъ цѣну. То же мы будемъ соблюдать и при мѣнѣ, и при наймѣ» [112]).

Здѣсь мы на основѣ спеціальныхъ правоотношеній видимъ вмѣшательство судебной власти въ сдѣлку купли-продажи и по существу примѣненіе понятія «чрезмѣрнаго ущерба» (laesio enormis) къ спеціальному случаю купли-продажи. Однако, это—не охрана продавца или покупателя вообще, а охрана спеціальныхъ правъ патрона противъ нарушающихъ ихъ дѣйствій либерта. Въ цитированныхъ разсужденіяхъ «Дигестъ», любопытна и характерна та бережность, съ которой римская юриспруденція относится къ свободѣ оборота. Интересъ третьихъ лицъ долженъ быть во всякомъ случаѣ охраненъ. При этомъ интересъ патрона въ имуществѣ либерта разсматривается какъ чисто денежный и потому прикрѣпленный исключительно къ цѣнѣ. Только что приведенный нами фрагментъ продолжаетъ:

«Если же либертъ продалъ вещь добросовѣстно и безъ всякой поблажки, но полученную цѣну подарилъ третьему лицу, разсмотримъ, противъ кого слѣдуетъ направить фавіанскій искъ, противъ того ли лица, которое купило вещь, или же противъ того, которое получило въ даръ цѣну (вещи). Помпоній . . . правильно написалъ, что покупщика не слѣдуетъ безпокоить (искомъ): ибо убытокъ нанесенъ патрону цѣной. Поэтому фавіановъ искъ долженъ быть обращенъ противъ того, кто получилъ въ даръ цѣну. И далѣе разсмотримъ такой случай. Положимъ, патронъ говоритъ, что вещь продана по справедливой цѣнѣ, но что

[112]) D. 38, 5, 1: Si quis in fraudem patronorum rem vendiderit vel locaverit vel permutaverit, quale sit arbitrium iudicis, videamus. et in re quidem distracta deferri condicio debet emptori, utrum malit rem emptam habere iusto pretio an vero a re discedere pretio recepto: neque omnimodo rescindere debemus venditionem, quasi libertus ius vendendi non habuerit, nec fraudemus pretio emptorem, maxime cum de dolo eius non disputetur, sed de dolo liberti. Sed si emerit in fraudem patroni libertus, aeque dicendum, si magno emit in pretio relevandum patronum condicione non ipsi delata, an velit ab emptione discedere, sed venditori, utrum malit de pretio remittere an potius rem quam vendidit recipere persoluto pretio, et in permutatione et in locatione et conductione similiter idem observabimus (Ulpianus).

онъ все-таки заинтересованъ въ томъ, чтобы она не была продана и что вредъ, ему нанесенный, заключается въ томъ, что продано владѣніе, которое любезно сердцу патрона либо по удобству мѣстоположенія и смежности, либо по свойствамъ воздуха, либо потому, что тамъ онъ самъ выросъ или похоронены его родные. Слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ принять во вниманіе желаніе патрона объ отмѣнѣ сдѣлки? Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ принимать во вниманіе такой претензіи: ибо вредъ (нанесенный патрону) понимается какъ денежный ущербъ" [113]).

Въ вопросѣ объ отвѣтственности продавца за недостатки товара, какъ мы указывали, пониженіе цѣны, на основаніи actio quanti minoris, являлось лишь косвеннымъ послѣдствіемъ качественной недостаточности объекта купли-продажи, а не несоотвѣтствія реализованной цѣны какой-либо нормѣ. Въ разбираемомъ сейчасъ случаѣ, наоборотъ,—и въ этомъ его принципіальное отличіе отъ качественнаго опороченія сдѣлки купли-продажи—въ центрѣ вопроса стоитъ несоотвѣтствующая нормѣ цѣна. Но такое оспариваніе цѣны допускается лишь въ видѣ явнаго исключенія, когда съ правомъ покупщика или продавца конкурируетъ спеціально охраняемое право патрона.

Второй случай, когда «справедливая цѣна», какъ норма, выведенная изъ оборота, призывается регулировать цѣну, носитъ тоже весьма спеціальный характеръ. Онъ гораздо менѣе интересенъ, ибо не относится прямо къ области купли-продажи, хотя юристы сближали съ послѣдней и этотъ случай. Въ Дигестахъ мы читаемъ:

«Дача залога и гипотеки можетъ состояться и въ такой формѣ, что если въ опредѣленный срокъ не будутъ возвра-

[113]) Sed si rem quidem bona fide vendiderit et sine ulla gratia libertus, pretium autem acceptum alii donavit, videndum erit, quis Faviana inquietetur utrum qui rem emit an vero is qui pretium dono accepit? et Pomponius libro octagensimo tertio recte scripsit emptorem non esse inquietandum: fraus enim patrono in pretio facta est: eum igitur qui pretium dono accepit Faviana conveniendum. Et alias videamus, si dicat patronus rem quidem iusto pretio venisse, verumtamen hoc interesse sua non esse venumdatum inque hoc esse fraudem, quod venierit possessio in quam habet patronus affectionem vel opportunitatis vel vicinitatis vel caeli vel quod illic educatus sit vel parentes sepulti, an debeat audiri volens revocare, sed nullo pacto erit audiendus: fraus enim in damno accipitur pecuniario.

щены деньги,—то по праву покупки залогоприниматель вступаетъ во владѣніе вещью на основаніи справедливой оцѣнки, ибо въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ усматривается условная продажа. Такъ указали императоры Северъ и Антонинъ» [114]).

Этотъ случай, какъ справедливо замѣтилъ Бехманнъ, не имѣетъ прямого отношенія къ куплѣ-продажѣ, такъ какъ тутъ рѣчь идетъ не о «продажѣ, а о побочномъ условіи договора залога» [115]).

Мѣсто это любопытно лишь тѣмъ, что мы можемъ, на основаніи его, если слова о справедливой цѣнѣ не интерполированы, приблизительно опредѣлить, когда въ римскомъ правѣ iustum pretium перестаетъ быть во всѣхъ случаяхъ incertum—лѣтъ за 90 до Діоклеціана.

Такимъ образомъ случаи, когда въ отношеніяхъ купли-продажи вмѣсто опредѣленной вольной, изволеніемъ контрагентовъ точно устанавливаемой цѣны, право отсылаетъ къ нормативной цѣнности, которая подлежала еще выведенію изъ оборота и съ которой цѣна должна согласоваться, были весьма рѣдки и имѣли весьма спеціальное значеніе.

3. Но гражданскій оборотъ, помимо отношеній купли-продажи, создавалъ и питалъ правоотношенія, при которыхъ являлась потребность въ понятіи нормативной цѣнности, тоже почерпаемомъ изъ самого оборота. Праву на каждомъ шагу независимо отъ отношеній между продавцемъ и покупателемъ приходилось производить объективныя «оцѣнки» хозяйственныхъ благъ. Вотъ почему понятіе истинной или справедливой цѣны (справедливой, истинной оцѣнки), прежде чѣмъ въ концѣ III-го вѣка по Р. Х. совершенно явственно выплыть въ области купли-продажи, получило въ римскомъ правѣ широкое распространеніе въ связи съ совсѣмъ другими правоотношеніями. Вообще римское право занимается «цѣной» не исключительно и, пожалуй, не главнымъ образомъ въ связи съ куплей-продажей. Знаменитыя разсужденія о томъ, что «цѣны опредѣляются не пристрастіемъ или пользою отдѣльныхъ лицъ, а общественной оцѣнкой» приводятся въ Дигестахъ въ связи съ Lex Aquilia, регулировавшей вопросъ о вознагражденіи за убытки (damnum

---

[114]) D. 20, 1, 16: Potest ita fieri pignoris datio hypothecaeve, ut si intra certum tempus non sit soluta pecunia, iure emptoris possideat rem iusto pretio tunc aestimandam; hoc enim casu videtur quodammodo condicionalis esse venditio. et ita divus Severus et Antoninus rescripserunt (Marcianus).

[115]) Bechmann. System 1, Ss. 350—351.

iniuria datum) и въ связи съ Lex Falcidia, регулировавшей отношеніе между «наслѣдствомъ» и «легатами» (quarta Falcidia! [116]). Исключеніе изъ этой максимы обосновывается въ связи съ вопросомъ о правахъ патрона на имущество неплатежеспособнаго вольноотпущенника—это разсужденіе характерно освѣщаетъ то привилегированное въ вопросѣ цѣны положеніе патрона, о которомъ мы говорили выше [117]).

Понятіе verum pretium, какъ «истинной» цѣны, выдвигается при обсужденіи вопроса объ отвѣтственности домохозяина за дѣйствія подвластнаго ему лица (de in rem verso) [118]). Истинная, объективно-типическая цѣна противопоставляется «интересу», т. е. индивидуальной оцѣнкѣ, когда обсуждается вопросъ о возмѣщеніи убытка отъ кражи (actio furti [119]). Тоже—при actio bonorum vi raptorum [120]). Истинную цѣну вещей обязанъ наслѣд-

---

[116]) Ср. тамъ же 1. 42: In Falcidia aestimatio pretii rerum ex veritate facienda est (Ulpianus).

[117]) D. 38, 2, 36: et sane absurdum est ius patroni in petenda bonorum possessione contra tabulas aliorum computatione, non iudicio ipsius patroni aestimari auferrique patrono, quod modicum vindicaturus est. multi enim casus intervenire possunt, quibus expediat patrono petere bonorum possessionem, quamvis aeris alieni magnitudo, quam libertus reliquerit, facultates patrimonii eius excedat, veluti si praedia sunt aliqua ex bonis liberti, in quibus maiorum patroni sepulcra sint et magni aestimat patronus bonorum possessione iura pro parte ea ad se pertinere vel aliquid mancipium, quod non pretio, sed affectu sit aestimandum: non ergo ideo minus habere debet ius petendae bonorum possessiorum qui animo potius quam aliorum computatione cum eo ipso sufficere patrimonum videri possit, quod et heredem habeat et bonorum possessorem. (Iavolenus.)

[118]) D. 15, 3, 5: Si res domino non necessarias emerit servus quasi domino ecessarias, veluti servos, hactenus videri in rem eius versum Pomponius ucribit, quatenus servorum verum pretium facit, cum, si necessarias emisset, in solidum quanto venissent teneretur. (Ulpianus.)

[119]) D.47,2,50: In furti actione non quod interest quadruplabitur vel duplabitur, sed rei verum pretium. sed et si res in rebus humanis esse desierit, cum iudicatur, nihilo minus condemnatio facienda est. itemque et si nunc deterior sit aestimatione relata in id tempus, quo furtum factum est. quod si pretiosior facta sit, eius duplum, quanti tunc, cum pretiosior facta est, fuerit, aestimabitur quia et tunc furtum eius factum esse verius est. (Ulpianus.)

[120]) D. 47, 8. 2: In hac actione intra annum utilem verum pretium rei quadraplatur, non etiam quod interest. (Ulpianus.) Ср. также D. 27, 3, 1: Consideandum est in hac actione, utrum pretium rei tantum duplicetur an etiam quod pupilli intersit, et magis esse arbitror in hac actione quod interest non venire, sed rei tantum aestimtionem. (Ulpianus.)

нику возмѣстить malae fidei possessor наслѣдства, если эти вещи утрачены или умалились въ цѣнности [121]).

Относящаяся къ 531 г. конституція Юстиніана нарочито дозволяетъ опекунамъ и попечителямъ, безъ спеціальнаго разрѣшенія власти отчуждать по мѣстной «справедливой цѣнѣ» «плоды» изъ имущества опекаемыхъ ими лицъ [122]).

Понятіе справедливой цѣны примѣняется при судебныхъ раздѣлахъ общей собственности (communi dividundo iudicium). Когда вполнѣ или частично невозможенъ раздѣлъ въ натурѣ, производится вознагражденіе деньгами одного или нѣсколькихъ управомоченныхъ лицъ по справедливой цѣнѣ [123]). Одна конституція 224 г. предусматривала случай, когда объектъ общей собственности, не поддающійся раздѣлу въ натурѣ, присуждается одному изъ двухъ совладѣльцевъ, тому, который даетъ за чужую долю бо́льшую цѣну; но такъ какъ бѣдный совладѣлецъ по отсутствію средствъ не можетъ состязаться съ богатымъ въ пріобрѣтеніи цѣлаго имущества, то есть опасность, что богатый одолѣетъ бѣднаго и купитъ его долю за слишкомъ дешевую цѣну; дабы избѣгнуть этого, судья долженъ допустить сторонняго покупателя [124]).

[121]) D. 5, 3, 20: Restituere autem pretia debebit possessor etsi deperditae sunt res vel deminutae. sed utrum ita demum restituat, si bonae fidei possessor est an et si malae fidei? Et si quidem res apud emptorem exstent nec deperditae nec deminutae sunt sine dubio ipsas res debet praestare malae fidei possessor aut, si recipere eas ab emptore nullo modo possit tantum quantum in litem esset iuratum. at ubi deperditae sunt et deminutae, verum pretium debet praestari, quia si petitor rem consecutus esset, distraisset et verum pretium sei non perderet. Тамъ же supra: Quid si post petitam hereditatem res distraxerit? hic ipsae res venient fructusque earum. Sed si forte tales fuerunt, quae vel steriles erant vel tempore periturae et haec distractae sunt vero pretio, fortassis possit petitor eligere, ut sibi pretia et usurae praestentur. (Ulpianus.)

[122]) C. 5, 37, 28: .... tutoribus et omnibus curatoribus licere fructus sive qui ex reditibus praediorum colliguntur, sive ex substantia personarum quarum gubernationem habent inventi fuerint, id est vinum et oleum et frumentum vel cuiuscumque speciei sunt, sine decreto distrahere iusto pretio, quod in his locis, in quibus venditio celebratur, tunc temporis noscitur obtinere.

[123]) D. 10, 3, 10: In communi dividundo iudicio iusto pretio rem aestimare debebit iudex et de evictione quoque cavendum erit. (Paulus.)

[124]) C. 3, 37, 3: Ad officium arbitri, qui inter te et fratrem tuum dividendis bonis datum fuerit, ea sola pertinent, quae manent communia tibi et illi. nam ea, quorum partem is vendidit cum emptoribus tibi commu-

Если кто-либо владѣетъ мѣстомъ погребенія (семейнымъ кладбищемъ), но не владѣетъ дорогой, туда ведущей, то сосѣдъ такого лица долженъ ему предоставить эту дорогу за «справедливую цѣну» [125]). Норма эта относится ко II вѣку по Р. Хр. и, что довольно характерно, носитъ «экстраординарный» характеръ.

Никто не долженъ «грабежемъ, вопреки желанію собственника, (хотя-бы) по справедливой цѣнѣ пріобрѣсти вещь»: такому владѣльцу не дается даже публиціановъ искъ, очевидно, дабы онъ, пользуясь такой защитой отъ третьихъ лицъ, не могъ своевременно освободиться отъ владѣнія вещью и такимъ образомъ неправомѣрно обогатиться [126]).

Весьма важную роль понятіе истинной или справедливой цѣны играло въ римскомъ дотальномъ правѣ. Институтъ «приданаго» создавалъ въ римскомъ брачномъ правѣ такія отношенія, которыя требовали примѣненія оцѣнки. Именно черезъ посредство оцѣнки институтъ приданаго имѣлъ своеобразныя точки соприкосновенія съ куплей-продажей. Назначеніе приданаго могло быть даже облечено прямо въ форму продажи: лицо, дающее приданое, продаетъ его мужу и устанавливаетъ въ тоже

---

nia sunt et adversus singulos arbitrum petere debes, si ab illorum quoi que societate discedi placeat. Cum autem regionibus dividi aliquis ager inter socios non potest, vel ex pluribus singuli aestimatione iusta facta unicuique sociorum aduidicantur, compensatione invicem pretii facta eoque, cui maioris res pretii obvenit, ceteris condemnato, ad licitationem nonnumquam etiam extraneo emptor admisso, maxime si se non sufficede ad iusta pretia alter ex sociis sua pecunia vincere vilius licentem profiteatur.

[125]) D. 11, 7, 12: Si quis sepulchrum habeat, viam autem ad sepulchrum non habeat et a vicino ire prohibeatur, imperator Antoninus cum patre rescripsit ifer ad sepulchrum peti precario ei concedi solere ut, quotiens non debetur, impetretur ab eo, qui fundum adiunctum habeat. Non tamen hoc rescriptum quod impetrandi dat facultatem, etiam actionem civilem inducit, sed extra ordinem interpelletur praeses et iam compellere debet iusto pretio iter ei praestari, ita tamen ut iudex etiam de oportunitate loci prospiciat, ne vicinus magnum pabatur detumentum. (Ulpianus.)

[126]) D. 6, 1; 70: Nec quasi publicianam quidem actionem ei dandam placuit, ne in potestate cuiusque sit perrapinam ab invito domino rem iusto pretio comparare. Тамъ же l. 69: Is qui dolo fecit quo minus possideret hoc quoqne nomine punitur quod actore cavere ei non debet actiones, quas eius rei nomine habeat, se ei praestaturum. (Pomponius ad Sabinum.)

время, что мужъ не обязанъ уплатить цѣну, а сохраняетъ ее какъ dos [127]).

Но въ отличіе отъ купли-продажи, гдѣ количественная сторона сдѣлки была всецѣло предоставлена свободному изволенію, въ дотальномъ правѣ эта сторона была въ значительной мѣрѣ нормирована закономъ [128a]). Отсюда именно примѣненіе начала «справедливой цѣны» къ этимъ отношеніямъ уже въ классическомъ правѣ [128b]). Положимъ, жена утверждаетъ, что она была обманута; если, вслѣдствіе обмана, она не только оцѣнила раба слишкомъ низко, но и вообще дала его въ приданое, то она можетъ предъявить искъ о возвратѣ; если же она была обманута лишь въ отношеніи оцѣнки вещи, то мужу предоставляется на выборъ либо уплатить на основаніи справедливой оцѣнки, либо вернуть раба. Если же рабъ умеръ, то жена должна довольствоваться сдѣланной раньше оцѣнкой, ибо если бы не была произведена оцѣнка, то рискъ гибели долженъ былъ бы пасть на жену. Исключеніе однако юристы дѣлаютъ 1) для несовершеннолѣтней жены, которая, во всякомъ случаѣ, должна получить возмѣщеніе по справедливой цѣнѣ; 2) въ случаѣ dolus'а мужа [129]). Тутъ, стало быть, право проводитъ то различеніе

[127]) Ср. Windscheid. Pandektenrecht III⁹, S. 15—16. Bechmann Das römische Dotalrecht. Zweite Abteilung. Erlangen 1867, SS. 216—226 Czyhlarz. Das römische Dotalrecht. Giessen. 1870, Ss. 151—162.

[128a]) D. 23, 5. C. 5, 18, 6.

[128b]) Ср. Czychlarz l. c. S. 157: Der Grundsatz, dass beim Kaufe der Preis dem wahren Werte der Sache nicht entsprechen muss, wovon erst das spätere Recht im Falle der laesio enormis eine Ausnahme zuliess, wurde bei der dos aestimata schon von der klassischen Jurisprudenz verlassen.

[129]) D. 23, 3, 12: Si mulier se dicat circumventam minoris rem aestimasse. ut puta servum, si quidem in hoc circumventa est, quod servum dedit, non tantum in hoc, quod minoris aestimavit; in eo acturam, ut servus sibi restituatur. enimvero si in aestimationis modo circumventa est, erit arbitrium mariti, utrum justam aestimationen an potius servum praestet. et haec, si srvus vivit. quod si decessit, Marcellus ait magis aestimationem praestandam, sed non justam, sed eam, quae facta est: quia boni consulere mulier debet quod fuit aestimatus: ceterum si simpliciter dedisset procul dubio periculo eius moreretur non mariti. idemque et in minore circumventa Marcellus probat. plane si emptorem habuit mulier iusti pretii tunc dicendum iustam aestimationem praestandam idque dumtaxat uxori minori annis praestandum Marcellus scribit. Scaevola autem in marito notat, sidolus eius ad fuit, iustam aestimationem praestandam: et puto verius (Ulpianus ad Sabinum).

между простой circumventio и dolus'омъ, о которомъ мы говорили выше. Дальнѣйшее развитіе этой мысли о dolus'ѣ заключаетъ въ себѣ конституція Діоклеціана и Максиміана, относящаяся къ 290 или 293 г. и тоже установляющая оцѣнку по справедливой цѣнѣ [130]).

Въ наслѣдственномъ правѣ мы встрѣчаемъ возложеніе на наслѣдника обязательства купить или (чаще) продать что-нибудь въ пользу третьяго лица. Въ этихъ случаяхъ примѣняется понятіе справедливой, или истинной цѣны, какъ той нормы, которой долженъ держаться наслѣдникъ, если наслѣдодатель не опредѣлилъ цѣны того, что подлежитъ продажѣ. Т. е. наслѣдникъ долженъ не спрашивать съ легатарія той цѣны, какая ему заблагоразсудится [131]), а требовать лишь истинной цѣны. Наоборотъ, наслѣдникъ отягощается разницей между предписанной ему наслѣдодателемъ цѣной и цѣной истинной, и эта разница должна быть въ соотвѣтствіи съ lex Falcidia, т. е. не должна поглощать законную четверть, quarta Falcidia. Наслѣдодатель можетъ также предписать наслѣднику продать или купить что-либо прямо по справедливой цѣнѣ и, такой легатъ дѣйствителенъ [132]).

Выкупъ раба согласно завѣщательному распоряженію (фидеикомиссу) при извѣстныхъ условіяхъ обязателенъ. Для выкупа требуется согласіе собственника раба. Если онъ согласенъ на

[130]) Cod. 5, 18, 6: Si circumscripta matre vestra viliore pretio dotales res aestimatae sunt quid super huius modi contractuum vitio statutum sit, vulgo patet. Proinde si dolosis artibus mariti circumventam matrem vestram iniqua aestimatione circumscriptam apud praesidem provinciae evidentibus probationibus ostenderitis, quando possidentibus vobis ad obtinenda praedia etiam doli mali exceptionis potestas opituletur, sciet, quatenus religionem indicationis suae temperare debeat. Sin autem etiam maritus in aestimatione gravatum se adleget, veritate examinata non amplius quam pretium iustum restituere compellatur. Haec tum locum habent, cum res in natura sunt. Si tamen extinctae sint, pretium quod dotali instrumente inditum sit, id considerabitur.

[131]) D. 30, 49: Meminisse autem oportet eum qui damnatur hoc solum „fundum vendere“, non gratis damnare hoc facere, sed hoc solum ut vendat vero pretio. Quod si certo pretio sit damnatus facere necesse habebit tanti vendere quanti damnatus est (Ulpianus ad Sabinum).

[132]) D. 30, 66: Etsi aequo pretio emere vel vendere iusserit heredem suum testator adhuc utile legatum est. Quid enim si legatarius, a quo emere fundum heres iussus est, cum ex necessitate eum fundum venderet nullum inveniret emptorem? vel ex diverso quid si legatarii magni interesset eum fundum emere nec aliter heres venditurus esset quam si testator iussisset? (Gaius) Cp. Bechmann. System I, 268—269.

выкупъ, но тотъ, кто обязанъ выкупить раба, находитъ цѣну, требуемую господиномъ, неумѣренной, то въ дѣло вступается преторъ. Разъ преторъ признаетъ, что цѣна, требуемая за раба, не явно несправедлива, онъ можетъ заставить лицо, отягощенное фидеикомиссомъ, выкупить раба, и такой выкупъ въ цѣляхъ освобожденія совершается тогда по справедливой цѣнѣ [133]). Тутъ преторъ, значитъ, имѣетъ право рѣшить, не чрезмѣрна ли та цѣна, которую требуетъ собственникъ раба, подлежащаго выкупу, но ему не дано вовсе права—нормировать цѣну. Власть его направляется не на опредѣленіе цѣны, а на принужденіе къ выкупу раба тѣмъ лицомъ, на котораго это возложено завѣщательнымъ распоряженіемъ. Спеціальная норма, которой подчиненъ фидеикомиссный выкупъ, вдвигается въ общій процессъ улучшенія положенія рабовъ, совершавшійся въ эпоху римской имперіи [134]).

Въ дареніяхъ inter virum et uxorem, когда вещи не могли быть выданы, предписывалось «оцѣнивать ихъ по справедливой цѣнѣ», и даритель долженъ былъ гарантировать владѣльцу ихъ дѣйствительную цѣнность на случай эвикціи [135]).

По существу о справедливой цѣнѣ идетъ рѣчь въ той Юстиніановой конституціи 530 г., которая трактуетъ de iure dominii impetrandi и въ случаѣ сомнѣнія обязываетъ залогопринимателя къ присяжному показанію, что онъ продалъ залогъ не обманнымъ образомъ за слишкомъ дешевую цѣну, а по суще-

---

[133]) D. 40, 5, 31: Si is cuius servus est nolit eum vendere, ut manumitteretur, nullae praetoris partes sunt: idem est, et si pluris iusto vendere velit. Sin autem certo quidem pretio, quod non prima facie videtur esse iniquum, dominus servum vendere paratus est, is vero, qui rogatus est manumittere, immodicum id esse nititur, praetoris partes erunt interponendae, ut iusto pretio volenti domino dato libertas ab emptore praestetur. quod si et dominus vendere paratus sit et servus velit manumitti, cogendus est heres redimere et manumittere, nisi dominus velit servum manumittere, ut actio sibi pretii in heredem detur: idque faciendum est etiam, si heres latitet et ita imperator Antoninus rescripsit. (Paulus).

[134]) Cp. Wallon. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 2 ed. Paris. 1879 vol. III. Marquardt-Mau. D. Privatleben d. Römer I². Leipzig 1886. H. Blümner. Die römischen Privataltertümer, München 1911.

[135]) 24, 1, 36: Si donatae res exstant, etiam vindicari poterunt: sed quia causam possidendi donatio praestitit, aestimatio facienda est iusto pretio caverique possidenti debebit de evictione simpli, quanti ea res sit (Paulus).

ствующей въ данной мѣстности на данный предметъ обычной цѣнѣ [136]).

V.

1. Сближеніе, которое римляне устанавливали между оцѣнкой и продажей. Значеніе этого сближенія съ точки зрѣнія исторической феноменологіи цѣны (стр. 174—176). 2. „Оцѣнка" въ римскомъ процессѣ. Ея эволюція и о чемъ говоритъ эта эволюція? (стр. 176—179). 3. Соотношеніе между цѣной и интересомъ въ римскомъ правѣ. Мнѣніе Савиньи-Ф. Моммсена (стр. 179—181). 4. Разные виды цѣны въ римскомъ правѣ. Что такое „pretium formale" Дигестъ? Iustum pretium классическаго права (стр. 181—185).

1. Связь правовой «оцѣнки» (aestimatio) съ хозяйственнымъ оборотомъ выражается особенно ярко въ томъ сближеніи, которое римляне устанавливали между «оцѣнкой» и продажей. Настоящая, живая и дѣйственная оцѣнка (aestimatio, а не taxatio), если не совершенно отождествлялась, то весьма сильно сближалась съ продажей по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ. Такъ было съ litis aestimatio [137]). Такъ было во всѣхъ случаяхъ, когда при заключеніи той или иной сдѣлки совершалась оцѣнка: тутъ periculum переходилъ къ тому, кто принялъ оцѣнку [138]). Эта, казалось бы,

[136]) C. 8, 33, 3: Sin autem dubitatio exorta fuerit pro venditione utpote viliore pretio facta, sacramenti religionem creditor praestare compellatur, quod nulla machinatione vel circumscriptione usus est, sed tanti vendidit rem, quanti potuerit venire.

[137]) См. ниже.

[138]) Это можно прослѣдить на цѣломъ рядѣ институтовъ и отношеній. Относительно приданаго D. 23, 3, 10: Plerumque interest viri res non esse aestimatas idcirco, ne periculum rerum ad eum pertineat, maxime si animalia in dotem acceperit uel vestem, qua mulier utitur: eveniet enim, si aestimata sit et eam mulier adtrivit, ut nihilo minus maritus aestimationem eorum praestet, quotiens igitur non aestimatae res in dotem dantur, et meliores et deteriores mulieri fiunt. Si praediis inaestimatis aliquid accessit, hoc ad compendium mulieris pertinet: si aliquid decessit, mulieris damnum est. Si servi subolem ediderunt, mariti lucrum non est. Sed fetus dotalium pecorum ad maritum pertinent, quia fructibus computantur, sic tamen, ut suppleri proprietatem prius oporteat et summissis in locum mortuorum capitum ex adgnatis residuum in fructum maritus habeat, quia fructus dotis ad eum pertineat. Si ante matrimonium aestimatae res dotales sunt, haec aestimatio quasi sub condicione est; namque hanc habet condicionem «si matrimonium fuerit secutum.» Secutis igitur nuptiis aestimatio rerum perficitur et fit vera venditio. Inde queri potest, si ante nuptias mancipia aestimata deperierint, an mulieris damnum

на первый взглядъ не болѣе какъ юридическая тонкость въ глазахъ экономиста-историка полна жизненнаго смысла. Для него формула Ульпіана: secutis igitur nuptiis aestimatio rerum perficitur et fit vera venditio ...... aestimatio venditio est не просто «юридическая фигура» и еще менѣе «фикція». Въ этомъ отождествленіи символически заключена и начерчена вся эволюція цѣны черезъ безчисленные гетерогеническіе акты купли-продажи къ цѣнности, какъ нормативному понятію права, могущему стать «автогеническимъ» явленіемъ, велѣніемъ закона, направляющимъ или, по крайней мѣрѣ притязающимъ направлять хозяйственную жизнь «Юридическая фигура»: aestimatio est venditio указуетъ на то, что оцѣночные акты рождаются изъ вольнаго оборота, суть

---

sit, et hoc consequens est dicere: nam cum sit condicionalis venditio, pendente autem condicione mors contingens exstinguat venditionem, consequens est dicere mulieri perisse, quia nondum erat impleta venditio, quia aestimatio venditio est. Si res in dotem datae fuerint quamvis aestimatae, verum convenerit, ut aut aestimatio aut res praestentur, si quidem fuerit adiectum «utrum mulier velit», ipsa eliget, utrum malit petere rem aestimationem: verum si ita fuerit adiectum «utrum maritus velit», ipsius erit electio, aut si nihil de electione adiciatur, electionem habebit maritus, utrum malit res offerre an pretium earum: nam et cum illa aut illa res promittitur, rei electio est, utram praestet. sed si res non exstet, aestimationem omnimodo maritus praestabit. (Ulpianus ad Sabinum).

Cod. 5, 12, 1: Sin autem nulla pollicitatio vel promissio intercesserit post evictionem ejus, si quidem res aestimata fuerit, ex emto competit actio.

Cod. 5, 12, 5: Quotiens res aestimatae in dotem dantur, maritus dominium consecutus, summae velut pretii debitor efficitur. Si itaque non convenit, ut soluto matrimonio res restituerentur, et jure aestimatae sunt, retinebit eas, si pecuniam tibi offerat.

Cod. 5, 12, 10: Cum dotem te aestimatam accepisse profitearis, apparet jure communi per pactum, quod doti insertum est, formato contractu ex empto actionem esse. Quis enim dubitet. aestimationem a te mulieri deberi, quum periculo tuo res deteriores fiant, vel augmenta lucro tuo recipiantur.

При commodatum Dig. 13, 6, 5: Si forte res aestimata data sit, omne periculum praestandum ab eo, qui aestimationem se praestaturum recepit. (Ulpianus съ ссылкой на Quintus Mucius.) Cf. D. 24, 1, 7. (Ulpianus съ ссылкой на Pomponius.)

При locatio D. 19, 2, 54: Paulus respondit: servum, qui aestimatus colonae adscriptus est, ad periculum colonae pertinebit; et ideo aestimationem hujus defuncti ab herede colonae praestari oportere.

D. 19, 2, 3: Cum fundus locetur et aestimatum instrumentum co-

производныя купли-продажи. Эта «фигура» есть важное свидѣтельство въ пользу историческаго примата вольной цѣны надъ указной.

2. Извѣстно, какую роль играла оцѣнка въ римскомъ процессѣ. Мы видимъ тутъ, съ одной стороны, litis aestimatio, своеобразную процессуальную сдѣлку, по которой, уплачивая «оцѣнку иска», отвѣтчикъ освобождался отъ своего обязательства, и iusiurandum in litem, и то и другое проявленія стараго начала «самооцѣнки», выростающей изъ системы самопомощи [139]). Litis aestimatio есть въ принципѣ и по своему генезису вольная сдѣлка между сторонами, отсюда сближеніе, почти отождествленіе litis aestimatio

---

lonus accipiat, Proculus ait, id agi, ut instrumentum emptum habeat colonus, sicuti fieret, cum quid aestimatum in dotem daretur. (Pomponius.)

При depositum D. 24, 1, 52: Si vir uxori donationis causa rem vilius locaverit, locatio nulla est; cum autem depositum inter eos personas minoris causa aestimatur, depositum est. haec ideo tam varie, quia ocatio quidem sine mercede certa contrahi non potest, depositum autem et citra (въ „Дигестахъ" всегда = sine, cf. Vocabularium iurisprudentiae romanae sub voce) aestimationem quoque dari potest. (Pomponius.)

Эти случаи анализировалъ Шамбонъ (l. c. SS. 1—33), которому принадлежитъ заслуга выясненія разныхъ видовъ aestimatio въ римскомъ правѣ и ихъ юридическаго значенія. Отсюда Шамбонъ переходитъ къ contractus aestimatorius.

Contractus aestimatorius (Trödelvertrag) есть договоръ, по которому одно лицо обязывается, продавъ вещь для другого, отдать этому другому цѣну и этимъ исчерпывается вся отвѣтственность перваго. Возникъ вопросъ объ исковой защитѣ этого правоотношенія D. 19, 3, 1: fuit enim magis dubitatum cum res aestimata vendenda datur, utrum ex vendito sit actio propter aestimationem, an ex locato... an ex conducto.... an mandati (Ulpianus)—тутъ указывается именно интересующая насъ близость между aestimatio и venditio. Далѣе тотъ же фрагментъ продолжаетъ: Aestimatio autem periculum facit eius qui suscepit. Ср. впрочемъ D. 19, 5, 17. O contractus aestimatorius кромѣ Шамбона см. Windscheid Pandektenrecht II⁹, SS. 613—615.

Объ „аналогіяхъ" договора купли-продажи вообще см. Bechmann System I. Zweites Buch, Achtes Kapitel: Analogien des Kaufvertrages.

[139]) Ср. превосходную монографію A. Hefke. Bedeutung und Anwendungen der taxatio im römischen Recht. Historisch-dogmatische Abhandlung Berlin 1879. „Die in den Gesetzen der späteren Zeit vorgeschriebenen, unbestimmten Geldstrafen oder poenae aestimatoriae unterlagen der aestimation des Klägers. Dieses klägerische Aestimationsrecht war ein Ueberbleibsel

съ куплей-продажей[140]); iusiurandum in litem есть обращеніе судьи къ самооцѣнкѣ истца. И тутъ уже выступаетъ другой принципъ, который выражается другимъ терминомъ—taxatio. Aestimatio, по своему употребленію, есть родовое понятіе оцѣнки, объемлющее и вольную самочинную оцѣнку частнаго лица, и оцѣнку, исходящую отъ власти. Но по своему исходному смыслу [141]), т. е. генетически, aestimatio есть именно вольная оцѣнка, живой актъ цѣненія со стороны заинтересованнаго, какую бы изъ двухъ конкурирующихъ между собой этимологій этого слова мы ни приняли, тогда какъ taxatio (taxare — отъ греческаго τάσσειν) по своему исходному смыслу есть оцѣнка или оцѣночный актъ, по преимуществу (хотя и не всегда) исходящій отъ непосредственно въ дѣлѣ незаинтересованной, отъ дѣла далѣе отстоящей стороны[142]). Означая поэтому одинаково оцѣнку, aestimatio и taxatio, какъ видовыя понятія, различаются такъ: во-первыхъ aestimatio есть вольная и заинтересованная оцѣнка, taxatio — оцѣнка властная и незаинтересованная; во-вторыхъ—и это есть основное различіе—aestimatio есть оцѣнка живая, жизненная и дѣйственная, направляющаяся на установленіе опредѣленной цѣны, certum pretium [143 а]), т. е. переходящая непосредственно въ экономическое дѣйствіе, или, общѣе, превращающаяся въ фактъ (aestimatio est venditio);

und Surrogat des in früheren Zeiten dem Verletzten zustehenden—in der späteren zivilisirten Periode verdrängten —Rechtes der Selbsthülfe, der Talion" (l. c. S. 70). Ср. о таксаціи въ римскомъ правѣ также экскурсъ Ph. E. Huschke въ его изданіи Цицерона. Pro M. Tullio въ Analecta litteraria. Curante Imman. G. Huschkio. Lipsiae 1826, Pp. 253 — 276. (De taxationibus. Excursus III).

[140]) D. 6, 2, 7: Si lis fuerit aestimata similis est venditioni (Ulpianus). D. 25, 2, 22: Qui litis aestimationem suffert emptoris loco habendus est (Julianus). D. 41, 4, 1: Possessor qui litis aestimationem optulit pro emptore incipit possidere (Gaius). D. 41, 4, 3: Litis aestimatio similis est emptioni. Ср. также D. 21, 2, 21 (Ulpianus); D. 13, 6, 5 (Ulpianus).

[141]) Въ какомъ смыслѣ исходному, см. нашъ этимологическій экскурсъ.

[142]) См. нашъ этимологическій экскурсъ.

[143 а]) Поэтому характерно и мѣтко, хотя и безсознательно, старые средневѣковые глоссары опредѣляютъ: estimare est aliquid diffinire certum eius pretium [подчеркнуто мною, ср. отдѣлъ de significatione paucorum verborum въ Epitome exactis regibus ed. M. Conrat (Cohn), Berlin 1884 p. 60, этотъ глоссаръ былъ источникомъ для Бриссонія и Дюканжа]. Но нашъ глоссаръ уже не различаетъ aestimare и taxare и потому прибавляетъ: taxare idem est.

taxatio есть оцѣнка декларативная, отвлеченная, отвлеченно-нормирующая, устанавливающая для живой оцѣнки лишь предѣлъ вверхъ или внизъ [143 b]); отсюда—aestimatio можетъ означать окончательную, подлежащую осуществленію оцѣнку въ противоположность taxatio, какъ предварительной, не осуществленной, а только намѣченной оцѣнкѣ[144 a]). Поэтому-то новѣйшіе юристы въ рим-

[143 b]) Ср. Hefke l. c. S.S. 5—6. Въ процессѣ taxatio означаетъ только максимизацію. „Hier gerade, im Prozessrecht, bedeutet dumtaxat κατ'ἐξοχήν „höchstens", bedeutet taxatio, taxare recht eigentlich die Endgrenze (bezw. das Feststellen derselben), welche nicht überschritten werden darf". Ib. S. 8: „Von Hause aus scheinen beide Bedeutungen, sowoh „höchstens" als „mindestens", „wenigstens" in dem dumtaxat vereinigt zu sein... mit der Zeit überwog jedoch—vielleicht weil für dieses Wort grösseres Bedürfniss vorhanden war—die Bedeutung „höchstens", non plus quam, während die Bedeutung „mindestens", non minus quam, zurücktrat".

[144 a]) Какъ живая оцѣнка, призванная превратиться въ фактъ, aestimatio противопоставляется предварительно нормирующей taxatio въ извѣстномъ мѣстѣ Цицерона pro Tullio (III): iudicium vestrum est, recuperatores (слѣдуетъ формула). Eius rei taxationem nos fecimus; aestimatio vestra est; iudicium datum est in quadruplum". Подчеркнутыя слова Ѳ. Ф. Зѣлинскій переводитъ такъ: „предварительную смѣту убытка представили мы, его окончательная оцѣнка дѣло ваше" и въ примѣчаніи говоритъ, что „въ позднѣйшемъ правѣ слова эти (taxatio и aestimatio) помѣнялись смысломъ, т. е. слово aestimatio стало употребляться—хотя не исключительно—въ смыслѣ предварительной оцѣнки истца, taxatio исключительно въ смыслѣ окончательной оцѣнки судьи" (М. Туллій Цицеронъ. Полное Собраніе рѣчей т. I, Спб. 1901, стр. 172). Мы видѣли, что aestimatio и taxatio въ языкѣ права противополагаются, такъ сказать, въ двухъ плоскостяхъ. Основное значеніе aestimatio есть однако то, которое сближаетъ ее съ живымъ актомъ купли-продажи. Въ греческомъ языкѣ, давшемъ латинскому глаголъ taxare, утвердилось употребленіе одного только слова: τιμάω, τιμᾶσθαι (съ его производными τίμημα, τίμησις) для обозначенія экономической = денежной оцѣнки (ἄξιος, ἀξιόω получило по преимуществу, хотя не исключительно, идеальное значеніе, въ отличіе отъ родственнаго ему по исходному смыслу aestimare). Но въ греческомъ процессѣ, въ различеніи подлежащихъ оцѣнкѣ и неподлежащихъ оцѣнкѣ, фиксированныхъ исковъ—ἀγῶνες τιμητοὶ и ἀγῶνες ἀτίμητοι—сохранился слѣдъ первичнаго значенія τιμα какъ вольной оцѣнки, ибо ἀγὼν ἀτίμητος это—такой искъ, котораго оцѣнка (или санкція) опредѣлена, нормирована въ законѣ, ᾧ πρόσεστιν ἐκ τῶν νόμων ὡρισμένον τίμημα, какъ говоритъ Гарпократіонъ. Характерно и неслучайно, что другіе лексикографы и схоліасты (ср. цитаты у Meier-Schömann-Lipsius. Das attische Recht, II, 1 S. 248) неспособны были даже понять эту, съ точки зрѣнія позднѣйшаго единаго смысла τιμα,

скомъ дотальномъ правѣ внутри родового понятія aestimatio различаютъ: aestimatio venditionis gratia и aestimatio taxationis gratia. Различеніе это они дѣлаютъ, опираясь на характерный текстъ источниковъ: cum res in dotem aestimatas soluto matrimonio reddi placuit, summa declaratur non venditio contrahitur [144b]). Тутъ, по существу, таксація, какъ декларативная оцѣнка, противополагается конкретной оцѣнкѣ, которая лежитъ въ основѣ дѣйствительной продажи и которая непосредственно связываетъ обѣ стороны.

Этотъ смыслъ taxatio ясно выступаетъ въ области гражданскаго процесса. Здѣсь condemnatio cum taxatione есть та часть формулы (претора), которая даетъ судьѣ полномочіе — присудить отвѣтчика къ уплатѣ извѣстной суммы, имъ, судьею, опредѣ-ляемой въ предѣлахъ установленной преторомъ максимальной суммы (ne pluris condemnet quam taxatum sit. Gai IV. 52). Преторъ же таксировалъ сумму на основаніи оцѣнки истца. Преторъ могъ in jure понизить оцѣнку истца, а судья могъ in iudicio итти въ своемъ рѣшеніи отъ «таксаціи» претора внизъ (но не вверхъ). Подобно тому, какъ въ однихъ случаяхъ преторъ in jure вводитъ въ формулу taxatio, въ другихъ случаяхъ iudex in iudicio присоединялъ тоже свою taxatio къ присяжной оцѣнкѣ истца (iusiurandum in litem). Эта таксація судьи могла либо предшествовать присяжной оцѣнкѣ истца, который не долженъ былъ превысить указаннаго судьей максимума, либо слѣдовать за ней (право судьи умѣрять оцѣнку истца развилось постепенно). Преторская taxatio исчезла вмѣсто съ формулярнымъ процессомъ, судейская taxtio, въ формѣ права умѣрять оцѣнку истца, перешла въ «общее право» и сохранилась до нашихъ дней [145]). Въ развитіи процессульнаго принципа и института «оцѣнки», отъ litis aestimatio до умѣряемаго назначеннымъ судьей iusiurandum in litem, отражается эволюція

весьма странную терминологію. Греческій Ἀγὼν (sc. δίκη) τιμητός тождественъ съ римской actio aestimatoria, и въ частности, весьма вѣроятно, что δίκη αἰκίας греческаго права, которая была типичнымъ ἀγὼν τιμητός, была прообразомъ римской actio inuriarum aestimatoria: послѣдняя, быть можетъ, изъ греческаго права была заимствована эдиктомъ претора перегриновъ и оттуда перешла въ эдиктъ городского претора. Ср. H. F. Hitzig. Iniuria. Beiträge zur Geschichte der iniuria im griechischen und römischen Recht. München 1899, SS. 60—72.

[144b]) D. 23, 3, 69 (Papinianus).

[145]) Обо всемъ этомъ см. указанное изслѣдованіе Hefke.

отъ вольной цѣны, отъ изволенія и соглашенія сторонъ, къ цѣнѣ указной, къ нормировкѣ, исходящей отъ власти, т. е. та самая эволюція, которую мы намѣчаемъ во всемъ нашемъ изложеніи.

3. Ту же эволюцію мы можемъ намѣтить, разсматривая проблему соотношенія между цѣной и интересомъ въ римскомъ правѣ. Римское право различало между цѣной-цѣнностью и интересомъ [146]), но безразлично для того и другого понятія иногда употребляло одинаковыя выраженія. Такъ выраженіе: quanti res est (erit) означало иногда цѣнность, иногда—интересъ [147]). Въ связи съ этимъ въ литературѣ возникло мнѣніе, что первоначально римское право въ цѣломъ рядѣ случаевъ требовало возмѣщенія цѣнности и лишь затѣмъ перешло къ интересу [148]). Источники этого однако нисколько не говорятъ. Изъ нихъ вытекаетъ только, что общепринятая интерпретація въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ относила выраженіе quanti res est къ интересу, а не къ цѣнности. Источники противопоставляютъ интерпретаціи не смыслъ закона, а verba legis. I. 4, 3. Въ другомъ мѣстѣ въ пользу «цѣнности» приводится мнѣніе болѣе ранняго юриста. D. 43, 17,3 (Ulpianus contra Servium). Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что мнѣнію болѣе ранняго юриста соотвѣтствуетъ болѣе ранняя формація права. Мы знаемъ, что ранніе юристы нерѣдко предвосхищали ту точку зрѣнія, которую оспаривали ихъ преемники и къ которой все-таки приходило право въ своемъ развитіи. Примѣръ: Ofilius contra Labeonem et Cassium Gai III, 140—141 по вопросу, дѣйствительна ли купля-продажа въ случаѣ: si ita inter nos convenerit, ut quanti Titius rem aestimaverit, tanti sit empta.

Мнѣніе Савиньи и Моммзена есть гипотеза, которую мы не можемъ принять. На основаніи всего нами уже установленнаго мы, наоборотъ, склонились бы къ противоположной гипотезѣ, что первоначально область интереса была шире и что развитіе въ римскомъ обязательственномъ правѣ шло не отъ цѣны-цѣнности къ интересу, а наоборотъ отъ интереса къ цѣнности, если бы самое понятіе «интереса» не было вообще явленіемъ позднѣйшимъ. Раз-

[146]) См. примѣры выше.

[147]) Случаи эти указаны у Fr. Mommsen. Beiträge z. Obligationenrecht. II. Zur Lehre vom Interesse. Braunschweig 1855. SS. 45—55.

[148]) Mommsen l. c. Мнѣніе это восходитъ къ Савиньи, высказавшему его въ экскурсѣ: Quanti res est въ System des heutigen römischen Rechtes. Fünfter Band. Berlin 1841, SS. 441—460.

витіе идетъ отъ самооцѣнки истца, принимаемой отвѣтчикомъ; очевидно, эта самооцѣнка не совпадаетъ ни съ позднѣйшей «цѣнностью», ни съ позднѣйшимъ «интересомъ», она элементарнѣе ихъ обоихъ; въ дальнѣйшемъ она, съ одной стороны, можетъ быть ограничиваема на основаніи «типической цѣнности», съ другой, можетъ превращаться въ то сложное психологическое построеніе, какое представляетъ интересъ римскаго права. Фактически, обѣ эти нити переплетаются, и весь процессъ завершается тѣмъ, что законодатель нормируетъ интересъ и ставитъ его величину тамъ, гдѣ цѣнность извѣстна, въ простую зависимость отъ цѣнности [149]).

«Интересъ» понимался римскимъ правомъ, какъ выраженіе конкретной оцѣнки того ущерба, который вслѣдствіе какого-либо факта наступилъ для лица, имѣющаго обоснованное въ объективномъ правѣ притязаніе на «интересъ». Интересъ есть не цѣна и не цѣнность, а сложное построеніе, въ основѣ котораго, какъ составные элементы, лежатъ цѣны-цѣнности.

Хотя римляне интересъ противополагали объективной цѣнности, но нельзя всетаки сказать, чтобы въ основѣ установленія интереса лежала чисто субъективная, абсолютно индивидуальная оцѣнка. Установленіе интереса есть, правда, конкретно-индивидуальная, но въ то же время общеобязательная, ко всякому, въ данномъ положеніи находящемуся субъекту примѣнимая оцѣнка [150]). Римскіе юристы понимали, хотя не вполнѣ продуманно и точно выражали это, когда общеобязательную оцѣнку интереса противопоставляли субъективной оцѣнкѣ, вытекающей изъ affectio, «при-

---

[149]) C. 7, 47 (531 г.). De sententiis quae pro eo quod interest proferuntur. Юстиніанъ постановилъ тутъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, которые certam habent quantitatem vel naturam, veluti in venditionibus et locationibus et omnibus contractibus интересъ не превышалъ двойной цѣнности (dupli quantitatem) Въ неопредѣленныхъ же случаяхъ (in aliis autem casibus, qui incerti esse videntur) судьи должны всячески умѣрять притязанія лицъ, ищущихъ возмѣщенія интереса — quod re vera inducitur damnum, hoc reddatur et non ex quibusdam machinationibus et immodicis perversionibus in circuitus inextricabiles redigatur, ne, dum in infinitum computatio reducitur, pro sua impossibilitate cadat, cum scimus esse naturae congruum eas tantummodo poenas exigi, quae cum competenti moderatione proferuntur vel a legibus certo fine conclusae statuuntur. Ср. Mommsen l. c. SS. 231—238.

[150]) Ср. Windscheid. Pandektenrecht, III⁹, S. 56.

страстія». Полной логической послѣдовательности тутъ не было и быть не могло, ибо различеніе между конкретно-индивидуальной оцѣнкой и оцѣнкой пристрастія вытекало изъ двойственнаго стремленія—отдать должное той индивидуальной комбинаціи, какую представляетъ всякій интересъ, и въ то же время не впасть въ потаканіе пристрастію, какъ блажи или капризу управомоченнаго.

4. Слѣдуя различеніямъ, устанавливаемымъ въ источникахъ, въ догмѣ римскаго права давно различаютъ pretium commune, pretium singulare и pretium affectivum или affectionis—самыхъ этихъ выраженій въ источникахъ нѣтъ [151]). Pretium commune это «рыночная цѣна» или типическая цѣнность, какъ отвердившаяся и выведенная изъ оборота норма. Что же такое pretium singulare? Примѣнительно къ вопросу объ интересѣ pretium singulare опредѣляютъ какъ оцѣнку по той цѣнности, которую оцѣниваемый предметъ имѣетъ для имущества даннаго управомоченнаго лица [152]). Какъ конкретно-индивидуальный интересъ трудно отграничить отъ интереса пристрастія, такъ и pretium singulare трудно отграничить отъ pretium affectionis, хотя Павелъ и Педій въ своихъ извѣстныхъ разсужденіяхъ и различаютъ между affectio и utilitas singulorum [153]). Но зато pretium singulare вполнѣ ясно отграничивается отъ pretium commune. Pretium singulare должно быть принимаемо во вниманіе для благъ, не могущихъ имѣть или фактически не имѣющихъ рыночной цѣны. Для такихъ благъ (предметовъ оборота) iustum pretium, или vera aestimatio конечно не можетъ совпадать съ «рыночной цѣной»=типической цѣнностью и должно опредѣляться каждый разъ особо, ибо не подъ всякую цѣну можетъ быть подставлена, въ качествѣ нормы, «типическая цѣнность». По этой простой причинѣ понятіе «справедливой цѣны» иногда не является ссылкой на рыночную цѣну. Pretium singulare есть — пользуясь весьма удачнымъ выраженіемъ Гольдшмидта[154])—Gelegenheitspreis въ отличіе отъ pretium commune, какъ Marktpreis.

[151]) Ср. Mommsen l. c. 213 и Е. В. Пассекъ. Неимущественный интересъ въ обязательствѣ. Дерптъ. 1893, стр. 12—16. Ср. Richard Cohnfeldt. Die Lehre vom Interesse nach Römischem Recht. Leipzig 1865, который этой классификаціи видовъ цѣны (и интереса) не признаетъ.

[152]) Mommsen, l. c. S. 213—214.

[153]) D. 35, 2, 63. D. 9, 2, 33 ср. D. 7, 7, 6. (Ulpianus.)

[154]) L. Goldschmidt. Handbuch des Handelsrechts. II², Erste Lieferung. Stuttgart. 1883, S. 103.

Рыночная цѣна есть отвердившаяся въ норму, типическая «цѣнность», но не просто всякая «бывшая» или «состоявшаяся» цѣна.

Рыночная цѣна есть цѣна и бывшая, и настоящая—и pretium praeteritum, и pretium praesens въ одно и тоже время; есть цѣна отвердившаяся и въ то же время ходячая или текущая [155]). Выраженіе pretium praesens не разъ встрѣчается въ источникахъ. Въ «Дигестахъ» прямо сказано, что бывшія цѣны не могутъ считаться «справедливыми» въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ расходятся съ «настоящими».

> D. 49, 14, 3: Divi fratres (т. е. Маркъ Аврелій и Люцій Веръ) rescripserunt in venditionibus fiscalibus fidem et diligentiam a procuratore exigendam et iusta pretia non ex praeterita venditione sed ex praesenti aestimatione constitui: sicut enim diligenti cultura pretia praediorum ampliantur, ita, si neglegentibus habita sint, minui ea necesse est. (Callistratus.)

Императоры хотятъ тутъ подчеркнуть, что «справедливыя» цѣны никогда не должны быть механически прикрѣплены къ какой-нибудь твердой неподвижной нормѣ (въ данномъ случаѣ къ прецеденту).

По смыслу съ pretium praeteritum (или точнѣе—съ pretium ex praeterita emptione constitutum) въ его противоположеніи pretium praesens въ извѣстной мѣрѣ совпадаетъ терминъ источниковъ pretium formale [156]). Это выраженіе въ Corpus встрѣчается только

[155]) Поэтому нельзя безъ дальнѣйшихъ разсужденій pretium praesens отождествлять съ рыночной цѣной, какъ это дѣлаетъ Tydemann, который пишетъ: pretium praesens est, quod hodie universe constat pro rebus his dari: unde efficere licet Romanis quoque notum fuisse quod nos markt-prijs et prijs-courant dicimus (авторъ — голландецъ). S. G. Tydemann. Disquisitio juridico-politica de oeconomiae politicae notionibus in Corpore juris civilis Justinianeo. Lugduni Batavorum 1838, p. 45. Всякая рыночная цѣна есть pretium praesens, но нельзя сказать обратно, что всякое pretium praesens есть цѣна рыночная. Ср. Goldschmidt l. c.

[156]) D. 35, 2, 62: Ulpianus libro primo ad legen Juliam et Papiam. In lege Falcidia hoc esse servandum Julianus ait, ut, si duo rei promittendi fuerint vel duo rei stipulandi, si quidem socii sint in ea re, dividi inter eos debere obligationem, atque si singuli partem pecuniae stipulati essent vel promisissent: quod si societas inter eos nulla fuisset in pendenti esse in utrius bonis computari oporteat id quod debetur vel ex cuius bonis detrahi. Corpora si qua sunt in bonis defuncti, secundum rei verita-

одинъ разъ и у комментаторовъ получило различныя объясненія, и притомъ прямо противоположныя [157]). Одни pretium formale отождествляютъ съ pretium censuale, т. е. съ цензовой оцѣнкой имущества, другіе—съ pretium affectivum или affectionis. Изъ этихъ объясненій второе объясненіе явно несообразно, первое же представляется правильнымъ, но въ болѣе общей редакціи. Pretium formale есть вообще «бывшая» и какъ-нибудь фиксированная цѣна, расходящаяся съ цѣной настоящей, съ pretium praesens. Еще Готофредъ младшій въ своемъ комментаріи къ Cod. Theod. весьма остроумно привлекъ къ объясненію этого темнаго термина одну конституцію Константина, въ которой сказано: non semper nec in omnibus locis una est forma pretiorum, pro diversitate locorum et temporum in specie pretia danda sunt [158]). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту издатель Θеодосіева кодекса поясняетъ разбираемое выраженіе такъ: formali id est stato, certo, perpetuo pretio, cuius eademque ubique semper taxata est, stata forma [159]). Дѣйствительно сопоставленіе Cod. Theod. 14, 4, 2 съ D. 35, 2, 62 даетъ указаніе на вполнѣ пріемлемое истолкованіе термина «формальной цѣны» въ римскомъ правѣ. Рѣшающее значеніе въ этомъ истолкованіи имѣетъ однако обращеніе къ греческому тексту Basilica. Соотвѣтствующее мѣсто въ нихъ гласитъ: Τὰ σωματικὰ τῆς κληρονομίας πράγματα οὐ πρὸς τὴν τετυπωμένην σκοποῦμεν διατίμησιν, ἀλλὰ πρὸς τὴν παροῦσαν καὶ ἀληθῆ (Lib. XLI, Tit. I). Formalis восходитъ къ forma = τύπος. Forma-τυπος въ общемъ означаетъ образъ-форму и въ частности норму, указъ, уставъ [160]).

tem aestimanda erunt, hoc est secundum praesens pretium: nec quicquam eorum formali pretio aestimandum esse sciendum est.

[157]) См. эти объясненія у Barnabae Brissonis .... de verborum quae ad ius civile pertinent significatione ed. Heinecci-Böhmeri Halae Magdeburgicae 1743 sub. v. formalis, а также у Otto-Schilling-Sintenis. Das Corpus juris civilis in's Deutsche übersetzt. Dritter Band. Leipzig. 1831, S. 680.

[158]) Cod. Theod. 14, 4, 2.

[159]) Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis Jacobi Gothofredi (Ed. princeps Lugduni 1665) opera et studio Antonii Marvillii. Tomus V, p. 171. Въ Риттеровомъ изданіи Готофредова Cod. Theodosianus (1736 г.) этого объясненія нѣтъ.

[160]) Ср. Dig. 50, 15, 4: forma censualis и Fronto ad M. Caesarem I,6: tuis decretis, imp(erator),.... formam dederis omnibus omnium provinciarum

Отрывокъ о pretium formale весьма поучителенъ и характеренъ. Pretium formale было несомнѣнно pretium въ извѣстной мѣрѣ taxatum, т. е. выступало съ притязаніемъ на нормативный характеръ. Такимъ образомъ оно было какъ бы особое выраженіе «указной» цѣны. И классическое римское право такой указной цѣнѣ противопоставляло справедливую цѣну или истинную оцѣнку.

Iustum pretium классическаго права, такимъ образомъ, имѣетъ двоякій смыслъ. Во-первыхъ, для рыночныхъ товаровъ оно совпадаетъ съ рыночной цѣной, есть pretium, которое communiter fungitur, и которое въ то же время есть pretium praesens. И, вовторыхъ, iustum pretium есть pretium praesens хотя бы сингулярнаго характера, если вещь или цѣлое имущество не допускаетъ рыночной оцѣнки.

VI.

1. Const. 2 de resc. vend. 285 г. и судьба института laesio enormis въ Ѳеодосіевомъ законодательствѣ (стр. 185—189). 2. Рецепція laesio enormis въ западномъ правѣ совершается черезъ посредство церковныхъ вліяній. Каноническое право даетъ распространительное толкованіе принципу laesio enormis (стр. 189—195). 3. Рецепція этого института въ итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ правѣ (стр. 195—199). 4. Laesio enormis въ византійскомъ правѣ (стр. 199—200).

1. Мы уже упоминали о томъ, что конституція 285 г. императоровъ Діоклеціана и Максиміана de resc. vend., вошедшая въ Юстиніановъ кодексъ, занимаетъ даже въ этой кодификаціи какое-то странное положеніе. Она отрицается другими рядомъ стоящими въ томъ же кодексѣ конституціями тѣхъ же императоровъ, относящимися къ 293 г. (3, 4, 5)[161]) и конституціей 15

magistratibus, quid in eius modi causa decernant. Греческое τύπος = rescriptum, decretum, constitutio principis. Ср. Du Cange Glossarium..... mediae et infimae graceitatis. Lugduni 1688 Sub v. Ср. тамъ же Sub v. τετυπωμένη (=formata=sigillata). Его же Glossarium mediae et infimae latinitatis sub vv. forma et typus. Ср. также Mitteis-Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. II Band 2 Häfte Chrestomathie, № 319, 47 (S. 372).

[161]) C. 4. 44, 3: De contractu venditionis et emptionis iure perfecto alterutro invito nulla recedi tempore bona fides patitur, neo ex rescripto nostro, quo iure fiscum nostrum uti saepe constitutum est.

Граціана, Валентиніана и Θеодосія отъ 383 г. [162]). Конституція 8 того же года [163]) подтверждаетъ конституцію 2 285 г. de rescindende venditione, но съ такими оговорками, что ясно чувствуется, какъ нелегко далось законодателю отступленіе отъ принципа свободы договора. Наконецъ, въ Θеодосіевъ кодексъ принципъ laesio enormis совершенно не былъ воспринятъ; наоборотъ, рядъ конституцій этого кодекса настойчиво подчеркиваетъ, что

C. 4, 44, 4: Ad rescindendam venditionem et malae fidei probationem hoc solum non sufficit, quod magno pretio fundum comparatum minoris distractum esse commemoras.

C. 4, 44, 5: Si dolo adversarii deceptum venditionem praedii te fecisse praeses provinciae aditus animadverterit sciens contrarium esse dolum bonae fidei quae in huius modi maxime contractibus exigitur rescindi venditionem iubebit. Quod si jure perfecta venditio est a maiore viginti quinque annis, intelligre debes consensu mutuo perfectam venditionem resolvi non posse. Тутъ для рецциссіи требуется наличность dolus'a, но essentiale института laesio enormis именно въ томъ и заключается, что сдѣлка расторгается независимо отъ dolus'a. Dolus опорачиваетъ сдѣлку и по классическому праву на основаніи общаго начала преторской охраны. D. 4, 3, 1.

[162]) C. 4, 44, 15=C. Theod. 3, 1, 4. съ измѣненіемъ, приспособляющимъ ее къ принципу laesio enormis: Quisquis maior aetate praedia etiam procul posita distraxerit, paulo vilioris pretii nomine repetitionis rei venditae copiam minime consequatur neque inanibus immorari sinatur objectis, ut vires sibimet locorum causetur incognitas, qui familiaris rei scire vires vel merita atque emolumenta debuerat. Слово paulo интерполировано Трибоніаномъ; отсюда получился смыслъ, что незначительная разница между уплаченной и истинной цѣной не опорачиваетъ сдѣлки.

[163]) Si voluntate tua fundum tuum filius tuus venumdedit, dolus ex calliditate atque insidiis emptoris argui debet vel metus mortis vel cruciatus corporis imminens detegi ne habeatur rata venditio. hoc enim solum quod paulo minori pretio fundum venumdatum significas, ad rescindendam emptionem invalidum est. quod videlicet si contractus emptionis atque venditionis cogitasses substantiam et quod emptor viliori comparandi venditor cariori distrahendi votum gerentes ad hunc contractum accedant vixque post multas contentiones paulatim venditore de eo quod petierat detrahente. emptore autem huic quod obtulerat. ad certum consentiant pretium, profecto perspiceres neque bonam fidem, quae emptionis atque venditionis conventionem tuetur pati neque ullam rationem concedere rescindi propter hoc consensu finitum contractum vel statim vel post pretii quantitatis disceptationem: nisi minus dimidia iusti pretii, quod fuerat tempore venditionis, datum est, electione iam emptori praestita servanda.

договоръ купли-продажи не можетъ быть опорачиваемъ ссылкой на уплату слишкомъ низкой цѣны [164]).

Это положеніе знаменитой конституціи 2 de resc. vend. въ контекстѣ прочаго законодательства той же эпохи повело даже къ предположенію о томъ, что она интерполирована [165]). Но такое предположеніе основывается лишь на совершенно невѣрной мысли, что законодательство той эпохи было цѣльно по своему духу. Этого на самомъ дѣлѣ нельзя утверждать; наоборотъ, не только вѣроятно, но даже несомнѣнно прямо противоположное: въ самомъ законодательствѣ шла явно борьба различныхъ принциповъ и тенденцій—пестрота 44-го титула книги 4-ой Юстиніанова кодекса отразила эту борьбу.

Начало, выраженное въ const. 2 de resc. vend., шло вразрѣзъ съ исконной традиціей римскаго гражданскаго права, утверждавшей свободу установленія цѣнъ и невмѣшательство власти въ процессъ ихъ образованія. Противъ этой традиціи въ эпоху домината велась непрерывная борьба, исходившая отъ заинтересованныхъ частныхъ лицъ и опиравшаяся на новое эллинистически-восточное представленіе о власти государя [166]). Рескриптъ

---

[164]) 3, 1, 1 (319 г.): Venditionis atque emptionis fidem nulla circumscriptionis violentia facta rumpi minime decet. Nec enim sola pretii vilioris querella contractus sine ulla culpa celebratus litigioso strepitu turbandus est.

3, 1, 7 396: Semel inter personas legitimas initus empti contractus et venditi ob minorem adnumeratam pretii quantitatem nequeat infirmari.

Ср. 3, 1, 4 = Cod. Iust. 4, 44, 15.

[165]) Gradenwitz въ Bullettino del l'Istituto di diritto Romano 1889 Fasc. I e II, pp. 14—15.

[166]) См. объ этомъ представленіи Mommsen. Staatsrecht II, 2, S. 752. K. J. Neumann. Der römische Staat und die allgemeine Kirche. Leipzig 1890, S. 7 u. ff. и E. Kornemann. Die römische Kaiserzeit въ Gercke-Norden. Einleitung in die Altertumswissenschaft III, въ особенности SS. 207—208 и 225 (у обоихъ этихъ авторовъ указана важнѣйшая литература). О соотношеніи эллинистическаго культа государя и восточнаго ср. еще Kaerst Geschichte d. hellenistischen Zeitalters II, 1. Das Wesen d. Hellenismus (Leipzig u. Berlin 1909) S. 374 u. ff. Beilage II. Der hellenistische Herrscherkult. Кэрстъ считаетъ непосредственную связь (eine unmittelbare Anknüpfung) эллинистическаго культа государя съ „восточнымъ прообразомъ" мало вѣроятной. Ср. также освѣщеніе проблемы взаимодѣйствія Востока и Рима съ другой стороны у Ludwig Hahn. Rom und Romanismus im griehisch-römischen Osten (до Адріана включительно). Leipzig. 1906.

Діоклеціана и Максимиліана къ Аврелію Лупу есть спеціальное постановленіе, законъ или, вѣрнѣе, распоряженіе на случай. Таковы были вообще всѣ рескрипты императоровъ, и печать экстраординарности лежитъ достаточно явственно на этой нормѣ. И въ то же время рескриптъ, адресованный Лупу, не constitutio personalis, a constitutio generalis [167]. Но, съ другой стороны, создавая общій принципъ laesio enormis, императоръ повидимому оставилъ за собой примѣненіе его къ каждому отдѣльному случаю, и именно этимъ, смѣшаннымъ, да позволено будетъ выразиться—сингулярно-генеральнымъ, характеромъ рескрипта 285 г. къ Лупу объясняется пестрота соотвѣтствующаго титула Юстиніанова Кодекса. Установляя принципъ laesio enormis, законодатель вовсе не стремился всякій случай подвести подъ него. Скорѣе, наоборотъ, онъ самъ остерегался этого.

Изъ текста const. 2 de resc. vend. явствуетъ, что 1) она относится къ переходу земельныхъ имуществъ; 2) право ресциссіи дается только продавцу [168]. Кромѣ того, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что рескриптъ къ Лупу Аврелія относится къ восточной Имперіи. Моммсенъ впервые указалъ [169] и Миттейсъ вслѣдъ за нимъ обратилъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что почти всѣ рескрипты Діоклеціоновой эпохи относятся къ восточной имперіи и отражаютъ народное правосознаніе этой части римскаго государства [170], т. е. право-

---

167) Ср. объ этомъ различеніи мѣста источниковъ, приводимыя у Krüger. Histoire des sources du droit romain. Traduit. . . par M. Brissaud. Paris 1894. (Французскій переводъ исправленъ и дополненъ Крюгеромъ), p. 130 et sqq. (S. 97 u. ff. нѣмецкаго оригинала 1888 г.).

168) Цахаріэ фонъ Лингенталь (см. ниже цитированную статью) толкуетъ эту конституцію какъ соціально-политическое мѣропріятіе, вызванное критическимъ положеніемъ мелкой земельной собственности, утѣсняемой крупными владѣльцами. Это вполнѣ согласуется съ той характеристикой положенія мелкаго землевладѣнія въ Малой Азіи въ разсматриваемую эпоху, которую мы находимъ въ новѣйшемъ изслѣдованіи М. И. Ростовцева. M. Rostowzew. Studien z. Geschichte d. römischer Kolonates. Leipzig-Berlin 1910, SS. 311—312. Ср. его же статью Kolonat въ HWB. d. Staatswissenschaften. 3 Aufl. V Band, S. 912.

169) Mommsen. Die Zeitfolge der Verordnungen Diocletians und seiner Mitregenten въ Abhandlungen d. K. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin 1860, теперь въ Juristische Schriften II (Berlin 1905). S. 195 u. ff.

170) См. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Mit Beiträgen zur Kenntniss des

сознаніе восточно-эллинистическое въ его, такъ сказать, римской редакціи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что на const. 2 de resc. vendit. отразился тотъ выдвинутый Миттейсомъ, «всемірно-историческій процессъ, который состоялъ въ соединеніи греческой юридической мысли съ римскою» [171]).

Принципъ, положенный въ основу Const. 2 de resc. vend., наткнувшись на исконную противоположную традицію римскаго права, входилъ весьма медленно въ жизнь. И инкорпорація этой конституціи въ Юстиніанову кодификацію вовсе не означала еще побѣды ея принципа. Она была въ значительной мѣрѣ механической.

2. Рецепція этого принципа представляетъ интересъ съ точки зрѣнія нашей темы, и мы на ней остановимся въ краткомъ очеркѣ. Оправданіемъ его явной неполноты да послужитъ болѣе чѣмъ недостаточная разработка этой любопытной проблемы въ исторіи права.

---

griechischen Rechts und der spätrömischen Rechtsentwicklung. Leipzig 1891. S. 11.

[171]) См. Mitteis l. c. SS. 8—9.—Однако рѣчь можетъ итти только о восточно-греческой, т е. эллинистической юридической мысли. Не останавливаясь подробно на вопросѣ о laesio enormis въ греческомъ правѣ доэллинистической и доримской эпохи, скажу только нѣсколько словъ о положеніи этого вопроса въ литературѣ. Caillemer высказалъ мнѣніе, что рессциссія на основаніи laesio enormis существовала въ аттическомъ правѣ (Ср. его. Le contrat de vente à Athènes. Deuxième Article въ Revue de législation ancienne et moderne française et étrangère 1873, pp. 32—33; Caillemer опирается тутъ на толкованіе Демосѳеновой рѣчи противъ Пентэнета). Beauchet рѣшительно возсталъ противъ этого мнѣнія. (Ср. его Histoire du droit privé de la république Athénienne. T. IV. Paris 1897, pp. 115—118). Въ случаѣ, который разбирается въ указанной рѣчи Демосѳена, какъ совершенно независимо отъ контроверзы Caillemer-Beauchet, выяснилъ Hitzig (Das griechische Pfandrecht Ein Beitag zur Geschichte des griechischen Rechtes. München 1895, S.S. 2, 73—80 и 117—119), дѣло идетъ о своеобразномъ греческомъ институтѣ πρᾶσις ἐπὶ λύσει, сочетавшемъ въ себѣ залогъ и куплю-продажу (залогодатель-продавецъ оставляетъ за собой право выкупа) и представляющемъ нѣкоторыя соприкосновенія съ римской fiducia.

Предположеніе Caillemer, само по себѣ маловѣроятное, опровергается неизвѣстнымъ еще этому ученому мѣстомъ изъ рѣчи Гиперида adv. Athenog. VII, 1 Ср. Hermann-Thalheim. Griechische Rechtsaltertümer, Freiburg i./B und Leipzig 1895, S. 90 и Hitzig въ Zum griechisch-attischen Recht въ Zeitschrift d. Savigny-Stiftung. Rom. Abt. XVIII (1897), S. 186.

Мы уже указывали, что право германскихъ народовъ, закрѣпленное въ такъ называемыхъ народныхъ правдахъ, не реципировало, а отвергло принципъ laesio enormis. Реципированъ онъ былъ западными народами подъ вліяніемъ церкви и потому реципированъ онъ былъ относительно весьма рано. Если Breviarium Alaricianum = Lex Romana Visigotorum, представляющая воспроизведеніе Өеодосіева Кодекса, слѣдуетъ за послѣднимъ и отвергаетъ принципъ Const. 2 de resc. vend. [172]), то Lex Romana canonice compta уже содержитъ въ себѣ эту самую конституцію [173]). Поскольку Lex Romana canonice compta можетъ служить выраженіемъ культуры римскаго права Италіи ранняго средневѣковья, const. de resc. vend. можно считать реципированной римско-итальянскимъ правомъ въ эпоху VII—IX вв. Сама Lex Romana canonice compta относится къ IX вѣку [174]), но она восходитъ конечно къ болѣе раннимъ, обращавшимся въ Италіи, извлеченіямъ изъ юстиніановыхъ сводокъ. До насъ изъ нихъ дошли Summa Perusina и Пистойская Глосса. Въ Summa Perusina, относящейся къ VII—IX вв. [175]), мы находимъ норму о laesio enormis, воспроизведенную въ извѣстной варварской формѣ этой не вполнѣ

---

[172]) Ср. Max Conrat (Cohn) Breviarium Alaricianum. Römisches Recht im fränkischen Reich. Leipzig 1903.

[173]) Lex Romana canonice compta, найденная Маассеномъ (ср. F. Maassen Lex romana canonice compta. Beitrag zur Geschichte d. Beziehungen beider Rechte im Mittelalter. Wien 1860), не напечатана, но Конратъ далъ ея систематическое изложеніе въ нѣмецкомъ переводѣ. Ср. Max Conrat (Cohn) Die Lex Romana Canonice compta. Römisches Recht im frühmittelalterlichen Italien in systematischer Darstellung. Amsterdam 1904, S. 75.

[174]) Таково мнѣніе Конрата l. c. VIII.

[175]) Изданіе Геймбаха: Anekdota. Tomus II Justiniani Codicis Summam Perusinam...... edidit. .... prolegomenis adnotatione critica indice instruxit G. E. Heimbach. Lipsiae 1840. Позднѣйшаго изданія Patetta Adnotationes codicum domini Justiniani. Romae 1900 у меня не было въ рукахъ. О Summa Perusina см. Conrat.—Geschichte d. Quellen und Literatur des römischen Rechtes I Leipzig 1889—1891 SS. 182—187. Francesco Schupfer. Manuale di storia del diritto italiano. Le fonte leggi e scienca. Quarta edizione rivedutaes e ri ordinata, Roma 1908 pp. 212—212. Шупферъ замѣчаетъ объ изданіи Геймбаха, которому онъ противополагаетъ гораздо болѣе точное изданіе Патетта, что первое изданіе „e irta di spropositi". Пистойской глоссы, изданной Chiapelli въ Memorie dell' accademia di Torino, serie III, tomo XXXVII 1885 у меня въ рукахъ не было. О ней см. Schupfer l. c.

грамотной компиляціи: Minoris pretium res venditas restitutas pretio res recipi potest. Quodsi emptor eligerit adimplere pretium licet (l. 2) Minus pretium de medietate datum repeti potest; emptoris est electio adimplere aut rem reddere (l. 8). Lex 15 изложена не въ ограничительно-отрицательной, а въ категорически-положительной формулировкѣ: Propter vilipretium emptio excinditur, т. е. этой конституціи приданъ смыслъпрямо противоположный тому, который она имѣла въ Ѳеодосіевомъ кодексѣ. Lex 12, рекомендующая лицу, продавшему земельный участокъ ради удовлетворенія расходовъ, связанныхъ со службой, но не по слишкомъ дешевой цѣнѣ и не подъ давленіемъ задолженности, не предъявлять недозволенныхъ жалобъ, получаетъ въ Суммѣ совершенно иной и гораздо болѣе широкій смыслъ. Сумма разрѣшаетъ лицу, продавшему въ состояніи крайней нужды свое имущество требовать его возвращенія (подразумѣвается, конечно, съ возвратомъ полученной цѣны): in necessitate fames vel debiti res tuas vilipretium dedisti repeti potest. Тутъ слышится церковное вліяніе, расширяющее смыслъ римскихъ нормъ, ему родственныхъ. Любопытно, что ll. 1 и 2 Tit. 45 (Quando liceat ad emptione discedere) изложены въ Summa Perusina такъ: Si ex voluntate non vendidisti, agi potest (l. 1). Si ex voluntate vendidisti de minus pretium potis dicere (l. 2). Врядъ ли тутъ простая безграмотность; по безграмотности авторъ Суммы не уловилъ смысла tit. 45, онъ его по существу слилъ со смысломъ tit. 44, но при всемъ томъ и тутъ чуется уже то значительное расширеніе принципа, лежащаго въ основѣ const. 2 de resc. vend., которое мы позднѣе встрѣтимъ въ глоссѣ; si ex voluntate vendidisti, de minus pretium potis dicere значитъ, что если продавецъ продалъ по слишкомъ низкой цѣнѣ, онъ можетъ оспаривать сдѣлку. Врядъ ли можно сомнѣваться, что тутъ передъ нами переработка права подъ вліяніемъ церкви.

Къ тому же церковному вліянію, какъ фактору рецепціи и переработки римскаго права, восходитъ довольно широкая формулировка принципа laesio enormis въ столь раннемъ памятникѣ, какъ т. н. Capitulare Maringense. Прежде этотъ итальянскій капитулярій относили къ 825 г. и приписывали Лотарію; новѣйшая критика [176]) относитъ названный законъ къ послѣдней четверти

[176]) Такъ Борецiусъ въ новомъ изданіи Капитулярій. Monumenta Germaniae historica. Legum sectio II. Tomus I Capitularia regum Francorum Denuo edidit Alfredus Boretius. Hannoverae 1883, p. 187.

VIII-го вѣка, т. е. считаетъ актомъ Карла Великаго [177]). Тутъ постановляется, что договоръ купли-продажи, заключенный подъ давленіемъ крайней нужды (голода!), можетъ быть отмѣненъ. Ресциссія совершается на основаніи экспертизы оцѣнщиковъ: если оцѣнщики рѣшатъ, что вещь была отчуждена по слишкомъ низкой цѣнѣ, продавецъ можетъ, возвративъ деньги и вознаградивъ покупателя за «постройки и труды», получить ее обратно. Законодатель, повидимому, имѣлъ въ виду прежде всего отчужденіе недвижимости (res = fundus?), но категорически это не сказано. Право искать ресциссіи ограничивается продавцемъ или его сыновьями; остальные родственники исключаются. Формулировка принципа laesio enormis въ Caroli Magni Notitia Italica своеобразна: она не примыкаетъ непосредственно къ Кодексу, по сходство ея съ нормой, найденной нами въ Summa Perusina, поразительно. Основаніемъ ресциссіи прямо выставляется состояніе крайней нужды, въ которой находился продавецъ, мотивъ, значеніе котораго часто подчеркивается въ литературѣ римскаго права при обоснованіи и оправданіи const. 2 de resc. vend. [178]).

---

[177]) Karoli Magni Notitia Italica 776 vel 781 Febr. 20:

Qui pulsat, quod res venundasset et non iusto pretio, accedant ambe partes super res quas venundavit, et existimatores cum ipsis, et rememorent et adpretient res ipsas, sicut tunc valebant quando res ipsae bene restauratae fuerunt, antequam nos hic cum exercitu introissemus. Et si res adpretiata fuerint iusto pretio, sicut in ipsa cartula legitur quod res ipsas legitimo pretio venundasset, sicut tunc valuerunt ut dictum est, venditio ipsa firma permaneat. Nam si res ipsius amplius estimaverint quod tunc valuissent quam pretio ipso quod accepit, et ipse qui venundaverit ostendere potuerit, ut strictus necessitate famis venditionem ipsam fecisset ,aut forte cartula ipsa manifestaverit tempore necessitatis famis, cartula ipsa frangatur, et pretio iusta quod in ipsa cartula legitur reddat, et recipiat res suas sicut modo invenerit eas, anteposito aedificia aut labores, qui postea ibi facti sunt, ipse qui fecit tollat, aut sicut inter eoc convenerit. Et de ista venditione ipsa persona agat qui venundavit aut filius eius, nam non alter propinquus.

[178]) Начиная съ Куяція (Cujacii. Observationum et emendationum libri XXVIII lib XVI. Cap. 18 Halae 1737, pp. 554—555) съ постоянной ссылкой на слова пресвитера Сальвіана, христіанскаго писателя V-го вѣка по Р. Хр. изъ его сочиненія „De gubernatione Dei“: Ferme omnis contractus hoc in se habet, ut invidia penes emptorem; inopia penes venditorem esse videatur. Quia emptor emit ad hoc ut substantiam suam augeat, venditor ad hoc vendit, ut minuat (Lib. V).

но еще чаще отвергается; размѣръ ущерба совершенно не интересуетъ законодателя. Если припомнить, что современное этому капитулярію германское гражданское право [Lex Baiuvariorum! Изъ нея соотвѣтствующія нормы позднѣйшая традиція трактовала, какъ составную часть капитуляріевъ Карла Великаго. Liber V, Cap. 362 въ изданіи Гейнекція-Георгиша, которые слѣдуютъ Балюзію [179])] категорически отвергало laesio enormis, и принять въ тоже время во вниманіе, что охрана бѣдныхъ и нуждающихся отъ скупки ихъ имущества богатыми составляетъ характерный мотивъ соціально-политическаго, или полицейскаго законодательства той эпохи, то этимъ опредѣлится положеніе Capitulare Maringense какъ бы на границѣ гражданскаго и полицейскаго права Каролинговъ.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что черезъ посредство церковныхъ вліяній [180]) и глосса восприняла laesio enormis, какъ общее начало [181]). Уже первая систематическая обработка римскаго права, приписываемая Фиттингомъ Ирнерію Summa codicis, трактуетъ laesio enormis, именно какъ общее начало [182]).

Рецепція и обобщеніе глоссой и постглоссаторами принципа laesio enormis есть одно изъ явленій той средневѣковой «естественно-правовой» переработки институтовъ положительнаго римскаго права, которая съ разными перипетіями и колебаніями тя-

[179]) Corpus iuris germanici antiqui.... consilio J. Gottl. Heineccii... adornavit Petrus Georgisch. Halae Magdeburgicae. 1738, col. 1502.

[180]) О вліяніи каноническаго права см. Schupfer l. c. p. 313 sq., гдѣ указана вся литература. Ср. на русскомъ языкѣ В. Э. Грабарь. Римское право въ исторіи международно-правовыхъ ученій. Юрьевъ 1901 г., гл. III. Объ институтѣ laesio enormis спеціально см. Avv. Cesare Nani. Storia del diritto privato italiano. Torino 1902, pp. 472—474 (впрочемъ неоригинально). Ср. также Endemann. Studien I (Berlin 1874), SS. 26—28.

[181]) Обратную зависимость между каноническимъ и „свѣтскимъ" правомъ въ этомъ процессѣ принимаетъ Орженцкій (Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ. Одесса 1896, стр. 192), но совершенно бездоказательно, безъ всякаго изслѣдованія. По его мнѣнію, каноническое право у „свѣтскихъ судовъ" заимствовало институтъ laesio enormis, который былъ „обязателенъ для свѣтскихъ судовъ"! Но вѣдь весь вопросъ именно въ томъ, когда, какимъ путемъ и въ какой обрисовкѣ занимающій насъ институтъ проникъ въ „свѣтскіе суды". Правильно судитъ Beaune l. c.

[182]) Propter intollerabilem deceptionem res[c]inditur: veluti si minus dimidia iusti pretii distracta sit: tunc enim offitio iudicis res[c]inditur

нется отъ первыхъ опытовъ систематизаціи римскаго права до категорическаго признанія естественнаго права у такого автора, какъ Балдъ[183]). Если «естественное» право средневѣковья благопріятствовало идеѣ «справедливой» цѣны, то въ естественномъ правѣ новаго времени мы встрѣчаемъ весьма ясно выраженное діаметрально противоположное отношеніе и настроеніе, выражающееся въ критическомъ отношеніи къ институту laesio enormis (Пуффендорфъ, Томазій, французская революція!) [184]).

vel quod deest iusto pretio restituitur, electione videlicet emptori concessa. Summa Codicis des Irnerius. Mit einer Einleitung herausgegeben von Herrmann Fitting. Berlin 1894, S. 116—117. Припадлежность „Суммы" Ирнерію весьма спорна.

Въ Quaestiones de juris subtilitatibus Ирперія (ed. Fitting Berlin 1894) институтъ laesio enormis обойденъ молчаніемъ: изъ 44 тит. 4-ой книги Кодекса отмѣчена лишь L. 14. (l. c. p. 83).

Наоборотъ въ Corpus legum sive Brachylogus iuris civilis [составитель котораго, по мнѣнію Фиттинга (ср. его введеніе къ Summa codicis, p.p. LXXXII — LXXXVII) пользовался этимъ трудомъ Ирперія], принципъ laesio enormis выраженъ весьма отчетливо: illud etiam considerandum quod, si quis rem minus dimidio iusti pretii vendiderit, emptorem vel ad rem reddendam vel ad iustum pretium exsolvendum convenire poterit. (Corpus legum cive Brachylogus iuris civilis, ed. Ed. Böcking. Berolini 1839, p. 98—99).

[183]) Ср. объ естественномъ правѣ среднихъ вѣковъ O. Gierke. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechlichen Staatstheorien. Zweite durch Zusätze vermehrte Ausgabe. Breslau. 1902, S.S. 272—279, а также I. A. Покровскій. Естественно-правовыя теченія въ исторіи гражданскаго права. СПБ. 1909.

[184]) Позиція глоссы и постглоссаторовъ въ этомъ вопросѣ заслуживала бы спеціальнаго обслѣдованія съ исторической точки зрѣнія; то, что даютъ въ этомъ отношеніи соотвѣтственная часть Глюка и чисто догматическія работы Шамбона и Зандштейна, болѣе чѣмъ недостаточно. Эндеманнъ на исторіи laesio enormis не останавливается. Ср. его Studien II, S. 30. Разсужденія Бартола, 1314—1358 [Bartoli Commentaria in primam codicis partem, Lugdini. 1550, 186 (оборотъ)—188] и Балда 1327—1400 [Baldi Ubaldi Perusini . . . in quartum et quintum Cod. Lib. Commentaria. Venetiis. 1559, 115—118 (оборотъ)] весьма интересны. Либеральная естественно-правовая реакція противъ распространительнаго толкованія laesio enormis, первымъ выразителемъ которой часто выставляется Гуго Гроцій [(De iure belli ac pacis, lib. II, cap. 12 и Florum sparsio ad ius Iustinian. Neapoli 1777 p. 286; тутъ Гроцій, приводя обязательную ссылку на Сальвіана, указываетъ на то, что „Germani veteres valde abhorrebant ab huius modi restitutionibus" и цитируетъ Сенеку de beneficiis VI, 15: Nihil venditori debet qui bene emit. Позиція Гроція

Въ каноническомъ правѣ, уже сложившемся въ самостоятельную форму, мы видимъ признаніе принципа laesio enormis въ декреталахъ папы Александра III отъ 1170 г. и папы Иннокентія 1208 г. [185]). Эти судебныя рѣшенія папъ опираются на принципъ laesio enormis, какъ на нѣчто общепризнанное и общепонятное, вошедшее прочно въ правосознаніе. Юстиніаново право побѣдило Ѳеодосіево. Тутъ произошла не простая рецепція, а переработка и расширеніе діоклеціаново-юстиніановской нормы въ духѣ противоростовщической доктрины церкви и ея права, хотя до прямого и безоговорочнаго распространенія понятія ростовщичества на случай продажи по цѣнѣ, превышающей истинную цѣну, каноническое право не доходило [186]).

3. Итакъ, каноническая рецепція laesio enormis проложила этому институту путь въ право западныхъ народовъ. Всего раньше и полнѣе этотъ принципъ проникъ въ итальянское свѣтское право. О «капитулярномъ» законодательствѣ каролингской эпохи мы уже говорили—его нормы стоятъ довольно изолированно и непосредственно къ кодексу не примыкаютъ; въ нихъ, почти навѣрное, церковное вліяніе сказалось непосредственно. Довольно рано laesio enormis формулируется и въ правѣ итальянскихъ городскихъ статутовъ. Миланская конституція 1216 г. даетъ право

впрочемъ толкуется различно (см. ниже цит. сочиненіе Гепперта)] также представляетъ не только догматическій интересъ и должна быть поставлена въ связь съ духомъ времени и его реальными факторами. Это задачи дальнѣйшаго углубленія поставленной въ настоящемъ изслѣдованіи проблемы. Ср. H. Goeppert. De remedio ob laesionem ultra duplum jure communi Borussico concesso. Vratisl. (Breslauer) Diss. 1863 и матеріалъ, сведенный у Gruchot. Beiträge zur Erläuterung d. preussischen Rechts. IX. Berlin. 1865.

Любопытную и тоже недостаточно обслѣдованную страницу изъ исторіи института laesio enormis представляетъ его судьба въ эпоху французской революціи: подъ вліяніемъ общихъ идей времени (незыблемость собственности!) и факта обезцѣненія бумажныхъ денегъ, онъ отмѣняется (въ 1794 г.), затѣмъ возстановляется (въ 1797 г.) и входитъ въ Code Civil 1804 г. Ср. Ph. Sagnac. La législation civile de la révolution française. Paris. 1898, pp. 202 et 343. J. Brissaud, Cours d'histoire générale du droit francais public et privé. Tome II. Droit privé. Paris. 1904, p. 1450. Fenet. Recueil complet des travaux preparatoires du Code civil. Paris 1827—1828, t. XIV, pp. 45—62.

185) Decret. Greg. Lib. III. Tit. XVII, Cap. III et Cap. VI.

186) Cp. Decret Grig. Lib. V, Tit. XIX, Cap. VI, Cap. X et Cap. XIX.

рецисссіи не только продавцу, но и покупателю, ограничивая однако примѣненіе этой нормы оборотомъ съ недвижимостями [187]; тоже мы находимъ въ болѣе раннемъ сводѣ обычнаго права Пизы 1160 г. [188]). Вопросъ о томъ, обнаруживается ли въ этихъ ограниченіяхъ сопротивленіе германскаго (лонгобардскаго) правосознанія чуждому ему римскому и въ тоже время церковному началу (см. ниже въ примѣч. 198 то объясненіе французской эволюціи, которое дастъ Варнкенигъ) или отмѣченное явленіе слѣдуетъ приписать другимъ вліяніямъ,—этотъ вопросъ я оставляю открытымъ. Любопытно, что статуты города Рима даютъ принципу laesio enormis широчайшее толкованіе [189]).

На территоріи современной Франціи [190]) мы находимъ принципъ laesio enormis воспринятымъ въ рѣшеніяхъ парижскаго парламента отъ 1307 г. [191]) и отъ 1322 г. [192]) и еще ранѣе (1279—

Иного мнѣнія Эндеманнъ. Studien in der romanisch-kanonistischen Wirtschafts- und Rechtslehre II (Berlin. 1883), S. 4. Эндеманнъ однако вообще склоненъ преувеличивать значеніе противоростовщической догмы. Правильныя возраженія противъ несвободныхъ отъ тенденціозности разсужденій и оцѣнокъ Эндеманна у F. X. Funk. Zins u. Wucher. Eine moraltheologische Abhandlung. Tübingen 1868 и у Оржецкаго l. c.

[187]) Coust. Mediol. 1216. C. 9: Si in venditione rerum immobilium altrutra pars enorme damnum sustineat, iure legum agitur, nisi specialiter quis renunciavit quod agere non possit etiam si enormiter laederetur, quo casu donare videtur. C. 10: Sane in rebus mobilibus venditis, ratione enormitatis damni, secundum nostrae civitates consuetudinem, non agitur, nec venditio rescinditur. Цитирую по Antonio Pertile. Storia del diritto italiano dalla caduta dell'impero romano alla codificazione. Seconda edizione riveduta e corretta. Vol. IV. Roma. 1893, p. 564. Ср. Alessandro Lattes. Il diritto consuetudinario delle città lombarde. Milano. 1899, p. 218.

[188]) Pertile l. c. и Lattes l. c.

[189]) Stat. Romae I, 154: In omnibus contractibus ubi quis reperitur laesus ultra tertiam partem eius quod agitur, procedi, possit ad rescissionem. Цитировано по Пертиле l. c. p. 553.

[190]) Ср. Henri Beaune. Droit coutumier francais. Les contrats. Lyon-Paris s. a. (1889 ?), p. 190 et sqq. Warnkönig (L. A. и Th. A.) Französische Staats- u. Rechtsgeschichte. II Band. Basel. 1848, SS. 548 и 566.

[191]) Philippe IV, 1307: XLIV. Effectum aprisie seu informationis facta de mandato prepositi de Anverso et cantoris Aurelianensis, super valore jurisdicionis locorum de Chaisnaco et de Tresnarz, pro commodo domini Regis, debent, ad dominum Regem reportare magistri qui sunt constituti ad indicandum inquestas, sed tamen bene videtur eis quod supplicacio hominum de Monte-Cuto sit admittenda pro commodo domini Regis, qui per dolum Templariorum, vel saltem re ipsa, ultra dimidiam et plus di-

1283) въ Coutumes de Beauvaisis (Philippe de Beaumanoir [193]). Мы видимъ его также въ кутюмахъ шампаньскихъ ярмарокъ конца XIV в. [194]) и въ старыхъ кутюмахъ Пикардіи XIV в. [195]). Въ томъ же XIV в. извѣстное руководство Le Grand Coutumier de France разсматриваетъ рецциссію по причинѣ laesio enormis, какъ давнее учрежденіе [196]). Но нѣкоторыя кутюмы отвергаютъ этотъ инсти-

citur fuisse deceptus in venditione quam ipse fecit Templariis de burse contentis in dicta informacione; inde consulunt dicti magistri quod predicta vendicio retractetur et applicetur dictis hominibus sub modo et forma quibus volunt eam recipere ad commodum domini regis cujus interest, ut dictum est, propter dictam decepcionem.

Lune post octabas Epiphaniae M. L. de Voyssi reportavit Les Olim on registres des arrêts rendus par la cour du roi sous les règnes de Saint-Louis, de Philippe Le Hardi, de Philippe Le Bel, de Louis Le Hutin et de Philippe Le Long, publiés par le Comte Beugnot. III (1299—1311) Paris 1844, pp. 258.

[192]) Charles le Bel 1322. 6867: Arrêt annulant, pour cause de lésion, la vente faite a Guillaume de Mussy, chevalier, de la maison de „Batalli", appartenant a Margote, fille de feu Guiot de „Batalli" et de Jaquette. Philippot „Gallici" et Jaquette sa femme, veuve dudit Guiot, tuteurs de Margote, demandérent la rescision de cette vente comme ayant été faite par ledit Guiot, de son vivant, par suite du dol de Guillaume. L'action fut intentée à Pierre, fils de Guillaume, qui était décédé, par devant les reformateurs envoyés par le roi Louis en Champagne. jugés I, fol: 224 v⁰.

Actes du parlement de Paris par M. E. Boutaric. Première Série— De l'an 1254 à l'an 1328. Tome II (1299—1328) Paris 1867, p. 465.

[193]) Въ формулѣ продажи „эритажа", которую даетъ Beaumanoir, заключается вполнѣ ясное указаніе на институтъ рецциссіи. Продавецъ заявляетъ: a ce que je ne puisse pas dire estre deceus en cest marchié de la moitié ou de plus (Chap. XXXV, N 1094 по изданію Am. Salmon, t. II. Paris 1899, p. 54).

[194]) „Ce sont les coustumes, stille et usaige de la court et chancellerye des foires de Champaigne et Brye" y Bourquelot. Etudes sur les foires de la Champagne Paris 1865 II, p. 436. (Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions... Deuxième serie, tome V): Quant ung vendaige fait aux us des foires se fait où il a décevance de outre la moityé de juste pris, soit par criage, soit ceur à ceur, et aucun vient dedans l'an qui fait à estre et il fait appeler le créancier et l'acheteur, sy comme cy-dessus est esclarcy, se il croist de plus outre la moityé de juste pris, il y fait à recevoir.

[195]) У Warnkönig l. c. по изданію Marnier. Ancier coutumier de Picardie (1840), котораго у меня не было въ рукахъ.

[196]) Edition Laboulaye et Dareste (Paris 1868) Livre III, Chap. XVII «Pour annuller ung décret»: Item si le pris de la vente de l'héritage

тутъ [197]). Въ общемъ же французское право—и это характерно для области, въ которой римское Юстиніаново право, чужое, извнѣ занесенное, встрѣтилось съ римскимъ же правомъ, Өеодосіевымъ, своимъ, исконнымъ [198])—реципировало институтъ laesio enormis съ ограничительнымъ толкованіемъ, именно какъ экстраординарную мѣру. Для примѣненія ресциссіи требовалось вмѣшательство королевской власти, королевская грамота (lettres-royaux), нарочито разрѣшающая ресциссію. Она примѣнялась только къ недвижимостямъ [въ связи съ этимъ искъ о ресциссіи получилъ не персональный, а реальный характеръ, былъ utilis in rem [199])] .Это, конечно, гораздо болѣе узкое толкованіе, чѣмъ то, которое мы находимъ въ правѣ каноническомъ и въ «глоссѣ» и которое опредѣлило собой разсматриваемый институтъ въ «общемъ» правѣ Германіи. Въ нѣмецкомъ правѣ прин-

est petit oultre la moitié de juste pris, mesmement (=современному principalement) quant it ya chose ou l'en puisse noter aucune (=современному quelque) fraulde. Тутъ, такъ же какъ въ парламентскомъ рѣшеніи 1322 г., къ вопросу о laesio enormis примѣшивается вопросъ о dolus'ѣ.

[197]) Таковы кутюмы Лотарингіи. Re(s ?)cisions de contracts par lesion de moitié de juste pris ny autres moyens de reliefs et benefices de restitutions en entier quels qu'ils soient, n'ont lien Tit. XII, § 7.

Coutumes generales anciennes et nouvelles du Duché de Lorraine pour les bailliages de Nancy, Vosges et Allemagne. Nancy 1676, p. 69.

[198]) Paul Viollet. Histoire du droit civil francaise. 3-me ed Paris 1905 p. 19: La législation de Théodose c'est le droit même sous lequel ont vécu nos pères. Son influence est profonde; elle affecte la pratique et les relations de chaque jour.... La legislation de Justinien est une oeuvre étrangère à la société gallo-romaine et à la société franque, oeuvre savante qui pendant longtemps soit à peine du cercle de l'école. Cp. Mommsen. Das theodosische Gesetzbuch въ Juristische Schriften II,S. 371.

Въ процессѣ рецепціи laesio enormis во Францію традиція Өеодосіева кодекса въ качествѣ препятствія была важнѣе, чѣмъ тоже враждебная названному институту традиція германскаго права, значеніе которой въ этомъ процессѣ преувеличиваетъ Варнкенигъ, не замѣчающій, что въ данномъ случаѣ въ самомъ римскомъ правѣ, какъ элементѣ образованія французскаго права, было раздвоеніе. Наша мысль подтверждается судьбой laesio enormis въ нѣмецкомъ правѣ, гдѣ рецепція, очевидно, произошла гораздо легче и полнѣе (см. ниже).

[199]) Ср. Beaune l. c., а также Pothier. Требованіе королевскаго разрѣшенія мотивировалось тѣмъ, что это былъ институтъ римскій, а не французскій и потому для примѣненія его необходимъ былъ авторитетъ королевской власти. Du Moulin (см. у Beaune, l. c) указываетъ, что

ципы римскаго права относительно laesio enormis были восприняты въ эпоху, въ которую, вообще говоря, римское право еще очень слабо вліяло на нѣмецкое правосознаніе [200]). Этимъ всего лучше, на мой взглядъ, доказывается ихъ проникновеніе черезъ каноническое право [201]).

Мы находимъ принципъ laesio enormis въ очень общей и категорической формулировкѣ въ Мюнхенскомъ «городскомъ правѣ» 1347 г.

Тутъ и покупка за цѣну, болѣе чѣмъ вдвое меньшую истинной (справедливой) цѣны (rechter Wert)—это называется «Unkauf» («unchauff» или «unchaef»)—и продажа за цѣну, превосходящую болѣе чѣмъ вдвое истинную цѣну—это называется Ueberwett—объявляются недѣйствительными, причемъ эта норма относится ко всякому предмету купли-продажи (guot) [202]).

Такъ же приблизительно ставится этотъ институтъ въ ганзейскомъ правѣ XIV—XV в. [203]).

4. Положеніе laesio enormis въ византійскомъ правѣ интересно въ томъ отношеніи, что здѣсь мы имѣемъ предъ собой этотъ институтъ, такъ сказать, въ консервированномъ видѣ, соотвѣтствующемъ его характеру и въ эпоху его зарожденія въ

обязательство запастись королевской грамотой было требованіемъ чисто фискальнымъ. Фактически это было, вѣроятно, такъ, но тѣмъ не менѣе принципіальное значеніе королевскаго разрѣшенія несомнѣнно имѣетъ глубокіе историческіе корни въ происхожденіи самаго института, о чемъ свидѣтельствуетъ конструкція его въ византійскомъ правѣ. (См. ниже).

200) Stobbe-Lehmann. Handbuch d. deutschen Privatrechtes III³ Berlin. 1898, S. 312 u. ff.

201) О вліяніи каноническаго права на нѣмецкое правообразованіе см. со ссылками на литературу R. Stintzing. Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft. Erste Abteilung. München u. Leipzig 1880, S. 3 u. ff.

202) Art. 330. Umb unchaef: Ez ist recht, swer den andern überchauffet also, daz er im daz verchauffet guot wil geben oder geit minner, dann umb halben tail des rechten werts, des daz selb guot gar wert ist, als ob ain ander ain guot verchauffen wolt, daz wol vier pfunt wert wär, und daz selb verchauffet naechner, dann umb zway pfunt, der chauf haizzet unchauff, der sol nicht staet beleiben, wan er hat weder chraft noch macht noch recht, und allen überwett habent chain chraft noch recht. „Das Stadtrecht von München nach bisher ungedruckten Handschriften“ etc. herausgegeben von Franz Auer. München 1840, SS. 128—129

203) Stobbe (Lehmann) l. c. и F. Conze. Kauf nach hanseatischen Quellen. Bonner Diss. 1889, SS. 111—112.

Діоклеціановомъ, и—во всякомъ случаѣ — въ эпоху его возрожденія въ Юстиніановомъ правѣ. Сохранилось обстоятельное судебное рѣшеніе Гипподрома, въ основу котораго положено заключеніе магистра Евстаѳія. Оно сводится къ слѣдующему. Защита отъ чрезмѣрнаго ущерба дается продавцу пригороднаго участка (προάστειον) или имѣнія (κτῆμα), если, послѣ того какъ онъ продалъ свое имущество, ему за него предлагается двойная противъ полученной цѣны, и такая цѣнность имущества устанавливается нарочито для сего производимой оцѣнкой. Въ теченіе 4 лѣтъ послѣ состоявшагося отчужденія допустима in integrum restitutio продавца. Эта «реституція» заключается въ томъ, что покупатель возвращаетъ продавцу имущество и плоды съ той его доли, которая не покрыта уплаченной цѣной и пользованіе которой со стороны покупателя потому не соотвѣтствовало справедливости; продавецъ же возвращаетъ полученную цѣну и вознаграждаетъ покупателя за произведенныя меліораціи. Покупатель можетъ отвратить выполненіе этой integrum restitutio, если доплатитъ продавцу тотъ излишекъ, который предлагается последнему новымъ покупателемъ и размѣръ котораго опредѣляется оцѣнкой, и притомъ со включеніемъ процентовъ. Отсюда явствуетъ, что византійское право толкуетъ const. 2 de resc. vend. весьма ограничительно: 1) лишь въ пользу продавца, 2) лишь въ случаѣ отчужденія недвижимости, 3) и въ этомъ случаѣ лишь тогда, когда продавцу дѣйствительно предлагается двойная оплата проданнаго имущества. Такимъ образомъ византійское право не только слѣдуетъ буквальному смыслу конституціи 285 г., но и суживаетъ его, требуя для примѣненія рецissіи, чтобы продавцу была на самомъ дѣлѣ предложена новымъ покупателемъ двойная оплата проданнаго имущества. Рециссія носитъ характеръ экстраординарной мѣры и происходитъ ἐξ αὐθεντίας τοῦ ἄρχοντος [204]).

[204]) Вопросъ о laesio enormis въ византійскомъ правѣ разъясненъ въ статьѣ знаменитаго историка этого права E. Zachariae von Lingenthal, Zur Lehre von der laesio enormis въ Zeitschrift der Savigny Stiftung. Romanistische Abteilung. IV Band (1883), S. 49—60. Статья эта, резюме которой я далъ выше, заканчивается любопытнымъ практическимъ выводомъ: „So möge denn das Beispiel der Byzantiner zur Säuberung von den Schlacken beitragen, welche die Lehre von der laesio enormis im gemeinen Rechte durch eine falsche Interpretation der l. 2 C cit. aus verkehrter Humanität verunreinigt haben“.

VII.

1. Регулированіе цѣнъ въ полицейскомъ правѣ Грецiи и Рима(стр.201—202). 2. Регулированіе хлѣбныхъ цѣнъ въ Греціи. Его объемъ въ принципѣ и его предѣлы въ дѣйствительности. Свидѣтельства Аристотеля. Рѣчь Лизія. Эпиграфическія данныя (стр. 202—210). 3. Самосскій законъ II вѣка до Р. Хр. о распредѣленіи казеннаго хлѣба между гражданами (стр.210—212). 4. Делосскій законъ III вѣка до Р. Хр. о торговлѣ углемъ и дровами. Институтъ prix-fixe. Универсально-историческое значеніе делосскаго памятника (стр. 212—217). 5. Роль рыночной полиціи въ Греціи. Характеристика этой роли по эпиграфическому матеріалу (стр. 217—220). 6. Кизикская надпись I вѣка по Р. Хр., какъ рудиментъ Діоклеціанова эдикта 301 г. (стр. 220—222). 7. Регулированіе цѣнъ, какъ методъ извлеченія государственныхъ доходовъ (стр. 222—223). 8. Τεταγμένη τιμή греческихъ источниковъ—указная цѣна. Ἡ ἀξία—справедливая цѣна. Основное значеніе термина καθεστηκυῖα=ἐνεστῶσα τιμή (стр. 223—225). 9. Нормировка оплаты услугъ. Начатки регулированія заработной платы (стр. 225—227). 10. Платонъ въ „Законахъ" — первый идеологъ „справедливой цѣны" (стр. 227—229).

1. Мы видѣли, какъ медленно вырабатывалось понятіе справедливой цѣны въ римскомъ частномъ правѣ и какое узкое примѣненіе имѣло это понятіе въ гражданско-правовомъ оборотѣ. Лишь въ концѣ III вѣка въ конституціи 285 г. de resc. vend. передъ нами — вторженіе власти въ свободу договора, вторженіе, первоначально носящее и по существу сингулярный, почти исключительный характеръ. Свободное установленіе цѣнъ остается общимъ правиломъ, и въ отношеніяхъ купли - продажи воля контрагентовъ не встрѣчаетъ стѣсненій. Правда, мы видѣли также, что полицейская власть надъ рынкомъ, власть эдиловъ вноситъ извѣстныя новыя начала въ стародавнее laissez faire laissez passer формальнаго права. Но въ то же время это полицейское вмѣшательство останавливается передъ регулированіемъ цѣнъ—о немъ для нормальнаго гражданскаго оборота не можетъ быть и рѣчи. Это относится одинаково и къ римскому, и къ греческому праву.

Но была область, въ которой этотъ принципіальный либерализмъ власти кончался, область, отвлеченно - экономически вполнѣ тождественная со всѣми прочими сферами гражданскаго оборота и въ то же время въ соціальномъ и правовомъ смыслѣ глубоко отъ нихъ отличная. Трудно немногими признаками охарактеризовать эту область; еще труднѣе дать ей абстрактное опредѣленіе. Формально и въ современныхъ терминахъ можно сказать, что тутъ проблема опредѣленія цѣны разсматривалась пра-

восознаніемъ и властью не съ точки зрѣнія гражданско-правовой автономіи, а съ точки зрѣнія интереса общественнаго цѣлаго. Изъ сферы гражданскаго права мы переходимъ тутъ въ сферу права полицейскаго.

Греческое и римское право никогда не сомнѣвалось въ томъ, что государство (= власть) имѣетъ право и обязано вторгаться въ установленіе цѣнъ на предметы первой необходимости (массоваго потребленія).

2. Прежде всего, конечно, это относится къ хлѣбу и внѣшнимъ образомъ выражается, напримѣръ, въ томъ, что для надзора за снабженіемъ потребителя хлѣбомъ въ Аѳинахъ и въ другихъ мѣстахъ [205]) были созданы даже особыя должностныя лица, отличныя отъ «агораномовъ», вѣдавшихъ прочія рыночныя дѣла. Это—«ситофилаки» σιτοφύλακες, о которыхъ трактуетъ Аристотель въ Ἀθηναίων πολιτεία и нѣкоторые другіе тексты [206]). Въ то время какъ агораномы обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы товары продавались «подлинные, безъ поддѣлки» [207]), метрономы — чтобы продавцы пользовались «вѣрными вѣсами и мѣрами» [208]),—выбираемые тоже по жребію ситофилаки «заботились во-первыхъ о томъ, чтобы зерно на рынкѣ продавалось справедливо, а затѣмъ, чтобы мельники продавали муку соотвѣтственно цѣнѣ ячменя, а пекари хлѣбъ—соотвѣтственно цѣнѣ пшеницы и согласно установленному вѣсу, ибо законъ предписываетъ имъ регулировать (все это)» [209]). Что значитъ въ этомъ текстѣ: «чтобы зерно

---

[205]) Это обстоятельство, какъ небезразличное, подчеркиваетъ для Аѳинъ Лизій въ „κατὰ τῶν σιτοπωλῶν" 16: οὕτω δὲ πάλαι περὶ τῆς τούτων πανουργίας καὶ κακονοίας ἡ πόλις ἔγνωκεν, ὥστ᾽ἐπὶ μὲν τοῖς ἄλλοις ὠνίοις ἅπασι τοὺς ἀγορανόμους φύλακας κατεστήσατε, ἐπὶ δὲ ταύτῃ μόνῃ τῇ τέχνῃ χωρὶς σιτοφύλακας ἀποκληροῦτε.

[206]) Ἀθην. πολιτεία 51 и лексикографы.

[207]) τούτοις δὲ ὑπὸ τῶν νόμων προστέτακται τῶν ὠνίων ἐπιμελεῖσθαι πάντων, ὅπως καθαρὰ καὶ ἀκίβδηλα πωλήσεται.

[208]) οὗτοι τῶν μέτρων καὶ τῶν σταθμῶν ἐπιμελοῦνται πάντων, ὅπως οἱ πωλοῦντες χρήσονται δικαίοις.

[209]) οὗτοι δ᾽ἐπιμελοῦνται πρῶτον μὲν ὅπως ὁ ἐν ἀγορᾷ σῖτος ἀργὸς ὤνιος ἔσται δικαίως, ἔπειθ᾽ὅπως οἵ τε μυλωθροὶ πρὸς τὰς τιμὰς τῶν κριθῶν τὰ ἄλφιτα πωλήσουσιν καὶ οἱ ἀρτοπῶλαι πρὸς τὰς τιμὰς τῶν πυρῶν τοὺς ἄρτους καὶ τὸν σταθμὸν ἄγοντας σον ἂν οὗτοι τάξωσιν. ὁ γὰρ νόμος τούτους κελεύει τάττειν.

на рынкѣ продавалось справедливо» (ὅπως ὁ ἐν ἀγορᾷ σῖτος ἀργὸς ὤνιος ἔσται δικαίως)? Δικαίως ὠνεῖσθαι по своему общему смыслу означаетъ: правомѣрно, въ соотвѣтствіи съ законами покупать. Таковъ смыслъ этого выраженія у Θеофраста περὶ συμβολαίων (I), гдѣ говорится, что въ Аѳинахъ уплатой налога, которая регистрировалась надлежащимъ образомъ, всякая продажа становилась публичной [210]). Но у Аристотеля ὤνιος ἔσται δικαίως озна-

---

Вилламовицъ-Меллендорфъ полагаетъ, что формулировка обязанностей ситофилаковъ взята прямо изъ закона (до насъ не дошедшаго) U. v. Willamowitz-Möellendorff. Aristoteles u. Athen I (Berlin 1893) S. 219.

Кромѣ ситофилаковъ къ надзору за хлѣбной торговлей, согласно Аристотелю, имѣли отношеніе надзиратели надъ портомъ, которымъ были подчинены портовые склады и которые должны были принуждать импортеровъ къ тому, чтобы они 2/3 привоза доставляли въ городъ (ἐμπορίου δ'ἐπιμελητὰς δέκα κληροῦσιν. τούτοις δὲ προστέτακται τῶν τ'ἐμποριων ἐπιμελεῖσθαι καὶ τοῦ σίτου τοῦ καταπλέοντος εἰς τὸ σιτικὸν ἐμπόριον τὰ δύο μέρη τοὺς ἐμπόρους ἀναγκάζειν εἰς τὸ ἄστυ κομίζειν). Это мѣсто читается разно. Разночтенія см. въ изданіяхъ Kenyon'a (Berolini 1903) и Sandys'a (London 1893), о нихъ см. Willamowitz-Möellendorff l. c. SS. 220—221.

[210]) У Θеофраста, какъ это явствуетъ изъ контекста, рѣчь идетъ о продажѣ недвижимости. Въ истолкованіи приведеннаго мѣста я слѣдую Thalheim въ Hermanns Lehrbuch d. Griechischen Antiquitäten II, 2 Rechtsaltertümer 4-te verm. u. verbess. Auflage и Dareste. Revue de legislation comparée 1870/71. Иначе толкуетъ его F. Hofmann. Beiträge zur Geschichte des griechischen und römischen Rechts. Wien. 1870. (Всѣ трое даютъ текстъ и переводъ Θеофраста). Съ Θеофрастовымъ ὁ δικαίως ἐωνημένος, правомѣрнымъ покупателемъ слѣдуетъ сопоставить Платонова неправомѣрнаго продавца ὁ μὴ ἐνδίκως πωλῶν = μὴ ἀξιόχρεως (Leges XII, 945 p.), а также lex. Seguer. 214 οἰκέτου . . . οὐ δεόντως πραθέντος и Исеево or. 10, ὑπόθεσις: ἃ γὰρ μὴ δικαίως ἐκτήσατο. Ср. Partsch цит. ниже соч. 342—343. Какъ бы ни понимать эти мѣста, въ нихъ не можетъ быть рѣчи о справедливой цѣнѣ. Тутъ дѣло идетъ о чисто „юридической" порочности даннаго факта. „Правомѣрная" покупка у Θеофраста, я думаю, означаетъ прежде всего покупку, надлежащимъ образомъ „укрѣпленную" или „завѣренную" тѣми особыми поручителями, участіе которыхъ у грековъ было необходимо для того, чтобы купля-продажа считалась дѣйствительной. Mitteis. Reichsrecht u. Volksrecht S. 504—505: Die Kaufbürgschaft (ist) ein weitverbreitetes Institut des griechischen Verkehrs, und die vierhundertzweiunddreissig delphischen Hierodulenverkäufe, in welchen der βεβαιωτήρ nirgends weggelassen ist, stellen es ausser Zweifel, dass derselbe sozusagen zu den Essentialien eines giltigen Kaufs gehört.

чаетъ не просто правомѣрную продажу хлѣба, а продажу по справедливой цѣнѣ, по той цѣнѣ, которую ситофилаки могли предписывать (τάσσειν) [211]), т. е. по цѣнѣ указной.

Это означаетъ ясно, что въ случаѣ надобности и возможности «ситофилаки» устанавливали цѣну, выше которой не должны были продавать торговцы хлѣба. Иначе право опредѣлять справедливую цѣну не имѣло бы никакого ни содержанія, ни смысла, Не можетъ на мой взглядъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ древней Греціи и, въ частности, въ Аѳинахъ компетентныя власти, какъ бы онѣ ни назывались, были уполномочены регулировать цѣны на хлѣбъ. Таковъ общій смыслъ Аристотелева и другого родственнаго текста [212]). Противоположное мнѣніе [213]), которое до сихъ поръ иногда высказывается, объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что право регулированія хлѣбныхъ цѣнъ властями въ древности вообще не подвергалось сомнѣнію, а потому для древнихъ какъ бы подразумѣвалось само собой, и они о немъ не

Ср. также объ „укрѣпленіи“ купли-продажи у грековъ Thalheim sub v. βεβαίωσις въ Pauly-Wissowa и Partsch. Griechisches Bürgshaftsrecht I Leipzig u. Berlin. 1909, Ss. 340—358.

[211]) Феррини въ своемъ переводѣ 'Αθηναίων πολιτεία совершенно правильно переводитъ „ὤνιος ἔσται δικαίως“: Questi vegliano prima a chesi venda sul mercato del grano non lavorato a giusto prezzo. C. Ferrini. Aristotele La costituzione degli ateniesi. Testo greco, versione italiana, introduzione e note. Milano. 1891, p. 113. Такъ же переводятъ Gernet ниже цитированное сочиненіе p. 346 и Francotte ниже цитир. соч. p. 297. Иначе Georg Kaibel и Adolf Kiessling. Aristotéles Schrift vom Staatsvesen der Athener verdeutscht. Zweite verbess. Auflage. Strassburg 1891, S. 86. Въ русскомъ переводѣ А. М. Ловягина „Аристотеля исторія и обзоръ аѳинскаго государственнаго устройства“ (СПБ. 1895) интересующія насъ слова почему то совершенно не переведены! (стр. 87) Въ болѣе раннемъ переводѣ Шубина это мѣсто передано такъ: „они (ситофилаки) слѣдятъ прежде всего за тѣмъ, чтобы продажа зерноваго хлѣба на рынкѣ велась правильно“ Ж. М. Н. П. 1891. Августъ. Отд. класс. филологіи, стр. 33. Но вопросъ именно въ томъ, что значитъ тутъ: правильно.

[212]) Lex. Seguer. V b. 1. Bekkeri Anecdota Graeca 300, 19—22: σιτοφύλακες: ἄρχοντες 'Αθήνησι κληρωτοί. οὗτοι δ' ἐπεμελοῦντο, ὅπως ὁ σῖτος δικαίως πραθήσεται, καὶ τὰ ἄλφιτα καὶ οἱ ἄρτοι κατὰ τὰς ὡρισμένας τιμὰς καὶ τὸν σταθμόν.

[213]) Ср. напримѣръ, Meier-Schömann-Lipsius D. Attische Recht u. Rechtsverfahren I (Leipzig 1905), S. 97, который почему то ссылается на рѣчь Лизія противъ хлѣбныхъ торговцевъ и на Демосѳенову рѣчь противъ Форміона.

много распространялись. Во-вторыхъ, въ началѣ XIX в. были склонны въ античную древность проицировать популярную особливо въ ту эпоху идею свободы торговли (характерна въ этомъ отношеніи полемика Бёка съ Гереномъ [214])). Въ-третьихъ, неясное пониманіе положенія хлѣбной торговли въ Греціи возникаетъ вслѣдствіе того, что недостаточно расчленяются разныя стороны этой проблемы. Легальное положеніе хлѣбной торговли не отдѣляется отъ ея фактическихъ условій [215]). De iure торговля хлѣбомъ, какъ предметомъ первой необходимости, регулировалась велѣніемъ власти, которая теоретически имѣла полную возможность диктовать торговцамъ цѣны. Фактически эта торговля находилась въ частныхъ рукахъ, и нерѣдко въ очень крѣпкихъ, и государство было не настолько сильно, чтобы не считаться съ интересами этихъ вліятельныхъ лицъ, ибо само оно не умѣло (да и не хотѣло) организовать хлѣбную торговлю. Въ краткой формулѣ можно положеніе хлѣбной торговли въ Аѳинахъ и, почти навѣрное, во всей древней Греціи охарактеризовать такъ: тамъ не было свободной, но была частная торговля хлѣбомъ. Мы увидимъ, что таково же было положеніе хлѣбной торговли и въ Римѣ. Эта частная торговля

[214]) Boeckh. Die Staatshaushaltung d. Athener I³ Berlin 1886, SS. 64—74, противъ Heeren. Ideen über die Politik, den Verkehr u. den Handel der Völker der alten Welt, Bd III S. 283, который восхваляетъ аѳинскую экономическую свободу и клеймитъ современную ему систему „меркантилизма и принужденія“. Вопреки Бёку, который первый установилъ въ общемъ правильное, хотя и нѣсколько смутное пониманіе этого вопроса, сильное вліяніе Герена сказывается напримѣръ на руководящемъ сочиненіи половины XIX вѣка о греческихъ древностяхъ W. Wachsmuth. Hellenische Altertumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates II² (Halle 1846) SS. 8 и 58—59. Въ общемъ ясное пониманіе у Thalheim. Griechische Rechtsaltertümer, SS. 35—37.

[215]) Ср. L. Gernet. L'approvisionnement d'Athènes en blé au V-e et au VI-e siècles. Въ Bibliothèque de la faculté des lettres (Université de Paris) XXV. Mélanges d'histoire ancienne. Paris 1907, p. 374. Francotte отрицаетъ, чтобы ситофилаки могли устанавливать цѣны на зерно, обязательныя для крупныхъ импортеровъ; розничные же торговцы находились въ иномъ положеніи (l. c. p. 297: peuvent ils aussi édicter un tarif? Il n'en peut être question pour le grand commerce d'importation: les gros importateurs auraient exercé des représsailles trop faciles en désertant le marché. Les petits debitants, par contre, etaient sans défense“). И Gernet и Francotte явно смѣшиваютъ два различные вопроса: о правахъ и полномочіяхъ ситофилаковъ (и имъ подобныхъ властей) и о фактическихъ условіяхъ и границахъ осуществленія этихъ правъ.

разсматривалась, какъ важная общественная функція и находилась подъ контролемъ власти, реальное значеніе котораго зависѣло отъ конкретнаго соотношенія силъ между государствомъ и участвующими въ торговлѣ частными лицами.

Среди торговцевъ слѣдуетъ различать двѣ категоріи: 1) крупныхъ импортеровъ, ввозившихъ хлѣбъ въ данный городъ—они назывались ἔμποροι и 2) розничныхъ торговцевъ, продававшихъ либо прямо потребителямъ, либо мельникамъ и пекарямъ—σιτοπῶλαι. Первые представляютъ людей, отъ которыхъ въ извѣстной мѣрѣ зависѣло продовольствіе городовъ: они были силой, съ которой необходимо было считаться [216]). Сохранился цѣлый рядъ грамотъ (надписей), въ которыхъ восхваляются заслуги импортеровъ хлѣбовъ и имъ даруются почетныя награды и реальныя привилегіи за услуги, оказанныя государству-городу [217]).

[216]) Какъ указываетъ Франкоттъ, они „sont . . . une puissance, qu'il faut ménager". Henri Francotte. Le pain à bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques въ Mélanges Nicole. Genève 1905, перепечатано въ Mélanges de droit public grec. (Bibliothèque de la faculté de philosophie et lettres de l'université de Liege. Serie grand in 8°. Fasc. IV). Liège-Paris 1910 p. 293.

[217]) Образцомъ подобныхъ грамотъ можетъ служить C. I. A. IV, 2, № 179=Dittenberger Sylloge inscriptionem graecarum (iterum edidit Vol. I. Lipsiae. 1898) № 152: ἐπειδὴ Ἡρακλείδης Σαλαμίνιος διατελεῖ φιλοτιμούμενος πρὸς τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων καὶ ποιῶν ὅτι δύναται ἀγαθόν, καὶ πρότερόν τε ἐπέδωκεν ἐν τῆι σπανοσιτίαι ΧΧΧ (3000) μεδίμνους πυρῶν Γ(5) δράχμους πρῶτος τῶν καταπλευσάντων ἐνπόρων. καὶ πάλιν, ὅτε αἱ ἐπιδόσεις ἦσαν, ἐπέδωκε ΧΧΧ δραχμὰς εἰς σιτωνίαν, καὶ τὰ ἄλλα διατελεῖ εὔνοος ὢν καὶ φιλοτιμούμενος πρὸς τὸν δῆμον, δεδόχθαι τῶι δήμωι, ἐπαινέσαι Ἡρακλείδην Χαρικλείδου Σαλαμίνιον καὶ στεφανῶσαι χρυσῶι στεφάνωι εὐνοίας ἕνεκα καὶ φιλοτιμίας τῆς πρὸς τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων. εἶναι δ'αὐτὸν πρόξενον καὶ εὐεργέτην τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηνάιων αὐτὸν καὶ ἐγγόνους, εἶνάι δ'αὐτοῖς καὶ γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησιν κατὰ τὸν νόμον. και στρατεύεσθαι αὐτοὺς τὰς στρατείας καί εἰσφέρειν τὰς εἰσφορὰς μετὰ Ἀθηναίων. Cp. Dittenberger №547. (Vol. II² Lipsiae 1900); надпись эта по Диттенбергеру относится къ исходу III вѣка до Р. Хр.: граждане Оропы награждаютъ Діонисія, сына Аристона п Иліодора, сына Музея за то, что они, послѣдовавъ убѣжденіямъ полемарховъ, уступили городу хлѣбъ за приличную цѣну (ἀξιωσάντων τῶν πολεμάρχων καθυπήκουσαν τῆς καλῶς ἐχούσης τιμῆς). Тамъ же № 548 (III в. до Р. Хр.): совѣтъ и демосъ Эфеса даютъ право гражданства Агаѳоклу изъ Родоса за то, что онъ, убѣжденный къ тому агораномомъ, продавалъ хлѣбъ дешевле рыночной цѣны (πεισθεὶς ὑπὸ τοῦ ἀγορανόμου καὶ βουλόμενος χαρίζεσθαι τῶι δήμωι ἐπώλησεν τὸν σῖτομ πάντα εὐωνότερον τοῦ ἐν τῆι ἀγορᾶι πωλουμένου). Другіе примѣры Francotte l. c. 293—294 и 298—299. Торговцы хлѣбомъ (ἔμποροι и σιτοπῶλαι) были, повидимому, по общему правилу чужестранцами. Въ Аоинахъ это

Точно также должностныя лица, которымъ былъ порученъ надзоръ за торговлей (агораномы, ситофилаки и проч.), восхвалялись за то, что они умѣли дѣйствовать на торговцевъ, побуждая ихъ къ умѣренности и даже къ щедротамъ по отношенію къ городу [218]). Но находясь фактически въ зависимости отъ ἔμποροι и даже отъ σιτοπῶλαι, — государство-городъ принципіально могъ сколько угодно вторгаться въ хлѣбную торговлю. О томъ, что ситофилаки (и агораномы) по закону имѣли полномочіе устанавливать цѣны на хлѣбъ и зерно [219]), мы уже говорили. Въ Аѳинахъ, кромѣ того, существовало запрещеніе морского займа подъ судно, грузъ котораго направлялся бы въ Аѳины, и, прежде всего, тутъ имѣлись въ виду хлѣбные грузы [220]). Далѣе, ни одинъ житель Аѳинъ не

почти всегда метэки. Гесихій прямо такъ и говоритъ: ἔμπορ(ι)ος—μέτοικος. Ср. Michel Clerc. Les Métèques athéniens Paris. p.p. 396—403. Gernet l. c. pp. 327—329. Метэкъ, по опредѣленію Франкотта (De la condition des étrangers dans les cités grecques, въ Mélanges de droit public grec, p. 205)—est un étranger établi, en Attique ou ailleurs, definitivement, sans esprit de retour. Функціи ἔμπορος и σιτοπώλης иногда, повидимому, могли совмѣщаться въ одномъ и томъ же лицѣ.

[218]) См. выше примѣчаніе 217. Ср. также Dittenberger, № 503.

[219]) Аѳинское законодательство, которое излагаетъ Аристотель въ Ἀθηναίων πολιτεία,—о регулированіи цѣнъ на хлѣбъ въ зависимости отъ цѣнъ на зерно, является принципіальнымъ прообразомъ всѣхъ мѣропріятій такого рода. Ср. объ англійскомъ законодательствѣ G. Schanz. Englische Handelspolitik gegen Ende d. Mittelalters. Band I. Stuttgart 1881, S. 637. W. v. Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwicklung im Ausgange des Mittelalters. Jena 1879, SS. 165—166. R. Faber. Die Entstehung des Agrarschutzes in England. Strassburg 1888, S. 67. (Это такъ называемая assisa panis, начало которой положено при Ричардѣ I и Іоаннѣ II, которая окончательно формулирована при Генрихѣ III въ 1266 г. и отмѣнена лишь при Аннѣ въ 1709 г.).

О городскомъ регулированіи цѣнъ на хлѣбъ въ Германіи с р. W. Naudé. Deutsche städtische Getreidehandelspolitik von 15—17 Jahrhundert. Leipzig. 1889. Въ Пруссіи его же Acta Borussica. Getreidehandelspolitik, Band II. Berlin 1901. passim (ср. въ указателѣ подъ словомъ „Brodtaxen"); въ ганзейскихъ городахъ тамъ же Band I, S. 250 u. ff., въ Голландіи S. 434, въ Церковной области—S. 146 u. ff., въ Норвегіи SS. 209—210, во Франціи Delamare. Traité de la police, t. II, Paris. 1722, pp. 251 et 399. О таксахъ на хлѣбъ въ Россіи см. Хлѣбопекарный промыселъ и такса на хлѣбъ въ Москвѣ. Составлено статистическимъ отдѣленіемъ Московской Городской Управы. Москва, 1889 г. столб. 115 и слѣд.

имѣлъ права ввозить хлѣбъ иначе, какъ въ аѳинскій портъ, Пирей, и обязанъ былъ $^2/_3$ его продать въ Аѳины [221]). Эти запреты были снабжены суровыми санкціями [222]). Наконецъ, была запрещена скупка за-разъ большого количества зерна каждымъ отдѣльнымъ торговцемъ и стачка между ними.

Яркое выраженіе взглядъ древнихъ грековъ на отношеніе государства къ хлѣбной торговлѣ нашелъ себѣ въ знаменитой рѣчи Лизія Κατὰ τῶν σιτοπωλῶν [223]).

Эта рѣчь требуетъ наказанія для компаніи мелкихъ торговцевъ (κάπηλοι), провинившейся въ томъ, что вопреки закону она скупила больше чѣмъ пятьдесятъ корзинъ (φορμοί) зерна. Хлѣботорговцевъ въ Совѣтѣ хотѣли казнить безъ дальнѣйшихъ разсужденій, но затѣмъ согласились съ обвинителемъ, что необходимо ихъ судить. Обвиняемые, признавъ фактъ скупки, ссылались въ свое оправданіе, что они дѣйствовали такъ по указанію самихъ ситофилаковъ, которые будто бы имъ посовѣтовали произвести противозаконную скупку. Ситофилакъ предшествующаго года, Анитъ показалъ, что онъ далъ торговцамъ только совѣтъ—не набивать соперничествомъ цѣнъ, но скупать хлѣбъ не совѣтовалъ. Вилламовитцъ-Меллендорфъ [224]) толкуетъ эту рѣчь Лизія какъ софистически-демагогическое произведеніе продажнаго адвоката, написанное въ интересахъ крупныхъ импортеровъ противъ мелкихъ торговцевъ, объединеніе которыхъ было невыгодно для импортеровъ. Лизій въ своей рѣчи, по мнѣнію знаменитаго эллиниста, натравливалъ народъ противъ хлѣботорговцевъ, какъ эксплуататоровъ народной нужды. Такъ это или не такъ, но несомнѣнно, что въ аргументаціи Лизія ясно обнаруживается зависимость, въ которой при извѣстныхъ условіяхъ могли находиться Аѳины отъ импортеровъ хлѣба. Авторъ рѣчи прямо

[220]) Demosth. XXXV, 51.

[221]) Demosth. XXXIV, 37, XXXV, 50. Arist. Ἀθην. πολ 51. Cp. Gernet l. c. 372—373. Boeckh, Staatshaushaltung I³, S.S. 71 u. 107.

[222]) Въ то же время ἔμποροι пользовались и привилегіями: они были свободны отъ военной службы и доносить на нихъ было запрещено. Demosth. LVIII, 18. Cp. Gernet l. c. 344.

[223]) Frohberger-Thalheim. Ausgewählte Reden des Lysias. II ²Leipzig 1892 (введеніе и примѣчанія) и ниже указанный экскурсъ Вилламовитца ф. Меллендорфа.

[224]) Экскурсъ: Lysias wider die Kornhändler въ Aristoteles u. Athen II (Berlin 1893), SS. 374—379.

предлагаетъ суду обдумать, къ чему приведетъ оправданіе подсудимыхъ: оно будетъ означать одобреніе стачки торговцевъ противъ импортеровъ, и «вы этимъ покажете, что вы враждебны импортерамъ», а это—говоритъ онъ—«невозможно» [225]). Лизій настойчиво беретъ за одну скобку интересы «гражданъ» и «импортеровъ» и противопоставляетъ имъ интересы «торговцевъ». «Если вы ихъ осудите,— заканчиваетъ онъ рѣчь — вы поступите справедливо и будете дешево покупать хлѣбъ, если же вы ихъ оправдаете, то хлѣбъ будетъ обходиться вамъ дорого» [226]).

Часто сами должностныя лица дѣйствовали, какъ благотворители города, и, скупая хлѣбъ, продавали его жителямъ по заготовительной или вообще дешевой цѣнѣ или же выплачивали имъ разницу между высокой цѣной даннаго момента и дешевой обычной или средней цѣной [227]). Но иногда вмѣсто должностныхъ лицъ выступало и само государство. Оно продавало хлѣбъ по заготовительной и по удешевленной цѣнѣ.

Для этой цѣли открывается добровольная подписка [228]), въ которой не вполнѣ добровольно принимаютъ участіе богачи. По-

[225]) 17: Ενθυμεῖσθαι δὲ χρή, ὅτι ἀδύνατον ὑμῖν ἐστιν ἀποψηφίσασθαι. Εἰ γὰρ ἀπογνώσεσθ' ὁμολογούντων αὐτῶν ἐπὶ τοὺς ἐμπόρους συνίστασθαι, δόξεθ' ὑμεῖς ἐπιβουλεύειν τοῖς εἰσπλέουσιν.

[226]) 22: Ἂν οὖν τούτων καταψηφίσησθε, τά τε δίκαια ποιήσετε καὶ ἀξιώτερον τὸν σῖτον ὠνήσεσθε. εἰ δὲ μή, τιμιώτερον.

[227]) Ср. Dittenberger № 325: Истропольская надпись (I вѣка до Р. Хр.) въ которой восхваляется агораномъ Аристагоръ, сынъ Апатурія, за то что онъ доставлялъ дешевый хлѣбъ гражданамъ. Въ томъ же духѣ C. I. G. 2484 = Ditt. № 502. На этой надписи мы останавливаемся ниже, такъ какъ она имѣетъ болѣе общее значеніе и не относится только къ хлѣбной торговлѣ.

[228]) Взносы называются ἐπιδόσεις, а все предпріятіе σιτωνία. Ср. выше цитированную относящуюся къ 325/324 гг. до Р. Х. аѳинскую надпись (Dittenberger № 152), гдѣ о Гераклидѣ Саламинскомъ сказано ὅτε αἱ ἐπιδόσεις ἦσαν ἐπέδωκεν XXX δραχμὰς εἰς σιτωνίαν. Ср. № 16 (съ русскимъ переводомъ) у Латышева [Inscr. orae septentr. Ponti Euxini (I) = № 226 Dittenberger] знаменитую ольвійскую надпись (III вѣкъ до Р. Хр.)—рѣшеніе народнаго собранія: въ этомъ декретѣ восхваляется образъ дѣйствій гражданина-патріота Протагена, сына Геросона, который въ годы вздорожанія хлѣба откликался на нужду родного города и по дешевой цѣнѣ уступалъ хлѣбъ ольвійскому народу и вообще оказывалъ ему разныя благодѣянія. Изложеніе и объясненіе этой надписи у Латышева: Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи. СПБ. 1887, гл. III. Другіе примѣры у Francotte pp. 302—307.

купку и распредѣленіе хлѣба выполняютъ ситоны, σιτῶναι, коллегіально или единолично.

Въ общемъ и цѣломъ, конечно, греческая агораномія предпочитала прямому регулированію цѣнъ покупку, на счетъ государства или частныхъ «благодѣтелей», того продукта, въ которомъ нуждались граждане, и перепродажу его гражданамъ по низкой цѣнѣ. Этотъ путь, о которомъ мы уже говорили, психологически былъ легче, чѣмъ установленіе цѣны велѣніемъ власти. Это называлось παραπιπράσκειν, resp. παράπρασις [229]). Въ παράπρασις иногда входила, впрочемъ, принудительная скупка [230]), и она въ такихъ случаяхъ представляла «liberalitas» только по отношенію къ тѣмъ, кому власть продавала, а не для тѣхъ, у кого она покупала.

Замѣтимъ для полноты, что въ комедіи Аристофана «Женщины въ народномъ собраніи» находится ироническій намекъ на аѳинскій законъ, нормировавшій, какъ поясняетъ схоліастъ, цѣну на соль и вышедшій изъ употребленія [231]). Эпиграфическихъ подтвержденій или слѣдовъ этого закона, кажется, не сохранилось.

Отъ этихъ мѣропріятій уже одинъ шагъ до даровой раздачи хлѣба.

3. Даровая раздача хлѣба устанавливается самосскимъ закономъ II вѣка до Р. Хр., сохранившимся на камнѣ, найденномъ въ 1903 г. [232]). Она тѣсно связана въ этомъ законѣ съ регулированіемъ цѣны хлѣба государствомъ. Самосъ на противоположномъ

---

[229]) См. выше истропольскую надпись. Ditt. № 329. Тамъ же № 529. Ср. A. Wilhelm. Archaeologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich. XX p. 76. Его же. Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien. 1909, S. 199—200. Francotte l. c.

[230]) Такъ я понимаю Ditt. 529, 19—22: τοὺς δὲ αἱρεθέντας ἡγεμόνας ἐξουσίαν ἔχειν αναγκάζειν καὶ ζημιοῦν ἑκάστης ἡμέρας ἀργυροῖς δέκα καί πράσσειν τοὺς ἀτακτοῦντας τρόπον ὃν ἄν δύνωνται.

[231]) Стихъ 813—814: ὥσπερ οὐχ ὁρῶν ἀεὶ τοιαῦτα γιγνόμενα ψηφίσματα. οὐκ ὅισθ' ἐκεῖν' ἄδοξε τὰ περὶ τῶν ἁλῶν. Схолія: ἐψήφισαντο γὰρ αυτοὺς εὐωνοτέρους εἶναι. καὶ τὸ ψήφισμα ἄκυρον γέγονε.

[232]) Надпись эта издана Вигандомъ и Вилламовитцемъ: Ein Gesetz von Samos über die Beschaffung von Brotkorn aus öffentlichen Mitteln von Theodor Wiegand und U. von Willamowitz-Möllendorff въ Sitzungsberichte der Königlich preussischen Akademie der Wissenschaften 1904 XXVII (Sonderabdruck). Ср. также текстъ самосской надписи и комментаріи къ ней Тальгейма въ Hermes. Bd. 39 (1904), SS. 604—610

азіатскомъ берегу владѣлъ издавна землей, которая формально принадлежала Герѣ, или ея храму. Арендаторы земли платили богинѣ натурой двадцатую долю урожая, и государство, которому принадлежала казна богини, продавало этотъ хлѣбъ по указной цѣнѣ. Народное рѣшеніе, записанное на камнѣ, постановило, что государство въ лицѣ «завѣдующихъ хлѣбнымъ дѣломъ» должно покупать хлѣбъ богини по цѣнѣ, не меньшей, чѣмъ та цѣна, которую народъ ранѣе установилъ[233]). Скупленный такимъ образомъ хлѣбъ завѣдующіе хлѣбнымъ дѣломъ должны безплатно распредѣлять между всѣми наличными гражданами по «тысячамъ»[234]), на каждаго гражданина по двѣ мѣры[235]). Въ цѣляхъ полученія денегъ на операцію покупки хлѣба для даровой раздачи устраивалась «добровольная» подписка, и капиталъ, реализованный такимъ путемъ, помѣщался въ ипотеки, проценты съ которыхъ шли на покупку хлѣба. Повидимому, въ случаѣ надобности, на деньги, полученныя по «подпискѣ» (каковая была лишь вѣжливой формой принудительнаго займа), къ хлѣбу «богини» прикупался хлѣбъ изъ другихъ источниковъ; для этой функціи народъ избиралъ особое должностное лицо— ситона, который долженъ былъ обладать извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ[236]). Таковъ былъ этотъ любопытный законъ, подробности котораго, не относящіяся къ нашей темѣ, мы опускаемъ и въ которомъ, путемъ назначенія цѣны на хлѣбъ, находившійся въ распоряженіи государства и предназначенный къ раздачѣ гражданамъ, государство властно вторгалось въ дѣло народнаго продовольствія. Издатели самосскаго закона вдвигаютъ его въ широкую историческую перспективу. «Распредѣленіе зерна между гражданами или, по крайней мѣрѣ, между нуждающимися гражданами (ибо вѣдь не каждый гражданинъ обязательно бралъ свою долю, да этого и не ожидали)—говорятъ Вилламовитцъ и Вигандъ—выростаетъ тутъ изъ того, что государство, т. е. совокупность гражданъ, имѣетъ

[233]) 23—26: ἐκεῖνοι (sc. οἱ ἐπὶ τοῦ σίτου κεχειροτονημένοι ἄνδρες) δὲ ἀγοραζέτωσαν σῖτον τὸν ἀπὸ τῆς εἰκοστῆς ἀπομετρούμενον τῆς ἐξ Ἀναίων, διδόντες τῆι θεῶι τιμὴν μὴ ἐλάσσονα ἧς πρότερον ὁ δῆμος τέταχεν.

[234]) Старое дѣленіе государства-города : „тысяча“—χιλιαστύς.

[235]) 52—55: τὸν δὲ συναγορασθέντα πάντα (sc. σῖτον) διαμετρείτωσαν τοῖς πολίταις κατὰ χιλιαστὺν τοῖς ἐπιδημοῦσιν, μετροῦντες ἑκάστωι τὸμ μῆνα δωρεὰν μέτρα δύο.

[236]) 45—47: ἀποδεικνύτω δὲ καὶ σιτώνην ὁ δῆμος ἐν τῆι αὐτῆι ἐκκλησίαι, μὴ ἐλάσσονα οὐσίαν ἔχοντα ταλάντων δύο.

право на доходъ съ общественной земли, которая въ данномъ случаѣ является землей священной. Здѣсь нѣтъ рѣчи о милостыни или о кормленіи черни. Правительство страны, которая уже не производитъ достаточнаго количества зернового хлѣба, обязано регулировать хлѣбную торговлю. Аѳины давно это дѣлали, но не создали ничего, что могло бы итти въ сравненіе съ самосскимъ законодательствомъ; случаи распредѣленія хлѣба составляютъ тамъ нѣчто исключительное; въ Аѳинахъ оказывали лишь сильное воздѣйствіе на крупныхъ хлѣботорговцевъ, но въ эпохи дороговизны попадали въ зависимость отъ нихъ. Въ Римѣ демократы провели раздачу хлѣба или, по крайней мѣрѣ, продажу хлѣба по дешевой цѣнѣ; и мы должны прежде всего уяснить себѣ, что тутъ римляне восприняли учрежденіе эллинистическаго міра. Затѣмъ мы должны воздать должное идеѣ Гракховъ. Римъ унаслѣдовалъ въ Азіи огромныя царскія земельныя имущества, которыя приносили Атталидамъ частью денежный, частью натуральный доходъ, т. е. зерно. Развѣ была предосудительной демагогіей мысль, что этотъ доходъ принадлежитъ римскимъ гражданамъ, а не откупщикамъ налоговъ или тѣмъ, кто оккупировалъ ager publicus? Нельзя хлѣбные законы Рима отрывать отъ законовъ аграрныхъ и отъ законовъ о провинціи Азіи и о Капуѣ и Кароагенѣ. Лишь разстояніе и огромный масштабъ всѣхъ отношеній вообще дѣлали невозможнымъ для Рима осуществленіе того, что было исполнимо на греческомъ островѣ, поскольку и тамъ своекорыстіе имущихъ и халатность управленія не привели къ бездѣйствію всѣ законы. Но было лишь совершенно неизбѣжно и отнюдь не предосудительно, что идеи греческой демократіи такъ же проникли въ Римъ, какъ и идеи греческой монархіи. И въ этой области римская исторія становится дѣйствительно понятна только тогда, когда мы станемъ разсматривать ее въ связи съ эллинизмомъ» [237]). Мы привели эти замѣчанія издателей самосскаго закона потому, что намъ самимъ придется вскрывать связь римскихъ учрежденій гораздо болѣе поздней эпохи съ тѣмъ, что римляне нашли на эллинистической почвѣ, и тѣмъ самымъ вдвигать эволюцію институтовъ принципата и домината именно въ ту широкую универсально-историческую рамку, о которой говорятъ Вилламовитцъ и Вигандъ.

---

[237]) L. c. S. 14.

4. Регулированіе цѣнъ не ограничивается хлѣбомъ. Лѣтомъ 1905 г. французскія раскопки на островѣ Делосѣ извлекли на свѣтъ Божій камень, на которомъ оказался цѣлый законъ [238]), регулирующій торговлю углемъ и дровами и гласящій (въ угловатыя скобки [ ] взяты восполненія текста, предлагаемыя его французскими издателями; въ круглыя ( )—слова, введенныя нами въ переводъ для ясности):

[Возбраняется лицамъ, ввозящимъ перечисленные предметы, продавать] уголь, круглыя дрова [и дровяныя щепки иначе, какъ при условіи употребленія] общественныхъ вѣсовъ, предназначенныхъ для дровъ, а также продавать въ Делосѣ [что-либо] купленное [тамъ], и далѣе продавать [со своего] судна какой-либо изъ перечисленныхъ предметовъ, пріобрѣтенный имъ (импортеромъ въ Делосѣ) для своего собственнаго потребленія. Продавать же (слѣдуетъ), сдѣлавъ (о своемъ товарѣ надлежащее) объявленіе. Возбраняется выкрикивать (свой товаръ) для продажи, не сдавая его тотчасъ покупателю; возбраняется продавать чужія (расщепленныя) дрова, кругляшки и уголь. Продавать дозволяется лишь самимъ импортерамъ и, притомъ, ни дороже, чѣмъ по объявленной пентекостологамъ цѣнѣ, ни дешевле.

Импортеры обязаны до продажи дать агораномамъ показанія о цѣнѣ, совпадающія съ объявленіемъ, сдѣланнымъ пентекостологамъ. Если же кто-либо будетъ продавать съ нарушеніемъ этихъ правилъ, то повиненъ онъ уплатить пятьдесятъ драхмъ штрафу, и всякій гражданинъ имѣетъ право донести агораномамъ (на такого нарушителя). Агораномы же должны вносить эти обвиненія въ коллегію тридцати одного въ теченіе мѣсяца по ихъ оглашеніи. Судебныя издержки должны быть внесены впередъ доносителемъ. Въ случаѣ осужденія (виновный) долженъ возмѣстить эти издержки тому, кто ихъ внесъ, и ему же онъ долженъ отдать изъ установленнаго въ этомъ законѣ

---

[238]) Законъ этотъ изданъ съ французскимъ переводомъ и обстоятельнымъ комментаріемъ въ органѣ „Французской школы въ Аѳинахъ“ Bulletin de correspondance hellénique. Janvier-Mars 1907: E. Schulhof et P. Huvelin: Fouilles de Délos, exécutées aux frais de M. le duc de Loubat (1905). — Inscriptions. — Loi réglant la vente du bois et du charbon à Délos.

штрафа двѣ трети, треть же — въ казну. И агораномы должны взыскать (эту сумму) съ осужденнаго въ теченіе десяти дней послѣ осужденія, и никто не можетъ ихъ за это преслѣдовать. Если же агораномы не смогутъ взыскать эту сумму, то, очистившись присягой, они выдадутъ осужденнаго и его имущество доносителю и впишутъ (имя и долгъ) на доску, на которой они помѣщаютъ всѣ другія свои записи, и затѣмъ передадутъ ихъ Совѣту въ его архивъ.

Ἀτελεῖς [239]), которые ввозятъ дрова, кругляшки и уголь, каковые (товары) продаются при помощи общественныхъ вѣсовъ, должны объявить агораномамъ до продажи, за сколько они желаютъ продавать, и имъ возбраняется продавать дороже или дешевле объявленной цѣны, и тѣмъ, кто не подчинится этимъ правиламъ, агораномы не дадутъ ни вѣсовъ, ни мѣръ, служащихъ для угля, а они (импортеры) въ качествѣ платы за мѣсто, гдѣ будутъ сложены ихъ дрова (расщепленныя), или уголь, или кругляшки, должны уплачивать городу драхму въ день, пока они не снимутся (съ того мѣста), и агораномы должны ихъ подвергать взысканію, не отвѣчая за это».

Таковъ этотъ любопытный памятникъ, который издатели его Schulhof и Huvelin относятъ ко второй половинѣ III вѣка до Р. Хр.

Здѣсь собственно не прямо устанавливалась цѣна, а запрещалось мѣнять цѣну, разъ объявленную [240]) таможеннымъ откупщикамъ (пентекостологамъ), получавшимъ πεντεκοστή, 2% сборъ съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ [241]), т. е. предписывалось соблюдать prix fixe.

---

[239]) Ἀτελεῖς—лица, пользующіяся ἀτέλεια, свободой отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ общественныхъ тяготъ (налоговъ и повинностей).

[240]) Ἀπογραφή значитъ объявленіе, или декларація, надлежащимъ образомъ зарегистрированная: „déclaration inventoriée, inventaire". Schulhof et Huvelin l. c. p. 58.

[241]) Основной документъ для характеристики πεντεκοστή и ея взиманія теперь—таможенный регламентъ города Кипариссіи (въ Мессеніи), найденный въ 1896 г. и опубликованный въ 1897 г. въ Bulletin de correspondance hellénique (XXI, p. 574—576).

Любопытно, что при этомъ возбранялось продавать не только дороже, но и дешевле объявленной цѣны.

Тутъ фиксація цѣны характернымъ образомъ связана съ обязательной ея декларацiей, и, такимъ образомъ, требованіе таможенной «полиціи» получаетъ въ то же время значеніе нормы для гражданскихъ отношеній: объявленіе цѣны по поводу взиманія пошлины сливалось съ назначеніемъ цѣны для покупателей.

Съ этимъ постановленіемъ вновь открытаго делосскаго закона любопытно сопоставить, съ одной стороны, давно извѣстное сообщеніе объ установленномъ закономъ prix fixe у Атенея, которое считалось если не фантастическимъ, то весьма сомнительнымъ [242]) и которое получаетъ теперь значеніе весьма достовѣрнаго извѣстія, и, съ другой стороны, требованіе Платона въ «Законахъ», чтобы продавецъ на рынкѣ, разъ назначивъ цѣну, не мѣнялъ ее, т. е. ни повышалъ, ни понижалъ ее въ тотъ же день [243]); это Платоново требованіе, какъ справедливо указываютъ Schulhof и Huvelin, несомнѣнно внушено какимъ-нибудь существовавшимъ во времена Платона закономъ, до насъ не дошедшимъ. Въ отрывкѣ изъ Атенея (стихи Алексида) говорится о томъ, что аѳинскій богачъ-номотетъ Аристоникъ провелъ законъ слѣдующаго содержанія: продавцы рыбы не имѣли права понижать объявленную ими цѣну своего товара, дабы всякій, старуха, старецъ и мальчикъ, посланный на рынокъ, могли покупать рыбу на одинаковыхъ основаніяхъ. Нарушителямъ этого предписанія законъ угрожалъ тюрьмой [244]).

---

[242]) Ср. W. Wachsmuth. Hellenische Altertumskunde II², S. 31—32 и Curt Wachsmuth цит. ниже сочиненіе.

[243]) 917: ὁ πωλῶν ὁτιοῦν ἐν ἀγορᾷ μηδέποτε δύο εἴπῃ τιμὰς ὧν ἂν πωλῇ, ἁπλῆν δὲ εἰπών, ἂν μὴ τυγχάνῃ ταύτης, ἀποφέρων ὀρθῶς ἂν ἀποφέροι παλιν καὶ ταύτης τῆς ἡμέρας μὴ τιμήσῃ πλέονος μηδὲ ἐλάττονος. Французскіе издатели справедливо отмѣчаютъ поразительное совпаденіе самыхъ выраженій делосскаго закона съ текстомъ Платона.

[244]) Athenaei Deipnosophistae VI, 226 a—b: κἂν τῷ Λέβητι δέ φησιν ὁ αὐτὸς ποιητής (Ἄλεξις) οὐ γέγονε κρείττων νομοθέτης τοῦ πλουσίου Ἀριστονίκου. τίθησι γὰρ νυνὶ νόμον τῶν ἰχθυοπωλῶν ὅστις ἂν πωλῶν τινι ἰχθὺν ὑποτιμήσας ἀποδῶτ' ἐλάττονος ἧς εἶπε τιμῆς, εἰς το δεσμωτήριον εὐθὺς ἀπάγεσθαι τοῦτον, ἵνα δεδοικότες τῆς ἀξίας ἀγαπῶσιν, ἢ τῆς ἑσπέρας σαπροὺς ἅπαντας ἀποφέρωσιν οἴκαδε. κἀνταῦθα καὶ γραῦς καὶ γέρων καὶ παιδίον πεμφθεὶς ἅπαντες ἀγοράσουσι κατὰ τρόπον.—Τῆς ἀξίας Schweighäuser (Athenaei Naucratitae Deipnosophistarum libri quin-

Въ этихъ греческихъ нормахъ о prix fixe слѣдуетъ видѣть обнаруженіе двухъ тенденцій. Съ одной стороны, это все та же тенденція гражданско-правового ритуализма, въ силу котораго однажды выраженная воля, въ данномъ случаѣ однажды назначенная цѣна связывала того, кто ее объявилъ,—certum pretium римскаго права, какъ неподвижная норма (starrer Rechtssatz по цитированному выше выраженію Гольдшмидта), восходитъ въ извѣстной мѣрѣ къ этому ритуализму—uti lingua nuncupassit ita ius esto. Съ другой стороны, съ этой гражданско-правовой ритуалистической тенденціей сплетается тенденція полицейско-правовая, направленная на охрану потребителя и принудительно устанавливающая равенство потребителей (покупателей) предъ лицомъ продавца: послѣдній не имѣетъ права дифференцировать цѣну.

Делосскій законъ не только устанавливаетъ prix fixe, но также воспрещаетъ всякое посредничество въ торговлѣ: торговецъ долженъ продавать топливо только своей заготовки и заготовку обязанъ производить только внѣ Делоса, другими словами скупка товара на мѣстѣ продажи въ цѣляхъ перепродажи не дозволена. Делосская надпись представляетъ огромный интересъ и имѣетъ крупнѣйшее универсально-историческое значеніе. При свѣтѣ этой эпиграфической находки всѣ прежніе отрывочные намеки и извѣстія, по которымъ можно было догадываться о томъ, что тенденціи и институты, считавшіеся характерными для средневѣковаго городского хозяйства, были присущи античному міру, получаютъ новое подтвержденіе и гораздо болѣе опредѣленный смыслъ. Передъ нами тутъ цеховой строй безъ цеховыхъ организа-

---

decim... illustravit II, Argentorati 1802, p. 369) переводитъ на латинскій языкъ: aequo pretio. Рыботорговцы считались въ Греціи злостными выжигами и надувалами, человѣкоубійцами (ἀνθρωποφόνοι), „душегубами" или „христопродавцами", какъ сказали бы теперь. (Ср. рядъ отрывковъ у того же Атенея и Curt Wachsmuth. Die Stadt Athen im Altertum II, Leipzig 1890. SS. 466—474, тамъ же о томъ, кто былъ богачъ Аристоникъ). Рыба, въ особенности, заготовленная впрокъ (соленая), была однимъ изъ главныхъ пищевыхъ средствъ народныхъ массъ и продавалась по очень дешевой цѣнѣ. Ср. H. K. E. Köhler. Τάριχος ou recherches sur l'histoire et sur les antiquités des pêcheries de la Russie meridionale. St. Petersbourg. 1832.

цій [245]), т. е. именно то, что является исходной точкой городской организаціи торговли и промышленности въ средніе вѣка, гдѣ извѣстный режимъ торговли и промышленности существовалъ 1) до автономныхъ корпорацій, цеховъ, и 2) независимо отъ нихъ. Издатели делосскаго закона справедливо сопоставляютъ его съ соотвѣтствующими постановленіями европейскаго, въ частности, французскаго средневѣковья [246]).

5. Такъ передъ нами явственно вырисовывается огромная роль рыночной полиціи въ греческой πόλις. Власть надъ рынкомъ не только косвенно вліяла на цѣны, она могла ихъ прямо регулировать. Это входило въ общую заботу о томъ, чтобы на рынкѣ все происходило «безъ обмана» и «благообразно». Справедливая цѣна относилась къ тому «благообразію» рынка, поддержаніе котораго должно было составлять по Платону, Аристотелю, Θеофрасту и Гипериду главную заботу агораномовъ [247]).

---

[245]) Общій вопросъ о гильдіяхъ и цехахъ въ древней Греціи чрезвычайно труденъ: многое тутъ неясно и спорно. Ср. Ziebarth. Das griechische Vereinswesen. Leipzig 1896. Francotte. Industrie dans la Grèce ancienne. Liège 1900—1901. F. Poland, Geschichte des griechischen Vereinswesens, Leipzig 1909. Въ частности, на Делосѣ, повидимому, гильдіи не существовали или почти не существовали въ ту эпоху. Ср. Poland. l. c. S. 124, а также V. de Schaeffer. De Deli insulae rebus Dorpati 1889, p. 189—399. Къ тому же ни о какихъ полицейскихъ функціяхъ профессіональныхъ корпорацій въ Греціи вообще никогда не было рѣчи (дисциплинарная власть ихъ по отношенію къ своимъ членамъ въ счетъ не идетъ), и въ этомъ смыслѣ въ древней Греціи несомнѣнно цеховъ вовсе не существовало.

[246]) Ср. напримѣръ парижскій полицейскій ордонансъ 1350 г., относящійся именно къ углю и дровамъ: „Nul buscher, vendeur de busche ou de charbon, puis que sa busche ou charbon aura esté une fois à prix ou affeuré ne le pourr arencherir ne mettre a plus haut prix, mais chacun en ait pour le prix qui prendre en voudra...“ Schulhof et Huvelin l. c. p. 63. Ср. мѣры по регулированіи торговли лѣсомъ и дровами въ старомъ Базелѣ—запрещеніе скупки для перепродажи и извлеченія прибыли (Fürkauf und Mehrschatz) и прямая нормировка цѣнъ. Bernhard Brendle. Der Holzhandel im alten Basel. Basel 1910, SS. 42-48 и SS. 51-55. Тамъ же запрещеніе сбивать цѣны (S. 48: Verbot einem andern in den Markt zu fallen).

[247]) Греки называли его τὸν resp. τὴν περὶ τὴν αγορὰν κόσμον или εὐκοσμίαν Платонъ въ „Законахъ“ VI 764 B: τοὺς δὲ δὴ ἀγορανόμους τὸν περὶ τὴν ἀγορὰν κόσμον διαταχθέντα ὑπὸ νόμων φυλάττειν... Аристотель въ „Политикѣ“ VII (VI): πρῶτον μὲν οὖν ἐπιμέλεια τῶν ἀναγκαίων ἡ περὶ την ἀγοράν, ἐφ᾽ ἣ δεῖ τινα

«Демосъ» самъ могъ установить цѣну—τάσσειν τὴν τιμὴν (выраженіе самосскаго закона), но чаще распоряженія о цѣнахъ были дѣломъ не законодателя, а исполнительной власти, т. е. по преимуществу тѣхъ же агораномовъ. Эпиграфическій матеріалъ свидѣтельствуетъ объ этомъ съ полной ясностью. Мы видимъ изъ него, что принципіально цѣны на всѣ тѣ рыночные продукты непосредственнаго потребленія, которые на греческомъ языкѣ обозначались выраженіемъ τὰ ὤνια, подлежали регулированію агораномовъ [248]). Объ этомъ мы узнаемъ изъ почетныхъ декретовъ, относящихся къ агораномамъ въ разныхъ мѣстахъ Греціи. Такова истропольская надпись, о которой мы уже упоминали. Въ ней восхваляется агораномъ за то, что онъ, скупая хлѣбъ и другіе товары, устанавливалъ самыя выгодныя для гражданъ цѣны [249]). Таковы двѣ астипалейскія надписи [250]). Такова парійская (Паріонъ на Геллеспонтѣ) надпись [251]).

ἀρχὴν εἶναι τὴν ἐφορῶσαν περί τε τὰ συμβόλαια καὶ τὴν εὐκοσμίαν. Гиперидъ въ рѣчи „противъ Аѳиногена" 14: ὁ μὲν τοίνυν εἷς νόμος κελεύει ἀψευδεῖν ἐν τῇ ἀγορᾷ. Θеофрастъ у Гарпократіона подъ κατὰ τὴν ἀγορὰν ἀψευδεῖν: δυοῖν τούτων ἐπιμέλεῖσθαι δεῖν τοὺς ἀγορανόμοος τῆς τε ἐν τῇ ἀγορᾷ εὐκοσμίας καὶ τοῦ ἀψευδεῖν μὴ μόνον τοὺς πιπράσκοντας ἀλλὰ καὶ τοὺς ὠνουμένούς.

[248]) Указатели мѣстъ греческихъ надписей, въ которыхъ говорится объ агораномахъ и т. п. органахъ, даютъ Haederli. l. c. S. 51 и ff. Gilbert. l. c. II, S.: 331—332. Liebenam. l. c. S. 539—542. D. Magie. De Romanorum iuris publici sacrique vocabulis sollemnibus in graecum sermonem conversis. Leipzig 1905 и M. Mentz. De magistratibus Romanorum graecis appellationibus. Jen. Diss. 1894. Ср. также Francotte. Le pain à bon marché etc. V. Chapot. La province romaine proconsulaire d'Asie depuis les origines jusqu'a la fin du haut empire. Paris 1904. Isidore Levy. Etudes sur la vie municipale del' Asie Mineure въ Revue des études grecques XIV (1901) 3-me serie pp. 364 et sqq.

[249]) Dittenberger I² № 325: ταγεὶς τε ἀγορανόμος εἰς ἐνιαυτόν ἠγορανόμησεν ω[ς] ἔπρεπεν ἀνδρὶ καλῷ καὶ ἀγαθῷ, παραπωλῶν σεῖτον ἅμα καὶ οἶνον καὶ τῶ[ν] λοιπῶν ὠνίων τὰς τειμὰς καθαιρῶν λυσιτελέστατα τοῖς πολείταις.

[250]) C. I. G. № 2484=Dittenberger II² № 502: ἐπειδὴ Δημοτέλης Καλλίππου αἱρεθεὶς ἀγορανόμος ἐπεμελήθη τοῦ δάμου μετὰ πάσας φιλοτιμίας τῶν τε κατὰ τὰν ἀγορὰν πάντων ἐπιμελομενος ὅπως ὡς εὐωνότατα καὶ δικαιότατα πωλῆται, καὶ σῖτον διετέλει προωνεύμενος τῶι δαμωι. Ср. C. I. G. № 2483, тождественный по содержанію.

[251]) Dittenberger II² № 503: ἐπ[ειδὴ . . . . .] ζου τοῦ Ζωπύρου [Παριανὸς, κατασταθ]εὶς ὑπὸ τοῦ δήμο[υ τοῦ Παριανῶν] ἀγορανόμος εἰς τὰ [νέα Παναθή] (ν) αια ἐπὶ ἀγωνοθετῶ [ν τῶν περὶ...] όδωρον Λυκόφρο[νος, φιλοτίμως] καὶ δικαίως ἠγορανόμησε μετὰ τῶν συ]ναρχόντων τῆ[ς τε τῶν σίτων παρ]ασκευῆς ἐφρόντισ[εν, ὅπως ὡς εὐτελέστ]ατα ὠνῶνται οἱ ἐν[δημοῦντες, καὶ] περὶ τῶν ἄλλων ὠνίω[ν τὴν πᾶσαν ἐπι]μέλειαν ἐποιήσατ[ο....

Если въ этихъ случаяхъ нѣтъ рѣчи прямо о назначеніи цѣнъ властью, то въ знаменитой т. н. анданійской надписи рѣчь идетъ вполнѣ ясно объ этомъ. А именно въ ней говорится о томъ, чтобы агораномъ не указывалъ, по какой цѣнѣ должны продаваться товары, не устанавливалъ времени торговли и не взималъ съ продавцевъ платы за мѣста, ими занятыя [252]).

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что это запрещеніе подразумѣваетъ, что вообще «τάσσειν» «πόσου δεῖ πωλεῖν» есть дѣло и право агораномовъ [253]). Въ Анданіи (Мессенѣ? ср. Ziehen l. c.), гдѣ рѣчь идетъ объ ярмаркѣ, связанной съ богослужебными торжествами, а именно съ мистеріями союзныхъ общинъ, агораномы вообще находились, очевидно, въ какомъ-то подчиненномъ положеніи по отношенію къ ἱεροί: ἱεροί (resp. ἱεραί) это не жрецы, а избранные по жребію и дѣйствующіе совмѣстно съ комиссіей «десяти» распорядители (ницы) мистеріями [254]); они брались, повидимому, изъ знати [255]). Анданійскіе агораномы были имъ подчинены; въ связи съ этимъ вполнѣ естественно ограниченіе власти агораномовъ, въ данномъ случаѣ являвшихся лишь второстепенными агентами исполнитель-

---

252) Ἀγορᾶς. οἱ ἱεροὶ τόπον ἀποδειξάντω ἐν ὧι πραθήσεται πάντα. ὁ δὲ ἀγορανόμος ὁ ἐπὶ πόλεος <επι> [ἐ]πιμέλειαν ἐχέτω ὅπως οἱ πωλοῦντες ἄδολα καὶ καθαρὰ πωλοῦντι καὶ χρῶνται σταθμοῖς καὶ μέτροις συμφώνοις ποτὶ τὰ δαμόσια καὶ [μ] ἡ τασσέτω [μ] ἡ [τε] πόσου δεῖ πωλεῖν μηδὲ καίρον τασσέτω μηδὲ πρασσέτω μηθεὶς τοὺς πωτοῦντας τοῦ τόπου μηθέν. τοὺς δὲ μὴ πωλοῦντας καθὼς γέγραπται, τοὺς μὲν δούλους μαστιγούτω, τοὺς δὲ ἐλευθέρους ζαμιούτω εἴκοσι δραχμαῖς καὶ τὸ κρίμα ἔστω ἐπὶ τῶν ἱε [ρῶν]. Надпись эта неоднократно издавалась и комментировалась. Основное изданіе Philippe Le Bas-W. H. Waddington-Paul Foucart Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, Deuxième partie II, Paris. 1870, pp. 161—176. Теперь весьма удобно у Dittenberger II² № 653. и у J. de Prott, L. Ziehen. Leges graecorum sacrae titulis collectae II, 1 Lipsiae 1906, № 58.

Комментарій у Sauppe. Ausgewählte Schriften. Berlin 1896, SS. 261—307, Фукара l. c., Диттенбергера, Цигена и (частичный) у Жебелева Ἀχαϊκά, СПБ. 1901. стр. 353 и сл.

253) Такъ понимаютъ дѣло и Фукаръ l. c. и Гедерли l. c.

254) Soviel ich weiss—замѣчаетъ Зауппе (l. c. S. 289)—kommt der Name sonst nirgends so vor. Ср. о разныхъ ἱεροί, встрѣчающихся въ греческихъ надписяхъ, Cardinali. Note di terminologia epigrafica въ Rendiconti della Reale Academia dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Seriè quinta Vol. XVII, pp. 165—184, и O. Kern въ Hermes 46. Bd (1911) SS. 00—3043 замѣтку Hieroi und Hierai.

255) Таково мнѣніе Диттенбергера l. c.

ной власти [256]). Часть надписей, въ которыхъ регулированіе цѣнъ агораномами распространяется на всѣ «ὤνια», относится къ эпохѣ римскаго владычества. Но врядъ ли этому обстоятельству можно приписывать какое-либо значеніе для содержанія нашихъ памятниковъ; какъ мы увидимъ ниже, въ римскомъ полицейскомъ правѣ до эпохи принципата расширительное толкованіе полномочій рыночной полиціи въ области регулированія цѣнъ было менѣе ясно выражено, чѣмъ въ греческомъ, и не римское право тутъ вліяло на греческое, а обратно. Во всякомъ случаѣ римское вліяніе не можетъ предполагаться, а должно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ быть доказано или, по крайней мѣрѣ, сдѣлано вѣроятнымъ. Въ нашихъ случаяхъ при этомъ всего скорѣе такое вліяніе можно было бы предположить въ Анданіи. Но тамъ власть агoранома была именно ограничена; однако даже въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ предположеніи о римскомъ вліяніи, ибо, какъ мы указывали, ограниченіе власти агораномовъ тутъ находитъ необходимое и достаточное объясненіе въ ихъ спеціальномъ подчиненіи другимъ должностнымъ лицамъ—т. н. ἱεροί.

6. Наконецъ, передъ нами еще одинъ памятникъ, значеніе котораго для освѣщенія развитія регулированія цѣнъ въ греко-римскомъ мірѣ чрезвычайно велико. Это Кизикская надпись, содержащая рѣшеніе «совѣта» и «народа» о максимумѣ цѣнъ и относящаяся къ I вѣку по Р. Хр.

Въ Кизикѣ въ первой половинѣ I вѣка по Р. Х. (при Калигулѣ) возводились постройки, которыя вдова ѳракійскаго царя, филэллина и поэта Котиса, Антонія Трифэна (внука тріумвира Антонія) принесла въ даръ городу. Большія траты на сооруженіе этихъ построекъ, шедшія изъ частныхъ средствъ дарительницы, могли привести къ подъему цѣнъ на рынкѣ. Въ виду этого, по

---

[256]) Это положеніе агораномовъ не вытекало изъ того факта, что они были „союзными“ магистратами для завѣдыванія общими религіозными торжествами нѣсколькихъ государствъ. Агораномы (коллегія), упоминаемые въ парійской надписи (Dittenberger II², № 503), суть тоже „союзные“ магистраты (collegium fuit agoranomorum—говоритъ Диттенбергеръ—quos singulos singulae civitates eligebant), но занимаютъ они совершенно иное, гораздо болѣе почетное положеніе, чѣмъ анданійскій агораномъ. Фукаръ (l. c. p.) ограниченіе власти агораномовъ приписываетъ внѣ-городскому характеру анданійской ярмарки. Съ этимъ трудно согласиться.

рѣшенію совѣта и народа, агораномамъ было поручено, при содѣйствіи «архонтовъ» и «стефанофоровъ» озаботиться тѣмъ, чтобы на рынкѣ оставалась одна и та же цѣна на всѣ рыночные продукты и чтобы никто изъ продавцевъ не продавалъ по цѣнѣ, превышающей «установленную» цѣну; нарушителямъ этого запрета, какъ лицамъ, дѣйствовавшимъ противъ «дешевизны на рынкѣ», или «вредителямъ» рынка, угрожаетъ кара, лишеніе права гражданства или (для чужестранцевъ и метэковъ) изгнаніе изъ города, а «заведеніе» провинившагося лица должно быть запечатано и снабжено объявленіемъ о карѣ на все время, пока продолжаются строительныя работы [257]).

Знакомясь съ этой малоизвѣстной надписью, я испыталъ величайшее изумленіе: настолько мнѣ сразу было ясно, что здѣсь, въ памятникѣ I вѣка до Р. Хр., передъ нами довольно развитой эллинистическій зародышъ знаменитаго эдикта Діоклеціана о цѣнахъ IV вѣка [258]). Кизикскій законъ былъ, конечно, вызванъ особенными обстоятельствами мѣста и времени и содержалъ въ себѣ не подробный тарифъ цѣнъ, а лишь общее полномочіе власти надъ рынкомъ — вынуждать соблюденіе максимума продавцами. Максимумомъ этимъ была какая-то «установившаяся», т. е. бла-

---

[257]) Теперь Dittenberger I² № 366: ...ὅπως μὴ τὸ πολυδαπανον αὐτῆς τῶν κατασκευαζομένων ἔργων [αἱ] περὶ τὴν ἀγορὰν ἐνποδίσωσι δυσφημίαι, ἐκ παντὸς αὐτῆς βουλομένης τῇ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων δαψειλίᾳ ἀνεπιβάρητον περὶ τὴν ἀγορὰν μεῖναι τὴν εὐετηρίαν, καὶ ταῦτα παρεσκευασμένης ἐκ τῶν ἰδίων τοῖς ὑπηρετοῦσιν ἀνενλιπῆ παρασχεῖν τὴν ἀγοράν· δι᾽ ἃ δὴ δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, τούς τε ἄρχοντας καὶ στεφανηφόρους πάντας συνεπισχύειν τοῖς ἀγορανόμοις, ὅπως ἐν ταῖς αὐταῖς πᾶσα ἡ ἀγορὰ παντων μένῃ τειμαῖς, καὶ μηδὲ εἷς τῶν πιπρασκώντων τι κατὰ μηδένα τρόπον πλείονος ἐπιβάλληται πιπράσκειν τῆς ἐνεστώσης τειμῆς. τὸν δὲ κακουργοῦντ[α πε]ρ(ὶ τ) ὴν κοινὴν τῆς πόλεως εὐετηρίαν καῖ παραφθείραντά τι τὴν ἀγορὰν τῶν ὠ[νί]ων (ὠ)ς κοινὸν τῆς πόλεως λυμεῶνα ἐπαρατον εἶναι ζημιοῦσθαί τε ὑπὸ τῶν [ἀρχόν]των, καὶ ἀναχθέντα εις τὸν δῆμον ἐὰν μὲν πολείτης ᾖ. ἀποξενοῦσθαι. ἐ[ὰν δε ξέ]νος ἢ μέτοικος, καὶ τῆς πόλεως εἴργεσθαι, τό τε ἐργαστήριον αὐτοῦ (σ)αν [ίσι] προσηλοῦσθαι, ἄχρι οὗ συντελεσθῇ το ἔργον, ἔχον καὶ τὴν τῆς ζημίας ἐπι [γραφήν]. Ср. о Кизикѣ, его значеніи и отношеніи къ Риму у I. Marquardt. Cyzicus und sein Gebiet. Drei Bücher. Berlin. 1836 и Курціуса въ Monatsberichte d. Kgl. preussischen Akademie d. Wissenschaften, 1874.

[258]) Кажется единственный изслѣдователь, не только регистрировавшій Кизикскую надпись, но обратившій на нее вниманіе, это—W. Liebenam. Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Leipzig 1900. Однако и Либенамъ не оцѣнилъ значенія этого памятника.

гопріятная для населенія рыночная цѣна. Но важно тутъ чрезвычайно яркое и весьма энергичное обнаруженіе того же самаго принципа, который получилъ воплощеніе въ Діоклеціановомъ законодательствѣ. Кизикъ, къ которому относится нашъ памятникъ, былъ крупнымъ торговымъ центромъ и претендовалъ на наименованіе μητρόπολις της Ἀσίας [259]). Отношеніе Кизика къ Риму въ I вѣкѣ по Р. Хр. было колеблющееся между непокорностью и фрондерствомъ, съ одной стороны, и безмѣрнымъ угодничествомъ, съ другой стороны. Любопытно и знаменательно, что рядомъ съ крайнимъ выраженіемъ рыночной полиціи—строгой общей нормировкой цѣнъ—въ кизикскихъ надписяхъ въ самыхъ рѣзкихъ формахъ запечатлѣнъ культъ императора [260]). И въ томъ и другомъ случаѣ передъ нами институты и явленія, которые въ своей окончательной обрисовкѣ представляютъ какъ бы сплавъ между романизмомъ и эллинизмомъ, съ значительнымъ по содержанію преобладаніемъ эллинизма.

7. Регулированіе цѣнъ могло служить для греческихъ государствъ способомъ извлеченія дохода, подобно операціямъ съ монетой и разнаго рода другимъ пріемамъ, описаннымъ въ собраніи финансовыхъ анекдотовъ, извѣстномъ подъ названіемъ «Экономики» Аристотеля [261]). Въ сущности это особый видъ взиманія косвенныхъ налоговъ. Такъ, въ псевдо-аристотелевой «Экономикѣ» мы встрѣчаемъ разсказъ о томъ, какъ Селимврія эксплуатировала въ финансовыхъ цѣляхъ хлѣбную торговлю. Въ Селимвріи существовало запрещеніе вывоза хлѣба по случаю голода. Когда наступили хорошія времена, въ городѣ оказался избытокъ хлѣба Государство, оставивъ гражданамъ запасъ, достаточный для годичнаго продовольствія, скупило весь остальной хлѣбъ, по цѣнѣ, имъ самимъ назначенной. Продѣлавъ это, государство отмѣ-

---

[259]) О притязаніяхъ малоазійскихъ городовъ на первенство и объ ихъ соперничествѣ см. Mommsen. Römische Geschichte V[5], SS. 303—304.

[260]) Ср. Curtius l. c.

[261]) Ср. о ней цитированную выше монографію Рицлера, ученика Пельмана и Крузіуса. Извѣстно сужденіе Нибура объ этомъ сочиненіи (Θеофраста): „... die ganze Sammlung enthält eigentlich nur eine Folge von orientalischen Erpressungen und ehrlosen Gaunerstreichen, als Muster und zur Belehrung aufgestellt“ (Kleine historische u. philologische Schriften. Bonn 1828, S. 413). Тѣмъ не менѣе это собраніе анекдотовъ—весьма цѣнный для насъ источникъ экономической исторіи.

нило запрещеніе и продало хлѣбъ по выгодной цѣнѣ на вывозъ [262]).

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, съ какой легкостью государство, когда могло, распоряжалось хлѣбомъ и его цѣной. Аристотель въ «Политикѣ» вообще констатируетъ, что пріемъ превращенія торговли какимъ-нибудь товаромъ въ государственную монополію, по существу тождественный съ только что описаннымъ кунштюкомъ селимврійцевъ, былъ методомъ извлеченія доходовъ, обычно практиковавшимся греческими государствами, когда они нуждались въ деньгахъ [263]).

8. Въ разсказѣ псевдоаристотелевой «Экономики» о селимврійцахъ мы встрѣчаемъ терминъ, выражающій понятіе назначенной или указной цѣны — ἡ τεταγμένη τιμή: въ другихъ формахъ мы съ этимъ терминомъ уже встрѣчались. Τεταγμένη τιμή вовсе не есть обязательно цѣна справедливая. Не непремѣнно τεταγμένη τιμή должна совпадать съ цѣной рыночной или ходячей. Понятіе справедливой въ этическомъ смыслѣ цѣны греки еще прежде, чѣмъ они заимствовали изъ латинскаго юридическаго языка терминъ iustum pretium (=δίκαιον τίμημα Кодекса Юстиніана), передавали словомъ ἡ ἀξία.

Это выраженіе мы встрѣчаемъ въ отрывкѣ изъ Алексида у Атенея и въ «Законахъ» Платона. Ἡ ἀξία это справедливая цѣна, въ смыслѣ aequum pretium, цѣна, признаваемая независимо отъ соотношенія силъ, существующаго въ данный моментъ на рынкѣ, и независимо отъ того, что установлено господствующей въ данный моментъ властью, цѣна, какою ей должно быть. Но мы видѣли, что у римлянъ понятіе справедливой цѣны опиралось или прислонялось къ понятію цѣны ходячей или рыночной, къ «ти-

---

262) II, 1348b—1349a: Σηλυβριανοὶ δὲ δεηθέντες χρημάτων, νόμου ὄντος αὐτοῖς σῖτον μὴ ἐξάγειν ἐν λιμῷ γενομένοις ἐκείνοις δὲ ὑπάρχοντος σίτου παλαιοῦ, ἐψηφίσαντο τῇ πόλει παραδοῦναι τοὺς ἰδιώτας τὸν σῖτον τῆς τεταγμένης τιμῆς, ὑπολειπόμενον ἕκαστον ἐνιαυτοῦ τροφήν· εἶτα ἐξαγωγὴν ἔδωκαν τῷ βουλομένῳ, τάξαντες τιμὴν ἣν ἐδόκει καλῶς ἔχειν αὐτοῖς.

Другіе примѣры тамъ же: пріемы Клазоменійцевъ (II, 1348b, ср. Riezler l. c. SS. 20—22, 56—62) и совѣтъ Питокла аѳинянамъ сдѣлать изъ продажи свинца рудниковъ Лавріона государственную монополію (II, 1353a, Riezler SS. 36 u. 52).

263) Разсказавъ извѣстный анекдотъ о Ѳалесѣ, Аристотель прибавляетъ, I, 1259a: ἔστι δ', ὥσπερ εἴπομεν, καθόλου τὸ τοιοῦτον χρηματιστικόν, ἐάν τις δύνηται μονοπωλίαν αὑτῷ κατασκευάζειν. διὸ καὶ τῶν πόλεων ἔνιαι τοῦτον ποιοῦνται τὸν πόρον, ὅταν ἀπορῶσι χρημάτων.

пической цѣнности». Это понятіе типической цѣнности, получившей нормативное значеніе, одна греческая конституція Юстиніанова Кодекса выражаетъ такъ (10, 27, 2): τοῖς δικαίοις τιμήμασι τοῖς εν ἐκείνῃ τῇ πόλει κρατοῦσιν.

Понятію pretium quod communiter fungitur или, какъ сокращенно выражались позднѣйшіе авторы, pretium commune (= pretium communiter constitutum) на греческомъ языкѣ, еще не испытавшемъ на себѣ вліянія понятій и терминовъ римскаго права, соотвѣтствовали термины: καθεστηκυῖα τιμή и ἐνεστῶσα τιμή. (ср. кизикскую надпись). Позже Юстиніановъ Кодексъ (см. цит. выше конституцію конца V-го вѣка по Р. Хр.) выражается описательно: τὰ ἐν τοῖς τόποις κρατοῦντα κατὰ καιρὸν τιμήματα.

Демосѳенъ въ своей рѣчи противъ Діонисодора говоритъ о καθεστηκυῖαι τιμαί, какъ о рыночныхъ цѣнахъ, построенныхъ сознательной спекуляціей, опирающейся на знаніе состоянія рынка. Въ рѣчи противъ Форміона дѣло идетъ тоже о рыночной или средней цѣнѣ, но съ другимъ оттѣнкомъ. Если въ Demosth. contra Dyonisiodor. [264]), выраженіе καθεστηκυῖα τιμὴ означаетъ построенную частной спекуляціей на повышеніе дорогую рыночную цѣну, то въ contra Phorm. [265]) оно означаетъ дешевую рыночную цѣну,

[264]) Демосѳенъ даетъ тутъ чрезвычайно живое изображеніе хлѣбной спекуляціи 1285: ἦσαν γὰρ (Διονυσόδωρος καὶ ὁ κοίνωνὸς αὐτοῦ Παρμενίσκος).... ὑπηρέται καὶ σύνεργοι πάντες οὗτοι Κλεομένους τοῦ ἐν τῇ Αἰγύπτῳ ἄρξαντος (это тотъ Клеоменъ, объ операціяхъ котораго разсказывается въ псевдоаристотелевой экономикѣ). Узнавъ, что вслѣдствіе подвоза хлѣба изъ Сициліи въ Аѳинахъ понизились цѣны, Діонисодоръ направилъ свой грузъ въ Родосъ, гдѣ цѣна стояла выше. Таковъ былъ обычный пріемъ, основанный на своего рода биржевой информаціи: πρὸς τὰς καθεστηκυίας τιμὰς ἔπεμπον γράμματα...ἐὰν μὲν παρ' ὑμῖν τίμιος ἦ ὁ σῖτος, δεῦρο αὐτὸν κομίσωσιν ἐὰν δ'εὐωνότερος γένηται, εἰς ἄλλο τι καταπλεύσωσιν ἐμπόριον. Благодаря такой информаціи и распредѣленію грузовъ на основаніи опредѣлившихся цѣнъ, хлѣбъ дорожалъ: ὅθενπερ οὐχ ἥκιστα . . . συνετιμήθη τὰ περὶ τον σῖτον ἐκ τῶν τοιούτων ἐπιστολῶν καὶ συνεργιῶν.

[265]) Въ рѣчи противъ Форміона истецъ (Хризиппъ) восхваляется за то, что когда въ Аѳинахъ цѣна хлѣба повысилась до 16 драхмъ за медимнъ, онъ, ввезя болѣе, чѣмъ десять тысячъ медимновъ, предоставилъ его обывателямъ по установившейся тогда умѣренной цѣнѣ въ пять драхмъ за медимнъ 918: ὅτε δ'ὁ σῖτος ἐπετιμήθη πρότερον καὶ ἐγένετο ἑκκαίδεκα δραχμῶν εἰσαγαγόντες πλείους ἢ μυρίους μεδίμνους πυρῶν διεμετρήσαμεν ὑμῖν τῆς καθηστηκυίας τιμῆς, πέντε δραχμῶν τον μέδιμνον, I. Келеръ и Тальгеймъ предлагаютъ тутъ читать <ἀντὶ> τῆς καθεστηκυίας τιμῆς. Вильгельмъ съ этимъ не соглашается. См. слѣдующее примѣчаніе.

достигнутую въ интересахъ народнаго продовольствія частнымъ или государственнымъ вмѣшательствомъ. Поэтому καθεστηκυῖα τιμή могла означать заготовительную цѣну, по которой государство (и частныя лица) въ заботахъ о народномъ продовольствіи продавали хлѣбъ обывателямъ [266]). Но это значеніе производное и вторичное. По основному же смыслу καθεστηκυῖα τιμή такъ же, какъ ἐνεστῶσα τιμή, есть «установившаяся» цѣна, pretium constitutum «Дигестъ» [267]), но не цѣна «установленная», не pretium statutum позднѣйшихъ римскихъ источниковъ (эдиктъ Діоклеціана, Varia Кассіодорія). Pretium statutum по-гречески—τεταγμένη или ὡρισμένη τιμή.

9. Характеристика полицейскаго регулированія цѣнъ въ Греціи была бы неполна, если бы мы не коснулись нормировки оплаты

[266]) На этомъ смыслѣ выраженія καθεστηκυῖα τιμή у Pseudo-Demosth. contra Phorm. настаиваетъ съ ссылкой на устное сообщеніе Виламовитца Вильгельмъ (A. Wilhelm. Attische Psephismen. Hermes B. XXIV (1889) SS. 108—152; въ этой статьѣ указанія на статьи Келера и Тальгейма) „In der Zeit der Theuerung wird von Staatswegen Getreide angekauft und zu einem Preis der dem gewöhnlichen nahe kommen mag, also zum Theile mit Verlust, an die Kaüfer abgegeben; dieser Preis ist die καθεστηκυῖα τιμή der Stelle. Виламовитцъ въ Aristoteles u. Athen I, 220 нѣсколько иначе опредѣляетъ интересующій насъ терминъ: καθεστηκυῖα τιμή ist der Verkaufspreis, der sozusagen an der Getreidebörse amtlich (?) festgestellt wird und zu dem in der Not der Staat das Getreide verkauft. Die Not ist nur gross, und der Hunger zwingt ein ganz exorbitantes ἐπιτίμημα zu zahlen, wenn die Händler es verlangen. Den Gewaltakt, den Handel mit teurerem Korn zu verbieten, wagt der Staat nicht; er wendet nur alle Mittel an um die Händler zu der Liberalität zu vermögen, dass sie zum Normalpreise verkaufen. Какъ явствуетъ изъ Demosth. contra Dyonisiod., информація о рыночныхъ цѣнахъ носила частный, а не оффиціальный характеръ; воздержаніе же государства отъ Gewaltakt'овъ въ древней Греціи опредѣлялось чисто фактическимъ соотношеніемъ силъ. Аѳинское государство не держало въ своихъ рукахъ хлѣбной торговли и потому не могло себѣ всего позволить. Что могло, то дѣлало.

[267]) Таковъ всего чаще смыслъ этого термина въ „Дигестахъ": privata auctoritate vel conventione instituere; condere, definire, какъ опредѣляетъ Vocabularium iurisprudentiae romanae sub v. constituo. Но constituere pretium и въ „Дигестахъ" однажды говорится о назначеніи цѣны властью (Callistratus; мѣсто это цитировано у меня выше). Въ Cic. in Verr. III, 70 (мѣсто это въ переводѣ цитировано ниже) pretum constitutum означаетъ прямо указную цѣну, т. е.=позднѣйшему pretium statutum. Въ „Дигестахъ" pretium statutum имѣетъ, кажется, только частноправовой смыслъ. Ср. D. 17, 1, 3—4.

нѣкотораго рода услугъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ вопросѣ о регулированіи хлѣбныхъ цѣнъ, основной литературный текстъ даетъ Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля:

> Десять астиномовъ: пятеро изъ нихъ управляютъ въ Пиреѣ, пятеро въ городѣ; они слѣдятъ за флейтщицами, арфистками и киѳаристками, чтобы они нанимались не дороже, чѣмъ за двѣ драхмы, и, если нѣсколько человѣкъ захотятъ имѣть одну и ту же, то астиномы устраиваютъ жребій и даютъ ее въ наемъ тому, на кого выпалъ жребій [268].

Рѣчь здѣсь идетъ объ «артисткахъ», функціи которыхъ соприкасались, съ одной стороны, съ богослуженіемъ, съ другой,— съ проституціей и, согласно воззрѣнію грековъ, на основаніи обоихъ этихъ назначеній, разсматривались, какъ функціи, въ которыхъ было заинтересовано все общество (напомнимъ, что публичные дома считались за общеполезныя учрежденія и Солонъ выхвалялся въ качествѣ ихъ основателя!). Отсюда понятно сообщеніе Свидова словаря о томъ, что «агораномы» (если рѣчь идетъ объ Аѳинахъ, то должны подразумѣваться астиномы) устанавливали таксу для проститутокъ [269a].

По анданійской надписи было нормировано вознагражденіе банщиковъ, и о томъ, чтобы ихъ такса не нарушалась, обязанъ былъ заботиться агораномъ [269b].

Въ этихъ обоихъ случаяхъ: и въ вопросѣ о вознагражденіи «артистокъ», которыя были въ то же время проститутками, и въ нормировкѣ вознагражденія банщикамъ («Trinkgeld der Badewärter», по выраженію Зауппе), мы имѣемъ дѣло не съ чистыми граж-

268) Ἀθην. πολ. L.

269a) Διάγραμμα τὸ μίσθωμα. διέγραφον γὰρ οἱ ἀγορἀνομοι ὅσον ἔδει λαμβάνειν τὴν ἑταίραν ἑκάστην. Бекъ усомнился въ этомъ извѣстіи и истолковалъ его, какъ упоминаніе о налогѣ съ проституціи (πορνικὸν τέλος), но онъ писалъ до открытія Аристотелева текста (l. c. S. 404). Менѣе рѣшительны, но зато менѣе понятны сомнѣнія Вилламовитца (l. c. I, S. 218). Правильно судитъ Гедерли l. c. S. 81. Смыслъ слова διάγραμμα совершенно въ другомъ контекстѣ и внѣ всякаго отношенія къ сообщенію Свиды о вознагражденіи проститутокъ разъясненъ Зауппе. Gesammelte Schriften S. 304—305. Διάγραμμα тутъ означаетъ, повидимому, распоряженіе и = edictum. Объ обложеніи проститутокъ въ связи съ образованіемъ цѣнъ въ проституціи въ греко-римскомъ мірѣ любопытныя указанія у H. Dessau. Der Steuertarif von Palmyra въ Hermes. Band XIX. (1884), SS. 517—518.

269b) 109—111: Ἀλείμματος καὶ λουτροῦ. ὁ ἀγορἀνομος ἐπιμελείαν ἐχέτω ὅπως οἱ θέλοντες [βαλανεύε]ιν ἐν τῶι ἱερῶι μὴ πλεῖον πράσσωντι τοὺς λουομένους δύο χαλκῶν.

данско-правовыми отношеніями, а съ такими отношеніями, которыя разсматривались подъ сакрально-полицейскимъ угломъ зрѣнія. Это была область культа и полицейскаго порядка.

Сохранилось свидѣтельство о томъ, что такса за трудъ флейтщицъ не была мертвой буквой; въ одной изъ рѣчей Гиперида упоминается, что противъ двухъ нарушителей таксы было возбуждено преслѣдованіе въ тягчайшей формѣ εἰςαγγελία [270]).

Но мы встрѣчаемъ въ надписяхъ римской эпохи начатки или зачатки и принудительнаго регулированія заработной платы. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно любопытна паросская надпись I вѣка по Р. Хр., въ которой разсказывается объ агораномѣ, явившемся «посредникомъ» между нанимателями и рабочими. Рабочихъ онъ убѣдилъ не нарушать договора и не бросать работы, а нанимателей—уплатить рабочимъ вознагражденіе «безъ процесса» [271]). Посредничество это, очевидно, опиралось на извѣстное принужденіе (ἐπαναγκάζων!).

Такое же властное вмѣшательство рыночной полиціи мы видимъ въ Магнезіи, гдѣ римскимъ магистратомъ была подавлена стачка булочниковъ [272]).

10. Необходимо еще въ немногихъ словахъ остановиться на Платонѣ и на высказанныхъ имъ идеяхъ о «справедливой» цѣнѣ. Въ новѣйшее время все яснѣе и яснѣе сознается, что Платонъ и, въ частности, его «Законы» суть первостепенной важности источникъ для познанія и пониманія учрежденій древней Греціи [273]).

---

[270]) ὑπερ Εὐξενίππου εἰςαγγελίας 3: Διογνίδης μὲν καὶ ʼΑντίδωρος ὁ μέτοικος εἰσαγγέλονται ὡς πλέονος μισθοῦντες τὰς αὐλητρίδας ἢ ὁ νομος κελεύει.

Примѣненіе эйсангеліи въ данномъ случаѣ было злоупотребленіемъ, ср. Meier-Schömann. Lipsius l. c. S. 91.

[271]) C. I. G. 2374c: περὶ τε τῶν μισ[θοῦ] ἐργαζομένων καὶ τῶν μισθουμένων [αὐ]τοὺς ὅπως μηδέτεροι ἀδικῶνται [ἔφρ]οντιζεν, ἐπαναγκάζων καὶ τοὺς μὲν μὴ ἀθετεῖν ἀλλὰ ἐπὶ τὸ ἔρ[γον] πορεύεσθαι τοὺς δὲ ἀποδιδόναι τοὺς [ἐργ]αζομένους τὸν μισθὸν ἄνευ δίκης. Ср. Mommsen. Röm. Staatsrecht, II S. 504 и Liebenam. Städteverwaltung im römischen Kaiserreich. Leipzig. 1900, S. 366. О стачкахъ въ древней Греціи ср. теперь Poehlmann, второе изданіе нижецитированнаго сочиненія, S. 220—222.

[272]) Bulletin de corresp. hellenique VII, p. 551=Inschriften von Magnesia (Kern) № 114. Ср. Liebenam. l. c. 366.

[273]) Ср. Bruno Keil: Platon hat für seine „Gesetze“ aus reicher Kenntnis griechischer Politieen geschöpft. Die Inschriften lassen in steigendem Masse erkennen, wie stark er sich in diesem seinem zweiten Staate an bestehende Institutionen anlehnte, wie er sich sogar im Wortlaute an

Его идеальныя и полуидеальныя построенія отражаютъ на себѣ современную имъ дѣйствительность, въ нихъ вѣетъ подлинный греческій духъ. Съ этой точки зрѣнія замѣчательно и знаменательно, что Платонъ—первый въ литературѣ экономической политики выразитель идеи «справедливой цѣны» [274]). При этомъ для него «справедливая цѣна» есть та, которая соотвѣтствуетъ издержкамъ производства + приличная умѣренная прибыль. Это относится одинаково и къ мелочной торговлѣ и къ ремеслу или, общѣе, ко всякой ручной работѣ. «Справедливая цѣна» должна быть установлена экспертизой «номофилаковъ» совмѣстно съ свѣдущими людьми каждой отрасли торговли.

Относительно ремесленника [275]) предполагается, что онъ знаетъ издержки своего производства, и тѣмъ самымъ—справедливую цѣну своего произведенія, и законодатель предписываетъ ему брать не болѣе этой, опредѣляемой издержками производства, цѣны [276]).

Тутъ совершенно ясно высказаны основныя начала идеологически и практически лежавшія въ основѣ цехового строя.

Эти тенденціи Платона въ области экономической политики были сродни современной ему греческой дѣйствительности и въ то же время вполнѣ гармонировали съ общимъ духомъ его міровоззрѣнія, если вообще можно говорить объ одномъ міровоззрѣ-

---

vorhandene Gesetzesformeln hielt (Gercke-Norden III, S. 381). Ср. I. Schulte. Quomodo Plato in Legibus publica Atheniensium instituta respexerit. Diss. Münster 1907, поверхностно и слабо.

274) Ср. Poehlmann. Geschichte der sozialen Frage u. d. Sozialismus in d. antiken Welt. Zweite vermehrte u. verbesserte Auflage. I München. 1912, S. 581—582. Въ первомъ изданіи сочиненія (1893) тутъ страннымъ образомъ стояла ссылка на Прудона (I. S. 224). Во второмъ, которое попадаетъ въ мои руки при печатаніи соотвѣтствующихъ листовъ настоящей книги, проводится гораздо болѣе естественное сопоставленіе взглядовъ Платона съ воззрѣніями среднихъ вѣковъ.

275) XI, 920 B—C: ταύτῃ δὴ τὰ περὶ τὴν καπηλείαν πολλὴν οὖσαν καὶ πολλὰ ἐπιτηδεύματα τοιαῦτα κεκτημένην ὅσαπερ ἂν αὐτῶν λειφθῇ δόξαντα ἐκ πολλῆς ἀνάγκης ἐν τῇ πόλει δεῖν εἶναι, συνελθεῖν αὖ χρεὼν περὶ ταῦτα τοὺς νομοφύλακας μετὰ τῶν ἐμπείρων ἑκάστης καπηλείας, καθάπερ ἔμπροσθεν ἐπετάξαμεν τῆς κιβδηλείας πέρι, ξυγγενοῦς τούτῳ πράγματος, συνελθόντας δε ἰδεῖν λῆμμά τε καὶ ἀνάλωμα τί ποτε τῷ καπήλῳ κέρδος ποιεῖ τὸ μέτριον, γράψαντας δὲ θεῖναι τὸ γιγνόμενον ἀνάλωμα καὶ λῆμμα καὶ φυλάττειν, τὰ μὲν ἀγορανόμους, τὰ δὲ ἀστυνόμους, τὰ δὲ ἀγρονόμους.

276) ib. 921 A—B: καὶ ἀναιρουμένῳ δ'ἔργον ξυμβουλευτὴς νόμος, ἅπερ τῷ πωλοῦντι ξυνεβούλευε μὴ πλέονος τιμᾶν διαπειρώμενον ἀλλ'ὡς ἁπλούστατα τῆς ἀξίας, ταὐτὸν δὴ προστάττει καὶ τῷ ἀναιρουμένῳ, γιγνώσκει γὰρ ὅ γε δημιουργὸς τὴν ἀξίαν.

ніи Платона. Въ отличіе отъ стоиковъ, этихъ физіократовъ древности, Платонъ представлялъ идею меркантилизма или, общѣе, регламентаризма въ древности. Той идеи всесторонняго полицейскаго регулированія, которою былъ вдохновленъ Платонъ, мы напрасно стали бы искать въ отрывкахъ стоиковъ и у ихъ римскихъ послѣдователей, Цицерона и Сенеки. У Платона же она была выражена весьма ярко.

Для Платона «Законовъ» политическая мудрость состояла не въ невмѣшательствѣ, не въ подчиненіи политическаго порядка порядку (космосу) надполитическому, въ которомъ единственная правильная роль человѣка—безмятежная отдача себя естественному ходу вещей. Въ «Законахъ» чувствуется дыханіе греческой дѣйствительности; тутъ вѣетъ духъ рѣзко-политическій, активно-устрояющій жизнь, во все до мелочей проникающій и всякую мелочь [277]) связывающій съ самымъ важнымъ и основнымъ.

Если замѣчательна та вѣрность, съ которой Платонъ въ «Законахъ» отражалъ современную ему греческую дѣйствительность, то не менѣе замѣчательно и то вліяніе, которое его соціально-политическія идеи оказывали на жизнь въ позднѣйшую эпоху. Въ этомъ отношеніи совершенно, кажется, не оцѣненъ тотъ фактъ, что императоръ Юліанъ (Отступникъ), который продолжалъ Діоклеціанову политику нормировки цѣнъ сверху, совершенно сознательно вдохновлялся идеями Платона, какъ творца «Законовъ», и въ роли законодателя рынка чувствовалъ себя настоящимъ Платоновымъ «номофилакомъ». На этомъ эпизодѣ изъ исторіи идеи и учрежденія «справедливой цѣны», который относится къ эпохѣ, когда римское право и греческое уже слились въ греко-римское, мы подробнѣе остановимся ниже.

---

[277]) Нѣсколько иначе въ „Государствѣ", гдѣ Платонъ отклоняетъ обсужденіе мелочей вообще и, въ частности, распорядковъ торговли и рынка (IV 425 C). Но это различіе вовсе не идей и принциповъ, а лишь методовъ разрѣшенія и даже, пожалуй, только обсужденія одной основной задачи—планомѣрнаго „устроенія" общественной жизни.

VIII.

1. Римское полицейское право въ вопросѣ о регулированіи цѣнъ стоитъ на той же почвѣ, что и греческое.—Annona.—Компетенція эдиловъ и властей имъ подобныхъ (стр. 230—234). **2.** Въ Римѣ хлѣбная торговля, находясь въ частныхъ рукахъ, не была свободной.—Кооперація римскаго государства съ хлѣботорговцами въ дѣлѣ спабженія населенія хлѣбомъ.—Законы о роскоши.—Нормировка цѣнъ властью въ эпоху имперіи есть постоянное явленіе и Діоклеціановъ „тарифъ" 301 г. по содержанію не означаетъ никакой новизны.—Полицейское регулированіе цѣнъ въ Римѣ восходитъ къ эллинистическимъ образцамъ (стр. 234—240).

1. Принципіально, римское полицейское право въ вопросѣ о регулированіи цѣнъ стоитъ на той же почвѣ, что и греческое [278]). Только вообще объ учрежденіяхъ и практикѣ управленія въ Римѣ въ раннія эпохи мы знаемъ гораздо меньше, чѣмъ о соотвѣтствующихъ явленіяхъ въ Греціи [279]). Несомнѣнно, что цѣны на предметы необходимости римлянами такъ же, какъ греками разсматривались, какъ дѣло общественной важности, т. е. съ точки зрѣнія публичнаго права, и ихъ регулированіе входило въ компетенцію эдиловъ, если въ чрезвычайныхъ случаяхъ не назначался спеціальный магистратъ по дѣламъ народнаго продовольствія, praefectus annonae [280]). Для народнаго продовольствія и для цѣнъ на предметы необходимости употреблялось одно и то же слово аннона [281]).

---

[278]) Весьма возможно, что римскій институтъ эдиловъ, какъ рыночной полиціи, заимствованъ у грековъ, т. е., что римское эдильство есть преобразованная греческая агораномія. Ср. Mommsen. Römisches Saatsrecht II, 1³, SS. 497—498. Въ позднѣйшее время въ свою очередь римское эдильство, навѣрное, окрасило собой греческую агораномію римской эпохи Объ этомъ см. Mommsen l. c. и Haederli l. c. Иначе Isidore Levy въ Revue des études grecques цит. ниже статья.

[279]) Es ist ein von den Iuristen ins Leben gerufener Irrtum, dass wir über die staatliche und rechtliche Entwicklung des ältesten Rom mehr und Besseres wüssten als über die Griechenlands. Genau das Gegenteil ist richtig. Eduard Meyer цит. статья Plebs (она имѣется теперь и въ 3-мъ изданіи H. W. B. d. Staatswiss.).

[280]) Titi Livii IV, 12: postremo (tribuni plebis) perpulere plebem haud adversante senatu, ut L. Minucius praefectus annonae crearetur felicior in eo magistratu ad custodiam libertates futurus quam ad curationem ministerii sui, quamquam postremo annonae quoque levatae haud immeritam et gratiam et gloriam tulit.

[281]) Весь матеріалъ объ аннонѣ указанъ sub v. въ Thesaurus linguae

Въ урожайное время, когда цѣны на хлѣбъ держались на сносномъ уровнѣ, частное хлѣбное снабженіе (commeatus privatus) удовлетворяло спросъ, и хлѣбная торговля была «свободна»; въ эпохи недорода въ дѣло вмѣшивалась государственная власть, и снабженіе становилось «общественнымъ» или «казеннымъ» (commeatus publicus [282]); чаще всего власть скупала хлѣбъ для дешевой продажи его гражданамъ.

Знаменитые законы Гракха (123 г. до Р. Хр.) и Клодія (58 г. до Р. Хр.) означаютъ превращеніе: 1) экстраординарной мѣры продовольственной помощи въ постоянное учрежденіе и 2) дешевыхъ продажъ въ даровую раздачу. Правда, въ литературѣ съ самой авторитетной стороны ставится вопросъ о томъ, принадлежало ли эдилу самостоятельное право производить раздачу хлѣба (по дешевой цѣнѣ, а потомъ и даромъ) и нормировать его цѣну: Моммсенъ думаетъ, что раздача хлѣба предполагала всегда рѣшеніе сената или народнаго собранія; повидимому, онъ полагаетъ также, что право нормированія цѣнъ эдиламъ не принадлежало—они могли лишь штрафовать виновныхъ въ хлѣбномъ ростовщичествѣ [283]). Однако ни общее построеніе власти римскихъ

---

latinae. Аннона у авторовъ иногда означаетъ цѣну не только хлѣба, но и другихъ предметовъ питанія. Ср. Varro de re rustica 3, 2, 16 (мясо). Senec. Natur. Quaest. 4, 13, 8 (вода) и др. мѣста, указанныя въ Thesaurus.

[282]) Выраженія эти у Cic. De Imperio Cnei Pompei XVII.

[283]) Römisches Staatsrecht II, 1³ SS. 502—503: Demnach wird auch, wenn Getreide, Oel und dergleichen mehr auf Rechnung der Gemeinde zu ermässigten Preisen oder auch umsonst an die Bürgerschaft abgegeben wird, was natürlich Senats-oder Volksschluss voraussetzt, dies durch die Aedilen ins Werk gesetzt, und was von solchen Vorräthen nach Rom kommt, zunächst an sie abgeliefert, wie sie denn überhaupt die Verwalter der öfentlichen Magazine in der Hauptstadt gewesen sein müssen. Als später diese Austheilungen gesetzlich regulirt und stehend wurden, scheint die Leitung ebenfalls im Allgemeinen den Aedilem geblieben zu sein; wenigstens wird keine andere mit diesem Geschäft dauernd beauftragte Behörde genannt. Abgesehen aber von solchen Vertheilungen, die herbei zu führen nicht in der Macht des Aedilen steht, hat er keine Mittel gegen die Theuerung in der Hand als das Multverfahren gegen den Kornwucherer und etwa die, die jedem angesehenen Privatmann auch zu Gebote stehen: geschickte Benutzung der vorhandenen Conjuncturen und allenfalls Eingreifen mit dem eigenen Credit und dem eigenen Vermögen. Ueber das Aerarium disponirt er nicht und kann ebensowenig für die Gemeinde bindende Verträge abschliessen.

магистратовъ [284]), ни мѣста источниковъ не даютъ, мнѣ думается, основаній отрицать, что эдилы и власти, которыя до эдилловъ упражняли ихъ функціи или отъ эдиловъ унаслѣдовали ихъ компетенцію, принципіально имѣли генеральное полномочіе заботиться о народномъ продовольствіи и что въ это генеральное полномочіе входило и право раздачи хлѣба по дешевой цѣнѣ и, въ особенности, право регулированія цѣнъ на разные предметы необходимости [285]).

Совокупность этихъ мѣропріятій направлялась на то, что римскіе авторы называли levare или laxare annonam (противоположное понятіе—adtemptare или vexare annonam). Всего вѣроятнѣе, что въ эпоху царскую и въ началѣ республики магистраты и фактически полновластно распоряжались дѣлами народнаго продовольствія, имъ порученными; въ позднѣйшую эпоху до принципата высшую власть въ этой сферѣ, повидимому, захватилъ сенатъ. А потомъ забота о народномъ продовольствіи стала однимъ изъ важныхъ дѣлъ принцепса. Принципіальной «конструкціи» института нормированія цѣнъ властью въ Римѣ эти перемѣны ничуть не затрагиваютъ.

Воздѣйствію власти въ той или иной формѣ подлежалъ или подвергался оборотъ предметовъ необходимости, въ уровнѣ цѣнъ

---

[284]) Ср. въ особенности о принципіальномъ отношеніи сената къ магистратурѣ Mommsen. Staatsrecht III, 2, S.S. 1023–1029.

[285]) Такое согласное съ нашимъ пониманіе мы нашли у G. Humbert Статья Annona въ Daremberg-Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines I, p. 275 въ своеобразной формулировкѣ правовѣрнаго адепта экономическаго либерализма: Les fausses idées économiques, si longtemps admises, sur la nécessité de l'intervention de l'Etat dans la fixation du prix des denreés de première nécessité, permettaient même de peser sur les particuliers pour les forcer à vendre ou d'établir un maximum par voie d'édit.

Изъ старой литературы см. юриста Everardus Otto. De aedilibus coloniarum et municipiorum liber singularis in quo pleraque, ad veterem Politiam municipalem pertenentia explicantur. Editio secunda. Lipsiae 1732, p. 344 (Aedilium autem erat prospicere, uti omnium rerum, von frumentariae tantum, sed et ceterarum adesset copia, ut iusto pretio venirent) и историка Tr. G. Schubert. De Romanorum aedilibus libri quatuor. Regimontii. 1828 p. 488, который вполнѣ присоединяется къ мнѣнію Отто и выражается прямо его словами.

которыхъ было заинтересовано все общество [286]). Тутъ на первомъ мѣстѣ было хлѣбное зерно, а впослѣдствіи печеный хлѣбъ [287]); затѣмъ (растительное) масло [288]), вино [289]), соль [290]), мясо [291]), рыба [292]).

---

[286]) Литература специально о „хлѣбной политикѣ" Рима довольно велика Ср. s. v. Annona Pauly-Wissowa (Oehler) и Daremberg-Saglio (Humbert); Hirschfeld статья Annona въ Philologus Bd. XXIX, Heft 1 (1869); его же глава Getreideverwaltung въ книгѣ Die Kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian. Zweite neubearbeitete Auflage. Berlin. 1905. SS. 230—246. Daremberg-Saglio sub v. Frumentariae leges (Humbert). Pauly-Wissowa s. v. Frumentum (Rostowzew). Rostowzew. Römische Bleitesserae (Lehmann-Kornemann Beiträge z. alten Geschichte III Beiheft. Leipzig 1905). Его же русское сочиненіе о „Тессерахъ" (СПб. 1903). Cardinali въ Ruggiero Dizionario epigrafico sub v. frumentatio. Всего лучше, съ мастерской сжатостью и отчетливостью у Вальтцинга ниже цит. французское соч. II, pp. 19 squ.

[287]) Со временъ Авреліана вмѣсто зерна раздавался хлѣбъ. Ср. Hirschfeld Annona l. c. S. 20—21.

[288]) Ср. Hirschfeld l. c. SS. 19.

[289]) Тамъ же.

[290]) Въ связи съ соляной монополіей. Ср. Marquart-Dessau-Domaszewski. Röm. Staatsverwaltung II², SS. 159—161. Blümner. Die röm. Privataltertümer S. 638, гдѣ указаны первоисточники.

[291]) При Септиміи Северѣ (193-211 по Р. Хр.)—нормировка цѣнъ, при Авреліанѣ (270—275 по Р. Хр.) кромѣ того даровая раздача.

[292]) Апулей въ „Метаморфозахъ" („Золотомъ Ослѣ") юмористически разсказываетъ, какъ муниципальный эдилъ (въ Өессаліи) въ осуществленіе своей эдильской власти рѣзко реагировалъ на фактъ продажи его пріятелю рыбы по слишкомъ дорогой цѣнѣ. Apulei Metamorph. I—XXIV—XXV:

„Только что я пошелъ дальше, какъ мнѣ попался навстрѣчу Пиөій. съ которымъ мы вмѣстѣ учились въ Аттикѣ, въ Аөинахъ. Онъ долго въ меня всматривался, потомъ узналъ, обрадовался и началъ меня цѣловать.

— Клянусь Поллуксомъ, давненько мы съ тобой не видались, Люцій! Клянусь Геркулесомъ, кажется, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы ушли отъ своего учителя! Что это заставило тебя пуститься въ такое путешествіе?

—Завтра узнаешь. Но что съ тобой? Я вижу топоры и розги ликторовъ; на тебѣ одежда, присвоенная гражданскимъ чиновникамъ.

—Я здѣсь эдиломъ,—отвѣтилъ онъ,—смотрю за съѣстными припасами. Если тебѣ что-нибудь надо по этой части, я радъ быть тебѣ полезнымъ.

Я отказался, потому что съ меня было вполнѣ довольно моей рыбы.

— А что ты далъ за эту дрянь?—спросилъ Пиөій, тряхнувъ мой мѣшокъ и увидавъ въ немъ рыбу.

Поскольку государство само снабжало нуждающихся предметами необходимости, прямое нормированіе цѣнъ, конечно, отступало на задній планъ. Но даже по отношенію къ хлѣбному зерну въ эпоху имперіи государственное снабженіе не вытѣснило вполнѣ частной торговли, хотя и вступало съ ней въ своеобразныя комбинаціи: такъ Тиберій въ 19 г. по Р. Хр. нормировалъ цѣну продаваемаго торговцами хлѣба, взявшись добавлять къ этой цѣнѣ по два сестерція на модій [293]).

2. Отношеніе государства въ Римѣ къ хлѣбной торговлѣ въ общемъ и цѣломъ такое же, какъ въ Аѳинахъ и въ Греціи вообще. Государство даже въ эпоху имперіи не могло и не хотѣло всецѣло взять въ свои руки эту торговлю [294]), но оно вовсе не

— Едва-едва сторговался съ рыбникомъ на двадцати динаріяхъ,— отвѣтилъ я.

При этихъ словахъ Пиѳій схватилъ меня за руку и потащилъ назадъ къ рынку.

— У кого ты купилъ эту мерзость?—Я указалъ на старика, который сидѣлъ въ углу. По власти эдила, Пиѳій набросился на купца и сталъ кричать изо всей мочи.

— Вы не дорожите нашими друзьями и посѣтителями нашего рынка, когда продаете за такія большія деньги такую скверную рыбу! Скоро благодаря дороговизнѣ припасовъ цвѣтущій городъ Ѳессаліи превратится въ пустыню! Но это не пройдетъ вамъ даромъ! Я покажу вамъ, какъ поступаютъ съ недобросовѣстными торговцами!

Выкинувъ изъ мѣшка всю рыбу, онъ приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ топтать ее ногами. Довольный своей строгостью, Пиѳій обратился ко мнѣ съ предложеніемъ ограничиться этимъ.

— По-моему, Люцій, для старика довольно и этого позора.

Сбитый съ толку и крайне удивленный, я пошелъ въ баню, лишившись изъ-за властнаго и мудраго вмѣшательства своего товарища и рыбы, и денегъ". (Цитировано по переводу Н. М. Соколова СПБ. 1895, стр. 17—18).

Въ образѣ дѣйствій Апулеева персонажа было налицо „превышеніе власти» эдила, какъ органа рыночной полиціи, но это обстоятельство не мѣняетъ существа дѣла, а именно того, что рыба разсматривалась, какъ такой предметъ, возвышеніе цѣны на который противорѣчило общественному интересу и пресѣкалось вмѣшательствомъ власти.

[293]) Taciti Ann. II, 87: saevitiam annonae incusante plebe statuit frumento pretium, quod emptor penderet, binosque nummos se additurum negotiatoribus in singulos modios.

[294]) Rostowzew sub v. frumentum y Pauly-Wissowa: „Торговля была и оставалась главнымъ средствомъ снабжать городъ Римъ хлѣ-

давало ей «свободы». Хлѣбная торговля, находясь въ частныхъ рукахъ, не была свободной: она стояла подъ контролемъ и воздѣйствіемъ власти, которое принципіально могло итти какъ угодно далеко.

Довольно рано, ради снабженія населенія хлѣбомъ, государство вступило въ кооперацію съ союзами-корпораціями лицъ, занимавшихся транспортомъ и торговлей. Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ этихъ корпорацій получили ясно выраженный принудительно-оффиціальный характеръ—таковы «navicularii», перевозчики казенныхъ хлѣбныхъ грузовъ, qui annonae urbis serviunt [295]).

бомъ—это несомнѣнно удостовѣряется рядомъ важныхъ свидѣтельствъ" (Separatabdruck S. 10).

Врядъ ли можно высказаться такъ категорично. Иначе и нѣсколько осторожнѣе судитъ Вальтцингъ: „...Les distributions gratuites et les ventes à bas prix organisées par l'Etat des la république, étaient loin de suffire pour nourrir la capitale, et le négoce privé devait fournir un supplement considerable... Sans doute la vente à prix réduit et les distributions rendaient a ce dernier (i. e. au commerce privé) la concurrence difficile: l'impôt une fois levé, il restait peu pour le commerce. (S. P. Waltzing. Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origines jusqu'a la chute de l'Empire d'Occident. Tome II. Louvain 1896, pp. 103—104).

Много ли или мало оставалось на долю торговцевъ хлѣбомъ (negotiatores или mercatores frumentarii),—я рѣшительно не могу согласиться съ даваемой Ростовцевымъ характеристикой ихъ торговли какъ freier Kornhandel. Впрочемъ, самъ Ростовцевъ не выдерживаетъ этой характеристики, рисуя трудное положеніе торговцевъ и указывая: man (war) keineswegs vor der Einmischung des Staates garantiert (l. c. S. 9).

Съ еще большей категоричностью, чѣмъ Ростовцевъ, но въ противоположномъ смыслѣ высказывается Бюхеръ въ цит. ниже статьѣ о Діоклеціановомъ эдиктѣ. Наиболѣе обстоятельно вопросъ о соотношеніи между казеннымъ снабженіемъ и частной торговлей хлѣбомъ въ Римѣ эпохи имперіи разбираетъ Cardinali sub v. frumentatio въ Ettore de Ruggiero. Dizionario epigrafico di ancichta romana. Fasc. 77, pp. 309–311. Его заключеніе сводится къ тому, что въ эпоху западно-римской имперіи частная торговля не только была юридически разрѣшена, но кромѣ того на самомъ дѣлѣ производилась въ значительныхъ размѣрахъ.

[295]) О нихъ и о другихъ принудительныхъ корпораціяхъ, связанныхъ съ „анноной", обстоятельно трактуетъ Ed. Gebhardt. Studien über das Verpflegungswesen von Rom. u. Constantinopel in der späteren Kaiserzeit. Dorpat. 1881.

Рядомъ съ ними на болѣе свободномъ положеніи находились указанные выше хлѣбные торговцы, negotiatores qui annonam urbis adiuvant. Они также находились въ какихъ-то тѣсныхъ, не вполнѣ вольныхъ отношеніяхъ съ государствомъ и считались лицами, выполняющими функцію государственной важности, за что пользовались привилегіями [296]). Къ сожалѣнію, источники ничего не говорятъ объ этихъ отношеніяхъ, и, такимъ образомъ, мы лишены возможности вполнѣ ясно представить себѣ соотношеніе между государствомъ и частной торговлей въ дѣлѣ снабженія Рима хлѣбомъ [297a]).

Не только какъ магистраты, облеченные заботой о народномъ продовольствіи, но и какъ магистраты, на которыхъ была возложена борьба съ роскошью на основаніи соотвѣтствующихъ законовъ, leges sumptuariae [297b]), эдилы должны были регулировать цѣны.

---

[296]) D. 50, 6 (5): Negotiatores qui annonam urbis adiuvant, item navicularii, qui annonae urbis serviunt, immunitatem a muneribus publicis consequuntur, quamdiu in eiusmodi actu sunt, nam remuneranda pericula eorum, quin etiam exhortanda praemiis maerito placuit, ut cui peregre muneribus et quidem publicis cum pericolo et labore fungatur, a domesticis vexationibus et sumptibus liberentur; cum non sit alienum dicere etiam hos rei publicae causa, dum annonae urbis serviunt, abesse (Callistratus). Въ этомъ фрагментѣ чрезвычайно ярко выраженъ характерный для античнаго правосознанія взглядъ на народное продовольствіе, какъ на государственное дѣло. Ср. также Cod. Theod. 13,5 (De naviculariis).

[297a]) Waltzing l. c. t. II, p. 108. Объ эволюціи римскихъ корпорацій ср. поучительную статью: E Groag. Collegien u. Zwangsgenossenschaften im dritten Jahrhundert. Vierteljahrschrift für Sozial- u. Wirtschaftsgeschichte II Bond (1904) SS. 481 u. ff.

[297b]) Lex Aemilia (115 г.): Aurelius Victor. De viris illustr. 72; Plinius Hist. nat. VIII, 57 (82); Aul. Gell. II, 24, 2.

Lex Antia (71 г.): Aul. Gell. II, 24, 13; Macrob. Sat. II, 13, 13.

Lex Cornelia (81 г.): Aul. Gell. II, 24, 11; Plut. Sylla, 35, 4; Macrob. Sat. II, 13; Cic. ad Fam. VII, 26, 2.

Lex Didia (143 г.): Macrob. Sat. II, 13.

Lex Fannia (161 г.): Macrob. Sat, II, Athen. Deipnos. VI, 108; Aul. Gell. II, 24, 3; Plinii Hist. nat. X, 50 (71).

Lex Julia (46 г.): Suet. Caes. 43.

Lex Licinia (между 113 и 97 г.): Macrob. Sat II, 13; Aul. Gell. II, 24, 7; Fest. s. v. Centenariae caenae.

Lex Oppia (215 г.): Tit. Liv. XXXIV 1, 3, 4, 9, 10; Oros. adv. pag. IV, 20, 14; Val. Max. IX, 1, 3.

Lex Orchia (82 г.): Macrob. Sat. II, 13.

Ср. Daremberg-Saglio, sub v. lex. и M. Voigt. Ueber die lex Cor-

Повидимому, на основаніи законовъ о роскоши муниципальный эдилъ, о которомъ разсказываетъ Апулей (см. выше), растопталъ тѣхъ слишкомъ дорогихъ рыбъ, которыя торговецъ продавалъ его пріятелю. Когда во времена Тиберія усилилась роскошь, эдилы внесли въ сенатъ докладъ о томъ, что установленныя законами о роскоши (максимальныя) цѣны на предметы потребленія съ каждымъ днемъ возрастаютъ и что борьба съ этимъ зломъ очень трудна [298]). Императоръ призналъ, что законы о роскоши невыполнимы, и эдилы были освобождены отъ этой заботы [299]).

Въ эпоху имперіи вообще нормировка цѣнъ предметовъ необходимости властью есть постоянное [300]) явленіе. О мѣропрія-

nelia sumtuaria въ Berichte über die Verhandlungen d. königl. sächsischen Gesellschaft d. Wissenslhaften Phil.-hist. Classe. Band 42. Leipzig 1890. SS. 244—279. Изъ этихъ законовъ Lex Cornelia 81 г., судя по извѣстію Макробія, прямо нормировала цѣны матеріаловъ извѣстныхъ блюдъ. Въ императорское время Авреліанъ установилъ максимальную цѣну рабовъ-кастратовъ См. Flavii Vopisci Aurelianus c. 49: eunuchorum modum pro senatoriis professionibus statuit, idcirco quod ad ingentia pretia pervenissent.

[298]) Taciti Ann. III, 52: nam incipiente C. Bibulo ceteri quoque aediles disseruerant, sperni sumptuariam legem vetitaque utensilium pretia augeri in dies, nec mediocribus remediis sisti posse.

[299]) Письмо Тиберія у Тацита въ отвѣтъ на представленіе сената, любопытно, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ звучитъ „меркантилистическій" мотивъ, забота о томъ, чтобы деньги не уходили изъ страны. Перечисляя разные виды роскоши, императоръ указываетъ на страсть женщинъ къ драгоцѣннымъ каменьямъ. l. c. 53 (in fine): atque illa feminarum propria, quis lapidum causa pecuniae nostrae ad externas aut hostilis gentes transferuntur.

[300]) Ivo Pfaff (Ueber den rechtlichen Schutz des wirtschaftlich Schwächeren in der römischen Kaisergesetzgebung. Weimar, 1897, S. 56) думаетъ, что во времена Тиберія и Нерона это регулированіе цѣнъ еще было исключительнымъ явленіемъ. Врядъ ли это было такъ. Регулированіе цѣнъ диктовалось фактическимъ положеніемъ дѣлъ на рынкѣ. Когда хлѣбъ и вообще предметы продовольствія дорожали, власть вмѣшивалась. Въ этомъ смыслѣ весьма характерно то, что въ прославленіе Траяна говоритъ Плиній младшій въ своемъ „Панегирикѣ" 29: Instar ego perpetui congiarii reor affluentiam annonae... Nonne cernere datur, ut sine ullius injuria omnis usibus nostris annus exuberet? Quippe non, ut ex hostico raptae, perituraeque in horreis, messes nequidquam quiritantibus sociis auferuntur. Devehunt ipsi quod terra genuit, quod sidus aluit, quod annus tulit; nec, novis indictionibus pressi, ad vetera tributa deficiunt. Emit fiscus quidquid videtur emere; inde copiae, inde annona, de qua inter licentem vendentemque conveniat; inde hic satietas nec

тіи Тиберія по отношенію къ хлѣбнымъ цѣнамъ мы только что упомянули; то же приблизительно разсказываетъ Тацитъ о Неронѣ [301]). Діонъ Кассій сообщаетъ, что Клавдій издалъ тарифъ всѣхъ ὤνια, — предметовъ непосредственнаго потребленія [302]). Объ императорѣ Коммодѣ (180—192) Лампридій расказываетъ, что его мѣры противъ дороговизны только ухудшили положеніе. Повидимому, это было тоже установленіе максимума цѣнъ [303]). Такимъ образомъ въ то время, когда гражданское право еще строжайшимъ образомъ блюдетъ свободу оборота,—право полицейское категорически регулируетъ цѣну предметовъ необходимости. Изъ Ульпіанова liber singularis de officio praefecti urbi мы имѣемъ фрагментъ въ дигестахъ, содержащій письмо Императора Септимія Севера (193—211 по Р. Хр.) къ префекту города Фабію Цилону. Въ этомъ письмѣ мы находимъ совершенно ясное возложеніе на praefectus urbi обязанности регулировать цѣны на мясо, и тутъ iustum pretium, соотвѣтственно полицейскому характеру нормы, явственно выступаетъ передъ нами, какъ указная цѣна [304]).

---

fames usquam. Въ подчеркнутыхъ словахъ отмѣчено, что благодаря изобилію продовольственныхъ средствъ было въ имперіи свободное образованіе цѣнъ. Въ эпохи же дороговизны покупатель находился во власти продавца, а на послѣдняго государство оказывало давленіе и такимъ образомъ свободной купли-продажи не было.

[301]) Annal. XV, 39.

[302]) Діонъ Касссійс вязываетъ дороговизну съ дѣятельностью Мессалины и вольноотпущенниковъ Клавдія. Historia Romana 60, 17: ἡ δ'οὖν Μεσσαλῖνα, οἵ τε ἀπελεύθεροι αὐτοῦ οὕτως οὐ τὴν πολιτείαν μόνον, οὐδὲ τὰς στρατείας, καὶ τὰς ἐπιτροπείας, τάς τε ἡγεμονίας ἀλλὰ καὶ τἄλλα πάντα ἀφειδῶς ἐπώλουν καὶ ἐκαπήλευον, ὥστε σπανίσαι πάντα τὰ ὤνια, κἀκ τούτου καὶ τὸν Κλαύδιον ἀναγκασθῆναι ἔς τε τὸ Ἄρειον πεδίον συναγαγεῖν τὸ πλῆθος, κἀνταῦθα ἀπὸ βήματος τὰς τιμὰς αὐτῶν διατάξαι.

[303]) Aeli Lampridi Commodus Antoninus 14: agebanturque omnia per alios... Per hanc autem neglegentiam, cum et annonam vastarent ii, qui tunc rem publicam gerebant, etiam inopia ingens Romae exorta est, cum fruges non deessent... ipse vero saeculum aureum Commedianum nomine adsimulans vilitatem proposuit, ex qua maiorem penuriam fecit. Сообщенія Діона Кассія, Лампридія и Лактанція (о Діоклетіанѣ, см. ниже), касающіяся регулированія цѣнъ императорами, всѣ построены по одному шаблону и носятъ тенденціозно-обличительный характеръ. Говоря о регулированіи цѣнъ высшей властью, они приписываютъ ей самой или ея приспымъ и самую дороговизну, противъ которой велась борьба

[304]) D. 1, 12, 1: Cura carnis omnis ut iusto pretio praebeatur ad curam praefecturae pertinet et ideo et forum suarium sub ipsius cura est:

Александръ Северъ (222—235 по Р. Хр.) продолжалъ дѣло регулированія цѣнъ на мясо, о чемъ сохранилось обстоятельное свидѣтельство, не внушающее ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей достовѣрности [305]).

Такимъ образомъ, въ эпоху Папиніана, Павла и Ульпіана никто не сомнѣвался, что полицейская власть надъ городомъ можетъ и должна регулировать цѣны продуктовъ необходимости и управлять ихъ рынкомъ. Политика регулированія цѣнъ въ римской имперіи, такимъ образомъ, прямо примыкаетъ къ греческимъ и эллинистическимъ образцамъ и принципіально, и фактически составляетъ съ ними нѣчто единое и неразрывное. Отсюда видно, насколько ошибочна мысль Бюхера представить Діоклеціановъ «тарифъ», какъ нѣчто новое, неслыханное, изолированно стоящее въ учрежденіяхъ древности [306]). Наоборотъ, Діоклеціановъ тарифъ

sed et ceterorum pecorum sive armentorum quae ad huismodi praebitionem spectant ad ipsius curam pertinent.

[305]) Aelii Lampridii Alexandr Severus, c. 22: Cum vilitatem populus Romanus ab eo peteret, interrogavit per curionem, quam speciem caram putarent. illi continuo exclamaverunt carnem bubulam atque porcinam. tunc illi non quidem vilitatem proposuit sed iussit, ne quis suminatam occideret, ne quis lactantem, ne quis vaccam, ne quis damalionem, tantumque intra biennium vel prope annum porcinae carnis fuit et bubulae, ut, cum fuisset octominutalis libra, ad duos unumque utriusque carnis libra redigeretur.

[306]) Статья „Die Diokletianische Taxordnung vom Jahr 301" въ Zeit schrift für die gesamte Staatswissenschaft. Jahrgang 50 (1894) SS. 189—219 и SS. 672—717. Бюхеръ говоритъ по поводу эдикта Діоклеціана: So häufig uns solche obrigkeitlichen Taxen in der neueren Geschichte der Volkswirtschaft begegnen; so selten sind sie im Altertum. Aus der klassischen Zeit der Griechen und Römer liegen meines Wissens Beispiele überhaupt nicht vor (S.190). Нашъ обзоръ полицейскаго регулированія цѣнъ въ классической древности показываетъ всю несостоятельность этого утвержденія (неясно къ тому же, что считаетъ Бюхеръ „классическимъ временемъ грековъ и римлянъ"). Для обоснованія или иллюстраціи своего взгляда Бюхеръ цитируетъ Цицерона in Verr. IV, 5, 10: (Maiores nostri) putabant ereptionem esse, non emptionem, cum venditori suo arbitratu vendere non liceat. Это произвольно выхваченное изъ контекста мѣсто не имѣетъ къ вопросу о регулированіи цѣнъ властью никакого отношенія. Рѣчь тутъ, какъ извѣстно, идетъ о томъ, что Верресъ за безцѣнокъ купилъ у Гейя Мамертинца великолѣпныя статуи его семейнаго святилища—произведенія великихъ мастеровъ древности.

есть лишь вѣнецъ и логическое завершеніе характерныхъ для всей античной древности полицейскихъ тенденцій и учрежденій. Можно только признать, что полицейское регулированіе цѣнъ въ цѣльную систему вылилось ранѣе въ эллинистическомъ мірѣ и что римскіе рудименты этого института развивались подъ сильнымъ эллинистическимъ вліяніемъ, пока, наконецъ, не сложились въ ту единственную въ своемъ родѣ по законченности и послѣдовательности форму, которую являетъ намъ поздняя эпоха имперіи съ эдиктомъ Діоклеціана о цѣнахъ. Въ то время, когда регулированіе цѣнъ въ эллинскомъ мірѣ уже развилось въ цѣлую систему,—въ Римѣ оно, по всей вѣроятности, еще было въ зачаточномъ видѣ. Эдилы заботились о народномъ продовольствіи, могли вмѣшиваться и на самомъ дѣлѣ вмѣшивались въ процессъ образованія цѣнъ на хлѣбъ, но все это врядъ ли раньше, чѣмъ римляне столкнулись съ эллинскимъ міромъ и испытали на себѣ его вліяніе, приняло тѣ законченныя очертанія, получило то ясное выраженіе, которое мы видѣли въ Греціи, въ Аѳинахъ и другихъ государствахъ.

Тутъ вынужденная незакономѣрнымъ давленіемъ власти продажа предметовъ рѣдкости противопоставляется вольной продажѣ по любительской цѣнѣ (тамъ же 7, 13: ita arbitror spectari oportere, quanti haec eorum iudicio, qui studiosi sunt harum rerum, aestimentur).

Если бы Бюхеръ вмѣсто того, чтобы вырывать изъ контекста случайную цитату, вспомнилъ, что рядомъ съ четвертой Verrina стоитъ третья и справился съ ней, то онъ увидѣлъ бы, что въ той же самой Сициліи въ то же самое время римское государство покупало по назначенной имъ самимъ „указной“ цѣнѣ хлѣбъ въ огромномъ количествѣ (это т. н. frumentum emptum). In Verr. III, 70: „Хлѣбъ Верресъ долженъ былъ покупать въ Сициліи на основаніи сенатскаго постановленія и хлѣбнаго закона Теренція и Кассія. Покупка производилась двумя способами: въ первомъ случаѣ покупались вторыя десятины, другой же состоялъ въ томъ, что всѣ города должны были доставить, по равномѣрному распредѣленію, извѣстное количество хлѣба. Сумма (вторыхъ) десятинъ была та же, что и первыхъ; „заказного“ же хлѣба (frumentum imperatum) ежегодно должно было быть доставляемо 800.000 модіевъ пшеницы; цѣна была назначена десятинному хлѣбу по 3 сест. за модій, заказному по $3^1/_2$ сест. Такимъ образомъ на заказной хлѣбъ Верресу выдавалось на руки ежегодно 2.800.000 сест. для уплаты земледѣльцамъ, на вторыя же десятины — около девяти милліоновъ сестерціевъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ“ (Цит. по переводу Ѳ. Ф. Зѣлинскаго). Эта указная цѣна, которая была своего рода „таксой“, несомнѣнно регулировала рыночную цѣну въ частномъ торговомъ оборотѣ.

IX.

1. Діоклеціановъ эдиктъ 301 г. по Р. Х. о цѣнахъ продажныхъ вещей.— Въ чемъ его своеобразіе? „Введеніе" въ эдиктъ (стр. 241—247). 2. Эдиктъ Діоклеціана какъ обнаруженіе въ исторіи принципа указной цѣны. Эдиктъ не можетъ быть толкуемъ исключительно какъ валютное мѣропріятіе. Опроверженіе мнѣнія Бюхера (стр. 247--255).—3. Нормы эдикта и „рыночныя" цѣны (стр. 255—258)

1. Пока не были въ разныхъ мѣстахъ «древняго міра» открыты камни, на которыхъ записанъ эдиктъ Діоклеціана къ провинціаламъ о цѣнахъ продажныхъ вещей [307]), объ этомъ эдиктѣ была извѣстна только лаконическая отмѣтка такъ наз. Идаціанскихъ фастъ о томъ, что въ 302 г. «императоры приказали быть

---

[307]) Эдиктъ издавался нѣсколько разъ. Основными изданіями являются изданія Моммсена: первое изданіе въ Berichte d. K. Sächs. Ges. der Wiss. Phil. hist. Klasse 1851; второе изданіе въ C. I. L. III (1873), pp. 801—841 (p. 1188 sqq. Index vocabulorum edicti Diocletiani); третье изданіе Suplementum III (1893) pp. 1909—1953 и дополненія Supplementum III Pars posterior (1902) pp. 2208—2211, 2328 [57—63] съ новымъ указателемъ ко всему эдикту p. 2608 sqq. Изъ третьяго изданія -отдѣльный оттискъ съ комментаріемъ Блюмнера: Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium. Ed. Th. Mommsen (seorsum impressum ex C. I. L. Vol. III Suppl.). Der Maximaltarif des Diocletian. Erläutert von H. Blümner. Berlin. 1893. Болѣе раннее изданіе съ комментаріемъ и переводомъ Ваддингтона: Le-Bas-Waddington. Voyage archeologique en Grèce et en Asie Mineure t. III (есть также въ видѣ отдѣльнаго оттиска. Paris, 1864). Въ 1886 г. вышло изданіе Леполля (текстъ, переводъ и комментарій): Emile Lepaulle. L'edit de Maximum et la situation monétaire de l'Empire sous Dioclétien. Paris-Lyon. Послѣ удобнаго комментированнаго изданія Моммсена-Блюмнера 1893 г. былъ открытъ рядъ новыхъ фрагментовъ, въ томъ числѣ очень важный эгирскій фрагментъ съ цѣной пшеницы.

Послѣ C. I. L. Supplementum III 1902 г. опубликованы, насколько я могъ установить, три фрагмента: 1) фрагментъ аопскій, издалъ Roberto Paribeni въ Ἐφήμερις ἀρχαιολογική 1902, 11—16; 2) фрагментъ дельфійскій (введеніе!), издалъ E. Cavaignac въ Bulletin de corresp. hellenique 1904, pp. 400—407; 3) фрагментъ асинскій, издалъ Niebuhr Tod въ Journal of hellenic studies 1904, pp. 195—202.

Почти полный нѣмецкій переводъ всего эдикта даетъ Бюхеръ въ приложеніи къ цитированной выше статьѣ.

Общая характеристика эдикта у Newton-Reinach, Traité d'epigraphie grecque. Paris. 1885, pp. 61—65 и у Blümner въ Preussische Jahrbücher за 1893, SS. 453—480.

дешевизнѣ товаровъ» [308]), и весьма краткое, но точное сообщеніе напыщеннаго Лактанція о томъ же фактѣ.

Изобличая гонителя христіанъ Діоклеціана, этого «изобрѣтателя преступленій и творца всякихъ золъ» [309]), въ непомѣрной алчности, соединявшейся съ такой же расточительностью, Лактанцій пишетъ: «когда онъ (Діоклеціанъ) разными своими несправедливостями создалъ непомѣрную дороговизну, то попытался установить законъ для цѣнъ продажныхъ вещей. Тогда изъ-за ничтожныхъ и дешевыхъ вещей было пролито много крови, и отъ страха (наказаній) ничто не появлялось (на рынкѣ), вслѣдствіе чего возникла еще худшая дороговизна, пока законъ этотъ послѣ гибели многихъ не палъ самъ собой» [310]).

Ни на чемъ не обнаруживается такъ ясно огромная цѣнность эпиграфическаго матеріала въ качествѣ историческаго источника, какъ на эдиктѣ Діоклеціана. Если бы до насъ не дошли «надписи»,—извѣстія Идаціанскихъ фастъ и Лактанція были бы зарегистрированы историками съ такимъ же невнимательнымъ скептицизмомъ, какъ и сообщеніе Діона Кассія о нормировкѣ Клавдія. И—съ бо́льшимъ, можетъ быть, правомъ, ибо Лактанцій несомнѣнно крайне тенденціозно характеризуетъ и дѣятельность, и личность Діоклеціана. Но Діоклеціану пришла въ голову мысль, граничащая почти съ безуміемъ—Моммзенъ могъ съ полнымъ правомъ говорить тутъ о gouvernementaler Wahnsinn [311])—всеобщую нормировку цѣнъ, вполнѣ мыслимую въ формѣ административныхъ распоряженій, пріуроченныхъ къ опредѣленному мѣсту и времени, провозгласить для огромнаго пространства, безъ ограниченія времени дѣйствія этихъ указныхъ цѣнъ, провоз-

[308]) His cos. vilitatem iusserunt imperatores esse. Въ опредѣленіи времени тутъ ошибка. Эдиктъ былъ изданъ въ 301 г.

[309]) Diocletianus qui scelerum inventor et malorum machinator fuit.

[310]) Idem cum variis iniquitatibus immensam faceret caritatem, legem pretiis rerum venalium statuere (необыкновенная точность въ сжатомъ до послѣдней степени резюме закона, состоящемъ изъ подлинныхъ его словъ!). Tunc ob exigua et vilia multus sanguis effusus, nec venale quidquam metu apparebat, et caritas multo deterius exarsit, donec lex necessitate ipsa post multorum exitium solveretur.

[311]) Mommsen въ его первомъ изданіи эдикта: Das Edict Diocletians de pretiis rerum venalium vom J. 301. Sep. Abdr. aus den Berichten d. K. S. Ges. d. Wissenschaften. Phil. hist. Classe 1851, S. 57 = Gesammelte. Schriften Juristische Schriften. Band. II. Berlin. 1905, S. 306.

гласить, какъ торжественный законъ, снабженный самой суровой санкціей.

Въ этомъ несоотвѣтствіи формы знаменитаго эдикта 301 г. съ его матеріей заключается все его своеобразіе. Въ ней и только въ ней исключительность и единственность этого акта какъ въ греко-римскомъ правѣ, такъ и вообще во всей исторіи регулированія цѣнъ. Никогда нормировка цѣнъ даже въ формѣ максимума не предлагалась, какъ нѣчто абсолютное для всего пространства огромной имперіи и на всѣ времена, какъ мы это видимъ въ Діоклеціановомъ эдиктѣ. Послѣдній состоитъ изъ введенія и изъ длиннаго тарифа максимальныхъ цѣнъ на всякаго рода блага, начиная съ пшеницы и кончая услугами учителей математики и адвокатовъ. Введеніе, повидимому, существовало только на «государственномъ» латинскомъ языкѣ. Оно гласитъ [312]):

Счастью нашей державы, мы послѣ безсмертныхъ боговъ памятуя удачныя войны, нами веденныя, должны приписать безмятежное состояніе государства, успокоеннаго въ нѣдрахъ величайшей тишины, а также блага мира, добытаго тяжелымъ, облитымъ потомъ трудомъ. Достоинство государства, честь и величіе Рима требуютъ отъ насъ вѣрно хранить и прилично украсить это счастье: побѣдно отразивъ подъ покровительствомъ высшихъ силъ хищническіе набѣги варварскихъ племенъ и народовъ, мы должны навѣки укрѣпить и оградить счастье государства достодолжными устоями справедливости. Ибо, если бы какія-нибудь разумныя сдержки могли обуздать тѣхъ, которыхъ распаляетъ безпредѣльная алчность, растущая не годами, не мѣсяцами или днями, но почти часами и даже минутами; если бы общество могло равнодушно сносить эту вакханалію разнузданности, которая жесточайшимъ образомъ изо дня въ день его терзаетъ, то, быть можетъ, умѣстно было бы скрывать и замалчивать, такъ какъ тогда всеобщее терпѣніе смягчало бы проклятый ужасъ этого плачевнаго положенія. Но неистовая жадность не останавливается передъ всеобщей нуждой. И нечестные и безстыдные люди считаютъ какъ бы своимъ долгомъ, чтобы жадность, ихъ гложущая и сжигающая, раз-

[312]) Переводъ сдѣланъ мною по тексту изданія Моммсена-Блюмнера.

рушая общее счастье, уступала лишь по принужденію, а не по доброй волѣ; тѣ же, которыхъ до сознанія ихъ ужаснаго положенія довела лишь крайняя нужда, не могутъ тоже долѣе терпѣть. Въ виду этого намъ, какъ отцамъ рода человѣческаго, подобаетъ позаботиться о томъ, чтобы въ дѣло, въ качествѣ судьи, вмѣшалась сама справедливость, и то, чего такъ долго ждали отъ человѣчества и чего оно само не смѣло сдѣлать, было совершено средствами нашей предусмотрительности для умѣренія всеобщаго стяжанія. Но едва ли не опоздала наша предусмотрительность, какъ о томъ свидѣтельствуетъ всеобщее сознаніе и вопіетъ дѣйствительность. Обдумывая наши мѣропріятія и держа про себя найденныя нами средства, мы на основаніи законовъ природы ожидали, что погрязшее въ тягчайшихъ преступленіяхъ человѣчество само исправится. Однако мы сочли за лучшее сознательно и обдуманно изъять эти пятна невыносимаго хищничества изъ сужденія самихъ хищниковъ, которые съ каждымъ днемъ падаютъ все ниже и ниже и съ какимъ-то духовнымъ ослѣпленіемъ становятся на путь государственнаго преступленія. Этихъ стяжателей, какъ враговъ каждаго въ отдѣльности и всего общества вмѣстѣ, ихъ собственное преступленіе отдало намъ въ руки, какъ виновниковъ жесточайшаго безчеловѣчія. Поэтому мы прямо, не считаясь ни съ какими жалобами, обращаемся къ средствамъ, которыхъ давно требовала самая необходимость вещей. Пусть наше вмѣшательство не покажется несвоевременнымъ или излишнимъ, и безчестными людьми, которые изъ нашего долголѣтняго молчанія не хотѣли извлечь уроковъ скромности и повиновенія, не будетъ сочтено слишкомъ легкимъ и незначительнымъ. Кто же настолько тупъ и настолько лишенъ человѣческихъ чувствъ, чтобы не понимать и не чувствовать, что произволъ въ назначеніи цѣнъ продажныхъ вещей, которыя предлагаются на базарахъ или ежедневно продаются въ городахъ, столь великъ, что необузданная алчность не смягчается ни обиліемъ товаровъ, ни богатыми урожаями?!

Люди этой породы, занимающіеся такими дѣлами, несомнѣнно помышляютъ о томъ, чтобы вопреки движенію небесныхъ звѣздъ захватить въ свою власть воздухъ и погоду, и въ своихъ неправыхъ мысляхъ не могутъ снести,

чтобы счастливыя нивы орошались небесными дождями и обѣщали обильные плоды. Есть люди, которые считають ущербомъ для себя, когда отъ щедротъ неба родится на землѣ изобиліе. Общечеловѣческія соображенія, господа провинціалы, побуждають положить предѣлъ алчности тѣхъ, кто только и помышляетъ о томъ, чтобъ обратить себѣ на выгоду Божью благостыню и задержать притокъ общественнаго благосостоянія; а при посѣвѣ сѣмянъ и съ помощью услугъ мелкихъ торговцевъ въ неурожайные годы, эти люди, утопая въ величайшемъ богатствѣ, которое могло бы насытить цѣлые народы, преслѣдують только свои частныя выгоды и гонятся за ростовщическимъ процентомъ. Теперь же мы должны изъяснить самыя причины, которыя вынудили насъ, наконецъ, отказаться отъ долголѣтняго выжиданія и терпѣнія. Какъ ни трудно какимъ либо особливымъ разсужденіемъ или же фактомъ раскрыть свирѣпствующую всюду алчность, предлагаемое противъ нея средство можетъ быть правильнѣе оцѣнено, когда передъ лицомъ этихъ безудержныхъ людей ихъ неукротимыя похоти будуть ясно обозначены и заклеймены. Кто не знаетъ той противной государственнымъ пользамъ наглости стяжателей, которые, куда бы ни направлялись въ интересахъ общаго блага наши войска, не только въ деревняхъ и въ городахъ, но и на всемъ пути ихъ слѣдованія, встрѣчають ихъ, какъ настоящіе ростовщики, вымогая цѣны, не только вчетверо или въ восемь разъ превосходящія нормальныя, но и такія, примѣнительно къ которымъ не можетъ быть никакой рѣчи объ оцѣнкѣ и тому подобномъ? Иногда, такимъ образомъ, на покупку одной какой-нибудь вещи солдатъ тратитъ всю свою награду и жалованье, и мы видимъ, что жертвы всего государства на поддержаніе войскъ обращаются на выгоду хищникамъ. И вотъ наши солдаты отдають плоды своей службы и свои сверхсрочные труды всеобщимъ ростовщикамъ съ тѣмъ, чтобы тѣ, ограбивъ солдата, могли въ волю ежедневно расхищать государственное добро. Всѣмъ вышесказаннымъ справедливо побуждаемые, мы порѣшили — это внушалось намъ чувствомъ простой человѣчности — установить не цѣны продажныхъ вещей — сдѣлать это было бы несправедливымъ, такъ какъ многія провинціи иногда

пользуются благами желанной дешевизны и своего рода преимуществомъ изобилія—а лишь назначить высшій предѣлъ цѣнъ, такъ что бы, если бы обнаружилась гдѣ-либо дороговизна, что да отвратятъ боги, то алчность, которая, подобно обширному безграничному пространству разбросанныхъ полей, прежде не могла быть ничѣмъ сдерживаема, оказалась ограниченной предѣлами, указываемыми нашимъ уставомъ, и стѣсненной гранями призывающаго къ умѣренности закона.

Посему мы приказываемъ: цѣны, которыя обозначены въ прилагаемомъ ниже спискѣ, во всемъ нашемъ государствѣ такъ соблюдать, чтобы всѣмъ было ясно, что пресѣчена всякая возможность выходить за предѣлы этихъ цѣнъ, причемъ это предписаніе отнюдь не посягаетъ на благодѣяніе дешевизны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ожидается изобиліе продуктовъ. Объ изобиліи мы весьма заботимся, тогда какъ вышесказанная алчность нами пресѣкается. Продавцы же и покупатели, которые обычно посѣщаютъ гавани и объѣзжаютъ чужія провинціи, должны принять за правило такую умѣренность, при которой, зная, что и въ случаѣ дороговизны, указныя цѣны вещей не должны быть превосходимы, они въ моментъ продажи такъ разсчитывали бы условія мѣста и пути и вообще обстоятельства всей сдѣлки, чтобы было ясно, что они поняли, что они нигдѣ не могутъ дороже продать вслѣдствіе простой разности въ цѣнахъ. При изданіи законовъ, какъ извѣстно, у нашихъ предковъ былъ обычай угрозой наказанія сдерживать наглость, ибо весьма рѣдко люди по своей доброй волѣ слѣдуютъ добру, и всегда страхъ оказывается лучшимъ учителемъ долга. Посему мы постановили, что всякій, кто дерзнетъ преступить велѣнія этого устава, подлежитъ смертной казни. И пусть никто не считаетъ законъ слишкомъ суровымъ, такъ какъ всякій, соблюдая скромность, можетъ избѣжать бѣды. Указанной же опасности подвергнется и тотъ, кто изъ страсти къ пріобрѣтенію вопреки велѣніямъ закона уступитъ алчности продавца. Въ томъ же преступленіи будетъ повиненъ и тотъ, кто, имѣя въ своемъ распоряженіи средства продовольствія, утаитъ ихъ. Послѣ нашего распоряженія, такъ какъ наказаніе должно было бы быть еще суровѣе

для того, кто устраиваетъ голодъ, чѣмъ для того, кто противится закону, мы призываемъ всѣхъ къ повиновенію, дабы то, что установлено въ интересахъ всего общества, соблюдалось по доброй волѣ и съ надлежащимъ почтеніемъ, тѣмъ болѣе, что такого рода уставъ имѣетъ въ виду пользу не только отдѣльныхъ общинъ, народовъ и провинцій, но всего государства, во вредъ которому завѣдомо неистовствуютъ немногіе, алчности коихъ ни теченіе времени, ни богатство, ими пріобрѣтенное, не могли ни умѣрить, ни насытить.

Ниже слѣдуютъ цѣны, превышать которыя никому не дозволяется [313]).

2. Содержаніе эдикта Діоклеціана, какъ матеріалъ для характеристики формъ промышленности, не занимаетъ меня [314]). Далѣе, эдиктъ, какъ источникъ для исторіи цѣнъ [315]), тоже не подлежитъ сейчасъ моему разсмотрѣнію. Даже изслѣдованіе эдикта, какъ эпизода валютной политики римскихъ императоровъ [316]), само по себѣ не входило бы въ мою задачу, если бы эта сторона дѣла не была тѣсно связана съ основной темой предлагаемыхъ

[313]) Quae pretia in singularum rerum venditionibus excedere nemini licitum sit hic infra ostenditur. По гречески: (Fragmentum Aegiraticum Prius C.I.L. III Suppl. = Ἐφήμερις ἀρχαιολογική 1899, p. 150): (τι)νας τιμὰς ἑκάστου εἴδους ο(ὐδε)νὶ ἔξεσται ὑπ[ερβαίνει]ν ὑποτέτακτα(ι). Эта послѣдняя фраза введенія, составляющая переходъ къ тарифу, такимъ образомъ, была и въ греческомъ переводѣ.

[314]) Эта сторона дѣла составляетъ главное содержаніе и обусловливаетъ цѣнность цит. выше статьи Бюхера, на которой всецѣло основана соотвѣтствующая часть русской работы М. Кречмара: „Къ вопросу о хозяйственной эволюціи древняго Рима. Промышленность въ Римѣ и теорія Бюхера" въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ" за 1905 г.

[315]) Объ этомъ, кромѣ комментаріевъ Блюмнера, Ваддингтона и Леполля, гдѣ указана старая литература и приведены источники, см. H. Michaelis. Kritische Würdigung der Preise des Edictum Diocletiani vom nationalökonomischen Standpunkte aus въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft LIII (1897) SS. 1—50.

[316]) См. Mommsen. Geschichte des römischen Münzwesens. Berlin, 1860; Otto Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Zweiter Band. Berlin, 1901, SS. 191—249 (текстъ) и SS. 536—538 (примѣчанія) и его же Die Münzpolitik Diocletians und seiner Nachfolger въ Zeitschrift für Numismatik XVII (1890), SS. 36—89 и SS. 113—166, Lepaulle цит. выше изданіе эдикта (о сочиненіи этомъ ср. впрочемъ неодобрительное сужденіе Моммсена въ Jurist. Schriften, II, S. 332).

этюдовъ: въ настоящемъ контекстѣ знаменитый эдиктъ интересуетъ меня какъ обнаруженіе въ исторіи принципа **указной цѣны**. Только съ этой точки зрѣнія онъ будетъ обсуждаться ниже.

Конечно, не можетъ быть оспариваемо, что эдиктъ выросъ на почвѣ условій, въ которыхъ крупное мѣсто занимало хроническое разстройство валюты. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и соціально-политическія соображенія объ интересахъ потребителей не играли никакой роли при изданіи Діоклеціанова эдикта и что его тарифъ есть не тарификація товаровъ при помощи денегъ, а лишь тарификація денегъ при помощи товаровъ. Такова, какъ извѣстно, мысль **Бюхера**[317]). Правда, и онъ вынужденъ признать, что эдиктъ преслѣдовалъ соціально-политическую цѣль по отношенію къ арміи, что, впрочемъ, совершенно ясно выражено въ приведенномъ нами выше введеніи къ эдикту. Но, помимо этого указанія, мысль **Бюхера** вообще по существу несостоятельна. Вѣдь, рѣзкое разстройство валюты означаетъ всегда не только паденіе «цѣнности» денегъ, но и повышеніе товарныхъ цѣнъ, хотя и не равномѣрное, однако всегда всеобщее [318а]). Отсюда при рѣзкомъ разстройствѣ валюты всегда естественно возникаетъ въ населеніи недовольство дороговизной, а у правительства мысль о максимумѣ, о властномъ регулированіи цѣнъ и притомъ вовсе не съ непосредственно валютными цѣлями, которыя достигаются мѣропріятіями специфически денежной политики, а именно

---

[317]) „Ich meine darum, da sozialpolitische Rücksichten auf die konsumierende Bevölkerung sicher nicht in Frage kamen, und da der moralisierende Schwulst im ersten Teile der Einleitung doch nur dazu gut gewesen sein kann, die wahren Gedanken des Gesetzgebers zu verbergen, dass es sich im wesentlichen um eine münzpolitische Massregel handelt mit dem Nebenzwecke, die Lage der Truppen zu verbessern. Die ganze Taxordnung wäre dann mehr eine Tarifierung des Geldes in Waren als eine Tarifierung der Waren in Geld. Denn in einem nach aussen vollkommen abgeschlossenen Verkehrsgebiete mit stark entwerteter Valuta ist in der That das unmittelbare Gebrauchsgut das einzig Feste, das Geld aber das Schwankende. An einer fremden Valuta konnte der römische Kupferdenar nicht gemessen werden; dies konnte nur an den Gütern geschehen, mit denen sich feste Gebrauchswertvorstellungen verbanden". Цитир. выше статья о діоклеціановомъ эдиктѣ.

[318]а) Въ этомъ неоспоримая истина „количественной" теоріи денегъ, теперь съ новой силой возрождающейся. Ср. **S. P. Altmann**, статья Quantitätstheorie въ Hdw. d. Staatsw. 3 Aufl. и **Irving Fisher**. The purchasing power of money. New-York. 1911.

съ соціально-политическими цѣлями. Это мы видимъ во Франціи при Филиппѣ Красивомъ [318b]) и въ эпоху революціонныхъ ассигнацій [319]): регулированіе цѣнъ въ эти эпохи вытекаетъ, конечно, и изъ валютнаго неустройства, но не представляетъ вовсе только и просто «валютно-политическаго» мѣропріятія. То же слѣдуетъ сказать и о регулированіи хлѣбныхъ цѣнъ при Карлѣ Великомъ въ концѣ VIII вѣка по Р. Хр. (см. ниже) и о чрезвычайно любопытномъ тарифѣ цѣнъ, изданномъ 17 марта 1623 г. для Берлина-Кёлльна маркграфомъ Бранденбургскимъ Георгомъ Вильгельмомъ и стоящемъ въ связи съ его «монетнымъ эдиктомъ» отъ 1-го января того же года [320]).

Изслѣдованіе революціоннаго максимума показываетъ, что онъ былъ изданъ подъ давленіемъ нуждающагося городского населенія и мыслился, какъ соціально-политическая мѣра охраны неимущихъ. Раскрывающаяся теперь исторія революціоннаго максимума есть какъ бы пояснительный комментарій, который исторія черезъ 1500 лѣтъ дала и къ эдикту Діоклеціана, и къ его оцѣнкѣ у Лактанція. Въ томъ и въ другомъ случаѣ: и въ эпоху французской революціи, и въ эпоху римскаго домината совершенно явственно выступаютъ какъ террористическій характеръ «максимума», такъ и соціально-политическій мотивъ, которымъ руководился законодатель.

Нѣтъ, на мой взглядъ, ни малѣйшаго основанія утверждать, вслѣдъ за Бюхеромъ, чтобы интересы потребителя или населенія не

[318b]) Ср. статью Maximum въ Coquelin et Guillaumin Dictionnaire de l'économie politique. Bruxelles, 1854 и Ад. Бланки. Исторія политической экономіи въ Европѣ. Русск. перев. П. А. Бибикова, т. I, гл. XVIII. О денежной политикѣ французскихъ королей см. цитированное выше сочиненіе Bridrey и Adolphe Landry. Essai économique sur les mutations des monnaies dans l'ancienne France de Philippe le Bel à Charles VII. Paris, 1910 (тутъ указана важнѣйшая литература).

[319]) См. ту же статью въ Dictionnaire de l'économie politique, гдѣ разсказана исторія установленія и отмѣны максимума, а также Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть вторая СПБ. 1911, стр. 276—434.

[320]) Taxordnung, auf vorhergehende gnädigste Revision, durch Bürgermeistere und Rathmanne beider Residenz Städte Berlin und Cölln verfertiget und in den offenenen Druck ge geben. Vom 17-ten Martii 1623. Mylius Const. Marchicarum V Th. II Abth. X N V. Muntz Edict... vom Neujahrstag 1623 напечатанъ тамъ же IV Th. I. Abth., V Cap. N XXIII.

играли никакой роли въ изданіи Діоклеціанова эдикта. Для просто валютныхъ цѣлей не было вовсе надобности въ такомъ громоздкомъ аппаратѣ, какъ тарифъ всѣхъ цѣнъ. Не только не было надобности, а валютныя цѣли этимъ путемъ не были и достижимы. Вѣдь регулированіе валюты требовало прежде всего установленія точнаго соотношенія между циркулирующей низкоцѣнной монетой и драгоцѣннымъ металломъ [321]). Въ тѣ времена даже эта простая цѣль не достигалась простымъ государственнымъ велѣніемъ. Бюхеръ мотивируетъ свое пониманіе Діоклеціанова эдикта, какъ чисто валютнаго мѣропріятія, тѣмъ, что въ «совершенно замкнутой въ себѣ области оборота при сильномъ обезцѣненіи валюты непосредственно потребляемыя блага суть нѣчто единственно прочное, между тѣмъ какъ деньги являются чѣмъ-то колеблющимся. Чужой валютой римскій мѣдный денарій не могъ быть измѣряемъ; такое измѣреніе было возможно только при помощи благъ, съ которыми связывались простыя представленія о потребительной цѣнности» [322]).

Въ данномъ случаѣ Бюхеръ прямо загипнотизированъ своимъ невѣрнымъ представленіемъ о полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства въ позднѣйшей римской имперіи. Его разсужденія, только-что цитированныя, основаны на игнорированіи основныхъ и элементарныхъ фактовъ: псевдосеребряныя и мѣдныя деньги римской имперіи и раньше, и въ ту эпоху внутри самой имперіи измѣрялись при помощи драгоцѣннаго металла, золота, а къ тому же въ денежномъ отношеніи имперія никогда не была замкнутой въ себѣ областью [323]). Соотвѣтственно этому IV вѣкъ есть эпоха мѣднаго ажіотажа, съ которымъ власть борется драконовскими мѣропріятіями, стремясь въ тоже время

---

[321]) Въ эдиктѣ мы находимъ такое регулированіе (въ элатейскомъ фрагментѣ περὶ χρυσοῦ). Римскій фунтъ золота = 50.000 діоклеціановыхъ динаріевъ.

[322]) См. выше цитату изъ Бюхера.

[323]) Хорошо извѣстно, что золото уплывало изъ Имперіи въ Германію и на Востокъ. Ср. Mommsen. Geschichte des römischen Münzwesens S. 767. Отсюда понятна вышеприведенная жалоба Тиберія у Тацита. Въ IV вѣкѣ этотъ „меркантилистическій мотивъ“ сгущается въ запрещеніе вывозить золото въ варварскія страны и въ предписаніе, наоборотъ, хитростью выманивать у нихъ драгоцѣнный металлъ. Конституція 374 г. (?), вошедшая въ Юстиніановъ кодексъ, (4,63, 2) гласитъ:

такъ или иначе нормировать отношеніе между мѣдью и золотомъ, т. е. при помощи мѣръ денежной политики ведетъ борьбу съ колебаніями курса мѣдныхъ денегъ и съ эксплуатаціей этихъ колебаній спекуляціей:

Cod. Theod. 9, 23, 1 (356 г. по Р. Хр.): Quicumque vel conflare pecunias vel ad diversa vendendi causa transferre detegitur, sacrilegii sententiam subeat et capite plectatur..... Nec vero aliquis negotiatorum plus mille follibus pecuniae in usu publico constitutae animalibus propriis sumptuum gratia portare debebit..... Pecunias vero nulli emere omnino fas erit nec vetitas contrectare quia in usu publico constitutas pretium oportet esse, non mercem.

Однако—и въ этомъ сказывалось извѣстное безсиліе государства—мѣдныя деньги всетаки не имѣли въ эту эпоху настоящаго принудительнаго курса [324]), онѣ обращались съ мѣняющимся лажемъ на золото внутри самой имперіи и въ законахъ цѣны выражались уже прямо въ золотѣ. Вотъ почему конституція 367—375 г. Валента, Валентиніана и Граціана предписываетъ, чтобы при «удешевленіи» золота цѣны товаровъ понижались, такъ какъ удешевленіе золота означало тутъ повышеніе курса малоцѣнной монеты:

Cod. Just. 11, 11, 2: pro imminutione, quae in aestimatione solidi forte tractatur, omnium quoque specierum pretia decrescere oportet [325]).

Само государство, вообще говоря, не признавало за обращающейся малоцѣнной монетой принудительнаго курса (налоги взимались въ золотѣ).

Государство поддерживало курсъ мѣдныхъ денегъ на извѣстной высотѣ, нормируя цѣну мѣди на золото при сдѣлкахъ мѣнялъ съ публикой и доплачивая изъ «казенныхъ средствъ» мѣня-

Non solum aurum barbaris minime praebeatur, sed etiam si apud eos inventum fuerit, subtili auferatur ingenio. Si ulterius aurum pro mancipiis vel quibuscumque speciebus ad barbaricum fuerit translatum a mercatoribus, non iam damnis, sed suppliciis subiugentur et si id iudex repertum non vindicat, tegere ut conscius criminosa festinat.

[324]) Соотвѣтствующая статья діоклеціанова эдикта есть, вѣроятно, первая, но практически совершенно не удавшаяся попытка его установленія.

[235]) Таково толкованіе Моммсена (Geschichte d. röm Münzwesens, S. 844), которое представляется мнѣ правильнымъ. Иначе толкуетъ это мѣсто Савиньи, Das Obligationenrecht I, Berlin, 1851 S. 473, къ которому присоединяется Oertmann, Die Volkswirtschaftslehre etc. S. 96.

ламъ до «таксированной» цѣны, когда курсъ, или биржевая цѣна мѣди на золото расходилась съ ея нормированной цѣной. Характерно, что курсъ денегъ выражается терминомъ aestimatio, нормированная цѣна терминомъ taxatio=statutum pretium. Эта терминологія подтверждаетъ сказанное нами выше о соотношеніи терминовъ aestimatio и taxatio.

Такимъ образомъ — свидѣтельство объ этомъ порядкѣ относится къ эпохѣ Граціана (367—383) и Валентиніана II (375—392) — мѣнялы по своему тяглу обязаны были мѣнять мѣдь на золото по цѣнѣ, которую указывала государственная власть:

> Vendendis solidis, quos plerumque publicus usus exposcit, collectariorum corpus obnoxium est, quibus arca vinaria statutum pretium subministrat. Huic hominum generi taxationis exiguae vilitate nutanti divus frater numinis vestri tantum pro singulis solidis statuit conferendum, quantum aequitas illius temporis postulabat, ddd. imppp. sed paulatim auri enormitate crescente vis remedii divalis infracta est, et cum in foro venalium rerum maiore summa solidus censeatur, nummulariis pretia minora penduntur. petunt igitur de aeternitate vestra pro ratione praesenti iusta definitionis augmenta, qui iam tanto oneri sustinendo pares esse non possunt [326]).

Въ 445 году при Валентиніанѣ III былъ изданъ законъ de pretio solidi et ne quis solidum integrum recuset, въ которомъ, между прочимъ сказано:

> ne umquam intra septem milia nummorum solidus distrahatur emptus a collectario septem milibus ducentis [327]).

Момсенъ толкуетъ это мѣсто такъ: мѣнялы были обязаны отдавать золотой (солидъ) за цѣну, не превышающую 7200 дена-

[326]) Legum Novellarum ad Theodosianum pertinentium (Mommsen-Meyer XVI=Haenel XIV). Законъ начинается такъ: Frequens ad nos, Quirites, temerarii ausus querela pervenit ut in parentum nostrorum contumeliam insigniti solidi eorum nominibus ab omni emptore recusentur. Hoc ergo edicto agnoscat universitas capitale manere supplicium, siquisquam vel domini patris mei Theodosii vel sacrarum necessitudinum nostrarum vel superiorum principum solidum aureum integri ponderis reputandum esse crediderit vel pretio minore taxaverit...

[327]) a. 384—385 Symmachi Relationes, XXVIII ed. O. Seeck въ Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum tomi VI, pars prior. Berolini, 1883, pp. 303—304. Cp. Mommsen. Geschichte des röm. Münzwesens, S. 845.

ровъ, а частныя лица были обязаны солидъ принимать по меньшей мѣрѣ за 7000 денаровъ. Вообще Моммсенъ въ этомъ законѣ видитъ установленіе принудительнаго курса [328]).

Мнѣ это толкованіе представляется несоотвѣтствующимъ ясному смыслу текста. Ближе къ истинѣ въ толкованіи этого мѣста Вальтцингъ [329]), говоря, что по нашей новеллѣ мѣнялы были обязаны продавать, т. е. мѣнять на мѣдь «золотой» (solidus) по курсу, границы котораго опредѣлялись снизу 7.000 динаріевъ, между тѣмъ какъ онѣ сами покупали золото по 7.200.

Дѣйствительно, въ разбираемомъ текстѣ только цифра 7.000 имѣетъ нормативное значеніе; цифра 7.200 есть лишь указаніе на биржевую цѣну, по которой тяглые мѣнялы сами фактически вынуждены были покупать золото. То, что устанавливаетъ новелла 445 года, по своему смыслу предполагаетъ ту самую доплату отъ казны мѣняламъ, которую практиковалъ Граціанъ и о которой мѣнялы вновь просили его преемника черезъ Симмаха. Если можно говорить въ этихъ случаяхъ о принудительномъ курсѣ мѣдныхъ денегъ, то силу онъ имѣлъ лишь для тяглыхъ мѣнялъ. Законъ 445 г. запрещаетъ отказывать въ пріемѣ полновѣснаго [330]) солида или оцѣнивать его ниже той цѣны, по которой обязаны были отдавать его тяглые мѣнялы, т. е. ниже statutum pretium. И сами мѣнялы не имѣли права оцѣнивать солидъ ниже 7000 динаріевъ; выше же этой цѣны они могли и очевидно фактически вынуждены были его покупать. Въ нашей новеллѣ основное намѣреніе законодателя направлялось на то, чтобы за солидомъ обезпечить хожденіе по цѣнѣ, предѣлы которой были установлены снизу, очевидно, для того, чтобы пресѣчь злостную эксплуатацію лицъ, вынужденныхъ отчуждать золотыя монеты. Но эта

[328]) Mommsen. Geschichte des Römischen Münzwesens. S. 846: In einer Verordnung Valentinians III vom I. 445 erscheinen einerseits die Wechsler verpflichtet den Solidus gegen 7.200 Denare höchstens abzugeben, anderseits jeder gehalten den also vom Wechsler gekauften Solidus für mindestens 7.000 Denare anzunehmen.

[329]) Waltzing l. c. T. II, p. 232: En 445 Valentinien III . . . . . fixa le prix de vente du solidus à 7.000 deniers de cuivre au mininum, ajoutant que les collectarii l'achetaient à 7.200.

[330]) О взвѣшиваніи и провѣркѣ солидовъ см. Cod. Theod. 12, 7 (de ponderatoribus et auri in(latione)=Cod. Justin. 10, 62 (325, 363, 367).

[330b]) Вся ошибка Зэка состоитъ въ томъ, что онъ эти явленія смѣшиваетъ.

спеціальная задача интересующаго насъ закона не устраняла того общаго положенія вещей, что золотая монета при всѣхъ комбинаціяхъ въ общемъ и цѣломъ въ то время имѣла естественную тенденцію повышаться въ цѣнѣ, а мѣдь падать [331a]). Въ эту эпоху происходили два диспаратныхъ и независимыхъ одно отъ другого явленія: 1) колебанія малоцѣнной, стремившейся къ паденію мѣдной монеты; 2) качественное опороченіе солидовъ при размѣнѣ съ цѣлью эксплуатаціи на этой почвѣ экономически слабыхъ держателей золотой монеты [331b]). Отсюда и предписаніе закона, вѣрнѣе повтореніе стараго велѣнія (quo praecepto etiam illud in perpetuum volumus contineri), чтобы мѣнялы отпускали солиды дешевле, чѣмъ ихъ покупали.

Возвращаясь къ монетной реформѣ самого Діоклеціана, которая состояла въ выпускѣ новыхъ мѣдныхъ денегъ, мы должны сказать, что непосредственная связь эдикта о цѣнахъ съ этой реформой прямо сомнительна. Дѣло въ томъ, что Діоклеціанъ не былъ вовсе повиненъ въ «порчѣ» монеты: металлическая цѣнность его мѣдной монеты была не ниже номинальной. Императоръ, выпустивъ новую мѣдную монету, только воспретилъ хожденіе старой, менѣе цѣнной монеты. Этимъ онъ лишилъ всѣхъ, сдѣлавшихъ сбереженія про черный день, ихъ достоянія. Такой методъ дѣйствій былъ весьма несправедливъ, но онъ означалъ не увеличеніе, а уменьшеніе денежныхъ знаковъ и тѣмъ самымъ не могъ повести къ возвышенію цѣнъ.

Если вѣрна такая характеристика Діоклеціановой реформы мѣднаго обращенія [332]), осуществленной приблизительно одновременно съ изданіемъ эдикта о цѣнахъ,—то ясно, что эта валютная реформа не могла повлечь за собой возвышенія цѣнъ. Правда, Зэкъ выводитъ это возвышеніе изъ чисто психологическаго момента, изъ недовѣрія къ новой монетѣ, введеніе которой было

[331a]) Противоположное мнѣніе Зэка (цит. статья, SS. 71—89), развивающаго его въ полемикѣ съ Моммсеномъ, представляется мнѣ совершенно невѣрнымъ. Зэкъ упускаетъ изъ вида самое важное, а именно, что новелла 445 г. устанавливаетъ не «минимальный курсъ», а воспрещаетъ качественное опороченіе полновѣсныхъ солидовъ въ цѣляхъ ихъ дешеваго пріобрѣтенія. Въ детали вопроса здѣсь не мѣсто входить. Я имѣю въ виду посвятить ему спеціальную работу.

[332]) Такое истолкованіе ея даетъ Зэкъ l. c., и я не вижу возраженій противъ такого пониманія.

сопряжено съ явными несправедливостями: недовѣріе уронило ея курсъ. Но это не изображеніе фактовъ, а лишь заключеніе отъ эдикта о цѣнахъ къ паденію курса мѣдной монеты. Между тѣмъ намъ извѣстно лишь, что эдиктъ (и другіе источники) констатируютъ дороговизну; причины же послѣдней могли лежать и очевидно лежали не только въ сферѣ денежнаго обращенія, тѣмъ болѣе, что отнюдь неясно, чтобы Діоклеціанова реформа мѣдной монеты могла оказывать какое-либо дѣйствіе до 301 г., ибо лишь послѣ 305 г. новая чеканка оказалась повсемѣстной [333]).

Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ то время какъ регулированіе цѣнъ товаровъ въ общей формѣ терпитъ фіаско,—регулированіе цѣны денегъ путемъ государственнаго установленія ихъ курса остается въ области тѣхъ реальныхъ мѣропріятій, которыя съ нѣкоторымъ и даже значительнымъ треніемъ, но входятъ въ жизнь, т. е. осуществляются съ извѣстнымъ «приближеніемъ». Это наблюденіе можетъ быть обобщено: денежное обращеніе есть вообще та область, въ которой всего раньше и полнѣе осуществляется принципъ указной цѣны.

Въ частности, какъ мы указали выше (стр. 69—70), эпоха принципата и домината съ ея усложненіемъ и разстройствомъ денежныхъ дѣлъ государства, подчеркиваетъ государственный характеръ денежнаго обращенія и окончательно формируетъ «ауторитативное» понятіе денегъ, которое позже развертывается въ «феодальную теорію» денегъ.

Къ общему вопросу о соотношеніи денегъ и указной цѣны мы еще вернемся.

3. Съ точки зрѣнія исторической феноменологіи цѣны въ эдиктѣ Діоклеціана интересную и важную сторону представляетъ соотношеніе между указными цѣнами эдикта и цѣнами рыночными.

Вопросъ ставится такъ: каково разстояніе между максимумомъ и уровнемъ рыночныхъ цѣнъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ отношеніи всего эдикта съ его болѣе чѣмъ 800 разнообразныхъ цѣнъ сопряженъ съ огромными трудностями.

Діоклеціановъ тарифъ есть какъ бы статистическій указатель, или статистическій перечень (списокъ), т. е. схема для статистики,

---

[333]) Ср. Mommsen l. c. SS. 800—801.

которой однако у насъ нѣтъ. По цѣлому ряду статей не имѣется вообще какихъ-либо другихъ отмѣтокъ цѣнъ, кромѣ указныхъ цѣнъ эдикта. Наконецъ, эдиктъ нормируетъ и цѣны такихъ благъ, для которыхъ образованіе «рыночныхъ цѣнъ» въ точномъ смыслѣ въ ту эпоху, навѣрное, не наблюдалось, да и теперь еще не наблюдается.

Тѣмъ не менѣе элатейская находка (цѣна золота и тѣмъ самымъ легальный золотой паритетъ Діоклеціанова динарія!) и находка эгирская (цѣна пшеницы!) позволяютъ въ рѣзко очерченныхъ рамкахъ отвѣтить на поставленный вопросъ.

Придавая пшеницѣ значеніе типическаго «рыночнаго» товара, мы можемъ задать вопросъ: каково было отношеніе указной цѣны этого товара въ эдиктѣ къ рыночнымъ цѣнамъ той же эпохи? Какъ извѣстно, Моммсенъ въ 1851 г., предположительно опредѣляя «цѣнность» динарія не ниже, чѣмъ въ 8,6 пф., высказалъ въ связи съ этимъ предположеніе, что указныя цѣны эдикта суть цѣны, приблизительно въ 5—6 разъ превышающія уровень обычныхъ рыночныхъ цѣнъ. Теперь мы знаемъ, что Моммсенъ въ цитированномъ сочиненіи ошибочно опредѣлилъ цѣнность Діоклеціанова динарія приблизительно въ 5 разъ выше, чѣмъ она оказалась согласно элатейскому фрагменту; внося эту поправку въ его утвержденіе, мы уже подходимъ къ выводу, что указная цѣна пшеницы въ эдиктѣ Діоклеціана вѣроятно могла быть весьма близкой къ цѣнѣ рыночной. Это заключеніе согласуется съ тѣми выводами, къ которымъ приходятъ изслѣдователи вопроса о цѣнахъ на пшеницу въ Римской Имперіи. Цѣна пшеницы по эгирскому фрагменту въ 100 динаріевъ за лагерную мѣру (modius kastrensis) очень близка къ средней цѣнѣ въ 5 сестерціевъ, о которой говоритъ Плиній Старшій [334]), и къ тѣмъ цѣнамъ, которыя устанавливаетъ Фридлендеръ, опираясь на матеріалъ надписей [335]). Максимумъ Діоклеціана для пшеницы нѣсколько ниже этихъ цѣнъ: по расчету Рейнака [336]) гектолитръ пшеницы стоилъ по показанію Плинія 14,85 франковъ, по даннымъ Фридлендера—13,35, эдиктъ же Діоклеціана устанавливалъ максимальную норму въ 12,85 франковъ. Правда,

[334]) XVIII, 90. Плиній говоритъ тутъ собственно о цѣнѣ муки.

[335]) Ср. комментарій Блюмнера 61—63, гдѣ приведена литература.

[336]) Salomon Reinach. Le prix du blé dans l'édit de Dioclétien въ Revue numismatique 4-me série, tome 4-me. (1900), pp. 429—434.

такъ какъ по всей видимости эдиктъ 301 г. фактически былъ приспособленъ и нашелъ примѣненіе только къ востоку Имперіи [337]), то въ его максимальныхъ цѣнахъ мы должны искать всего скорѣе отраженія рыночныхъ цѣнъ въ восточныхъ частяхъ Имперіи; это, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду при сопоставленіи указныхъ цѣнъ эдикта съ цѣнами, извѣстными намъ для Италіи (цѣна Плинія и цѣны, выведенныя Фридлендеромъ). Однако, все-таки весьма вѣроятно, что указная цѣна пшеницы въ Діоклеціановомъ эдиктѣ прислонялась къ рыночной цѣнѣ той эпохи. Если это вѣрно, то тутъ указная цѣна на самомъ дѣлѣ представляла нормативное отвержденіе типической цѣнности [338]).

Тотъ же выводъ мы получимъ, беря другой распространенный и излюбленный предметъ потребленія—свиное мясо. Цѣна фунта

[337]) Объ этомъ спорятъ. Введеніе къ эдикту говоритъ о totus orbis, но цѣлый рядъ указаній наводитъ на мысль, что это выраженіе не слѣдуетъ понимать буквально и что эдиктъ имѣлъ силу только для провинцій, стоявшихъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Діоклеціана, т. е. для востока Имперіи.

[338]) Мой выводъ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, къ чему пришелъ Barbagallo въ замѣткѣ: Il prezzo del frumento in Ispagna, in Africa e in Oriente durante l'eta' imperiale romane [Zeitschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. Band IV (1906) SS. 653—673]. Ср. его же: Il prezzo del frumento durante l'eta' imperiale Romana in Grecia e in Italia въ Rivista di storia antiche 1905. Барбагалло полагаетъ, что эдиктъ имѣетъ прежде всего въ виду ту часть Имперіи, которою управлялъ самъ Діоклеціанъ, и что въ основу нормъ эдикта, такимъ образомъ, положены были цѣны востока Имперіи. Какъ я вижу въ моментъ печатанія настоящаго листа, Домашевскій предполагаетъ, что нормы эдикта Діоклеціана взяты послѣднимъ съ его родины, изъ Иллиріи, ибо „въ Иллиріи издавна цѣны товаровъ регулировались до мелочей таможенными пошлинами. Что имѣло силу на его родинѣ, въ Иллиріи, самой несвободной изъ всѣхъ странъ Имперіи, то онъ перенесъ на всю Имперію. Нелѣпость, заключающаяся въ томъ, что воинскій порядокъ былъ сдѣланъ порядкомъ жизни, не могло ни въ чемъ сказаться болѣе губительно". (A. von Domaszewski. Geschichte der römischen Kaiser. Zweiter Band. Leipzig 1909, SS. 319 — 320). Это предположеніе Домашевскаго, что иллирійскія „таможенныя" пошлины послужили прообразомъ Діоклеціанова регулированія цѣнъ, представляется мнѣ по существу не только недоказуемымъ, но и прямо фантастическимъ. Я не вижу никакихъ конкретныхъ данныхъ, на которыя могло бы опираться подобное предположеніе, а, вообще говоря, таможенное опредѣленіе цѣнности отправляется всегда отъ рыночныхъ цѣнъ, и затѣмъ, разъ таможенныя оцѣнки устанавливаются напередъ на болѣе или менѣе продолжительное время онѣ пріобрѣтаютъ условный и какъ бы чистотехническій характеръ.

свиного мяса по эдикту Діоклеціана не должна была превышать 12 динаріевъ. Съ другой стороны, мы знаемъ, что въ 363 г. императоръ Юліанъ указную цѣну свиного мяса, подлежащаго зачету при уплатѣ налоговъ, опредѣлилъ для Кампаніи въ 6 folles [339]). Follis въ данномъ случаѣ очевидно обозначалъ 21 счетныхъ динаріевъ Константиновой монетной системы, въ которой динарій составлялъ $^1/_9$ діоклеціанова динарія [340]). Отсюда явствуетъ, что, если по Діоклеціанову эдикту римскій фунтъ свиного мяса долженъ былъ продаваться приблизительно за 21 пф. или 10 коп., то по рескрипту Юліана его цѣна опредѣлялась приблизительно въ 24 пф. (12—13 коп.). Тутъ близость между указной цѣной эдикта и той цѣной, которую какъ рыночную предписывалъ соблюдать рескриптъ Юліана, выступаетъ весьма разительно [341]).

---

339) Cod. Theod. 14, 4, 3: Ea pretia, quae in Campania per singulos annos repperiuntur, suariis urbis Romae debent solvi, ita ut periculo suariorum populo porcinae species adfatim praebeatur. Et quia officialibus pro omni supplicio sufficit direptorum restitutio, quidquid ultra senos folles per singulas libras claruerit flagitatum, id fisci viribus protinus vindicetur (363).

340) Ср. Mommsen въ Hermes Bd. XXV (1890) SS. 17—35 = Juristische Schriften Bd. II SS. 323—340.

341) О цѣнѣ соленой свинины, которая (laridum optimum) въ Діоклеціановомъ эдиктѣ нормирована въ 16 денаріевъ за фунтъ, у насъ имѣются также другія показанія, относящіяся къ концу IV и началу V вѣка. Около 389 г. было сдѣлано распоряженіе, по которому солдаты въ пограничныхъ мѣстностяхъ вмѣсто натуральнаго довольствія получали деньги. При этомъ 80 фунтовъ соленой свинины шло за солидъ: Cod. Theod. 8 4, 17: Cum ante placuisset, ut a primipilaribus secundum dispositionem divi Gratiani species horreis erogandae comitatensibus militibus ex more deferrentur, limitaneis vero pretia darentur, nunc placuit, ut aurum ad officium inl (ustris) per Illyricum praefecturae cum certa taxatione, id est pro octogenis libris laridae carnis, pro octogenis etiam lib (ris) olei et pro duodenis modiis salis singuli solidi perferantur. Такимъ образомъ цѣна этого продукта опредѣляется въ 15 пфенниговъ (около 7 копѣекъ). Эта цѣна ниже цѣны эдикта, но слѣдуетъ помнить, что она относится къ пограничнымъ мѣстностямъ, гдѣ продуктъ могъ быть и дешевле. Въ 419 г. было издано распоряженіе противъ злоупотребленій при скупкѣ соленой свинины для Рима, при чемъ упоминается, что 20 фунтовъ соленой свинины оцѣнивались въ 1.000 динаріевъ. Cod. Theod. 14, 4, 10: Possessores quoque, qui pro larido millenos denarios in vicenis libris solebant conferre, suariis in pretio exsolvant. Это значитъ, что фунтъ соленой свинины стоилъ 10 пфенниговъ, т. е. около 5 коп. Цѣна эта гораздо ниже указанной въ Діоклеціановомъ эдиктѣ, но въ послѣднемъ прямо упомянутъ лучшій сортъ соленой свинины. Къ тому же не

Итакъ, поскольку дѣло идетъ о цѣнахъ такихъ важныхъ благъ, какъ пшеница и свиное мясо, благъ, которыя для того времени такъ же, какъ и для нашего, можно считать типическими рыночными продуктами, нельзя согласиться съ мнѣніемъ Моммсена, высказаннымъ въ 1851 г., что цѣны эдикта 301 г. „сами по себѣ основываются на преходящемъ капризѣ законодателя и имѣютъ значеніе, лишь поскольку онѣ выражаютъ цѣнностное отношеніе товаровъ между собой“ [342a]).

X.

1. Регулированіе цѣнъ Галломъ и Юліаномъ (стр. 259—261). 2. Юліанъ-Отступникъ, ученикъ Платона, врагъ христіанства, въ своей соціальной политикѣ протягиваетъ руку христіанскому средневѣковью (стр. 261—262).

1. Если эдиктъ Діоклеціана по своему принципу не представлялъ никакого новшества въ полицейскомъ законодательствѣ Рима,—то неудивительно, что съ фіаско общаго регулированія цѣнъ не исчезла идея такого регулированія и не прекратилась соотвѣтствующая практика.

Принципіально къ эдикту Діоклеціана примыкаютъ и тѣмъ же духомъ проникнуты мѣропріятія по регулированію цѣнъ Галла [342b]) и Юліана[343]). На дѣятельности Юліана[344]) слѣдуетъ остановиться въ

вполнѣ ясно, чтобы во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ терминами optimum laridum, larida carno и просто laridum означался одинъ и тотъ же продуктъ. Иначе совершенно все это выходитъ у Зэка (Zeitschrift für Numismatik 1890, SS. 74 — 76), но онъ при опредѣленіи цѣнъ послѣконстантиновой эпохи, константиновъ динарій принимаетъ за діоклеціановъ. Что касается цѣнъ Діоклеціанова эдикта, то Зэкъ считаетъ, что они скорѣе (viel eher) стояли ниже рыночной цѣны, чѣмъ выше ея

Во всѣхъ нормахъ Θеодосіева Кодекса о цѣнѣ свинины, свѣжей и соленой, очевидно, всегда имѣется въ виду рыночная цѣна, опредѣляемая дѣйствительнымъ оборотомъ. Ср. Cod. Th. 14, 4, 2: ea pretia . . . . quae usus publicae conversationis adtulerit.

[342a]) Вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и то, что въ полемикѣ съ Dureau de la Malle писалъ Родбертусъ въ статьѣ Zur Frage des Sachwerts des Geldes im Altertum въ Hildebrands Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik. Bd. XV (1870) SS. 222—232.

[342b]) Амміанъ Марцеллинъ XIV, 7.

[343]) Противоположное мнѣніе Бюхера устраняется всѣмъ нашимъ предшествующимъ изложеніемъ.

[344]) Объ Юліанѣ существуетъ огромная литература, которую здѣсь не имѣетъ смысла приводить, такъ какъ она для нашей темы не даетъ ничего кромѣ фактовъ, за которыми мы предпочитаемъ обращаться къ первоисточникамъ. На нихъ поэтому мы только и ссылаемся.

виду того, что въ ней—какъ мы уже указали—вскрывается идеологическая подкладка этой политики. Амміанъ Марцеллинъ упрекаетъ Юліана въ томъ, что „онъ среди важныхъ и серьезныхъ заботъ ... безъ всякаго основательнаго повода, исключительно ради популярности хлопоталъ о дешевизнѣ продуктовъ; а дѣло это такое, что, если его неудачно повести, то обыкновенно въ результатѣ бываетъ голодъ". „Хотя антіохійскій сенатъ—продолжаетъ нашъ источникъ—открыто заявилъ, что установить дешевыя цѣны въ ту пору, когда требовалъ того императоръ, совершенно невозможно, тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ съ такимъ же упорствомъ, какъ братъ его Галлъ, хотя не доходилъ впрочемъ до пролитія крови"[345]). Какими личными побужденіями руководился Юліанъ въ своей политикѣ регулированія цѣнъ,—этотъ вопросъ насъ не занимаетъ, хотя позволительно думать, что въ его обсужденіи Амміанъ Марцеллинъ не обнаружилъ ни проницательности, ни безпристрастія. Но какіе идейные мотивы обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ этой политикѣ,—это несомнѣнно представляетъ крупный интересъ съ нашей точки зрѣнія. Защищая свою политику въ Антіохіи, Юліанъ самъ въ своемъ автобіографическомъ памфлетѣ „Мизопогонъ" раскрываетъ эти мотивы. Онъ говоритъ, что онъ не считался съ тѣмъ, сколько въ Антіохіи лавокъ, и возстановилъ противъ себя тѣхъ, кто торгуетъ предметами необходимости, запретивъ имъ продавать эти предметы гражданамъ и чужестранцамъ по произвольной цѣнѣ. А торговцы жалуются на землевладѣльцевъ, и онъ, Юліанъ, такимъ образомъ и послѣднихъ возстановилъ противъ себя, принуждая ихъ поступать справедливо. Съ торговцами же и землевладѣльцами заодно и должностныя лица, такъ какъ и они извлекаютъ выгоду изъ угнетенія народа [346]). Но—продолжаетъ Юліанъ—меня спросятъ, съ чего я вздумалъ углубляться въ гра-

---

345) Амміанъ Марцеллинъ XXII, 14 (по переводу Ю. А. Кулаковскаго: Амміанъ Марцеллинъ. Исторія. Переводъ съ латинскаго. Вып. II. Кіевъ 1907 г.).

346) Μισοπώγων ἢ Ἀντιοχικὸς 349—350: Οὐχ ὁρᾷς, ὁπόσα μὲν ἐν τῇ πόλει ταύτῃ καπηλεῖα (выраженіе то же, что у Платона въ „Законахъ"); σὺ δὲ ἀπεχθάνῃ τοῖς καπήλοις οὐ ξυγχωρῶν ὁπόσου βούλονται πωλεῖν αὐτοῖς τῷ δήμῳ τὰ ἐπιτήδεια, καὶ τοῖς ἐπιδημοῦσιν. Οἱ δὲ τοὺς κεκτημένους τὴν γῆν αἰτιῶνται. σὺ δὲ καὶ τούτους ἐχθροὺς ποιεῖ σαυτῷ τὰ δικαία ποιεῖν ἀναγκάζων. οἱ δὲ ἐν τέλει τῆς πόλεως ἀμφοῖν μετέχοντες ταῖν ζημίαιν, ὥσπερ οἶμαι πρότερον ἔχαιρον διχόθεν καρπούμενοι τὰς ὠφελείας, καὶ ὡς κετημένοι, καὶ ὡς καπηλεύοντες, τὰ νῦν εἰκότως λυποῦνται δι' ἀμφοτέρων ἀφῃρημένοι τὰς ἐπικερδείας.

жданскія сдѣлки и произносить надъ ними свой судъ? [347]). Этому императора научилъ его воспитатель. А послѣдній въ свои заблужденія—иронически говоритъ Юліанъ—былъ вовлеченъ другими, часто осмѣянными людьми: Платономъ, Сократомъ, Аристотелемъ и Ѳеофрастомъ. Имъ неразумно слѣдовалъ старикъ-воспитатель, соблазнившій и его, императора. Затѣмъ у Юліана слѣдуютъ ссылки на «Законы» Платона и насмѣшливыя нападки на свободолюбіе антіохійцевъ, которое императоръ характеризуетъ, какъ анархическую распущенность. Антіохійцы позволяютъ своимъ женамъ самимъ управлять собой и воспитывать дѣтей тоже въ духѣ распущенности. Все свое счастье антіохійцы полагаютъ въ томъ, чтобы не подчиняться ни богамъ, ни законамъ, ни «намъ, стражамъ законовъ» (номофилакамъ!) [348]) Дальше идетъ у Юліана полемика противъ антіохійцевъ какъ почитателей «Хи» (Христа).

Въ заключеніе императоръ возвращается къ основному источнику ненависти антіохійцевъ къ нему и разсказываетъ довольно подробно о своемъ неудачномъ опытѣ регулированія цѣнъ, разбившемся о своекорыстіе богатыхъ и вліятельныхъ людей города [349]).

2. Передъ нами тутъ въ лицѣ Юліана — философъ-правитель[350]), сознательно пытающійся осуществлять соціально-политическія идеи великихъ учителей древности и, прежде всего, Платона. Въ политикѣ Юліана нѣтъ ни малѣйшаго слѣда демократизма.

---

[347]) 353: . . . . . ἀλλὰ τί παθὼν αὐτὸς ἐπιχειρεῖς ἀκροᾶσθαι περὶ τῶν συμβολαίων καὶ δικάζειν;

[348]) 356: ἔνθεν οἶμαι συμβαίνει μάλα ὑμῖν εὐδαίμοσιν εἶναι πᾶσαν ἀρνουμένοις δουλείαν ἀπὸ τῆς εἰς τοὺς θεοὺς πρῶτον, εἶτα τοὺς νόμους καὶ τρίτον τοὺς νομοφύλακας ἡμᾶς О „номофилакахъ“, стражахъ закона, см. у Платона „Законы“ 752—755.

[349]) Какъ явствуетъ изъ изложенія самого Юліана и изъ разсказа Либанія въ его „Επιτάφιος ἐπ Ἰουλιανῷ“, это было общее регулированіе цѣнъ, Юліанъ говоритъ 368—369: Ἐπεὶ δ᾽ ἑώρων ἀληθῆ τὴν τοῦ δήμον φωνὴν, καὶ τὴν ἀγορὰν οὐχ ὑπ᾽ ἐνδείας ἀλλ᾽ ὑπ ἀπληστίας τῶν κεκτημένων στενοχωρουμένην, ἔταξα μέτριον ἑκάστου τίμημα καὶ δῆλον ἐποίησα πᾶσιν. Либаній разсказываетъ такъ 195: συγκαλέσας δὲ γεωργοὺς καὶ χειροτέχνας καὶ καπήλους καὶ πάντων ἁπλῶς τιμὰς ὠνίων ἀναγκάσας νόμω σωφρονεῖν. Другое чтеніе, которое принимаютъ и Reiske и Förster: τιμητὰς. Ср. Sievers. Das Leben des Libanius. Berlin 1868. S. 99.

[350]) Какъ философа на тронѣ его чтило и населеніе. Ср. любопытную надпись въ честь Юліана: Τὸν ἐκ φιλοσοφίας βασιλεύοντα καὶ δικαιοσύνῃ τε κα ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς πᾶσαν διειληφότα τὴν ὑφ᾽ ἡλίῳ Φλ. Κλαυδ. Ἰουλιανὸν τὸν μέγιστον

Это—властная опека сверху, вовсе не считающая бѣдняковъ равноправными[351]) и иронически относящаяся къ свободолюбію, но въ то же время рѣзко враждебная соціальному эгоизму богачей. Монархъ чувствуетъ себя, какъ философа, стоящимъ неизмѣримо выше преданной страстямъ толпы, можно сказать, любуется собой какъ мудрецомъ и, въ качествѣ такового, считаетъ себя призваннымъ къ властному вмѣшательству въ жизнь,—воззрѣніе и настроеніе чисто платоновское. Въ своей соціальной политикѣ ученикъ Платона Юліанъ Отступникъ, врагъ христіанства, протягиваетъ руку христіанскому средневѣковью. Его государственная дѣятельность точно проникнута духомъ канонической доктрины.

Такъ обнаруживается знаменательная связь двухъ культурныхъ эпохъ, и мы нащупываемъ, какъ въ эллинистически - римскомъ мірѣ зрѣютъ и идеологически подготовляются нѣкоторыя основы средневѣковой культуры.

XI.

1. Регулированіе цѣнъ въ Римской Имперіи въ связи съ переложеніемъ натуральныхъ повинностей на деньги (стр. 262—265). 2. Регулированіе цѣнъ у Кассіодора и Юстиніана.—Репрессіи противъ соглашеній торговцевъ и промышленниковъ.—Общее замѣчаніе о соотношеніи между промышленной полиціей и промышленными корпораціями (стр. 265—273).

1. Если, въ особенности со II вѣка, полицейское регулированіе цѣнъ становится въ Римской Имперіи обычнымъ явленіемъ, то послѣ Діоклеціана въ IV, V и VI вѣкахъ оно еще расширяется и закрѣпляется[352]). Это регулированіе цѣнъ отчасти стоитъ въ тѣсной связи съ дальнѣйшимъ развитіемъ и отвержденіемъ тяглыхъ, или принудительныхъ корпорацій. Принципіально, однако, все регулированіе цѣнъ послѣ Діоклеціана ничѣмъ не отличается

καὶ θειότατον αὐτοκράτορα Αὔγουστον. Bull. de corresp. hellenique XIII (1889), p. 35. Ср. также Inschriften von Pergamon (Max Fränkel) № 633.

[351]) Въ этомъ смыслѣ въ „Мизопогонѣ“ есть весьма характерное мѣсто. Юліанъ упрекаетъ антіохійцевъ въ томъ, что они посадили въ совѣтъ бѣдняка, т. е. къ государственной дѣятельности призвали „отбросы“ общества.

[352]) Сжатый обзоръ послѣдіоклеціановскаго регулированія цѣнъ съ сылками на первоисточники даетъ Л. М. Гартманнъ въ своей работѣ: Urkunde einer römischen Gärtnergenossenschaft vom Jahre 1030. Mit Einleitung und Erläuterungen herausgegeben von Ludo Moritz Hartmann. Freiburg i. B. 1892. Ср. также Ivo Pfaff цит. выше сочиненіе.

отъ того, которое получило такое законченное выраженіе въ Діоклеціановомъ эдиктѣ. Это все—факты одного и того же порядка.

Установленіе указныхъ цѣнъ тутъ въ значительной мѣрѣ прислоняется къ образованію цѣнъ рыночныхъ, за ними слѣдуетъ. Оно становится прямо необходимымъ, технически неизбѣжнымъ для государства, поскольку оно допускаетъ замѣну натуральныхъ повинностей денежными сборами и превращеніе натуральнаго вознагражденія слугъ государства въ денежное. Свиньи, нужныя для кормленія Рима, превращались на основѣ рыночныхъ цѣнъ въ деньги. Тутъ дѣйствовалъ любопытный механизмъ, сознательно примѣнявшійся. Чѣмъ выше производители свиней подымали цѣну, тѣмъ больше они обязаны были платить въ возмѣщеніе лежавшаго на нихъ натуральнаго сбора [353a]). Такъ, путемъ превращенія въ деньги натуральнаго сбора, оказывалось вліяніе на рынокъ и умѣрялась цѣна.

На этомъ примѣрѣ мы ясно видимъ, какъ стоящія въ связи съ системой обложенія государственныя покупки регулировали положеніе вещей на рынкѣ и какъ «частная» торговля не оказывалась «свободной», о чемъ мы говорили выше [353b]). Рыночная цѣна тутъ становится указной цѣной: legitimum pretium id est Roman

---

[353a]) Cod. Theod. 14, 4, 2: In arbitrio suo possesor habeat, ne suario pecuniam solvat, quod ideo permissum est, ne in aestimando porcorum pondere licentia suariis praebeatur. Quod si iuste porcos suariis aestimaverit, huic pecuniam possessor, cui pensitationis utriusque copia est indulta, numerabit. Ne autem suario in suscipienda pecunia detrimenti aliquid adferatur, singulis quibusque annis ea pretia porcinae possessor adnumeret, quae usus publicae conversationis adtulerit. Et quoniam non semper nec in omnibus locis una est forma pretiorum, pro diversitate locorum et temporum in specie pretia danda sunt, nisi ipsa porcina praestetur. Iudices autem regionum monendi sunt, ut per singulos annos ad scientiam tuam referant, quae in quibus locis sunt pretia porcinae, ut instructione hac a tua gravitate perpensa tunc demum suarii per diversa proficiscantur et pretia suscipiant, quae in his regionibus versari cognoveris. Queri enim suarii non poterunt, quia nihil interest, carius an vilius comparent, cum, quantum pretium daturi sunt, a possessore accipiant; et possessores erunt moderati in specie distrahenda, cum se sciant, quanto maiora pretia pro carne poposcerint, tanto plus suariis soluturos.

[353b]). Тонкія замѣчанія па этотъ счетъ у Родбертуса. Zur Frage des Sachwerts etc. въ Hildebrands Jahrbücher Bd. XIV, SS. 391—401, какъ всегда, однако, съ безмѣрнымъ преувеличеніемъ значенія натуральнаго хозяйства.

fori, какъ выражается указъ Валентиніана и Валента 367 г. (?) [354]). Конечно, тогда не было биржевыхъ «отмѣтокъ», но рыночную цѣну знали и съ ней сообразовались, въ мѣру своего хотѣнія и умѣнія [355]).

Поскольку натуральное жалованье слугъ государства переводилось на денежное, римская власть превосходно различала между вольной, мѣняющейся, рыночной, биржевой цѣной и какъ-нибудь фиксированной, указной, или уставной цѣной. Въ эпоху рѣзкаго разстройства и колебанія валюты неизбѣжно было выражать оплату слугъ государства въ натурѣ, при упорядоченіи денежнаго обращенія становилось фактически возможнымъ и технически удобнымъ — выражать натуру въ деньгахъ, таксировать ее. Въ зависимости отъ положенія денежнаго обращенія то запрещалось переводить жалованье на деньги, то, наоборотъ, такой переводъ поощрялся и предписывался [356]). Поскольку допускался переводъ или оцѣнка «анноны» на деньги — это называлось adaeratio [357])—источники различаютъ два ея вида: оцѣнку на основаніи рыночныхъ цѣнъ и оцѣнку на основаніи указныхъ цѣнъ, таксировку. При этомъ мы видимъ, какъ вторая оцѣнка вытѣсняетъ первую. Сперва при переводѣ «анноны» на деньги

[354]) Cod. Theod. 14, 4, 4.

[355]) Гартманнъ (l. c. S. 7) ставитъ вопросъ: Die Frage, die sich einem aufdrängt, ist nun ob man darunter (т. е. подъ цѣной in foro rerum venalium) den Marktpreis im heutigen Sinne zu verstehen hat, den Preis, der nach Nachfrage und Angebot schwankt und heutzutage in einer bloss constatirenden Cursnotirung zum Ausdruck kommt, oder einen Preis, der, allerdings mit Rücksicht auf die Lage des Marktes, von einem Beamten octroyirt wird. И онъ отвѣчаетъ: jedenfalls muss man sich für die spätere Zeit für die letztere Möglichkeit entscheiden. Это совершенно вѣрно, но тутъ одинаково существенно и то, что цѣна назначается властью, и то, что эта указная цѣна прислоняется къ процессу свободнаго образованія цѣнъ — часто это выражается въ прямомъ признаніи за рыночной цѣной нормативнаго значенія.

[356]) Cod. Theod. 7, 4, 18 (393 г.). 30 (409 г.). Cod. Just. 12, 37, 13. Cod. Theod. 7, 4, 31 (409 г.), 35 (423 г.). Cod. Theod. 8, 4, 17 (389 г.). Cod. Theod. 11, 17, 3. Мѣтко поэтому говоритъ Mommsen (Observ. epigraphicae въ Ephemeris epigr. V, p. 645): restituta . . . moneta iam universa administratio retentis vocabulis re ad solutionem pecuniariam rediit, frumentaria sublata. Haec qui recte intellexit, dico adfrumentationem (si venia est verbo) pecuniae et rursus adaerationem frumenti, simul monetae Romanae et ruinam et restitutionem animo comprehendet.

[357]) Ср. Humbert s. v. у Daremberg-Saglio, Seek s. v. у Pauly-Wissowa.

повидимому, предоставлялось вообще получать ее по рыночной оцѣнкѣ [358]); потомъ это сдѣлалось привилегiей высшихъ чиновъ, а рядовые солдаты, на основанiи какого-то общаго закона Валентинiана, получали по таксѣ [359]). Наконецъ, при Θеодосiи Второмъ въ 439 г. и для высшихъ чиновъ оцѣнка анноны стала опредѣляться по таксѣ [360]). Такъ мы видимъ въ этой области вытѣсненiе вольной цѣны указной [361]).

2. Прямое регулированiе цѣнъ въ послѣдiоклецiановомъ полицейскомъ правѣ наиболѣе яркое свое выраженiе получило въ мѣропрiятiяхъ 1) перваго министра Теодориха Остготскаго Кассiодора [362]) и 2) императора Юстинiана. Въ мѣропрiятiяхъ

[358]) Ср. Cod. Theod. 7 4, 10 (364): Protectores fori rerum venalium iuxta veteris moris observantiam in annonarum suarum conmoda pretia consequantur. Этотъ законъ, правда, относится къ императорской лейбъгвардiи, но, повидимому, устанавливаемый тутъ принципъ первоначально имѣлъ общее значенiе. О protectores см. Gothofredus комментарiй къ Cod. Theod. VI, 24, Mommsen, Observationes epigraphicae въ Ephemeris epigraphica, Vol. V (1884), pp. 121—141, 647—648 и Marquart-Domaszewski. Römische Staatsverwaltung II², SS. 609—611.

[359]) Cod. Theod. 7, 4, 22: Neque scholae neque vexillationes comitatenses aut palatinae neque legiones ullae neque auxilia, qualeslibet ad provincias delegatorias de specierum praebitione pertulerint, audiantur, si pretia poscant ultra ea, quae generali lege divi patris senioris Valentiniani constituta sunt. Nec enim fas est, ut exigendis annonis militum nostrorum servientes nova possessoribus pro arbitrio proprio indicant. Sine mentione etiam pretiorum nullam delegationem valere praecipimus.

[360]) Cod. Just. 1, 52: Omnibus tam viris spectabilibus quam viris clarissimis iudicibus, qui per provincias sive militarem sive civilem administrationem gerunt, nec non comiti commeciorum, magistro aeris sive privatae rei, rationali per Ponticam atque Asianam diocesin et adsessoribus iudicum singulorum in praebendis solaciis annonarum hic fixus ac stabilis servabitur modus, ut ea pro annonis et capitu dignitati suae debitis pretia consequantur, quae particularibus delegationibus soleant contineri.

[361]) При Анастасiи въ концѣ V-го вѣка очевидно вновь стала практиковаться оцѣнка анноны по рыночной цѣнѣ, κατὰ τὴν τράπεζαν. Cod. Just. 12, 37, 19: Εἰ δὲ καὶ στρατιώτης ἐξαργυρίσαι βουληθείη τὰς παρεχομένας αὐτῷ ἀννόνας λήψεται τὰ χρήματα κατὰ τὴν τράπεζαν.

[362]) Cassiodori Senatoris Variae recensuit Th. Mommsen (M. G. H. Auctores antiquissimi, tomus XII. Berolini 1894). Англiйскiй (нѣсколько сокращенный) переводъ съ введенiемъ и примѣчанiями: Thomas Hodgkin. The Letters of Cassiodorus being a condensed translation of the variae epistolae of Magnus Aurelius Cassiodorus Senator. London 1886. Кассiодоръ жилъ и дѣйствовалъ въ эпоху съ 480 по 578 г. по Р. Хр.

Кассіодора и Юстиніана замѣчательна та законченность, въ которой передъ нами выступаетъ политика цѣнъ: дѣло тутъ, очевидно, идетъ не о смѣлыхъ опытахъ съ чѣмъ-то новымъ и не о робкихъ дѣйствіяхъ ощупью, а о твердо установившейся, само собой понятной практикѣ Но въ то же время даже у Кассіодора нельзя не отмѣтить того, что и въ эпоху полнаго торжества и развитія полицейскаго регулированія цѣнъ римское правосознаніе еще продолжало дорожить принципомъ свободнаго образованія цѣнъ. Даже постановленія, исходившія отъ Кассіодора, отражаютъ на себѣ ту же борьбу идей регулированія и свободы [363]), какую мы уже констатировали въ Юстиніановомъ кодексѣ, когда онъ ставитъ и разрѣшаетъ, на основаніи всей предшествующей практики, вопросъ о «чрезмѣрномъ ущербѣ».

До насъ дошелъ изданный въ Равеннѣ и принадлежащій Кассіодору, какъ praefectus praetorio, эдиктъ о соблюденіи цѣнъ —edictum de pretiis custodiendis (533—537 год. по Р. X.). Эдиктъ этотъ гласитъ:

> Продажныя цѣны съѣстныхъ припасовъ должны быть подчинены условіямъ времени такъ, чтобы ни при изобиліи не было дороговизны, ни при недостаткѣ не было бы излишней дешевизны, но чтобы при соблюденіи справедливости ни покупатели не могли роптать, ни продавцы жаловаться. Въ виду этого, взвѣсивъ всѣ обстоятельства и точнымъ рас-

[363]) Ср. напр. Variae IX, 14: Navigiis vecta commercia te suggerunt occupare et ambitu cupiditatis exosae solum angusta pretia definire: quod non creditur a suspicione longinquum, etiamsi non sit actione vitiosum. quapropter si rumorem huiusmodi, ut convenit, vitare festinas, episcopus civitatis et populus conscientiae tuae testes assistant. omnibus placeat, quod ad cunctorum necesse est pertinere fortunas. pretia communi debent deliberatione constitui, quia non est delectatio commercii, quae iubetur invitis.

Ср. также IV, 5, 2—3: Atque ideo devotio tua praesenti auctoritate cognoscat omnes navicularios Campaniae, Lucaniae sive Tusciae fideiussoribus idoneis se debere committere, ut cum victualibus speciebus tantum proficiscantur ad Gallias, habituri licentiam distrahendi sic ut inter emptorem venditoremque convenerit. Grande commodum est cum indigentibus pacisci: quando fames totum solet contemnere, ut suam necessitatem possit explere. nam cum ambitioni suae serviat, prope modum donare videtur, qui vendit rogatus. ad saturatos cum mercibus ire certamen est: suo autem pretium poscit arbitrio, qui victualia potest ferre ieiunis.

четомъ установивъ цѣны разныхъ товаровъ, мы ихъ ниже приложили съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда были устранены всякія неясности и твердо соблюдались опредѣленныя цѣны. Если же кто-либо изъ продавцевъ не будетъ соблюдать того, что предписывается настоящимъ эдиктомъ, то за каждое нарушеніе онъ будетъ подвергнутъ штрафу въ 6 солидовъ и можетъ претерпѣть тѣлесное наказаніе, дабы его устрашала угроза кары и чувствительно поражалъ вышесказанный денежный штрафъ [364]).

Тотъ тарифъ цѣнъ, о которомъ упоминаетъ Кассіодоръ, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ, и, такимъ образомъ, какъ справедливо было замѣчено, одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ документовъ, которые могъ Кассіодоръ передать потомству, оказывается утраченнымъ [365]).

Рядомъ съ Равеннскимъ эдиктомъ о цѣнахъ, тому же Кассіодору принадлежитъ эдиктъ о регулированіи цѣнъ на Via Flaminia, дорогѣ, съ сѣвера ведшей въ Римъ. Этотъ эдиктъ [366]) въ

---

[364]) XI, 11: Venalitas victualium rerum temporis debet subiacere rationi, ut neque in vilitate caritas nec in caritate vilitas expetatur, sed aequalitate perpensa et murmur ementibus et gravamen querulis negotiatoribus auferatur. Atque ideo trutinatis omnibus et ad liquidum calculatione collecta diversarum specierum pretia subter affiximus, ut omni ambiguitate summota definitarum rerum debeat manere custodia. si quis autem vendentium non servaverit quae praesentis edicti tenor eloquitur, per singulos excessus sex solidorum multam a se noverit exigendam et fustuario posse subiacere supplicio, quatinus eum et damni metus terreat et praedicta poena vehementer affligat.

[365]) Cp. Hodgkin, l. c. p. 470: unfortunately, Cassiodorius believed that his rhetoric and his natural history would be more interesting to us than these vulgar facts.

[366]) XI, 12: Si otiosi populi urbium singularum sub pretiorum iustitia continentur, quanto magis debet laborantibus subveniri, ne utilitas commeantium sauciotur discrimine fortuitorum! et ideo susceptio transeuntium requies debet esse curarum, ne quod ad levamen iuventum esse constat, detestabile potius gravamen infligat. recipiatur hospes ad pretia definita: iniquitatem non patiatur avaram qui invitatur ad gratiam, quando turpis aucupatio est terrere enormitate pretii et susceptione blandiri. Praedoni similis est, qui sub iniqua cupit voluntate distrahere: utrosque enim constat aliena velle diripere et considerationem iustitiae non habere. nescitis quanta possitis adquirere moderati? ultro ad commoda vestra veniunt, qui vos temperanter agere posse cognoscunt. nullus ergo se aestimet, quod est familiare semper absentium, longinquitatis oblivione defendi, quando ad nos cotidie veniunt qui vestra mercimonia patiuntur. Cavete

исторіи регулированія цѣнъ любопытенъ тѣмъ, что въ немъ мы, повидимому, впервые встрѣчаемся съ опытомъ регулированія гостинничныхъ цѣнъ, т. е. со спеціальной охраной особой категоріи потребителей отъ эксплоатаціи ея продавцами: recipiatur hospes ad pretia definita [367]). Примѣненіе указной цѣны къ гостинничному довольствію встрѣчается и въ позднѣйшія эпохи, а именно въ раннія эпохи новой исторіи власть занимается регулированіемъ этой области [368]). Такимъ образомъ, современная ресторанная карточка есть своеобразное компромиссное порожденіе указной и вольной цѣны. Это совершенно ясно обнаруживается и въ настоящее время на такихъ переходныхъ экономическихъ формахъ, какъ утверждаемые жандармскими властями тарифы цѣнъ на кушанья въ русскихъ желѣзнодорожныхъ буфетахъ.

Укрѣпленіе и расширеніе къ VI-му вѣку практики регулированія цѣнъ видно изъ сопоставленія слѣдующихъ фактовъ. Во II вѣкѣ императоры Маркъ Аврелій и Люцій Веръ (161—169 год. по Р. Х.) установили, съ одной стороны, что декуріоны не обязаны продавать своимъ согражданамъ хлѣбъ по цѣнѣ болѣе низкой, чѣмъ рыночная; а съ другой стороны, что городской совѣтъ не имѣетъ права нормировать цѣну зерна [369]). Въ этихъ нормахъ не выра-

potius damna multarum, qui lucrorum aviditates appetitis. sex enim solidorum dispendium se noverit sustinere et laceratione corporis affligendum, si quis aliter vendendum esse crediderit, quam miles noster in rem directus pretia cum civibus atque episcopis locorum habita deliberatione censuerit. sufficere enim debent omnibus honesta lucra de civibus, ne obsessa potius itinera videantur esse latronibus.

[367]) Конечно, гостинничное довольствіе того времени, имѣло другія формы, чѣмъ то, которое практикуется въ современныхъ ресторанахъ и гостинницахъ.

[368]) Ср. Австрійскую Ordnung guter Policey wie solliche von der fürstlichen Durchleuchtigkeit Herrn Carl Ertzhertzogen zu Osterreich etc. im 1577 Jare vernewert aufgericht und bestett worden mit Fürstl. Durchl. Ertzhertzog Carl zu Oesterreich etc. . . . 1577. Getruckt zu Augsburg durch Michael Manger 1577. (Конволутъ X $\frac{VI}{5}$ 15 Имп. Публ. Библ.) въ отдѣлѣ Theurerzerung bey den Wirten (SS. 9—10) заключается приказъ тарифировать и публиковать гостинничныя цѣны и дифференцировать гостиничные счета. Глава XXVIII. Churfürstlich Brandenburgische Polizeiordnung 1688 г. заключаетъ въ себѣ Zehrungs-Tax und Ordnung для содержателей гостинницы.

[369]) D. 48, 12, 3: Imperatores Antonius et Verus Augusti in haec verba rescripserunt: Minime aequum est decuriones civibus suis frumentum vilius quam annona exigit vendere. Item scripserunt ius non esse ordini

жается, конечно, никакого принципіальнаго ограниченія идеи регулированія цѣнъ. Вторая изъ указываемыхъ нами нормъ имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что городское самоуправленіе не въ правѣ регулировать цѣны на хлѣбъ — это есть дѣло высшихъ властей. Въ VI вѣкѣ Кассіодоръ въ своихъ наказахъ defensor'у [370]) и curator'у civitatis [371]), которые въ то время были выборными должностными лицами [372]), прямо поручаетъ имъ нормировать цѣны.

Въ эдиктѣ, регулирующемъ цѣны на Via Flaminia, установленіе справедливыхъ цѣнъ возлагается на спеціальное должностное лицо, которое должно назначить эти цѣны по совѣщаніи съ гражданами и епископами данной мѣстности: miles noster in rem directus pretia cum civibus atque episcopis locorum habita deliberatione censuerit. Слѣдуетъ замѣтить, что участіе духовной власти въ регулированіи цѣнъ вырисовывается уже въ IV-мъ вѣкѣ, когда это участіе носитъ еще чисто увѣщательный характеръ [373]). Участіе духовной власти въ регулированіи цѣнъ именно въ той формѣ, которую выработало позднѣйшее римское право, мы най-

---

cuiusque civitatis pretium grani quod invenitur statuere. Соотвѣтственно этому тексту слѣдуетъ исправить сказанное выше на стр. 255 въ примѣчаніи 267.

[370]) Cassiodori Variae VII, 11, 2:Formula defensoris cujuslibet civitatis: commercia civibus secundum temporum qualitatem aequabili moderatione dispone. definita serva quae iusseris, quia non est labor vendendi summas includere nisi statuta pretia castissime custodire. imples enim re vera boni defensoris officium, si cives tuos nec legibus patiaris opprimi nec caritate consumi.

[371]) Ibidem VII, 12, 2. Formula curatoris civitatis: Et ideo ab indictione illa illius civitatis curam ad te volumus pertinere, ut laudabiles ordines curiae sapienter gubernes, moderata pretia ab ipsis quorum interest facias custodiri. non sit merces in potestate sola vendentium: aequabilitas grata custodiatur in omnibus. opulentissima siquidem et hinc gratia civium colligitur, si pretia sub moderatione serventur, ut vere curatoris impleas officium, cum tibi sollicitudo fuerit de utilitate cunctorum. consuetudines autem tibi ex nostra auctoritate defende, quas in eodem loco tuos constat habuisse maiores.

[372]) Ср. Mommsen. Ostgothische Studien въ Historische Schriften. III. SS. 433—435.

[373]) Cod. Just. 1,4, 1 (364): De episcopali audientia et de diversis capitulis, quae ad jus curamque et reverentiam pontificalem pertinent. Negotiatores, si qui ad domum nostram pertinent,

демъ въ германскомъ правѣ среднихъ вѣковъ [374]). Въ этомъ взаимодѣйствіи полицейскаго регулированія и церковно-этическаго воздѣйствія органовъ духовной власти и совершается та христіанская переработка эллинистически-римскихъ началъ, о которой мы говорили выше и которая создала соціально-политическія идеи и учрежденія средневѣковья.

Соотвѣтственно практикѣ полицейскаго регулированія цѣнъ довольно рано, уже въ первые годы принципата, римское право создало спеціальную законодательную репрессію противъ соглашеній торговцевъ предметами потребленія, соглашеній, направленныхъ на возвышеніе цѣнъ послѣднихъ. Такова lex Julia de annona [375]), таковы мѣропріятія противъ дарданаріевъ, т. е. скупщиковъ товаровъ [376]).

Къ концу V вѣка по Р. Хр. эта тенденція борьбы со стачками торговцевъ сгущается въ абсолютный запретъ всякихъ монополій, направленный также и противъ монополистическихъ тенденцій тяглыхъ корпорацій, или цеховъ [377]). Въ этихъ нормахъ, вы-

---

ne commodum mercandi videantur excedere, Christianos, quibus verus cultus est, adiuvare pauperes et positos in necessitate provideant. Cp. Cod. Just. 4, 63, 1 и Cod. Theod. 13, 1, 5.

[374]) Къ политикѣ цѣнъ Кассіодора имѣютъ отношеніе еще слѣдующія мѣста изъ Variae: V, 16; VI, 18 (formula praefecturae annonae); IX, 5; X, 28; XI, 8; XII, 4; XII, 28. О политикѣ цѣнъ Кассіодора, которая стремилась къ установленію возможно болѣе низкаго уровня ихъ, ср. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, I, Gotha 1897. SS. 114—116.

[375]) D. 48, 12, 2: Ulpianus libro nono de officio proconsulis. Lege Julia de annona poena statuitur adversus eum, qui contra annonam fecerit sociatemve coierit, quo annona carior fiat. Eadem lege continetur, ne quis navem nautamve retineat aut dolo malo faciat, quo magis detineatur, et poena viginti aureorum statuitur.

[376]) D. 47, 11, 6: Annonam adtemptare et vexare vel maxime dardanariii solent: quorum avaritiae obviam itum est tam mandatis quam constitutionibus. mandatis denique ita cavetur: „Praeterea debebis custodire, ne dardanarii ullius mercis sint, ne aut ab his, qui coemptas merces supprimunt, aut a locupletioribus, qui fructus suos aequis pretiis vendere nollent, dum minus uberes proventus exspectant, annona oneretur". poena autem in hos varie statuitur: nam plerumque, si negotiantes sunt, negotiatione eis tantum interdicitur, interdum et relegari solent, humiliores ad opus publicum dari. (Ulpianus libro octavo de officio proconsulis). О дарданаріатѣ см. Humbert s. v. у Daremberg-Saglio, Mommsen Römisches Strafrecht S. 851 и Hitzig s. v. у Pauly-Wissowa.

[377]) Cod. Just. 4, 59, 2 (483 г. по Р. X.): Iubemus, ne quis cuiuscumque vestis aut piscis vel pectinum forte aut echini vel cuiuslibet alterius ad victum vel ad quemcumque usum pertinentis speciei vel cuiuslibet ma-

раженныхъ съ большой энергіей,—первое яркое обнаруженіе того антимонополистическаго духа, которымъ исторически проникнуто все европейское законодательство до своей окончательной капитуляціи передъ идеями абсолютной свободы экономической дѣятельности [378]).

Ту же тенденцію, только въ спеціальномъ примѣненіи къ представителямъ труда, выражаетъ Юстиніановъ эдиктъ 544 года о ремесленникахъ. Указавъ на то, что послѣ «божьей напасти»—подъ нею императоръ подразумѣваетъ чуму, опустошившую Константинополь [379])—различные промышленники и ремесленники, а также земледѣльцы и моряки не только не исправились, но, наоборотъ, предались жадности и стали требовать двойной и тройной платы сравнительно съ тѣмъ, что установилось на основаніи старинныхъ обычаевъ, императоръ продолжаетъ:

> посему мы признали за благо императорскимъ указомъ запретить подобную жадность и постановить, чтобы впредь ни одинъ промышленникъ, ни земледѣлецъ, ни ремеслен-

---

teriae pro sua auctoritate, vel sacro iam elicito aut in posterum eliciendo rescripto aut pragmatica sanctione vel sacra nostrae pietatis adnotatione, monopolium audeat exercere, neve quis illicitis habitis conventionibus coniuraret aut pacisceretur, ut species diversorum corporum negotiationis non minoris, quam inter se statuerint, venumdentur. Aedificorum quoque artifices vel ergolabi aliorumque diversorum operum professores et balneatores penitus arceantur pacta inter se componere, ut ne quis quod alteri commissum sit opus impleat aut iniunctam alteri sollicitudinem alter intercapiat: data licentia unicuique ab altero inchoatum et derelictum opus per alterum sine aliquo timore dispendii implere omnique huiusmodi facinora denuntiandi sine ulla formidine et sine iudiciariis sumptibus. Si quis autem monopolium ausus fuerit exercere, bonis propriis spoliatus perpetuitate damnetur exilii. Ceterarum praeterea professionum primates si in posterum aut super taxandis rerum pretiis aut super quibuslibet illicitis placitis ausi fuerint convenientes huiusmodi sese pactis constringere, quinquaginta librarum auri solutione percelli decernimus: officio tuae sedis quadraginta librarum auri comdemnatione multando, si in prohibitis monopoliis et interdictis corporum pactionibus commissas forte, si hoc evenerit, saluberrimae nostrae dispositions condemnationes venalitate interdum aut dissimulatione vel quolibet vitio minus fuerit executum.

[378]) Въ англійскомъ уголовномъ правѣ понятія: forestalling, ingrossing, regrating и conspiracy in restraint of trade. См. J. F. Stephen, A history of criminal law of England, III. London, 1883. PP. 199—203.

[379]) Объ этой чумѣ см. Ю. Кулаковскій. Исторія Византіи. Т. II Кіевъ, 1912. Стр. 284—285.

никъ, не могъ требовать цѣны или заработной платы, превышающей ту, которая соотвѣтствуетъ старинному обычаю. Мы приказываемъ также, чтобы тѣ, кто ведутъ учетъ трудамъ по возведенію построекъ, воздѣлыванію земли и инымъ работамъ, не уплачивали бы рабочимъ больше и по отношенію къ нимъ соблюдали старинные обычаи. Мы также приказываемъ соблюдать это тѣмъ, которые поручаютъ кому-либо какія-либо работы, либо покупаютъ какіе-либо товары: и имъ мы не позволяемъ давать больше, чѣмъ установлено обычаемъ. Да будетъ вѣдомо тѣмъ, кто требуетъ больше того, что слѣдуетъ имъ по старому обычаю: ихъ за это заставятъ заплатить казнѣ тройную сумму, если обнаружится, что они взяли или дали цѣну въ нарушеніе изначала установленной [380]).

Эта новелла—реальное значеніе ея насъ здѣсь не занимаетъ—есть прототипъ всего того многообразнаго позднѣйшаго законодательства разныхъ странъ, которое направлено противъ возвышенія самими трудящимися заработной платы и вообще оплаты труда[381]) и пережитки котораго сохраняются до сихъ поръ въ запретахъ, напримѣръ, коалицій и стачекъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Любопытно, что рядомъ съ законами, провозгласившими запретъ частныхъ монополій, при Юстиніанѣ широкое, хотя не вполнѣ ясное для насъ, развитіе получили государственныя монополіи на хлѣбъ и предметы первой необходимости. При этомъ, по свидѣтельству Прокопія, Юстиніанъ за уплату годового оклада уступилъ торговцамъ право установленія цѣнъ, что Прокопій характеризуетъ, какъ нѣчто весьма зловредное и противозаконное [382]). Это отно-

[380]) Nov. 122: "Ιδικτον περὶ διατυπώσεως τεχνιτῶν: Συνείδομεν τοίνυν διὰ θείου ἰδίκτου πᾶσιν ἀπαγορεῦσαι τὴν τοιαύτην πλεονεξίαν, καὶ μηδένα τοῦ λοιποῦ τολμᾶν πραγματευτὴν ἢ ἐργάτην ἢ τεχνίτην ἐξ οιαςδήποτε μεθόδου ἢ ἐμπορίας ἢ γεηπονίας πλείονα τῆς παλαιᾶς συνηθείας ἐπιζητεῖν τιμήματα ἢ μισθούς. κελεύομεν (δὲ) καὶ τοὺς τὰς μετρήσεις τῶν οἰκοδομικῶν καὶ γεηπονικῶν καὶ τῶν ἄλλων ἔργων ποιοῦντας μηδὲν πλέον λογίζεσθαι τοῖς ἐργαζομένοις, ἀλλὰ καὶ αὐτοῖς τὴν ἀρχαίαν συνήθειαν φυλάττειν. ταῦτα δὲ παραφυλάττειν κελεύομεν καὶ τούς επιτάττοντας οἱαδήποτε ἔργα ἢ καί τινα εἴδη ὠνουμένους. οὐδὲ γὰρ αὐτοῖς ἐξεῖναι πλέον τοῦ ἔθους τοῦ διατεταγμένου παρέχειν συγχωροῦμεν. γιγνωσκόντων τῶν πλέον τι τῆς παλαιᾶς συνηθείας ἐπιζητούντων, ὡς τριπλασίονα ποσότητα εἰςκομίσαι τῷ δημοσίῳ ἀναγκασθήσονται, εἰ παρὰ τὸ ἐξ ἀρχῆς διατεταγμένον λαβόντες ἢ δεδωκότες φανείησαν. Дальше слѣдуетъ „эпилогъ" съ карательными санкціями.

[381]) Ср. для Англіи Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера. Часть II. Москва, 1901. Глава первая: Черная смерть и рабочее законодательство четырнадцатаго вѣка. Для Исландіи Amira l. c. II, SS. 774.

[382]) Ἀνέκδοτα 24.

шеніе къ отчужденію монополіи въ частныя руки и къ самочинному установленію цѣнъ торговцами, а также ремесленниками —характерно для той эпохи и для всего средневѣковья вообще.

Въ римско-византійскомъ развитіи идеи и учрежденія полиціи цѣнъ наиболѣе интереснымъ является то, что регулированіе цѣнъ и рыночная и промышленная полиція вообще предшествуютъ тутъ и въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ собой появленіе па сцену профессіональныхъ корпорацій (цеховъ), какъ органовъ такой полиціи [383]). Не изъ существованія органовъ вытекаетъ ихъ функція, а функція либо сама создаетъ себѣ органы, либо уже существовавшіе для другихъ задачъ и цѣлей органы ставитъ себѣ на службу. Это именно то самое соотношеніе между промышленной полиціей и промышленными корпораціями, которое можно установить, слѣдя за развитіемъ цехового строя въ классической странѣ средневѣковыхъ цеховъ, въ Германіи [384]). Если таково реальное соотношеніе между органомъ и функціей въ цеховомъ строѣ, то въ значительной мѣрѣ теряетъ остроту и интересъ знаменитый вопросъ о преемственности организацій римскихъ и средневѣковыхъ. Интересъ сосредоточивается на исторіи функціи, а не органовъ.

XII.

1. Христіанизація римскаго полицейскаго права въ законодательствѣ Каролинговъ (стр. 273—275). 2. Уставы земскаго мира (стр. 276).

1. Политика цѣнъ Каролинговъ [385]) есть лишь продолженіе того, что мы видимъ въ Римѣ и Византіи. Замѣчательно въ ней лишь то, что тутъ передъ нами съ окончательною ясностью вы-

[383]) Вопросъ о цехахъ въ Византіи на основаніи открытаго и изданнаго Николемъ въ 1893 г. т. н. ἐπαρχικὸν βιβλίον Льва Мудраго, подвергнутъ обстоятельному изслѣдованію въ работѣ Albert Stöckle Spätrömische u. byzantinische Zünfte (Klio. Neuntes Beiheft) Leipzig. 1911.

[384]) Ср. уже указанное выше изслѣдованіе Keutgen'a.

[385]) Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. I², SS. 668 ff. Fritz Curschmann. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig, 1900. Franz Schaub. Der Kampf gegen den Zinswucher, ungerechten Preis und unlautern Handel im Mittelalter. Von Karl dem Grossen bis Papst Alexander III. Eine moralhistorische Untersuchung. Freiburg/B. 1905. Ср. критическую замѣтку Ф. Шнейдера о книгѣ Шауба: Fedor Schnei-

ступаетъ, такъ сказать, христіанизація римскаго полицейскаго права.

Дѣйствовалъ ли Карлъ Великій, устанавливая на франкфуртскомъ синодѣ максимумъ цѣнъ на хлѣбъ [386]), подъ прямымъ вліяніемъ Діоклеціанова эдикта, какъ думаетъ Зоммерладъ [387]), или нѣтъ — весьма несущественно. Помимо такого вліянія отдѣльнаго акта—вліянія въ данномъ случаѣ совершенно невѣроятнаго, ибо Діоклеціановъ эдиктъ былъ христіанскимъ потом-

der. Neue Theorien über das kirchliche Zinsverbot въ Vierteljahresschrift für Sozial- u. Wirtschaftsgeschichte V Bd. (1907) SS. 292—302. Theo Sommerlad. Die wirtschaftiiche Tätigkeit der Kirche in Deutschland. Zweiter Band. Leipzig, 1905. SS. 99—160. Ср. также Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ. Голодъ. Журналъ М. Н. Пр. 1903, мартъ.

[386]) Capitularia Regum Francorum I, p. 74: Statuit piissimus domnus noster rex, consentienti sancta synodo, ut nullus homo, sive ecclesiasticus sive laicus sit, ut numquam carius vendat annonam, sive tempore abundantiae sive tempore caritatis, quam modium publicum et noviter statutum de modio de avena denario uno, modio ordii denarius duo, modio sigalo denarii tres, modio frumenti denarii quatuor. Si vero in pane vendere voluerit, duodecim panes de frumento, habentes singuli libras duas pro denario dare debeat, sigalatius quindecim aequo pondere pro denario, ordeaceos viginti similiter pensantes, avenatios viginti quinque similiter pensantes. De vero anona publica domni regis, si venundata fuerit, de avena modius II pro denario, ordeo den. I, sigalo den. II, frumento modius denar. III. Et qui nostrum habet beneficium, diligentissime praevideat, quantum potest Deo donante, ut nullus ex mancipiis ad illum pertinentes beneficium famen moriatur; et quod superest illius familiae necessitatem, hoc libere vendat iure praescripto (794 г.).

Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Инама-Стернегга, который не хочетъ признавать въ постановленіи франкфуртскаго капитулярія полицейской таксы. Мысль Инамы заключается въ томъ, что регулированіе цѣнъ тутъ стояло въ связи съ денежной реформой Карла Великаго. Къ этому разсужденію примѣнимо всецѣло то, что мы выше говорили о толкованіи Бюхеромъ Діоклеціанова эдикта. Ср. вѣрное сужденіе Куршманна, l. c. S. 71.

Рядомъ съ общимъ тарифомъ хлѣбныхъ цѣнъ франкфуртскаго капитулярія мы видимъ спеціальный болѣе высокій тарифъ нимвегенскаго капитулярія 806 года, вызванный голодомъ (Boretius, I, p. 132). Изъ факта изданія этого спеціальнаго тарифа, конечно, вытекаетъ, что франкфуртскій общій тарифъ остался, какъ мы сказали бы теперь, на бумагѣ, и что самъ законодатель какъ будто съ этимъ примирился. Но это—общая судьба всѣхъ подобныхъ мѣропріятій, которыя по существу дѣла не могутъ входить въ жизнь.

[387]) Theo Sommerlad. l. c. S. 116.

ствомъ отчасти забытъ, отчасти тенденціозно осужденъ (Лактанцій!),—совершенно очевидно, что политика цѣнъ Рима и франкской монархіи движется по однѣмъ и тѣмъ же линіямъ [388]). Тутъ—вырабатываются въ то же время принципы и формулировки, которые потомъ лягутъ въ основу канонической доктрины о торговлѣ и правомѣрныхъ границахъ ея осуществленія [389]). Словомъ, совершается—черезъ церковь, подъ ея вліяніемъ, въ ея формулировкахъ — рецепція и переработка римскаго правового наслѣдія. Эта рецепція чрезъ посредство церкви римскаго полицейскаго права цѣнъ—еще одно лишнее свидѣтельство въ пользу

[388]) Регулированіе распространялось не только на предметы питанія: капитуларій 808 года устанавливаетъ цѣны на суконную и мѣховую одежду (Boretius I p. 140): De emptionibus et venditionibus, ut nullus praesumat aliter vendere et emere sagellum meliorem duplum viginti solidis et simplum cum decem solidis; reliquos vero minus; roccum martrinum et lutrinum meliorem triginta solidis, sismusinum meliorem decem solidis. Et si aliquis amplius vendiderit aut empserit, cogatur exsolvere in bannum solidos quadraginta, et ad illum qui hoc invenerit et eum exinde convicerit solidos viginti.

[389]) Ansegisi Capitularium I: De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra iustitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant. (p. 410). Quicumque enim tempore messis vel tempore vindemiae non necessitate sed propter cupiditatem comparat annonam aut vinum, verbi gratia de duobus denariis comparat modium unum et servat usque dum venundari possit contra denarios quatuor aut sex seu amplius, hoc turpe lucrum dicimus; si hoc propter necessitatem comparat, ut sibi habeat et aliis tribuat, negotium dicimus (p. 411). Ср. Capitulare missorum Niumagae datum 806 (ibidem p. 132). Ср. то, что говорилось нами выше (стр. 191—193) о Caroli Magni Notitia Italica. Суассонскій Капитуларій Пиппина 744 года рыночную полицію по римскому образцу (см. выше стр. 269—270) возлагаетъ на епископа: Et per omnes civitatis legitimus forus et mensuras faciat secundum habundantia temporis (ibidem p. 30). Ср. Schaub l. c. SS. 86—93 и интересныя и тонкія замѣчанія Ф. Шнейдера въ работѣ Das kirchliche Zinsverbot u. die kuriale Praxis im 13 Jahrhundert (Festgabe für Heinrich Finke. Münster i. W. 1904). Тутъ соціально-политическое законодательство Карла Великаго разсматривается какъ симптомъ т. н. каролингскаго ренессанса: man war am Hofe des grossen Kaisers sehr gelehrt, seine Weisen hatten die Dionysio-Hadriana, die von Hadrian I an Karl den Grossen geschenkte Sammlung, wohl studiert und wollte alle die schönen Gesetze der Väter auch für ihr Frankenreich haben... (l. c. S. 139).

того положенія, выше нами обосновываемаго, что и гражданско-правовой принципъ laesio enormis черезъ каноническія вліянія проникъ въ западное право и именно на этомъ пути получилъ то расширеніе и усиленіе, которое такъ рано и такъ ярко обнаруживается въ сферѣ нѣмецкаго права.

2. Позднѣйшее королевское законодательство уставовъ «земскаго мира», явившееся исходной точкой какъ имперскаго, такъ и земскаго (территоріальнаго) законодательства Германіи, подхватило принципъ регулированія цѣнъ властью. Такъ «имперскій земскій миръ» императора Фридриха I 1152 г. предписываетъ графамъ, выслушавъ семь добрыхъ людей, озаботиться послѣ Рождества пресвятой Богородицы соотвѣтствующимъ условіямъ года опредѣленіемъ цѣны хлѣба и нарушителямъ угрожаетъ весьма чувствительнымъ денежнымъ штрафомъ [400]).

XIII.

1. Т. н. „цеховое" регулированіе цѣнъ, какъ продолженіе и видоизмѣненіе „начальственнаго" (стр. 276—282). 2. Въ цеховомъ регулированіи охрана потребителей—доминирующій мотивъ (стр. 282—286).

1. Къ регулированію цѣнъ властью примыкаетъ и въ значительной мѣрѣ съ нимъ совпадаетъ по духу и переплетается т. н. цеховое регулированіе. Вотъ почему о цеховомъ регулированіи цѣнъ

---

400) M. G. H. Const. ed L. Weiland I. Nr. 140 = Zeumer. Quellensammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung in Mittelalter und Neuzeit. Leipzig, 1904. Nr. 8: Constitutio de pace tenenda 11: Post natale sanctae Mariae unusquisque comes septem boni testimonii viros sibi eligat et de qualibet provincia sagaciter disponat et quanto pretio secundum qualitatem temporis anona sit vendenda utiliter provideat. Quicunque vero contra deliberationem ipsius infra anni terminum altius modium et carius vendere praesumpserit, tanquam violator pacis habeatur et totidem viginti libras comiti persolvat quanti modios altius vendidisse convictus fuerit. Неслучайно, что послѣ каролинговъ первое регулированіе цѣнъ восходитъ къ Фридриху I (Барбароссѣ), при которомъ крѣпнетъ имперская идея и возрождается императорство. (Ср. характеристику его у K. Hampe. Deutsche Kaisergeschichte im Zeitalter der Salier und Staufer. 2 Auflage. Leipzig, 1912), а съ другой стороны усиливаются итальянскія (= римскія) идейныя вліянія.

я не буду въ настоящемъ контекстѣ много распространяться. Необходимо лишь устранить самыя грубыя недоразумѣнія, основанныя на полномъ искаженіи той исторической перспективы[401]), установленіе которой, думается мнѣ, является однимъ изъ существенныхъ результатовъ историческихъ изысканій, предложенныхъ на предшествующихъ страницахъ.

То, что можетъ быть названо «цеховымъ» регулированіемъ цѣнъ, прежде всего весьма различно, соотвѣтственно тому, отъ кого по существу исходитъ регулированіе: отъ цеховъ или отъ власти и въ чьихъ интересахъ оно происходитъ [402]). Тутъ нужно прежде всего отдѣлаться отъ мысли, что цеховой строй, т. е. объективный правопорядокъ средневѣковыхъ промысловъ, служилъ исключительно и преимущественно интересамъ членовъ цеховъ.

Послѣ блестящихъ изслѣдованій Кейтгена такое пониманіе невозможно поддерживать. Оно не только генетически невѣрно, но оно также совершенно не объемлетъ тѣхъ важныхъ случаевъ дѣйствительности, когда цеховой строй существовалъ, а цеховъ, какъ автономныхъ организацій и тѣмъ болѣе какъ политической силы, совершенно не существовало [403]).

Генетически регулированіе цѣнъ, по существу исходящее отъ цеховъ и осуществляемое въ ихъ интересахъ, есть явленіе вторичное въ средніе вѣка. Такому регулированію предшествуетъ регулированіе правительственное или начальственное: первое есть какъ бы наслѣдникъ послѣдняго, нѣчто отъ него производное

[401]) Я имѣю въ виду характеристику цехового регулированія цѣнъ въ книгѣ І. М. Кулишера. Эволюція прибыли съ капитала. Т. І. СПБ. 1906. Стр. 365 и слѣд.

[402]) Я нарочно подчеркиваю „по существу", потому что форма этихъ постановленій, напр., то, что они входятъ въ статуты, составленные самими цехами, вовсе не опредѣляетъ ихъ смысла и значенія, вопреки противоположному мнѣнію Кулишера.

[403]) Такъ обстояло дѣло въ Вѣнѣ и въ Австріи вообще, въ Нюрнбергѣ—первомъ промышленномъ городѣ Германіи, гдѣ Шенланкъ прямо даже отрицаетъ существованіе цеховъ (Ср. Bruno Schönlank. Sociale Kämpfe vor dreihundert Jahren. Altnürnbergiche Studien. Leipzig 1894, S. 5: in Altnürnberg hat es niemals Zunfte gegeben), въ Бреславлѣ. Очень незначительна была самостоятельность цеховъ въ Любекѣ. Ср. F. Eulenburg. Das Wiener Zunftwesen въ Zeitschrift für Sozial- u. Wirtschaftsgeschichte. Bd. I и II (1893 и 1894). SS. 264—317 и SS. 62—102 и его рецензію на Schönlank ibidem IV (1896), SS. 136—146.

и фактически правительственное регулированіе цѣнъ преобладаетъ надъ цеховымъ, такъ же какъ городская власть преобладаетъ надъ цехами и въ очень рѣдкихъ случаяхъ имъ подчиняется или ими поглощается.

Тотъ фактъ, что генетически правительственное регулированіе предшествуетъ и прообразуетъ цеховое [404]), на германской

[404]) Въ изображеніи г. Кулишера регулированіе цѣнъ властью есть явленіе позднѣйшее по отношенію къ цеховому регулированію и возникаетъ лишь какъ реакція противъ произвольнаго установленія цехами цѣнъ на продукты. По словамъ г. Кулишера, въ средніе вѣка въ Германіи власть регулировала цѣны лишь на пищевые продукты, и въ частности „не существовало таксъ, установленныхъ властями ни для сапожниковъ ни для кузнецовъ“ (стр. 368). Авторъ тутъ ссылается на Berlepsch. Chronik der Gewerke и на Beck. Geschichte d. Eisens! Очевидно, авторъ совершенно забылъ о баварскихъ Landfrieden 1244 и позднѣйшихъ годовъ и ландсгутскомъ рыночномъ уставѣ 1256 года, что свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ весьма невнимательно отнесся къ книгѣ Кейтгена, въ аргументаціи котораго ландсгутскій уставъ занимаетъ весьма важное мѣсто, и что онъ совсѣмъ не заглянулъ въ хрестоматію Кейтгена, гдѣ этотъ уставъ перепечатанъ изъ MGH. Забылъ онъ также и о земскомъ уставѣ Тироля 1352 года и мюнхенскомъ „городскомъ правѣ“ 1347 года. Въ своей нѣмецкой статьѣ (Conrads Jahrbücher III Folge 19 Band, S. 600), которая имъ почти дословно воспроизведена въ русскомъ текстѣ, г. Кулишеръ (повидимому, со словъ Инамы) еще помнилъ о баварскихъ земскихъ уставахъ съ нормами о таксахъ, но отдѣлался отъ нихъ замѣчаніемъ, что „они относятся къ XIII столѣтію, т. е. ко времени, когда автономія въ промышленности еще не всюду перешла къ городамъ“ Не понятно, о чемъ тутъ говоритъ г. Кулишеръ, объ автономіи городовъ въ области промышленности, или объ автономіи цеховъ (нѣкоторыя ссылки неотразимо наводятъ на мысль, что г. Кулишеръ смѣшиваетъ одно съ другимъ). Тамъ, гдѣ городская власть не принадлежала цехамъ или не подпала подъ ихъ вліяніе—это былъ въ общемъ нормальный случай—автономія цеховъ, поскольку она вообще существовала, существовала лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ ее допускала либо власть надъ городомъ (Stadtherr), либо автономная городская власть. Этой основной для пониманія цехового строя вещи г. Кулишеръ себѣ совсѣмъ не усвоилъ. Между тѣмъ утвержденіе городской автономіи могло итти и на самомъ дѣлѣ шло рядомъ съ запрещеніемъ цеховъ. Это мы видимъ напримѣръ въ Госларскомъ городскомъ правѣ 1219, гдѣ, подтверждая iura civitatis, Фридрихъ II категорически запрещаетъ всякіе цехи и гильдіи. 38: Preterea datum est regali precepto, quod nulla sit coniuratio nec promissio vel societas, que Theotonice dicitur eninge vel gelde, nisi solum monetariorum, ea de causa ut caveant de falsis monetis (Keutgen. Urkunden. № 152). О томъ, что правительственное регулированіе предшествуетъ цеховому, кажется, нѣтъ спора между компетентными изслѣдователями

почвѣ особенно выпукло выступаетъ въ Баваріи и въ австрійскихъ земляхъ..

средневѣковой промышленности. Ср. Stieda. Zur Entstehung des deutschen Zunftwesens въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. B. XXVII. (1876). S. 96: „Diese Preisregulirung, die anfangs von der Obrigkeit ausging"... Ср. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte III², SS. 461—462. У Инамы на стр. 56—57 есть ссылка на нѣмецкую работу г. Кулишера, ссылка, которую тотъ принялъ за выраженіе согласія съ нимъ. Инама имѣетъ въ виду цеховыя минимальныя таксы той позднѣйшей эпохи XIV и XV в., когда цехи стали политической силой, т. е., другими словами, сами стали властью. Онъ прямо говоритъ о „томъ измѣненіи, которое городская промышленная политика претерпѣла вслѣдствіе преобладанія цеховъ въ городскомъ управленіи" (Vorherrschaft der Zünfte in der Stadtverwaltung). Между тѣмъ основная, исторически совершенно несостоятельная, мысль г. Кулишера состоитъ въ томъ, что цехи съ самаго начала и всюду упражняли произвольное установленіе цѣнъ во вредъ потребителямъ и что средневѣковое регулированіе цѣнъ въ промышленности началось именно съ такихъ минимальныхъ цеховыхъ таксъ. Но минимальныя таксы цеховыхъ статутовъ вовсе не могутъ быть безъ дальнѣйшихъ разсужденій трактуемы какъ направленныя во вредъ потребителямъ. И даже формально минимальныя таксы цеховыхъ статутовъ, вообще представляющія рѣдкое явленіе, вовсе не всегда являются односторонними мѣрами цеховъ. Вѣдь, не нужно забывать что по общему правилу самоопредѣленіе цеховъ находило себѣ границу въ волѣ совѣта (городского), но наоборотъ воля совѣта не ограничивалась самоопредѣленіемъ цеховъ. Отсюда—формула цеховыхъ статутовъ: haec stabunt quamdiu dominis placuerit. О Любекѣ см. Wehrmann. Die älteren lübeckischen Zunftzollen. Zweite verbesserte Ausgabe Lübeck 1872, S. 61. О Гильдесгеймѣ см. цит. ниже книгу Томса. Объ Эгерѣ см. цит. ниже книгу Зигля. О Штеттинѣ см. Blümcke. Die Handwerkszünfte im mittelalterlichen Stettin въ Baltische Studien 34 Jahrgang (1884) Heft II—III, S. 113. О Люнебургѣ Bodemann. Die älteren Zunfturkunden der Stadt Luneburg. Hannover 1883, S. XXV. Во Франціи (Парижѣ!) и Англіи подчиненіе цеховъ власти, отъ нихъ независимой, существовало всегда. Степень автономіи цеховъ совпадала въ извѣстной мѣрѣ съ предѣлами ихъ юрисдикціи — самостоятельная юрисдикція цеховъ есть выраженіе ихъ автономіи. См. обстоятельное обсужденіе этого вопроса у C. Neuburg Zunftgerichtsbarkeit u. Zunftverpassung in d. Zeit vom 13 bis z. 16 Jahrhundert. Jena 1880, SS. 199—309.

Когда г. Кулишеръ говоритъ, что „таксы, встрѣчающіяся въ цеховыхъ статутахъ, могли исходить лишь отъ самихъ цеховъ. Это видно—во-1-хъ, изъ того, что, эти таксы минимальныя, и во-2-хъ, изъ того, что онѣ внесены въ статуты, въ началѣ которыхъ говорится, что они составлены самимъ цехомъ" (стр. 367, прим. 31), то онъ судитъ весьма неосмотрительно, безъ надлежащаго ознакомленія съ фактами (ссылки его

При этомъ рѣчь идетъ именно о нормировкѣ оплаты промыш-

частью основаны на какомъ-то недоразумѣніи, таковы ссылки на Hauser p. XXVI, Hegel I, S. 336. Blümcke S. 138, частью прямо невѣрны). Въ подтвержденіе своего мнѣнія о значеніи, характерѣ и происхожденіи минимальныхъ ремесленныхъ (точнѣе и общѣе—промысловыхъ) таксъ г. Кулишеръ ссылается на Верманово изданіе древнѣйшихъ Любекскихъ цеховыхъ уставовъ и на изслѣдованіе A. Giry о промышленности С. Омера. Но весьма немногочисленныя таксы Любека вовсе не могутъ быть трактуемы какъ сплошь минимальныя. Точная характеристика ихъ такова: двѣ изъ нихъ—прямо максимальныя (Buntmaker 1386 г., дѣлавшіе пестрыя мѣховыя подкладки, Wehrmann S. 193, Gortemacker 1481 г. круподѣлы, l. c. S. 224), одна — минимальная (Reper 1390 г., канатчики, которыхъ г. Кулишеръ ошибочно называетъ бочарами, l. c. S. 380), три устанавливаютъ prix-fixe (Bruwer 1363 г. пивовары, максимально-минимальная такса l. c. S. 179—180, Lackenbereder 1546 г., сукностригальщики, максимально-минимальная l. c. S. 308, Wantfarver 1500 г., сукнокрасильщики, l c. S. 486). Ссылка г. Кулишера на С. Омеръ совершенно непростительна. Въ С. Омерѣ цехи, какъ автономные союзы, не существовали и ремесленникамъ прямо возбранялось писать уставы и вмѣшиваться въ ремесленныя дѣла (A. Giry. Histoire de la ville de Saint-Omer et de ses institutions. Paris 1877, p. 346, гдѣ указаны тамъ же напечатанные документы). Самая характерная для С. Омера такса, которую г. Кулишеръ)стр. 366 его книги) цитируетъ какъ минимальную, такса сукноваловъ и сукностригальщиковъ является максимально-минимальной, т. е. устанавливаетъ prix-fixe. Registre aux bans municipaux, Giry p. 509 (art. 111): Nus foulons ne prenge ne plus ne mains que le droite asise de le vile de dras k'il foule, sor 40 s. et ki lui donroit. Ausi fais sor tondeurs. Тутъ и p. 563 (art. 605) передъ нами—установленные городской властью тарифы заработной платы ремесленниковъ, которые суть зависимые отъ предпринимателей кустари, а г. Кулишеръ говоритъ о минимальной цеховой таксѣ съ монополистической тенденціей!! Минимальная плата была установлена для цырульниковъ (l. c. p. 365), но это вполнѣ естественно при тѣхъ стѣсненіяхъ, которыя налагала на нихъ городская власть, запрещавшая имъ предлагать свои услуги на улицѣ (p. 511, art. 258: par le rue criant) и ходить безъ приглашенія по домамъ добрыхъ людей (ne faisant son mestier as maisons des bones gens s'il n'i soit mandeis). Этотъ примѣръ приводится г. Кулишеромъ тоже какъ иллюстрація монопольнаго положенія цеховъ, которыхъ, какъ мы уже сказали, не существовало! По существу минимальныя ремесленныя таксы выражаютъ не только заботу о производителяхъ, но и стремленіе гарантировать потребителямъ устойчивыя и равныя для всѣхъ цѣны. Объ этомъ двойственномъ характерѣ ремесленныхъ таксъ см. Schönberg. Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. B. IX. S. 69: Dass die Preisverabredungen bewusst ebenso sehr im Interesse der Zunftgenossen

леннаго труда и продуктовъ (фигурируютъ тутъ сапожники, телѣжники, плотники, кузнецы, ткачи и др. [405]). Характерно, что рядомъ съ регулированіемъ платы и цѣнъ идетъ генеральное за-

---

wie der Consumenten getroffen wurden, lässt sich urkundlich . . . erweisen (какъ мы видѣли, это совершенно вѣрно. Шенбергъ доказываетъ это положеніе на любекскомъ матеріалѣ и на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Онъ только, какъ почти всѣ нѣмецкіе авторы, преувеличиваетъ значеніе цеховой автономіи). Ср. также Neuburg l. с 105—107. Минимальныя таксы цеховой эпохи, какъ запретъ сбиванія цѣнъ, должны быть по существу сближаемы и формально совпадаютъ съ выше охарактеризованнымъ греческимъ институтомъ легальнаго prix-fixe. Вотъ почему въ концѣ концовъ въ общемъ и цѣломъ правъ Бѣловъ, который говоритъ: „Die Preistaxen, die behufs Festsetzung des pretium iustum von Städten und Zünften aufgestellt wurden, kamen auch ganz besonders den Konsumenten zu statten" (статья Zünfte въ Elsters Wörterbuch der Volkswirtschaft, ср. его же статью Preistaxen тамъ же) Методически совершенно недопустимо, какъ дѣлаетъ г. Кулишеръ: 1) говорить о цехахъ вообще; 2) говорить объ экономическомъ значеніи и характерѣ цеховъ, не принимая во вниманіе ихъ мѣста въ государственномъ строѣ и въ городскомъ управленіи, т. е ихъ политическаго положенія и характера, и притомъ не всѣхъ цеховъ вообще, а отдѣльныхъ цеховыхъ корпорацій (это, напримѣръ, существенно для Флоренціи!); 3) не различать объективнаго правопорядка цехового строя и автономіи цеховыхъ организацій.

[405]) M. G. H. Const. II. № 427. Pax Bavarica 1244 г. 74. De artificibus et operariis. Item VIII de saniori et seniori parte in omni plebe per parrochias in unum ante ecclesiam conveniant cuique artifici (et mercatori) per barrochiam commoranti, textoribus, calciatoribus, carnificibus, fenisecis, carpentariis, fabris, secundum suum iuramentum ipsis precium condignum inponant, ut si magis exquirant, de violata pace iudicentur. (Тутъ терминологически интересно выраженіе precium condignum, синонимъ iustum pretium). Тамъ же № 438. Pax Bavarica 1256 г., 74: De operariis. In islicher stat und pharre sol der rihter mit aechten den besten und den tiurist vor der chirchen bi dem eide setzen den chouf und daz lone smiden, schustern, bebern, zimberluten und den andern allen, swer mer nemen welle, daz man in ansprech umb den fride.

Ландсгутскій рыночный и промышленный уставъ. Тамъ же № 439. Heinrici ducis Bavariae edictum de pace et de mercimoniis 1256 г. 22, 23 = Keutgen. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte, II Hälfte. Berlin, 1901. № 231: Statuimus, quod textores faciant tres ulnas rupfein pro I denario et achambin similiter, et herwein II ulnas pro I denario. Calcifices debent prepedia et plantas inponere pro I denario et plantas pro obulo. Transgressores debent emendare.

прещеніе промышленныхъ объединеній [406]). Въ Мюнхенскомъ городскомъ правѣ 1347 г. обокъ со строгимъ запретомъ цеховъ[407]) мы видимъ регулированіе труда мастеровъ каменщиковъ и плотниковъ [408]).

Плата ремесленниковъ регулируется земскихъ уставомъ Тироля 1352 года [409]).

2. Было бы ошибочно исключительныя, такъ называемыя монополистическія, тенденціи цеховъ усматривать лишь въ эпоху ихъ упадка и вырожденія, но еще ошибочнѣе было бы забывать, что цеховое воздѣйствіе на цѣны въ интересахъ самихъ цеховыхъ ремесленниковъ имѣло съ самаго начала противовѣсъ въ болѣе раннемъ правительственномъ регулированіи цѣнъ въ интересахъ потребителей.

Въ самое т. н. цеховое регулированіе эта охрана потребителей входитъ какъ важный и, въ сущности, доминирующій мотивъ. Это было бы непонятно, если бы цеховой строй въ его цѣломъ былъ созданіемъ и орудіемъ только интересовъ ремесленныхъ производителей. На самомъ же дѣлѣ онъ въ еще большей мѣрѣ былъ выраженіемъ рыночной и промышленной полиціи, исходящей отъ власти, стоящей надъ цехами и отъ нея независимой [410]). Это, конечно, особенно ярко сказывается тамъ, гдѣ цеховой строй

406) Въ томъ же ландсгутскомъ уставѣ 4: Usurarios, preemptores, societates, que vulgo dicuntur einung sub pena V librarum inhibemus et insuper ipsos exleges iudicamus.

407) Art. 366. Chain ainung sol in der stadt sein. Wir verpieten all ainung in unser stat, daz niemant zuo dem andern swer oder lob, davon iemant schad oder laid geschehen müg an leib, an eren oder an guot; wan wir all gemain und treu leut an ain ander füllen sein, und swer daz übervert, der geit dem richter V pfunt, der stat XXX lib dn; wir verpieten auch alleu ainung under den hantwerchen . . . .

408) Art. 413. Von maurer und zimmerleut lon.

409) Ausgewählte Urkunden zur Verfassungs-Geschichte der deutsch-österreichischen Erblande in Mittelalter, herausgegeben von Dr. E. Freiherr v. Schwind und Dr. A. Dopsch. Innsbruck 1895, № 100: Das ander gesaczt und gebot ist umb gedingte knechte und maegde, umb tagwercher und antwerchläut, um iren lön, und wan die arbait in dem lande überal nicht gleich ist, also daz man überal geleichen lön geben und genemen müg.

410) Генезисъ этотъ весьма явственно можно прослѣдить въ Гильдесгеймѣ. „Die Obrigkeit, die in diesem Falle der Rat ist, entäussert sich eines Teiles der ihm zustehenden Gewalt, wohl in der Erkenntniss, dass

съ цеховымъ принужденіемъ не выливается въ форму сколько-нибудь самостоятельной, автономной цеховой организаціи.

Цехи, какъ объединенія ремесленниковъ и, общѣе, промышленниковъ первоначально суть въ общемъ и цѣломъ запрещенныя и преслѣдуемыя, потомъ едва терпимыя соединенія и соглашенія производителей [411]).

Постепенно цехамъ, какъ исполнительнымъ органамъ власти, стоящей надъ ними, передаются функціи промышленной полиціи, содержаніе и границы которой въ общихъ чертахъ установлены до нихъ. И поскольку цехи захватываютъ промышленную полицію въ свои руки и осуществляютъ ее исключительно или хотя бы преимущественно въ интересахъ ремесленниковъ, это есть узурпація[412]). Иногда эта узурпація означаетъ прочное пріоб-

die durch die Jnnung gegebene Selbstverwaltung billiger und zweckmässiger sei". Henry Eduard Thoms. Die Entstehung der Zünfte in Hildesheim. Ein Beitrag zur Geschichte des Zunftwesens. Braunschweig 1908 S. 84—85, ср. S. 88—89. Во Франціи цеховой строй совершенно явственно есть созданіе королевской власти, которая дѣйствуетъ по мотивамъ фискально-полицейскимъ. Ср. Hauser. Ouvrier du temps passé, Paris 1898. Alfred Bourgeois. Les Métiers de Blois. Tome I. Blois 1895, pp. LV sgg.

[411]) Это превосходно выяснено Кейтгеномъ въ Aemter u. Zünften, на исторіи австрійскихъ цеховъ показано Эйленбургомъ въ цит. выше статьѣ о вѣнскихъ цехахъ. Исторія цеховъ въ Эгерѣ тоже является весьма яркой иллюстраціей. Ср. Karl Siegl. Die Egerer Zunftordnungen. Ein Beitrag zur Geschichte des Zunftwesens. Prag 1909.

[412]) Такой смыслъ имѣетъ извѣстное кельнское постановленіе 1258 (Keutgen № 147, S. 168): His etiam adiungimus, quod fraternitates de rebus venalibus ad suam fraternitatem pertinentibus terminum precii in vendendo vel emendo limitare non possunt. Далѣе слѣдуетъ любопытное добавленіе: Condempnamus etiam consuetudinem iniquam quam inter se habuisse dicuntur de monopolio, videlicet de qualibet marca de suis mercationibus accepta aliquot denarios in commune posuerunt, quod commune lucrum fraternitatis vocaverunt: cum necesse sit, quod ex hoc artetur mercator cum eis communicans ad levius vendendum et carius emendum.

Весьма явственно это обнаруживается въ исторіи англійскихъ цеховъ и вполнѣ категорически выражено въ законѣ 1504 г.: „старшины (masters), надзиратели и народъ гильдій, братствъ и другихъ корпоративныхъ компаній, существующихъ въ различныхъ мѣстностяхъ королевства, часто подъ предлогомъ дарованнаго имъ подтвержденнаго жалованными грамотами и привилегіями разныхъ королей права издавать обязательныя для всѣхъ постановленія и управлять на основаніи ихъ,

щеніе ремесленниковъ и ихъ организацій къ власти надъ городомъ—становясь участникомъ власти, ремесло, конечно, пользуется ею въ своихъ интересахъ.

Но это наступаетъ далеко не всюду. Вотъ почему черезъ всѣ средніе вѣка, при господствѣ цехового строя—въ объективномъ смыслѣ извѣстныхъ нормъ промышленнаго права, тянутся запрещенія цеховъ и вообще прямая борьба правительства съ цеховой организаціей [413]), а самое цеховое право вовсе не означаетъ собой торжества и закрѣпленія ремесленныхъ интересовъ. Наоборотъ, исходный мотивъ цехового строя, какъ извѣстнаго режима промышленной полиціи, охрана потребителей, продолжаетъ въ немъ доминировать. Самый терминъ «цеховая монополія» можетъ быть употребляемъ лишь съ той оговоркой, что главнымъ мотивомъ этой «монополіи», поскольку она выражалась въ легальныхъ формахъ, были не интересы производителей, а полицейскія задачи и фискальные интересы власти.

Главное содержаніе эволюціи цехового строя сводится къ тому, что укрѣпленіе цеховъ есть въ то же время либо внѣлегальная узурпація цехами въ своихъ интересахъ делегированныхъ имъ въ интересахъ общественныхъ функцій промышленной полиціи, либо (что происходило гораздо рѣже) легальное развитіе этихъ функцій не въ общественно-хозяйственныхъ, городскихъ, а въ корпоративныхъ, цеховыхъ интересахъ. Правы тѣ, кто въ исторіи цеховъ видитъ опредѣленное движеніе и различные періоды. Цехи въ принципіальномъ и отвлеченномъ существѣ своемъ, какъ организаціи промышленниковъ, не мѣняются. Но, во-первыхъ, повторяемъ, т. н. цеховой правопорядокъ и автономная организація ремесленниковъ не одно и тоже, а, во вторыхъ, тамъ, гдѣ цехи добиваются сперва легализаціи, потомъ правъ и наконецъ власти, они укрѣпляются, а съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ «отрицательныя» стороны про-

---

издаютъ много незаконныхъ и неразумныхъ указовъ, какъ относительно цѣнъ на товары, такъ и по другимъ поводамъ, преслѣдуя при этомъ свои собственныя выгоды и причиняя тѣмъ не малый вредъ и ущербъ всему народу". Цит. по Эшли. Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономической теоріей. Переводъ Н. Муравьева. Подъ редакціей Д. М. Петрушевскаго, Москва 1897 г., стр. 426.

[413]) Факты приведены у Stieda статья Zunftwesen въ HdW d. Staatswiss. Всего ярче австрійское развитіе, изображенное Эйленбургомъ.

являются рѣзче. Потому въ концѣ процесса цехи не тѣ, что въ началѣ его, когда они ведутъ нелегальное или полулегальное существованіе или, по крайней мѣрѣ, еле терпимы. Власть же, поскольку она независима отъ цеховъ, враждебна имъ, какъ самостоятельной силѣ, и въ началѣ процесса и въ концѣ его. При этомъ однако всегда нужно различать вліяніе цеховъ, какъ фактъ, и ихъ юридическое, или легальное положеніе. И совершенно неправильно безъ дальнѣйшихъ разсужденій отъ фактическаго вліянія заключать къ легальному положенію и, наоборотъ, отъ легальнаго положенія—къ фактическому вліянію и даже болѣе того—отъ политическихъ правъ цеховъ нельзя прямо заключать къ ихъ экономической власти и къ характеру ея использованія [414]).

Послѣцеховое чисто государственное регулированіе цѣнъ въ формѣ многообразныхъ таксъ (Preistaxen) мы не будемъ здѣсь разсматривать [415]). Было бы весьма соблазнительно прослѣдить, напримѣръ, чрезвычайно любопытное регулированіе заработной платы (и цѣнъ) въ горной промышленности европейскаго континента, этой колыбели капиталистической организаціи промышленности, отъ Jus Regale Montanorum конца XIII вѣка до практики Direktionsprinzip'а въ XVIII и XIX вв. [416]). Западноевропейская исторія

[414]) Даже во Флоренціи, классическомъ городѣ господства цеховъ, городская (государственная) власть вовсе не потворствовала монополистическимъ тенденціямъ цеховъ, а, наоборотъ, съ ними боролась. Законъ 1290 г. запрещалъ нормировку цѣнъ цехами: Quod universitas alicuius artis civitates Florentie non imponat modum vel certam formam seu certum pretium hominibus sue Artis de mercantiis et rebus sue Artis vendendis vel exercendis... Цит. по Doren. Das Florentiner Zunftwesen vom vierzehnten bis zum sechszehnten Jahrhundert. Stuttgart 1908, S. 572. Доренъ подчеркиваетъ, что, отдавая рабочихъ во власть хозяевамъ при посредствѣ регулированія заработной платы въ пользу послѣднихъ, флорентинское государство пыталось оградить публику отъ взвинчиванія цѣнъ промышленниками.

[415]) Ср. K. Rohrscheidt. Geschichte d. Polizeitaxen in Deutschland u. Preussen въ Conrads Jahrbücher f. Nat. u. Stat. N. F. Bd. XVII (1888) его же статью Preistaxen въ HdW. d. Staatsw. v. Below статья Preistaxen въ Wörterbuch d. Volkswirtschaft. Любопытна въ новое время та же связь нормировки цѣнъ таксами съ законами противъ роскоши, которую мы отмѣчали, говоря о Римѣ.

[416]) Этой проблемѣ, которой я удѣлилъ часть одного изъ читанныхъ мною курсовъ (этотъ курсъ по записи С. В. Бернштейнъ-Когана изданъ въ литографированномъ видѣ студентами Политехническаго

кустарной промышленности въ исходѣ среднихъ вѣковъ и до торжества капитализма могла бы тоже дать весьма любопытный и поучительный матеріалъ. Было бы также интересно разсмотрѣть, какъ грубыя средневѣковыя попытки построенія таксы на цѣны получаютъ въ позднѣйшее время теоретическое обоснованіе и выливаются въ раціональныя схемы [417]). Наконецъ, весьма любопытной задачей было бы прослѣдить, какъ гонораръ университетскихъ преподавателей отъ вольной цѣны эволюціонируетъ къ цѣнѣ указной, изъ договорнаго вознагражденія за частныя занятія (уроки) приватныхъ преподавателей со студентами превращаясь въ фиксированную властью плату за университетское преподаваніе вообще, поскольку оно не остается даровымъ [418]). Но какъ ни соблазнительны эти и другія отдѣльныя проблемы исторической феноменологіи, — для основного предмета нашего изслѣдованія и даже для установленія правильной исторической перспективы, онѣ не имѣютъ значенія. Поэтому наши спеціальные этюды по исторической феноменологіи цѣны мы закончимъ обозрѣніемъ того, что можно по вопросу о регулированіи цѣнъ найти въ русскомъ и преимущественно до-петровскомъ правѣ.

Принципіальнаго значенія русскіе примѣры также не представляютъ, но намъ казалось неправильнымъ обойти отечественное право, изъ памятниковъ котораго мы отчасти заимствовали нашу терминологію и которое мы можемъ, думается, до извѣстной степени теоретически и исторически освѣтить собраннымъ нами сравнительно-историческимъ матеріаломъ.

Института подъ заглавіемъ „Крупная промышленность въ историческомъ освѣщеніи“ и, хотя не поступалъ въ продажу, но иногда цитируется въ литературѣ), я собираюсь посвятить спеціальную работу.

[417]) Приблизительно черезъ 600 лѣтъ послѣ изданія ландсгутскаго промышленнаго устава 1256 г. съ его таксами въ томъ же Ландсгутѣ вышло спеціальное руководство къ установленію таксъ для мельничнаго, пекарнаго, пивовареннаго и мясницкаго промысловъ: Professor G. A. Däzl. Anleitung zur Taxirung der Gewerbe: Müller, Mehlber, Bäcker, Bräuer und Metzger. Landshut 1824.

[418]) Частные уроки превратились въ платныя лекціи; договорное вознагражденіе Privat-Doctores—въ фиксированный гонораръ профессоровъ. Ср. обстоятельное изслѣдованіе: E. Horn. Kolleg und Honorar. München 1897.

XIV.

1. Понятіе указной цѣны въ правѣ Московскаго Государства: въ уголовно-процессуальномъ правѣ и въ правѣ военно-продовольственномъ. Другіе случаи примѣненія понятія указной цѣны (стр. 287—293). 2. Verum pretium въ русскомъ правѣ XVII в.—„прямая цѣна", „Прямая продажная цѣна". Нормы Новоторговаго Устава, содержащія принципіальную основу „цехового" регулированія промышленности и торговли (стр. 293—297). 3. Регулированіе псковской торговли Ординымъ-Нащокинымъ. Экономическая характеристика этого опыта: начальственное регулированіе подрядно-капиталистической системы въ торговлѣ. Опытъ Ордина-Нащокина восходитъ къ польскимъ образцамъ (стр. 297—306). 4. Позднѣйшая русская аналогія псковскаго регулированія 1665 г. — правила о кяхтинской торговлѣ 1800 г. (стр. 306—310).

1. Проблема соотношенія вольной и указной цѣны въ русскомъ правѣ не представляетъ чего-либо принципіально своеобразнаго. Но нѣкоторые ея аспекты именно въ русскомъ правѣ не лишены значительнаго интереса для экономиста-историка. Изложеніе тѣхъ нормъ древнѣйшаго русскаго уголовнаго права, которыя имѣютъ отношеніе къ проблемѣ исторической феноменологіи цѣны (см. выше стр. 121 и сл.), врядъ ли можетъ прибавить что-либо къ тому, что даетъ изученіе права германскаго. На чисто полицейское регулированіе цѣнъ въ раннія эпохи русской исторіи, повидимому, не имѣется никакихъ указаній, и это отрицательное обстоятельство только подтверждаетъ наше общее положеніе объ историческомъ первенствѣ вольной цѣны надъ указной.

Въ позднѣйшемъ русскомъ уголовномъ правѣ довольно явственно вырабатывается понятіе указной цѣны, какъ той нормы, на основаніи которой могли получать удовлетвореніе своихъ требованій истцы по уголовнымъ искамъ. При этомъ нѣкоторые предметы имѣютъ совершенно опредѣленную напередъ фиксированную цѣну, которая, быть можетъ, одно время была даже обязательна для суда и истцовъ (см. ниже боярскій приговоръ 1620 г., вошедшій въ «Уставную Книгу Разбойнаго приказа»); другіе предметы предписывается подвергать спеціальной оцѣнкѣ; и, наконецъ, хлѣбъ оцѣнивается по рыночной цѣнѣ даннаго года [419]).

---

419) Уставная книга Разбойнаго Приказа:

49. А животу всякому цѣна, по чему за что указано исцомъ въ ихъ иски: конь пять рублевъ, кобыла конская три рубли, жеребецъ

Эти нормы съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями и довольно значительными дополненіями вошли въ главу 14 Соборнаго Уложенія 1649 года [120]). Тутъ однако по сравненію съ боярскимъ приговоромъ 1620 г. принципъ указной цѣны, быть можетъ, смягчается, если принять, что цѣны, которыя должны были быть указываемы истцамъ по упомянутому приговору, были для нихъ безусловно обязательными.

Понятіе «указной» цѣны въ эту эпоху встрѣчается не только въ уголовно-процессуальномъ правѣ. Мы видимъ, что оно

конской два рубли, меринъ два рубли, кобыла полтора рубли, жеребенокъ рубль, корова рубль, быкъ рубль, коза шесть алтынъ четыре денги, свинья гривна, овца гривна. Бояринъ князь Иванъ Өедоровичъ Троекуровъ, противъ прежняго государева указу, говорилъ съ бояры: такъ ли тѣмъ статьямъ въ указѣ быть? И 129 октября въ 13 день бояре приговорили: цѣну за лошади и за скотину указывать исцомъ, передъ прежнимъ съ прибавкой: за конь восемь рублевъ, кобыла нагайская шесть рублевъ, жеребенокъ конской три рубли, меринъ четыре рубли, кобыла три рубли, жеребенокъ рубль, корова два рубли, быкъ два рубли, коза 10 алтынъ, свинья двѣ гривны, овца двѣ гривны.

50. А платью и всякой рухледи положити цѣна, примѣриваяся къ иному платью и рухледи.

52. А хлѣбу цѣна положить, какъ въ которомъ году хлѣбъ купили.

53. А сѣну цѣна за копну по алтыну.

54. Которыхъ разбойничьихъ животовъ, за исцовой вытью, останется, и тѣ досталные животы оцѣня продать на государя.

[120]) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Глава 14, ст. 2:

А чему въ исковыхъ челобитныхъ цѣны будетъ не написано, и тому цѣна положить по сему указу. Конь восмь рублевъ. Кобыла Нагайская шесть рублевъ. Жеребенокъ Нагайскій три рубли. Меринъ четыре рубли. Кобыла Русская три рубли. Жеребенокъ Русской трехъ лѣтъ полтора рубли. Кобыла Русская же трехъ лѣтъ полтора рубли. Корова два рубли. Быкъ два рубли. Теленокъ годовой двадцать алтынъ. Свинья, или боровъ кормленой двадцать алтынъ. Поросенокъ однолѣтній пять алтынъ. Овца шесть алтынъ четыре деньги. Баранъ пять алтынъ Баранъ молодой три алтына. Козелъ четырехъ, или пяти лѣтъ полтина. Козелъ трехъ лѣтъ тридцать алтынъ двѣ деньги. Козелъ годовикъ восмь алтынъ двѣ деньги. Коза восмь алтынъ двѣ деньги. Козленокъ молодой три алтына. А хлѣбу всякому цѣну класти, какъ въ которомъ году хлѣбъ учнутъ въ торгу купити. Гусь живой три алтына двѣ деньги. Гусь битой два алтына. Утка живая два алтына. Утка битая восмь денегъ. Куря Индѣйское шесть алтынъ четыре деньги. Курица Русская восмь денегъ. — Дословно воспроизведено въ „Новоуказныхъ статьяхъ“ 1669 г.

находитъ весьма частое примѣненіе въ области продовольствія войскъ. И казенные запасы «по государеву указу», «по государевой указной» или просто по «указной» цѣнѣ [421]), которая была, очевидно, ниже цѣны рыночной, носившей названіе цѣны «торговой» [422]) и, въ прямомъ противоположеніи «указной» цѣнѣ, именовавшейся цѣною «вольной» [423]). По указной же цѣнѣ при-

[421]) Акты Московскаго государства т. I (СПБ. 1890) № 375. Наказъ Ивану Ѳомичу Огареву да подъячему о продажѣ въ полкахъ разныхъ харчей 1632: . . . Государь . . . велѣлъ Ивану Ѳомичу Огареву да подъячему ѣхати въ полки къ боярину и воеводамъ, къ М. Б. Шеину, да къ окольничему къ Арт. Вас. Измайлову, а съ нимъ послано въ полки на государевыхъ ямскихъ подводахъ (слѣдуетъ указаніе количества запасовъ) . . . и тѣ запасы указалъ Государь ему, — Ивану, идучи дорогою и пришедъ въ Можаескъ, русскимъ солдатомъ и нѣмецкимъ людемъ продавати (слѣдуетъ указаніе цѣнъ) . . . И тѣ ему запасы по государеву указу русскимъ солдатомъ и нѣмецкимъ людемъ продавати цѣною по государеву указу (слѣдуетъ снова указаніе цѣнъ) . . . Да и дорогою ѣдучи, тѣ запасы продавать солдатомъ по указной цѣнѣ . . . Ср. тамъ же № 391. Государева грамота боярину М. Б. Шеину съ товарищами о продажѣ посошнымъ. Тамъ же т. II, № 546. Отписка Яблоновскихъ воеводъ объ отказѣ уѣздныхъ людей разныхъ украинныхъ городовъ привозить въ города хлѣбные запасы и конскіе кормы для продажи служилымъ людямъ и солдатамъ 1653: . . . И мы велѣли въ Яблоновѣ и на Корочѣ съ дѣтей боярскихъ, и съ козаковъ и со всякихъ жилецкихъ людей, у которыхъ пашни есть, собрать съ двора по чети сухарей, да по четверику крупъ, и велѣли имъ тѣ сухари, крупы везть на торгъ и продавать ратнымъ людемъ противъ твоей государевой указной цѣны. Ср. А. М. Г. т. III (СПБ. 1901 г.) №№ 77, 133, 191 (1660 г.), 541 и 545 (1661 г.). Рядомъ съ терминомъ „указная цѣна" встрѣчается въ томъ же значеніи: „уложенная цѣна". (Тамъ же, т. II, № 546: купити запасы, смотря по тамошнему дѣлу и по уложенной цѣнѣ и какъ бы на обѣ статьи купцомъ и продавцомъ не въ обидѣ быть) и „законная цѣна" (тамъ же № 411: Государева грамота боярину М. Б. Шеину съ товарищами о посылкѣ въ полки желѣзныхъ цѣпей для смыканія наряда и хлѣбныхъ запасовъ. 1632: . . . вы бъ тѣ запасы, сухари и толокно велѣли въ полкѣхъ русскимъ и нѣмецкимъ солдатомъ продавати законною цѣною).

[422]) А. М. Г. Т. II (СПБ. 1894) № 418. Отписка козловскаго воеводы Н. Пушкина о покупкѣ въ государевы житницы хлѣба. 1650: А купленъ хлѣбъ въ Козловѣ въ твои государевы житницы у козловцевъ у дѣтей боярскихъ и помѣстныхъ атамановъ по козловской по торговой цѣнѣ.

[423]) А. М. Г. Т. II № 152. Государева грамота курскому воеводѣ о присылкѣ свѣдѣній о хлѣбныхъ цѣнахъ и о дозволеніи черкасамъ изъ Чугуева покупать всякіе товары безпошлинно 1638: А которые черкасы

нудительно отчуждались для продовольствія ратныхъ людей и запасы частныхъ лицъ—Уложеніе, глава VII, ст. 21:

А будетъ у кого, у ратныхъ людей на Государевой службѣ запасовъ и конскихъ кормовъ не станетъ, а на торгу въ то время хлѣбные запасы и конскіе кормы продаютъ дорогою цѣною, и ему тою цѣною запасовъ и конскихъ кормовъ, за своею скудостію, купити будетъ немочно; а для ратныхъ людей по указу царскаго Величества и по Воеводскому разсмотрѣнію будетъ въ то время хлѣбнымъ запасомъ и конскимъ кормомъ положена указная цѣна, дешевле торговые цѣны, и тотъ, у кого на Государевѣ службѣ запасовъ и конскихъ кормовъ не станетъ, учнетъ бити челомъ Государю, чтобы ему купити у кого хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ для его скудости по указной цѣнѣ: и Воеводамъ съ такимъ челобитчикомъ къ тѣмъ людемъ, у кого онъ присмотритъ хлѣбные запасы и конскіе кормы, посылати приставовъ, и велѣти хлѣбные запасы и конскіе кормы у тѣхъ людей имати по указной цѣнѣ. А велѣти хлѣбные запасы и конскіе кормы имати по указной цѣнѣ у тѣхъ людей, у которыхъ хлѣбные запасы и конскіе кормы будутъ въ лишкѣ, за ихъ домашними расходы. А у кого будетъ хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ сверхъ домашнихъ запасовъ въ лишкѣ не будетъ: и у такихъ хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ по указной цѣнѣ не имати. И безъ Воеводскаго вѣдома и безъ приставовъ для хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ ратнымъ людемъ ни къ кому не ходити, и насильствомъ хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ по указной цѣнѣ ни у кого не имати, и дворовъ, гдѣ они учнутъ стояти, не разоряти, и городьбы около дворовъ и огородовъ не жечь и не пустошити, и въ полѣ всякаго хлѣба нарочно не травити [424]).

пріѣдутъ въ Курескъ съ Чугуева и изъ Корочи, и ты бы тѣмъ черкасамъ въ Курскѣ хлѣбные всякіе запасы и всякое съѣстное, и животину и на одежду платье дѣланное и недѣланное велѣлъ покупать по вольной цѣнѣ безпошлинно.

[424]) Статья 21 гл. VII Уложенія, какъ показалъ М. В. Владимірскій-Будановъ („Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича" въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній"

Вообще понятіе указной цѣны примѣнялось во всѣхъ тѣхъ

В. П. Безобразова т. IV, СПБ. 1877, стр. 13–14) восходитъ къ Розд. II арт. 19 Литовскаго Статута:

О живности на войне кому бы не доставало. Уставуемъ, кому бы съ подданыхъ нашихъ будучи на войне лежачы войскомъ на одномъ местъцы, живности на самого або на кони его недоставало, таковый зъ вижомъ гетманьскимъ маетъ ехати и взяти съ потребу живности на себе и на кони, а заплатити водлугъ уставы отъ насъ або гетмана нашого, на то положеное подлугъ урожаю, нижли дрова маютъ брати волно, гдѣ стояти будуть, але домовъ розъбирати и плотовъ жечы, ставовъ и сажавокъ волочити, а ни спущати, житъ, яринъ умысльне травити, а ни топтати немаютъ. А хто бы таковый кому шкоду учинилъ, тотъ шкоду совито маеть заплатити, а естли бы кто на зъбожьяхъ и яринахъ обозомъ умысльне положился и шкоду учинилъ, такового панъ гетманъ карати водле шкодъ и вы ступу его маеть зъ нагородою слушною въ томъ укривжоному, а хто бы тежъ маючи живности у себе у в обозе досыть, а предъ се ее невживаючы, инъшое собе найдовалъ и за вижомъ бралъ, таковый то што возметь тому у кого взялъ, совито ворочати або платити маеть.

По существу однако эта статья восходитъ къ постановленію Казиміра Великаго, напечатанному у Bandtkie. Jus polonicum. Varsaviae 1831, pp. 235 sqq. (Statuta Casimiri III de expeditione bellica etc.) и къ универсалу Сигизмунда I 1537 г. о „посполитомъ рушеніи“, въ отрывкѣ напечатанномъ Уляновскимъ въ Collectanea ex Archivo Collegii iuridici. Tomus I, Krakow 1895, p. 78. Отрывокъ этотъ гласитъ:

„Ne autem homines ad expeditionem bellicam euntes in venditione rerum pretio plus nimio graventur utque possit indemnitas hominum ex omnium(s) provideri, quo ad bellum proficiscentes necessarium victum habere possint, tum etiam hi, apud quos victus recipietur, minorem iacturam sentiant, innitentes antiquis consuetudinibus statuimus, ut nemo audeat ad bellum proficiscens quicquam vi et violenter et sine solutione accipere, sed cum scientia castellani aut in praesentia famuli sui ad hoc missi: bovem pro media marca, vaccam pro XVI gr. exceptis bobus redalibus, vaccisque mullibilibus, quae huic constitutioni non subiacent, nec debent aliter emi, nisi iuxta forum secundum, tum porcum pro XII gr., mutonem pro tribus gr., ancam pro medio grosso, cassulam tritici pro gr. 4, cassulam siliginis pro gr. 3; et cassulam avenae pro 2 gr., coretum avenae pro uno grosso, fenum quantum equus unus portare seu trahere potest, uno grosso, quod duobus equis, duobus gr., quod 4 equis 4 grossis; emptasque res huius modi solvent. Item in prediis spiritualium aut nobilium nichil, invitis dominis aut procuratoribus eorum, recipi debet, verum ubi necessitas coegerit, ea quae ad victum pertinent, poterint modo premisso cum scientia tamen castellani emi.—In civitatibus vero et oppidis, in quibus res ad victum spectantes emi, et cum aliquali lucro revendi solent, aestimatio statuta locum habere, sine magno subditorum nostrorum detrimento, non posset, proinde decernimus, ut in talibus

случаяхъ, когда государство (государь) что-нибудь покупало или продавало по цѣнѣ, которую оно само устанавливало [425]).

locis castellani aliam rationem incant aestimandarum rerum, nempe ut cives et oppidani non maiori neque leviori, quam quo ipsi coemerunt pretio in hac reipablicae necessitate proficiscentibus ad bellum res praefatas vendant seu vendere cogantur. Ne autem homines onerentur, et indebite damnificentur in locis, ubi statio facta fuerit, victus moderatus iuxta praesentem hanc institucionem recipiant, nec alius aut maior, nisi qui pro illo die sufficiet, ut ea modo cum minori hominum iactura et detrimento victus habeatur gravaminique et inopie utrinque provideant.

Статья 21 главы VII Улож. въ одной своей части (запрещеніе забирать то, чего нѣтъ въ лишкѣ!) поразительно сходствуетъ съ однимъ мѣстомъ греческой конституціи императора Анастасія 491—505 г., однажды нами уже цитированной. Cod. Just. 10, 27, 2: Οἱ τὰς πόλεις οἰκοῦντες ἢ ἐν αὐταῖς κεκτημένοι μὴ αναγκαζέσθωσαν εἰς ἑτέραν πόλιν ἢ εἰς τὴν μητρόπολιν εἴδη χορηγεῖν. Εἰ δὲ καί τις ἀπαραίτητος αἰτία καταναγκάσει τοῦτο γενέσθαι, τοῖς δικαίοις τιμήμασι τοῖς ἐν ἐκείνῃ τῇ πόλει κρατοῦσιν, ἐξ ὧν τὰ εἴδη παρέχεται, πιπρασκέτωσαν, ἐκείνων ταῦτα μετακομιζόντων τῶν δεομένων τῶν εἰδῶν. Ὑπολογιζέσθω δὲ τοῖς πιπράσκουσι τὰ τιμήματα τῶν εἰδῶν εἰς τὰ συντελούμενα παρ᾽αὐτῶν ἐν χρυσῷ δημόσια. Οὐδὲ γὰρ δίκαιον νῦν μὲν ἀπαιτεῖσθαί τινα παρέχειν εἴδη, μετὰ χρόνον δὲ αὐτῷ τα τιμήματα λογίζεσθαι, οὕτως εὐθηνίας γενομένης. Τοῦ λαμπροτάτου ἄρχοντος ἑκάστης ἐπαρχίας εγκινδυνεύοντος εἰς τὸ καταλογίζεσθαι τὰ τῶν εἰδῶν τιμήματα κατὰ τὰς ὡρισμένας προθεσμίας ὑπὲρ αὐτῶν εκπέμπεσθαι. Μηδεὶς δὲ αναγκαζέσθω πιπράσκειν πᾶσαν χρέιαν αὐτοῦ, ἀλλὰ τὰ ἐκπεριττεύοντα εἴδη. ἀσεβὲς γάρ ἐστιν ἀποστερεῖσθαι τινα τῶν οἰκείων καὶ ἑτέροις ταῦτα χορηγεῖν.

Такимъ образомъ тутъ, помимо вліянія русско-польскаго права, повидимому на лицо даже прямое заимствованіе изъ права византійскаго.

[425]) Ср. Акты о рудныхъ и драгоцѣнныхъ камней пріискахъ въ Верхотурскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ. 1666 января 23—1670 іюня 20: Бьетъ челомъ холопъ вашъ мѣдные руды плавилщикъ Митка Александровъ Тумашевъ. Въ прошлыхъ, великіе государи, годѣхъ, по вашему великихъ государей указу и по грамотамъ, промышлялъ отецъ нашъ Александръ и мы, холопи ваши, въ Усолскомъ уѣздѣ, на Григоровѣ горѣ и на Пыскорѣ . . . . руду плавили, по договору, и мѣдь въ вашу государеву казну у Соли Камской цѣловалникамъ отдавали, пудъ мѣди по два рубли . . . . и послѣ того указали вы, великіе государи, отцу нашему и намъ холопемъ своимъ въ горахъ мѣдную руду копать и плавить, по договору жъ, пудъ мѣди по три рубли имать въ вашу государеву казну, и мы холопи ваши на Григоровѣ горѣ и на Кужгортѣ мѣдную руду копали, и мѣдь плавили, и отдавали въ вашу государеву казну у Соли Камской цѣловалникомъ, триста пятнадцать пудъ; и по вашему государеву указу велѣно тое мѣдь у Соли Камской продавать всякимъ людемъ пудъ по четыре рубли съ четвертью, и вамъ великимъ государемъ отецъ нашъ и мы, холопи ваши

2. Понятіе истинной, настоящей, справедливой цѣны (verum, aequm, justum pretium) выражалось въ русскомъ правѣ XVII вѣка терминомъ «прямая цѣна». Это—цѣна истинная въ томъ смыслѣ,

своимъ радѣньемъ и промыслишкомъ учинили вашей великихъ государей казнѣ прибыли болши полуторы тысячи . . . . (№ 10 въ „Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ“ т. 5-й, стр. 61).

Въ отношеніяхъ съ казной договорная цѣна естественно сближалась до неразличимости съ цѣной указной. Ср. Доп. къ Акт. Ист. т. 5-й стр. 55—58. 1665 декабря 25. Жалованная грамота голландцу Филимону Акемѣ съ племянниками, на желѣзные заводы въ Малоярославскомъ и Оболенскомъ уу: . . . . А съ тѣхъ Угоцкихъ и Поротовскихъ заводовъ ставить ему Филимону, въ нашу великаго государя казну, желѣза всякого и ратныхъ запасовъ по договорной записи и по послѣдней помѣтѣ, какова цѣна помѣчена на выпискѣ, потому у него и пріимать . . . а по послѣдней помѣтѣ, декабря 15 числа 170 года за прутовое желѣзо, которое учнутъ они Петръ и Филимонъ ставить въ нашу Великаго Государя казну, велѣно давать по шестнадцати алтынъ по четыре денги за пудъ... А съ тѣхъ заводовъ имать у нихъ, въ нашу великаго государя казну, желѣзо и ратные запасы по договорнымъ цѣнамъ; а что у нихъ, въ тѣ урочные въ двадцать лѣтъ и послѣ урочныхъ лѣтъ, всякаго желѣза и ратныхъ запасовъ будетъ влишкѣ, а въ нашу великого государя казну того желѣза и ратныхъ запасовъ принять не укажемъ, и имъ то желѣзо и ратные запасы поволно вывозить въ иныя земли и въ нашемъ Російскомъ государьствѣ продавать. . . .

Относительно другихъ заводовъ, отдаваемыхъ тому же Акемѣ, въ грамотѣ имѣются слѣдующія указанія: „и принимати у нихъ то желѣзо по прежнему на заводѣхъ; а какъ то желѣзо у нихъ принято будетъ, и за то пріемное желѣзо давати ему и племянникомъ его, изъ нашія великого государя казны, противъ прежняго нашего великого государя указу, по штинадцати алтынъ по четыре денги за пудъ. А будетъ у него Филимона и у племянниковъ его, въ которомъ году, сверхъ сего указного числа, сдѣлано будетъ на заводѣхъ желѣза влишкѣ, и ему Филимону и племянникомъ его то желѣзо отдавать въ нашу жъ великого государя казну, въ Оружейную Палату, по тойже указной цѣнѣ, на желѣзныхъ заводѣхъ; а на сторону никому, безъ нашего великаго государя указу, отнюдь не продавать. А въ которомъ году, въ урочные годы или послѣ урочныхъ лѣтъ, желѣзо прутовое и связное въ торгу будетъ дешевле той цѣны, по чему у нихъ въ нашу великого государя казну велѣно пріимать, и у него Филимона и у племянниковъ его въ нашу великого государя казну желѣзо велѣли пріимать передъ торговою цѣною съ убавкою по разсмотрѣнью. А будетъ въ которомъ году мы великій государь, наше царское величество, того желѣза указного числа, пятнадцати тысячь пудъ, что указано имъ поставить, и что сверхъ того указного числа влишкѣ сдѣлано у нихъ будетъ, принять не укажемъ, и ему Филимону и племянникомъ его то желѣзо продавать на сторону,

что она соотвѣтствуетъ тому, за что можно въ дѣйствительности продать данный объектъ оборота:

... А торговымъ всякихъ чиновъ людемъ товаровъ своихъ и на покупку товаровъ денегъ не таити и цѣны съ товаровъ не убавливать и являть въ таможняхъ товары и деньги, и продажную цѣну сказывать прямо въ правду, безъ всякія хитрости [426]).

Нынѣ тотъ дворъ ветхъ и въ моровое повѣтрее 162 г. разоренъ, нынѣ цѣна тому двору рублевъ съ 15. И тотъ Якушковъ дворъ подписанъ продать. И въ Розрядѣ торгуютъ тотъ дворъ новгородскіе жъ сотни тяглецы Тишка Трофимовъ, Васька Григорьевъ и принесли въ Розрядъ за тотъ дворъ 14 руб.; а больше того они за тотъ дворъ дати не похотѣли, а иныхъ никого на тотъ дворъ купцовъ нѣтъ. И только Якушковъ дворъ по той цѣнѣ продать, а затѣмъ на Якушкѣ донять 14 руб. 13 алт. съ деньгою.

Послать память на Земской дворъ, велѣть тотъ дворъ оцѣнить прямою цѣной и велѣть тотъ дворъ по оцѣнкѣ продать, а Якушковѣ сказкѣ вѣрить не велѣть [427]).

Такимъ образомъ, «прямая цѣна» есть рыночная цѣна (=типическая цѣнность), которой придается нормативное значеніе. Поэтому, опредѣленіе „прямая" можетъ сочетаться съ опредѣленіемъ „продажная", какъ въ Новоторговомъ Уставѣ.

въ нашемъ Російскомъ государьствѣ, всякихъ чиновъ людемъ, и къ Архангельскому городу отпускать, и продавать иноземцомъ, и на ефимки и на товары мѣнять (далѣе предписывается ефимки привозить въ Москву „и отдавать въ казну нашего царскаго величества по нашей указной цѣнѣ, а на сторону ефимковъ никому не продавать и не отдавать)". См. А. М. Г. т. III № 38: а за тѣ доски (купленныя у иноземцевъ Марселиса и Акемы въ Пушкарскій приказъ. П. С.), по уговорной цѣнѣ, деньги изъ Пушкарского приказу прислать въ Приказъ нашихъ Тайныхъ дѣлъ.

Уговорная цѣна могла быть продуктомъ соглашенія, но она могла быть и продиктована („указана") частному лицу государствомъ.

[426]) П. П. С. З. № 107 Именный съ боярскимъ приговоромъ указъ 25 окт. 1649 г. О взиманіи таможенной пошлины съ товаровъ въ Москвѣ и въ городахъ, съ показаніемъ по сколько взято и съ какихъ товаровъ.

[427]) А. М. Г. Т. III, № 11, января 14. — Дѣло по докладу о продажѣ отписнаго за недоимку двора откупщика г. Орла Я. Венедиктова. 1660.

А что будетъ у Русскихъ людей всякихъ товаровъ въ продажѣ на деньги и на мѣну: и съ тѣхъ товаровъ имать Гостю съ товарищи, съ прямой продажной цѣны, со всякихъ вѣсчихъ товаровъ по прежнему ... [428]).

Прямого полицейскаго регулированія цѣнъ (даже на хлѣбъ) въ Московскомъ Государствѣ, какъ мы уже говорили, не существовало за однимъ исключеніемъ, весьма интереснымъ, но носившимъ эпизодическій характеръ (псковское регулированіе! О немъ см. ниже). Но это не означало вовсе, что бы торговля хлѣбомъ и другими продуктами была свободна. Наоборотъ, въ фискальныхъ и народно-продовольственныхъ цѣляхъ Московское Государство въ принципѣ проводило строжайшее рыночное принужденіе [429]).

По самой конструкціи всего таможеннаго обложенія государство должно было стремиться къ сосредоточенію продажи всѣхъ товаровъ, предлагавшихся на рынкѣ, въ мѣстахъ съ таможенными учрежденіями. Иначе невозможно представить себѣ правильное функціонированіе всей системы обложенія: если бы тамъ, гдѣ не было таможенъ, торговля могла произво-

[428]) П. П. С. З. № 408. Новоторговый уставъ апрѣля 22 1667 г., 12.

[429]) П. П. С. З. № 107. Именный съ боярскимъ приговоромъ. О взиманіи таможенный пошлины съ товаромъ въ Москвѣ и въ городахъ съ показаніемъ по скольку взято и съ какихъ товаровъ. Октября 25 1653 г.: „А межъ таможенъ на дорогѣ торговымъ людемъ никакого товару не продавать и не покупать...“

П. П. С. З. № 284. Грамота Калужскому воеводѣ князю Львову. О непозволеніи продавать хлѣбъ въ деревняхъ для отвозу, и о приказаніи изъ уѣздовъ везти оной въ городъ и объявлять въ таможнѣ съ платежомъ пошлинъ. Октября 15 1660 г.: „Вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что въ Калугѣ уѣздные всякіе люди хлѣбъ продаютъ въ отвозъ по деревнямъ безпошлинно, и въ томъ Нашей Государевѣ денежной казнѣ не доборъ чинится, и какъ къ тебѣ ся Наша Великаго Государя грамота придетъ, и тыбъ въ Калугѣ и въ Воротынску и (слѣдуетъ перечисленіе) уѣздахъ городскимъ и уѣзднымъ всякихъ чиновъ людемъ заказъ учинилъ крѣпкій...., чтобъ въ тѣхъ городѣхъ всякихъ чиновъ люди впредь отнюдь никто никому въ деревняхъ хлѣба въ отвозъ не продавали, а везли продажной всякой хлѣбъ изъ уѣздовъ въ городъ, а объявлять тотъ хлѣбъ въ таможнѣ, и пошлины съ того продажнаго хлѣба по указу платить, а продавали тотъ хлѣбъ въ городѣхъ, кому что про свою нужду хлѣба купить надобно, а въ отвозъ, опричь Москвы, закупщикомъ на продажу, и въ городѣхъ хлѣба продавать не велѣть; а велѣть тѣхъ городовъ всякимъ людемъ по зимнему пути продажной всякой хлѣбъ везти къ Москвѣ“.

диться свободно, то тѣмъ самымъ давалась бы лазейка для обхода обложенія и открывалась бы возможность грандіозныхъ дефраудацій по отношенію къ казнѣ. Далѣе, Новоторговый Уставъ возлагалъ на таможенныхъ головъ обязанности, которыя шли гораздо дальше собиранія доходовъ и были типичными пріемами промышленной полиціи средневѣковаго города, переданными по наслѣдству государственному меркантилизму. Таможенные головы обязаны были слѣдить за доброкачественностью заморскихъ товаровъ, за тѣмъ, чтобы на нихъ были клейма и печати; недоброкачественные товары надлежало отсылать съ ярмарки съ безчестіемъ, чтобы впредь такіе товары не привозились. То же самое предписывалось и по отношенію къ русскимъ товарамъ [430]).

Эти нормы Новоторговаго Устава содержатъ in nuce всю принципіальную основу того регулированія промышленности и торговли, которое сложилось на Западѣ и на которомъ покоился западно-европейскій цеховой строй.

Было бы въ высшей степени важной задачей — прослѣдить вообще въ правѣ Московскаго Государства элементы и зародыши цехового строя, разыскать ихъ источники и вскрыть ихъ корни.

[430]) Новоторговый Уставъ ст. 45: А къ мѣнѣ на Русскіе Нѣмецкіе товары, также и къ покупкѣ Русскимъ людемъ Нѣмецкихъ товаровъ, чтобы за вѣдомомъ и за досмотромъ было Головы и цѣловальниковъ, для того, вѣдать бы на поставахъ на сукнѣхъ и на бархатѣхъ и на отласѣхъ и на камкахъ и на всякихъ локотныхъ товарѣхъ, и на литомъ и на пряденомъ золотѣ и серебрѣ клейма и печати, всякіе розные признаки, въ которомъ городѣ чтобъ вѣдать мастеровъ такимъ товаромъ, чьего мастерства, и тѣбъ заморскіе продавцы у записныхъ книгъ свои имяна записывали и руки прикладывали, кто что продастъ и промѣнитъ заморской товаръ въ Московское Государство за доброй и за цѣлой, какой во всѣхъ Государствѣхъ похваленъ, а не такіе поддѣльные воровскіе, что въ нынѣшнихъ годѣхъ объявились худые товары. А за такимъ береженьемъ и крѣпкою запискою по клеймамъ и по печатемъ сыщется воровство поддѣлкою товаровъ, и вѣдомо бъ было, въ то Государство писати, чтобъ впредь худыхъ товаровъ въ отпускъ въ Московское Государство заказъ учинили подъ жестокой заповѣдью, и посылать перестали бъ; а тѣ худые товары обличивъ и во весь свѣтъ огласивъ, отослать съ безчестьемъ съ ярманки, чтобъ впредь такихъ худыхъ не возили, и добрымъ товаромъ цѣны не портили; также и Русскіе товары со всякимъ досмотромъ въ продажѣ и въ мѣнѣ бъ были добрые, и въ щетѣ и въ вѣсу прямые.

Но эта задача выходитъ уже изъ рамокъ предлагаемыхъ историческихъ этюдовъ.

3. Теперь мы обратимся къ тому единственному случаю настоящаго полицейскаго регулированія цѣнъ въ Московскомъ Государствѣ, которое, какъ мы уже указали, носило эпизодическій характеръ, но тѣмъ не менѣе для экономиста-историка представляетъ совершенно исключительный интересъ. Мы имѣемъ въ виду извѣстный опытъ регулированія псковской торговли, произведенный въ 1665 году знаменитымъ Ординымъ-Нащокинымъ.

Реформа Ордина-Нащокина [429]) въ экономической своей части сводилась къ двумъ главнымъ пунктамъ: 1) къ регулированію цѣнъ какъ вывозныхъ, такъ и привозныхъ товаровъ и 2) къ организаціи всѣхъ причастныхъ къ торговому промыслу псковичей въ цѣляхъ борьбы съ иноземной эксплоатаціей, т. е. къ своего рода—какъ бы мы сказали теперь—націонализаціи торговли.

Въ Псковѣ между иноземными, экономически сильными, купцами и русскими, «маломощными», торговцами установились, очевидно, въ традиціонной ганзейской формѣ sendeve [430]) эконо-

[429]) См. Б. Н. Чичеринъ. Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Москва. 1856. Стр. 558—562. Соловьевъ. Исторія Россіи (Изд. Товар. Общ. Польза) книга III, стр. 716—718; Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. СПБ. 1862. Стр. 94—98. В. С. Иконниковъ. Аѳ. Лавр. Ординъ-Нащокинъ въ „Русской Старинѣ“ за 1883 г., октябрь—ноябрь. Лихачъ. Статья „Ординъ-Нащокинъ“ въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ. СПБ. 1905. (Тутъ указаны всѣ первоисточники и литература объ Ординѣ-Нащокинѣ).

[430]) Сдѣлка Sendeve есть своеобразная коммиссіонная сдѣлка, а слово Sendeve (neutrum) обозначаетъ товаръ, отданный на комиссію. Glossar къ Hans. Urkundenbuch III. Cp. F. Keutgen. Hansische Handelsgesellschaften vornehmlich des XIV Jahrhunderts въ Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte Bd. IV (1906), SS. 278—324, 461—514, X, 557—632. Литература до 1906 г. указана въ статьѣ Кейтгена. Изъ послѣдующей литературы отмѣчу: K. Lehmann. Altnordische und hanseatische Handelsgesellschaften въ Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht. Bd. LXII (1908), SS. 289—329 и W. Silberschmidt. Das Sendegeschäft im Hansagebiet. Тамъ же Bd. LXVIII—LXIX (1910-1911), SS. 405—438, 1—46. Зильбершмидтъ въ этой и въ прежней своей работѣ Kumpanie und Sendeve [Archiv für Bürgerliches Recht Bd. XXIII (1904), SS. 1—68] неопровержимо показалъ, что сдѣлка Sendeve, какъ отдача товара на комиссію приказчику (Knappe, Knecht), сопрягалась и съ участіемъ приказчика въ прибыляхъ; An der Eigenschaft des Sendeguts konnte sich dadurch

мическія отношенія, которыя по существу представляютъ чрез-

nichts ändern, dass die Parteien eine Teilung des Gewinnes vereinbarten, so wenig sich am übrigen Dienstvertrag des Commis etwas ändert, wenn ihm der Prinzipal die Vorteile eines Commis intéressé gewährt (l. c. S. 433). Тотъ, кому поручалось Sendeve, былъ такимъ образомъ приказчикомъ, комиссіоперомъ-участникомъ въ прибыли въ одномъ лицѣ. Зильбершмидтъ подчеркиваетъ „die ganz eigenartige und jeden Vergleich dem modernen Kommissionsgeschäft ausschliessende Stellung dieser Diener. Abhängig und im Brote ihres Herrn, dürfen sie doch, soweit das nicht ausgeschlossen ist, Handelsgeschäfte auf eigene Rechnung abschliessen und werden am Handelsgeschäfte des Herrn beteiligt. Den eigenen Geschäften des Dieners gegenüber nimmt der Herr ganz die gleiche Stellung ein, wie der Diener zu ihm; er muss ihm Nachricht geben, Rechenschaft leisten u. s. w. Aus diesen Gegenseitigkeiten ergibt sich dann eine förmliche Stufenleiter von Beteiligungen, da auch die Prinzipale wieder mit anderen im gleichen Verhältnis stehen und der Faktor bei seinen Bestellungen und Käufen wieder Part gibt u. s. f.“ (SS. 35—36).

Древнѣйшему русскому праву, какъ оно формулировано въ „Русской Правдѣ“, повидимому, свободный приказчикъ-комиссіонеръ не былъ извѣстенъ. Фактически приказчики-комиссіонеры были рабами. Кар. *128*: Оже кто поустить холопа въ торгъ, а должаетъ, то выкупати его господину, а лишатися его не лзѣ. *130*: Оже холопъ бѣгая добоудетъ товару, то господину холопъ и долги, господину же и товаръ. *131*: Аще кто бѣжа, а поемле (въ др. сп.: поемлетъ что) соусѣдне или товаръ, то господину платити зань оурокъ, что будетъ взялъ.

Но „комменду“ въ ея чистомъ видѣ (ср. W. Silberschmidt. Die Commenda in ihrer frühesten Entwicklung bis zum XIII Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte der Commandit- und der Stillen Gesellschaft. Mit einem Vorwort von Prof. Dr. L. Goldschmidt, Würzburg 1884) и притомъ въ формѣ денежной комменды наше древнѣйшее право знало. Ср. „Русская Правда“ Карамз. *45* (можетъ быть, также *69*) и „Псковская Судная Грамота“ *38*: А кто иметъ на комъ сочитъ торговыхъ денегъ.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ русское право commenda перешла изъ сѣвернаго права, гдѣ она издавна существовала. Ср. Pappenheim. Altnordische Handelsgesellschaften въ Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht. Bd. XXXVI (1889), SS. 85—123. О значеніи скандинавскаго сѣвера для европейскаго торговаго развитія ср. теперь Alexander Bugge (Christiania): Die nordeuropäischen Verkehrswege im frühen Mittelalter und die Bedeutung der Wikinger für die Entwicklung des europäischen Handels und der europäischen Schiffahrt въ Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte Bd. IV (1906) SS 227—277. Возможны также восточныя вліянія. Ср. J. Kohler. Die Commenda im islmitischen Rechte. Ein Beitrag zur Geschichte des Handelsrechtes. Würzburg 1885.

вычайно интересный образецъ Verlagsystem, т. е. подрядно-капиталистической системы въ торговлѣ [431]).

Реформа Ордина-Нащокина заключалась въ томъ, чтобы эти подрядно-капиталистическія отношенія національзовать и путемъ вмѣшательства власти организовать на началахъ примиренія интересовъ торговыхъ капиталистовъ и ихъ приказчиковъ. «Лучшіе люди» изъ псковскихъ торговцевъ должны были распредѣлить между собою «маломочныхъ» людей, вѣдать ими и подъ ихъ приказчичій трудъ доставать имъ ссуду изъ «градскихъ» денегъ въ земской избѣ. На эти деньги приказчики должны были покупать русскіе товары и затѣмъ сдавать ихъ своимъ хозяевамъ, которые обязаны были принять у нихъ товаръ по цѣнѣ, уплаченной приказчиками съ прибавкой «для прокормленія». А послѣ продажи товаровъ иноземцамъ хозяева обязаны были дѣлиться прибылью съ приказчиками [432]).

История „комменды“ и приказчичьяго договора въ наукѣ русскаго права совершенно еще не изслѣдована. Въ „Обзорѣ“ М. В. Владимірскаго-Буданова эти проблемы даже не упоминаются.

[431]) Дополненія къ Актамъ историческимъ. Т. V, стр. 3 и 6: „...скудные торговые люди въ посадѣхъ и въ уѣздѣхъ тайно емлютъ денги у Нѣмецъ въ подрядъ на Рускіе товары, и собравъ будто свои товары явно малою цѣною продаютъ, по сговору съ Нѣмцы, для того чтобъ годовая оцѣнка Рускимъ товаромъ низка положить... ...что въ прежніе годы отъ такого неудержанія Рускіе люди на иноземцовъ торговали изъ малого прокормленія и въ послѣднюю скудость пришли, а которые Псковичи и свои животы имѣли, а отъ сговорщиковъ съ Нѣмцы для низкіе цѣны товаровъ оскудѣли жъ, и нынѣ пятинную денгу считаютъ на многихъ Псковичахъ за тайные сговоры товаровъ за Нѣметцкіе денги и внутрь Псковского государства великое оскорбленіе отъ напрасного сборшитцкаго наклада на бѣдныхъ людей пятинные денги.

Лифманъ мѣтко указалъ, что юридически Verlagssystem характеризуется какъ locatio-conductio operis, т. е. какъ подрядъ (Werkvertrag нѣмецкаго права). Ср. Robert Liefmann. Ueber Wesen und Formen des Verlages (der Hausindustrie). Ein Beitrag zur Kenntniss der volkswirtschaftlichen Organisationsformen Freiburg i. B. 1899. SS. 35—39. Поэтому наиболѣе вѣрнымъ по существу русскимъ обозначеніемъ для Verlagssystem будетъ терминъ подрядно-капиталистическая система, и весьма любопытно, что въ торговлѣ эту систему наше право XVII вѣка прямо обозначаетъ какъ подрядъ. Этотъ подрядъ, конечно, не можетъ быть отождествляемъ съ подрядомъ ст. 1737 „Законовъ Гражданскихъ“.

[432]) Тамъ же, стр. 6: А торговымъ Псковичамъ лутчимъ людемъ, для устроенья градцкого и одержанья бѣдныхъ людей, чѣмъ завестись и къ тому бы иные вновь во Псковскіе посады прибывали, росписать по свойству и по знакомству во Псковѣ въ посадѣ, также и въ пригородѣхъ,

Рядомъ съ такой организаціей туземныхъ торговыхъ элементовъ шло запрещеніе русскимъ брать у иноземцевъ, а иноземцамъ раздавать русскимъ деньги для покупки товаровъ [433]).

Этотъ коммерческій національизмъ, это разъединеніе въ торговлѣ своихъ и чужихъ есть традиціонный мотивъ ганзейской торговой политики. Обычная норма ганзейской торговли гласитъ:

> Никто не долженъ брать у русскихъ товаръ въ кредитъ, въ компаніи съ ними или по ихъ порученію [434]).

маломожныхъ людей по себѣ и торговли ихъ и промыслы вѣдать, кто чѣмъ промышляетъ, и въ ихъ работу, что они на чюжеземцовъ работали, ссуда имъ учинить по измогѣ изъ земскіе избы, какіе денги градцкіе будутъ, и за тое ссуду покупали бы тѣ маломожные люди Рускіе товары; а сколко кто сберетъ товару, и тотъ товаръ въ декабрѣ мѣсяцѣ записывать въ земской избѣ, а у кого тѣ люди у лутчихъ торговыхъ людей въ запискѣ будутъ, и тѣмъ принявъ у нихъ товаръ и дати имъ цѣну съ наддачею, для прокормленія и чтобъ впередъ къ маю мѣсяцу собрали товары; а дойдетъ до ярманки, и тогда комужъ противъ сбору полная прибыль дати, по чему свалочъ у лутчихъ людей товары будутъ проданы иноземцомъ. И та ссуда имъ для того, чтобы бѣдные люди отъ иноземцовъ были отлучны, а у лутчихъ людей въ товарѣхъ цѣны не портили.

„Полная прибыль" тутъ означаетъ, конечно, не всю прибыль, а обычный размѣръ прибыли разнаго рода участниковъ въ предпріятіи, т. е., мнѣ думается, равный раздѣлъ (пополамъ) прибыли, установленный по ганзейскому (любекскому) праву. Ср. имѣвшее руководящее значеніе для всего сѣвера Любекское Городское Право (редакціи 1586) книга III, титулъ IX статья 1: Machen etliche Gesellschaft mit einander . . . . den Gewinn theilen sie zugleich. См. Keutgen, 1. с. 486—490.

[433]) Тамъ же, стр. 6: ...чтобы подряду тайного съ чюжеземцы у Рускихъ торговыхъ людей не было, и денегъ въ подрядъ у иноземцовъ маломошные люди не имали, и тѣмъ цѣны Рускимъ товаромъ не низили бы,... И для такого междо торговыми людми утверженія, чтобъ тайными торговли отлучны были отъ иноземцовъ, заказъ крѣпкой учинить съ заповѣдью: кто на кого извѣститъ и впрямъ доведетъ въ уѣздѣ, или у пріѣзжихъ людей товаровъ закупки на иноземцовъ и по животамъ сыщетца, что закупаетъ на прибылые денги, и за то чинить наказанье безъ пощады. А иноземцамъ во Псковѣ на гостинѣ дворѣ сказать, чтобы денегъ въ товары Рускимъ людемъ не давали; а кто черезъ заповѣдь дастъ, и онъ денги свои потерялъ.

[434]) Третья Новгородская Скра (около 1325 г.) [Изд. П. Таля въ Чтеніяхъ Моск. Общества И. и Др. Росс. 1905, кн. 47, § 12]: Nen dudesch copman scal uoren rucen gůt, noch der walen, noch der flamincge, noch der engelschen gůt in cupamie edder to sendeve. Breke dat ienich man, de betere sunte petere 1 marc suluers. Ср. Русско-Ливонскіе Акты, со-

Кромѣ того, торговля въ розницу съ русскими имъ была запрещена—къ потребителю непосредственнаго доступа у нихъ не было [435]).

Прямого регулированія цѣнъ однако уставное право нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ не знало. Оно нормировало лишь ту товарную цѣнность, которую отдѣльный купецъ могъ привозить въ Новгородъ [436]).

Далѣе носила, съ одной стороны, цехово-уравнительный характеръ, съ другой—имѣла въ виду предупредить переполненіе рынка привозными товарами [437]).

Кромѣ того, право нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ проводило принципъ продажи на наличныя деньги и по опредѣленной цѣнѣ (certum pretium!): продажа по цѣнѣ, которая въ будущемъ опредѣлится на рынкѣ, была прямо запрещена [438]).

бранные К. Е. Напіерскимъ. Изданы Археограф. Коммиссіей. СПБ. 1868. № LXXXII (стр. 66). Neman scal oc walen gut. noch engelschen gut. noch borgen. noch to kumpanie. noch to sendeue. in den hof to Nogarden voren. Oc ne scal neman ole minge gut. to kumpanie. noch to sendeue. in den hof voren. hir so ne is de borgh mit den vlemingen nicht mede neder geleget. Neman scal oc gut van den Ruscen borgen. noch to kumpanie. noch to sendeue nemen.

Этотъ принципъ въ обобщенной формѣ вошелъ и въ Любекское Городское Право 1586. Книга III, титулъ IX, статья 2 гласитъ: Es sol kein Hansischer mit denjenigen, welche nicht Hänsisch seyn, er sey gleich wer er wolle, Gesellschafft oder Factoreyen anstellen.

[435]) Ср. Dr. Woldemar Buck. Der Deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrhunderts. Separatabdruck aus dem Jahresbericht der St. Annen-Schule 1894/95. St. Petersburg 1895, S. 80.

[436]) Русско-Ливонскіе акты. ц. мѣсто: Neman scal oc bouen dusent marc in den hof voren. noch senden. it si wintervare. oder somervare. Were ieman de des vorwnnen worde. de scal hebben vor varen. al dat dar vmbouen is. half an sente peters behof. vnde half in de stat dar he borger is. Ср. N. G. Riesenkampff. Der deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III im Jahre 1494. Dorpat 1854, SS. 112—113.

[437]) Вѣрно отмѣчено Ризенкампффомъ, l. c.

[438]) Третья Новгородская Скра § 12. Van gude to copende van den rucen. Nen dudesch copman scal gut copen van eneme rucen uppe ene settincge (въ этомъ словѣ либо въ текстѣ г. Таля опечатка, либо описка въ самой рукописи!) des markedes, de noch schen scal, mer he scal eme gheuen reede umme reede. So we dat breket, de betere sunte petere van ieweliken 10 marken 1 marc. Рѣчь здѣсь идетъ конечно не о таксѣ въ истинномъ смыслѣ и потому переводъ г. Таля: „Никто

Любекское цеховое право знало правда въ нѣкоторыхъ случаяхъ уставно-картельную, производимую при прямомъ участіи делегатовъ Городского Совѣта, нормировку цѣнъ товаровъ, составлявшихъ предметъ торга съ иностранцами. Таковую мы находимъ въ уставѣ цеха сукнокрасильщиковъ [439a]).

Но отсюда до общаго регулированія цѣнъ во внѣшней торговли довольно далеко. Между тѣмъ, какъ мы уже указали, національная организація торговли дополнялась въ реформѣ Ордина-Нащокина широчайшимъ регулированіемъ цѣнъ: повидимому, это регулированіе распространялось на всѣ товары русскіе, продаваемые за границу, и на всѣ товары заграничные, привозимые въ Псковъ; для привозныхъ же во Псковъ русскихъ товаровъ эта уставная цѣна имѣла нормативное значеніе при сборѣ рублевой пошлины [439b]).

изъ нѣмецкихъ купцовъ не долженъ покупать товаръ у русскаго по рыночной таксѣ, которая еще не состоялась" создаетъ неправильное представленіе. Слово Setting или Satting въ данномъ контекстѣ означаетъ не велѣніе власти, а фактическую норму, типическую цѣнность,—рыночную цѣну. См. такое значеніе sub v. у Schiller-Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen. 1878. Совершенно вѣрно толкуетъ Френсдорффъ: der Wortlaut des Verbotes (kann) nicht anders gedeutet werden als eine Untersagung von Kaufgeschäften, bei welchen die Höhe des Preises nicht schon zur Zeit des Vertragsabschlusses vereinbart ist, sondern sich erst später nach dem künftigen Marktwerth einer Waare bestimmen soll. F. Frensdorff. Das statutarische Recht der deutschen Kaufleute in Nowgorod. Abhandlungen der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Bd. 33—34. 1886—1887. Цит. мѣсто Bd. 34, SS. 24—25. Никитскій (Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. Москва 1893 г., стр. 149—150) предполагаетъ, что „дѣло происходило, по всей вѣроятности, такъ, что изъ среды новгородскаго купечества избиралось нѣсколько особыхъ посредниковъ, маклеровъ, которые и вели торговыя сдѣлки между иноземными и иногородными купцами по соглашенію съ мѣстнымъ купечествомъ". Такой порядокъ, конечно, не устранялъ рыночнаго торга.

[439a]) Wehrmann, l. c. S. 486.

[439b]) Доп. къ А. И., т. V, стр. 2: А въ прежніе годы изъ Великіе Росіи, изъ многихъ славныхъ городовъ, черезъ Псковъ Рускіе товары въ Лифлянскіе городы возили; а когда далнихъ городовъ торговые люди черезъ Псковъ въ продажѣ своихъ товаровъ прибыль имѣли, колми паче жителемъ Псковскимъ, имѣюще близость въ чюжіе земли, въ продажѣ Рускихъ и въ мѣнѣ и въ покупкѣ чюжеземскихъ товаровъ прибыль имѣть: и для того всенароднаго пожиточного и богоугоднаго дѣла, единомысленнаго своего совѣту, на всякіе товары уставной цѣнѣ

Возникаетъ вопросъ: къ какимъ вліяніямъ восходитъ псковское регулированіе цѣнъ?

Прямыхъ образцовъ для него ни въ ганзейскомъ, ни въ восходящемъ къ ганзейскому праву шведскомъ городскомъ правѣ, повидимому, нельзя отыскать. Остается обратиться къ праву польскому, и по совокупности всѣхъ данныхъ для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ вопросѣ о регулированіи цѣнъ реформаторство Ордина-Нащокина формально восходитъ именно къ польскимъ образцамъ.

Мы уже видѣли что одна статья Уложенія, трактующая объ указной цѣнѣ, восходитъ къ польскому законодательству XVI в. Польша въ XV, XVI и XVII вв. была классической страной регулированія цѣнъ, а передъ реформой Ордина-Нащокина вся Лифляндія, къ которой экономически тяготѣлъ Псковъ, была въ рукахъ поляковъ (до Оливскаго мира 1660 г.). Начиная съ 1396 года, когда была издана такса товаровъ для Кракова и его округа, тянется длинный рядъ мѣръ, направленныхъ на регулированіе цѣнъ [440a]). Здѣсь не мѣсто излагать и анализировать

именуючи порознь всякой товаръ, однѣмъ постановленьемъ непремѣнно во всѣ годы учинить; а привозные во Псковѣ Руские товары имѣютъ быть по той же уставной цѣнѣ для сбору рублевые пошлины, а чюжеземцамъ въ который годъ какъ ни продастъ....

Тамъ же стр. 5: А за тое великого государя царского величества милость, яко отъ вѣрныхъ подданныхъ прибыль поищетца его великого государя казнѣ такою мѣрою: свѣдаютъ въ чюжихъ земляхъ, что во Псковѣ на указные сроки учинены торги безпошлинные, также и Великіе Росіи въ городѣхъ свѣдаютъ, и учнутъ привозить передъ прежнимъ многіе товары, какъ во всѣхъ государствахъ славно тѣ торги, гдѣ безъ пошлинъ учинены; и въ тѣ съѣзды болшіе устава положить: всякому торговому человѣку Псковитину и пріѣзжему Рускому, съ указного безпошлинного сроку, съ вѣдома выборныхъ земскихъ людей Псковичь, чюжеземцамъ отдавать товары Руские по уставной цѣнѣ, по чему товаръ закупять, и по счету товару, сколко у кого по запискамъ прямымъ въ продажѣ будетъ, и по объявному уставу двѣ доли товару Руского иноземцу промѣнить на ихъ иноземскіе товары, а за треть взять ефимки противъ тое цѣны, какъ уставлена будетъ съ иноземцы цѣна.

[440a]) Обстоятельный обзоръ этихъ мѣропріятій у B. Ulanowski. Kilka zabytków ustawodawstwa królewskiego i wojewodzińskiego w przedmiocie handlu i ustanawiania cen въ Collectanea ex Archivo Collegii iuridici. Tomus I. Kraków Nakladem Akademii Umiejetnosci. 1895. Стр. 37—144. Ср. Adam Szelagowski. Pieniadz i przewrót cen w XVI i

всѣ эти акты, универсально-историческое значеніе которыхъ къ сожалѣнію еще вовсе не оцѣнивается экономистами-историками [440b]).

Съ нашей точки зрѣнія нарочитаго вниманія заслуживаетъ постановленіе коронаціоннаго сейма 1633 года. Въ этомъ постановленіи указывается, что для обширныхъ границъ польскаго государства трудно установить общую оцѣнку иностранныхъ товаровъ (exoticarum mercium), которая имѣла бы силу навсегда; поэтому постановляется, чтобы отъ сейма до сейма были бы назначаемы особые присяжные коммиссары изъ состава Сената и Сейма, которые съ участіемъ мѣстныхъ людей въ четырехъ пунктахъ, наиболѣе близкихъ къ границамъ государства, устанавливали бы таксу всѣхъ товаровъ: для товаровъ, которые шли изъ Москвы и изъ Инфлянтовъ [441])—въ Люблинѣ; для товаровъ, которые шли изъ Турціи и изъ Италіи—въ Львовѣ; для венгерскихъ и силезскихъ товаровъ—въ Краковѣ; для товаровъ, привозимыхъ съ Балтійскаго моря, изъ Пруссіи и Поморья,—въ Познани. На основаніи этихъ общихъ тарифовъ отдѣльные воеводы въ своихъ воеводствахъ должны были составлять мѣстныя таксы [442]). Проф. Уляновскій въ

XVII wieku w Polsce. Lwow. 1902. Стр. 88—101 и Sigismund Gargas. Volkswirtschaftliche Ansichten in Polen im XVII Jahrhundert. Insbruck. 1905. SS. 118—130. М. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. Перев. подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. II. СПБ. 1891, стр. 85—87. Станиславъ Кутшеба. Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ редакціей Н. В. Ястребова. СПБ. 1907. Стр. 81—82.

[440b]) См. экскурсъ V: Одна изъ историческихъ проблемъ торговой политики.

[441]) Повидимому, относится къ обоимъ Инфлянтамъ поскольку дѣло шло о сухопутномъ транспортѣ. Инфлянты польскіе — традиціонное названіе Двинскаго, Люцинскаго, Рѣжицкаго и Дриссенскаго уѣздовъ Витебской губерніи. Инфлянты Шведскіе = Лифляндія.

[442]) Volumina legum. III (Petersburg 1859) pp. 382—383: Pretia rerum. Ze dla szerokich granic Państwa naszego, trudno może bydź generalny szacunck exoticarum mercium, żeby się w każdym Woiewodztwie iednako trafić mogl: więc dla odmiany czasow, trudno ma raz uczyniona taxa in perpetuum trwać: postanawiamy, aby od Seymu do Seymu przysięgli Kommissarze nasi, tak z Senatu iako y z Kola Poselskiego naznaczeni byli, ktorzyby z miast ludzi sposobnych do siebie wziąwsky, w regestra kupieckie y celne weyzrzawszy, na czterech mieyscach granic Państwa naszego nayblizych, taxę wszystkich mercimoniorum czynili: iedni w Lublinie, tych ktore z Moskwy y z Inflant idą, przy Starostach mieysc tamtych, gdzie się szacunki będą odfrawowaly; drudzy tych, co z Turek

1895 году высказалъ предположеніе, что на основаніи постановленія сейма 1633 года были изданы таксы привозныхъ товаровъ въ указанныхъ главныхъ пунктахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, доктору В. Рольному удалось найти изданныя въ 1633 г. таксы — краковскую (печатную) и львовскую (рукописную) [443]).

Регулированіе цѣнъ, предпринятое Ординымъ-Нащокинымъ, носитъ черты регулированія, съ одной стороны, уставнаго, «начальственнаго» (obrigkeitlich), съ другой стороны — картельнаго. Какъ «начальственное» регулированіе оно формально (юридически) совпадаетъ съ польской практикой въ этой области и къ ней восходитъ. Матеріально же (т. е. экономически) псковское регулированіе отличается отъ польскаго тѣмъ, что оно не есть ни исключительно ни главнымъ образомъ регулированіе въ интересахъ потребленія, каковымъ было регулированіе польское [443b]).

Какъ регулированіе картельное оно вытекло изъ своеобразнаго «подряднаго» строя псковской торговли: этотъ строй обусловливалъ собой то взаимодѣйствіе капиталистовъ и ихъ приказчиковъ, о которомъ мы говорили выше и при которомъ представители труда были не простыми наемными рабочими, а такъ сказать, субпредпринимателями, аналогичными непосредственнымъ производителямъ въ домашней промышленности. XVII и XVIII вѣка характеризуются въ западной Европѣ «картельнымъ» регулированіемъ цѣнъ въ домашней промышленности, проводимымъ заинтересованными группами—капиталистами и трудящимися—съ разрѣшенія и поощренія власти, часто въ формахъ цехового права и принудительно [444]). Организація псковской торговли, въ виду

---

y z Woloch, we Lwowie: trzeci tych co z Węgier y Sląska, w Krakowie, a czwarci tych co ex mari Baltico, y tam z Prus y Pomorstwa, w Poznaniu: ktore szacunki generalne, maią po wszystkiey Koronie bydź rozebrane, y z nich zaś w swoich Woiewodztwach Woiewodowie, habitatione distantia locorum, wedlug proporcyi szacować będa.

[443a]) Wilhelm Rolny. Dwie taksy towarów cudzoziemskich (въ краковской таксѣ буквально тоже выраженіе, что въ псковскихъ актахъ— „чюжеземскихъ") z r. 1633 въ Collectanea ex Archivo Collegii iuridici, V. Kraków 1897. PP. 547—574.

[443b]) См. экскурсъ VI.

[444]) Какъ примѣры, можно указать опыты регулированія цѣнъ въ вюртгембергской суконной промышленности (ср. Walter Troeltsch Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. Studien zur Gewerbe- und Sozialgeschichte Altwürttembergs. Jena 1897, SS. 82—83.

своеобразія ея соціальныхъ отношеній, тождественныхъ съ отношеніями домашней промышленности, вдвигается въ ту же рамку.

Но вліянія западно-европейскаго «кустарнаго права», которое, повторяемъ, восходило къ праву цеховому, на псковскія реформы Ордина-Нащокина нѣтъ ни основаній, ни надобности предполагать: сходство мотивовъ и пріемовъ регулированія тутъ вытекаетъ изъ сходства соціальныхъ отношеній, первое сходство является и необходимымъ, и достаточнымъ объясненіемъ второго.

Наоборотъ, вліяніе польскихъ образцовъ «начальственнаго» регулированія цѣнъ на политику Ордина-Нащокина не только вѣроятно, но и прямо несомнѣнно въ виду полнаго формально-юридическаго совпаденія этихъ мѣропріятій и тѣсной связи Пскова, черезъ «Инфлянты»[445]), съ экономической и государственной жизнью Польши, съ одной стороны. На ту же мысль наводитъ и отсутствіе прецедентовъ настоящаго полицейскаго регулированія цѣнъ въ практикѣ и новгородско-псковской, и московской. Эта практика не могла подготовить мѣропріятій Ордина-Нащокина — и мысль о заимствованіи является поэтому неотразимой[446]).

4. Для того, чтобы найти въ русскомъ правѣ полную аналогію торговой реформѣ Ордина-Нащокина, мы должны обратиться къ позднѣйшему законодательству. Тутъ мы находимъ порази-

---

122—123), въ чулочно-вязальномъ промыслѣ княжества Байрейтъ (ср. Georg Schanz. Zur Geschichte der Colonisation u. Industrie in Franken. Erlangen 1884, SS. 80—81), въ проволочномъ промыслѣ Вестфаліи (ср. Karl Knapmann, Das Eisen-und Stahldrahtgewerbe in Altena bis zur Einführung der Gewerbefreiheit. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der Kartelle. Leipzig 1907, SS. 44 — 58). См. вообще о регулированіи домашней (кустарной) промышленности при кустарномъ правѣ Schmoller: Die Hausindustrie u. ihre älteren Ordnungen u. Reglements въ Jahrbuch für Gesetzgebung etc. (1887) и его же: Das Recht u. die Verbände d. Hausindustrie тамъ же (1891), а также мою статью „Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности“ въ сборникѣ „На разныя темы“ (СПБ. 1902). Ср. также Кулишеръ. Эволюція прибыли, т. I.

[445]) Съ Инфлянтами Ординъ-Нащокинъ къ тому же былъ связанъ многообразными отношеніями по своей дѣятельности и даже по происхожденію. Онъ вообще рано испыталъ на себѣ западное вліяніе именно въ его польской переработкѣ.

[446]) На непосредственное вліяніе польскихъ образцовъ, быть можетъ, указываетъ даже терминъ: уставная цѣна. Въ другихъ памятникахъ Московскаго Государства, какъ мы видѣли употребляется терминъ: указная цѣна.

тельное подобіе псковскаго регулированія цѣнъ въ организаціи кяхтинской русско-китайской торговли на основаніи закона 15 марта 1800 г. Это—тоже картельно-уставная нормировка цѣнъ. Важнѣйшія статьи закона 1800 г. [446]) гласили:

1. Торгъ съ Китайцами производить не иначе, какъ мѣною товаровъ, а на деньги не только ничего не покупать, но и не продавать, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафа.

2. Для удержанія сей торговли, колико возможно, въ выгоднѣйшемъ для Россіи положеніи, избирать отъ купечества, по числу существующихъ компаній по одному компаніону изъ первѣйшихъ купцовъ. Должность сихъ компаніоновъ состоитъ въ точнѣйшемъ соблюденіи изъясненныхъ здѣсь правилъ, постановляемыхъ для Кяхтинской торговли, и въ проведеніи чрезъ то оной въ лучшее противъ прежняго положеніе. А посему и обязаны они компаніоны наиболѣе пещись о томъ единственно, дабы Россійскіе товары, при взаимной мѣнѣ, сколько возможно въ цѣнахъ возвышаемы, а Китайскіе понижаемы были.

3. Но какъ при взаимной мѣнѣ товаровъ происходили донынѣ весьма важныя злоупотребленія, а именно: Россійскіе купцы по своевольству своему имѣя въ виду какія либо частныя выгоды, промѣнивали свои товары на Китайскіе гораздо ниже поставляемыхъ отъ всего купечества цѣнъ, чѣмъ самымъ наносили вредъ вообще всей торговлѣ; напротивъ Китайцамъ доставляли великія выгоды: то къ отвращенію навсегда таковаго губительнаго для тамошней торговли злоупотребленія, наистрожайше предписывается, отнынѣ впредь всѣмъ компаніонамъ въ общемъ собраніи находящагося въ Кяхтѣ купечества постановлять Россійскимъ и Китайскимъ товарамъ цѣны для взаимнаго вымѣна; при чемъ не только наблюдать, дабы Россійскіе товары въ цѣнахъ противъ прежняго понижаемы, а Китайскіе возвышаемы не были, но и прилагать всемѣрное попеченіе, чтобъ сіе постановленіе товарамъ цѣнъ приносило время отъ времени вящую пользу Россійскому купечеству.

---

[446]) П. П. С. З. 19328. Марта 15. Высочайше утвержденныя правила, по которымъ Кяхтинская Таможня и купечество, при производствѣ съ Китайцами торга, поступать долженствуютъ.

4. А дабы на самомъ дѣлѣ постановляемыя отъ всего купечества какъ Россійскимъ, такъ Китайскимъ товарамъ цѣны при взаимной мѣнѣ сохраняемы были; то всѣ привозимые изъ Россіи товары долженствуютъ быть разсматриваемы въ Троицкой крѣпости всѣми компаніонами въ то самое время, какъ Кяхтинская Таможня приступитъ къ надлежащему оныхъ по ея обязанности досмотру. При семъ разсматриваніи товаровъ компаніоны обязаны сортировать оные по настоящей ихъ добротѣ, и потомъ, сообразно постановленныхъ для промѣна цѣнъ, сдѣлать имъ расцѣнку, удаляясь при томъ всякаго пристрастія въ чью либо частную выгоду. По окончаніи чего, составить тѣмъ товарамъ три единогласные регистра, съ показаніемъ учиненной расцѣнки, изъ коихъ одинъ регистръ отдавать купцу, привезшему оные товары, другой оставлять Таможнѣ, а третій взять къ себѣ для записки въ книгу, и чтобъ всѣ оные регистры были за подписаніемъ всѣхъ компаніоновъ, такъ и Директора Кяхтинской Таможни, а въ небытность его, старшаго по немъ Члены.

5. Какъ скоро привозимы будутъ изъ Кяхты въ Троицкую крѣпость вымѣнные Китайскіе товары, то также при самомъ досмотрѣ оныхъ, отъ стороны Таможни должны быть и всѣ компаніоны, которые точнѣйшимъ образомъ обязаны, по представленному отъ купца регистру, всѣ тѣ товары освидѣтельствовать и разсматривать по настоящей добротѣ, и потомъ входить въ разсмотрѣніе, точно ли сіи товары вымѣнены, а Россійскіе промѣнены по тѣмъ цѣнамъ, какія постановлены и какія по разной Россійскихъ товаровъ добротѣ назначены были при учиненной имъ расцѣнкѣ. Сдѣлавъ таковую повѣрку, написать два регистра о количествѣ и о цѣнѣ оныхъ товаровъ, по подписаніи оныхъ всѣми компаніонами, также и Директоромъ Таможни, а въ небытность его, старшимъ по немъ Членомъ, одинъ изъ нихъ оставить въ Таможнѣ, а другой взять компаніонамъ для внесенія въ книгу. При семъ случаѣ отъ хозяина тѣхъ товаровъ прежде данный на Россійскіе товары регистръ отбирать и хранить компаніонамъ у себя.

6. Если же бы случилось, что нѣкоторые Россійскіе товары по постановленной цѣнѣ Китайцами приняты не бу-

дутъ, то на сей разъ отъ промѣна ихъ сколько можно удерживаться; но буде бы продолженіе нѣкотораго времени и обстоятельства торга открыли ясно, что оныхъ по установленной цѣнѣ промѣнять невозможно, въ такомъ случаѣ приступать уже ко вторичной расцѣнкѣ, которую и производить въ собраніи всѣхъ компаніоновъ и въ присутствіи одного изъ Членовъ Таможни, для чего и возвращать тѣ товары изъ Кяхты въ Троицкую крѣпость прямо въ Таможню; по учиненіи жъ сей вторичной расцѣнки, препровождать оные паки для промѣна въ Кяхту; причемъ наблюдать, чтобъ таковая вторичная расцѣнка учинена была по самой справедливости, судя по добротѣ товаровъ и безъ большаго пониженія постановленныхъ для вымѣна цѣнъ; въ составленіи жъ тройнымъ числомъ регистровъ поступать на основаніи 4 пункта, со изъясненіемъ притомъ, какое противъ настоящей расцѣнки, при сей вторично учиненной въ цѣнахъ пониженіе сдѣлано.

7. Компаніонамъ и всему купечеству наиприлежнѣйшее имѣть смотрѣніе, чтобъ никто изъ купцовъ при взаимной мѣнѣ товаровъ не отваживался Россійскіе товары промѣнивать ниже, а Китайскіе вымѣнивать выше постановленныхъ отъ компаніоновъ и всего купечества цѣнъ; буде же кто изъ купцовъ въ противномъ сему поступкѣ окажется и въ томъ въ собраніи компаніоновъ и купечества изобличенъ будетъ, съ таковаго за первый разъ взыскивать 50 руб., за второй вдвое, а въ третій разъ высылать изъ Кяхты и впредь для торга никогда не впускать. Кяхтинская Таможня, по отношенію отъ компаніоновъ и купечества о таковомъ поступкѣ кого либо изъ купцовъ, немедленно долженствуетъ взыскать вышеписанной денежной штрафъ, а о высылкѣ за третичный поступокъ изъ Кяхты отнестись, куда слѣдуетъ; штрафныя жъ деньги хранить той Таможнѣ у себя и не иначе употреблять въ расходъ, какъ съ дозволенія вышняго Начальства, въ пользу тамошняго торга.

8. Всѣ компаніоны не исключаются отъ обязанностей, каковыя здѣсь предписываются каждому изъ купечества, а потому и принадлежащіе кому либо изъ нихъ товары какъ Россійскіе, такъ и Китайскіе подвергать равному свидѣтельству и расцѣнкѣ, которую и производить прочимъ компа-

ніонамъ на такомъ же основаніи, какъ вообще для всего купечества постановлено.

Очевидно, картельно-уставному, начальственно-принудительному регулированію исторически предшествовали сперва вольный торгъ, а затѣмъ, какъ это уже прямо сказано въ законѣ, регулированіе товарищеское, свободно-картельное. Но такое свободно-картельное регулированіе ни къ чему не приводило — и отсюда вытекла необходимость перейти къ обязательному для всѣхъ торгующихъ установленію цѣнъ, которое было такъ же, какъ въ реформѣ Ордина-Нащокина связано съ націонализаціей торговли.

Организація Кяхтинской торговли, созданная закономъ 1800 г., продержалась до 1856 г.[447a]). Положеніемъ 1-го августа 1855 г. было постановлено:

промѣнъ товаровъ китайцами на Кяхтѣ дозволить производить по вольнымъ цѣнамъ, безъ всякаго ограниченія какими-либо общественными постановленіями [447b]).

XV.

1. Резюмэ историческаго обзора: основные результаты исторической феноменологіи цѣны (стр. 310—312) 2. Нѣсколько словъ объ исторической проблемѣ ссуднаго процента (стр. 312—314).

1. Выше мы пытались сгруппировать и критически освѣтить разнообразный сравнительно-историческій матеріалъ, проливающій свѣтъ на основную проблему исторической феноменологіи цѣны,— проблему соотношенія цѣны вольной и указной.

Мы видѣли, что соціальному или властному регулированію искупа за преступленія, который первоначально принимаетъ форму, близкую къ цѣнѣ и воспринимается именно какъ нѣкая

[447a]) Ср. А. Корсакъ. Историко-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Казань 1857, стр. 100—101, 336—343 и въ особенности Григорій Небольсинъ. Статистическое Обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. Часть первая. Спб. 1850, стр. 353—372. Кяхтинская мѣновая торговля съ регулированіемъ промѣнныхъ цѣнъ, которое было установленіемъ минимума, заслуживала бы спеціальнаго историческаго изслѣдованія и теоретическаго анализа. Мы ее отмѣчаемъ здѣсь исключительно съ феноменологической точки зрѣнія и притомъ только ради сопоставленія съ псковской реформой Ордина-Нащокина.

[447b]) В. П. С. З. № 295554,

цѣна, предшествуетъ свободное соглашеніе, или, что то же, въ этой области, которая затрагиваетъ наиболѣе чувствительныя струны человѣка, вольная цѣна предшествуетъ указной.

Отъ этой области было бы, конечно, недопустимо по аналогіи заключать къ сферѣ возмезднаго обращенія благъ, т. е. къ явленіямъ обмѣна въ точномъ смыслѣ. Но въ этомъ не было и надобности. И этнологическій и историческій матеріалъ, нами собранный, съ достаточной выразительностью говоритъ о томъ, что въ эволюціи обмѣна не можетъ быть и рѣчи объ историческомъ приматѣ соціально-фиксированной, или указной цѣны. Наоборотъ, историческіе факты указываютъ съ полной ясностью, что принципъ и явленіе указной цѣны вырабатывается медленно и съ трудомъ и въ самомъ своемъ развитіи неизбѣжно прислоняется къ стихійно слагающемуся явленію вольной цѣны.

Особенно ярко можно прослѣдить этотъ ходъ развитія на римскомъ правѣ. Лишь тамъ, гдѣ вмѣшательство власти является повелительной жизненной необходимостью, лишь въ сферѣ снабженія общества предметами необходимости, государственная власть издавна, поскольку она могла, вторгалась въ процессъ образованія цѣнъ. Но и тутъ развитыя формы регулированія и соотвѣтствующія имъ идеологическія образованія суть продуктъ весьма поздній, явленія довольно сложнаго хозяйственнаго быта и развитой соціально-политической мысли.

Таковы общія, можно было бы сказать, соціологическія линіи исторической феноменологіи цѣны.

Что же касается занимающихъ насъ явленій въ конкретномъ историческомъ пространствѣ, то тутъ въ нашемъ обзорѣ, какъ главный выводъ, намѣтилось установленіе непрерывной связи между эллинистически-римской и средневѣковой культурой. Регулированіе цѣнъ и соотвѣтствующая ему идеологія (Платонъ!) рождается для области европейской культуры въ греческомъ государствѣ-городѣ. Въ процессѣ болѣе тѣснаго и интенсивнаго соприкосновенія греческой культуры съ восточной въ эпоху эллинизма, очевидно, и эта политика и эта идеологія дѣлаютъ дальнѣйшія завоеванія и испытываютъ нѣкоторыя преобразованія. Кизикская надпись обозначаетъ этотъ эллинистическій этапъ въ развитіи политики цѣнъ.

Когда римская имперія эллинизируется,—происходитъ дальнѣйшее развитіе того же явленія, развитіе и интенсивное, и экс-

тензивное. Этотъ этапъ знаменуется эдиктомъ Діоклеціана.

Дальше происходитъ въ идеологическомъ отношеніи христіанизація соціальной политики римскаго домината. Такъ создается средневѣковое экономическое и соціально-политическое міровоззрѣніе, по существу примыкающее къ Платону и Аристотелю. Въ связи съ этой идеологической переработкой-рецепціей античнаго соціально-политическаго міросозерцанія происходитъ сложный процессъ возсозданія на новой почвѣ учрежденій, весьма родственныхъ съ учрежденіями поздней римской имперіи и въ то же время въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма отъ нихъ далекихъ. Тѣмъ не менѣе единая нить ведетъ отъ Діоклеціана и Юліана, отъ Кассіодора и Юстиніана, черезъ Каролинговъ и Гогенштауфеновъ къ «городскому строю» европейскаго средневѣковья и отъ него къ государственному меркантилизму. Позже всѣхъ въ сферу этихъ идей вовлекается отсталая Россія, именно потому, что она отстала, но и въ Московскомъ Государствѣ въ XVII вѣкѣ уже совершается черезъ польскія вліянія рецепція идей и учрежденій, восходящихъ къ античному міру.

Еще одинъ выводъ.

И въ соціологической вытяжкѣ, и въ конкретно-исторической обрисовкѣ матеріалъ исторической феноменологіи цѣны учитъ еще вотъ чему. Соціальное (властное, начальственное) регулированіе цѣнъ сводится къ ряду попытокъ—превратить цѣну изъ гетерогеническаго явленія, получающагося въ результатѣ столкновенія множества человѣческихъ произволовъ, въ явленіе автогеническое, въ заранѣе учтенное и построенное рѣшеніе воли какого-либо надъиндивидуальнаго соціальнаго субъекта, субъекта хозяйствованія и властвованія. Исторія учитъ тому, что при самыхъ различныхъ формахъ политическаго, соціальнаго и хозяйственнаго строя эти попытки плохо удаются. Цѣна и въ самыхъ примитивныхъ, и въ довольно сложныхъ условіяхъ хозяйствованія и властвованія упорно остается въ общемъ и цѣломъ гетерогеническимъ явленіемъ, сопротивляющимся раціональному соціальному построенію. Лишь новѣйшее время съ его желѣзнодорожными тарифами, съ его принудительно-картельными цѣнами, съ его регулированіемъ заработной платы расширяетъ поле раціональнаго построенія цѣны, создаетъ, хотя бы на ограниченныхъ пространствахъ, настоящее управленіе цѣнами. Но и въ наше

время цѣна остается всетаки по преимуществу явленіемъ гетерогеническимъ—и идея полной раціонализаціи цѣнъ и всецѣлаго управленія ихъ царствомъ представляется фантастической.

2. Обозрѣвая историческую феноменологію цѣны, мы оставляли совершенно въ сторонѣ историческую проблему ссуднаго процента. Хотя процентъ на ссудный капиталъ можетъ быть трактуемъ какъ цѣна за пользованіе капиталомъ,—однако это совсѣмъ особая проблема, къ цѣнѣ въ сдѣлкахъ мѣны и куплипродажи прямого отношенія не имѣющая.

Въ виду этого мы намѣренно ея не касались. Не будемъ дѣлать этого и теперь, такъ какъ разработка этой темы завела бы насъ слишкомъ далеко. Но въ то же время мы не можемъ не указать тутъ же, что въ общемъ и цѣломъ между цѣной и процентомъ въ интересующемъ насъ отношеніи существуетъ полный параллелизмъ. Ограниченіе (и запрещеніе) процента есть явленіе позднѣйшее сравнительно съ свободнымъ и неограниченнымъ его взиманіемъ. Для полной ясности въ этомъ вопросѣ нужно только отчетливо различать между отсутствіемъ самаго факта отдачи капитала за проценты, отсутствіемъ, необходимо вытекающимъ изъ экономическихъ условій, въ силу которыхъ эта операція лежитъ внѣ поля зрѣнія данной общественной группы, и сознательной отрицательной морально-правовой реакціей на реальное явленіе—отдачи капитала въ возмездное пользованіе.

Нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы послѣднее явленіе, сознательная отрицательная морально-правовая реакція общественнаго цѣлаго на взиманіе процента, было явленіемъ первичнымъ—и рядомъ съ этимъ можно найти множество указаній на то, что ссудный процентъ широко практикуется въ довольно примитивныхъ условіяхъ [448]). Запретъ процента и указной процентъ суть явленія не первичныя, а (относительно) весьма позднія, характерныя для (относительно) высокой ступени этической и правовой эволюціи народа. Кромѣ этого нужно помнить, что взиманіе процента на ссужаемый денежный капиталъ должно всегда преодолѣть нѣкоторое чисто теоретическое непониманіе, или

[448]) Въ этомъ отношеніи характерно развитіе въ греческомъ, римскомъ и русскомъ правѣ.

отрицаніе возможности рожденія деньгами денегъ, непониманіе, которое такъ ярко сказывалось еще у Аристотеля. Не слѣдуетъ преувеличивать однако ни реальнаго значенія, ни «наивнаго» характера этого непониманія. Дѣйствительную жизнь оно опредѣляло не столь сильно, какъ принято думать, а для своего времени въ немъ сказывалась не столько «наивность» мышленія, сколько, наоборотъ, теоретическое раздумье. Денежный процентъ не можетъ не быть моложе натуральнаго просто потому, что отдача въ ссуду натуры болѣе «естественно», а въ силу этого первичнѣе и распространеннѣе денежнаго займа — въ примитивныхъ условіяхъ хозяйственной жизни.

Этими замѣчаніями, задача которыхъ—подчеркнуть поразительный общій параллелизмъ между цѣной и процентомъ въ интересующемъ насъ отношеніи, я долженъ ограничиться въ настоящемъ контекстѣ.

Глава третья.

Указная цѣна и деньги.

1. „Государственный“ характеръ денегъ лишь—частный случай указной цѣны (стр. 315—316). 2. Связь указного характера денегъ съ ихъ функціей, какъ платежнаго средства. Примитивныя „цѣнностныя скалы“ суть не нормы обмѣна, а нормы платежа (стр. 316—318). 3. Историческія свидѣтельства въ пользу этого положенія (стр. 318—319). 4. Указное установленіе цѣны денегъ-монеты. Грань между деньгами и товаромъ есть грань между цѣной указной и вольной (стр. 319—320). 5. Указной характеръ денегъ не означаетъ всемогущества государства въ области денежнаго обращенія (стр. 320—321).

1. Говоря объ эдиктѣ Діоклеціана, мы уже указали, что денежное обращеніе есть вообще та область, въ которой всего раньше и полнѣе осуществляется принципъ указной цѣны. Этому обобщенію мы придаемъ важное значеніе, и на его истолкованіи и обоснованіи намъ необходимо нѣсколько остановиться.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ извѣстныхъ границахъ государство, или власть можетъ свободно опредѣлять отношеніе между «хартальными» и «пензаторными» платежными средствами, т. е. между деньгами и металломъ. Въ этихъ предѣлахъ, эмпирически различныхъ при разныхъ условіяхъ, указная дѣятельность государства движется свободно. Въ этомъ «указномъ» характерѣ цѣны «хартальныхъ» денегъ выражается тѣсная историческая связь, существующая между государствомъ и институтомъ «денегъ». Связь эта, по отношенію къ современности подмѣченная и отчетливо анализированная Кнаппомъ, лежитъ въ основѣ его «государственной» теоріи денегъ [1]). Однако тотъ рядъ явленій, который

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что связь института денегъ съ государствомъ въ новое время особенно отчетливо подчеркнулъ Моммсенъ, какъ историкъ римскаго монетнаго дѣла. „Признаніе какого-либо отдѣльнаго товара юридически необходимымъ выраженіемъ цѣнности другихъ това-

для современности выражается въ «государственномъ» характерѣ денегъ, есть съ историко-соціологической точки зрѣнія лишь частный случай болѣе общаго явленія,—указной цѣны.

2. Это не значитъ вовсе, чтобы «указной» характеръ денегъ развивался изъ якобы первоначальнаго указного характера товарныхъ цѣнъ, опредѣляющаго ихъ устойчивость, какъ это думаетъ Вальтеръ Лотцъ [2]) Теорію, по которой первоначальный обмѣнъ совершается по принципу «указной» цѣны, мы уже отвергли и опровергли [3]). Не отъ «товара» «указная» цѣна переходитъ къ «день-

---

ровъ есть, съ формальной точки зрѣнія, законодательный актъ, связанный съ положительнымъ установленіемъ и ограниченный предѣлами положительнаго государства"—говоритъ Моммсенъ въ предисловіи къ Geschichte d. römischen Münzwesen, S. VII и продолжаетъ, подчеркивая въ одно и то же время и „государственное" происхожденіе, и „платежную" службу денегъ: „Что всякое исполненіе (уплата, Leistung), содержаніе котораго въ конкретномъ случаѣ не нормировано какимъ-нибудь инымъ способомъ, и въ частности всякое исполненіе, которое наступаетъ субсидіарно, вмѣсто первоначально установленнаго и почему-либо не состоявшагося, можетъ быть юридически-дѣйствительно потребовано и предложено лишь въ этомъ одномъ товарѣ, что стало быть этому товару придается въ высшей степени свойство—быть всеобщимъ представителемъ, есть правда цѣлесообразное, но аномальное ограниченіе естественнаго произвола, ограниченіе, для коего необходимъ авторитетъ государства". Ср. тамъ же, S. IX. См. также Kuntze. Inhaberpapiere (Leipzig 1857), который говоритъ о «publizistische Fiktion der Wertimmanenz» (S. 435) и Hartmann, Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes u. den Inhalt von Geldschulden. Braunschweig 1868.

[2]) Walter Lotz. Die Lehre vom Ursprunge des Geldes. Eine methodologische Studie въ Conrads Jahrbücher III Folge 7 Bd. (1894), SS. 337—359. По работѣ Риджвея: William Ridgeway. The origin of metallic currency and weight standards. Cambridge 1892.

[3]) Лотцъ въ своей полемикѣ съ Менгеромъ совершенно бездоказательно утверждаетъ: Jedenfalls begegnet uns in der Geschichte eines: Da, wo ein Handel zwischen Volksgenossen stattfindet, sind die Austauschverhältnisse zwischen den Waren nicht Gegenstand des Feilschens im einzelnen Falle, sondern fest geregelt. Man nimmt vom Stammesgenossen nicht soviel als man herauszupressen vermag, sondern soviel als billig, als rechtens ist. L. c. S. 343. Въ работѣ Риджвея нѣтъ ни малѣйшаго матеріала для такого утвержденія. Осторожнѣе и гораздо ближе къ истинѣ Постъ. Въ примѣненіи къ Африкѣ онъ говоритъ: „не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что первоначальный оборотъ въ Африкѣ всюду является чисто мѣновымъ оборотомъ (т. е. натуральной мѣной *П. С.*) и что чаще встрѣчающіеся мѣновые товары постепенно становятся мѣрилами цѣнности для предметовъ оборота. Такія мѣрила

гамъ»; она зарождается въ самомъ процессѣ развитія денегъ, какъ своеобразнаго экономическаго явленія и въ тоже время юридическаго института. Указной характеръ цѣны денегъ связанъ съ тѣмъ, что государство или власть сама, во-1-хъ, получаетъ уплаты, въ 2-хъ производитъ ихъ; далѣе — съ тѣмъ, что деньги и денежное обращеніе является для государства, въ его двойномъ качествѣ и получателя платежей и плательщика, сферой финансовой эксплуатаціи, или извлеченія доходовъ. Государство нормируетъ порядокъ уплатъ въ интересахъ торговаго, или рыночнаго мира, а затѣмъ оно уже начинаетъ строить цѣну денегъ съ прямой цѣлью обогащенія, разсматривая денежное дѣло какъ объектъ финансовой монополіи.

Указной характеръ цѣны денегъ вытекаетъ такимъ образомъ изъ той ихъ функціи, которую Кнаппъ съ правильнымъ историческимъ чутьемъ поставилъ во главу пониманія всего явленія денегъ, изъ ихъ функціи какъ «платежнаго средства». Повидимому, всеобщимъ средствомъ обмѣна и мѣриломъ цѣнности прежде всего становятся тѣ предметы, которыми первоначально производятся обязательные платежи [4]).

Но вполнѣ естественно, что это суть въ тоже время по общему правилу наиболѣе обмѣноспособные, наиболѣе ходкіе товары [5]). Деньги такимъ образомъ вырастаютъ изъ двухъ корней: изъ обмѣна (актъ двухсторонній) и изъ уплаты (актъ односторонній). Но поскольку деньгамъ присущъ характеръ государственный, публично-правовой, поскольку онѣ суть область регулированія, явленіе автогеническое въ нашемъ смыслѣ, онѣ вырастаютъ изъ «платежнаго» строя, изъ регулированія порядка уплатъ.

первоначально весьма сильно колеблются, затѣмъ королевскимъ велѣніемъ время отъ времени фиксируются на извѣстной высотѣ и постепенно дѣлаются средствами обмѣна, которыя до извѣстной степени замѣняютъ чеканныя деньги". A. H. Post. Afrikanische Jurisprudenz. Zweiter Band. Oldenburg u. Leipzig 1887, S. 175. Постъ тутъ путаетъ только установленіе нормъ платежа и установленіе нормъ обмѣна (см. ниже въ текстѣ).

[4]) Ср. H. Schurtz. Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Weimar 1898, SS. 7–21, 170–175.

[5]) Это есть основная мысль теоріи происхожденія денегъ Карла Менгера. Ср. его статью Geld въ третьемъ изданіи Handwörterbuch d. Staatswissenschaften. Такова же теорія Уокера. Ср. W. W. Carlile. The evolution of modern money. London 1901.

Когда въ примитивныхъ условіяхъ устанавливается «цѣнностная скала» разныхъ товаровъ,—эта скала представляетъ не нормы «обмѣна» [6]), а нормы «платежа», обозначаетъ цѣны, которыя, въ отличіе отъ цѣнъ «продажныхъ», я назову цѣнами «платежными», или «солюціонными». Поскольку платежъ можетъ быть реализованъ въ разныхъ предметахъ, всѣ эти разные предметы являются деньгами, фиксація же соотношенія между ними есть, по своему заданію и смыслу, не нормировка цѣнъ, а установленіе цѣны денегъ.

3. Это совершенно ясно выступаетъ въ томъ документѣ XV вѣка, который Риджвей привлекаетъ для иллюстраціи цѣнностной скалы, устанавливающейся тамъ, гдѣ нѣтъ металлическихъ денегъ. Рѣчь идетъ о «прейсъ-курантѣ» товаровъ, которыми обмѣнивались исландцы и англичане. Прейсъ-курантъ этотъ имѣетъ силу, поскольку контрагенты не могутъ прійти къ соглашенію относительно цѣны, т. е. тутъ указная цѣна имѣетъ субсидіарное значеніе по отношенію къ вольной—установленіе цѣнъ нѣкоторыхъ товаровъ документъ отклоняетъ вовсе [7]). Исландское право вообще развило регулированіе дачи въ уплату путемъ особыхъ тарифовъ. Указная цѣна есть тутъ цѣна «платежная», или «солюціонная», примѣняемая къ товарамъ или вообще къ благамъ, которыми можетъ быть производима уплата (schuldgängige Waren).

---

[6]) Какъ совершенно некритически принимаютъ Лотцъ, а вслѣдъ за нимъ Гельферихъ. Das Geld. 2 Auflage Leipzig 1910, S. 13.

[7]) Ridgeway l. c. pp. 18—19: There is still extant a proclamation for the regulation of English trade with Iceland issued sometime between 1413 and 1426. As, mutatis mutandis, it affords admirable insight into the methods by which trade was carried on between men of different nations in the emporia of the Mediterranean, and in fact everywhere else, it is worth giving it in extenso.

„I. N. M. do proclaim here to-day a general market between the English and the Icelandic men, who have come here with peace and fair dealing, and between the Icelandic men and the men of the islands who wish to carry on their trade here.

„First I proclaim this market on conditions of peace and lawful security between one and the other, so that each can entirely dispose of his own if he buy or if he sell. Price list in stockfish. of fish 2, $2^1/_2$, or $1^3/_4$ lbs., 80 lbs. must be the equivalent of a hundred (of cloth, i. e. 129 alens of vadme, a cloth formerly used as a medium of exchange). provided the persons concerned cannot agree as to the price

Дальше слѣдуетъ тарифъ.

Эти товары несомнѣнно выполняютъ денежную функцію [8]). Древне-норвежское право, въ отличіе отъ исландскаго, по общему правилу не тарифировало эти блага, а, предписывая ихъ принятіе въ уплату, «цѣнность» ихъ установляло путемъ спеціальной оцѣнки [9]). Въ древне-шведскомъ правѣ встрѣчалась и та и другая система [10]). Но тарифированіе товаровъ на случай datio in solutum, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, означаетъ исключеніе изъ общаго факта господства и историческаго первенства вольной цѣны.

«Цѣнностныя скалы» суть не тарифы товарныхъ цѣнъ, а тарифы товаровъ-денегъ. Онѣ имѣютъ силу обычныхъ нормъ, вступающихъ въ дѣйствіе, когда отсутствуетъ соглашеніе контрагентовъ или когда законъ нормируетъ актъ платежа, вытекающаго изъ какихъ-либо правоотношеній (договора, деликта и т. д.).

4. Когда деньги становятся «хартальными», то фиксація ихъ цѣны происходитъ какъ указное установленіе цѣны не денегъ-товаровъ, а денегъ-монеты. Тогда-то къ нему прикрѣпляется тотъ фискальный интересъ государства, о которомъ я говорилъ выше. Въ греческихъ памятникахъ настоящую фиксацію цѣны властью мы встрѣчаемъ какъ начало общее, а не экстраординарное, впервые въ формѣ фиксаціи цѣны денегъ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ особливаго вниманія экономистовъ ольвійская надпись, относящаяся къ 1-ой половинѣ IV вѣка до Р. Хр,—постановленіе совѣта и народнаго собранія, регулирующее тор-

---

[8]) „Ограниченія свобода договора въ отношеніи образованія цѣны испытала сперва въ Исландіи, гдѣ уже съ древнѣйшихъ временъ... законами были для дачи въ уплату установлены тарифы товаровъ (lag)". K. v. Amira. Nordgermanisches Obligationenrecht II Band, S. 684. Эти тарифированныя блага носятъ то же названіе, что и деньги: logaurar (=обычныя платежныя средства), ibidem S. 569.

[9]) v. Amira l. c.

[10]) v. Amira I Band, S. 480—481. Въ нѣкоторыхъ случахъ „кредиторъ долженъ былъ принимать вещи (въ уплату) по законной таксѣ. Сукно мѣстнаго производства, такъ наз. vaþmal, онъ въ Эстготландѣ и на Эландѣ вѣроятно никогда не имѣлъ права отвергнуть, если оно предлагалось ему по законной таксѣ. На это указываетъ выражаемая въ деньгахъ мѣра vaþmal... согласно которой vaþmal, хотя и не является деньгами, но при всякой дачѣ въ уплату берется по опредѣленной денежной цѣнности".

говлю чеканнымъ золотомъ и серебромъ. Этотъ замѣчательный документъ гласитъ:

Въѣзжать въ Борисѳенъ дозволено всякому желающему на слѣдующихъ условіяхъ. Совѣтъ и народъ постановили по предложенію Каноба Трасидамантова: разрѣшается ввозъ и вывозъ всякаго чеканнаго [т. е. въ видѣ монеты] золота и чеканнаго серебра; всякій желающій продать или купить чеканное золото или чеканное серебро долженъ продавать или покупать на камнѣ въ екклисіастиріи; кто же продастъ или купитъ въ другомъ мѣстѣ, подвергнется конфискаціи, продавецъ—продаваемаго серебра, а покупатель—цѣны, за которую купилъ; продавать же и покупать все на городскія деньги, на мѣдь и серебро ольвіопольское; кто же продастъ или купитъ на другія деньги, будетъ лишенъ продавецъ—той суммы, за которую онъ продастъ, а покупатель—того,—что купитъ; взыскивать будутъ съ нарушившихъ въ чемъ-либо это постановленіе тѣ, которые возьмутъ на откупъ штрафы съ нарушителей закона, преслѣдуя ихъ судебнымъ порядкомъ. Золото продавать и покупать по десяти (?) съ половиной статировъ за статиръ Кизикскій, не дешевле и не дороже, а всякое другое чеканное золото и чеканное серебро продавать и покупать по взаимному соглашенію [дословно: какъ убѣдятъ другъ друга, ὡς ἂν ἀλλ(ήλους) πείθωσι]; пошлины никакой не взыскивать ни за чеканное золото, ни за чеканное серебро, ни съ продавца, ни съ покупателя . . . . . [11]).

Тутъ въ этомъ документѣ передъ нами ясно выступаетъ грань между деньгами («мѣдь и серебро ольвіопольское») и товарами; къ послѣднимъ принадлежатъ и «другія деньги», за исключеніемъ «кизикскаго статира», который находится въ точно установленномъ соотношеніи съ ольвіопольскими деньгами.

Грань между деньгами и товаромъ есть въ тоже время грань между цѣной указной и вольной.

5. Ставя деньги въ такую историческую связь съ явленіемъ указной цѣны, я вовсе не хочу сказать, что онѣ всецѣло под-

[11]) № 11 въ Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis ponti Euxini ed. Basilius Latyschev. Vol. I. Petropoli 1885. Цитируемъ переводъ В. В. Латышева, нѣсколько измѣняя только его транскрипцію греческихъ именъ. Тотъ же документъ у Dittenberger. Sylloge² № 546.

чиняются указному началу или, выражаясь въ терминахъ, нами введенныхъ, суть явленіе всецѣло автогеническое, т. е. что государство можетъ съ деньгами дѣлать что угодно и, въ частности можетъ всецѣло управлять ихъ цѣной. Такое утвержденіе слѣдуетъ, наоборотъ, категорически отвергнуть [12]). Но деньги представляютъ и генетически, и фактически такую область экономическихъ явленій, въ которой автогеническое и гетерогеническое начало сочетаются чрезвычайно оригинальнымъ и въ высокой степени поучительнымъ образомъ. Государство — это показываетъ вся исторія денежнаго обращенія всего міра — не всемогуще, но и не безсильно по отношенію къ деньгамъ. Связь денежнаго обращенія съ государствомъ и его интересами превращаетъ денежную политику въ широкомъ смыслѣ въ подлинное управленіе. Секретъ силы и дѣйствительности этого управленія заключается, съ одной стороны, въ реальной денежной и вообще экономической власти самого государства, съ другой стороны,—въ ясномъ пониманіи и соблюденіи границъ этой власти. Возможность освобожденія денежнаго обращенія отъ матеріальной (металлической или иной) основы опредѣляется не просто велѣніемъ государства, а раціональнымъ, основаннымъ на знаніи реальныхъ условій денежнаго обращенія, характеромъ этого велѣнія. «Идеализація» [13]) или «номинализація» денежнаго ограниченія сводится не къ простому приказу; это есть проблема раціональнаго овладѣнія сложнымъ переплетомъ явленій, въ которыхъ гетерогеническій элементъ играетъ крупнѣйшую роль. Игнорированіе этого элемента, «превышеніе» экономической власти государства, тотчасъ же дастъ себя знать крушеніемъ денежной политики: управленіе денежнымъ обращеніемъ превратится въ денежную анархію.

---

[12]) Этого даже не утверждаетъ Кнаппъ. Ср. также W. Lotz. Knapps neue Geldtheorie въ Schmollers Jahrbuch Bd. XXX (1906) и L. v. Bortkiewicz. Die geldtheoretischen und die währungspolitischen Consequenzen des Nominalismus. ibidem. Bd. XXX (1906).

[13]) О процессѣ „идеализаціи“ денегъ тонкія замѣчанія у Adolf Weber. Die Geldqualität der Banknote. Leipzig 1900, SS. 19—20.

Глава четвертая.

Новѣйшая эволюція формъ цѣны.

I.

1. Тенденція къ опредѣленности цѣны. Что означаетъ опредѣленность цѣны? Желѣзнодорожный тарифъ есть указная цѣна. „Тарифъ" въ смыслѣ технической схемы вольной цѣны. Биржевая цѣна и настоящій тарифъ (стр. 322—327). 2. Новѣйшая раціонализація процесса образованія цѣны биржею. Берлинскій „единый курсъ". Связь „самовступленія" коммиссіонера съ биржевой цѣной (стр. 327 — 340). 3. Аукціонъ какъ методъ установленія биржевой цѣны. Примѣры (стр. 340 — 341).

1. Въ новѣйшее время въ условіяхъ свободнаго оборота замѣчается тенденція къ опредѣленности цѣны. Prix-fixe становится особенно излюбленной формой, а prix-fixe какъ бы устраняетъ торгъ, борьбу за цѣну. Опредѣленная цѣна предполагаетъ какъ будто замѣну двухсторонняго акта соглашенія о цѣнѣ — «односторонне установленной нормой для множества односторонне осуществляемыхъ актовъ купли-продажи» [1]).

Отсюда, повидимому, одинъ шагъ до сближенія указной цѣны съ вольной [2]). Рыночная цѣна уподобляется, повидимому, цѣнѣ тарифированной и указной. Однако, подобное представленіе основано на довольно грубомъ и поверхностномъ сближеніи и работаетъ при помощи не выдерживающихъ критики аналогій.

«Опредѣленность» цѣны въ современномъ хозяйственномъ строѣ можетъ означать весьма различныя вещи. «Опредѣленность»

---

[1]) А. М. Рыкачевъ. Деньги и денежная власть. Опытъ теоретическаго истолкованія и оправданія капитализма. Часть первая. Деньги. Спб. 1910 г., стр. 68. Будучи категорически не согласенъ во многомъ съ авторомъ, я въ то же время не могу не сказать, что его книга по свѣжести мысли и оригинальности постановки научныхъ проблемъ представляетъ замѣчательное явленіе въ новѣйшей экономической литературѣ вообще, русской, въ частности.

[2]) Этотъ шагъ и дѣлаетъ Рыкачевъ.

цѣны есть одно, когда цѣна назначена продавцомъ, и другое, когда она установлена властью. «Тарифъ», какъ схема «опредѣленной» цѣны, является технической формой, въ которую выливается какъ вольная, такъ и указная цѣна. Между желѣзнодорожнымъ тарифомъ, который является публично-правовой нормой, и рыночной цѣной, устанавливающейся въ процессѣ столкновенія воль автономныхъ хозяйствующихъ субъектовъ, лежитъ цѣлая пропасть. Публично-правовой желѣзнодорожный тарифъ, исключая какія-либо рефакціи, a priori и безъ всякаго компромисса устраняетъ соглашеніе о цѣнѣ— ст. 11 Международной (бернской) конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, гласитъ:

> Провозная плата исчисляется согласно законно дѣйствующимъ и установленнымъ порядкомъ, опубликованнымъ тарифамъ. Всякое частное соглашеніе, которое имѣло бы послѣдствіемъ предоставленіе одному или нѣсколькимъ отправителямъ уменьшенія провозной платы противъ тарифовъ, формально воспрещается и считается неимѣющимъ законной силы.
>
> Разрѣшаются, однако, тарифныя пониженія, которыя надлежащимъ порядкомъ опубликованы и, при одинаковыхъ условіяхъ, доступны всѣмъ въ равной степени [3]).

Тарифъ, который допускаетъ рефакціи, т. е. можетъ быть во всякое время измѣненъ путемъ частнаго соглашенія и принципіально-юридически и фактически-экономически представляетъ лишь методъ, облегчающій формулировку вольной цѣны. Разъ допустимы рефакціи, тарифа, какъ точнаго юридическаго и экономическаго понятія не существуетъ.

Это не исключаетъ того, что въ концѣ-концовъ рыночная цѣна можетъ принять и часто получаетъ видъ «прейсъ-куранта» (=тарифа). Такимъ образомъ, «тарифъ» безъ дальнѣйшаго опредѣленія есть техническая форма цѣны, еще ничего не говорящая объ ея феноменологическомъ характерѣ. Если же подъ «тарифомъ» разумѣть точно опредѣленную, чисто экономическую, форму цѣны, самымъ яркимъ выраженіемъ которой является современный желѣзнодорож-

[3]) Международная Конвенція о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ (1892, 1896, 1901 и 1908 гг.). Изданіе К. П. Змирлова. Статья эта послужила источникомъ для соотвѣтствующихъ статей Устава Росс. желѣзныхъ дорогъ. Ей соотвѣтствуетъ ст. 7 прусской Verkehrsordnung.

ный тарифъ, то цѣлый рядъ т. н. тарифовъ этимъ терминомъ не можетъ быть правомѣрно обозначаемъ [4]).

Prix-fixe прививается и получаетъ право гражданства тамъ и тогда, гдѣ и когда опредѣленность цѣны технически удобна для продавцевъ и покупателей. Prix-fixe технически же развертывается въ «тарифную» схему. Но prix-fixe не есть указная цѣна, ибо техническое предпочтенiе «опредѣленной» цѣны неозначаетъ вовсе принципiальнаго отказа отъ рыночнаго торга, отъ свободнаго опредѣленiя цѣны, отъ двухсторонности акта установленiя цѣны [5]).

Желѣзнодорожный тарифъ есть въ технической формѣ тарифной схемы формулированная указная цѣна за извѣстныя услуги перевозки. Въ области перевозки грузовъ мы въ желѣзнодорожномъ транспортѣ имѣемъ господство тарифированной указной цѣны; въ транспортѣ же водяномъ (рѣчномъ и морскомъ) господствуетъ вольная цѣна, которая принимаетъ форму настоящей биржевой цѣны. Если о желѣзнодорожномъ фрахтѣ «не нужно торговаться, договариваться, дожидаясь совпаденiя воль» [6]), то въ области фрахтовъ водяныхъ постоянно наблюдается настоящiй рыночный торгъ и происходитъ образованiе биржевой цѣны [7]).

---

[4]) Такъ тарифъ по которому оплачивается электрическая энергiя, будучи по формѣ тарифной схемой, по существу есть вольная цѣна. При отчужденiи электрической энергiи „первое и важнѣйшее начало образованiя тарифа можетъ быть формулировано нижеслѣдующимъ образомъ: цѣна опредѣляется предложенiемъ и спросомъ“. Отсюда слѣдуетъ, что „при построенiи формы тарифа особенно важно, чтобы назначенiе цѣны примыкало непосредственно къ условiямъ потребленiя и не опиралось на факторы, которые не важны или незнакомы потребителю или даже не стоятъ ни въ какой связи съ потребленiемъ. Выполненiе этого условiя съ самаго начала встрѣчаетъ огромное препятствiе въ томъ, что измѣренiе потребленiя происходятъ въ киловаттъ-часахъ, между тѣмъ какъ потребитель оцѣниваетъ свѣтъ и силу“. Gustav Siegel. Die Preisfeststellung beim Verkaufe elektrischer Energie. Berlin 1906 (дармштадтская диссертацiя на степень доктора-инженера), SS. 5 u. 130.

[5]) Вопреки Рыкачеву, который утверждаетъ, что „всякая рыночная цѣна, подобно желѣзнодорожному тарифу, является односторонне установленной нормою для множества односторонне осуществляемыхъ актовъ купли-продажи“ (l. c., стр. 68).

[6]) Выраженiя А. М. Рыкачева.

[7а]) „Для образованiя перевозочныхъ цѣнъ въ морскомъ сообщенiи нельзя въ отличiе отъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ выставить теорiй, которыя содержали бы общiе принципы, съ которыми сообразовалось бы построенiе цѣнъ. Большое различiе, существующее между прикрѣплен-

Мысль, что рыночная цѣна можетъ быть уподоблена желѣзнодорожному тарифу, основана на игнорированіи глубочайшаго существа рыночной цѣны, которая есть, именно, производная множества сталкивающихся воль.

Если облеченная въ схему тарифа вольная цѣна лишь формально-технически сходствуетъ съ желѣзнодорожнымъ тарифомъ, то биржевой бюллетень по общему правилу и формально не походитъ на желѣзнодорожный тарифъ. Биржевой бюллетень есть, прежде всего, сводъ отмѣтокъ о томъ, что было на рынкѣ, и если

ной къ опредѣленной линіи желѣзной дорогой и движущимся на свободномъ океанѣ судномъ, рѣшающимъ образомъ сказывается въ образованіи цѣны. Собственникъ судна долженъ считаться не съ стоимостью пути, а лишь со стоимостью судна и его эксплоатаціи. Но на этомъ онъ не можетъ основать политики цѣнъ и не можетъ начертать системы тарифовъ для наиболѣе цѣлесообразнаго использованія той возможности сообщеній, которая находится въ его рукахъ, ибо въ отличіе отъ желѣзной дороги тутъ нѣтъ монополіи. Если онъ можетъ передвигать свое судно изъ одного океана въ другой, изъ одной гавани въ другую и конкурировать съ другими за фрахты, то и любой другой судовладѣлецъ можетъ это дѣлать; при этомъ конкуренція никогда не ограничивается существующими въ данный моментъ судами, такъ какъ благопріятныя условія фрахтовъ всегда соблазняютъ на постройку новыхъ судовъ. Такъ образованіе цѣнъ на морскую перевозку товаровъ всецѣло управляется конкуренціей и зависитъ отъ спроса и предложенія. „Торгъ (das Feilschen) на восточномъ рынкѣ лошадей не свободнѣе и не болѣе опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, чѣмъ торгъ о фрахтахъ“ (Смитъ). Колебанія фрахтовъ поэтому чрезвычайно велики. Когда въ 1894 во время японско-китайской войны торговля была въ упадкѣ и много судовъ было послано въ Азію въ расчетѣ, что они понадобятся для перевозки военнаго матеріала, — внезапно въ сентябрѣ обнаружилась сильная потребность Европы въ американскомъ хлѣбѣ и фрахты поднялись на 300%. Лѣтомъ же и осенью 1901 г. сильная засуха сдѣлала почти невозможнымъ вывозъ маиса изъ Соединенныхъ Штатовъ, многочисленныя суда остались безъ грузовъ и фрахты упали до себѣстоимости и ниже, потому что собственники судовъ во всякомъ случаѣ должны были посылать суда въ другіе порты и потому желали принятіемъ грузовъ достичь хотя бы уменьшенія издержекъ. Эта депрессія на фрахтовомъ рынкѣ продолжалась такъ долго, что оказала вліяніе на судостроеніе и цѣны судовъ. Въ 1900 г. новый пароходъ въ 5.200 тоннъ приблизительно 1.300.000 марокъ, въ 1907 г. пароходъ такого же качества продавался за 670.000 марокъ. По сообщеніямъ маннгеймской торговой палаты средніе по мѣсяцамъ фрахты въ сообщеніи Нью-Іоркъ—Антверпенъ колебались въ 1900 г. отъ 10,80 до 13,80 марокъ,

онъ получаетъ нормативное значенiе [1]), то именно, какъ фактъ. Условимся подъ «тарифомъ» разумѣть облеченную въ тарифную схему указную цѣну. Тогда различiе между «тарифомъ» или тарифной (тарифированной) цѣной и цѣной биржевой и вообще всякой рыночной можно формулировать такъ:

Тарифъ вступаетъ въ оборотъ, какъ норма.

Биржевая, или рыночная цѣна выходитъ изъ оборота, какъ норма.

Или иначе:

Тарифъ данъ обороту.

Биржевая цѣна создается оборотомъ.

Это кардинальное различiе есть не что иное, какъ различiе между цѣной указной и вольной.

Правда, мы сами подчеркивали, что указная цѣна прислоняется къ вольной и фактически является отвержденiемъ рыночныхъ цѣнъ, но таково лишь фактически-историческое соотношенiе между указной и вольной цѣной. Въ принципѣ и идеѣ указная цѣна есть цѣна, которую власть указываетъ обороту и даже фактически настоящiя указныя цѣны, и въ томъ числѣ желѣзнодорожные тарифы, строятся часто властью по соображенiямъ, совершенно независимымъ отъ рыночнаго торга. И это вполнѣ естественно, потому что тарифъ, какъ норма, имѣетъ самодовлѣющее и самостоятельное значенiе, тогда какъ биржевая цѣна, какъ норма, имѣетъ значенiе ссылочное или вспомогательное; когда цѣна не установлена соглашенiемъ сторонъ, она должна быть опредѣлена на основанiи рыночной цѣны, наиболѣе совершенную форму кото-

въ 1899 г. отъ 8,50 до 17,50, т. е. колебанiя составляли отъ 30 до 100%; колебанiя отдѣльныхъ цѣнъ (фрахтовъ) естественно были еще больше". E. von Philippovich, Grundriss der politischen Oekonomie. Zweiter Band. Volkswirtschaftspolitik. Zweiter Teil. 1—3 Auflage. Tübingen 1907, SS. 93—94. Въ общемъ настоящая биржевая цѣна на перевозку образуется для товаровъ, которые сами являются объектами биржевой торговли. Промышленные продукты, наоборотъ, перевозятся, главнымъ образомъ, по опредѣленнымъ тарифнымъ ставкамъ. Ср. Seehandelsverkehrseinrichtungen. Referate von Studierenden der Leipziger Handelshochschule über die im Mai 1907 unter d. Führung von Professor Robert Stern unternommene Studienfahrt nach Hamburg u. Bremen. Leipzig 1909, SS. 34—35.

[7b]) Ср. ниже примѣч. 10.

рой представляетъ цѣна биржевая, ибо биржа есть самый совершенный и наиболѣе организованный рынокъ.

2. Слѣдуетъ, однако, признать, что въ образованіи биржевой цѣны, какъ наиболѣе совершенной формы рыночной цѣны, обнаруживается нѣчто новое, характерно отличающее этотъ процессъ отъ простого рыночнаго торга.

На рынкѣ единая цѣна образуется стихійно, какъ безсознательный результатъ слѣпого столкновенія воль. На биржѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ единая цѣна сознательно «дѣлается» при помощи вполнѣ раціональныхъ пріемовъ. Раціонализація процесса образованія цѣны биржею заключается въ томъ, что результатъ стихійнаго процесса тутъ сознательно и намѣренно при помощи извѣстныхъ методовъ предвосхищается. Это не значитъ, чтобы самоопредѣленіе сторонъ въ образованіи цѣны исключалось. Оно лишь избираетъ для себя особую, нарочито упрощенную и раціонализованную форму выраженія. Это происходитъ тѣмъ способомъ, которымъ, какъ мы указывали, говоря о деньгахъ, съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ происходить раціонализація всѣхъ экономическихъ отношеній вообще и процесса образованія цѣнъ въ частности. Раціонализація должна не отрицать стихійный процессъ, а предвосхищать его результатъ, на основаніи учета силъ, свободно дѣйствующихъ въ самомъ процессѣ.

На берлинской фондовой биржѣ существуетъ «единый курсъ»[8]),

---

[8]) Объ единомъ курсѣ берлинской биржи существуетъ цѣлая литература. Основное значеніе имѣетъ показаніе эксперта Копецкаго (Kopetzky) въ Börsen-Enquete-Kommission. Stenographische Berichte (Berlin 1892), SS. 161—192). Ср. Salings Börsenpapiere I Theil 13-te neu bearbeitete Aufl. von Alfred Schütze Leipzig 1911, SS. 306—309. Emil Struck. Die Effektenbörse. Eine Vergleichung deutscher u. englischer Zustände Leipzig 1881. SS. 40—42 (любопытныя указанія на происхожденіе единаго курса, отчасти извлеченныя изъ архивныхъ источниковъ). Max Weber. Die Ergebnisse der deutschen Börsenenquete. II Maklerwesen und Kursnotirung 1. An den Effektenbörsen въ Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht Bd. XXXIV (1894), SS. 168—194. Ernst Löb. Kursfeststellung und Maklerwesen an der Berliner Effektenbörse Conrads Jahrbücher Bd. LXVI (1896), SS. 254—263. F. J. Pfleger u. Ludwig Gschwindt. Börsenreform in Deutschland III Abschnitt. Die Effektenbörse nach den Erhebungen der Börsenenquete-Kommission. Bearbeitet von L. Gschwindt. Stuttgart 1897, SS. 81—86. Georg Wermert. Ueber die Kursnotirung an

по которому ликвидируются всѣ сдѣлки и который получается, какъ нѣкоторая статистическая средняя, изъ предложеній продавцевъ и покупателей (какъ, объ этомъ см. ниже прим. 9). Тутъ, значитъ, цѣна по взаимному уговору всѣхъ участниковъ рынка является въ результатѣ извѣстной сознательно произведенной «статистической» операціи. Въ данномъ случаѣ свободное образованіе цѣнъ не устраняется по существу, но по формѣ оно изъ множества операцій торга сливается въ одну операцію своеобразнаго счисленія.

Однако, отсюда было бы болѣе чѣмъ ошибочно заключать, что въ процессѣ образованія такой биржевой цѣны совершенно исчезаетъ существо рыночнаго торга.

Разсматривая методъ, которымъ устанавливается или дѣлается «единый курсъ», мы видимъ, что послѣдній представляетъ нѣчто промежуточное между типической цѣнностью, какъ изолированной средней, т.-е. такой средней, для которой намъ не данъ тотъ рядъ единичныхъ величинъ, или показаній (измѣреній), изъ которыхъ выведена наша средняя, и между средней, полученной путемъ настоящей статистической обработки ряда. Но единый курсъ гораздо ближе ко второй средней, чѣмъ къ первой. Онъ по существу есть именно наиболѣе частый, «нормальный» случай; онъ есть то, что, по словоупотребленію англійскихъ статистиковъ, принято называть «модусомъ» или «модой». И эта средняя получается не просто глазомѣрной или инстинктивной оцѣнкой, а обозрѣніемъ ряда показаній, который подвергается упрощенной суммарной обработкѣ [9]. Отсюда тотъ теоретическій интересъ,

---

der Börse, ihre Schäden und die Mittel zur Schaffung der Kurszettelwahrheit въ Conrads Jahrbücher Bd. LXXXVIII (1907). H. Trumpler въ Rehm-Trumpler-Dove-Neukamp-Schmidt-Ernsthausen-Breit-Riesser. Kommentar zum Börsengesetz. Auf Veranlassung des Centralverbandes des deutschen Bank- und Bankiergewerbes bearbeitet. Berlin 1910, SS. 91—93. На русскомъ языкѣ: А. Ф. Волковъ статья „Биржа", въ Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ т. I, Спб., 1901, и В. Прокшинскій. Биржевая котировка цѣнныхъ бумагъ и „единый курсъ", въ журналѣ „Народное Хозяйство" за 1903 г. кн. IV, стр. 75—97.

[9]) Это явствуетъ изъ любого точнаго описанія процесса установленія „единаго курса". Я приведу составленное по Saling'у весьма вразумительное и конкретное описаніе въ указанной выше русской статьѣ г. Прокшинскаго:

„Порядокъ вывода единаго курса слѣдующій. Каждая отдѣльная

который присущъ единому курсу съ точки зрѣнія эмпирической теоріи цѣны-цѣнности (о чемъ мы въ общей формѣ говорили выше). Существо цѣны-цѣнности, нами установленное въ главѣ

группа маклеровъ (два маклера) записываетъ въ особыя записныя книжки всѣ полученные ими приказы на продажу и покупку бумагъ, съ отмѣткою суммы спрашиваемой или предлагаемой бумаги (въ маркахъ по нарицательной цѣнѣ бумагъ), имени лица, давшаго приказъ, и условій покупки или продажи бумагъ, т. е. съ указаніемъ предѣльныхъ цѣнъ или же безъ указанія. Записныя книжки маклеровъ заключаютъ въ себѣ перечень бумагъ, торговля которыми сосредоточена въ данной группѣ маклеровъ, причемъ для каждаго наименованія бумаги оставляется нѣсколько свободныхъ страницъ, въ зависимости отъ ея ходкости.... Ровно въ 1 ч. 30 м. дня, по звонку, маклеры каждой группы приступаютъ сообща къ выводу единаго курса, причемъ принимаются въ соображеніе всѣ приказы, занесенные въ книжки обоихъ маклеровъ. Средній курсъ выводится съ такимъ расчетомъ, чтобы наибольшее число сдѣлокъ, по суммѣ оборотовъ, могло получить осуществленіе. Приказы, ограниченные предѣльными цѣнами, не отвѣчающими единому курсу, остаются не исполненными. Лица, давшія приказы, присутствуютъ при составленіи курса: они могутъ во время составленія курса отмѣнять или измѣнять условія приказовъ, вліяя на выводъ единаго курса. По установившейся практикѣ, маклеры увѣдомляютъ немедленно по составленіи курса (черезъ своихъ помощниковъ) кліентовъ о томъ, въ какой мѣрѣ выполнены приказы. Отсутствіе увѣдомленія означаетъ, что приказъ исполненъ во всемъ объемѣ по курсовой цѣнѣ. Если, несмотря на соотвѣтствіе цѣны приказовъ выведенному единому курсу, осталась невыполненною часть приказовъ за недостаткомъ спроса или предложенія, то удовлетворяются сперва лица, давшія приказы безъ опредѣленія крайнихъ цѣнъ, а затѣмъ остальныя лица, пропорціонально суммамъ ихъ приказовъ. Поясненіемъ порядка составленія „единаго курса" можетъ послужить слѣдующій примѣръ. Положимъ, что въ какой-либо день группа маклеровъ, торгующая данной бумагой, получила слѣдующіе приказы:

Продать. Brief.		Купить. Geld.	
20.000 мар.	наиболѣе выгодно.	80.000 мар.	наиболѣе выгодно.
30.000 „	не ниже 125	90.000 „	не свыше 126
20.000 „	„ „ 125,50	40.000 „	„ „ 125,50
150.000 „	„ „ 126	30.000 „	„ „ 125

„Въ такомъ случаѣ курсъ долженъ быть обозначенъ „126 bz B" („bezahlt und Brief"), „заплачено" и „предложеніе", т. е., что сдѣлки были заключены по 126, и что по этой цѣнѣ часть предложенія осталась непокрытой спросомъ. Цѣна выводится слѣдующимъ образомъ: по 125 можно бы было продать только первыя двѣ партіи 20.000+30.000, т. е. на 50.0000 мар., причемъ оставались бы неисполненными порученія на по-

I этого отдѣла, раскрывается на явленіи единаго курса съ полной ясностью.

купку еще на 30.000 мар. „наиболѣе выгодно“ (80.000 - 20.000 - 30.000), 90.000 мар. „не свыше 126“, 40.000 мар. „не свыше 125,50“ и 30.000 мар. „не свыше 125“. По цѣнѣ „125,50“ можно было бы исполнить три первыя партіи на общую сумму 70.000 мар. (20.000+30.000+20.000); при этомъ были бы исполнены приказы на покупку лишь на сумму 70.000 мар. „наиболѣе выгодно“, такъ что осталось бы неисполненныхъ 140.000 мар.: 10.000 мар. „наиболѣе выгодно“ (80.000 - 70.000), 90.000 мар. „не свыше 126“, и 40.000 мар., „не свыше 125,50“.

„Наконецъ, если опредѣлить курсъ въ 126, то по этой цѣнѣ имѣется предложеніе на 220.000 мар. (20.000+30.000+20.000+150.000), тогда какъ по этой цѣнѣ можетъ быть куплено лишь 170.000 мар. (80.000+90.000), часть же приказовъ на сумму 70.000 мар. (40.000+30.000) остается неудовлетворенною. Итакъ, по цѣнѣ 125 остается неудовлетворенною 150.000 мар., по цѣнѣ 125,50—140.000, а по цѣнѣ 126—лишь 70.000 мар.; слѣдовательно 126 и есть средній курсъ, по которому можетъ быть удовлетворена большая часть приказовъ на покупку и продажу. Что цѣна „129 bz. B.“ вѣрна, видно изъ того, что всѣ приказы на продажу, ограниченные цѣною „ниже 126“, могутъ быть исполнены; приказовъ же на покупку ограниченныхъ цѣною „свыше 126“, не имѣется, но они могли бы быть исполнены по той же цѣнѣ; наконецъ, всѣ приказы на покупку „по наиболѣе выгодной цѣнѣ“ и часть порученій „по 126“ исполняются. Другой примѣръ:

Приказы.

На продажу (Brief).	На покупку (Geld).
30 т. м. для N. N. bestens (т. е. безъ условій)	40 т. м. отъ N. N. bestens (т. е. безъ условій)
40 „ „ „ „ „ не дешевле 100	70 „ „ „ „ „ не дороже $100^1/_2$
50 „ „ „ „ „ „ „ $100^1/_2$	40 „ „ „ „ „ „ „ 100
60 „ „ „ „ „ „ „ 101	50 „ „ „ „ „ „ „ $99^1/_2$

„Средній курсъ будетъ тотъ, по которому можетъ быть исполнено наибольшее число приказовъ. Если курсъ будетъ установленъ въ $99^1/_2$ то по этой цѣнѣ можетъ быть продано 30 т. марокъ (bestens), а куплено (весь спросъ)—200 т. марокъ. Всего можетъ быть исполнено по $99^1/_2$ приказовъ на 30 т. марокъ, причемъ по этой цѣнѣ остается неудовлетвореннымъ спросъ (200 т.—30 т.) на 170 т. марокъ. Если курсъ будетъ установленъ въ 100, то по этому курсу можетъ быть продано (30 т. bestens + 40 т. не дешевле 100) — 70 т. марокъ, а куплено (40 т. bestens + 40 т. не дороже 100 + 70 т. не дороже $100^1/_2$) — 150 т. марокъ.

„Всего можетъ быть исполнено приказовъ по цѣнѣ 100% на 70 т. марокъ, причемъ по этой цѣнѣ остается неудовлетвореннымъ спросъ (150 т.—70 т.) на 80 т. марокъ. Если курсъ будетъ опредѣленъ въ $100^1/_2$, то по этому курсу можетъ быть продано (30 т. bestens + 40 т. не дешевле 100 + 50 т. не дешевле $100^1/_2$) — 120 т. марокъ, а куплено (40 т. bestens + 70 т. не дороже $100^1/_2$) — 110 т. марокъ. Всего можетъ быть

Глазомѣрная, или интуитивная «типическая цѣнность» есть технически самая сырая ея форма. Далѣе слѣдуетъ технически болѣе совершенная форма—биржевая цѣна, установленная по суммарному методу единаго курса, и, наконецъ, вершиной, въ

исполнено по цѣнѣ $100^1/_2$ приказовъ на 10 т. марокъ, причемъ по этой цѣнѣ остается неудовлетвореннымъ предложеніе на 10 т. марокъ. Наконецъ, если курсъ будетъ установленъ 101, то по этому курсу можетъ быть продано (все предложеніе) — 180 т. марокъ, а куплено только 40 т. марокъ (bestens). Всего можетъ быть исполнено по цѣнѣ $101^0/_0$ приказовъ на 40 т. марокъ, причемъ по этой цѣнѣ остается неудовлетвореннымъ предложеніе на 140 т. марокъ. Изъ сопоставленія выведенныхъ четырехъ курсовъ усматривается, что по цѣнѣ $100^1/_2$ можетъ быть исполнено наибольшее число приказовъ по суммѣ оборотовъ, а именно на 110 т. марокъ. Эта сумма, по которой можетъ быть исполнено наибольшее число приказовъ по суммѣ оборотовъ, т. е. $100^1/_2$ заносится въ бюллетенѣ, но съ отмѣтками „bz" (заплачено) и „B" (продавцы), такъ какъ осталась невыполненною часть приказовъ на продажу. Въ данномъ примѣрѣ продавцы и покупатели, давшіе приказы безъ указанія предѣльныхъ цѣнъ, удовлетворяются сполна, также удовлетворяются сполна всѣ покупатели, приказы которыхъ отвѣчаютъ цѣнѣ. Продавцы же, за исключеніемъ тѣхъ, приказы которыхъ не были ограничены, удовлетворяются не сполна, а въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ общей суммы сдѣлокъ на 110 т. марокъ вычитается 30 т. марокъ по суммѣ неограниченныхъ приказовъ, а остальныя 80 т. марокъ распредѣляются между продавцами пропорціонально ихъ приказамъ на 90 т. марокъ. Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ было взято нѣсколько различныхъ цѣнъ на продажу и покупку бумаги. Въ дѣйствительности же не наблюдается подобнаго разнообразія, такъ какъ, во-первыхъ, многіе приказы не ограничены предѣльными суммами, а во-вторыхъ, въ отношеніи спроса или предложенія каждой бумаги въ большинствѣ случаевъ замѣчается одностороннее направленіе: если на бумагу имѣется спросъ, то преобладаютъ разныя цѣны покупателей и, наоборотъ, при вяломъ настроеніи, появляются различныя цѣны продавцовъ.

„Выводъ единаго курса, кажущійся въ теоріи довольно сложнымъ, на практикѣ не представляетъ никакихъ затрудненій. Берлинскіе присяжные маклеры опредѣляютъ биржевыя цѣны весьма быстро, употребляя на эти выводы менѣе одной минуты на каждую бумагу. На отдѣльную группу маклеровъ приходится въ среднемъ до 50 бумагъ, а между тѣмъ вся работа по составленію курсовъ занимаетъ около 30 минутъ Скорости составленія курсовъ не мѣшаютъ упомянутыя урывки маклеровъ къ другимъ дѣламъ, напр., для выдачи справокъ, для объясненій съ кліентами и т. д. Если во всѣхъ полученныхъ маклерами приказахъ не было указано предѣльныхъ цѣнъ, то маклеры руководствуются послѣднимъ курсомъ на бумагу и, сообразно этому курсу, устанавливаютъ

практической жизни пока еще не встрѣчающейся, будетъ чисто статистически установленная средняя [10]). Но все это лишь разныя техническія формы «типической цѣнности».

курсъ даннаго дня. При этомъ иногда наблюдается, что сумма приказовъ на покупку не соотвѣтствуетъ суммѣ приказовъ на продажу. Въ такомъ случаѣ маклеръ обязанъ предупредить покупателя или продавца до установленія курса, что часть приказа (bestens) не можетъ быть выполнена по обозначенной въ бюллетенѣ послѣдней цѣнѣ или же по предлагаемой цѣнѣ дня. Напримѣръ:

Приказы.

Продать. (Brief).		Купить. (Geld).	
50 т. мар.	наиболѣе выгодно, т. е. безъ условій (bestens)	40 т. мар.	наиболѣе выгодно, т. е. безъ условій (bestens)
		5 „ „	наиболѣе выгодно, не дороже 100%.

Въ приведенномъ примѣрѣ курсъ долженъ быть установленъ въ 100, такъ какъ по нему могутъ быть исполнены приказы на 40.000 марокъ (40.000 мар. „bestens" + 5.000 мар. не дороже 100), причемъ приказъ на 5.000 марокъ (50.000 „bestens"—5.000 мар. не дороже 100) продавца (bestens) остается невыполненнымъ. Въ такомъ случаѣ маклеръ обязанъ предупредить продавца, который можетъ взять назадъ эту часть своего приказа. Если продавецъ этого не сдѣлаетъ, то маклеръ, согласно приказу „bestens", въ правѣ продать эти 5 000 мар. по какой угодно цѣнѣ т. е. можетъ отдать ихъ не за 100, а даже за 90. Вотъ такая продажа, „по какой угодно цѣнѣ" и вліяетъ на выводъ единаго курса, который опредѣляется уже по этой цѣнѣ, и по ней должна быть разсчитана вся партія продавца (bestens) на 50.000 марокъ" (стр. 85—88).

[10]) На Франкфуртской биржѣ, для банкнотъ, разныхъ видовъ денегъ, купоновъ регистрируются лишь отмѣтки предложенія и спроса, изъ которыхъ единый курсъ (сдѣланная, уплаченная цѣна) уже выводится какъ нѣкоторая средняя. Ср. Trumpler l. c., S. 93 (Bedingungen für die Geschäfte an der Frankfurter Börse § 39). Обычно говорятъ, что берлинскій единый курсъ не есть средняя (это говорятъ и практики см. Kopetzky l. c. и теоретики, см. Max Weber l. c., S. 181 и вслѣдъ за нимъ Löb, l. c.), очевидно представляя себѣ среднюю лишь въ видѣ ариѳметической или геометрической средней. Но берлинскій единый курсъ есть своеобразная средняя,—„мода". Что эта средняя служитъ задачѣ не только регистраціи, но и установленія или формулировки курса или цѣны, т. е., что тутъ оба эти заданія сливаются, не мѣняетъ природы этой величины какъ статистической средней, и притомъ болѣе совершенной средней, чѣмъ средняя ариѳметическая или даже геоме-

Изъ этой характеристики «единаго курса» слѣдуетъ, что здѣсь передъ нами технический пріемъ, къ которому—ради удобства—прибѣгаетъ организованный рынокъ, а не принципіальный отказъ отъ рыночнаго торга и переходъ къ иной по существу формѣ цѣны [11]. Къ тому же — фактически сфера примѣненія «единаго курса» довольно опредѣленная: только сдѣлки на наличныя (Kassageschäfte) по общему правилу знаютъ единый курсъ, да и то не всѣ, такъ называемое Kontogeschäft, т. е. сдѣлки на наличныя, совершаемыя маклерскимъ банкомъ по порученіи его кліентовъ,

---

трическая. На Дрезденской биржѣ отчасти примѣняется такъ же методъ „единаго курса". Ср. показаніе эксперта Арнгольда въ Börsen-Enquete-Kommission. Stenogr. Berichte, S. 187.

[11]) Въ такое ошибочное пониманіе единаго курса, которое весьма показательно для той эпохи экономическаго мышленія, когда всюду искали и видѣли преодолѣніе „атомизма" и „индивидуализма", впалъ Максъ Веберъ въ своей весьма обстоятельной, цитированной выше, сводкѣ результатовъ германской биржевой анкеты. Тутъ Веберъ говоритъ, что покупателямъ и продавцамъ, которые вынуждены поручать выполненіе своихъ приказовъ по этой единой нормѣ, октроируется не чисто формально установленное (nicht ein rein formal ermitteltes) „verum pretium", а „justum pretium", цѣна адэкватная общему положенію рынка. „Такимъ образомъ, единый кассовый курсъ въ Берлинѣ — продолжаетъ Веберъ—есть экономически и юридически интересный феноменъ въ качествѣ попытки эмансипаціи отъ индивидуально-атомистическаго и перехода къ организованному образованію цѣны... Путемъ организаціи конкуренціи биржа фактически осуществляетъ ограниченіе атомистической свободы конкуренціи" (l. c., S. 192).

Во всемъ этомъ разсужденіи кроется и фактическое, и терминологическое недоразумѣніе. „Единый курсъ" фактически и принципіально въ такой же мѣрѣ означаетъ переходъ отъ индивидуально-атомистическаго образованія цѣнъ къ организованному, какъ и всякая рыночная цѣна вообще. Конкуренціи такой методъ формулировки цѣны не устраняетъ, онъ ее технически упрощаетъ и тѣмъ даже усиливаетъ.

„Единый курсъ" есть чистѣйшее verum pretium (въ смыслѣ подлиннаго римскаго права) и только, какъ таковое, онъ есть justum pretium. Justum pretium и verum pretium въ настоящемъ римскомъ правѣ не различаются. Въ „общемъ" же правѣ verum pretium означаетъ не „истинную" или „справедливую", а „серьезную" цѣну. И съ точки зрѣнія „общаго" права iustum pretium можетъ противополагаться тому, что римляне называли verum (= iustum, aequum) pretium лишь постольку, поскольку iustum pretium есть pretium legale (указная цѣна), а verum pretium есть pretium vulgare (вольная цѣна) и поскольку pretium legale

почти всегда совершаются по твердому курсу. Но кромѣ того, когда къ данной бумагѣ проявляется сильный спекулятивный интересъ и такимъ образомъ создаются предпосылки для оживленныхъ сдѣлокъ, «Kassapapiere» становятся предметомъ «свободнаго оборота», при которомъ каждая отдѣльная сдѣлка твердо заключается по существующему въ данный моментъ курсу, а курсъ самъ постоянно (въ теченіе биржевого дня) колеблется. Комиссіонеръ долженъ быть нарочито уполномоченъ своимъ кліентомъ—заключить кассовую сдѣлку въ «свободномъ оборотѣ» по наличному въ данный моментъ курсу. Этотъ «свободный оборотъ» часто принимаетъ крупные размѣры, но происходитъ онъ совершенно нерегулярно. Рядомъ съ этимъ есть кассовыя цѣнности, которыя несмотря на то, что въ нихъ могли бы происходить оживленныя свободныя сдѣлки, продаются и покупаются лишь по оффиціальному единому курсу, ибо для большинства комиссіонныхъ фирмъ вовсе нежелательно, чтобы одни банкиры реализовали для своихъ кліентовъ болѣе высокіе курсы, чѣмъ другіе банкиры. Такимъ образомъ единый курсъ обусловленъ своеобразнымъ положеніемъ биржевыхъ посредниковъ и выполняетъ функ-

---

мыслится какъ независимая отъ оборота норма. Ср. классическія для „общаго" права XVIII вѣка формулировки въ Codex Maximilianeus Bavaricus Civilis IV Theil Cap. III: § 4. Der Preis oder Kauf-Schilling, welcher für die Waar oder verkaufte Sach bedungen wird, soll in Pretio vero, certo, justo, das ist 1-mo nicht nur in Geld, sondern auch 2-do in wahrhaft- 3-tio gewiss- und bestimmt- wie nicht weniger 4-tio in gerecht- und billichen Werth der Sach bestehen. § 6. Warhaft ist der Kauf-Schilling nicht, wenn aus denen Umständen erscheint, dass solcher zum blossen Schein (dicis gratia) ausgesprochen worden, damit nur die Handlung den Namen eines Kaufs haben möge, wie solches. z. E. öffter in heimlichen Schankungen zu Vermeidung der Insinuation, item in heimlichen Pfandschaften, zu Bedeckung des hierunter verborgenen Wuchers, oder sonst in Fraudem Legis vel Praejudicium Tertii, und auf andere dergleichen verdächtige Weis zu geschehen pflegt, worin die Obrigkeit allzeit mehr auf das, was in der That geschiehet, als was nur zum Schein simulirt wird, zu sehen, sohin auch bei Entscheidung der Sach, in Ermanglung anderer Prob, dem Eid und wahrscheinlichen Mutmassungen Platz zu geben hat. § 8. Pretium est entweder legale oder vulgare. Jenes wird 1-mo von der Obrigkeit selbst bestimmt, und darf bey willkürlicher Straf eigenmächtiger Weis von denen Contrahenten weder vermehrt noch vermindert werden, wie z. E. bey dem Fleisch-Bier-Brod-Satz und dergleichen Dieses hingegen hangt 2-do von der Schätzung ab, welche nicht nach

цію, которую въ другихъ случаяхъ выполняетъ эффективная конкуренція. Помимо того, что единый курсъ предвосхищаетъ единую цѣну, которая можетъ, а при нѣкоторыхъ условіяхъ должна при обычномъ рыночномъ торгѣ установиться на рынкѣ [12]), тутъ рѣшающее значеніе имѣетъ институтъ самовступленія комиссіонера въ сдѣлку, которое есть право комиссіонера. «Самовступленіе есть выполненіе комиссіи по операціямъ съ цѣнностями путемъ признанія правового положенія банкира, какъ самостоятельнаго торговца. Банкиръ посредствомъ института самовступленія при извѣстныхъ предпосылкахъ получаетъ силою закона право— тотъ хозяйственный эффектъ, который имѣется въ виду коммиттентомъ при дачѣ приказа, доставить коммиттенту тѣмъ, что банкиръ самъ выступаетъ въ качествѣ продавца бумагъ, которыя онъ долженъ купить, или въ качествѣ покупателя бумагъ, которыя онъ долженъ продать. Практически это въ большинствѣ случаевъ означаетъ, что экономическій эффектъ операціи покрытія переносится на кліента не въ непосредственно (zunächst) предназначенной для нея правовой формѣ сдачи точнаго отчета, а въ правовой формѣ купли: Такимъ образомъ тутъ договорное отношеніе между сторонами отливается въ юридическую форму, которая непосредственно для этого договорнаго отношенія не предназначалась» [13]).

Affection, sondern nach gemein- und gewöhnlichen Anschlag verständiger Leuten von der Sach gemacht wird, wobey man 3-tio nicht nur auf die Sach selbst, sondern auch auf all andere den Preis vermehrend- oder verminderende äusserliche Umständ, insonderheit aber 4-to jedesmal auf die Zeit des Contracts, und den damaligen Zustand der Sach, wie auch den Ort, wo die verkaufte Sach sich selbiger Zeit befunden hat, zu sehen, sohin den Werth derselben gleichwol hiernach zu reguliren hat. (Далѣе слѣдуетъ указаніе на laesio enormis). См. объ этихъ статьяхъ комментарій самого Крейттмайра: W. X. A. Freyherr von Kreittmayr. Anmerkungen über den Codicem Maximilianeum Bavericum Civilem IV Theil. (По изданію München 1821, SS. 160—174).

[12]) Совершенно вѣрно А. Ф. Волковъ (l. c., стр. 977) замѣчаетъ: „если бы покупатели и продавцы, явившіеся на рынокъ, совершенно свободно, безъ малѣйшаго вмѣшательства со стороны биржи, производили свой торгъ, въ концѣ концовъ они пришли бы къ тому же самому результату: курсъ былъ бы установленъ тотъ же самый, ибо послѣдній зависитъ отъ спроса и предложенія".

[13]) Breit въ Kommentar z. Börsengesetz l. c. SS. 386—387.

Самовступленіе комиссіонера тѣснѣйшимъ образомъ связано именно съ фактомъ образованія уловимой биржевой, или рыночной цѣны. Законъ, ст. 400 Германскаго Торговаго Уложенія, прямо это говоритъ:

Комиссія по покупкѣ или продажѣ товаровъ, имѣющихъ биржевую или рыночную цѣну, а равно и цѣнныхъ бумагъ, по которымъ оффиціально установляется биржевая или рыночная цѣна, можетъ быть исполнена комиссіонеромъ, буде коммитентомъ не опредѣлено иначе, тѣмъ, что комиссіонеръ можетъ самъ поставить товаръ, который онъ долженъ закупить, въ качествѣ продавца или самъ принять товаръ, который онъ долженъ продать, въ качествѣ покупателя.

Въ случаѣ такого исполненія комиссіи обязанность комиссіонера дать отчетъ о заключеніи продажи или покупки ограничивается доказательствомъ, что поставленная имъ въ счетъ цѣна не превышаетъ биржевую или рыночную цѣну, существовавшую во время исполненія комиссіи. Временемъ исполненія комиссіи считается день, когда комиссіонеръ сдалъ для отправленія коммитенту извѣщеніе объ исполненіи комиссіи.

Если по комиссіи, которая должна быть исполнена во время биржевого или рыночнаго времени, извѣщеніе объ исполненіи комиссіи сдано для отправленія лишь послѣ окончанія биржи или рынка, то поставленная въ счетъ цѣна не должна быть для коммитента менѣе выгодной, нежели цѣна, существовавшая во время окончанія биржи или рынка.

По комиссіи, которая должна быть исполнена по опредѣленному курсу (первому, среднему, послѣднему), комиссіонеръ, безъ различія времени отправленія извѣщенія объ исполненіи, въ правѣ и обязанъ поставить этотъ курсъ коммитенту въ счетъ.

По цѣннымъ бумагамъ и товарамъ, по которымъ биржевая или рыночная цѣна устанавливается оффиціально, комиссіонеръ въ случаѣ комиссіи посредствомъ вступленія въ сдѣлку не можетъ поставить коммитенту въ счетъ менѣе выгодную, нежели оффиціально установленную цѣну [14]).

---

[14]) Переводъ Н. А. Тура въ Журн. М-ва Юстиціи 1898. (Декабрь).

Такимъ образомъ изъ «самовступленія» вытекаетъ необходимость нормы, по которой подлежитъ удовлетворенію коммиттентъ. «Законодательное основаніе для ограниченія самовступленія обращающимися на биржѣ цѣнностями (börsengängige Effekten) и вообще рыночными товарами совершенно очевидно: коммиттентъ долженъ быть огражденъ отъ всякаго искусственнаго подстраиванія цѣны (Preisschnitt) со стороны комиссіонера тѣмъ, что ему должна быть предоставлена возможность при помощи поддающейся контролированію средней цѣны даннаго товара точно слѣдить за дѣятельностью своего комиссіонера. На вопросъ, образовалась ли на данную цѣнность биржевая цѣна, можетъ быть данъ отвѣтъ только въ каждомъ данномъ случаѣ. Необходимо, чтобы на данную цѣнность было заключено болѣе или менѣе значительное число покупокъ и чтобы вслѣдствіе этого изъ соотношенія между всѣмъ предложеніемъ и всѣмъ спросомъ образовалась абстрактная (? П. С.), принципіально имѣющая общее значеніе, равнодѣйствующая цѣны, которая, въ противоположность къ цѣнѣ случайной (Gelegenheitspreis), почти не зависитъ отъ индивидуальнаго воздѣйствія. Не относится къ понятію биржевой цѣны опубликованіе, и въ особенности не требуется оффиціальная регистрація[14]). Поэтому биржевая цѣна можетъ образовываться и для такихъ цѣнностей, по отношенію къ которымъ оффиціальное установленіе цѣны не должно происходить, согласно § 43 биржевого закона, ибо допущеніе данной бумаги было отклонено или о немъ не было ходатайства. Вообще не слѣдуетъ забывать, что биржевая цѣна есть чисто фактическое явленіе, которое не зависитъ отъ предписаній биржевой полиціи о допущеніи цѣнностей къ биржевой торговлѣ вообще или отъ ихъ допущенія къ опредѣленному виду биржевой торговли. Съ другой стороны, оффиціальная отмѣтка биржевой цѣны не лишена значенія для вопроса о существованіи биржевой цѣны. Во-первыхъ, оффиціальная курсовая отмѣтка составляетъ презумпцію въ пользу существованія биржевой цѣны, такъ что та сторона, которая отрицаетъ существованіе биржевой цѣны, обязана доказать свое отрицаніе. Во-вторыхъ, фактъ регистраціи означаетъ, что свѣдущія лица,

[14]) Конечно это имѣетъ силу для биржевой цѣны вообще. Для самовступленія на фондовой биржѣ требуется наличность оффиціально устанавливаемой биржевой цѣны (см. выше ст. 400 Герм. Торг. Уложенія). П. С.

коимъ довѣрено установленіе курса, считали на основаніи заключенныхъ сдѣлокъ доказаннымъ образованіе биржевой цѣны» [15]).

Такимъ образомъ и юридическое разсмотрѣніе не можетъ не отправляться отъ признанія того, что биржевая цѣна есть фактическое явленіе, или, точнѣе—въ нашихъ терминахъ, установленныхъ въ главѣ I этого отдѣла—она есть типическая цѣнность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ фактъ возводится въ норму; типическая цѣнность отверждается въ цѣнность нормативную. Это выражено и въ законѣ—ст. 29 германскаго «Börsengesetz'a» возлагающая установленіе биржевой цѣны на «Börsenvorstand'a», гласитъ:

> Въ качествѣ биржевой цѣны должна быть установлена та цѣна, которая соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ на биржѣ [16]).

---

[15]) James Breit l. c. S.S. 392—393. Ср. его же. Das Selbsteintrittsrecht des Kommissionärs. Leipzig. 1899.

[16]) Als Börsenpreis ist derjenige Preis festzusetzen, welcher der wirklichen Geschäftslage des Verkehrs an der Börse entspricht. Старое германское торговое уложеніе такъ опредѣляло биржевую цѣну въ ст. 353: „Если въ договорѣ въ качествѣ продажной цѣны указана рыночная или биржевая цѣна, то въ случаѣ сомнѣнія подъ таковой слѣдуетъ разумѣть ходячую цѣну (der laufende Preis), которая установляется сообразно существующимъ мѣстнымъ учрежденіямъ во время и въ мѣстѣ исполненія или въ имѣющемъ для таковогo опредѣляющее значеніе торговомъ пунктѣ (Handelsplatz); въ случаѣ же отсутствія подобнаго установленія цѣны или при доказанной ея невѣрности, подъ рыночной или биржевой цѣной разумѣется средняя цѣна (der mittlere Preis), получающаяся путемъ сравненія договоровъ купли-продажи, заключенныхъ во время и въ мѣстѣ исполненія (даннаго договора)". Ср. комментарій къ этой статьѣ у Friedr. von Hahn. Commentar zum allgemeinen deutschen Handelsgesetzbuch II², Braunschweig 1883, SS. 166—168 u. SS. 342—345. Дѣйствующее теперь германское торговое уложеніе рыночно-биржевой цѣны не опредѣляетъ, по ст. 373 стараго уложенія сохраняетъ руководящее значеніе. См. Staub. Kommentar zum Handelsgesetzbuche II⁷ (Berlin 1900). Exkurs vor § 373. Цѣна должна быть дѣйствительно уплачена. Ни простая отмѣтка спроса (Geldnotiz), ни такая же отмѣтка предложенія (Briefnotiz), по толкованію Reichsgericht'a, не есть рыночная цѣна (Marktpreis) въ смыслѣ закона (l. c. SS. 1247—1248). Ср. также превосходную главу Wert u. Preis въ L. Goldschmidt Handbuch d. Handelsrechts II², SS. 71—127. По феноменологіи цѣны въ экономической литературѣ нѣтъ ничего, что бы могло хотя бы отдаленно итти въ сравненіе съ этой поистинѣ классической главой знаменитаго берлинскаго юриста.

Единый курсъ есть именно такая весьма удобная «норма». Въ принципѣ онъ есть норма, выведенная изъ факта, или типическая цѣнность, возведенная въ норму. Недостатки «единаго курса», которые подчеркиваются нѣкоторыми авторами [17]), не затрагиваютъ этого основного существа и принципіальнаго смысла «единаго курса». Если они вообще могутъ считаться доказанными, то они вытекаютъ либо изъ института самовступленія[18]), которому подчиненъ единый курсъ, либо изъ того, что при его выведеніи принимается во вниманіе не весь биржевой оборотъ, а, выражаясь въ извѣстныхъ французскихъ терминахъ, только „паркетъ" и игнорируется „кулисса" [19]).

---

[17]) Особенно рѣзко—Вермертомъ, а также Лебомъ въ цит. выше статьяхъ. Любопытно мнѣніе объ „единомъ курсѣ" извѣстнаго знатока исторіи биржи Р. Эренберга: „этотъ механизмъ (т. е. механизмъ единаго курса П. С.) очень прославляли, но нельзя не признать, что онъ при сильно обращающихся и подверженныхъ частымъ курсовымъ колебаніямъ бумагахъ является уже не примѣнимымъ, что далѣе при немъ вмѣсто мелкихъ колебаній курса должны происходить болѣе рѣдкія, но за то болѣе крупныя измѣненія курса; мѣры предосторожности, которыя принимаются для того, чтобы уменьшить эти и другіе недостатки системы сводятся по существу къ смягченію заключающагося въ ней неподвижнаго схематизма свободнымъ биржевымъ мнѣніемъ; отсюда явствуетъ каково направленіе развитія: „единый курсъ" со временемъ безъ сомнѣнія, будетъ все болѣе и болѣе исчезать". Статья Börsenwesen въ HdW. d. Staatswis. 3 Auflage. Пока это предсказаніе, повидимому, еще не сбывается.

[18]) На вредоносности „самовступленія" особенно настаиваетъ Вермертъ въ статьѣ въ Annalen des Deutschen Reiches 1908, S. 35: Wohin man blickt und wohin man greift ist das Selbsteintrittsrecht die Quelle aller Misstände, die im Verkehr mit Effekten bestehen, darum kann auch nur eine Radikalkur helfen, soll eine wirklich durchgreifende Besserung eintreten. Ср. однако критическія замѣчанія Пріона: W. Prion. Die Preisbildung an d. Wertpapierbörse. Leipzig 1910, SS. 60—61.

[19]) Это однако сомнительно. „Свободный и оффиціальный рынокъ примыкаютъ одинъ къ другому. Порядки таковы по общему правилу, что свободный рынокъ для данной бумаги находится вблизи того мѣста, которое занимаетъ имѣющій дѣло съ этой бумагой присяжный маклеръ, и такимъ образомъ существуетъ взаимная связь между обоими рынками". Показаніе эксперта Копетцкаго въ Börsen-Enquete-Commission, Stenogr. Berichte, S. 166.

3. Какъ бы то ни было, «единый курсъ» какъ чисто техническій[20]) пріемъ установленія биржевой = рыночной цѣны, вовсе не означаетъ устраненія и преодолѣнія самаго существа рыночнаго торга. Что установленіе биржевой цѣны вообще не имѣетъ такого смысла, — это явствуетъ изъ другихъ пріемовъ, практикуемыхъ съ той же цѣлью на биржѣ. А именно въ нѣкоторыхъ случаяхъ процессъ установленія биржевой цѣны нарочито проводится какъ рыночный торгъ въ его наиболѣе острой, намѣренно заостренной и въ то же время сконцентрированной формѣ, въ формѣ аукціона, или торговъ. Таковы были и до сихъ поръ отчасти остаются порядки на нѣкоторыхъ англоамериканскихъ биржахъ[21]). Такой же порядокъ установленъ на цвиккауской фондовой биржѣ ея уставомъ[22]).

Эту же практику мы встрѣчаемъ на дрезденской фондовой биржѣ[23]). Недавно организованная гельсингфорсская[24]) такъ же практикуетъ этотъ методъ.

---

[20]) Однимъ изъ факторовъ, обусловливающихъ необходимость этого пріема является потребность въ быстротѣ опредѣленія биржевой цѣны.

[21]) Это т. н. Public Call. „По существу своему „Public Call“ или просто „Call“ есть не что иное, какъ публичное, извѣстнымъ образомъ организованное, соревнованіе продавцевъ и покупателей. Предложенія продать или предложенія купить громко заявляются, слѣдуя одно за другимъ въ каждой группѣ предложеній въ порядкѣ ихъ возрастающей выгодности, пока имѣются желающіе продолжать соревнованіе и пока выгоднѣйшее предложеніе не приведетъ къ заключенію соотвѣтствующей сдѣлки. „Call“ сообразуется съ правилами аукціона. Въ соотвѣтствіи съ этимъ дѣйствуетъ то начало, что высшее въ смыслѣ цѣны предложеніе продать почитается въ своей юридической силѣ низшимъ и, наоборотъ низшее предложеніе купить—высшимъ. Одному предложенію не можетъ противопоставляться другое, равное по цѣнѣ“. Ю. Д. Филипповъ, Биржа Спб., 1912, стр. 48—49. Ср. Max Weber. Die Börse. Göttingen 1894—1896. S. 50.

[22]) Ср. Trumpler въ Kommentar z. Börsengesetz, S. 95.

[23]) Ср. показаніе эксперта Арнгольда въ Börsen-Enquete-Commission, Stenogr. Berichte, S. 187.

[24]) Биржа эта учреждена въ 1912 г. и собирается съ 7 октября этого года. Уставъ ея составленъ по образцу устава Стокгольмской биржи. „Собраніе открывается перечисленіемъ котирующихся на биржѣ цѣнныхъ бумагъ. Предсѣдатель биржевого комитета провозглашаетъ наименованіе какой-нибудь бумаги по порядку до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ членовъ собранія не заявитъ какую-либо цѣну въ качествѣ покупателя или продавца. Тогда начинается аукціонъ на ту бумагу, на ко-

Подобно тому, какъ статистическая операція выведенія средней можетъ быть и методомъ регистраціи цѣны (курса) и методомъ ея установленія, точно такое же двойственное значеніе и назначеніе можетъ имѣть аукціонъ: онъ является либо методомъ самаго торга, либо методомъ установленія цѣны, причемъ по крайней мѣрѣ не весь торгъ протекаетъ въ формѣ аукціона. Въ Гельсингфорсѣ, повидимому, весь биржевой торгъ протекаетъ въ формѣ аукціона; тутъ норма всѣхъ въ данномъ биржевомъ собраніи на данный объектъ состоявшихся сдѣлокъ, т. е. фактически состоявшаяся цѣна, и установленный курсъ совпадаютъ; къ такому же результату приводитъ и дрезденская практика; иногда же въ формѣ аукціона устанавливается только курсъ, но это не значитъ, что всѣ сдѣлки, заключенныя въ данномъ собраніи, прошли по этому курсу; курсъ имѣетъ нормативное значеніе для опредѣленныхъ отношеній; таково значеніе «расчетныхъ цѣнъ» (Abrechnungspreise), устанавливаемыхъ на Гамбургской товарной биржѣ для кофе при срочныхъ сдѣлкахъ; они имѣютъ непререкаемое значеніе для отношеній между товарной ликвидаціонной кассой (для срочныхъ сдѣлокъ на кофе) и ея контрагентами [25]).

Аукціонная форма по отношенію къ цѣннымъ бумагамъ примѣняется также тамъ, гдѣ необходимо создать суррогатъ биржи: для цѣнностей, не котируемыхъ на биржѣ, устраиваютъ спеціальные аукціоны. Такіе аукціоны бываютъ въ Гамбургѣ [26]), въ Брюсселѣ [27]).

торую кѣмъ-либо объявляется спросъ или предложеніе до высшей предложенной цѣны. Два ассистента записываютъ надбавки, а кромѣ того передъ каждымъ членомъ биржи лежитъ на партѣ такой же разграфленный котировочный листъ, какъ и у членовъ биржевого комитета". (Торговопромышленная Газета отъ 22 января 1913 г.)

[25]) Ср. F. J. Pfleger. Die Produktenbörse nach den Erhebungen der Börsenenquetekommission. Stuttgart 1896. SS. 155 — 157. Jürgens Leuckfeld. Hamburgisches Börsenhandbuch. Achte umgearbeitete Auflage. Hamburg. 1910. S. 205.

[26]) Въ Гамбургской Commerz-Bibliothek я нашелъ печатныя оповѣщенія (проспекты) о такихъ аукціонахъ, бывшихъ въ Гамбургѣ.

[27]) О Брюссельскихъ аукціонахъ печатаются отчеты въ «Торгово-промышленной газетѣ». Въ № 39 за 1913 читаемъ: «На послѣднемъ аукціонѣ некотируемыхъ цѣнностей, только-что происходившемъ въ Брюсселѣ, было очень много сдѣлокъ съ русскими и русско-бельгійскими бумагами, не допущенными по разнымъ причинамъ къ оффиціальной

II.

1. Аукціонъ какъ методъ установленія биржевой цѣны въ оптовой торговлѣ и въ торговлѣ предметами рѣдкости (стр. 342—350). 2. Синдикатскія цѣны и тарифы заработной платы какъ форма переходная отъ вольной къ указной цѣнѣ. Конверсія синдикатскихъ цѣнъ и тарифовъ заработной платы въ настоящія указныя цѣны (стр. 347—350). 3. Регулированныя субмиссіонныя цѣны и въ частности маннгеймскій опытъ. Теоретическое значеніе этого опыта (стр. 351—358).

1. Аукціонъ какъ методъ сбыта и въ то же время какъ методъ установленія и опредѣленія биржевой цѣны играетъ серьезную и притомъ растущую роль, съ одной стороны въ современной оптовой торговлѣ, съ другой стороны въ той отрасли торговли, которую можно назвать торговлей предметами рѣдкости. И тутъ и тамъ аукціонъ есть техническій пріемъ, при помощи котораго для даннаго предложенія концентрируется спросъ и упрощается и ускоряется образованіе биржевой (=рыночной) цѣны.

Слѣдуетъ замѣтить, что аукціонъ еще гораздо раньше получаетъ вообще примѣненіе вездѣ, гдѣ существуетъ потребность въ концентраціи спроса ради быстрой и въ то же время при быстротѣ возможно болѣе выгодной реализаціи въ деньгахъ тѣхъ или иныхъ «благъ» [28]). Таково назначеніе государственно-хозяйственныхъ (фискальныхъ), судебныхъ и нѣкоторыхъ вольныхъ аукціоновъ. Поскольку въ этихъ аукціонахъ основнымъ моти-

котировкѣ. Всего было продано, по сообщенію мѣстной биржевой газеты, 1 584 листа бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ Россіи, на номинальную сумму около 200 тыс. фр. Изъ сдѣлокъ слѣдуетъ отмѣтить продажу 98 капитальныхъ акцій анонимнаго о-ва «Тульскихъ доменныхъ печей» по 50 сант., 10 привилегированныхъ акцій «Русскаго Омніума», то же по 50 сант. Оба эти предпріятія совершенно безнадежны и акціи ихъ скупаются ликвидаторами, чтобы упростить ликвидаціонный процессъ. Изъ сдѣлокъ съ возрождающимися цѣнностями слѣдуетъ отмѣтить продажу большого количества акцій анонимнаго о-ва «Цементные и кирпичные заводы въ Москвѣ» по 50 фр. Хорошо прошли акціи новаго бельгійскаго цементнаго завода въ Константиновкѣ».

[28]) Ср. статьи: R. Ehrenberg. Auktion въ Hdw. d. Staatswiss. 3 и Stieda. Auktionen въ Festgaben für Lexis. Jena 1907, SS. 301—335. Исторію аукціоновъ въ Гамбургѣ на основаніи архивныхъ данныхъ, излагаетъ Baasch: Die hamburgischen Waren-Auktionen vor der Einführung der Reichs-Gewerbe-Ordnung въ Forschungen z. hamburgischen Handelsgeschichte. Hamburg. 1902.

вомъ является ускореніе сбыта (реализаціи, ликвидаціи) данныхъ благъ, а не концентрація спроса въ цѣляхъ выясненія и реализаціи наивысшей возможной на рынкѣ цѣны, постольку они съ нашей точки зрѣнія не представляютъ особеннаго интереса (аукціоны предметовъ рѣдкости исторически и фактически въ извѣстной мѣрѣ относятся къ этой категоріи аукціоновъ). Любопытно лишь отмѣтить, что въ отношеніи цѣнъ, опредѣлившихся на аукціонѣ, былъ поставленъ общій вопросъ, приложимъ ли къ нимъ принципъ чрезмѣрнаго ущерба—laesio enormis [29]). Постановка этого вопроса характерна постольку, поскольку аукціонъ по существу мыслится какъ идеальный по своей обостренности и сконцентрированности рыночный торгъ, самъ по себѣ обезпечивающій наивысшую возможную цѣну и тѣмъ самымъ—справедливую цѣну [30a]).

При такомъ пониманіи аукціона естественно долженъ возникать вопросъ, не устраняется ли при этомъ методѣ ex hypothesi вопросъ о неправильной, или несправедливой цѣнѣ.

Аукціоны въ области оптовой торговли [30b]), широкора звивающіеся въ настоящее время, заслуживаютъ съ нашей точки зрѣнія особаго вниманія. Исторически они восходятъ къ практикѣ большихъ торговыхъ компаній, въ частности голландской остъиндской компаніи. Въ своей современной обрисовкѣ они, конечно, служатъ и концентраціи и ускоренію сбыта: поэтому они распространяются почти исключительно на сырыя произведенія, въ значительной мѣрѣ скоро портящіяся. Но это не ихъ единственная «служба». Другая, не менѣе, а быть можетъ болѣе существенная функція ихъ состоитъ въ томъ, что они для данныхъ

---

[29]) Ср. Glück l. c. и C. O. v. Madai. Ueber die Aufhebung von Rechtsgeschäften wegen laesio enormis въ Theoretisch-praktische Erörterungen etc. Dorpat u. Leipzig 1839, 1, 2, SS. 145—148.

[30a]) Съ этимъ любопытно сопоставить, что „чистая" (математическая) политическая экономія представляетъ себѣ идеальный рынокъ именно въ видѣ аукціона. Leon Walras. Elements d'économie politique pure. Deuxième édition, Lausanne 1889, p. 66: Les marchés les mieux organisés sous le rapport de la concurrence sont ceux où les ventes et achats se font à la criée.

[30b]) Ср. Marie Kröhne. Die Grosshandelsversteigerungen. Tübingen 1909.

объектовъ сбыта являются наилучшимъ методомъ выясненія (установленія) и реализаціи рыночной (биржевой) цѣны.

Оптовый аукціонъ примѣняется къ продуктамъ: 1) которые предлагаются въ различныхъ качествахъ или сортахъ, 2) условія производства которыхъ плохо обозримы, 3) рыночная цѣна которыхъ съ трудомъ можетъ быть напередъ намѣчена. Первая черта отчуждаемыхъ на аукціонѣ продуктовъ, отличаетъ ихъ отъ «стандардныхъ марокъ» того же товара, примѣненіе которыхъ превращаетъ данный товаръ въ замѣнимый (res fungibilis). На аукціонѣ возможенъ и необходимъ осмотръ и проба товара, что устраняется въ биржевой торговлѣ «стандардными марками», гарантирующими извѣстныя точно опредѣленныя качества товара. Вторая черта обусловливаетъ примѣненіе метода аукціона почти исключительно къ естественнымъ произведеніемъ, которыя сбываются на аукціонахъ не производителями, а торговыми посредниками и на установленіе цѣнъ которыхъ всего болѣе вліяета eo отношеніе, существующее въ данный, очень короткій, моментъ между спросомъ и предложеніемъ. Наличность тѣхъ обстоятельствъ, которыя отсутствуютъ въ торговлѣ оптовыми аукціонными товарами, обусловливаетъ собой нераціональность примѣненія методааукціона къ новымъ издѣліямъ, какъ ремесленнымъ, такъ и крупнопромышленнымъ.

Эта фактическая нераціональность сгущается въ нѣкоторыхъ законодательствахъ даже въ юридическій запретъ (или ограниченіе) аукціонной продажи «новыхъ товаровъ», точнѣе издѣлій [30c]). Тогда какъ для опредѣленныхъ предметовъ, сбытъ которыхъ создалъ себѣ форму аукціона, эта форма есть методъ выясненія «истинной» цѣны, для товаровъ, цѣна которыхъ слагается изъ длинной цѣпи извѣстныхъ, легко обозримыхъ «издержекъ производства», въ связи съ сравнительно устойчивой, не замкнутой въ очень короткій промежутокъ времени, конъюнктурой,—методъ аукціона означалъ бы не выясненіе, а затемненіе истинной цѣны и пертрубаціонный факторъ въ процессѣ образованія цѣнъ.

Удареніе въ этомъ противопоставленіи аукціоноспособныхъ и неаукціоноспособныхъ товаровъ должно быть полагаемо на послѣднемъ обстоятельствѣ: тогда какъ для выясненія истинной рыночной цѣны однихъ товаровъ необходима концентрація спроса и уско-

---

[30c]) Ср. Kröhne l. c. S. 4—5.

реніе сбыта, для другихъ товаровъ ускореніе сбыта означало бы не мобилизацію и концентрацію спроса, а наоборотъ, лишь возможность спросу—прижать къ стѣнѣ предложеніе.

Господство принципа «prix-fixe», или устойчивость цѣнъ въ торговлѣ издѣліями вовсе не абсолютна, такъ же, какъ не абсолютна подвижность цѣнъ аукціоноспособныхъ товаровъ тамъ, гдѣ и постольку, поскольку аукціонъ является не случайнымъ эпизодомъ, а постоянно практикуемымъ методомъ выясненія и реализаціи цѣны. О томъ, въ какой мѣрѣ при устойчивости издержекъ производства цѣны издѣлій могутъ быть неустойчивы, краснорѣчиво говоритъ субмиссіонная практика, которой мы коснемся ниже.

Теперь же обратимся къ разсмотрѣнію процесса образованія цѣны на оптовыхъ аукціонахъ съ интересующей насъ точки зрѣнія [31]).

Аукціонъ выясняетъ и устанавливаетъ цѣну, но не въ безвоздушномъ пространствѣ. Рынокъ уже существуетъ, на немъ уже сложилось извѣстное соотношеніе силъ. Въ этомъ отношеніи аукціонъ (оптовой) оперируетъ на той же почвѣ, что и изолированный вольный торгъ, при которомъ спросъ не концентрированъ. Въ случаѣ аукціона эта подготовленность даннаго рыночнаго торга всѣмъ общимъ, ранѣе сложившимся, положеніемъ рынка выступаетъ еще опредѣленнѣе, чѣмъ при изолированномъ торгѣ, ибо весь торгъ тутъ носитъ не случайный характеръ, а является нарочито подготовленнымъ и инсценированнымъ и ведется не между потребителемъ и торговцемъ (или производителемъ), а между торговцами. Вотъ почему «субъективная оцѣнка оптоваго товара покупателемъ уже до начала состязанія сильно регулируется необходимостью и прямо таки изъ конкуренціи вытекающимъ принужденіемъ—считаться съ положеніемъ рынка даннаго товара» [32]).

Покупатели стремятся и имѣютъ возможность оріентироваться во всѣхъ обстоятельствахъ: на основаніи разнаго рода информаціонныхъ свѣдѣній, идущихъ часто отъ устроителей аукціона, на основаніи предварительныхъ частныхъ осмотровъ товара и даже частныхъ переговоровъ съ устроителями аукціона, которые являются самыми точными знатоками даннаго товара, покупатели производятъ предварительную калькуляцію и такимъ образомъ выступаютъ

---

[31]) Факты читатель можетъ найти въ цитированной выше работѣ Marie Kröhne.

[32]) Kröhne l. c. S. 148.

на аукціонѣ, какъ сознательно регулирующая сила. Хотя, повидимому предложеніе на самомъ аукціонѣ молчитъ и изображаетъ какъ бы пассивную фигуру, — на самомъ дѣлѣ это не такъ. Участіе стороны предложенія въ аукціонѣ выражается въ контингентированіи товарныхъ массъ, предлагаемыхъ для продажи, и въ лимитированіи самой цѣны. И то и другое служитъ методомъ воздѣйствія на цѣны, первое—косвеннымъ, второе—прямымъ.

Лимитированіе, или таксировка означаетъ установленіе минимальнаго или низшаго предѣла, котораго должна достигнуть цѣна, для того чтобы продажа могла считаться состоявшеюся. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда такое лимитированіе не установлено формально,—оно по существу характерно для всякаго правильно организованнаго оптоваго аукціона, именно потому, что онъ есть не вовсеслучайный торгъ, а торгъ, отправляющійся отъ извѣстныхъ фактическихъ предпосылокъ, хорошо извѣстныхъ всѣмъ его участникамъ и, въ особенности, его устроителямъ.

Такимъ образомъ въ правильно организованномъ оптовомъ аукціонѣ начало „опредѣленности“ цѣны (prix-fixe) сожительствуетъ съ самымъ обостреннымъ рыночнымъ состязаніемъ, быстро производящимъ естественный отборъ наиболѣе платежеспособныхъ покупателей.

Въ этомъ двойственномъ характерѣ оптоваго аукціона обнаруживается извѣстная двойственность самаго явленія вольной цѣны въ развитомъ товарномъ оборотѣ: вольная цѣна является въ одно и то же время и опредѣленной, и подвижной. Для процесса свободнаго образованія цѣнъ оба эти момента—и опредѣленность, и подвижность—имѣютъ значеніе лишь техническихъ пріемовъ, въ которыхъ выражается принципіально единое явленіе.

Что касается предметовъ рѣдкости, то несомнѣнно, что аукціоны въ извѣстной мѣрѣ служатъ и для нихъ методомъ установленія рыночной цѣны. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время на предметы рѣдкости (произведенія искусства, монеты, рѣдкія книги) создался постоянный спросъ, который образуетъ своего рода „рынокъ“. Цѣны, реализуемыя на аукціонахъ предметовъ рѣдкостей, регистрируются, публикуются и оказываютъ извѣстное регулирующее вліяніе на опредѣленіе цѣнъ въ данной отрасли торговли вообще. Аукціоны книгъ возникли также въ Голландіи (въ началѣ XVI вѣка) и имѣли первоначально характеръ аукціоновъ не предметовъ рѣдкости, а обычнаго метода ликвидаціи большихъ из-

дательскихъ „заводовъ“ и книгопродавческихъ „залежей“ книгъ [33]) Въ XVII вѣкѣ они перешли въ Германію и стали практиковаться въ цѣляхъ продажи и рѣдкихъ книгъ. Въ настоящее время въ Англіи и Америкѣ и для остальныхъ странъ въ Германіи выходятъ «ежегодники», регистрирующіе цѣны, реализованныя на книжныхъ аукціонахъ [34]). Такія же справочныя пособія имѣются и для монетъ.

Вопросъ объ образованіи цѣнъ на предметы рѣдкости въ связи съ аукціонами, къ сожалѣнію, не подвергся до сихъ поръ такому спеціальному фактическому изслѣдованію, какое объ оптовыхъ аукціонахъ дала г-жа Крене въ своей монографіи. Подобное изслѣдованіе не входитъ въ планъ настоящей работы. Но одно несомнѣнно и безъ детальнаго изслѣдованія можетъ быть сейчасъ же указано, а именно, что благодаря методу аукціона, его устанавливающей и регистрирующей цѣны функціи, предметы рѣдкости пріобрѣтаютъ рыночную цѣну, которая получаетъ нормативное значеніе.

2. Если въ формахъ цѣны въ настоящее время попрежнему занимаетъ важное и первенствующее мѣсто вольная цѣна, рождающаяся изъ рыночнаго торга — самымъ яркимъ ея выраженіемъ, какъ я уже указалъ, является цѣна биржевая, то съ другой стороны нельзя не указать, что есть случаи, когда въ свободномъ оборотѣ современности рыночный торгъ сознательно элиминируется и цѣна строится внѣ рынка и независимо отъ него. Если желѣзнодорожный тарифъ, какъ публично - правовая норма, не сопоставимъ съ рыночной цѣной и потому можетъ быть ей противопоставляемъ только какъ крайнее обнаруженіе указной цѣны, то синдикатскія или картельныя цѣны сопоставимы съ рыночными. Именно поэтому они могутъ быть имъ противопоставляемы, какъ особый подвидъ вольной цѣны, представляющій въ то же время явственный переходъ отъ вольной цѣны къ указной. Въ картельныхъ цѣнахъ характерны опредѣленность и постоян-

[33]) Ср. Stieda l. c.

[34]) Нѣмецкій ежегодникъ выходитъ съ 1906 г. и носитъ заглавіе C. Beck. Jahrbuch der Bücherpreise. Alphabetische Zusammenstellung der wichtigsten auf den europäischen Auktionen (mit Ausschluss der englischen) verkauften Bücher mit den erzielten Preisen. Jahrg. 1906 u. ff. Leipzig 1907 u. ff. Cp. Robert Prager. Bücher-Menschen-Dinge. Neue Folge. Berlin 1909. Dritte Folge. Berlin. 1911.

ство, знаменующія освобожденіе процесса образованія цѣнъ отъ мѣняющихся условій рыночнаго торга, причемъ опредѣленность и постоянство цѣны тутъ формально не создаются на рынкѣ, а даются рынку. Поэтому тамъ, гдѣ картели пріобрѣтаютъ настоящую силу и дѣйствительно господствуютъ надъ рынкомъ, рыночная или, что тоже въ данномъ случаѣ, биржевая цѣна самыхъ массовыхъ продуктовъ упраздняется. Съ тѣхъ поръ что укрѣпился напримѣръ германскій угольный синдикатъ (рейнско-вестфальскій синдикатъ), который на продолжительный срокъ впередъ назначаетъ цѣны,—прекратилась котировка угля на эссенской биржѣ: биржевая цѣна угля есть та, которую назначилъ синдикатъ[35]).

Но этого мало. Сильный синдикатъ, внося опредѣленность въ свои цѣны, вынужденъ поддерживать ее на всемъ пространствѣ обращенія того продукта, который онъ производитъ. Какъ извѣстно, въ 1900 г. произошло сильное повышеніе цѣнъ на уголь, угольный голодъ въ Германіи. При этомъ, въ то время какъ оптовыя цѣны синдиката были стабилизированы, розничные торговцы стремились использовать конъюнктуру въ своихъ интересахъ, взвинчивая цѣны. Тогда торговыя палаты рейнско-вестфальскаго района избрали комитетъ, который устроилъ анкету. Она обнаружила, что розничные торговцы (синдикатъ снабжалъ непосредственно только тѣхъ покупателей, которые забирали не меньше 6000 тоннъ) повысили цѣны на 50 и даже на 100%, т. е. ихъ повышеніе цѣнъ превосходило синдикатское повышеніе

[35]) Это общее явленіе. „Отнюдь не случайно, что въ Германіи нѣтъ срочнаго рынка на желѣзо, въ Глазго же, наоборотъ, существуетъ значительная срочная торговля желѣзомъ; вѣдь въ Германіи различные желѣзопромышленники объединились въ синдикаты. Аналогично этому срочная торговля керосиномъ на биржахъ Гамбурга и Берлина, хотя она юридически еще существуетъ, фактически исчезла, когда выплыла Standard Oil Company“. Pfleger l. c. S. 120. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что „для тѣхъ такъ называемыхъ замѣнимыхъ товаровъ массоваго потребленія, производство или потребленіе которыхъ не объединены въ организаціяхъ, современная срочная сдѣлка осуществляетъ тѣ же цѣли“, что и картели, хотя, быть можетъ, и несовершеннымъ образомъ. Это сужденіе о цѣнахъ въ торговлѣ на срокъ не относится однако къ цѣннымъ бумагамъ, какъ это неопровержимо доказалъ Пріонъ. Колебаніе курса цѣнныхъ бумагъ при Termingeschäft сильнѣе, чѣмъ при Kassageschäft. Cp. Prion. Die Preisbildung an d. Wertpapierbörse. Leipzig. 1910. SS. 129 u. ff.

цѣнъ въ 5 и даже въ 10 разъ. Такое положеніе вещей побудило синдикатъ не только самому организовать продажу угля для мелкихъ потребителей, но и внести въ свои условія съ розничными торговцами слѣдующій замѣчательный пунктъ:

„Вы обязуетесь при перепродажѣ этихъ количествъ угля опредѣлять продажныя цѣны такъ, чтобы высота прибыли не находилась въ несообразномъ отношеніи къ вашей дѣятельности и къ вашему риску. Это условіе вы въ случаѣ дальнѣйшей перепродажи должны возлагать на вашихъ контрагентовъ. Если вы или кто-либо изъ дальнѣйшихъ продавцовъ явится нарушителемъ этого пункта, то за каждую тонну слишкомъ дорого проданнаго угля вы обязаны заплатить намъ штрафъ въ 10 марокъ. Кромѣ того, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, отказаться отъ всѣхъ взятыхъ нами на себя по договорамъ поставокъ угля. Вопросъ о томъ, имѣется ли на лицо случай слишкомъ большой прибыли, рѣшается окончательно; съ устраненіемъ судебнаго порядка, торговой палатой города Эссена" [36]).

Стабилизація товарныхъ цѣнъ картелями — и это практически интересно и теоретически знаменательно (движеніе отъ «цѣны» черезъ «доходы» къ «капиталу»!) — передается рынку соотвѣтствующихъ цѣнныхъ бумагъ (акціей) и выражается въ стабилизаціи ихъ курсовъ. «Если такое вліяніе картелей еще не обнаруживается ясно въ биржевомъ оборотѣ во всемъ его цѣломъ — замѣчаетъ Пріонъ, — то это объясняется тѣмъ, что постоянно возникаютъ новыя общества, которыя всякій разъ снова продѣлываютъ развитіе другихъ, и далѣе тѣмъ, что сама картельная политика лишь медленно приближается къ завѣтному идеалу. Тѣмъ не менѣе перемѣна въ дивидендной политикѣ старыхъ, теперь первоклассныхъ и руководящихъ, обществъ уже привела къ тому результату, что обусловленные колебаніями конъюнктуры высшіе и низшіе курсы въ новѣйшее время даже отдаленно не характеризуются такимъ разстояніемъ, какъ прежде» [37]).

---

[36]) Ср. Bonikowsky. Der Einfluss d. industriellen Kartelle auf den Handel in Deutschland. Jena 1907, SS. 136 u. 168—169. Текстъ договора съ приведеннымъ условіемъ напечатанъ въ Kontradiktorische Verhandlungen über deutsche Kartelle I, Berlin 1903, S. 290 и у Passow. Materialen etc. I. Kartelle des Bergbaues etc. Leipzig 1911, S. 131—132.

[37]) Prion l. c. S. 200, Ср. также S.S. 125—127.

Такое же явленіе, какъ картельныя цѣны, представляютъ и минимальныя платы, устанавливаемыя рабочими союзами и тарифными соглашеніями ихъ съ организаціями предпринимателей. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эти формы опредѣленной вольной цѣны новаго времени весьма сходствуютъ съ регулированіемъ цѣнъ въ цеховомъ строѣ, т. е. съ минимальными нормами оплаты труда въ цеховомъ ремеслѣ. Но въ то время какъ цеховыя нормы были обязательными въ публично-правовомъ смыслѣ, —тѣ минимальныя нормы современой эпохи, о которыхъ мы говоримъ, являются продуктомъ соглашенія, а не велѣнія власти. Но «картельныя» и «платно-тарифныя» цѣны изъ опредѣленныхъ вольныхъ цѣнъ всегда легко могутъ быть конвертированы въ цѣны указныя. Это происходитъ тамъ, гдѣ создается государственное регулированіе картелей и такое же регулированіе оплаты труда. Германскій законъ 25 мая 1910 г. «о сбытѣ калійныхъ солей» предусматриваетъ установленіе максимальныхъ цѣнъ внутри страны и минимальныхъ цѣнъ при продажахъ за границу (§§ 20, 21, 24, 25).

Точно также «платно-тарифныя» цѣны превращаются изъ вольныхъ въ указныя тамъ, гдѣ законъ предписываетъ установленіе минимальныхъ рабочихъ платъ. Примѣромъ такого государственнаго регулированія заработной платы можетъ служить англійскій законъ о минимальной заработной платѣ углекоповъ [38]).

Такимъ образомъ въ «картельныхъ» и «платно-тарифныхъ» цѣнахъ мы имѣемъ дѣйствительно форму переходную отъ вольной цѣны къ указной, но тутъ этотъ переходный характеръ сказывается и въ полномъ устраненіи рыночнаго торга, въ томъ что цѣна не только является цѣной опредѣленной, но и цѣной заранѣе установленной, данной обороту. Правда, и тутъ полная эмансипація отъ соображеній о рынкѣ не достигается и не достижима и не даромъ минимальная заработная плата въ угольной, промышленности исторически развивалась изъ сочетанія скользящей скалы, т. е. механизма установленія оплаты труда въ зависимости отъ рыночной цѣны на продуктъ, съ фиксаціей извѣстной минимальной основы, какъ исходной точки [39]а).

---

[38]) Ср. теперь В. Reynaud. Vers le salaire minimum. Paris 1913.
[39]а) Ashley. The adjustment of wages. London 1903, p. 54.

3. Интересный и съ точки зрѣнія феноменологіи цѣны весьма поучительный случай особой, переходной отъ вольной къ указной цѣнѣ, формы представляетъ регулированіе цѣнъ субмиссіонныхъ, или цѣнъ при сдачѣ подрядовъ съ торговъ. Дѣло идетъ о торгахъ, производимыхъ не путемъ открытаго публичнаго состязанія, которое подобно аукціону, не о лицитаціи, а о торгахъ, при которыхъ офферты подаются въ запечатанныхъ конвертахъ и гдѣ конкурренція существуетъ, но такъ сказать скрыта отъ ея участниковъ.

„Субмиссіонная проблема"[39b]) представляетъ огромный интересъ, потому что въ явленіяхъ, ею объемлемыхъ, обнаруживаются стороны, имѣющія крупнѣйшее обще-экономическое значеніе, переплетаются самые различные принципы и обозначаются весьма знаменательныя линіи развитія.

Прежде всего субмиссіонная практика сдачи подрядовъ съ торговъ обнаружила огромныя колебанія въ предлагаемыхъ цѣнахъ. Эти колебанія столь велики, что мысль объ ихъ соотвѣтствіи колебаніямъ въ издержкахъ производства различныхъ предпріятій должна быть заранѣе исключена. Колебанія въ цѣнахъ въ данномъ случаѣ доказываютъ, во-первыхъ, что предприниматели, съ одной стороны, вопреки теоріи и ходячимъ представленіямъ, весьма часто не умѣютъ калькулировать и, во-вторыхъ, что при тайной конкурренціи они часто обнаруживаютъ сознательную тенденцію—предлагать цѣны, не соотвѣтствующія въ ту или другую сторону издержкамъ производства. Это между прочимъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ условія и въ самое понятіе совершенной конкурренціи признакъ публичности входитъ какъ существенный [39b]).

[39b]) Субмиссіонная проблема имѣетъ большую литературу, которую можно найти въ значительной полнотѣ въ статьѣ извѣстнаго знатока вопроса Губера въ Hdw. d. Staatsw.[3] Насъ здѣсь интересуетъ политика цѣнъ при субмиссіяхъ; для этой проблемы наибольшее значеніе имѣетъ нѣмецкая литература, и въ частности, слѣдующія произведенія, кромѣ сочиненій и статей Губера: Marie Heller. Das Submissionswesen in Deutschland, Jena 1907. Max Dörner. Kommunale Submissionspolitik. Die Vergebung öffentlicher Arbeiten in Mannheim. Stuttgart u. Berlin 1908. S. Feuchtwanger. Staatliche Submissionspolitik in Bayern. Stuttgart u. Berlin 1910.

[39c]) Ср. выше ссылку на Walras'a.

Если въ области обычной и открытой промышленной конкурренціи перепроизводство, т. е. экономическое прошлое и настоящее (наличные запасы, которые уже созданы даннымъ, ранѣе установившимся масштабомъ производства!) давятъ на цѣны, то въ области тайной субмиссіонной конкурренціи на цѣны давитъ экономическое будущее [безсознательно, по неумѣнію или небрежности или сознательно, по желанію во что бы то ни стало отбить подрядъ, невѣрно отданная „офферта", т. е. невѣрно назначенная цѣна на «блага», которыхъ еще нѣтъ, которыя еще должны быть созданы!] [40a]). Поэтому какъ перепроизводство и возникающее на его почвѣ сбиваніе цѣнъ дали толчекъ къ возникновенію промышленныхъ объединеній (картелей), точно такъ же и субмиссіонная практика сбиванія цѣнъ, какъ извѣстно, явилась однимъ изъ факторовъ картельнаго движенія.

Любопытно отношеніе законодательства и судебной практики къ субмиссіоннымъ картелямъ.

По идеѣ субмиссіи соглашеніе о цѣнѣ между предпринимателями, участвующими въ торгахъ, разрушаетъ самую операцію торга. Тутъ въ самомъ дѣлѣ существо торга устраняется.

Неудивительно поэтому, что и законодательство, и практика разнаго рода государственныхъ учрежденій (въ томъ числѣ и т. н. „общественныхъ") въ Германіи первоначально разсматривали соглашенія между предпринимателями (и въ частности соглашенія о цѣнѣ) въ примѣненіи къ торгамъ неправомѣрнымъ. По сохранившей свою силу ст. 270 Прусскаго уголовнаго уложенія 1851, восходящей къ ст. 412 французскаго уголовнаго кодекса, соглашенія при публичныхъ торгахъ воспрещены [40b]). Практика имперскаго суда однако установилась на общемъ признаніи

[40a]) Иногда, конечно, блага и тутъ налицо, но въ планъ производства они съ такимъ назначеніемъ не могутъ еще входить. Съ другой стороны, сбиваніе цѣнъ диктуется потребностью удержать производство въ установившемся размѣрѣ. Такимъ образомъ, тутъ, конечно, дѣйствуетъ и экономическое прошлое. Но все таки тайная субмиссіонная конкурренція являетъ ту психологическую особенность сравнительно съ конкурренціей на открытомъ рынкѣ, выбрасывающей на рынокъ товары, что она не обозрѣваетъ рынка и такъ сказать авансомъ понижаетъ цѣну.

[40b]) § 270 Прусскаго уголовнаго уложенія 1851 г. гласитъ:

„Wer andere vom Mitbieten oder Weiterbieten bei der von den öffentlichen Behörden oder Beamten vorgenommenen Versteigerungen, dieselben

того принципа, что соглашенія, направленныя на поддержаніе «приличныхъ цѣнъ» (angemessene Preise!) правомѣрны [41a]).

Такое рѣшеніе вопроса представляетъ нарочитое признаніе современнымъ правомъ идеи справедливой цѣны и соглашеній направленныхъ на обезпеченіе такой цѣны. И въ этомъ же духѣ въ концѣ концовъ опредѣлилось отношеніе практики къ субмиссіоннымъ соглашеніямъ. Современное правосознаніе къ нимъ даже благосклоннѣе, чѣмъ къ промышленнымъ соглашеніямъ вообще. И это неслучайно. Развитіе идеи и института регулированной («справедливой») цѣны на почвѣ субмиссій обусловливается тѣмъ, что именно при субмиссіяхъ особенно ярко обнаруживается экономически и соціально-политически вредный характеръ „сбиванія цѣнъ".

Вотъ почему соціально-политическая мысль современности пошла далѣе простого признанія соглашеній предпринимателей

mögen Verkäufe, Verpachtungen, Lieferungen, Unternehmungen oder Geschäfte irgend einer Art betreffen, durch Gewalt oder Drohung, oder durch Zusicherung oder Gewährung eines Vorteils abhält, wird mit Geldbusse bis zu dreihundert Talern oder mit Gefängniss bis zu sechs Monaten bestraft.

Имперскій судъ въ рядѣ рѣшеній призналъ, что статья эта сохраняетъ силу. Ср. Entscheidungen d. Reichsgerichtes 1) in Strafsachen Bände 17, 27, 35, 2) in Zivilsachen Bände 18, 26, 32, 51, 60 (соотвѣтствующія рѣшенія могутъ быть легко отысканы по указателю истолкованныхъ законовъ).

Въ прусской палатѣ депутатовъ въ 1906 г. при обсужденіи бюджета Министерства Юстиціи депутатъ Экельсъ (нац.-либ.) поставилъ вопросъ объ отмѣнѣ ст. 270 и въ своей рѣчи, отмѣтивъ, что „аукціонъ не есть священное дѣйствіе, которому должно быть оказываемо особое почтеніе", сослался, между прочимъ, на неудобство ст. 270 съ точки зрѣнія субмиссіонной практики и на бывшія передъ палатой въ 1905 г. петиціи заинтересованныхъ лицъ. Министръ Безелеръ на основаніи своего опыта согласился съ Экельсомъ, что ст. 270 весьма неудобна на практикѣ. Preuss. Haus d. Abgeordneten. Stenogr. Ber. 20 Legislaturperiode. II Sess. 1905/1906. 27 Sitzung am 20 Februar. SS. 1886—1899. Ср. Marie Heller l. c. 93—94 и Franz v. Liszt. Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. Achtzehnte Auflage. Berlin 1911. SS. 102—103.

41a) Рѣшеніе Имперскаго Суда отъ 14 дек. 1903 приведено въ Denkschrift über das Kartellwesen. II Band. Berlin 1906, SS. 8—9 u. 101—116 = Entscheidungen d. Reichsgerichtes in Civilsachen. Band 56, № 72. Въ той же Denkschrift SS. 9—10—практика имперскаго суда о pacta de non licitando.

при субмиссіяхъ и по поводу ихъ и пришла къ прямой постановкѣ проблемы регулированія цѣнъ при сдачѣ подрядовъ и поставокъ съ торговъ. Инициатива въ этомъ отношеніи шла со стороны представителей мелкой промышленности. Въ идеѣ регулированія субмиссіонныхъ цѣнъ прямо воскресла идея справедливой цѣны, какъ основанія ремесленно-цеховой standesgemässe Nahrung.

При субмиссіи предполагается, что предпочтеніе получаетъ тотъ предприниматель, чья офферта заключаетъ въ себѣ самыя низкія цѣны, т. е. предлагаетъ самое дешевое выполненіе подряда или поставки. Какъ мы уже указали, субмиссія, предполагая тайную конкурренцію, соблазняетъ предпринимателей — предлагать возможно низкія цѣны. Чѣмъ менѣе интеллигентенъ чѣмъ экономически слабѣе предприниматель, тѣмъ болѣе онъ склоненъ поддаваться такому соблазну. Отсюда — офферты, не выдерживающія критики съ коммерческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія правильной калькуляціи.

Прежде всего такое сбиваніе цѣнъ должно влечь за собою пониженіе качества того «блага», доставленіе котораго составляетъ содержаніе субмиссіи. А кромѣ того оно портитъ цѣны на всемъ рынкѣ этого «блага» и подрываетъ тѣмъ самымъ основы существованія даннаго промысла въ данномъ мѣстѣ въ данное время. Вотъ почему сознательное уклоненіе отъ принципа предпочтенія самой дешевой офферты, т. е. самой низкой цѣны, становится требованіемъ субмиссіонной политики. Такое уклоненіе можетъ выразиться либо въ самыхъ различныхъ пріемахъ выбора оффертъ не только по признаку дешевизны, либо въ какомъ-нибудь точно формулированномъ методѣ опредѣленія или установленія цѣны, которой отдается предпочтеніе при рѣшеніи вопроса о передачѣ подряда (или поставки). Рѣшеніе послѣдняго типа представляетъ интересъ съ точки зрѣнія феноменологической.

Въ началѣ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія въ Маннгеймѣ [41b]) изъ ремесленныхъ круговъ этого крупнаго торговопромышленнаго центра южной Германіи было выдвинуто предложеніе, чтобы при городскихъ субмиссіяхъ подрядъ сдавался не тому, кто предложитъ самую низкую цѣну, а тому, чья цѣна соотвѣтствуетъ средней изъ цѣнъ всѣхъ поступившихъ оффертъ. Такимъ путемъ

[41b]) Ср. выше указанную монографію М. Дернера.

можетъ быть устранено—указывалъ иниціаторъ предложенія Барберъ — вредное и предосудительное сбиваніе цѣнъ и на мѣсто «бросовыхъ цѣнъ» (Schleuderpreise) будутъ поставлены справедливыя среднія цѣны. Это предложеніе было поддержано широкой агитаціей мелкихъ промышленниковъ и съ 1 сентября 1899 г., въ видѣ пробы на 1 годъ, былъ введенъ порядокъ, формулированный въ такомъ рѣшеніи маннгеймской городской думы: «При публично объявляемыхъ поставкахъ и подрядахъ на сумму отъ 5 до 5000 марокъ предпочтеніе отдается тому искателю, предложеніе котораго всего ближе подходитъ снизу къ средней цѣнѣ всѣхъ поступившихъ предложеній. Предложенія, которыя окажутся на 30% ниже выработанной на данный подрядъ городскимъ строительнымъ отдѣленіемъ смѣты или превысятъ ее на 20%, должны быть отвергаемы и при исчисленіи средней цѣны не должны быть принимаемы во вниманіе».

Этотъ порядокъ можетъ быть иллюстрированъ слѣдующимъ реальнымъ примѣромъ. При сдачѣ столярныхъ работъ для маннгеймской реальной гимназіи поступили при городской смѣтѣ (городская смѣта содержится въ тайнѣ) въ 2782 марки слѣдующія офферты:

I	1515	марокъ.
II	1870	»
III	1978	»
IV	2070,42	»
V	2107,50	»
VI	2400	»
VII	2401	»
VIII	2459,40	»
IX	2541	»
X	2559,50	»
XI	2811	»
XII	2954,60	»
XIII	3242	»

Первыя двѣ офферты отпали, такъ какъ онѣ оказались на 30% ниже городской смѣты. Средняя изъ 11 остальныхъ оффертъ опредѣлилась въ 2502,22 марки и потому предпочтеніе было отдано оффертѣ VIII въ 2459,40, какъ наиболѣе близкой снизу къ средней цѣнѣ

Опытъ съ этимъ Mittelpreisverfahren за первый годъ его примѣненія въ Маннгеймѣ былъ очень благопріятенъ. Подряды были сданы по цѣнамъ, на 16% ниже городскихъ смѣтъ. Въ 14 изъ общаго числа 98 подрядовъ низшая офферта совпала съ средней цѣной. Такимъ образомъ въ первый годъ вопреки опасеніямъ, высказаннымъ при предварительномъ обсужденіи новой системы, никакого повышенія цѣнъ эта система не произвела. На второй годъ картина радикально измѣнилась. Промышленники осознали новую систему и въ своихъ оффертахъ намѣренно стремились приблизиться къ средней цѣнѣ. Вслѣдствіе этого сумма низшихъ оффертъ, которая въ первый годъ была ниже городской смѣты на 31,2%, стала ниже ея только на 20,5%, а сумма оффертъ, снизу наиболѣе приближающихся къ средней цѣнѣ, въ первый годъ отстававшая отъ городской смѣты на 20,6%, на второй годъ стала отставать только на 7,9%. Система «средней цѣны» начала обнаруживать то дѣйствіе, которое отъ нея можно было ожидать. Примѣненіе системы стало угрожать городскимъ финансамъ. Кромѣ того, самая система оказалась слишкомъ механически дѣйствующей,—часто въ ущербъ качественной сторонѣ дѣла: выборъ искателя опредѣлялся попрежнему исключительно высотой предлагаемой цѣны, какъ и при системѣ сдачи подряда по самой низкой цѣнѣ. Къ этому присоединилось и то, что ремесленники стали путемъ соглашеній стремиться регулировать «среднюю цѣну», а при этой системѣ соглашеніе гораздо опаснѣе, чѣмъ при системѣ низшей цѣны. Ибо при системѣ низшей цѣны соглашеніе можетъ быть разрушено хотя бы однимъ outsider'омъ; при маннгеймской же системѣ «средней цѣны», съ устраненіемъ отъ подряда уклоненій отъ нея, превышающихъ 30%, не только одинъ, но даже нѣсколько outsider'овъ могутъ оказаться безсильными—повліять на исходъ торговъ.

Эти и нѣкоторыя другія соображенія побудили маннгеймское городское управленіе отказаться отъ системы Барбера. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ сосѣднемъ въ Маннгеймомъ Лудвигсгафенѣ система эта въ примѣненіи къ подрядамъ не свыше 4000 марокъ удержалась и обнаруживаетъ тѣ самыя дѣйствія, обнаруженіе и предвидимое обостреніе которыхъ заставило отказаться отъ нея въ Маннгеймѣ. Такъ, часто подряды, превышающіе по городской смѣтѣ 4000 марокъ и сдаваемые по системѣ самой низкой цѣны, обходятся дешевле, чѣмъ подряды ниже 4000 марокъ, сдаваемые

по системѣ «средней цѣны». Въ организованныхъ ремеслахъ вопросъ о томъ, кому изъ ихъ членовъ долженъ достаться подрядъ, рѣшается заранѣе соглашеніемъ, и офферты, за исключеніемъ одной, заранѣе назначенной—быть «средней», носятъ фиктивный характеръ. По остроумному выраженію одного лудвигсгафенскаго городского служащаго, тамъ Mittelpreisverfahren въ короткое время превратилось въ Ueberpreisverfahren.

Несмотря на практическую нераціональность—съ точки зрѣнія муниципальной, финансовой и экономической, политики—системы Барбера, эта система съ теоретической точки зрѣнія представляетъ интересъ чрезвычайно поучительнаго эксперимента. Во-первыхъ, здѣсь весьма ясно вырисовывается методъ построенія цѣнностной нормы, или нормативной цѣнности изъ элементовъ цѣны вольной: норма оплаты выводится статистически изъ предлагаемыхъ цѣнъ, съ намѣреннымъ отбрасываніемъ рѣзкихъ уклоненій отъ «смѣты» (сама же смѣта есть какъ бы исходящая отъ незаинтересованной технической инстанціи платоническая средняя «офферта», которая сверху и снизу ограничиваетъ другія, неплатоническія, офферты). Въ извѣстномъ смыслѣ маннгеймская «средняя цѣна» есть искусственно сдѣланная «типическая цѣнность». Эта «типическая цѣнность» раціонально построяется для того, чтобы регулировать дѣйствительность въ качествѣ нормы.

Такъ на маннгеймскомъ методѣ, такъ же какъ на берлинскомъ „единомъ курсѣ,“ раскрывается статистическая природа реальнаго явленія „цѣнности“.

Исторія маннгеймскаго эксперимента интересна съ общеэкономической точки зрѣнія еще тѣмъ, что тутъ мы, благодаря раціональному построенію цѣны, какъ средней, можемъ, я бы сказалъ, прямо осязать тотъ процессъ, которымъ субъективная экономическая мотивація отдѣльнаго хозяйствующаго субъекта приводитъ къ опредѣленнымъ объективнымъ результатамъ. То, что система «средней цѣны» приведетъ къ повышенію цѣнъ, было предвидѣно и предсказано на основаніи мотивовъ, коими долженъ руководиться отдѣльный хозяйствующій субъектъ. Маннгеймская система представляла своего рода экономически-психологическій экспериментъ, этапы котораго какъ бы регистрировались въ точно выраженныхъ значеніяхъ (цѣнахъ).

Современные мелко-промышленные круги сознательно ведутъ агитацію въ направленіи совершенно новой постановки суб-

миссіоннаго дѣла. Они пытаются создать въ свою пользу, въ области Mittelstandspolitik, такое же регулированіе цѣнъ снизу, какое создается въ области рабочаго законодательства въ пользу рабочихъ путемъ установленія минимальной заработной платы [42]). Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что субмиссіонная практика, какъ это достаточно извѣстно, является какъ бы мѣстомъ рожденія идеи регулированія оплаты труда на основѣ принципа достаточной заработной платы [43]).

Значеніе цѣны, какъ основной «междухозяйственной» категоріи и, этимъ самымъ, какъ основного понятія политической экономіи, поскольку она разсматриваетъ «систему взаимодѣйствующихъ хозяйствъ», будетъ нами разсмотрѣно въ третьемъ отдѣлѣ. Тамъ «цѣна» будетъ поставлена въ связь съ производными отъ нея категоріями «доходъ» и «капиталъ». Въ такомъ освѣщеніи будутъ критически пересмотрѣны нѣкоторыя традиціонныя проблемы и положенія политической экономіи, и этотъ пересмотръ приведетъ къ постановкѣ новыхъ методическихъ задачъ нашей науки въ духѣ послѣдовательнаго эмпиризма, опирающагося на строго выработанныя точныя понятія и ясныя различенія.

[42]) Ср. у Фейхтвангера характеристику стремленій ремесленныхъ круговъ l. c. SS. 143—144: „Осуществленіе подобныхъ желаній превратило бы то притязаніе ремесленниковъ на предоставленіе имъ заработка государствомъ, которое признавалось до сихъ поръ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, въ настоящее право на трудъ и достаточное пропитаніе." Чрезвычайно энергичныя требованія въ области подрядной политики выставилъ спеціальный (чрезвычайный) съѣздъ германскихъ ремесленныхъ и промышленныхъ палатъ, собравшійся въ Берлинѣ 3-го апрѣля 1913 г. для обсужденія вопроса объ учрежденіи имперскаго главнаго бюро по подряднымъ дѣламъ (Hauptstelle für das Verdingungswesen). Основная нота тутъ была: „Wir wollen.... dass wir für eine angemessene Arbeit auch einen angemessenen Preis bekommen." См. отчетъ въ Frankfurter Zeitung отъ 4-го апрѣля (н. с.) 1913: III Morgenblatt.

[43]) Ср. Adolphe Oubert. Arbeitsbedingungen bei Submissionen (Die zu Gunsten der Arbeiter aufgestellten Bedingungen, denen die Behörden bei Vergebung öffentlicher Arbeiten die Unternehmer unterwerfen). Autoris. Uebersetzung von Dr Franz Hauptvogel. Leipzig. 1902 и всю литературу, указанную въ статьѣ „Submissionswesen" въ Hdw. d. Staatswiss.[3] и въ статьѣ Reinhold Jaeckel. Der Arbeiterschutz im Submissionswesen въ Soziale Praxis XVII Jahrg. (1907/1908), №№ 1 и 2.

Выпускъ первый.

В. К. Дмитріевъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ПОТРЕБЛЕНІИ АЛКОГОЛЯ ВЪ РОССІИ.

Съ предисловіемъ П. Б. Струве и 4-мя діаграммами.
XII+283 стр. Цѣна 3 рубля.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе редактора „Изслѣдованій и работъ".— Введеніе—**Часть первая: Критическій разборъ данныхъ русской алкогольной статистики.** Гл. 1. Общій обзоръ источниковъ алкогольной статистики. Гл. 2. Данныя акцизнаго періода и нѣкоторыя данныя изъ болѣе ранняго періода. Гл. 3. Данныя „переходнаго" періода.— **Часть вторая: Потребленіе спиртныхъ напитковъ въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями народной жизни.** Гл. 1. Непосредственноевліяніе повышенія акциза на душевое потребленіе алкоголя. Гл. 2. Вліяніе на потребленіе алкоголя числа питейныхъ заведеній. Гл. 3. Потребленіе спиртныхъ напитковъ и урожаи. Гл. 4. Потребленіе спиртныхъ напитковъ и періодическія колебанія промышленности (неземледѣльческой). Гл. 5. Вліяніе на общее потребленіе алкоголя перехода отъ спорадическаго къ привычно-регулярному потребленію. Гл. 6. Значеніе психическаго настроенія народныхъ массъ. Гл. 7. Роль физіологическаго оскудѣнія рабочаго организма (подъ вліяніемъ переутомленія). Гл. 8. Причины систематическаго паденія „средняго уровня" потребленія съ начала 1887 г. Гл. 9. Данныя о душевомъ потребленіи чая и сахара, какъ вспомогательный матеріалъ для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ алкогольной статистики. Гл. 10. Сохраняютъ ли полученные въ предыдущихъ главахъ выводы силу и при господствѣ казенной продажи вина? Заключеніе.

Выпускъ второй.

Л. Н. Яснопольскій.

ОЧЕРКИ РУССКАГО БЮДЖЕТНАГО ПРАВА.

I. Историческій обзоръ составленіе нашихъ государственныхъ росписей и бюджетная реформа Татаринова.

Стр. XVI+298+99. Цѣна 3 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе.—Гл. 1. Документы нашего бюджетнаго дѣла въ XVII столѣтіи.—Гл. 2. Русское бюджетное дѣло въ эпоху Петра Великаго.—Гл. 3. Разложеніе бюджетнаго дѣла при преемникахъ Петра и его возстановленіе при Екатеринѣ II.—Гл. 4. Время Павла I. Бюджетное законодательство Сперанскаго и практика нашего бюджетнаго дѣла въ царствованіи Александра I.—Гл. 5. Николаевская эпоха.— Гл. 6. Бюджетная реформа. Основныя начала ея. Публикованіе росписей.—Гл. 7. Начало работъ Спеціальной Комиссіи. Разборъ Комитетовъ казенныхъ и общественныхъ.—Гл. 8 Дальнѣйшая работа Спеціальной Комиссіи. Бюджетная реформа въ Гос. Совѣтѣ.—Заключеніе.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

П. Б. Струве,

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ТЕОРІИ и ИСТОРІИ ХОЗЯЙСТВА.

Часть первая.

Введеніе. О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія. Отд. I. Хозяйство и общество. Отд. II. Цѣна-цѣнность.

Стр. XXXV + 358. Цѣна 3 р. 50 к.

Готовятся къ печати выпуски ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ той же серіи:

П. Б. Струве.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Часть вторая.

КРИТИКА НѢКОТОРЫХЪ ОСНОВНЫХЪ ПРОБЛЕМЪ и ПОЛОЖЕНІЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. „распредѣленія“. Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава. IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.

Л. Н. Яснопольскій.

ОЧЕРКИ РУССКАГО БЮДЖЕТНАГО ПРАВА.

II. Развитіе нашего бюджетнаго законодательства послѣ реформы 1862 года и бюджетное право Государственной Думы.

СОДЕРЖАНІЕ Гл. 1. Бюджетная централизація и децентрализація.—Гл. 2. Развитіе единства бюджета.—Гл. 3. Порядокъ разсмотрѣнія бюджета.—Гл. 4. Объединеніе бюджетнаго періода.—Гл. 5. Борьба съ сверхсмѣтными кредитами въ нашемъ бюджетѣ.—Гл. 6. Бюджетная отчетность. Попытки кодификаціи бюджетнаго законодательства.—Гл. 7. Переходъ къ конституціонному строю. Проекты переходной эпохи.—Гл. 8. Бюджетное право Гос. Думы и законодательныхъ актовъ 1905—1906 г.—Гл. 9. Бюджетная практика Гос. Думы, Гос. Совѣта и Совѣта Министровъ. Заключеніе.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. ПЕРЕВОДНЫЕ ТРУДЫ.

Людвигъ БЕРНГАРДЪ, проф. Берлинск. Универс.

БОРЬБА ПОЛЯКОВЪ ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ ВЪ ПРУССІИ.

(Die Polenfrage. Das Polnische Gemeinwesen im preussischen Staat).

Съ разрѣшенія автора перевелъ съ 2-го нѣмецк. изданія А. С. ИЗГОЕВЪ. Съ предисловіемъ П. Б. СТРУВЕ и вступительн. статьей А. С. ИЗГОЕВА. XIV+584 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: **Книга первая: Организація поляковъ въ Пруссіи.** 1. Господство польской „эмиграціи" (1831—1862). 2. Господство польской фракціи въ Берлинѣ (1864—1893). 3. Нынѣшняя организація польскаго населенія въ Пруссіи. **Книга вторая: Польская финансовая система.** 1. Центральное управленіе польскаго Союза товариществъ. 2. Союзный Банкъ. 3. Сѣть польскихъ товариществъ. 4. Кредитная политика поляковъ. Книга третья: Борьба за землю. 1. Выработка методовъ борьбы. 2. Мѣры противодѣйствія со стороны нѣмцевъ. Заключеніе. Польскій рабочій вопросъ.

Бруксъ АДАМСЪ.

НОВАЯ ДЕРЖАВА:

Авторированный переводъ съ послѣднбго англійскаго изданія **Г. А. Койранскаго.**

Предисловіе професора **И. Х. Озерова.**

LV + 212 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Изъ предисловія И. Х. Озерова: „на 14-мъ собраніи американской экономической ассоціаціи Бруксъ Адамсъ прочелъ интересный докладъ „О расширеніи иностранной торговли Соединенныхъ Штатовъ". Авторъ сдѣлалъ здѣсь попытку изобразить человѣческую исторію, какъ постоянное перемѣщеніе энергіи съ востока на западъ; еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова Ниневія держала въ своихъ рукахъ супрематію, затѣмъ она переходила къ грекамъ, римлянамъ, къ Испаніи, Голландіи, Англіи, и въ настоящее время послѣдняя уступаетъ свое мѣсто Соединеннымъ Штатамъ. Каждая нація уступала свое міровое первенство другой только въ кровавомъ бою...

Предлагаемая вниманію публики книга Брукса Адамса является, въ сущности, развитіемъ этой идеи.

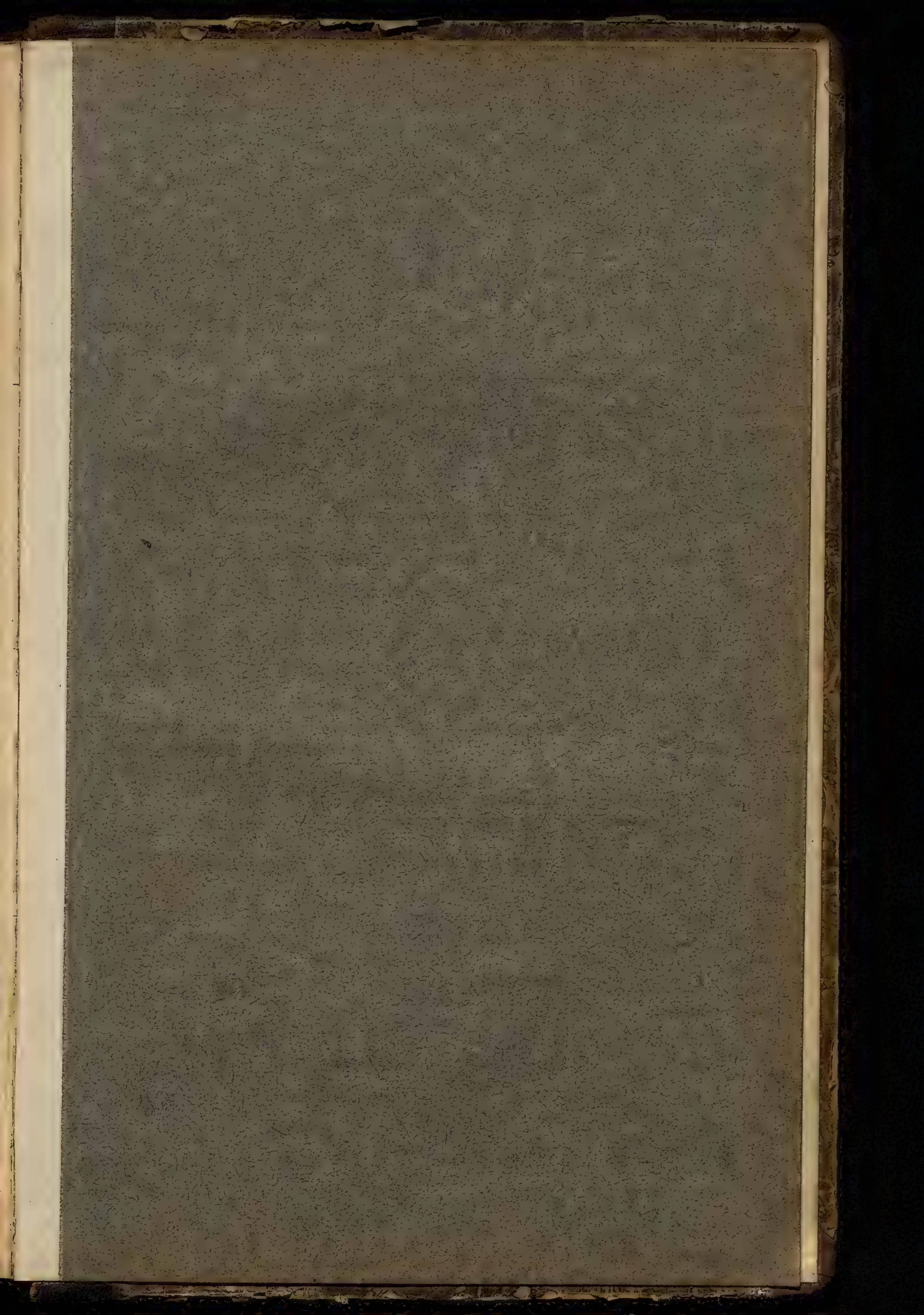
Въ книгѣ разсѣяно много вѣрныхъ замѣчаній, книга любопытна по своей концепціи, она поучительна для насъ, она дѣйствуетъ на читателей возбуждающимъ образомъ, заставляя оглядываться на окружающую жизнь и переоцѣнивать ее съ иной точки зрѣнія, въ то же время она открываетъ широкіе горизонты.

Нельзя не пожелать широкаго распространенія этой книгѣ въ нашемъ обществѣ, быть можетъ, она посодѣйствуетъ болѣе углубленному отношенію у насъ къ экономическимъ проблемамъ, заставитъ подумать и у насъ надъ пересозданіемъ характера нашего населенія, реорганизаціей школы, надъ необходимостью привить широкимъ кругамъ сознаніе нравственнаго долга работать, и т. д.

Только вступивъ на такой путь, и мы двинемся впередъ, иначе мы должны будемъ сойти съ міровой сцены.

Издательство В. П. Рябушинскаго высылаетъ свои изданія всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Кудринская-Садовая, д. № 6, кв. № 6), принимая почтовые расходы на свой счетъ.

Книготорговцы пользуются уступкой въ 30%, при условіи непосредственнаго обращенія въ складъ изданій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА, КУДРИНСКАЯ САДОВАЯ, д. № 6, кв. 6.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Выпускъ четвертый **„ИЗСЛѢДОВАНІЙ и РАБОТЪ по ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ и ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ“**, издаваемыхъ подъ редакціей П. Б. СТРУВЕ.

П. Струве.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Часть вторая.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. «распредѣленія». Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

П. Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв.

[11p]

